

Annotation

Это один из самых захватывающих романов в мировой приключенческой литературе. Прототипом благородного флибустьера Блада послужил реальный персонаж – англичанин Генри Морган, некогда раб и пират, ставший вице-губернатором Ямайки.

* * *

* * *

Рафаэль Сабатини. Одиссея капитана Блада

Rafael Sabatini Рафаэль Сабатини

Captain Blood Одиссея капитана Блада

Chapter I Глава I

THE MESSENGER ПОСЛАНЕЦ

Peter Blood, bachelor of medicine and several other things besides, smoked a pipe and tended the geraniums boxed on the sill of his window above Water Lane in the town of Bridgewater. Питер Блад, [1] бакалавр медицины, закурил трубку и склонился над горшками с геранью, которая цвела на подоконнике его комнаты, выходившей окнами на улицу Уотер Лэйн в городке Бриджуотер.

Sternly disapproving eyes considered him from a window opposite, but went disregarded. Блад не заметил, что из окна на противоположной стороне улицы за ним с укором следят чьи-то строгие глаза.

Mr. Blood's attention was divided between his task and the stream of humanity in the narrow street below; a stream which poured for the second time that day towards Castle Field, where earlier in the afternoon Ferguson, the Duke's chaplain, had preached a sermon containing more treason than divinity. Его внимание было поглощено уходом за цветами и отвлекалось лишь бесконечным людским потоком, заполнившим всю узенькую улочку. Людской поток вот уж второй раз с нынешнего утра струился по улицам городка на поле перед замком, где незадолго до этого Фергюсон, капеллан герцога, произнес проповедь, в которой было больше призывов к мятежу, нежели к богу.

These straggling, excited groups were mainly composed of men with green boughs in their hats and the most ludicrous of weapons in their hands. Беспорядочную толпу возбужденных людей составляли в основном мужчины с зелеными веточками на шляпах и с самым нелепым оружием в руках.

Some, it is true, shouldered fowling pieces, and here and there a sword was

brandished; but more of them were armed with clubs, and most of them trailed the mammoth pikes fashioned out of scythes, as formidable to the eye as they were clumsy to the hand. У некоторых, правда, были охотничьи ружья, а кое у кого даже мечи. Многие были вооружены только дубинками; большинство же тащили огромные пики, сделанные из кос, страшные на вид, но мало пригодные в бою.

There were weavers, brewers, carpenters, smiths, masons, bricklayers, cobblers, and representatives of every other of the trades of peace among these improvised men of war. Среди этих импровизированных воинов тесы, каменщики, сапожники и представители других мирных профессий.

Bridgewater, like Taunton, had yielded so generously of its manhood to the service of the bastard Duke that for any to abstain whose age and strength admitted of his bearing arms was to brand himself a coward or a papist. Бриджуотер, так же как и Таунтон, направил под знамена незаконнорожденного герцога почти все свое мужское население. Для человека, способного носить оружие, попытка уклониться от участия в этом ополчении была равносильна признанию себя трусом или католиком.

Yet Peter Blood, who was not only able to bear arms, but trained and skilled in their use, who was certainly no coward, and a papist only when it suited him, tended his geraniums and smoked his pipe on that warm July evening as indifferently as if nothing were afoot. One other thing he did. He flung after those war-fevered enthusiasts a line of Horace - a poet for whose work he had early conceived an inordinate affection: Однако Питер Блад - человек, не знавший, что такое трусость, - вспоминал о своем католичестве только тогда, когда это ему требовалось. Способный не только носить оружие, но и мастерски владеть им, он в этот теплый июльский вечер ухаживал за цветущей геранью, покуривая трубку с таким безразличием, будто вокруг ничего не происходило, и даже больше того, бросал время от времени вслед этим охваченным военной лихорадкой энтузиастам слова из любимого им Горация:[2]

"Quo, quo, scelesti, ruitis?" "Куда, куда стремитесь вы, безумцы?"

And now perhaps you guess why the hot, intrepid blood inherited from the roving sires of his Somersetshire mother remained cool amidst all this frenzied fanatical heat of rebellion; why the turbulent spirit which had forced him once from the sedate academical bonds his father would have imposed upon him, should now remain quiet in the very midst of turbulence. Теперь вы, быть может, начнете догадываться, почему Блад, в чьих жилах текла горячая и отважная кровь, унаследованная им от матери, происходившей из рода морских бродяг Сомерсетшира, оставался спокоен в самый разгар фанатичного восстания, почему его мятежная душа, уже однажды отвергшая ученую карьеру, уготованную ему отцом, была невозмутима, когда вокруг все бурлило.

You realize how he regarded these men who were rallying to the banners of liberty - the banners woven by the virgins of Taunton, the girls from the seminaries of Miss Blake and Mrs. Musgrove, who -as the ballad runs - had ripped open their silk petticoats to make colours for King Monmouth's army. Сейчас вы уже понимаете, как он расценивал людей, спешивших под так называемые знамена свободы, расшитые девственницами Таунтона, воспитанницами пансионеров мадемуазель Блэйк и госпожи Масгров. Невинные девицы разорвали свои шелковые одеяния, как поется в балладах, чтобы сшить знамена для армии Монмута.

That Latin line, contemptuously flung after them as they clattered down the cobbled street, reveals his mind. Слова Горация, которые Блад презрительно бросал вслед людям, бежавшим по мостовой, указывали на его настроение в эту минуту.

To him they were fools rushing in wicked frenzy upon their ruin. Все эти люди казались Бладу глупцами и безумцами, спешившими навстречу своей гибели.

You see, he knew too much about this fellow Monmouth and the pretty brown slut who

had borne him, to be deceived by the legend of legitimacy, on the strength of which this standard of rebellion had been raised. Дело в том, что Блад слишком много знал о пресловутом Монмуте и его матери - красивой смуглой женщине, чтобы поверить в легенду о законности притязаний герцога на трон английского короля.

He had read the absurd proclamation posted at the Cross at Bridgewater - as it had been posted also at Taunton and elsewhere - setting forth that "upon the decease of our Sovereign Lord Charles the Second, the right of succession to the Crown of England, Scotland, France, and Ireland, with the dominions and territories thereunto belonging, did legally descend and devolve upon the most illustrious and high-born Prince James, Duke of Monmouth, son and heir apparent to the said King Charles the Second." Он прочел нелепую прокламацию, расклеенную в Бриджуотере, Таунтоне и в других местах, в которой утверждалось, что "... после смерти нашего государя Карла II право на престол Англии, Шотландии, Франции и Ирландии со всеми владениями и подвластными территориями переходит по наследству к прославленному и благородному Джеймсу, герцогу Монмутскому, сыну и законному наследнику Карла II".

It had moved him to laughter, as had the further announcement that "James Duke of York did first cause the said late King to be poisoned, and immediately thereupon did usurp and invade the Crown." Эта прокламация вызвала у него смех, так же как и дополнительное сообщение о том, что "герцог Йоркский Яков[3] приказал отравить покойного короля, а затем захватил престол".

He knew not which was the greater lie. Блад не смог даже сказать, какое из этих сообщений было большей ложью.

For Mr. Blood had spent a third of his life in the Netherlands, where this same James Scott - who now proclaimed himself James the Second, by the grace of God, King, et cetera - first saw the light some six-and-thirty years ago, and he was acquainted with the story current there of the fellow's real paternity. Третью своей жизни он провел в Голландии, где тридцать шесть лет назад родился этот самый Джеймс Монмут, ныне объявивший себя милостью всевышнего королем Англии, Шотландии и т. д. и т. п. Блад хорошо знал настоящих родителей Монмута.

Far from being legitimate - by virtue of a pretended secret marriage between Charles Stuart and Lucy Walter - it was possible that this Monmouth who now proclaimed himself King of England was not even the illegitimate child of the late sovereign. Герцог не только не был законным сыном покойного короля, якобы сочетавшегося секретным браком с Люси Уолтере, но сомнительно даже, чтобы Монмут был хотя бы его незаконным сыном.

What but ruin and disaster could be the end of this grotesque pretension? Что, кроме несчастий и разрухи, могли принести его фантастические притязания?

How could it be hoped that England would ever swallow such a Perkin? Можно ли было надеяться, что страна когда-нибудь поверит такой небылице?

And it was on his behalf, to uphold his fantastic claim, that these West Country clods, led by a few armigerous Whigs, had been seduced into rebellion! А ведь от имени Монмута несколько знатных виггов[4] подняли народ, на восстание.

"Quo, quo, scelesti, ruitis?" - "Куда, куда стремитесь вы, безумцы? "

He laughed and sighed in one; but the laugh dominated the sigh, for Mr. Blood was unsympathetic, as are most self-sufficient men; and he was very self-sufficient; adversity had taught him so to be. Блад усмехнулся и тут же вздохнул. Как и большинство самостоятельно мыслящих людей, он не мог сочувствовать этому восстанию. Самостоятельно же мыслить его научила жизнь.

A more tender-hearted man, possessing his vision and his knowledge, might have found cause for tears in the contemplation of these ardent, simple, Nonconformist sheep going forth to the shambles -escorted to the rallying ground on Castle Field by wives and daughters, sweethearts and mothers, sustained by the delusion that they were to take the field in defence of Right, of Liberty, and of Religion. Более мягкосердечный человек, обладающий его кругозором и знаниями, несомненно нашел бы немало причин для огорчения при виде толпы простых, ревностных протестантов, бежавших, как стадо овец на бойню. К месту сбора - на поле перед замком - этих людей сопровождали матери, жены, дочери и возлюбленные. Они шли, твердо веря, что оружие в их руках будет защищать право, свободу и веру.

For he knew, as all Bridgewater knew and had known now for some hours, that it was Monmouth's intention to deliver battle that same night. Как и всем в Бриджуотере, Бладу было известно о намерении Монмута дать сражение нынешней ночью.

The Duke was to lead a surprise attack upon the Royalist army under Feversham that was now encamped on Sedgemoor. Герцог должен был лично руководить внезапным нападением на королевскую армию, которой командовал Февершем, - она стояла лагерем у Седжмура.

Mr. Blood assumed that Lord Feversham would be equally well-informed, and if in this assumption he was wrong, at least he was justified of it. He was not to suppose the Royalist commander so indifferently skilled in the trade he followed. Блад был почти уверен, что лорд Февершем прекрасно осведомлен о намерениях своего противника. Даже если бы предположения Блада оказались ошибочными, он все же имел основания думать именно так, ибо трудно было допустить, чтобы командующий королевской армией не знал своих обязанностей.

Mr. Blood knocked the ashes from his pipe, and drew back to close his window. As he did so, his glance travelling straight across the street met at last the glance of those hostile eyes that watched him. There were two pairs, and they belonged to the Misses Pitt, two amiable, sentimental maiden ladies who yielded to none in Bridgewater in their worship of the handsome Monmouth. Выбив пепел из трубки, Блад отодвинулся от окна, намереваясь его закрыть, и в это мгновение заметил, что из окна дома на противоположной стороне улицы за ним следили враждебные взгляды милых, сентиментальных сестер Питт, самых восторженных в Бриджуотере обожательниц красавца Монмута.

Mr. Blood smiled and inclined his head, for he was on friendly terms with these ladies, one of whom, indeed, had been for a little while his patient. Блад улыбнулся и кивнул этим девушкам, с которыми находился в дружеских отношениях, а одну из них даже недолго лечил.

But there was no response to his greeting. Instead, the eyes gave him back a stare of cold disdain. Ответом на его приветствие был холодный и презрительный взгляд.

The smile on his thin lips grew a little broader, a little less pleasant. He understood the reason of that hostility, which had been daily growing in this past week since Monmouth had come to turn the brains of women of all ages. Улыбка тут же исчезла с тонких губ Блада; он понял причину враждебности сестер, возросшей с тех пор, как на горизонте появился Монмут, вскруживший головы женщинам всех возрастов.

The Misses Pitt, he apprehended, contemned him that he, a young and vigorous man, of a military training which might now be valuable to the Cause, should stand aloof; that he should placidly smoke his pipe and tend his geraniums on this evening of all evenings, when men of spirit were rallying to the Protestant Champion, offering their blood to place him on the throne where he belonged. Да, сестры Питт, несомненно, осуждали поведение Блада, считая, что молодой и здоровый человек, обладающий военным опытом, мог бы помочь правому делу, а он в этот

решающий день остается в стороне, мирно покуривает трубку и ухаживает за цветами, в то время как все мужественные люди собираются примкнуть к защитнику протестантской церкви и готовы даже отдать за него свои жизни, лишь бы только он взошел на престол, принадлежащий ему по праву.

If Mr. Blood had condescended to debate the matter with these ladies, he might have urged that having had his fill of wandering and adventuring, he was now embarked upon the career for which he had been originally intended and for which his studies had equipped him; that he was a man of medicine and not of war; a healer, not a slayer. Если бы Бладу пришлось обсуждать этот вопрос с сестрами Питт, он сказал бы им, что, вдоволь побродив по свету и изведав множество приключений, он намерен сейчас продолжать заниматься делом, для которого еще с молодости был подготовлен своим образованием. Он мог бы сказать, что он врач, а не солдат; целитель, а не убийца.

But they would have answered him, he knew, that in such a cause it behoved every man who deemed himself a man to take up arms. Однако Блад заранее знал их ответ. Они заявили бы ему, что сегодня каждый, кто считает себя мужчиной, обязан взять в руки оружие.

They would have pointed out that their own nephew Jeremiah, who was by trade a sailor, the master of a ship - which by an ill-chance for that young man had come to anchor at this season in Bridgewater Bay - had quitted the helm to snatch up a musket in defence of Right. Они указали бы ему на своего племянника Джереми, моряка по профессии, шкипера торгового судна, к несчастью для этого молодого человека недавно бросившего якорь в бухте Бриджуотера. Они сказали бы, что Джереми оставил штурвал корабля и взял в руки мушкет, чтобы защищать правое дело.

But Mr. Blood was not of those who argue. Однако Блад не принадлежал к числу людей, которые спорят.

As I have said, he was a self-sufficient man. Как я уже сказал, он был самостоятельным человеком.

He closed the window, drew the curtains, and turned to the pleasant, candle-lighted room, and the table on which Mrs. Barlow, his housekeeper, was in the very act of spreading supper. Закрыв окна и задернув занавески, он направился в глубь уютной, освещенной свечами комнаты, где его хозяйка, миссис Барлоу, накрывала на стол.

To her, however, he spoke aloud his thought. Обратившись к ней, Блад высказал вслух свою мысль:

"It's out of favour I am with the vinegary virgins over the way." - Я вышел из милости у девушек, живущих в доме через дорогу.

He had a pleasant, vibrant voice, whose metallic ring was softened and muted by the Irish accent which in all his wanderings he had never lost. В приятном, звучном голосе Блада звучали металлические нотки, несколько смягченные и приглушенные ирландским акцентом, которые не могли истребить даже долгие годы блужданий по чужим странам.

It was a voice that could woo seductively and caressingly, or command in such a way as to compel obedience. Indeed, the man's whole nature was in that voice of his. Весь характер этого человека словно отражался в его голосе, то ласковом и обаятельном, когда нужно было кого-то уговаривать, то жестком и звучащем, как команда, когда следовало кому-то внушать повиновение.

For the rest of him, he was tall and spare, swarthy of tint as a gipsy, with eyes that were startlingly blue in that dark face and under those level black brows.

Внешность Блада заслуживала внимания: он был высок, худощав и смугл, как цыган. Из-под прямых черных бровей смотрели спокойные, но пронизывающие глаза, удивительно синие для такого смуглого лица.

In their glance those eyes, flanking a high-bridged, intrepid nose, were of singular penetration and of a steady haughtiness that went well with his firm lips. И этот взгляд и правильной формы нос гармонировали с твердой, решительной складкой его губ.

Though dressed in black as became his calling, yet it was with an elegance derived from the love of clothes that is peculiar to the adventurer he had been, rather than to the staid medicus he now was. Он одевался во все черное, как и подобало человеку его профессии, но на costume его лежал отпечаток изящества, говорившего о хорошем вкусе. Все это было характерно скорее для искателя приключений, каким он прежде и был, чем для степенного медика, каким он стал сейчас.

His coat was of fine camlet, and it was laced with silver; there were ruffles of Mechlin at his wrists and a Mechlin cravat encased his throat. Его камзол из тонкого камлота был обшит серебряным позументом, а манжеты рубашки и жабо украшались брабантскими кружевами.

His great black periwig was as sedulously curled as any at Whitehall. Пышный черный парик Камлот - тонкое сукно из верблюжьей шерсти отличался столь же тщательной завивкой, как и парик любого вельможи из Уайтхолла[5].

Seeing him thus, and perceiving his real nature, which was plain upon him, you might have been tempted to speculate how long such a man would be content to lie by in this little backwater of the world into which chance had swept him some six months ago; how long he would continue to pursue the trade for which he had qualified himself before he had begun to live. Внимательно приглядевшись к Бладу, вы невольно задали себе вопрос: долго ли сможет такой человек прожить в этом тихом уголке, куда он случайно был заброшен шесть месяцев назад? Долго ли он будет заниматься своей мирной профессией, полученной им еще до начала самостоятельной жизни?

Difficult of belief though it may be when you know his history, previous and subsequent, yet it is possible that but for the trick that Fate was about to play him, he might have continued this peaceful existence, settling down completely to the life of a doctor in this Somersetshire haven. И все же, когда вы узнаете историю жизни Блада, не только минувшую, но и грядущую, вы поверите - правда, не без труда, - что, если бы не превратность судьбы, которую ему предстояло очень скоро испытать, он мог бы долго еще продолжать тихое существование в глухом уголке Сомерсетшира, полностью довольствуясь своим скромным положением захолустного врача.

It is possible, but not probable. Так могло бы быть...

He was the son of an Irish medicus, by a Somersetshire lady in whose veins ran the rover blood of the Frobishers, which may account for a certain wildness that had early manifested itself in his disposition. Блад был сыном ирландского врача и уроженки Сомерсетширского графства. В ее жилах, как я уже говорил, текла кровь неугомонных морских бродяг, и этим, должно быть, объяснялась некоторая необузданность, рано проявившаяся в характере Питера.

This wildness had profoundly alarmed his father, who for an Irishman was of a singularly peace-loving nature. Первые признаки ее серьезно встревожили его отца, который для ирландца был на редкость миролюбивым человеком.

He had early resolved that the boy should follow his own honourable profession, and Peter Blood, being quick to learn and oddly greedy of knowledge, had satisfied his

parent by receiving at the age of twenty the degree of baccalaureus medicinae at Trinity College, Dublin. Он заранее решил, что в выборе профессии мальчик должен пойти по его стопам. И Питер Блад, обладая способностями и жадой знаний, порадовал своего отца, двадцати лет от роду добившись степени бакалавра медицины в дублинском колледже.

His father survived that satisfaction by three months only. His mother had then been dead some years already. Thus Peter Blood came into an inheritance of some few hundred pounds, with which he had set out to see the world and give for a season a free rein to that restless spirit by which he was imbued. После получения столь радостного известия отец прожил только три месяца (мать умерла за несколько лет до этого), и Питер, наследовав после смерти отца несколько сот фунтов стерлингов, отправился поглядеть на мир, с тем чтобы удовлетворить свой неугомонный дух.

A set of curious chances led him to take service with the Dutch, then at war with France; and a predilection for the sea made him elect that this service should be upon that element. Забавное стечение некоторых обстоятельств привело его на военную службу к голландцам, воевавшим в то время с французами, а любовь к морю толкнула его во флот.

He had the advantage of a commission under the famous de Ruyter, and fought in the Mediterranean engagement in which that great Dutch admiral lost his life. Произведенный в офицеры знаменитым де Ритером[6] он участвовал в той самой морской битве на Средиземном море, когда был убит этот знаменитый флотоводец.

After the Peace of Nimeguen his movements are obscure. Полоса жизни Блада после подписания Неймегенского[7] мира нам почти совершенно неизвестна.

But we know that he spent two years in a Spanish prison, though we do not know how he contrived to get there. Мы знаем, однако, что Питер провел два года в испанской тюрьме, но за что он попал туда, осталось для нас неясным.

It may be due to this that upon his release he took his sword to France, and saw service with the French in their warring upon the Spanish Netherlands. Быть может, именно благодаря этому он, выйдя из тюрьмы, поступил на службу к французам и в составе французской армии участвовал в боях на территории Голландии, оккупированной испанцами.

Having reached, at last, the age of thirty-two, his appetite for adventure surfeited, his health having grown indifferent as the result of a neglected wound, he was suddenly overwhelmed by homesickness. He took ship from Nantes with intent to cross to Ireland. Достигнув наконец тридцати двух лет, полностью удовлетворив некогда томившую его жажду приключений и чувствуя к тому же, что его здоровье пошатнулось в результате запущенного ранения, он вдруг ощутил сильнейшую тоску по родине и сел в Нанте на корабль, рассчитывая пробраться в Ирландию.

But the vessel being driven by stress of weather into Bridgewater Bay, and Blood's health having grown worse during the voyage, he decided to go ashore there, additionally urged to it by the fact that it was his mother's native soil. Однако здоровье Блада во время путешествия ухудшилось, и, когда буря загнала его корабль в Бриджуотерскую бухту, он решил сойти на берег, тем более что здесь была родина его матери.

Thus in January of that year 1685 he had come to Bridgewater, possessor of a fortune that was approximately the same as that with which he had originally set out from Dublin eleven years ago. Таким образом, в январе 1685 года Блад прибыл в Бриджуотер, имея в кармане примерно такое же состояние, с каким одиннадцать лет назад он отправился из Дублина бродить по свету.

Because he liked the place, in which his health was rapidly restored to him, and because he conceived that he had passed through adventures enough for a man's lifetime, he determined to settle there, and take up at last the profession of medicine from which he had, with so little profit, broken away. Место, куда попал Блад, ему понравилось, да и здоровье его здесь быстро восстановилось. После многих приключений, каких другой человек не испытает за всю свою жизнь, Питер решил обосноваться в этом городе и вернуться наконец к своей профессии врача, от которой он, с такой небольшой выгодой для себя, оторвался.

That is all his story, or so much of it as matters up to that night, six months later, when the battle of Sedgemoor was fought. Такова краткая история Питера Блада, или, вернее, та ее часть, которая закончилась в ночь битвы при Седжмуре, спустя полгода после его прибытия в Бриджуотер.

Deeming the impending action no affair of his, as indeed it was not, and indifferent to the activity with which Bridgewater was that night agog, Mr. Blood closed his ears to the sounds of it, and went early to bed. Считая, что предстоящее сражение не имеет к нему никакого отношения, - а это вполне соответствовало действительности, - и оставаясь равнодушным к возбуждению, охватившему в эту ночь Бриджуотер, Блад рано улегся спать.

He was peacefully asleep long before eleven o'clock, at which hour, as you know, Monmouth rode but with his rebel host along the Bristol Road, circuitously to avoid the marshland that lay directly between himself and the Royal Army. Он спокойно уснул задолго до одиннадцати часов, когда, как вы знаете, Монмут во главе повстанцев двинулся по дороге на Бристоль, чтобы обойти болото, за которым находилась королевская армия.

You also know that his numerical advantage -possibly counter-balanced by the greater steadiness of the regular troops on the other side - and the advantages he derived from falling by surprise upon an army that was more or less asleep, were all lost to him by blundering and bad leadership before ever he was at grips with Feversham. Вы знаете также, что численное превосходство повстанцев и некоторое преимущество, заключавшееся в том, что повстанцы имели возможность внезапно напасть на сонную королевскую армию, оказались бесполезными из-за ошибок командования, и сражение было проиграно Монмутом еще до того, как началась рукопашная схватка.

The armies came into collision in the neighbourhood of two o'clock in the morning. Армии встретились примерно в два часа ночи.

Mr. Blood slept undisturbed through the distant boom of cannon. Блад не слышал отдаленного гула канонады.

Not until four o'clock, when the sun was rising to dispel the last wisps of mist over that stricken field of battle, did he awaken from his tranquil slumbers. Только в четыре часа утра, когда начало подниматься солнце, разгоняя остатки тумана над печальным полем битвы, мирный сон Блада был нарушен.

He sat up in bed, rubbed the sleep from his eyes, and collected himself. Сидя в постели, он протирает глаза, пытаясь прийти в себя.

Blows were thundering upon the door of his house, and a voice was calling incoherently. В дверь его дома сильно стучали, и чей-то голос что-то бессвязно кричал.

This was the noise that had aroused him. Этот шум и разбудил Питера.

Conceiving that he had to do with some urgent obstetrical case, he reached for bedgown and slippers, to go below. On the landing he almost collided with Mrs.

Barlow, new-risen and unsightly, in a state of panic. Полагая, что его срочно вызывают к какойнибудь роженице, он набросил на плечи ночной халат, сунул ноги в туфли и выбежал из комнаты, столкнувшись на лестничной площадке с миссис Барлоу. Перепуганная грохотом, она ничего не понимала и металась без толку.

He quieted her cluckings with a word of reassurance, and went himself to open. Блад успокоил ее и спустился открыть дверь.

There in slanting golden light of the new-risen sun stood a breathless, wild-eyed man and a steaming horse. Smothered in dust and grime, his clothes in disarray, the left sleeve of his doublet hanging in rags, this young man opened his lips to speak, yet for a long moment remained speechless. На улице в золотых лучах восходящего солнца стоял молодой человек в изодранной одежде, покрытой грязью и пылью. Он тяжело дышал, глаза его блуждали. Находившаяся рядом с ним лошадь была вся в пене. Человек открыл рот, но дыхание его прерывалось и он ничего не мог произнести.

In that moment Mr. Blood recognized him for the young shipmaster, Jeremiah Pitt, the nephew of the maiden ladies opposite, one who had been drawn by the general enthusiasm into the vortex of that rebellion. Блад узнал молодого шкипера Джереми Питта, племянника девушек, которые жили напротив его дома.

The street was rousing, awakened by the sailor's noisy advent; doors were opening, and lattices were being unlatched for the protrusion of anxious, inquisitive heads. Улица, разбуженная шумным поведением моряка, просыпалась: открывались двери, распахивались ставни окон, из которых выглядывали головы озабоченных и недоумевающих соседей.

"Take your time, now," said Mr. Blood. - Спокойней, спокойней, - сказал Блад.

"I never knew speed made by overhaste." - Поспешность никогда к добру не приводит.

But the wild-eyed lad paid no heed to the admonition. Однако юноша, в глазах которого застыл ужас или, быть может, страх, не обратил внимания на эти слова.

He plunged, headlong, into speech, gasping, breathless. Кашляя и задыхаясь, он наконец заговорил:

"It is Lord Gildoy," he panted. "He is sore wounded ... at Oglethorpe's Farm by the river. I bore him thither ... and ... and he sent me for you. Come away! Come away!" - Лорд Гилдой тяжело ранен... он сейчас в усадьбе Оглторп... у реки... я перетащил его туда... он послал меня за вами... Скорее к нему... скорей!

He would have clutched the doctor, and haled him forth by force in bedgown and slippers as he was. But the doctor eluded that too eager hand. Он бросился к доктору, чтобы силой увлечь его за собой в ночном халате и в домашних туфлях, но доктор уклонился от тянущихся к нему рук.

"To be sure, I'll come," said he. - Конечно, я поеду, - сказал он, - но не в этом же наряде.

He was distressed. Блад был расстроен.

Gildoy had been a very friendly, generous patron to him since his settling in these parts. Лорд Гилдой покровительствовал ему со дня его приезда в Бриджутер.

And Mr. Blood was eager enough to do what he now could to discharge the debt, grieved that the occasion should have arisen, and in such a manner - for he knew quite well that the rash young nobleman had been an active agent of the Duke's.

Бладу хотелось отплатить чем-нибудь за хорошее отношение к нему, и он был огорчен тем, что для этого представился такой печальный случай. Ему хорошо было известно, что молодой аристократ был одним из горячих сторонников герцога Монмута.

"To be sure, I'll come. - Конечно, я поеду, - повторил Блад.

But first give me leave to get some clothes and other things that I may need." - Но прежде всего мне нужно одеться и захватить с собой то, что нам может понадобится.

"There's no time to lose." - Мы теряем время!

"Be easy now. I'll lose none. - Спокойно, спокойно.

I tell ye again, ye'll go quickest by going leisurely. Мы доедем скорее, если не будем спешить.

Come in ... take a chair..." He threw open the door of a parlour. Войдите и подождите меня, молодой человек.

Young Pitt waved aside the invitation. Жестом руки Питт отклонил его приглашение:

"I'll wait here. - Я подожду здесь.

Make haste, in God's name." Ради бога, поспешите!

Mr. Blood went off to dress and to fetch a case of instruments. Блад быстро поднялся наверх, чтобы одеться и захватить сумку с инструментами.

Questions concerning the precise nature of Lord Gildoy's hurt could wait until they were on their way. Расспросить о ранениях лорда Гилдоя он мог по дороге в усадьбу Оглторп.

Whilst he pulled on his boots, he gave Mrs. Barlow instructions for the day, which included the matter of a dinner he was not destined to eat. Обуваясь, Блад разговаривал с миссис Барлоу, дал несколько поручений, распорядившись заодно и насчет обеда, которого, увы, ему так и не суждено было отведать.

When at last he went forth again, Mrs. Barlow clucking after him like a disgruntled fowl, he found young Pitt smothered in a crowd of scared, half-dressed townfolk - mostly women - who had come hastening for news of how the battle had sped. Когда доктор, наконец, спустился на улицу вместе с миссис Барлоу, кудахтавшей, как обиженная наседка, он нашел молодого Питта в окружении толпы напуганных, полуодетых горожан. В большинстве это были женщины, поспешно сбегавшиеся за новостями о битве.

The news he gave them was to be read in the lamentations with which they disturbed the morning air. Не составляло труда догадаться, какие именно новости сообщил им Питт, ибо утренний воздух сразу же наполнился плачем и горестными стенаниями.

At sight of the doctor, dressed and booted, the case of instruments tucked under his arm, the messenger disengaged himself from those who pressed about, shook off his weariness and the two tearful aunts that clung most closely, and seizing the bridle of his horse, he climbed to the saddle. Увидев доктора, уже одетого и с сумкой для инструментов под мышкой, Питт освободился от окружавшей его толпы, стряхнул с себя усталость и отстранил обеих своих тетушек, в слезах цеплявшихся за него. Схватив лошадь за уздечку, он вскочил в седло.

"Come along, sir," he cried. - Поехали! - закричал он.

"Mount behind me." - Садитесь позади меня!

Mr. Blood, without wasting words, did as he was bidden. Pitt touched the horse with his spur. Не тратя слов, Блад последовал этому совету, и Питт тут же дал шпоры лошади.

The little crowd gave way, and thus, upon the crupper of that doubly-laden horse, clinging to the belt of his companion, Peter Blood set out upon his Odyssey. Толпа расступилась. Питер Блад сидел на крупе лошади, отяжеленной двойным грузом. Держась за пояс своего спутника, он начал свою одиссею.

For this Pitt, in whom he beheld no more than the messenger of a wounded rebel gentleman, was indeed the very messenger of Fate. Питт, которого Блад считал только посланцем раненого мятежника, на самом деле оказался посланцем Судьбы.

Chapter II Глава II

KIRKE'S DRAGOONS ДРАГУНЫ КИРКА

Oglethorpe's farm stood a mile or so to the south of Bridgewater on the right bank of the river. Усадьба Оглторп стояла на правом берегу реки примерно в миле к югу от Бриджуотера.

It was a straggling Tudor building showing grey above the ivy that clothed its lower parts. Это был серый приземистый, в стиле эпохи Тюдоров, дом, фундамент которого покрывала густая зелень плюща.

Approaching it now, through the fragrant orchards amid which it seemed to drowse in Arcadian peace beside the waters of the Parrett, sparkling in the morning sunlight, Mr. Blood might have had a difficulty in believing it part of a world tormented by strife and bloodshed. Приближаясь к усадьбе по дороге, проходившей среди душистых фруктовых садов, мирно дремавших на берегу Парретта, искрившегося под лучами утреннего солнца, Блад с трудом мог поверить, что находится в стране, раздираемой кровопролитной междоусобицей.

On the bridge, as they had been riding out of Bridgewater, they had met a vanguard of fugitives from the field of battle, weary, broken men, many of them wounded, all of them terror-stricken, staggering in speedless haste with the last remnants of their strength into the shelter which it was their vain illusion the town would afford them. На мосту, при выезде из Бриджуотера, их встретил авангард усталых, измученных беглецов с поля битвы. Среди них было много раненых. Напрягая остатки своих сил, они торопливо ковыляли в город, тщетно надеясь найти там кров и защиту.

Eyes glazed with lassitude and fear looked up piteously out of haggard faces at Mr. Blood and his companion as they rode forth; hoarse voices cried a warning that merciless pursuit was not far behind. Их глаза, выражавшие усталость и страх, жалобно глядели на Блада и его спутника. Несколько охрипших голосов предупредили их, что погоня уже близка.

Undeterred, however, young Pitt rode amain along the dusty road by which these poor fugitives from that swift rout on Sedgemoor came flocking in ever-increasing numbers. Однако молодой Питт, не обращая внимания на предупреждения, мчался по пыльной дороге, на которой количество беглецов из-под Седжмура все увеличивалось.

Presently he swung aside, and quitting the road took to a pathway that crossed the dewy meadowlands. Вскоре он свернул в сторону на тропинку, проходившую через луга, покрытые росой.

Even here they met odd groups of these human derelicts, who were scattering in all directions, looking fearfully behind them as they came through the long grass,

expecting at every moment to see the red coats of the dragoons. Даже здесь им встречались разрозненные группы беглецов, разбежавшихся во всех направлениях. Пробиваясь сквозь высокую траву, они боязливо оглядывались, ожидая, что вот-вот покажутся красные камзолы королевских драгун.

But as Pitt's direction was a southward one, bringing them ever nearer to Feversham's headquarters, they were presently clear of that human flotsam and jetsam of the battle, and riding through the peaceful orchards heavy with the ripening fruit that was soon to make its annual yield of cider. Но поскольку Питт и его спутник приближались к месту расположения штаба Февершема, человеческие обломки битвы вскоре перестали уже им встречаться. Сейчас мимо них тянулись мирные фруктовые сады; деревья были отягощены плодами, но никто не собирал их, хотя время приготовления сидра уже наступило.

At last they alighted on the kidney stones of the courtyard, and Baynes, the master, of the homestead, grave of countenance and flustered of manner, gave them welcome. Наконец, они спешились на каменные плиты двора, где их приветствовал опечаленный и взволнованный владелец усадьбы - Бэйнс.

In the spacious, stone-flagged hall, the doctor found Lord Gildoy - a very tall and dark young gentleman, prominent of chin and nose - stretched on a cane day-bed under one of the tall mullioned windows, in the care of Mrs. Baynes and her comely daughter. His cheeks were leaden-hued, his eyes closed, and from his blue lips came with each laboured breath a faint, moaning noise. В огромной комнате с каменным полом доктор нашел лорда Гилдоя - высокого человека с массивным подбородком и крупным носом. Его лицо покрывала свинцовая бледность, он лежал с закрытыми глазами, вытянувшись на сделанной из тростника кушетке, стоявшей у большого окна. Лорд с трудом дышал, и с каждым вздохом с его синих губ срывались слабые стоны. Около раненого хлопотали жена Бэйнса и его миловидная дочь.

Mr. Blood stood for a moment silently considering his patient. He deplored that a youth with such bright hopes in life as Lord Gildoy's should have risked all, perhaps existence itself, to forward the ambition of a worthless adventurer. Несколько минут Блад молча рассматривал своего пациента, сожалея, что этот молодой аристократ с блестящим будущим должен был рисковать всем -и, вероятно, даже своей жизнью - ради честолюбия бесчестного авантюриста.

Because he had liked and honoured this brave lad he paid his case the tribute of a sigh. Then he knelt to his task, ripped away doublet and underwear to lay bare his lordship's mangled side, and called for water and linen and what else he needed for his work. Вздохнув, Блад опустился на колени перед раненым и, приступая к своим профессиональным обязанностям, разорвал его камзол и нижнее белье, чтобы обнажить изуродованный бок молодого лорда, а затем велел принести воды, полотна и все, что ему требовалось.

He was still intent upon it a half-hour later when the dragoons invaded the homestead. The clatter of hooves and hoarse shouts that heralded their approach disturbed him not at all. Полчаса спустя, когда драгуны ворвались в усадьбу, Блад еще занимался раненым, не обращая внимания на стук копыт и грубые крики.

For one thing, he was not easily disturbed; for another, his task absorbed him. Его вообще нелегко было вывести из равновесия, особенно когда он был поглощен своей работой.

But his lordship, who had now recovered consciousness, showed considerable alarm, and the battle-stained Jeremy Pitt sped to cover in a clothes-press. Однако раненый, придя в сознание, проявил серьезную озабоченность, а Джереми Питт, одежда которого выдавала его причастность к событиям, поспешил спрятаться в бельевом шкафу.

Baynes was uneasy, and his wife and daughter trembled. Mr. Blood reassured them. Владелец усадьбы заметно волновался, его жена и дочь дрожали от страха, и Бладу пришлось их успокаивать.

"Why, what's to fear?" he said. - Ну, чего вы боитесь? - говорил он.

"It's a Christian country, this, and Christian men do not make war upon the wounded, nor upon those who harbour them." - Ведь мы живем в христианской стране, а христиане не воюют с ранеными и с теми, кто их приютил.

He still had, you see, illusions about Christians. Блад, как можно судить по этим словам, еще питал какие-то иллюзии в отношении христиан.

He held a glass of cordial, prepared under his directions, to his lordship's lips. Затем он поднес к губам раненого стакан с лекарством, приготовленным по его указаниям:

"Give your mind peace, my lord. - Успокойтесь, лорд.

The worst is done." Худшее уже позади.

And then they came rattling and clanking into the stone-flagged hall - a round dozen jack-booted, lobster-coated troopers of the Tangiers Regiment, led by a sturdy, black-browed fellow with a deal of gold lace about the breast of his coat. В это мгновение в комнату с грохотом и бряцанием ворвалось человек двенадцать драгун Танжерского полка, одетых в камзолы цвета вареного рака. Драгунами командовал мрачный коренастый человек в мундире, обильно расшитом золотыми позументами.

Baynes stood his ground, his attitude half-defiant, whilst his wife and daughter shrank away in renewed fear. Бэйнс остался стоять на месте в полувызывающей позе, а его жена и дочь отпрянули в сторону.

Mr. Blood, at the head of the day-bed, looked over his shoulder to take stock of the invaders. Блад, сидевший у изголовья больного, обернулся и взглянул на ворвавшихся.

The officer barked an order, which brought his men to an attentive halt, then swaggered forward, his gloved hand bearing down the pommel of his sword, his spurs jingling musically as he moved. Офицер приказал солдатам остановиться, а затем, позвякивая шпорами и держа руку в перчатке на эфесе своей сабли, важно прошел вперед еще несколько шагов.

He announced his authority to the yeoman. "I am Captain Hobart, of Colonel Kirke's dragoons. - Я - капитан Г обарт из драгун полковника Кирка,- сказал он громко.

What rebels do you harbour?" - Вы укрываете мятежников?

The yeoman took alarm at that ferocious truculence. It expressed itself in his trembling voice. Бэйнс, встревоженный грубым тоном военного, пролепетал дрожащим голосом:

"I... I am no harbourer of rebels, sir. - Я... я не укрыватель мятежников, сэр.

This wounded gentleman..." Этот джентльмен ранен...

"I can see for myself." The Captain stamped forward to the day-bed, and scowled down upon the grey-faced sufferer. - Это ясно без слов! - прикрикнул на него

капитан и, тяжело ступая, подошел к кушетке. Мрачно нахмурясь, он наклонился над лордом. Лицо раненого приняло серо-землистый оттенок.

"No need to ask how he came in this state and by his wounds. A damned rebel, and that's enough for me." He flung a command at his dragoons. "Out with him, my lads." - Нет нужды спрашивать, где ранен этот проклятый мятежник... Взять его, ребята! - приказал он своим драгунам.

Mr. Blood got between the day-bed and the troopers. Но тут Блад загородил собою раненого.

"In the name of humanity, sir!" said he, on a note of anger. - Во имя человечности, сэръ! - сказал он с ноткой гнева в голосе.

"This is England, not Tangiers. - Мы живем в Англии, а не в Танжере.

The gentleman is in sore case. He may not be moved without peril to his life." Этот человек тяжело ранен, его нельзя трогать без опасности для жизни.

Captain Hobart was amused. Заступничество доктора рассмешило капитана:

"Oh, I am to be tender of the lives of these rebels! - Ах, так я еще должен заботиться о здоровье мятежников!

Odds blood! Черт побери!

Do you think it's to benefit his health we're taking him? Вы думаете, что мы будем его лечить?

There's gallows being planted along the road from Weston to Bridgewater, and he'll serve for one of them as well as another. Вдоль всей дороги от Вестона до Бриджуотера расставлены виселицы, и он подойдет для любой из них.

Colonel Kirke'll learn these nonconforming oafs something they'll not forget in generations." Полковник Кирк научит этих дураков-протестантов кое-чему такому, о чем будут помнить их дети, внуки и правнуки!

"You're hanging men without trial? - Вешать людей без суда?! - воскликнул Блад возмущенно.

Faith, then, it's mistaken I am. - Я, наверно, ошибся.

We're in Tangiers, after all, it seems, where your regiment belongs." Очевидно, мы сейчас не в Англии, а в Танжере, где стоял когда-то ваш полк.

The Captain considered him with a kindling eye. Гобарт внимательно посмотрел на доктора, и во взгляде капитана начал разгораться гнев.

He looked him over from the soles of his riding-boots to the crown of his periwig. He noted the spare, active frame, the arrogant poise of the head, the air of authority that invested Mr. Blood, and soldier recognized soldier. Разглядывая Блада с ног до головы, он обратил внимание на его сухощавое, мускулистое телосложение, надменную посадку головы, на тот заметный налет властности, который так мало соответствовал профессии доктора, и, сам будучи солдатом, узнал солдата и в Бладе.

The Captain's eyes narrowed. Глаза капитана сузились.

Recognition went further. Он начал кое-что припоминать.

"Who the hell may you be?" he exploded." - Кто вы такой, черт бы вас побрал? - закричал он.

"My name is Blood, sir - Peter Blood, at your service." - Моя фамилия - Блад, Питер Блад. К вашим услугам.

"Aye - aye! Codso! That's the name. - А... ага... Припоминаю вашу фамилию.

You were in French service once, were you not?" Вы служили во французской армии, не так ли?

If Mr. Blood was surprised, he did not betray it. Если Блад и был удивлен, то не показал этого:

"I was." - Да, служил.

"Then I remember you - five years ago, or more, you were in Tangiers," - Так, так... Лет пять назад, или около того, вы были в Танжере?

"That is so. I knew your colonel." - Да, я знал вашего полковника.

"Faith, you may be renewing the acquaintance." - Клянусь честью, я помогу возобновить это знакомство!

The Captain laughed unpleasantly. - И капитан неприятно засмеялся.

"What brings you here, sir?" - Как вы здесь очутились?

"This wounded gentleman. I was fetched to attend him. I am a medicus." - Я врач, и меня привезли сюда для оказания помощи раненому.

"A doctor - you?" - Вы - доктор?

Scorn of that lie - as he conceived it - rang in the heavy, hectoring voice. В голосе Гобарта, убежденного в том, что Блад лжет, прозвучало явное презрение.

"Medicinae baccalaureus," said Mr. Blood. - Medicinae baccalaureus, - ответил Блад латинским термином, означавшим в переводе "бакалавр медицины".

"Don't fling your French at me, man," snapped Hobart. - Не тычьте мне в нос вашим французским языком! - свирепо закричал Гобарт.

"Speak English!" - Говорите по-английски!

Mr. Blood's smile annoyed him. Улыбка Блада раздражала и бесила капитана.

"I am a physician practising my calling in the town of Bridgewater." - Я - врач, практикующий в городе Бриджуотере.

The Captain sneered. Гобарт криво усмехнулся:

"Which you reached by way of Lyme Regis in the following of your bastard Duke." - А в этот город вы приехали из Лаймского залива[8], сопровождая вашего приبلудного герцога?

It was Mr. Blood's turn to sneer. Насмешливая улыбка скользила по губам Блада.

"If your wit were as big as your voice, my dear, it's the great man you'd be by

this." - Если бы ваш ум был бы так же остер, как громopodobен ваш голос, то вы давно уже были бы великим человеком.

For a moment the dragoon was speechless, The colour deepened in his face. Драгун на мгновение потерял дар речи, и на лице его выступил густой румянец.

"You may find me great enough to hang you." - Вы убедитесь, что я достаточно велик, когда вас повесят! - прохрипел он злобно.

"Faith, yes. - Не сомневаюсь, - спокойно сказал Блад.

Ye've the look and the manners of a hangman. - У вас и внешность и манеры палача.

But if you practise your trade on my patient here, you may be putting a rope round your own neck. Однако если вы попрактикуетесь в вашем ремесле на моем пациенте, то этим самым завяжете петлю на собственной шее.

He's not the kind you may string up and no questions asked. Он не принадлежит к категории людей, которых вы можете вздернуть, не задавая вопросов.

He has the right to trial, and the right to trial by his peers." Он имеет право требовать суда, суда пэров[9].

"By his peers?" - Суда пэров?

The Captain was taken aback by these three words, which Mr. Blood had stressed. Капитан был ошеломлен этими двумя словами, подчеркнутыми Бладом.

"Sure, now, any but a fool or a savage would have asked his name before ordering him to the gallows. - Разумеется. Любой человек, если он не идиот или не дикарь, прежде чем посылать человека на виселицу, спросил бы его фамилию.

The gentleman is my Lord Gildoy." Этот человек - лорд Гилдой.

And then his lordship spoke for himself, in a weak voice. Тут раненый пошевелился и слабым голосом произнес:

"I make no concealment of my association with the Duke of Monmouth. I'll take the consequences. - Я не скрываю своей связи с герцогом Монмутским и готов отвечать за все последствия.

But, if you please, I'll take them after trial - by my peers, as the doctor has said." Однако, с вашего разрешения, я буду отвечать за эти последствия перед судом пэров, как правильно заметил доктор.

The feeble voice ceased, and was followed by a moment's silence. Он умолк, и в комнате воцарилось молчание.

As is common in many blustering men, there was a deal of timidity deep down in Hobart. The announcement of his lordship's rank had touched those depths. Как у многих хвастливых людей, в натуре Гобарта таилась значительная доля робости, и сообщение о титуле раненого разбудило в нем это чувство.

A servile upstart, he stood in awe of titles. Будучи раболепствующим выскочкой, он благоговел перед титулами.

And he stood in awe of his colonel. Percy Kirke was not lenient with blunderers. Но наряду с этим капитан трепетал и перед своим полковником, потому что Перси Кирк не прощал ошибок своим подчиненным.

By a gesture he checked his men. Жестом руки Гобарт остановил своих людей.

He must consider. Он должен был все обдумать и взвесить.

Mr. Blood, observing his pause, added further matter for his consideration. Заметив его нерешительность, Блад добавил еще один аргумент, давший Гобарту пищу для дополнительных размышлений:

"Ye'll be remembering, Captain, that Lord Gildoy will have friends and relatives on the Tory side, who'll have something to say to Colonel Kirke if his lordship should be handled like a common felon. - Запомните, капитан, что лорд Гилдой имеет в лагере тори[10] друзей и родственников, которые не преминут сказать кое-что полковнику Кирку, если с его светлостью обойдутся, как с обычным уголовным преступником.

You'll go warily, Captain, or, as I've said, it's a halter for your neck ye'll be weaving this morning." Будьте осторожны, капитан, или, как я уже сказал, нынче утром вы сплетете веревку себе на шею.

Captain Hobart swept the warning aside with a bluster of contempt, but he acted upon it none the less. Капитан Гобарт с презрением отмахнулся от этого предупреждения, хотя на самом деле и учел его.

"Take up the day-bed," said he, "and convey him on that to Bridgewater. Lodge him in the gaol until I take order about him." - Возьмите кушетку! - приказал он. - И доставьте на ней арестованного в Бриджуотер, в тюрьму.

"He may not survive the journey," Blood remonstrated. - Он не перенесет этого пути, - запротестовал Блад.

"He's in no case to be moved." - Его нельзя сейчас трогать.

"So much the worse for him. - Тем хуже для него.

My affair is to round up rebels." Мое дело - арестовывать мятежников!

He confirmed his order by a gesture. - И жестом руки он подтвердил ранее отданное им приказание.

Two of his men took up the day-bed, and swung to depart with it. Двое из его людей подняли кушетку и направились с ней к двери.

Gildoy made a feeble effort to put forth a hand towards Mr. Blood. Гилдой сделал слабую попытку протянуть Бладу руку.

"Sir," he said, "you leave me in your debt. If I live I shall study how to discharge it." - Я ваш должник, доктор, - сказал он, - и если выживу, то постараюсь заплатить этот долг.

Mr. Blood bowed for answer; then to the men: Вместо ответа Блад только поклонился, а затем сказал солдатам:

"Bear him steadily," he commanded. "His life depends on it." - Несите осторожно, ибо от этого зависит его жизнь.

As his lordship was carried out, the Captain became brisk. He turned upon the yeoman. Как только Гилдою унесли, капитан оживился и, повернувшись к Бэйнсу, спросил:

"What other cursed rebels do you harbour?" - Ну, кого еще из проклятых мятежников вы укрываете?

"None other, sir. - Больше никого, сэра.

His lordship..." Его светлость...

"We've dealt with his lordship for the present. - Мы уже разделались с его светлостью.

We'll deal with you in a moment when we've searched your house. And, by God, if you've lied to me..." А вами займемся, как только обыщем дом, и, клянусь богом, если вы мне лжете...

He broke off, snarling, to give an order. Four of his dragoons went out. In a moment they were heard moving noisily in the adjacent room. Он прорычал соответствующее приказание своим драгунам: трое из них тут же вышли в соседнюю комнату, откуда через минуту послышался производимый ими грохот.

Meanwhile, the Captain was questing about the hall, sounding the wainscoting with the butt of a pistol. Между тем капитан внимательно осматривал комнату, простукивая панели рукояткой пистолета.

Mr. Blood saw no profit to himself in lingering. Блад, считая, что ему не следует здесь больше задерживаться, сказал, обращаясь к Гобарту:

"By your leave, it's a very good day I'll be wishing you," said he. - С вашего разрешения, хочу пожелать вам всего хорошего, капитан.

"By my leave, you'll remain awhile," the Captain ordered him. - С моего разрешения, вы задержитесь здесь еще! - резко ответил ему Гобарт.

Mr. Blood shrugged, and sat down. Блад пожал плечами и сел.

"You're tiresome," he said. - Вы нестерпимо скучны, - сказал он.

"I wonder your colonel hasn't discovered it yet." - Удивляюсь, как этого еще не заметил ваш полковник.

But the Captain did not heed him. He was stooping to pick up a soiled and dusty hat in which there was pinned a little bunch of oak leaves. Однако капитан не обратил на него внимания, ибо, нагнувшись, чтобы поднять чью-то потрепанную и запыленную шляпу, заметил прикрепленный к ней маленький пучок дубовых веток.

It had been lying near the clothes-press in which the unfortunate Pitt had taken refuge. Шляпа лежала у бельевого шкафа" где прятался бедный Питт.

The Captain smiled malevolently. His eyes raked the room, resting first sardonically on the yeoman, then on the two women in the background, and finally on Mr. Blood, who sat with one leg thrown over the other in an attitude of indifference that was far from reflecting his mind. Капитан со злорадной улыбкой вновь оглядел комнату, остановив свой насмешливый взгляд на Бэйнсе, затем на двух женщинах, стоявших позади, и, наконец, на Бладе, который сидел, положив ногу на ногу, с видом безразличия, но на самом деле ему было далеко не безразлично, как развернутся дальнейшие события.

Then the Captain stepped to the press, and pulled open one of the wings of its massive oaken door. He took the huddled inmate by the collar of his doublet, and

lugged him out into the open. Подойдя к шкафу, Гобарт широко распахнул одну из его массивных дубовых створок и, схватив за воротник камзола скорчившегося там Питта, вытащил его наружу.

"And who the devil's this?" quoth he. - А это что за тип? - спросил он.

"Another nobleman?" - Еще один вельможа?

Mr. Blood had a vision of those gallows of which Captain Hobart had spoken, and of this unfortunate young shipmaster going to adorn one of them, strung up without trial, in the place of the other victim of whom the Captain had been cheated. Воображение Блада немедленно нарисовало картину виселиц, о которых говорил капитан, и несчастного молодого моряка, без суда вздернутого на одну из них взамен другой жертвы, обманувшей ожидания Гобарта.

On the spot he invented not only a title but a whole family for the young rebel. Блад тут же придумал молодому повстанцу не только титул, но и целую знатную семью.

"Faith, ye've said it, Captain. - Вы угадали, капитан.

This is Viscount Pitt, first cousin to Sir Thomas Vernon, who's married to that slut Moll Kirke, sister to your own colonel, and sometime lady in waiting upon King James's queen." Это виконт Питт, двоюродный брат сэра Томаса Вернона, женатого на красотке Молли Кирк -сестре вашего полковника. Вам должно быть известно, что она была фрейлиной жены короля Якова.

Both the Captain and his prisoner gasped. Капитан и его пленник едва не задохнулись от удивления.

But whereas thereafter young Pitt discreetly held his peace, the Captain rapped out a nasty oath. He considered his prisoner again. Но в то время как Питт счел за лучшее скромно промолчать, капитан отвратительно выругался, с интересом рассматривая свою новую жертву.

"He's lying, is he not?" he demanded, seizing the lad by the shoulder, and glaring into his face. - Он лжет, не правда ли? - проговорил Гобарт, схватив юношу за плечи и свирепо глядя ему в лицо.

"He's rallying rue, by God!" - Клянусь богом, он издевается надо мной!

"If ye believe that," said Blood, "hang him, and see what happens to you." - Если вы в этом уверены, - сказал Блад, - то повесьте его - и увидите, что с вами сделают.

The dragoon glared at the doctor and then at his prisoner. Драгун гневно взглянул на доктора, а затем на своего пленника.

"Pah!" He thrust the lad into the hands of his men. "Fetch him along to Bridgewater. - Взять его! - приказал он, толкнув юношу в руки своих людей.

And make fast that fellow also," he pointed to Baynes. - Свяжите и этого тоже, - указал капитан на Бэйнса.

"We'll show him what it means to harbour and comfort rebels." - Мы покажем ему, как укрывать мятежников!

There was a moment of confusion. Солдаты набросились на хозяина дома.

Baynes struggled in the grip of the troopers, protesting vehemently. Бэйнс бурно

протестовал, пытаясь вырваться из цепких и грубых рук солдат.

The terrified women screamed until silenced by a greater terror. The Captain strode across to them. Перепуганные женщины кричали от страха до тех пор, пока к ним не подошел капитан.

He took the girl by the shoulders. Он схватил дочь Бэйнса за плечо.

She was a pretty, golden-headed creature, with soft blue eyes that looked up entreatingly, piteously into the face of the dragoon. Прелестная золотоволосая девушка с нежными голубыми глазами умоляюще глядела прямо в лицо капитану.

He leered upon her, his eyes aglow, took her chin in his hand, and set her shuddering by his brutal kiss. Его глаза вспыхнули, и приподняв голову девушки за подбородок, драгун грубо поцеловал ее в губы, заставив бедняжку вздрогнуть от отвращения.

"It's an earnest," he said, smiling grimly. - Это задаток, - мрачно улыбаясь, сказал он.

"Let that quiet you, little rebel, till I've done with these rogues." - Пусть он успокоит тебя, маленькая мятежница, пока я не разделаюсь с этими мошенниками.

And he swung away again, leaving her faint and trembling in the arms of her anguished mother. И он отошел от девушки, оставив ее в полубморочном состоянии на руках перепуганной матери.

His men stood, grinning, awaiting orders, the two prisoners now fast pinioned. Его люди, посмеиваясь в ожидании дальнейших распоряжений, стояли около двух крепко связанных пленников.

"Take them away. - Убрать! - приказал Гобарт.

Let Cornet Drake have charge of them." - Корнет Дрэйк отвечает за них головой.

His smouldering eye again sought the cowering girl. Его горящие глаза снова остановились на съежившейся от страха девушке.

"I'll stay awhile - to search out this place. There may be other rebels hidden here." - Я ненадолго здесь задержусь, - сказал он своим драгунам. - Надо обыскать это логово - не спрячутся ли тут и другие мятежники.

As an afterthought, he added: "And take this fellow with you." He pointed to Mr. Blood. - Как бы мимоходом вспомнив о чем-то, он, небрежно указав на Блада, добавил: - И этого парня прихватите с собой тоже.

"Bestir!" Да пошевеливайтесь!

Mr. Blood started out of his musings. Блад, словно очнувшись от глубокого раздумья, изумленно взглянул на Гобарта.

He had been considering that in his case of instruments there was a lancet with which he might perform on Captain Hobart a beneficial operation. Beneficial, that is, to humanity. In any case, the dragoon was obviously plethoric and would be the better for a blood-letting. В эту минуту он как раз думал о том, что в его сумке с инструментами лежал ланцет, с помощью которого можно было бы осуществить над капитаном Гобартом благотворительную операцию, весьма полезную для человечества: драгун, несомненно, страдал полнокровием, и кровопускание никак не повредило бы его здоровью.

The difficulty lay in making the opportunity. Однако осуществить этот план было нелегко.

He was beginning to wonder if he could lure the Captain aside with some tale of hidden treasure, when this untimely interruption set a term to that interesting speculation. Блад уже начал прикидывать в уме, не следует ли ему отозвать капитана в сторону, якобы для того, чтобы поведать лакомую сказку о спрятанных сокровищах, но несвоевременное вмешательство Г обарта положило конец занимательным домыслам доктора.

He sought to temporize. Он все же попытался выиграть время.

"Faith it will suit me very well," said he. - Клянусь честью, меня это устраивает, - сказал он.

"For Bridgewater is my destination, and but that ye detained me I'd have been on my way thither now." - Я как раз и собирался идти домой, в Бриджуотер. Если бы вы не задержали меня, то я бы уже давно был в пути.

"Your destination there will be the gaol." - Вам и придется идти туда - но только не домой, а в тюрьму.

"Ah, bah! - Ба!

Ye're surely joking!" Вы, конечно, шутите!

"There's a gallows for you if you prefer it. - Там найдется и виселица, если вас это устраивает.

It's merely a question of now or later." Вопрос лишь в том, когда вас повесят - сейчас или несколько позже.

Rude hands seized Mr. Blood, and that precious lancet was in the case on the table out of reach. Г рубые руки схватили Блада, а его замечательный ланцет остался в сумке с инструментами, лежавшей на столе.

He twisted out of the grip of the dragoons, for he was strong and agile, but they closed with him again immediately, and bore him down. Pinning him to the round, they tied his wrists behind his back, then roughly pulled him to his feet again. Будучи сильным и гибким человеком, он вырвался из рук солдат, но на него тут же набросились и повалили на пол, связали руки за спиной и грубо поставили на ноги.

"Take him away," said Hobart shortly, and turned to issue his orders to the other waiting troopers. "Go search the house, from attic to cellar; then report to me here." - Взять его! - коротко сказал Гобарт и, повернувшись к остальным драгунам, распорядился: - Обыскать этот дом от чердака до подвала. Результаты доложите мне. Я буду здесь.

The soldiers trailed out by the door leading to the interior. Солдаты разбежались по всему дому.

Mr. Blood was thrust by his guards into the courtyard, where Pitt and Baynes already waited. Конвоиры вытолкали Блада во двор, где уже находились Питт и Бэйнс, ожидавшие отправки в тюрьму.

From the threshold of the hall, he looked back at Captain Hobart, and his sapphire eyes were blazing. На пороге дома Блад повернулся лицом к Гобарту, и в синих глазах доктора вспыхнул гнев.

On his lips trembled a threat of what he would do to Hobart if he should happen to survive this business. С его уст готово было сорваться обещание того, что он сделает с капитаном, если ему удастся выжить.

Sometimes he remembered that to utter it were probably to extinguish his chance of living to execute it. Однако он вовремя сдержался, сообразив, что высказать такое обещание вслух было бы равносильно тому, если бы он сам захотел погубить все надежды сохранить жизнь, нужную для осуществления этого обещания.

For to-day the King's men were masters in the West, and the West was regarded as enemy country, to be subjected to the worst horror of war by the victorious side. Here a captain of horse was for the moment lord of life and death. Сегодня люди короля были владыками на Западе[11], где они вели себя, как в завоеванной стране, и простой кавалерийский капитан играл роль властелина жизни и смерти людей.

Under the apple-trees in the orchard Mr. Blood and his companions in misfortune were made fast each to a trooper's stirrup leather. Блад и его товарищи по несчастью стояли под яблонями сада, привязанные к стременам седел.

Then at the sharp order of the cornet, the little troop started for Bridgewater. По отрывистой команде корнета Дрэйка маленький отряд направился в Бриджуотер.

As they set out there was the fullest confirmation of Mr. Blood's hideous assumption that to the dragoons this was a conquered enemy country. Страшное предположение Блада о том, что для драгун эта часть Англии стала оккупированной вражеской страной, полностью подтвердилось.

There were sounds of rending timbers, of furniture smashed and overthrown, the shouts and laughter of brutal men, to announce that this hunt for rebels was no more than a pretext for pillage and destruction. Из дома послышался треск отдираемых досок, грохот переворачиваемой мебели, крики и смех грубых людей, для которых охота за повстанцами была лишь предлогом для грабежа и насилия.

Finally above all other sounds came the piercing screams of a woman in acutest agony. И в довершение всего, сквозь этот дикий шум донесся пронзительный крик женщины.

Baynes checked in his stride, and swung round writhing, his face ashen. Бэйнс остановился и с выражением муки на пепельно-бледном лице обернулся к дому.

As a consequence he was jerked from his feet by the rope that attached him to the stirrup leather, and he was dragged helplessly a yard or two before the trooper reined in, cursing him foully, and striking him with the flat of his sword. Но рывок веревки, которой он был привязан к стремяни, свалил его с ног, и пленник беспомощно протаскился по земле несколько ярдов[12], прежде чем драгун остановил лошадь. Осыпая Бэйнса грубой бранью, солдат несколько раз ударил его плоской стороной своей сабли.

It came to Mr. Blood, as he trudged forward under the laden apple-trees on that fragrant, delicious July morning, that man - as he had long suspected - was the vilest work of God, and that only a fool would set himself up as a healer of a species that was best exterminated. В это чудесное и душистое июльское утро Блад шел среди яблоневых деревьев, склонившихся под тяжестью плодов, и думал, что человек, как он давно уже подозревал, - это не венец природы, а ее отвратительнейшее создание, и только идиот мог избрать себе профессию целителя этих созданий, которые заслуживали уничтожения.

THE LORD CHIEF JUSTICE ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ

It was not until two months later - on the 19th of September, if you must have the actual date - that Peter Blood was brought to trial, upon a charge of high treason. Только два месяца спустя - 19 сентября 1685 года, - если вы интересуетесь точной датой, Питер Блад предстал перед судом по обвинению в государственной измене.

We know that he was not guilty of this; but we need not doubt that he was quite capable of it by the time he was indicted. Мы знаем, что он не был в ней повинен, но можно не сомневаться в том, что ко времени предъявления ему обвинения он полностью подготовился к такой измене.

Those two months of inhuman, unspeakable imprisonment had moved his mind to a cold and deadly hatred of King James and his representatives. За два месяца, проведенных в тюрьме в нечеловеческих условиях, трудно поддающихся описанию, Блад страстно возненавидел короля Якова и всех его сторонников.

It says something for his fortitude that in all the circumstances he should still have had a mind at all. Уже одно то, что Блад вообще смог сохранить разум в такой обстановке, свидетельствует о наличии у него большой силы духа.

Yet, terrible as was the position of this entirely innocent man, he had cause for thankfulness on two counts. The first of these was that he should have been brought to trial at all; the second, that his trial took place on the date named, and not a day earlier. И все же каким бы ужасным ни было положение этого совершенно невинного человека, он мог еще благодарить судьбу прежде всего за то, что его вообще вызвали в суд, а затем за то, что суд состоялся именно 19 сентября, а не раньше этой даты.

In the very delay which exacerbated him lay - although he did not realize it - his only chance of avoiding the gallows. Задержка, столь раздражавшая Блада, представляла для него единственную возможность спастись от виселицы, хотя в то время он не отдавал себе в этом отчета.

Easily, but for the favour of Fortune, he might have been one of those haled, on the morrow of the battle, more or less haphazard from the overflowing gaol at Bridgewater to be summarily hanged in the market-place by the bloodthirsty Colonel Kirke. Могло, разумеется, случиться и так, что он оказался бы среди тех арестованных, которых на следующий же день после битвы вывели из переполненной тюрьмы в Бриджуотере и по распоряжению жаждавшего крови полковника Кирка повесили без суда на рыночной площади.

There was about the Colonel of the Tangiers Regiment a deadly despatch which might have disposed in like fashion of all those prisoners, numerous as they were, but for the vigorous intervention of Bishop Mews, which put an end to the drumhead courts-martial. Командир Танжерского полка, безусловно, поступил бы так же и с остальными заключенными, если бы не вмешался епископ Мьюсский, положивший конец этим незаконным казням.

Even so, in that first week after Sedgemoor, Kirke and Feversham contrived between them to put to death over a hundred men after a trial so summary as to be no trial at all. Только за одну неделю, прошедшую после Седжмурской битвы, Февершем и Кирк, не устраивая комедии суда, казнили свыше ста человек.

They required human freights for the gibbets with which they were planting the countryside, and they little cared how they procured them or what innocent lives they took. Победителям требовались жертвы для виселиц, воздвигнутых на юго-западе страны; их ничуть не беспокоило, где и как были захвачены эти жертвы и сколько среди них было невинных людей.

What, after all, was the life of a clod? Что, в конце концов, стоила жизнь какого-то олуха!

The executioners were kept busy with rope and chopper and cauldrons of pitch. I spare you the details of that nauseating picture. It is, after all, with the fate of Peter Blood that we are concerned rather than with that of the Monmouth rebels. Палачи работали не покладая рук, орудуя веревками, топорами и котлами с кипящей смолой... Но я избавлю вас от описания деталей отвратительных зрелищ, ибо, в конце концов, нас больше занимает судьба Питера Блада, нежели участь повстанцев, обманутых Монмутом.

He survived to be included in one of those melancholy droves of prisoners who, chained in pairs, were marched from Bridgewater to Taunton. Блад дожид до того дня, когда его вместе с толпой других несчастных, скованных попарно, погнали из Бриджуотера в Таунтон.

Those who were too sorely wounded to march were conveyed in carts, into which they were brutally crowded, their wounds undressed and festering. Не способных ходить заключенных, с гноящимися и незабинтованными ранами, солдаты бесцеремонно бросили на переполненные телеги.

Many were fortunate enough to die upon the way. Кое-кому посчастливилось умереть в пути.

When Blood insisted upon his right to exercise his art so as to relieve some of this suffering, he was accounted importunate and threatened with a flogging. Когда Блад, как врач, пытался получить разрешение оказать помощь наиболее страдавшим, его сочли наглым и назойливым, пригрозив высесть плетьюми.

If he had one regret now it was that he had not been out with Monmouth. Если он сейчас о чем-либо и сожалел, так только о том, что не участвовал в восстании, организованном Монмутом.

That, of course, was illogical; but you can hardly expect logic from a man in his position. Это, конечно, было нелогично, но едва ли следовало ожидать логического мышления от человека в его положении.

His chain companion on that dreadful march was the same Jeremy Pitt who had been the agent of his present misfortunes. Весь кошмарный путь из Бриджуотера в Таунтон Блад прошел в кандалах плечом к плечу с тем самым Джереми Питтом, который в значительной степени был причиной его несчастий.

The young shipmaster had remained his close companion after their common arrest. Молодой моряк все время держался рядом с Бладом.

Hence, fortuitously, had they been chained together in the crowded prison, where they were almost suffocated by the heat and the stench during those days of July, August, and September. Июль, август и сентябрь они задыхались от жары и зловония в переполненной тюрьме, а перед отправкой их в суд они вместе были скованы кандалами.

Scraps of news filtered into the gaol from the outside world. Обрывки слухов и новостей понемножку просачивались сквозь толстые стены тюрьмы из внешнего мира.

Some may have been deliberately allowed to penetrate. Of these was the tale of Monmouth's execution. It created profoundest dismay amongst those men who were suffering for the Duke and for the religious cause he had professed to champion. Кое-какие слухи умышленно распространялись среди заключенных - к их числу относился слух о казни Монмута, повергший в глубочайшее уныние тех, кто переносил все мучения

ради этого фальшивого претендента на престол.

Many refused utterly to believe it. Многие из заключенных отказывались верить этому слуху.

A wild story began to circulate that a man resembling Monmouth had offered himself up in the Duke's stead, and that Monmouth survived to come again in glory to deliver Zion and make war upon Babylon. Они безосновательно утверждали, что вместо Монмута был казнен какой-то человек, похожий на герцога, а сам герцог спасся, для того чтобы вновь явиться в ореоле славы.

Mr. Blood heard that tale with the same indifference with which he had received the news of Monmouth's death. Блад отнесся к этой выдумке с таким же глубоким безразличием, с каким воспринял известие о подлинной смерти Монмута.

But one shameful thing he heard in connection with this which left him not quite so unmoved, and served to nourish the contempt he was forming for King James. Однако одна позорная деталь не только задела Блада, но и укрепила его ненависть к королю Якову.

His Majesty had consented to see Monmouth. Король изъявил желание встретиться с Монмутом.

To have done so unless he intended to pardon him was a thing execrable and damnable beyond belief; for the only other object in granting that interview could be the evilly mean satisfaction of spurning the abject penitence of his unfortunate nephew. Если он не имел намерения помиловать мятежного герцога, то эта встреча могла преследовать только самую низкую и подлую цель - насладиться зрелищем унижения Монмута.

Later they heard that Lord Grey, who after the Duke - indeed, perhaps, before him - was the main leader of the rebellion, had purchased his own pardon for forty thousand pounds. Позднее заключенные узнали, что лорд Грей, фактически возглавлявший восстание, купил себе полное прощение за сорок тысяч фунтов стерлингов.

Peter Blood found this of a piece with the rest. His contempt for King James blazed out at last. Тут Питер Блад уже не мог не высказать вслух своего презрения к королю Якову.

"Why, here's a filthy mean creature to sit on a throne. - Какая же низкая и грязная тварь сидит на троне!

If I had known as much of him before as I know to-day, I don't doubt I should have given cause to be where I am now." And then on a sudden thought: "And where will Lord Gildoy be, do you suppose?" he asked. Если бы мне было известно о нем столько, сколько я знаю сегодня, несомненно я дал бы повод посадить меня в тюрьму гораздо раньше, - заявил он и тут же спросил: - А как вы полагаете, где сейчас лорд Гилдой?

Young Pitt, whom he addressed, turned towards him a face from which the ruddy tan of the sea had faded almost completely during those months of captivity. His grey eyes were round and questioning. Питт, которому он задал этот вопрос, повернул к Бладу свое лицо, утратившее за несколько месяцев пребывания в тюрьме почти весь морской загар, и серыми округлившимися глазами вопросительно посмотрел на товарища по заключению.

Blood answered him. - Вы удивляетесь моему вопросу? - спросил Блад.

"Sure, now, we've never seen his lordship since that day at Oglethorpe's. - В

последний раз мы видели его светлость в Оглторпе.

And where are the other gentry that were taken? - the real leaders of this plaguey rebellion. Меня, естественно, интересует, где другие дворяне - истинные виновники неудачного восстания.

Grey's case explains their absence, I think. Полагаю, что история с Греем объясняет их отсутствие здесь, в тюрьме.

They are wealthy men that can ransom themselves. Все они люди богатые и, конечно, давно уж откупились от всяких неприятностей.

Here awaiting the gallows are none but the unfortunates who followed; those who had the honour to lead them go free. Виселицы ждут только тех несчастных, которые имели глупость следовать за аристократами, а сами аристократы, конечно, свободны.

It's a curious and instructive reversal of the usual way of these things. Курьезное и поучительное заключение.

Faith, it's an uncertain world entirely!" Честное слово, насколько же еще глупы люди!

He laughed, and settled down into that spirit of scorn, wrapped in which he stepped later into the great hall of Taunton Castle to take his trial. Он горько засмеялся и несколько позже с тем же чувством глубочайшего презрения вошел в Таунтонский замок, чтобы предстать перед судом.

With him went Pitt and the yeoman Baynes. The three of them were to be tried together, and their case was to open the proceedings of that ghastly day. Вместе с ним были доставлены Питт и Бэйнс, ибо все они проходили по одному и тому же делу, с разбора которого и должен был начаться суд.

The hall, even to the galleries - thronged with spectators, most of whom were ladies - was hung in scarlet; a pleasant conceit, this, of the Lord Chief Justice's, who naturally enough preferred the colour that should reflect his own bloody mind. Огромный зал с галереями, наполненный зрителями, в большинстве дамами, был убран пурпурной материей. Это была чванливая выдумка верховного судьи, барона Джефрейса, жаждавшего крови.

At the upper end, on a raised dais, sat the Lords Commissioners, the five judges in their scarlet robes and heavy dark periwigs, Baron Jeffreys of Wem enthroned in the middle place. Он сидел на высоком председательском кресле. Пониже сутулились четверо судей в пурпурных мантиях и тяжелых черных париках. А еще ниже сидели двенадцать присяжных заседателей.

The prisoners filed in under guard. Стража ввела заключенных.

The crier called for silence under pain of imprisonment, and as the hum of voices gradually became hushed, Mr. Blood considered with interest the twelve good men and true that composed the jury. Судебный пристав, обратившись к публике, потребовал соблюдения полной тишины, угрожая нарушителям тюрьмой. Шум голосов в зале стал постепенно затихать, и Блад пристально разглядывал дюжину присяжных заседателей, которые дали клятву быть "милостивыми и справедливыми".

Neither good nor true did they look. Однако внешность этих людей свидетельствовала о том, что они не могли думать ни о милости, ни о справедливости.

They were scared, uneasy, and hangdog as any set of thieves caught with their hands in the pockets of their neighbours. Перепуганные и потрясенные необычной

обстановкой, они походили на карманных воров, пойманных с поличным.

They were twelve shaken men, each of whom stood between the sword of the Lord Chief Justice's recent bloodthirsty charge and the wall of his own conscience. Каждый из двенадцати стоял перед выбором: или меч верховного судьи, или веление своей совести.

From them Mr. Blood's calm, deliberate glance passed on to consider the Lords Commissioners, and particularly the presiding Judge, that Lord Jeffreys, whose terrible fame had come ahead of him from Dorchester. Затем Блад перевел взгляд на членов суда и его председателя - лорда Джефрейса, о жестокости которого шла ужасная слава.

He beheld a tall, slight man on the young side of forty, with an oval face that was delicately beautiful. Это был высокий, худой человек лет под сорок, с продолговатым красивым лицом.

There were dark stains of suffering or sleeplessness under the low-lidded eyes, heightening their brilliance and their gentle melancholy. Синева под глазами, прикрытыми набрякшими веками, подчеркивала блеск его взгляда, полного меланхолии.

The face was very pale, save for the vivid colour of the full lips and the hectic flush on the rather high but inconspicuous cheek-bones. It was something in those lips that marred the perfection of that countenance; a fault, elusive but undeniable, lurked there to belie the fine sensitiveness of those nostrils, the tenderness of those dark, liquid eyes and the noble calm of that pale brow. На мертвенно бледном лице резко выделялись яркие полные губы и два пятна чахоточного румянца.

The physician in Mr. Blood regarded the man with peculiar interest knowing as he did the agonizing malady from which his lordship suffered, and the amazingly irregular, debauched life that he led in spite of it - perhaps because of it. Верховный судья, как было известно Бладу, страдал от мучительной болезни, которая уверенно вела его к могиле наиболее кратким путем. И доктор знал также, что, несмотря на близкий конец, а может, и благодаря этому, Джефрейс вел распутный образ жизни.

"Peter Blood, hold up your hand!" - Питер Блад, поднимите руку!

Abruptly he was recalled to his position by the harsh voice of the clerk of arraigns. Хриплый голос судебного клерка вернул Блада к действительности.

His obedience was mechanical, and the clerk droned out the wordy indictment which pronounced Peter Blood a false traitor against the Most Illustrious and Most Excellent Prince, James the Second, by the grace of God, of England, Scotland, France, and Ireland King, his supreme and natural lord. Он повиновался, и клерк монотонным голосом стал читать многословное обвинительное заключение: Блада обвиняли в измене своему верховному и законному владыке Якову II, божьей милостью королю Англии, Шотландии, Франции и Ирландии.

It informed him that, having no fear of God in his heart, but being moved and seduced by the instigation of the Devil, he had failed in the love and true and due natural obedience towards his said lord the King, and had moved to disturb the peace and tranquillity of the kingdom and to stir up war and rebellion to depose his said lord the King from the title, honour, and the regal name of the imperial crown - and much more of the same kind, at the end of all of which he was invited to say whether he was guilty or not guilty. Обвинительное заключение утверждало, что Блад не только не проявил любви и почтения к своему королю, но, соблазненный дьяволом, нарушил мир и спокойствие королевства, разжигал войну и мятеж с

преступной целью лишить своего короля короны, титула и чести, и в заключение Бладу предлагалось ответить: виновен он или не виновен?

He answered more than was asked. "It's entirely innocent I am." - Я ни в чем не виновен, - ответил он не задумываясь.

A small, sharp-faced man at a table before and to the right of him bounced up. Маленький остролицый человек, сидевший впереди судейского стола, подскочил на своем месте.

It was Mr. Pollexfen, the Judge-Advocate. Это был военный прокурор Полликсфен.

"Are you guilty or not guilty?" snapped this peppery gentleman. - Виновен или не виновен? - закричал он.

"You must take the words." - Отвечайте теми же словами, которыми вас спрашивают.

"Words, is it?" said Peter Blood. - Теми же словами? - переспросил Блад.

"Oh - not guilty." - Хорошо! Не виновен.

And he went on, addressing himself to the bench. "On this same subject of words, may it please your lordships, I am guilty of nothing to justify any of those words I have heard used to describe me, unless it be of a want of patience at having been closely confined for two months and longer in a foetid gaol with great peril to my health and even life." - И, обращаясь к судьям, сказал: - Я должен заявить, что не сделал ничего, о чем говорится в обвинительном заключении. Меня можно обвинить только в недостатке терпения во время двухмесячного пребывания в зловонной тюрьме, где мое здоровье и моя жизнь подвергались величайшей опасности...

Being started, he would have added a deal more; but at this point the Lord Chief Justice interposed in a gentle, rather plaintive voice. Он мог бы сказать еще многое, но верховный судья прервал его мягким, даже жалобным голосом:

"Look you, sir: because we must observe the common and usual methods of trial, I must interrupt you now. - Я вынужден прервать вас. Мы ведь обязаны соблюдать общепринятые судебные нормы.

You are no doubt ignorant of the forms of law?" Как я вижу, вы не знакомы с судебной процедурой?

"Not only ignorant, my lord, but hitherto most happy in that ignorance. - Не только не знаком, но до сих пор был счастлив в своем неведении.

I could gladly have forgone this acquaintance with them." Если бы это было возможно, я вообще с радостью воздержался бы от подобного знакомства.

A pale smile momentarily lightened the wistful countenance. Слабая улыбка на мгновение скользнула по грустному лицу верховного судьи.

"I believe you. - Я верю вам.

You shall be fully heard when you come to your defence. Вы будете иметь возможность сказать все, что хотите, когда выступите в свою защиту.

But anything you say now is altogether irregular and improper." Однако то, что вам хочется сказать сейчас, и неуместно и незаконно.

Enheartened by that apparent sympathy and consideration, Mr. Blood answered

thereafter, as was required of him, that he would be tried by God and his country. Блад, удивленный и обрадованный явной симпатией и предупредительностью судьи, выразил согласие, чтобы его судили бог и страна[13].

Whereupon, having prayed to God to send him a good deliverance, the clerk called upon Andrew Baynes to hold up his hand and plead. Вслед за этим клерк, помолившись богу и попросив его помочь вынести справедливый приговор, вызвал Эндрю Бэйнса, приказал ему поднять руку и ответить на обвинение.

From Baynes, who pleaded not guilty, the clerk passed on to Pitt, who boldly owned his guilt. От Бэйнса, признавшего себя невиновным, клерк перешел к Питту, и последний дерзко признал свою вину.

The Lord Chief Justice stirred at that. Верховный судья оживился.

"Come; that's better," quoth he, and his four scarlet brethren nodded. - Ну, вот так будет лучше, - сказал он, и его коллеги в пурпурных мантиях послушно закивали головами.

"If all were as obstinate as his two fellow-rebels, there would never be an end." - Если бы все упрямылись, как вот эти несомненные бунтовщики, заслуживающие казни, - и он слабым жестом руки указал на Блада и Бэйнса, - мы никогда бы не закончили наше дело.

After that ominous interpolation, delivered with an inhuman iciness that sent a shiver through the court, Mr. Pollexfen got to his feet. Зловещее замечание судьи заставило всех присутствующих содрогнуться. После этого поднялся Полликсфен.

With great prolixity he stated the general case against the three men, and the particular case against Peter Blood, whose indictment was to be taken first. Многословно изложив существо дела, по которому обвинялись все трое подсудимых, он перешел к обвинению Питера Блада, дело которого разбиралось первым.

The only witness called for the King was Captain Hobart. Единственным свидетелем обвинения был капитан Гобарт.

He testified briskly to the manner in which he had found and taken the three prisoners, together with Lord Gildoy. Он живо обрисовал обстановку, в которой он нашел и арестовал трех подсудимых вместе с лордом Гилдоем.

Upon the orders of his colonel he would have hanged Pitt out of hand, but was restrained by the lies of the prisoner Blood, who led him to believe that Pitt was a peer of the realm and a person of consideration. Согласно приказу своего полковника, капитан обязан был повесить Питта на месте, если бы этому не помешала ложь подсудимого Блада, который заявил, что Питт является пэром и лицом, заслуживающим внимания.

As the Captain's evidence concluded, Lord Jeffreys looked across at Peter Blood. По окончании показаний капитана лорд Джефрейс посмотрел на Питера Блада:

"Will the prisoner Blood ask the witness any questions?" - Есть ли у вас какие-либо вопросы к свидетелю?

"None, my lord. - Никаких вопросов у меня нет, ваша честь.

He has correctly related what occurred." Он правильно изложил то, что произошло.

"I am glad to have your admission of that without any of the prevarications that are usual in your kind. - Рад слышать, что вы не прибегаете к уверткам, обычным для

людей вашего типа.

And I will say this, that here prevarication would avail you little. Должен сказать, что никакие увиливания вам здесь и не помогли бы.

For we always have the truth in the end. В конце концов, мы всегда добьемся правды.

Be sure of that." Можете не сомневаться.

Baynes and Pitt similarly admitted the accuracy of the Captain's evidence, whereupon the scarlet figure of the Lord Chief Justice heaved a sigh of relief. Бэйнс и Питт, в свою очередь, подтвердили правильность показаний капитана. Верховный судья, вздохнув с облегчением, заявил:

"This being so, let us get on, in God's name; for we have much to do." - Ну, если все ясно, так, ради бога, не будем тянуть, ибо у нас еще много дел.

There was now no trace of gentleness in his voice. It was brisk and rasping, and the lips through which it passed were curved in scorn. - Сейчас уже в его голосе не осталось и признаков мягкости.

"I take it, Mr. Pollexfen, that the wicked treason of these three rogues being established - indeed, admitted by them - there is no more to be said." - Я полагаю, господин Полликсфен, что, коль скоро факт подлой измены этих трех мерзавцев установлен и, более того, признан ими самими, говорить больше не о чем.

Peter Blood's voice rang out crisply, on a note that almost seemed to contain laughter. Но тут прозвучал твердый и почти насмешливый голос Питера Блада:

"May it please your lordship, but there's a deal more to be said." - Если вам будет угодно выслушать, то говорить есть о чем.

His lordship looked at him, first in blank amazement at his audacity, then gradually with an expression of dull anger. Верховный судья взглянул на Блада с величайшим изумлением, пораженный его дерзостью, но затем изумление его сменилось гневом.

The scarlet lips fell into unpleasant, cruel lines that transfigured the whole countenance. На неестественно красных губах появилась неприятная, жесткая улыбка, исказившая его лицо.

"Now now, rogue? - Что еще тебе нужно, подлец?

Would you waste our time with idle subterfuge?" Ты опять будешь отнимать у нас время своими бесполезными увертками?

"I would have your lordship and the gentlemen of the jury hear me on my defence, as your lordship promised that I should be heard." - Я бы хотел, чтобы ваша честь и господа присяжные заседатели выслушали, как это вы мне обещали, что я скажу в свою защиту.

"Why, so you shall, villain; so you shall." His lordship's voice was harsh as a file. - Ну что же... Послушаем... - Резкий голос верховного судьи внезапно сорвался и стал глухим.

He writhed as he spoke, and for an instant his features were distorted. Фигура судьи скорчилась.

A delicate dead-white hand, on which the veins showed blue, brought forth a

handkerchief with which he dabbed his lips and then his brow. Своей белой рукой с набухшими синими венами он достал носовой платок и прижал его к губам.

Observing him with his physician's eye, Peter Blood judged him a prey to the pain of the disease that was destroying him. Питер Блад понял как врач, что Джефрейс испытывает сейчас приступ боли, вызванной разрушающей его болезнью.

"So you shall. Но судья, пересилив боль, продолжал: - Говори!

But after the admission made, what defence remains?" Хотя что еще можно сказать в свою защиту после того, как во всем признался?

"You shall judge, my lord." - Вы сами об этом будете судить, ваша честь.

"That is the purpose for which I sit here." - Для этого я сюда и прислан.

"And so shall you, gentlemen." Blood looked from judge to jury. The latter shifted uncomfortably under the confident flash of his blue eyes. - Прошу и вас, господа, - обратился Блад к членам суда, которые беспокойно задвигались под уверенным взглядом его светло-синих глаз.

Lord Jeffreys's bullying charge had whipped the spirit out of them. Had they, themselves, been prisoners accused of treason, he could not have arraigned them more ferociously. Присяжные заседатели смертельно боялись Джефрейса, ибо он вел себя с ними так, будто они сами были подсудимыми, обвиняемыми в измене.

Peter Blood stood boldly forward, erect, self-possessed, and saturnine. He was freshly shaven, and his periwig, if out of curl, was at least carefully combed and dressed. Питер Блад смело вышел вперед... Он держался прямо и уверенно, но лицо его было мрачно.

"Captain Hobart has testified to what he knows - that he found me at Oglethorpe's Farm on the Monday morning after the battle at Weston. But he has not told you what I did there." - Капитан Гобарт в самом деле нашел меня в усадьбе Оглторп, - сказал Блад спокойно, - однако он умолчал о том, что я там делал.

Again the Judge broke in. "Why, what should you have been doing there in the company of rebels, two of whom - Lord Gildoy and your fellow there - have already admitted their guilt?" - Ну, а что же ты должен был делать там в компании бунтовщиков, чья вина уже доказана?

"That is what I beg leave to tell your lordship." - Именно это я и прошу разрешить мне сказать.

"I pray you do, and in God's name be brief, man. - Говори, но только короче.

For if I am to be troubled with the say of all you traitor dogs, I may sit here until the Spring Assizes." Если мне придется выслушать все, что здесь захотят болтать собакапредатели, нам нужно будет заседать до весны.

"I was there, my lord, in my quality as a physician, to dress Lord Gildoy's wounds." - Я был там, ваша честь, для того, чтобы врачевать раны лорда Гилдоя.

"What's this? - Что такое?

Do you tell us that you are a physician?" Ты хочешь сказать нам, что ты доктор?

"A graduate of Trinity College, Dublin." - Да, я окончил Тринити-колледж в Дублине.

"Good God!" cried Lord Jeffreys, his voice suddenly swelling, his eyes upon the jury. - Боже милосердный! - вскричал Джефрейс, в голосе которого вновь зазвучала сила.

"What an impudent rogue is this! - Поглядите на этого мерзавца! - обратился он к членам суда.

You heard the witness say that he had known him in Tangiers some years ago, and that he was then an officer in the French service. - Ведь свидетель показал, что несколько лет назад встречал его в Танжере как офицера французской армии.

You heard the prisoner admit that the witness had spoken the truth?" Вы слышали и признание самого подсудимого о том, что показания свидетеля правильны.

"Why, so he had. - Я признаю это и сейчас.

Yet what I am telling you is also true, so it is. Но вместе с тем правильно также и то, что сказал я.

For some years I was a soldier; but before that I was a physician, and I have been one again since January last, established in Bridgewater, as I can bring a hundred witnesses to prove." Несколько лет мне пришлось быть солдатом, но раньше я был врачом и с января этого года, обосновавшись в Бриджуотере, вернулся к своей профессии доктора, что может подтвердить сотня свидетелей.

"There's not the need to waste our time with that. - Не хватало еще тратить на это время!

I will convict you out of your own rascally mouth. Я вынесу приговор на основании твоих же собственных слов, подлец!

I will ask you only this: How came you, who represent yourself as a physician peacefully following your calling in the town of Bridgewater, to be with the army of the Duke of Monmouth?" Еще раз спрашиваю: как ты, выдающий себя за врача, мирно занимавшегося практикой в Бриджуотере, оказался в армии Монмута?

"I was never with that army. - Я никогда не был в этой армии.

No witness has sworn to that, and I dare swear that no witness will. Ни один свидетель не показал этого и, осмеливаюсь утверждать, не покажет.

I never was attracted to the late rebellion. I regarded the adventure as a wicked madness. Я не сочувствовал целям восстания и считал эту авантюру сумасшествием.

I take leave to ask your lordship" (his brogue became more marked than ever) "what should I, who was born and bred a papist, be doing in the army of the Protestant Champion?" С вашего разрешения, хочу спросить у вас: что мог делать я, католик, в армии протестантов?

"A papist thou?" The judge gloomed on him a moment. - Католик? - мрачно переспросил судья, взглянув на него.

"Art more like a snivelling, canting Jack Presbyter. - Ты - хныкающий ханжа-протестант!

I tell you, man, I can smell a Presbyterian forty miles." Должен сказать тебе, молодой человек, что я носом чую протестанта за сорок миль.

"Then I'll take leave to marvel that with so keen a nose your lordship can't smell

a papist at four paces." - В таком случае, удивляюсь, почему вы, обладая столь чувствительным носом, не можете узнать католика на расстоянии четырех шагов.

There was a ripple of laughter in the galleries, instantly quelled by the fierce glare of the Judge and the voice of the crier. С галерей послышался смех, немедленно умолкший после направленных туда свирепых взглядов судьи и криков судебного пристава.

Lord Jeffreys leaned farther forward upon his desk. He raised that delicate white hand, still clutching its handkerchief, and sprouting from a froth of lace. Подняв изящную, белую руку, все еще сжимавшую носовой платок, и подчеркивая каждое слово угрожающим покачиванием указательного пальца, Джефрейс сказал:

"We'll leave your religion out of account for the moment, friend," said he. - Вопрос о твоей религии, мой друг, мы обсуждать не будем.

"But mark what I say to you." With a minatory forefinger he beat the time of his words. "Know, friend, that there is no religion a man can pretend to can give a countenance to lying. Однако запомни, что я тебе скажу: никакая религия не может оправдать ложь.

Thou hast a precious immortal soul, and there is nothing in the world equal to it in value. У тебя есть бессмертная душа.

Consider that the great God of Heaven and Earth, before Whose tribunal thou and we and all persons are to stand at the last day, will take vengeance on thee for every falsehood, and justly strike thee into eternal flames, make thee drop into the bottomless pit of fire and brimstone, if thou offer to deviate the least from the truth and nothing but the truth. Подумай об этом, а также о том, что всемогущий бог, перед судом которого и ты, и мы, и все люди предстанем в день великого судилища, накажет тебя за малейшую ложь и бросит в бездну, полную огня и кипящей серы.

For I tell thee God is not mocked. Бога нельзя обмануть! Помни об этом всегда.

On that I charge you to answer truthfully. How came you to be taken with these rebels?" А сейчас скажи: как случилось, что тебя захватили вместе с бунтовщиками?

Peter Blood gaped at him a moment in consternation. The man was incredible, unreal, fantastic, a nightmare judge. Then he collected himself to answer. Питер Блад с изумлением и ужасом взглянул на судью:

"I was summoned that morning to succour Lord Gildoy, and I conceived it to be the duty imposed upon me by my calling to answer that summons." - В то утро, ваша честь, меня вызвали к раненому лорду Гилдою. По долгу профессии я считал своей обязанностью оказать ему помощь.

"Did you so?" - Своей обязанностью?

The Judge, terrible now of aspect - his face white, his twisted lips red as the blood for which they thirsted -glared upon him in evil mockery. - И судья с побелевшим лицом, перекошенным усмешкой, гневно взглянул на Блада.

Then he controlled himself as if by an effort. He sighed. He resumed his earlier gentle plaintiveness. "Lord! Затем, овладев собой, Джефрейс глубоко вздохнул и с прежней мягкостью сказал: - О, мой бог!

How you waste our time. Нельзя же так испытывать наше терпение.

But I'll have patience with you. Ну хорошо.

Who summoned you?" Скажите, кто вас вызывал?

"Master Pitt there, as he will testify." - Находящийся здесь Питт. Он может подтвердить мои слова.

"Oh! - Ага!

Master Pitt will testify - he that is himself a traitor self-confessed. Подтвердит Питт, уже сознавшийся в своей измене.

Is that your witness?" И это - ваш свидетель?

"There is also Master Baynes here, who can answer to it." - Здесь находится и Эндрю Бэйнс. Он скажет то же самое.

"Good Master Baynes will have to answer for himself; and I doubt not he'll be greatly exercised to save his own neck from a halter. - Дорогому Бэйнсу еще предстоит самому ответить за свои прегрешения. Полагаю, он будет очень занят, спасая свою собственную шею от веревки.

Come, come, sir; are these your only witnesses?" Так, так! И что все ваши свидетели?

"I could bring others from Bridgewater, who saw me set out that morning upon the scrupper of Master Pitt's horse." - Почему же все, ваша честь? Можно вызвать из Бриджуотера и других свидетелей, которые видели, как я уезжал вместе с Питтом на крупе, его лошади.

His lordship smiled. "It will not be necessary. - О, в этом не будет необходимости, - улыбнулся верховный судья.

For, mark me, I do not intend to waste more time on you. - Я не намерен тратить на вас время.

Answer me only this: When Master Pitt, as you pretend, came to summon you, did you know that he had been, as you have heard him confess, of Monmouth's following?" Скажите мне только одно: когда Питт, как вы утверждаете, явился за вами, знали ли вы, что он был сторонником Монмута, в чем он уже здесь сознался?

"I did, My lord." - Да, ваша честь, я знал об этом.

"You did! - Вы знали!

Ha!" Ага!

His lordship looked at the cringing jury and uttered a short, stabbing laugh. - И верховный судья грозно посмотрел на присяжных заседателей, съежившихся от страха.

"Yet in spite of that you went with him?" - И все же, несмотря на это, вы поехали с ним?

"To succour a wounded man, as was my sacred duty." - Да, я считал святым долгом оказать помощь раненому человеку.

"Thy sacred duty, sayest thou?" Fury blazed out of him again. - Ты называешь это святым долгом, мерзавец?! - заорал судья.

"Good God! What a generation of vipers do we live in! - Боже милосердный!

Thy sacred duty, rogue, is to thy King and to God. Твой святой долг, подлец, служить королю и богу!

But let it pass. Но не будем говорить об этом.

Did he tell you whom it was that you were desired to succour?" Сказал ли вам этот Питт, кому именно нужна была ваша помощь?

"Lord Gildoy - yes." - Да, лорду Гилдою.

"And you knew that Lord Gildoy had been wounded in the battle, and on what side he fought?" - А знали ли вы, что лорд Гилдой был ранен в сражении и на чьей стороне он сражался?

"I knew." - Да, знал.

"And yet, being, as you would have us believe, a true and loyal subject of our Lord the King, you went to succour him?" - И тем не менее, будучи, как вы нас пытаетесь убедить, лояльным подданным нашего короля, вы отправились к Гилдою?

Peter Blood lost patience for a moment. На мгновение Питер Блад потерял терпение.

"My business, my lord, was with his wounds, not with his politics." - Меня занимали его раны, а не его политические взгляды! - сказал он резко.

A murmur from the galleries and even from the jury approved him. It served only to drive his terrible judge into a deeper fury. На галереях и даже среди присяжных заседателей раздался одобрителный шепот, который лишь усилил ярость верховного судьи.

"Jesus God! - Господи Иисусе!

Was there ever such an impudent villain in the world as thou?" Жил ли еще когда-либо на свете такой бесстыжий злодей, как ты?

He swung, white-faced, to the jury. - И Джефрейс повернул свое мертвенно-бледное лицо к членам суда.

"I hope, gentlemen of the jury, you take notice of the horrible carriage of this traitor rogue, and withal you cannot but observe the spirit of this sort of people, what a villainous and devilish one it is. - Я обращаю ваше внимание, господа, на отвратительное поведение этого подлого изменника.

Out of his own mouth he has said enough to hang him a dozen times. Yet is there more. Answer me this, sir: When you cozened Captain Hobart with your lies concerning the station of this other traitor Pitt, what was your business then?" Того, в чем он сам сознался, достаточно, чтобы повесить его десять раз... Ответьте мне, подсудимый, какую цель вы преследовали, мороча капитана Г обарта враньем о высоком сани изменника Питта?

"To save him from being hanged without trial, as was threatened." - Я хотел спасти его от виселицы без суда.

"What concern was it of yours whether or how the wretch was hanged?" - Какое вам было дело до этого негодяя?

"Justice is the concern of every loyal subject, for an injustice committed by one

who holds the King's commission is in some sense a dishonour to the King's majesty." - Забота о справедливости - долг каждого верноподданного, - спокойно сказал Питер Блад.- Несправедливость, совершенная любым королевским слугой, в известной мере бесчестит самого короля.

It was a shrewd, sharp thrust aimed at the jury, and it reveals, I think, the alertness of the man's mind, his self-possession ever steadiest in moments of dire peril. Это был сильный выпад по адресу суда, обнаруживающий, как мне кажется, самообладание Блада и остроту его ума, особенно усиливавшиеся в моменты величайшей опасности.

With any other jury it must have made the impression that he hoped to make. На любой другой состав суда эти слова произвели бы именно то впечатление, на которое и рассчитывал Блад.

It may even have made its impression upon these poor pusillanimous sheep. Бедные, малодушные овцы, исполнявшие роли присяжных, заколебались.

But the dread judge was there to efface it. Но тут снова вмешался Джефрейс.

He gasped aloud, then flung himself violently forward. Он громко, с трудом задышал, а затем неистово ринулся в атаку, чтобы сгладить благоприятное впечатление, произведенное словами Блада.

"Lord of Heaven!" he stormed. - Владыка небесный! - закричал судья.

"Was there ever such a canting, impudent rascal? - Видали вы когда-нибудь такого наглеца?!"

But I have done with you. Но я уже разделался с тобой.

I see thee, villain, I see thee already with a halter round thy neck." Конечно! Я вижу, злодей, веревку на твоей шее!

Having spoken so, gloatingly, evilly, he sank back again, and composed himself. Выпалив эти слова, которые не давали возможности присяжным прислушаться к голосу своей совести, Джефрейс опустил в кресло и вновь овладел собой.

It was as if a curtain fell. Судебная комедия была окончена.

All emotion passed again from his pale face. Back to invest it again came that gentle melancholy. На бледном лице судьи не осталось никаких следов возбуждения, оно сменилось выражением тихой меланхолии.

Speaking after a moment's pause, his voice was soft, almost tender, yet every word of it carried sharply through that hushed court. Помолчав, он заговорил мягким, почти нежным голосом, однако каждое его слово отчетливо раздавалось в притихшем зале:

"If I know my own heart it is not in my nature to desire the hurt of anybody, much less to delight in his eternal perdition. - Не в моем характере причинять кому-либо вред или радоваться чьей-либо гибели.

It is out of compassion for you that I have used all these words - because I would have you have some regard for your immortal soul, and not ensure its damnation by obdurately persisting in falsehood and prevarication. Только из сострадания к вам я употребил все эти слова, надеясь, что вы сами позаботитесь о своей бессмертной душе, а не будете способствовать ее проклятию, упорствуя и лжесвидетельствуя.

But I see that all the pains in the world, and all compassion and charity are lost upon you, and therefore I will say no more to you." Но я вижу, что все мои усилия, все мое сострадание и милосердие бесполезны. Мне не о чем больше с вами говорить.

He turned again to the jury that countenance of wistful beauty. - И, повернувшись к членам суда, он сказал: -Господа!

"Gentlemen, I must tell you for law, of which we are the judges, and not you, that if any person be in actual rebellion against the King, and another person - who really and actually was not in rebellion - does knowingly receive, harbour, comfort, or succour him, such a person is as much a traitor as he who indeed bore arms. Как представитель закона, истолкователями которого являемся мы - судьи, а не обвиняемый, должен напомнить вам, что если кто-то, хотя бы и не участвовавший в мятеже против короля, сознательно принимает, укрывает и поддерживает мятежника, то этот человек является таким же предателем, как и тот, кто имел в руках оружие. Таков закон!

We are bound by our oaths and consciences to declare to you what is law; and you are bound by your oaths and your consciences to deliver and to declare to us by your verdict the truth of the facts." Руководствуясь сознанием своего долга и данной вами присягой, вы обязаны вынести справедливый приговор.

Upon that he proceeded to his summing-up, showing how Baynes and Blood were both guilty of treason, the first for having harboured a traitor, the second for having succoured that traitor by dressing his wounds. После этого верховный судья приступил к изложению речи, в которой пытался доказать, что и Бэйнс и Блад виновны в измене: первый - за укрытие предателя, а второй - за оказание ему медицинской помощи.

He interlarded his address by sycophantic allusions to his natural lord and lawful sovereign, the King, whom God had set over them, and with vituperations of Nonconformity and of Monmouth, of whom - in his own words - he dared boldly affirm that the meanest subject within the kingdom that was of legitimate birth had a better title to the crown. "Jesus God! That ever we should have such a generation of vipers among us," he burst out in rhetorical frenzy. Речь судьи была усыпана льстивыми ссылками на законного государя и повелителя - короля, поставленного богом над всеми, и бранью в адрес протестантов и Монмута, о котором он сказал, что любой законнорожденный бедняк в королевстве имел больше прав на престол, нежели мятежный герцог.

And then he sank back as if exhausted by the violence he had used. A moment he was still, dabbing his lips again; then he moved uneasily; once more his features were twisted by pain, and in a few snarling, almost incoherent words he dismissed the jury to consider the verdict. Закончив свою речь, он, обессиленный, не опустил, а упал в свое кресло и несколько минут сидел молча, вытирая платком губы. Потом, корчась от нового приступа боли, он приказал членам суда отправиться на совещание.

Peter Blood had listened to the intemperate, the blasphemous, and almost obscene invective of that tirade with a detachment that afterwards, in retrospect, surprised him. Питер Блад выслушал речь Джефрейса с отрешенностью, которая впоследствии, когда он вспоминал эти часы, проведенные в зале суда, не раз удивляла его.

He was so amazed by the man, by the reactions taking place in him between mind and body, and by his methods of bullying and coercing the jury into bloodshed, that he almost forgot that his own life was at stake. Он был так поражен поведением верховного судьи и быстрой сменой его настроений, что почти забыл об опасности, угрожавшей его собственной жизни.

The absence of that dazed jury was a brief one. The verdict found the three prisoners guilty. Отсутствие членов суда было таким же кратким, как и их приговор: все трое признавались виновными.

Peter Blood looked round the scarlet-hung court. For an instant that foam of white faces seemed to heave before him. Питер Блад обвел взглядом зал суда, и на одно мгновение сотни бледных лиц заколебались перед ним.

Then he was himself again, and a voice was asking him what he had to say for himself, why sentence of death should not be passed upon him, being convicted of high treason. Однако он быстро овладел собой и услышал, что кто-то его спрашивает: может ли он сказать, почему ему не должен быть вынесен смертный приговор [14] после признания его виновным в государственной измене?

He laughed, and his laugh jarred uncannily upon the deathly stillness of the court. Он внезапно засмеялся, и смех этот странно и жутко прозвучал в мертвой тишине зала.

It was all so grotesque, such a mockery of justice administered by that wistful-eyed jack-pudding in scarlet, who was himself a mockery - the venal instrument of a brutally spiteful and vindictive king. Правосудие, отправляемое больным маньяком в пурпурной мантии, было сплошным издевательством. Да и сам верховный судья - продажный инструмент жестокого, злобного и мстительного короля - был насмешкой над правосудием.

His laughter shocked the austerity of that same jack-pudding. Но даже и на этого маньяка подействовал смех Блада.

"Do you laugh, sirrah, with the rope about your neck, upon the very threshold of that eternity you are so suddenly to enter into?" - Вы смеетесь на пороге вечности, стоя с веревкой на шее? - удивленно спросил верховный судья.

And then Blood took his revenge. И здесь Блад использовал представившуюся ему возможность мести:

"Faith, it's in better case I am for mirth than your lordship. - Честное слово, у меня больше оснований для радости, нежели у вас.

For I have this to say before you deliver judgment. Your lordship sees me - an innocent man whose only offence is that I practised charity - with a halter round my neck. Прежде чем будет утвержден мой приговор, я должен сказать следующее: вы видите меня, невинного человека, с веревкой на шее, хотя единственная моя вина в том, что я выполнил свой долг, долг врача.

Your lordship, being the justiciar, speaks with knowledge of what is to come to me. Вы выступали здесь, заранее зная, что меня ожидает.

I, being a physician, may speak with knowledge of what is to come to your lordship. А я как врач могу заранее сказать, что ожидает вас, ваша честь.

And I tell you that I would not now change places with you - that I would not exchange this halter that you fling about my neck for the stone that you carry in your body. И, зная это, заявляю вам, что даже сейчас я не поменялся бы с вами местами, не сменял бы той веревки, которой вы хотите меня удавить, на тот камень, который вы в себе носите.

The death to which you may doom me is a light pleasantry by contrast with the death to which your lordship has been doomed by that Great Judge with whose name your lordship makes so free." Смерть, к которой вы приговорите меня, будет истинным удовольствием по сравнению с той смертью, к которой вас приговорил тот господь бог,

чье имя вы здесь так часто употребляете.

The Lord Chief Justice sat stiffly upright, his face ashen, his lips twitching, and whilst you might have counted ten there was no sound in that paralyzed court after Peter Blood had finished speaking. Бледный, с судорожно дергающимися губами, верховный судья неподвижно застыл в своем кресле. В зале стояла полнейшая тишина.

All those who knew Lord Jeffreys regarded this as the lull before the storm, and braced themselves for the explosion. Все, кто знал Джефрейса, решили, что это затишье перед бурей, и уже готовились к взрыву.

But none came. Но никакого взрыва не последовало.

Slowly, faintly, the colour crept back into that ashen face. На лице одетого в пурпур судьи медленно проступил слабый румянец.

The scarlet figure lost its rigidity, and bent forward. Джефрейс как бы выходил из состояния оцепенения.

His lordship began to speak. In a muted voice and briefly - much more briefly than his wont on such occasions and in a manner entirely mechanical, the manner of a man whose thoughts are elsewhere while his lips are speaking - he delivered sentence of death in the prescribed form, and without the least allusion to what Peter Blood had said. Он с трудом поднялся и приглушенным голосом, совершенно механически, как человек, мысли которого заняты совсем другим, вынес смертный приговор, не ответив ни слова на то, о чем говорил Питер Блад.

Having delivered it, he sank back exhausted, his eyes half-closed, his brow agleam with sweat. Произнеся приговор, судья снова опустился в кресло. Глаза его были полузакрыты, а на лбу блестели капли пота.

The prisoners filed out. Стража увела заключенных.

Mr. Pollexfen - a Whig at heart despite the position of Judge-Advocate which he occupied - was overheard by one of the jurors to mutter in the ear of a brother counsel: Один из присяжных заседателей случайно подслушал, как Полликсфен, несмотря на свое положение военного прокурора, втайне бывший вигом, тихо сказал своему коллеге-адвокату:

"On my soul, that swarthy rascal has given his lordship a scare. - Клянусь богом, этот черномазый мошенник до смерти перепугал верховного судью.

It's a pity he must hang. Жаль, что его должны повесить.

For a man who can frighten Jeffreys should go far." Человек, способный устроить Джефрейса, пошел бы далеко.

Chapter IV Глава IV

HUMAN MERCHANDISE ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ

Mr. Pollexfen was at one and the same time right and wrong - a condition much more common than is generally supposed. Полликсфен был прав и неправ в одно и то же время.

He was right in his indifferently expressed thought that a man whose mien and words could daunt such a lord of terror as Jeffreys, should by the dominance of his nature be able to fashion himself a considerable destiny. Он был прав в своем мнении, что человек, способный вывести из себя такого деспота, как Джефрейс, должен

был сделать хорошую карьеру.

He was wrong - though justifiably so - in his assumption that Peter Blood must hang. И в то же время он был неправ, считая предстоящую казнь Питера Блада неизбежной.

I have said that the tribulations with which he was visited as a result of his errand of mercy to Oglethorpe's Farm contained - although as yet he did not perceive it, perhaps - two sources of thankfulness: one that he was tried at all; the other that his trial took place on the 19th of September. Я уже сказал, что несчастья, обрушившиеся на Блада в результате его посещения усадьбы Оглторп, включали в себя и два обстоятельства положительного порядка: первое, что его вообще судили, и второе, что суд состоялся 19 сентября.

Until the 18th, the sentences passed by the court of the Lords Commissioners had been carried out literally and expeditiously. До 18 сентября приговоры суда приводились в исполнение немедленно.

But on the morning of the 19th there arrived at Taunton a courier from Lord Sunderland, the Secretary of State, with a letter for Lord Jeffreys wherein he was informed that His Majesty had been graciously pleased to command that eleven hundred rebels should be furnished for transportation to some of His Majesty's southern plantations, Jamaica, Barbados, or any of the Leeward Islands. Но утром 19 сентября в Таунтон прибыл курьер от государственного министра лорда Сэндерленда с письмом на имя лорда Джефрейса. В письме сообщалось, что его величество король милостиво приказывает отправить тысячу сто бунтовщиков в свои южные колонии на Ямайке, Барбадосе и на Подветренных островах.

You are not to suppose that this command was dictated by any sense of mercy. Вы, конечно, не предполагаете, что это приказание диктовалось какими-то соображениями гуманности.

Lord Churchill was no more than just when he spoke of the King's heart as being as insensible as marble. Лорд Черчилль, один из видных сановников Якова II, был совершенно прав, заметив как-то, что сердце короля столь же чувствительно, как камень.

It had been realized that in these wholesale hangings there was taking place a reckless waste of valuable material. Slaves were urgently required in the plantations, and a healthy, vigorous man could be reckoned worth at least from ten to fifteen pounds. "Гуманность" объяснялась просто: массовые казни были безрассудной тратой ценного человеческого материала, в то время как в колониях не хватало людей для работы на плантациях, и здорового, сильного мужчину можно было продать за 10-15 фунтов стерлингов.

Then, there were at court many gentlemen who had some claim or other upon His Majesty's bounty. Here was a cheap and ready way to discharge these claims. Немало сановников при дворе короля имели основания претендовать на королевскую щедрость, и сейчас представлялся дешевый и доступный способ для удовлетворения их насущных нужд.

From amongst the convicted rebels a certain number might be set aside to be bestowed upon those gentlemen, so that they might dispose of them to their own profit. В конце концов, что стоило королю подарить своим приближенным некоторое количество осужденных бунтовщиков?

My Lord Sunderland's letter gives precise details of the royal munificence in human flesh. В своем письме лорд Сэндерленд подробно описывал все детали королевской милости, заключенной в человеческой плоти и крови.

A thousand prisoners were to be distributed among some eight courtiers and others, whilst a postscriptum to his lordship's letter asked for a further hundred to be held at the disposal of the Queen. Тысяча осужденных отдавалась восьми царедворцам, а сто поступали в собственность королевы.

These prisoners were to be transported at once to His Majesty's southern plantations, and to be kept there for the space of ten years before being restored to liberty, the parties to whom they were assigned entering into security to see that transportation was immediately effected. Всех этих людей следовало немедленно отправить в южные владения короля, где они и должны были содержаться впредь до освобождения через десять лет. Лица, которым передавались заключенные, обязывались обеспечить их немедленную перевозку.

We know from Lord Jeffreys's secretary how the Chief Justice inveighed that night in drunken frenzy against this misplaced clemency to which His Majesty had been persuaded. От секретаря лорда Джефрейса мы знаем, как в эту ночь верховный судья в пьяном бешенстве яростно поносил это недопустимое, на его взгляд, "милосердие" короля.

We know how he attempted by letter to induce the King to reconsider his decision. But James adhered to it. Нам известно, что в письме, посланном королю, верховный судья пытался убедить его пересмотреть свое решение, однако король Яков отказался это сделать.

It was - apart from the indirect profit he derived from it - a clemency full worthy of him. Не говоря уже о косвенных прибылях, которые он получал от этого "милосердия", оно вполне соответствовало его характеру.

He knew that to spare lives in this fashion was to convert them into living deaths. Many must succumb in torment to the horrors of West Indian slavery, and so be the envy of their surviving companions. Король понимал, что многие заключенные умрут мучительной смертью, будучи не в состоянии перенести ужасы рабства в Вест-Индии, и судьбе их будут завидовать оставшиеся в живых товарищи.

Thus it happened that Peter Blood, and with him Jeremy Pitt and Andrew Baynes, instead of being hanged, drawn, and quartered as their sentences directed, were conveyed to Bristol and there shipped with some fifty others aboard the Jamaica Merchant. Так случилось, что Питер Блад, а с ним Эндрю Бэйнс и Джереми Питт, вместо того чтобы быть повешенными, колесованными и четвертованными, как определялось в приговоре, были отправлены вместе с другими пятьюдесятью заключенными в Бристоль, а оттуда морем на корабле "Ямайский купец".

From close confinement under hatches, ill-nourishment and foul water, a sickness broke out amongst them, of which eleven died. От большой скученности, плохой пищи и гнилой воды среди осужденных вспыхнули болезни, унесшие в океанскую могилу одиннадцать человек.

Amongst these was the unfortunate yeoman from Oglethorpe's Farm, brutally torn from his quiet homestead amid the fragrant cider orchards for no other sin but that he had practised mercy. Среди погибших оказался и несчастный Бэйнс.

The mortality might have been higher than it was but for Peter Blood. Смертность среди заключенных, однако, была сокращена вмешательством Питера Блада.

At first the master of the Jamaica Merchant had answered with oaths and threats the doctor's expostulations against permitting men to perish in this fashion, and his insistence that he should be made free of the medicine chest and given leave to minister to the sick. Вначале капитан "Ямайского купца" бранью и угрозами встречал

настойчивые просьбы врача разрешить ему доступ к ящику с лекарствами для оказания помощи больным.

But presently Captain Gardner came to see that he might be brought to task for these too heavy losses of human merchandise and because of this he was belatedly glad to avail himself of the skill of Peter Blood. Но потом капитан Гарднер сообразил, что его, чего доброго, еще притянут к ответу за слишком большие потери живого товара. С некоторым запозданием он все же воспользовался медицинскими познаниями Питера Блада.

The doctor went to work zealously and zestfully, and wrought so ably that, by his ministrations and by improving the condition of his fellow-captives, he checked the spread of the disease. Улучшив условия, в которых находились заключенные, и наладив медицинскую помощь, Блад остановил распространение болезней.

Towards the middle of December the Jamaica Merchant dropped anchor in Carlisle Bay, and put ashore the forty-two surviving rebels-convict. В середине декабря "Ямайский купец" бросил якорь в Карлайлской бухте, и на берег были высажены сорок два оставшихся в живых повстанца.

If these unfortunates had imagined - as many of them appear to have done - that they were coming into some wild, savage country, the prospect, of which they had a glimpse before they were hustled over the ship's side into the waiting boats, was enough to correct the impression. Если эти несчастные воображали (а многим из них, видимо, так и казалось), что они едут в дикую, нецивилизованную страну, то одного взгляда на нее, брошенного во время торопливой перегрузки живого товара с корабля в лодки, было достаточно, для того чтобы изменить это представление.

They beheld a town of sufficiently imposing proportions composed of houses built upon European notions of architecture, but without any of the huddle usual in European cities. Они увидели довольно большой город с домами европейской архитектуры, но без сутолоки, характерной для городов Европы.

The spire of a church rose dominantly above the red roofs, a fort guarded the entrance of the wide harbour, with guns thrusting their muzzles between the crenels, and the wide facade of Government House revealed itself dominantly placed on a gentle hill above the town. Над красными крышами возвышался шпиль церкви. Вход в широкую бухту защищался фортом, из амбразур которого во все стороны торчали стволы пушек. На отлогом склоне холма белел фасад большого губернаторского дома.

This hill was vividly green as is an English hill in April, and the day was such a day as April gives to England, the season of heavy rains being newly ended. Холм был покрыт яркозеленой растительностью, какая бывает в Англии в апреле, и день напоминал такой же апрельский день в Англии, поскольку сезон дождей только кончился.

On a wide cobbled space on the sea front they found a guard of red-coated militia drawn up to receive them, and a crowd - attracted by their arrival - which in dress and manner differed little from a crowd in a seaport at home save that it contained fewer women and a great number of negroes. На широкой мощеной набережной выстроился вооруженный отряд милиции, присланный для охраны осужденных. Здесь же собралась толпа зрителей, по одежде и по поведению отличавшаяся от обычной толпы в любом морском порту Англии только тем, что в ней было меньше женщин и больше негров.

To inspect them, drawn up there on the mole, came Governor Steed, a short, stout, red-faced gentleman, in blue taffetas burdened by a prodigious amount of gold lace, who limped a little and leaned heavily upon a stout ebony cane. Для осмотра выстроенных на молу осужденных приехал губернатор Стивд - низенький полный человек с красным лицом, одетый в камзол из толстого голубого шелка, обильно разукрашенный

золотыми позументами. Он слегка прихрамывал и потому опирался на прочную трость из черного дерева.

After him, in the uniform of a colonel of the Barbados Militia, rolled a tall, corpulent man who towered head and shoulders above the Governor, with malevolence plainly written on his enormous yellowish countenance. Вслед за губернатором появился высокий, дородный мужчина в форме полковника барбадосской милиции. На большом желтоватом лице его словно застыло выражение недоброжелательства.

At his side, and contrasting oddly with his grossness, moving with an easy stripling grace, came a slight young lady in a modish riding-gown. Рядом с ним шла стройная девушка в элегантном костюме для верховой езды.

The broad brim of a grey hat with scarlet sweep of ostrich plume shaded an oval face upon which the climate of the Tropic of Cancer had made no impression, so delicately fair was its complexion. Широкополая серая шляпа, украшенная алыми страусовыми перьями, прикрывала продолговатое, с тонкими чертами лицо, на котором тропический климат не оставил никаких следов.

Ringlets of red-brown hair hung to her shoulders. Локоны блестящих каштановых волос кольцами падали на плечи.

Frankness looked out from her hazel eyes which were set wide; commiseration repressed now the mischievousness that normally inhabited her fresh young mouth. Широко поставленные карие глаза открыто смотрели на мир, а на лице ее вместо обычного задорного выражения сейчас было видно сострадание.

Peter Blood caught himself staring in a sort of amazement at that piquant face, which seemed here so out of place, and finding his stare returned, he shifted uncomfortably. Питер Блад спохватился, поймав себя на том, что он не сводит удивленных глаз с очаровательного лица этой девушки, находившейся здесь явно не на месте.

He grew conscious of the sorry figure that he cut. Обнаружив, что она, в свою очередь, также пристально его разглядывает, Блад поежился, чувствуя, какое печальное зрелище он представляет.

Unwashed, with rank and matted hair and a disfiguring black beard upon his face, and the erstwhile splendid suit of black camlet in which he had been taken prisoner now reduced to rags that would have disgraced a scarecrow, he was in no case for inspection by such dainty eyes as these. Немытый, с грязными и спутанными волосами и давно не бритой черной бородой, в лохмотьях, оставшихся от некогда хорошего камзола, который сейчас обезобразил бы даже огородное пугало, он совершенно не подходил для того, чтобы на него смотрели такие красивые глаза.

Nevertheless, they continued to inspect him with round-eyed, almost childlike wonder and pity. И тем не менее эта девушка с каким-то почти детским изумлением и жалостью продолжала его рассматривать.

Their owner put forth a hand to touch the scarlet sleeve of her companion, whereupon with an ill-tempered grunt the man swung his great bulk round so that he directly confronted her. Затем она коснулась рукой своего компаньона, который с недовольным ворчанием повернулся к ней.

Looking up into his face, she was speaking to him earnestly, but the Colonel plainly gave her no more than the half of his attention. Девушка горячо говорила ему о чем-то, но было совершенно очевидно, что полковник слушал ее невнимательно.

His little beady eyes, closely flanking a fleshly, pendulous nose, had passed from

her and were fixed upon fair-haired, sturdy young Pitt, who was standing beside Blood. Взгляд его маленьких блестящих глаз, расположенных близко к мясистому крючковатому носу, перешел с нее и остановился на светловолосом крепыше Питте, стоявшем рядом с Бладом.

The Governor had also come to a halt, and for a moment now that little group of three stood in conversation. Но тут к ним подошел губернатор, и между ними завязался общий разговор.

What the lady said, Peter could not hear at all, for she lowered her voice; the Colonel's reached him in a confused rumble, but the Governor was neither considerate nor indistinct; he had a high-pitched voice which carried far, and believing himself witty, he desired to be heard by all. Девушка говорила очень тихо, и Блад ее совсем не слышал; слова полковника доносились до него в форме неразборчивого мычания. Губернатор же, обладавший пронзительным голосом, считал себя остроумным человеком и любил, чтобы ему все внимали.

"But, my dear Colonel Bishop, it is for you to take first choice from this dainty nosegay, and at your own price. - Послушайте, мой дорогой полковник Бишоп. Вам предоставляется право первого выбора из этого прекрасного букета цветов и по той цене, которую вы назначите сами.

After that we'll send the rest to auction." А всех остальных мы продадим с торгов.

Colonel Bishop nodded his acknowledgment. He raised his voice in answering. Полковник Бишоп кивнул головой в знак согласия:

"Your excellency is very good. - Ваше превосходительство очень добры.

But, faith, they're a weedy lot, not likely to be of much value in the plantation." Но, клянусь честью, это не партия рабочих, а жалкое стадо кляч. Вряд ли от них будет какой-нибудь толк на плантациях.

His beady eyes scanned them again, and his contempt of them deepened the malevolence of his face. It was as if he were annoyed with them for being in no better condition. Презрительно щуря маленькие глазки, он вновь осмотрел всех осужденных, и выражение злой недоброжелательности на его лице еще более усилилось.

Then he beckoned forward Captain Gardner, the master of the Jamaica Merchant, and for some minutes stood in talk with him over a list which the latter produced at his request. Затем, подозвав к себе капитана "Ямайского купца" Гарднера, он несколько минут разговаривал с ним, рассматривая полученный от него список.

Presently he waved aside the list and advanced alone towards the rebels-convict, his eyes considering them, his lips pursed. Потом полковник сунул список обратно Гарднеру и подошел к осужденным повстанцам.

Before the young Somersetshire shipmaster he came to a halt, and stood an instant pondering him. Подле молодого моряка из Сомерсетшира Бишоп остановился.

Then he fingered the muscles of the young man's arm, and bade him open his mouth that he might see his teeth. He pursed his coarse lips again and nodded. He spoke to Gardner over his shoulder. Ощупав мускулы на руках Питта, он приказал ему открыть рот, чтобы осмотреть зубы; облизнулся, кивнул головой и, не поворачиваясь, буркнул шедшему позади него Гарднеру:

"Fifteen pounds for this one." - За этого - пятнадцать фунтов.

The Captain made a face of dismay. Капитан скорчил недовольную гримасу:

"Fifteen pounds! - Пятнадцать фунтов?"

It isn't half what I meant to ask for him." Это не составит и половины того, что я хотел просить за него.

"It is double what I had meant to give," grunted the Colonel. - Это вдвое больше того, что я был намерен заплатить, - проворчал полковник.

"But he would be cheap at thirty pounds, your honour." - Но ведь и тридцать фунтов за него - слишком дешево, ваша честь.

"I can get a negro for that. - За такую цену я могу купить негра.

These white swine don't live. They're not fit for the labour." Эти белые свиньи не умеют работать и быстродохнут в нашем климате.

Gardner broke into protestations of Pitt's health, youth, and vigour. It was not a man he was discussing; it was a beast of burden. Гарднер начал расхваливать здоровье Питта, его молодость и выносливость, словно речь шла не о человеке, а о вьючном животном.

Pitt, a sensitive lad, stood mute and unmoving. Впечатлительный Питт стоял молча, не шевелясь.

Only the ebb and flow of colour in his cheeks showed the inward struggle by which he maintained his self-control. Лишь румянец, то появлявшийся, то исчезающий на его щеках, выдавал внутреннюю борьбу, которую вел с собой молодой человек, пытаясь сохранить самообладание.

Peter Blood was nauseated by the loathsome haggle. У Питера Блада эта гнусная торговля вызывала чувство глубочайшего отвращения.

In the background, moving slowly away down the line of prisoners, went the lady in conversation with the Governor, who smirked and preened himself as he limped beside her. В стороне от всего этого прогуливалась, разговаривая с губернатором, девушка, на которую Блад обратил внимание. Губернатор прыгал около нее, глупо улыбаясь и прихорашиваясь.

She was unconscious of the loathly business the Colonel was transacting. Девушка, очевидно, не понимала, каким мерзким делом занимался полковник.

Was she, wondered Blood, indifferent to it? А быть может, подумал Блад, это было ей совершенно безразлично?

Colonel Bishop swung on his heel to pass on. В эту секунду полковник Бишоп повернулся на каблуках, собираясь уходить.

"I'll go as far as twenty pounds. - Двадцать фунтов - и ни пенса больше.

Not a penny more, and it's twice as much as you are like to get from Crabston." Это моя предельная цена. Она вдвое больше той, какую вам предложит Крэбстон.

Captain Gardner, recognizing the finality of the tone, sighed and yielded. Капитан Гарднер, поняв по его тону, что это действительно окончательная цена, вздохнул и согласился.

Already Bishop was moving down the line. Бишоп направился дальше, вдоль шеренги заключенных.

For Mr. Blood, as for a weedy youth on his left, the Colonel had no more than a glance of contempt. Блада и стоявшего рядом с ним худого юношу полковник удостоил только мимолетным взглядом.

But the next man, a middle-aged Colossus named Wolverstone, who had lost an eye at Sedgemoor, drew his regard, and the haggling was recommenced. Однако, следующий за ними мужчина средних лет и гигантского телосложения, по имени Волверстон, потерявший глаз в сражении при Седжмуре, привлек к себе его внимание, и торговля началась снова.

Peter Blood stood there in the brilliant sunshine and inhaled the fragrant air, which was unlike any air that he had ever breathed. Питер Блад стоял в ослепительных лучах солнца, глубоко вдыхая незнакомый душистый воздух.

It was laden with a strange perfume, blend of logwood flower, pimento, and aromatic cedars. Он был насыщен странным ароматом, состоящим из смеси запахов кампешового дерева[15], ямайского перца и душистого кедра.

He lost himself in unprofitable speculations born of that singular fragrance. Необычайный этот аромат заставил его забыть обо всем и погрузиться в бесполезные размышления.

He was in no mood for conversation, nor was Pitt, who stood dumbly at his side, and who was afflicted mainly at the moment by the thought that he was at last about to be separated from this man with whom he had stood shoulder to shoulder throughout all these troublous months, and whom he had come to love and depend upon for guidance and sustenance. Он совершенно не был расположен к разговорам. Так же чувствовал себя и Питт, молча стоявший возле Блада и думавший о неизбежной разлуке с человеком, рядом с которым, плечом к плечу, он прожил смутные месяцы и полюбил его, как друга и старшего брата.

A sense of loneliness and misery pervaded him by contrast with which all that he had endured seemed as nothing. Чувства одиночества и тоски властно охватили его, и по сравнению с этим все, что он пережил раньше, показалось ему незначительным.

To Pitt, this separation was the poignant climax of all his sufferings. Разлука с доктором была для Питта мучительным завершением всех обрушившихся на него несчастий.

Other buyers came and stared at them, and passed on. Blood did not heed them. К осужденным подходили другие покупатели, рассматривали их, проходили мимо, но Блад не обращал на них внимания.

And then at the end of the line there was a movement. Затем в конце шеренги осужденных произошло какое-то движение.

Gardner was speaking in a loud voice, making an announcement to the general public of buyers that had waited until Colonel Bishop had taken his choice of that human merchandise. Это Гарднер громким голосом сообщал что-то толпе остальных покупателей, ожидавших, пока полковник Бишоп отберет нужный ему человеческий товар.

As he finished, Blood, looking in his direction, noticed that the girl was speaking to Bishop, and pointing up the line with a silver-hilted riding-whip she carried. После того как Гарднер закончил свою речь, Блад заметил, что девушка говорила о чем-то Бишопу и хлыстом с серебряной рукояткой показывала на шеренгу.

Bishop shaded his eyes with his hand to look in the direction in which she was pointing. Then slowly, with his ponderous, rolling gait, he approached again

accompanied by Gardner, and followed by the lady and the Governor. Бишоп, прикрыв глаза рукой от солнца, поглядел на осужденных и двинулся к ним тяжелой, раскачивающейся походкой вместе с Гарднером и в сопровождении шедших позади девушки и губернатора.

On they came until the Colonel was abreast of Blood. He would have passed on, but that the lady tapped his arm with her whip. Медленно идя вдоль шеренги, полковник поравнялся с Бладом и прошел бы мимо, если бы девушка не коснулась своим хлыстом руки Бишоп.

"But this is the man I meant," she said. - Вот тот человек, которого я имела в виду, - сказала она.

"This one?" Contempt rang in the voice. - Этот? - спросил полковник, и в его голосе прозвучало презрение.

Peter Blood found himself staring into a pair of beady brown eyes sunk into a yellow, fleshy face like currants into a dumpling. Питер Блад пристально всматривался в круглые глазки полковника, глубоко сидевшие, как изюминки в пудинге, на его желтом мясистом лице.

He felt the colour creeping into his face under the insult of that contemptuous inspection. Блад чувствовал, что этот оскорбительный осмотр вызывает краску на его лице.

"Bah! - Ба! - услышал он голос Бишоп.

A bag of bones. - Мешок костей.

What should I do with him?" Пусть его берет кто хочет.

He was turning away when Gardner interposed. Он повернулся, чтобы уйти, но тут вмешался Гарднер:

"He maybe lean, but he's tough; tough and healthy. - Он, может быть, и тощ, но зато вынослив.

When half of them was sick and the other half sickening, this rogue kept his legs and doctored his fellows. Когда половина арестантов была больна, этот мошенник оставался на ногах и лечил своих товарищей.

But for him there'd ha' been more deaths than there was. Say fifteen pounds for him, Colonel. Если бы не он, то покойников на корабле было бы больше... Ну, скажем, пятнадцать фунтов за него, полковник?

That's cheap enough. Ведь это, ей-богу, дешево.

He's tough, I tell your honour - tough and strong, though he be lean. Еще раз говорю, ваша честь: он вынослив и силен, хотя и тощ.

And he's just the man to bear the heat when it comes. Это как раз такой человек, который вынесет любую жару.

The climate'll never kill him." Климат никогда не убьет его.

There came a chuckle from Governor Steed. Губернатор Сид захихикал:

"You hear, Colonel. - Слышите, полковник?

Trust your niece. Положитесь на вашу племянницу.

Her sex knows a man when it sees one." Женщина сразу оценит мужчину, едва лишь на него взглянет.

And he laughed, well pleased with his wit. Он рассмеялся, весьма довольный своим остроумием.

But he laughed alone. Но смеялся он один.

A cloud of annoyance swept across the face of the Colonel's niece, whilst the Colonel himself was too absorbed in the consideration of this bargain to heed the Governor's humour. По лицу племянницы Бишопа пронеслось облачко раздражения, а сам полковник был слишком поглощен мыслями об этой сделке, чтобы обратить внимание на сомнительный юмор губернатора.

He twisted his lip a little, stroking his chin with his hand the while. Он пошевелил губами и почесал рукой подбородок.

Jeremy Pitt had almost ceased to breathe. Джереми Питт почти перестал дышать.

"I'll give you ten pounds for him," said the Colonel at last. - Хотите десять фунтов? - выдавил из себя наконец полковник.

Peter Blood prayed that the offer might be rejected. Питер Блад молил бога, чтобы это предложение было отвергнуто.

For no reason that he could have given you, he was taken with repugnance at the thought of becoming the property of this gross animal, and in some sort the property of that hazel-eyed young girl. But it would need more than repugnance to save him from his destiny. Мысль о том, что он может стать собственностью этого грязного животного и в какой-то мере собственностью кареглазой молодой девицы, вызывала у него величайшее отвращение.

A slave is a slave, and has no power to shape his fate. Но раб есть раб, и не в его власти решать свою судьбу.

Peter Blood was sold to Colonel Bishop - a disdainful buyer - for the ignominious sum of ten pounds. Питер Блад был продан пренебрежительному покупателю, полковнику Бишопу, за ничтожную сумму в десять фунтов стерлингов.

Chapter V Глава V

ARABELLA BISHOP АРАБЕЛЛА БИШОП

One sunny morning in January, about a month after the arrival of the Jamaica Merchant at Bridgetown, Miss Arabella Bishop rode out from her uncle's fine house on the heights to the northwest of the city. Солнечным январским утром, спустя месяц после прихода "Ямайского купца" в Бриджтаун, мисс Арабелла Бишоп выехала из красивого дядино дома, расположенного на холме к северо-западу от города.

She was attended by two negroes who trotted after her at a respectful distance, and her destination was Government House, whither she went to visit the Governor's lady, who had lately been ailing. Ее сопровождали два негра, бежавших за ней на почтительном расстоянии. Она направлялась с визитом к жене губернатора: миссис Сид в последнее время жаловалась на недомогание.

Reaching the summit of a gentle, grassy slope, she met a tall, lean man dressed in a sober, gentlemanly fashion, who was walking in the opposite direction. Доехав до

вершины отлогого, покрытого травой холма, Арабелла увидела идущего навстречу ей высокого человека в шляпе и парике, строго и хорошо одетого.

He was a stranger to her, and strangers were rare enough in the island. Незнакомцы не часто встречались здесь на острове.

And yet in some vague way he did not seem quite a stranger. Но ей все же показалось, что она где-то видела этого человека.

Miss Arabella drew rein, affecting to pause that she might admire the prospect, which was fair enough to warrant it. Мисс Арабелла остановила лошадь, будто для того, чтобы полюбоваться открывшимся перед ней видом: он в самом деле был достаточно красив, и задержка ее выглядела естественной.

Yet out of the corner of those hazel eyes she scanned this fellow very attentively as he came nearer. В то же время уголками карих глаз она пристально разглядывала этого человека, по мере того как он приближался.

She corrected her first impression of his dress. It was sober enough, but hardly gentlemanly. Coat and breeches were of plain homespun; and if the former sat so well upon him it was more by virtue of his natural grace than by that of tailoring. Первое ее впечатление о костюме человека было не совсем правильно, ибо хотя одет он был достаточно строго, но едва ли хорошо: камзол и брюки из домотканой материи, а на ногах - простые чулки. Если такой костюм хорошо сидел на нем, то объяснялось это скорее природным изяществом незнакомца, нежели искусством его портного.

His stockings were of cotton, harsh and plain, and the broad castor, which he respectfully doffed as he came up with her, was an old one unadorned by band or feather. What had seemed to be a periwig at a little distance was now revealed for the man's own lustrous coiling black hair. Приблизившись к девушке, человек почтительно снял широкополую шляпу, без ленты и пера, и то, что на некотором расстоянии она приняла за парик, оказалось собственной выщелся, блестяще-черной шевелюрой.

Out of a brown, shaven, saturnine face two eyes that were startlingly blue considered her gravely. Загорелое лицо этого человека было печально, а его удивительные синие глаза мрачно глядели на девушку.

The man would have passed on but that she detained him. Он прошел бы мимо, если бы она его не остановила.

"I think I know you, sir," said she. - Мне кажется, я вас знаю, - заметила она.

Her voice was crisp and boyish, and there was something of boyishness in her manner - if one can apply the term to so dainty a lady. Голос у нее был звонкий и мальчишеский, да и вообще в манерах этой очаровательной девушки было что-то ребяческое.

It arose perhaps from an ease, a directness, which disdained the artifices of her sex, and set her on good terms with all the world. Ее непосредственность, отвергавшая все ухищрения ее пола, позволяла ей быть в отличных отношениях со всем миром.

To this it may be due that Miss Arabella had reached the age of five and twenty not merely unmarried but unwooed. Возможно, этим объяснялось и то странное на первый взгляд обстоятельство, что, дожив до двадцати пяти лет, Арабелла Бишоп не только не вышла замуж, но даже не имела поклонников.

She used with all men a sisterly frankness which in itself contains a quality of

aloofness, rendering it difficult for any man to become her lover. Со всеми знакомыми мужчинами она обращалась, как с братьями, и такое непринужденное обращение осложняло возможность ухаживать за ней, как за женщиной.

Her negroes had halted at some distance in the rear, and they squatted now upon the short grass until it should be her pleasure to proceed upon her way. Сопровождавшие Арабеллу негры остановились и присели на корточки в ожидании, пока их хозяйке заблагорассудится продолжить свой путь.

The stranger came to a standstill upon being addressed. Остановился и незнакомец, к которому обратилась Арабелла.

"A lady should know her own property," said he. - Хозяйке полагается знать свое имущество, - ответил он.

"My property?" - Мое имущество?

"Your uncle's, leastways. - Или вашего дяди.

Let me present myself. I am called Peter Blood, and I am worth precisely ten rounds. Позвольте представиться: меня зовут Питер Блад, и моя цена - ровно десять фунтов.

I know it because that is the sum your uncle paid for me. Именно такую сумму ваш дядя уплатил за меня.

It is not every man has the same opportunities of ascertaining his real value." Не всякий человек имеет подобную возможность узнать себе цену.

She recognized him then. She had not seen him since that day upon the mole a month ago, and that she should not instantly have known him again despite the interest he had then aroused in her is not surprising, considering the change he had wrought in his appearance, which now was hardly that of a slave. Теперь она вспомнила его.

"My God!" said she. - Боже мой! - воскликнула она.

"And you can laugh!" - И вы можете еще смеяться!

"It's an achievement," he admitted. - Да, это достижение, - признал он.

"But then, I have not fared as ill as I might." - Но ведь я живу не так плохо, как предполагал.

"I have heard of that," said she. - Я слыхала об этом, - коротко ответила Арабелла.

What she had heard was that this rebel-convict had been discovered to be a physician. Ей действительно говорили, что осужденный повстанец, к которому она проявила интерес, оказался врачом.

The thing had come to the ears of Governor Steed, who suffered damnably from the gout, and Governor Steed had borrowed the fellow from his purchaser. Об этом стало известно губернатору Стиду, страдавшему от подагры, и он позаимствовал Блада у его владельца.

Whether by skill or good fortune, Peter Blood had afforded the Governor that relief which his excellency had failed to obtain from the ministrations of either of the two physicians practising in Bridgetown. Благодаря своему искусству или просто в результате счастливого стечения обстоятельств, но Блад оказал губернатору помощь, которую не смогли оказать его превосходительству два других врача, практикующих в

Бриджтауне.

Then the Governor's lady had desired him to attend her for the megrims. Затем супруга губернатора пожелала, чтобы Блад вылечил ее от мигрени.

Mr. Blood had found her suffering from nothing worse than peevishness - the result of a natural petulance aggravated by the dulness of life in Barbados to a lady of her social aspirations. Блад обнаружил, что она страдает не столько от мигрени, сколько от сварливости, явившейся следствием природной раздражительности, усиленной скукой жизни на Барбадосе.

But he had prescribed for her none the less, and she had conceived herself the better for his prescription. Тем не менее он приступил к лечению губернаторши, и она убедила себя, что ей стало лучше.

After that the fame of him had gone through Bridgetown, and Colonel Bishop had found that there was more profit to be made out of this new slave by leaving him to pursue his profession than by setting him to work on the plantations, for which purpose he had been originally acquired. После этого доктор Блад стал известен всему Бриджтауну, так как полковник Бишоп пришел к выводу, что для него значительно выгоднее разрешать новому рабу заниматься своей профессией, нежели использовать его на плантациях.

"It is yourself, madam, I have to thank for my comparatively easy and clean condition," said Mr. Blood, "and I am glad to take this opportunity of doing so." - Мне нужно поблагодарить вас, сударыня, за то, что я живу в условиях относительной свободы и чистоты, - сказал Блад. - Пользуюсь случаем, чтобы выразить вам свою признательность.

The gratitude was in his words rather than in his tone. Однако благодарность, выраженная в словах, не чувствовалась в его голосе.

Was he mocking, she wondered, and looked at him with the searching frankness that another might have found disconcerting. "Не издевается ли он?" - подумала Арабелла, глядя на него с такой испытующей искренностью, которая могла бы смутить другого человека.

He took the glance for a question, and answered it. Но он понял ее взгляд как вопрос и тут же на него ответил:

"If some other planter had bought me," he explained, "it is odds that the facts of my shining abilities might never have been brought to light, and I should be hewing and hoeing at this moment like the poor wretches who were landed with me." - Если бы меня купил другой плантатор, то можно не сомневаться в том, что мои врачебные способности остались бы неизвестными и сейчас я рубил бы лес или мотыжил землю так же, как бедняги, привезенные сюда вместе со мной.

"And why do you thank me for that? - Но почему вы благодарите меня?

It was my uncle who bought you." Ведь вас купил мой дядя, а не я.

"But he would not have done so had you not urged him. - Он не сделал бы этого, если бы вы не уговорили его.

I perceived your interest. At the time I resented it." Хотя надо признаться, - добавил Блад, - что в то время я был возмущен этим.

"You resented it?" - Возмущены?

There was a challenge in her boyish voice. - В ее мальчишеском голосе прозвучало удивление.

"I have had no lack of experiences of this mortal life; but to be bought and sold was a new one, and I was hardly in the mood to love my purchaser." - Да, именно возмущен. Не могу сказать, что не знаю жизни, однако мне никогда еще не приходилось быть в положении живого товара, и едва ли я был способен проявить любовь к моему покупателю.

"If I urged you upon my uncle, sir, it was that I commiserated you." - Если я убедила дядю сделать это, то только потому, что пожалела вас.

There was a slight severity in her tone, as if to reprove the mixture of mockery and flippancy in which he seemed to be speaking. - В тоне ее голоса послышалась некоторая строгость, как бы порицающая ту смесь дерзости и насмешки, с которыми он, как ей показалось, разговаривал.

She proceeded to explain herself. "My uncle may appear to you a hard man. - Мой дядя, наверно, кажется вам тяжелым человеком, - продолжила она.

No doubt he is. - Несомненно, это так и есть.

They are all hard men, these planters. Все плантаторы - жестокие и суровые люди.

It is the life, I suppose. Видимо, такова жизнь.

But there are others here who are worse. Но есть плантаторы гораздо хуже его.

There is Mr. Crabston, for instance, up at Speightstown. Вот, например, Крэбстон из Спейгстауна.

He was there on the mole, waiting to buy my uncle's leavings, and if you had fallen into his hands ... A dreadful man. That is why." Он тоже был там, на молу, ожидая своей очереди подобрать себе то, что останется после дядиных покупок. Если бы вы попали к нему в руки... Это ужасный человек... Вот почему так произошло.

He was a little bewildered. Блад был несколько смущен.

"This interest in a stranger ..." he began. Then changed the direction of his probe. "But there were others as deserving of commiseration." - Но ведь там были и другие, достойные сочувствия, - пробормотал он.

"You did not seem quite like the others." - Вы показались мне не совсем таким, как другие.

"I am not," said he. - А я не такой и есть, - сказал он.

"Oh!" - О!

She stared at him, bridling a little. - Она пристально взглянула на него и несколько насторожилась.

"You have a good opinion of yourself." - Вы, должно быть, очень высокого мнения о себе.

"On the contrary. - Напротив, сударыня. Вы не так меня поняли.

The others are all worthy rebels. I am not. Те, другие, - это заслуживающие уважения повстанцы, а я им не был.

That is the difference. В этом и заключается различие.

I was one who had not the wit to see that England requires purifying. Я не принадлежал к числу умных людей, которые считали необходимым подвергнуть Англию очищению.

I was content to pursue a doctor's trade in Bridgewater whilst my betters were shedding their blood to drive out an unclean tyrant and his rascally crew." Меня удовлетворяла докторская карьера в Бриджуотере, тогда как люди лучше меня проливали свою кровь, чтобы изгнать грязного тирана и его мерзавцев-придворных...

"Sir!" she checked him. "I think you are talking treason." - Мне кажется, вы ведете изменнические разговоры, - прервала она его.

"I hope I am not obscure," said he. - Надеюсь, что я достаточно ясно изложил свое мнение, - ответил Блад.

"There are those here who would have you flogged if they heard you." - Если услышат то, что вы говорите, вас заперют плетьюми.

"The Governor would never allow it. - О нет, губернатор не допустит этого.

He has the gout, and his lady has the megrims." Он болен подагрой, а у его супруги - мигрень.

"Do you depend upon that?" She was frankly scornful. - И вы на это полагаетесь? - бросила она презрительно.

"You have certainly never had the gout; probably not even the megrims," said he. - Вижу, что вы не только никогда не болели подагрой, но даже не страдали от мигрени, - заметил Блад.

She made a little impatient movement with her hand, and looked away from him a moment, out to sea. Она нетерпеливо махнула рукой и, отведя на мгновение свой взгляд от собеседника, поглядела на море.

Quite suddenly she looked at him again; and now her brows were knit. Ее брови нахмурились, и она снова взглянула на Блада:

"But if you are not a rebel, how come you here?" - Но если вы не повстанец, то как же попали сюда?

He saw the thing she apprehended, and he laughed. Он понял, что она сомневается, и засмеялся.

"Faith, now, it's a long story," said he. - Честное слово, это длинная история, - сказал он.

"And one perhaps that you would prefer not to tell?" - И вероятно, она относится к числу таких, о которых вы предпочли бы умолчать.

Briefly on that he told it her. Тогда он кратко рассказал ей о том, что с ним приключилось.

"My God! - Боже мой!

What an infamy!" she cried, when he had done. Какая подлость! - воскликнула Арабелла, выслушав его.

"Oh, it's a sweet country England under King James! - Да, Англия стала "чудесной" страной при короле Якове.

There's no need to commiserate me further. Вам не нужно жалеть меня.

All things considered I prefer Barbados. На Барбадосе жить лучше.

Here at least one can believe in God." Здесь по крайней мере можно еще верить в бога.

He looked first to right, then to left as he spoke, from the distant shadowy bulk of Mount Hillbay to the limitless ocean ruffled by the winds of heaven. Говоря об этом, он посмотрел на высившуюся вдали темную массу горы Хиллбай и на бесконечный простор волнуемого ветрами океана.

Then, as if the fair prospect rendered him conscious of his own littleness and the insignificance of his woes, he fell thoughtful. Блад невольно задумался, как бы осознав под впечатлением чудесного вида, открывшегося перед ним, и свою собственную незначительность и ничтожество своих врагов.

"Is that so difficult elsewhere?" she asked him, and she was very grave. - Неужели жизнь так же грустна и в других местах? - печально спросила она.

"Men make it so." - Ее делают такой люди, - ответил Блад.

"I see." - Понимаю.

She laughed a little, on a note of sadness, it seemed to him. - Она засмеялась, но в смехе ее звучала горечь.

"I have never deemed Barbados the earthly mirror of heaven," she confessed. "But no doubt you know your world better than I." - Я никогда не считала Барбадос раем, но вы, конечно, знаете мир лучше меня.

She touched her horse with her little silver-hilted whip. - Она тронула лошадь хлыстом.

"I congratulate you on this easing of your misfortunes." - Рада все же, что ваша судьба оказалась не слишком тяжелой.

He bowed, and she moved on. Он поклонился. Арабелла поехала дальше.

Her negroes sprang up, and went trotting after her. Негры побежали за ней.

Awhile Peter Blood remained standing there, where she left him, conning the sunlit waters of Carlisle Bay below, and the shipping in that spacious haven about which the gulls were fluttering noisily. Некоторое время Блад стоял, задумчиво рассматривая блестящую под лучами солнца поверхность огромной Карлайлской бухты, чаек, летавших над ней с пронзительными криками, и корабли, отдохавшие у набережной.

It was a fair enough prospect, he reflected, but it was a prison, and in announcing that he preferred it to England, he had indulged that almost laudable form of boasting which lies in belittling our misadventures. Здесь действительно было хорошо, но все же это была тюрьма. В разговоре с девушкой Блад преуменьшил свое несчастье.

He turned, and resuming his way, went off in long, swinging strides towards the

little huddle of huts built of mud and wattles - a miniature village enclosed in a stockade which the plantation slaves inhabited, and where he, himself, was lodged with them. Он повернулся и мерной походкой направился к группе беспорядочно расположенных хижин, сделанных из земли и веток. В маленькой деревушке, окруженной палисадом, ютились рабы, работавшие на плантации, а с ними вместе жил Блад.

Through his mind sang the line of Lovelace: В его памяти зазвучала строфа из Ловласа[16]:

"Stone walls do not a prison make, Nor iron bars a cage." Железные решетки мне не клетка, И каменные стены - не тюрьма...

But he gave it a fresh meaning, the very converse of that which its author had intended. Однако он придал этим словам новое значение, совсем противоположное тому, что имел в виду поэт.

A prison, he reflected, was a prison, though it had neither walls nor bars, however spacious it might be. "Нет, - размышлял он. - Тюрьма остается тюрьмой, даже если она очень просторна и у нее нет стен и решеток".

And as he realized it that morning so he was to realize it increasingly as time sped on. Он с особой остротой понял это сегодня и почувствовал, что горькое сознание рабского положения с течением времени будет только все больше обостряться.

Daily he came to think more of his clipped wings, of his exclusion from the world, and less of the fortuitous liberty he enjoyed. Ежедневно он возвращался к мысли о своем изгнании из мира и все реже и реже к размышлениям о той случайной свободе, которой ему дали пользоваться.

Nor did the contrasting of his comparatively easy lot with that of his unfortunate fellow-convicts bring him the satisfaction a differently constituted mind might have derived from it. Сравнение относительно легкой его участи с участью несчастных товарищей по рабству не приносило ему того удовлетворения, которое мог бы ощущать другой человек.

Rather did the contemplation of their misery increase the bitterness that was gathering in his soul. Больше того, соприкосновение с их мучениями увеличивало ожесточение, копившееся в его душе.

Of the forty-two who had been landed with him from the Jamaica Merchant, Colonel Bishop had purchased no less than twenty-five. Из сорока двух осужденных повстанцев, привезенных одновременно с Бладом на "Ямайском купце", двадцать пять купил Бишоп.

The remainder had gone to lesser planters, some of them to Speightstown, and others still farther north. Остальные были проданы другим плантаторам - в Спейгстаун и еще дальше на север.

What may have been the lot of the latter he could not tell, but amongst Bishop's slaves Peter Blood came and went freely, sleeping in their quarters, and their lot he knew to be a brutalizing misery. Какова была их судьба, Блад не знал; с рабами же Бишоп он общался все время и видел ужасные их страдания.

They toiled in the sugar plantations from sunrise to sunset, and if their labours flagged, there were the whips of the overseer and his men to quicken them. С восхода до заката они трудились на сахарных плантациях, подгоняемые кнутами надсмотрщиков.

They went in rags, some almost naked; they dwelt in squalor, and they were ill-

nourished on salted meat and maize dumplings - food which to many of them was for a season at least so nauseating that two of them sickened and died before Bishop remembered that their lives had a certain value in labour to him and yielded to Blood's intercessions for a better care of such as fell ill. Одежда заключенных превратилась в лохмотья, и некоторые остались почти нагими; жили они в грязи; кормили же их так плохо, что два человека заболели и умерли, прежде чем Бишоп предоставил Бладу возможность заняться их лечением, вспомнив, что рабы являются для него ценностью.

To curb insubordination, one of them who had rebelled against Kent, the brutal overseer, was lashed to death by negroes under his comrades' eyes, and another who had been so misguided as to run away into the woods was tracked, brought back, flogged, and then branded on the forehead with the letters Один из осужденных, возмущившийся свирепостью надсмотрщика Кента, в назидание остальным был насмерть запорот плетью на глазах у своих товарищей. Другой, осмелившийся бежать, был пойман, доставлен обратно и выпорот, после чего ему на лбу выжгли буквы

"F. T.," that all might know him for a fugitive traitor as long as he lived. "Б. К.," чтобы до конца жизни все знали, что это беглый каторжник.

Fortunately for him the poor fellow died as a consequence of the flogging. К счастью для страдальца, он умер от побоев.

After that a dull, spiritless resignation settled down upon the remainder. После этого тоскливая безнадежность охватила осужденных.

The most mutinous were quelled, and accepted their unspeakable lot with the tragic fortitude of despair. Наиболее строптивые были усмирены и стали относиться к своей невыносимо тяжелой судьбе с трагической покорностью отчаяния.

Peter Blood alone, escaping these excessive sufferings, remained outwardly unchanged, whilst inwardly the only change in him was a daily deeper hatred of his kind, a daily deeper longing to escape from this place where man defiled so foully the lovely work of his Creator. Только один Питер Блад, счастливо избежав всех этих мучений, внешне не изменился, хотя в его сердце день ото дня росли ненависть к поработителям и стремление бежать из Бриджтауна, где так безжалостно глумились над людьми.

It was a longing too vague to amount to a hope. Hope here was inadmissible. And yet he did not yield to despair. Стремление это было еще слишком смутным, но он не поддавался отчаянию.

He set a mask of laughter on his saturnine countenance and went his way, treating the sick to the profit of Colonel Bishop, and encroaching further and further upon the preserves of the two other men of medicine in Bridgetown. Храня маску безразличия, Блад лечил больных с выгодой для полковника Бишоп и все более уменьшал практику двух других медицинских мужей Бриджтауна.

Immune from the degrading punishments and privations of his fellow-convicts, he was enabled to keep his self-respect, and was treated without harshness even by the soulless planter to whom he had been sold. He owed it all to gout and megrims. Избавленный от унижительных наказаний и лишений, ставших печальным уделом его товарищей, он сумел сохранить уважение к себе, и даже бездушный хозяин-плантатор обращался с ним не так грубо, как с остальными.

He had won the esteem of Governor Steed, and - what is even more important - of Governor Steed's lady, whom he shamelessly and cynically flattered and humoured. Всем этим он был обязан подагре губернатора Стида и, что еще более важно, мигрени его супруги, которой губернатор во всем потакал.

Occasionally he saw Miss Bishop, and they seldom met but that she paused to hold him in conversation for some moments, evincing her interest in him. Изредка Блад видел Арабеллу Бишоп. Каждый раз она разговаривала с ним, что свидетельствовало о наличии у нее какого-то интереса к доктору.

Himself, he was never disposed to linger. Сам Блад не проявлял склонности к тому, чтобы затягивать эти встречи.

He was not, he told himself, to be deceived by her delicate exterior, her sapling grace, her easy, boyish ways and pleasant, boyish voice. Он убеждал себя, что не должен обманываться ее изящной внешностью, грациозностью молодости, мальчишескими манерами и приятным голосом.

In all his life - and it had been very varied - he had never met a man whom he accounted more beastly than her uncle, and he could not dissociate her from the man. She was his niece, of his own blood, and some of the vices of it, some of the remorseless cruelty of the wealthy planter must, he argued, inhabit that pleasant body of hers. За всю свою богатую событиями жизнь он не встречал большего негодяя, чем ее дядя, а ведь она была его племянницей, и какие-то пороки этой семьи - быть может, так же безжалостная жестокость богачей-плантаторов могла перейти и к ней.

He argued this very often to himself, as if answering and convincing some instinct that pleaded otherwise, and arguing it he avoided her when it was possible, and was frigidly civil when it was not. Поэтому он избегал попадаться на глаза Арабелле, а когда уж нельзя было уклониться от встречи, то держался с ней сухо и вежливо.

Justifiable as his reasoning was, plausible as it may seem, yet he would have done better to have trusted the instinct that was in conflict with it. Какими бы правдоподобными ни казались ему свои предположения, Блад поступил бы лучше, если бы поверил инстинкту, подсказывающему ему совсем иное.

Though the same blood ran in her veins as in those of Colonel Bishop, yet hers was free of the vices that tainted her uncle's, for these vices were not natural to that blood; they were, in his case, acquired. Хотя в жилах Арабеллы и текла кровь, родственная полковнику Бишопу, у нее не было его пороков, к счастью, этими пороками обладал только он, а не вся их семья.

Her father, Tom Bishop - that same Colonel Bishop's brother - had been a kindly, chivalrous, gentle soul, who, broken-hearted by the early death of a young wife, had abandoned the Old World and sought an anodyne for his grief in the New. Брат полковника Бишоп - Том Бишоп, отец Арабеллы, был добрым и мягким человеком. Преждевременная смерть молодой жены заставила Тома Бишоп покинуть Старый Свет, чтобы забыться в Новом.

He had come out to the Antilles, bringing with him his little daughter, then five years of age, and had given himself up to the life of a planter. С пятилетней дочкой приехал он на Антильские острова и стал вести жизнь плантаторов.

He had prospered from the first, as men sometimes will who care nothing for prosperity. С самого начала его дела пошли хорошо, хотя он мало о них заботился.

Prospering, he had bethought him of his younger brother, a soldier at home reputed somewhat wild. Преуспев в Новом Свете, он вспомнил о младшем брате, военном, служившем в Англии и пользовавшемся репутацией вздорного, жестокого человека.

He had advised him to come out to Barbados; and the advice, which at another season William Bishop might have scorned, reached him at a moment when his wildness was beginning to bear such fruit that a change of climate was desirable. Том Бишоп

посоветовал ему приехать на Барбадос, и этот совет подоспел как раз в то время, когда Вильяму Бишопу из-за необузданности его характера потребовалась срочная перемена климата.

William came, and was admitted by his generous brother to a partnership in the prosperous plantation. Вильям приехал на Барбадос, и брат сделал его совладельцем плантаций.

Some six years later, when Arabella was fifteen, her father died, leaving her in her uncle's guardianship. Шесть лет спустя Бишоп-старший умер, оставив пятнадцатилетнюю дочь на попечение дяди.

It was perhaps his one mistake. But the goodness of his own nature coloured his views of other men; moreover, himself, he had conducted the education of his daughter, giving her an independence of character upon which perhaps he counted unduly. Пожалуй, это была единственная его ошибка, но, будучи добрым и отзывчивым человеком, он приукрашивал и других людей. Он сам воспитывал Арабеллу, выработал в ней самостоятельность суждений и независимость характера, но, видимо, все же преувеличивал значение своего воспитания.

As things were, there was little love between uncle and niece. Обстоятельства сложились так, что в отношениях между дядей и племянницей не было ни сердечности, ни теплоты.

But she was dutiful to him, and he was circumspect in his behaviour before her. Она его слушалась; он в ее присутствии вел себя настороженно.

All his life, and for all his wildness, he had gone in a certain awe of his brother, whose worth he had the wit to recognize; and now it was almost as if some of that awe was transferred to his brother's child, who was also, in a sense, his partner, although she took no active part in the business of the plantations. В свое время у Вильяма Бишопа хватило ума признать высокие достоинства своего старшего брата, и всю жизнь он испытывал перед ним какой-то благоговейный страх. После смерти брата он начал испытывать нечто похожее и в отношении дочери покойного. К тому же она была его компаньоном по плантациям, хотя и не принимала активного участия в делах.

Peter Blood judged her - as we are all too prone to judge - upon insufficient knowledge. Питер Блад недостаточно знал Арабеллу, чтобы справедливо судить о ней.

He was very soon to have cause to correct that judgment. И вскоре ему пришлось убедиться в своей неверной оценке ее душевных качеств.

One day towards the end of May, when the heat was beginning to grow oppressive, there crawled into Carlisle Bay a wounded, battered English ship, the Pride of Devon, her freeboard scarred and broken, her coach a gaping wreck, her mizzen so shot away that only a jagged stump remained to tell the place where it had stood. В конце мая, когда жара стала гнетущей, в Карлайлскую бухту медленно втащился искалеченный английский корабль "Прайд оф Девон". Его борта зияли многочисленными пробоинами; на месте рубки чернела большая дыра, а от бизань-мачты, снесенной пушечным ядром, торчал жалкий обрубок с зазубренными краями.

She had been in action off Martinique with two Spanish treasure ships, and although her captain swore that the Spaniards had beset him without provocation, it is difficult to avoid a suspicion that the encounter had been brought about quite otherwise. По словам капитана, его корабль встретился у берегов Мартиники с двумя испанскими кораблями, перевозившими ценности, и подлые испанцы якобы навязали ему неравный морской бой. Капитан клялся, что он не нападал, а только оборонялся. Но никто не верил, что бой был начат испанцами.

One of the Spaniards had fled from the combat, and if the *Pride of Devon* had not given chase it was probably because she was by then in no case to do so. Один из испанских кораблей лежал, и если "Прайд оф Девон" не преследовал его, то потому лишь, что из-за повреждений он потерял свою скорость.

The other had been sunk, but not before the English ship had transferred to her own hold a good deal of the treasure aboard the Spaniard. Второй испанский корабль был потоплен, но это случилось уже после того, как англичане сняли большую часть находившихся на нем ценностей.

It was, in fact, one of those piratical affrays which were a perpetual source of trouble between the courts of St. James's and the Escorial, complaints emanating now from one and now from the other side. По существу, это была обычная пиратская история, одна из многих историй, являвшихся источником постоянных трений между Сент-Джеймским двором и Эскуриалом[17], которые попеременно жаловались друг на друга.

Steed, however, after the fashion of most Colonial governors, was willing enough to dull his wits to the extent of accepting the English seaman's story, disregarding any evidence that might belie it. Тем не менее Сид, подобно большинству колониальных губернаторов, сделал вид, будто верит сообщению английского капитана.

He shared the hatred so richly deserved by arrogant, overbearing Spain that was common to men of every other nation from the Bahamas to the Main. Therefore he gave the *Pride of Devon* the shelter she sought in his harbour and every facility to careen and carry out repairs. Так же как и многие люди - от обитателей Багамских островов до жителей Мэйна, - он питал к надменной и властной Испании вполне заслуженную ею ненависть и поэтому предоставил "Прайд оф Девон" убежище в порту и все, что требовалось для починки корабля.

But before it came to this, they fetched from her hold over a score of English seamen as battered and broken as the ship herself, and together with these some half-dozen Spaniards in like case, the only survivors of a boarding party from the Spanish galleon that had invaded the English ship and found itself unable to retreat. Прежде чем приступить к этой работе, английский капитан высадил на берег десятка два своих покалеченных в бою моряков и шесть раненых испанцев.

These wounded men were conveyed to a long shed on the wharf, and the medical skill of Bridgetown was summoned to their aid. Всех их поместили в длинном сарае на пристани, поручив заботу о них трем врачам Бриджтауна, в том числе и Питеру Бладу.

Peter Blood was ordered to bear a hand in this work, and partly because he spoke Castilian - and he spoke it as fluently as his own native tongue - partly because of his inferior condition as a slave, he was given the Spaniards for his patients. На его попечение отдали испанцев - не только потому, что он хорошо владел испанским языком, но и потому, что, будучи невольником, он занимал среди других врачей низшее положение.

Now Blood had no cause to love Spaniards. Блад не любил испанцев.

His two years in a Spanish prison and his subsequent campaigning in the Spanish Netherlands had shown him a side of the Spanish character which he had found anything but admirable. Двухлетнее пребывание в испанской тюрьме и участие в кампаниях на оккупированной испанцами территории Голландии дали ему возможность познакомиться с такими сторонами испанского характера, которые никто не считал бы привлекательными.

Nevertheless he performed his doctor's duties zealously and painstakingly, if

emotionlessly, and even with a certain superficial friendliness towards each of his patients. Но он честно выполнял врачебные обязанности и относился к своим пациентам с дружественным вниманием.

They were so surprised at having their wounds healed instead of being summarily hanged that they manifested a docility very unusual in their kind. Испанцы, искренне удивленные тем, что о них заботятся, что их лечат, вместо того чтобы повесить без всяких разговоров, проявляли истинное смирение.

They were shunned, however, by all those charitably disposed inhabitants of Bridgetown who flocked to the improvised hospital with gifts of fruit and flowers and delicacies for the injured English seamen. Indeed, had the wishes of some of these inhabitants been regarded, the Spaniards would have been left to die like vermin, and of this Peter Blood had an example almost at the very outset. Однако жители Бриджтауна, приходившие в госпиталь с фруктами, цветами и сладостями для английских моряков, не скрывали своей враждебности к испанцам.

With the assistance of one of the negroes sent to the shed for the purpose, he was in the act of setting a broken leg, when a deep, gruff voice, that he had come to know and dislike as he had never disliked the voice of living man, abruptly challenged him. Когда Блад с помощью негра, присланного для ухода за ранеными, перевязывал одному из испанцев сломанную ногу, он услышал ненавистный хриплый голос своего хозяина.

"What are you doing there?" - Ты что здесь делаешь?

Blood did not look up from his task. There was not the need. He knew the voice, as I have said. Блад, не поднимая глаз и не прекращая перевязки, ответил:

"I am setting a broken leg," he answered, without pausing in his labours. - Лечу раненого.

"I can see that, fool." - Я вижу это сам, идиот!

A bulky body interposed between Peter Blood and the window. - И над Бладом выросла массивная фигура полковника.

The half-naked man on the straw rolled his black eyes to stare up fearfully out of a clay-coloured face at this intruder. Лежавший на соломе полуобнаженный человек со страхом уставился черными глазами на желтое лицо полковника.

A knowledge of English was unnecessary to inform him that here came an enemy. Не требовалось знания английского языка, чтобы понять враждебные намерения пришедшего.

The harsh, minatory note of that voice sufficiently expressed the fact. "I can see that, fool; just as I can see what the rascal is. - Я вижу это, идиот! - повторил полковник Бишоп раздраженно. - Так же как вижу и кого именно ты лечишь.

Who gave you leave to set Spanish legs?" Кто тебе это позволил?

"I am a doctor, Colonel Bishop. The man is wounded. It is not for me to discriminate. I keep to my trade." - Полковник Бишоп, я - врач и выполняю свои обязанности.

"Do you, by God! - Свои обязанности? - иронически спросил Бишоп.

If you'd done that, you wouldn't now be here." - Если бы ты о них помнил, то не попал бы на Барбадос.

"On the contrary, it is because I did it that I am here." - Вот поэтому-то я здесь и оказался.

"Aye, I know that's your lying tale." - Хватит болтать, мне уже известны твои лживые рассказы!

The Colonel sneered; and then, observing Blood to continue his work unmoved, he grew really angry. - Он приходил все в большее бешенство, видя, что Блад спокойно продолжает заниматься своим делом.

"Will you cease that, and attend to me when I am speaking?" - Прекратишь ли ты свою возню с этим мерзавцем, когда с тобой говорит хозяин?!

Peter Blood paused, but only for an instant. Блад оторвался на секунду и взглянул на полковника.

"The man is in pain," he said shortly, and resumed his work. - Этот человек мучается, - коротко ответил он и снова наклонился над раненым.

"In pain, is he? I hope he is, the damned piratical dog. - Очень рад, что эта проклятая собака мучается.

But will you heed me, you insubordinate knave?" The Colonel delivered himself in a roar, infuriated by what he conceived to be defiance, and defiance expressing itself in the most unruffled disregard of himself. His long bamboo cane was raised to strike. Но с тобой я поговорю по-иному. Я тебя заставлю слушаться! - вскричал полковник и поднял свою длинную бамбуковую трость, чтобы ударить Блада.

Peter Blood's blue eyes caught the flash of it, and he spoke quickly to arrest the blow. Но доктор быстро заговорил, стремясь предотвратить удар:

"Not insubordinate, sir, whatever I may be. - Кем бы я ни был, но непослушным меня назвать нельзя.

I am acting upon the express orders of Governor Steed." Я выполняю распоряжение господина губернатора.

The Colonel checked, his great face empurpling. His mouth fell open. Полковник остолбенел; желтое лицо его побагровело, а рот широко раскрылся.

"Governor Steed!" he echoed. Then he lowered his cane, swung round, and without another word to Blood rolled away towards the other end of the shed where the Governor was standing at the moment. - Губернатора... - повторил он и, опустив трость, быстро зашагал в другой конец сарая, где стоял губернатор.

Peter Blood chuckled. Блад довольно усмехнулся.

But his triumph was dictated less by humanitarian considerations than by the reflection that he had baulked his brutal owner. Его свирепому хозяину не удалось выместить на нем свой гнев.

The Spaniard, realizing that in this altercation, whatever its nature, the doctor had stood his friend, ventured in a muted voice to ask him what had happened. Испанец приглушенным голосом спросил доктора, что случилось.

But the doctor shook his head in silence, and pursued his work. His ears were straining to catch the words now passing between Steed and Bishop. Блад молчаливо покачал головой и, напрягая слух, пытался уловить, о чем говорят Сид и Бишоп.

The Colonel was blustering and storming, the great bulk of him towering above the wizened little overdressed figure of the Governor. Полковник, массивная фигура которого высилась над маленьким, сморщенным, разодетым губернатором, бушевал и неистовствовал.

But the little fop was not to be browbeaten. Однако маленького щеголя не так-то легко было запугать.

His excellency was conscious that he had behind him the force of public opinion to support him. Some there might be, but they were not many, who held such ruthless views as Colonel Bishop. Его превосходительство понимал, что его поддерживает общественное мнение, а таких лиц, которые разделяли бы жестокие взгляды полковника Бишопа, было сравнительно немного.

His excellency asserted his authority. Кроме того, его превосходительство считал нужным отвести посягательства на свои права.

It was by his orders that Blood had devoted himself to the wounded Spaniards, and his orders were to be carried out. There was no more to be said. Да, действительно, он распорядился, чтобы Блад занимался ранеными испанцами, его распоряжения должны выполняться, и вообще больше не о чем разговаривать.

Colonel Bishop was of another opinion. In his view there was a great deal to be said. Но полковник Бишоп считал, что разговаривать есть о чем.

He said it, with great circumstance, loudly, vehemently, obscenely - for he could be fluently obscene when moved to anger. И он, кипя от бешенства, громко высказал свое непристойное мнение по поводу раненых врагов.

"You talk like a Spaniard, Colonel," said the Governor, and thus dealt the Colonel's pride a wound that was to smart resentfully for many a week. - Вы разговариваете, как настоящий испанец, полковник, - сказал губернатор, чем нанес жестокую рану тщеславию полковника.

At the moment it struck him silent, and sent him stamping out of the shed in a rage for which he could find no words. В ярости, не поддающейся описанию, Бишоп выбежал из сарая.

It was two days later when the ladies of Bridgetown, the wives and daughters of her planters and merchants, paid their first visit of charity to the wharf, bringing their gifts to the wounded seamen. На следующий день высокопоставленные дамы Бриджтауна - жены и дочери богатых плантаторов и купцов - явились на пристань с подарками для раненых моряков.

Again Peter Blood was there, ministering to the sufferers in his care, moving among those unfortunate Spaniards whom no one heeded. All the charity, all the gifts were for the members of the crew of the Pride of Devon. And this Peter Blood accounted natural enough. Питер Блад был на своем месте, оказывая помощь испанцам. Никто по-прежнему не обращал на них внимания. Общественное мнение как бы поддерживало Бишопа, а не губернатора.

But rising suddenly from the re-dressing of a wound, a task in which he had been absorbed for some moments, he saw to his surprise that one lady, detached from the general throng, was placing some plantains and a bundle of succulent sugar cane on the cloak that served one of his patients for a coverlet. Все подарки шли только морякам команды "Прайд оф Девон", и Питеру Бладу это казалось естественным, но, к своему удивлению, он увидел вдруг, что какая-то дама положила несколько бананов и пучок сочного сахарного тростника на плащ, служивший одному из его пациентов одеялом.

She was elegantly dressed in lavender silk and was followed by a half-naked negro carrying a basket. Даму, изящно одетую в бледно-лиловый шелк, сопровождал негр, тащивший большую корзину.

Peter Blood, stripped of his coat, the sleeves of his coarse shirt rolled to the elbow, and holding a bloody rag in his hand, stood at gaze a moment. Питер Блад, без камзола, в одной рубашке с засученными до локтей рукавами и с кровавой тряпкой в руке, пристально глядел на эту даму.

The lady, turning now to confront him, her lips parting in a smile of recognition, was Arabella Bishop. Словно почувствовав его взгляд, она обернулась. Блад увидел улыбку на губах Арабеллы Бишоп.

"The man's a Spaniard," said he, in the tone of one who corrects a misapprehension, and also tinged never so faintly by something of the derision that was in his soul. - Этот раненый - испанец, - сказал он, словно пытаюсь исправить возможное недоразумение, и в голосе его едва заметно прозвучала нотка злой иронии.

The smile with which she had been greeting him withered on her lips. Улыбка сошла с лица Арабеллы.

She frowned and stared at him a moment, with increasing haughtiness. Ее брови нахмурились, лицо приняло надменное выражение.

"So I perceive. - Я знаю, - сказала она.

But he's a human being none the less," said she. - Но он, кажется, тоже человек.

That answer, and its implied rebuke, took him by surprise. Ответ, в котором содержался явный упрек по адресу Блада, поразил его.

"Your uncle, the Colonel, is of a different opinion," said he, when he had recovered. - Ваш дядя придерживается иного мнения, - заметил он, придя в себя.

"He regards them as vermin to be left to languish and die of their festering wounds." - Полковник Бишоп считает этих раненых паразитами, которых лечить незачем.

She caught the irony now more plainly in his voice. She continued to stare at him. Она почувствовала насмешку в его голосе и, пристально глядя на него, спросила:

"Why do you tell me this?" - Зачем вы мне об этом говорите?

"To warn you that you may be incurring the Colonel's displeasure. - Хочу предупредить вас, чтобы вы не навлекли на себя неудовольствие полковника.

If he had had his way, I should never have been allowed to dress their wounds." Я не имел бы возможности перевязывать их раны, если бы он и здесь мог проявить свою власть.

"And you thought, of course, that I must be of my uncle's mind?" - И вы, конечно, полагаете, что я обязана думать так же, как и мой дядя?

There was a crispness about her voice, an ominous challenging sparkle in her hazel eyes. - В ее голосе прозвучала какая-то враждебность, а в карих глазах сверкнула злая искорка.

"I'd not willingly be rude to a lady even in my thoughts," said he. - Даже в мыслях я не могу быть грубым с женщиной, - сказал он.

"But that you should bestow gifts on them, considering that if your uncle came to hear of it..." He paused, leaving the sentence unfinished. - Но если полковник узнает, что вы раздаете подарки испанцам... - Он запнулся, не зная, как закончить свою мысль.

"Ah, well - there it is!" he concluded. But the lady was not satisfied at all. Арабелла с трудом сдерживала возмущение: -Замечательно!

"First you impute to me inhumanity, and then cowardice. Faith! Вначале вы приписываете мне жестокость, потом трусость.

For a man who would not willingly be rude to a lady even in his thoughts, it's none so bad." Для человека, который даже в мыслях не бывает грубым с женщиной, это совсем недурно.

Her boyish laugh trilled out, but the note of it jarred his ears this time. - Она засмеялась, но в ее мальчишеском смехе на этот раз прозвучала горечь.

He saw her now, it seemed to him, for the first time, and saw how he had misjudged her. Ему показалось, что сейчас он впервые понял Арабеллу.

"Sure, now, how was I to guess that... that Colonel Bishop could have an angel for his niece?" said he recklessly, for he was reckless as men often are in sudden repentance. - Простите меня, мисс, но как я мог догадаться... что племянница полковника Бишоп - ангел? -вырвалось у Блада. Она бросила на него уничтожающий взгляд.

"You wouldn't, of course. I shouldn't think you often guess aright." Having withered him with that and her glance, she turned to her negro and the basket that he carried. From this she lifted now the fruits and delicacies with which it was laden, and piled them in such heaps upon the beds of the six Spaniards that by the time she had so served the last of them her basket was empty, and there was nothing left for her own fellow-countrymen. These, indeed, stood in no need of her bounty - as she no doubt observed - since they were being plentifully supplied by others. - Да, к сожалению, вы не обладаете догадливостью, - насмешливо сказала она и, наклонившись над корзиной, которую держал ее негр, начала вынимать фрукты и сладости, обильно оделяя ими всех раненых испанцев. На долю англичан у нее ничего не осталось, да они, впрочем, и не нуждались в ее помощи, так как их щедро одарили другие дамы.

Having thus emptied her basket, she called her negro, and without another word or so much as another glance at Peter Blood, swept out of the place with her head high and chin thrust forward. Опустошив корзину, Арабелла позвала своего негра и, высоко подняв голову, удалилась, не только не сказав Бладу ни слова, но даже не удостоив его взглядом.

Peter watched her departure. Then he fetched a sigh. Питер со вздохом поглядел ей вслед.

It startled him to discover that the thought that he had incurred her anger gave him concern. Он был удивлен, что мысль о гневе Арабеллы причиняет ему беспокойство.

It could not have been so yesterday. It became so only since he had been vouchsafed this revelation of her true nature. Вчера он этого не почувствовал бы, ибо только сегодня перед ним раскрылся ее подлинный характер.

"Bad cess to it now, it serves me right. It seems I know nothing at all of human nature. "Нет, я соевем не знаю людей, - думал Блад и пытался оправдать себя.

But how the devil was I to guess that a family that can breed a devil like Colonel Bishop should also breed a saint like this?" - Но кто бы мог допустить, что семья, вырастившая такого изверга, как полковник Бишоп, воспитала и такое совершенство милосердия, как Арабелла? "

Chapter VI Глава VI

PLANS OF ESCAPE ПЛАН БЕГСТВА

After that Arabella Bishop went daily to the shed on the wharf with gifts of fruit, and later of money and of wearing apparel for the Spanish prisoners. С этого времени Арабелла Бишоп стала ежедневно посещать барак на пристани. Вначале она приносила испанским пленникам фрукты, а потом деньги и одежду.

But she contrived so to time her visits that Peter Blood never again met her there. Девушка старалась приходить в те часы, когда, по ее расчетам, она не могла встретиться с Питером Бладом.

Also his own visits were growing shorter in a measure as his patients healed. Впрочем, и молодой доктор стал бывать здесь все реже и реже, по мере того как его пациенты один за другим поднимались на ноги.

That they all throve and returned to health under his care, whilst fully one third of the wounded in the care of Whacker and Bronson - the two other surgeons -died of their wounds, served to increase the reputation in which this rebel-convict stood in Bridgetown. Последнее обстоятельство немало способствовало росту популярности Питера Блада среди жителей Бриджтауна. Возможно, они несколько переоценивали его врачебное искусство, но, как бы то ни было, его больные поправлялись, а раненые, которых пользовали местные врачи -Вакер и Бронсон, постепенно переселялись из барака на кладбище.

It may have been no more than the fortune of war. But the townsfolk did not choose so to regard it. It led to a further dwindling of the practices of his free colleagues and a further increase of his own labours and his owner's profit. Г орожане сделали из этого факта должный вывод, и практика Вакера и Бронсона заметно сократилась, тогда как у Питера Блада, наоборот, работы прибавилось, а вместе с тем увеличились и доходы его хозяина.

Whacker and Bronson laid their heads together to devise a scheme by which this intolerable state of things should be brought to an end. But that is to anticipate. Следствием этого явился план, после длительного размышления выношенный Вакером и Бронсоном, который повлек за собой столько важных событий... Но не будем забежать вперед.

One day, whether by accident or design, Peter Blood came striding down the wharf a full half-hour earlier than usual, and so met Miss Bishop just issuing from the shed. Однажды, явившись на пристань на полчаса раньше обычного, Питер Блад встретил Арабеллу Бишоп, только что вышедшую из барака.

He doffed his hat and stood aside to give her passage. She took it, chin in the air, and eyes which disdained to look anywhere where the sight of him was possible. Он снял шляпу и посторонился, уступая ей дорогу, но девушка, гордо подняв голову и не глядя на него, прошла мимо.

"Miss Arabella," said he, on a coaxing, pleading note. - Мисс Арабелла! - умоляюще произнес Блад.

She grew conscious of his presence, and looked him over with an air that was

faintly, mockingly searching. Арабелла сделала вид, что только сейчас заметила доктора. Бросив на него насмешливый взгляд, она сказала:

"La!" said she. "It's the delicate-minded gentleman!" - Ах, это вы, воспитанный джентльмен!

Peter groaned. "Am I so hopelessly beyond forgiveness? - Неужели я никогда не буду прощен?

I ask it very humbly." Умоляю вас, мисс, сменить гнев на милость!

"What condescension!" - О, какое самоуничижение!

"It is cruel to mock me," said he, and adopted mock-humility. - Вы издеваетесь надо мной, - сказал он с подчеркнутым смирением.

"After all, I am but a slave. And you might be ill one of these days." - Я, конечно, только раб... но ведь и вы когда-нибудь можете заболеть.

"What, then?" - Ну и что же?

"It would be humiliating to send for me if you treat me like an enemy." - Вы сочтете неудобным для себя прибегать к моим услугам, если будете считать меня своим недругом.

"You are not the only doctor in Bridgetown." - Разве вы единственный врач в Бриджтауне?

"But I am the least dangerous." - Зато я самый безвредный из них!

She grew suddenly suspicious of him, aware that he was permitting himself to rally her, and in a measure she had already yielded to it. Арабелла уловила в тоне Питера Блада нотку насмешки.

She stiffened, and looked him over again. Окинув его надменным взглядом, она раздраженно заметила:

"You make too free, I think," she rebuked him. - Не кажется ли вам, что вы ведете себя слишком свободно?

"A doctor's privilege." - Возможно, - согласился Блад. - Но доктор имеет на это право. Его спокойный ответ еще больше рассердил Арабеллу.

"I am not your patient. - Но я не ваша пациентка! - с возмущением воскликнула она.

Please to remember it in future." - Запомните это раз и навсегда!

And on that, unquestionably angry, she departed. Не попрощавшись, Арабелла круто повернулась и быстро пошла вдоль пристани.

"Now is she a vixen or am I a fool, or is it both?" he asked the blue vault of heaven, and then went into the shed. Блад долго смотрел ей вслед, затем сокрушенно развел руками и воскликнул: - Что же это такое?! Либо она мегера, либо я болван! Пожалуй, и то и другое справедливо... И, придя к такому заключению, он вошел в барак.

It was to be a morning of excitements. Этому утру суждено было стать утром волнений.

As he was leaving an hour or so later, Whacker, the younger of the other two physicians, joined him - an unprecedented condescension this, for hitherto neither of them had addressed him beyond an occasional and surly "good-day!" Примерно через час после ухода Арабеллы, когда Блад покидал барак, к нему подошел Вакер - как помнит читатель, один из двух других врачей Бриджтауна. Блад очень удивился этому, ибо до сих пор врачи старались не замечать его, лишь изредка снисходя до сухого приветствия.

"If you are for Colonel Bishop's, I'll walk with you a little way, Doctor Blood," said he. He was a short, broad man of five-and-forty with pendulous cheeks and hard blue eyes. - Если вы идете к полковнику Бишопу, то, с вашего согласия, я немного провожу вас, - любезно сказал Вакер, приземистый, широкоплечий человек лет сорока пяти, с обвислыми щеками и тусклыми голубыми глазами.

Peter Blood was startled. But he dissembled it. Предложение Вакера удивило Блада еще более, но внешне он не показал этого.

"I am for Government House," said he. - Я иду в дом губернатора, - ответил он.

"Ah! - Да?!

To be sure! The Governor's lady." And he laughed; or perhaps he sneered. Peter Blood was not quite certain. Вернее, к супруге губернатора? -многозначительно хихикнул Вакер.

"She encroaches a deal upon your time, I hear. - Я слышал, что она отнимает у вас уйму времени.

Youth and good looks, Doctor Blood! Что ж, молодость и привлекательная внешность, доктор Блад!

Youth and good looks! Молодость и красота!

They are inestimable advantages in our profession as in others - particularly where the ladies are concerned." Это дает врачу огромное преимущество, особенно когда он лечит дам!

Peter stared at him. Питер пристально взглянул на Вакера:

"If you mean what you seem to mean, you had better say it to Governor Steed. - Мне кажется, я угадываю вашу мысль. Поделитесь ею не со мной, а с губернатором Стидом.

It may amuse him." Быть может, это его позабавит.

"You surely misapprehend me." - Вы неправильно поняли меня, дорогой! -поторопился исправить свои неосторожные слова Вакер. - У меня вовсе не было таких мыслей.

"I hope so." - Надеюсь, что так! - усмехнулся Блад.

"You're so very hot, now!" The doctor linked his arm through Peter's. - Не будьте так вспыльчивы, мой друг, -вкрадчиво заговорил Вакер и доверительно взял Питера под руку.

"I protest I desire to be your friend - to serve you. Now, listen." - Я хочу помочь вам!

Instinctively his voice grew lower. - Голос доктора понизился почти до шепота.

"This slavery in which you find yourself must be singularly irksome to a man of

parts such as yourself." - Ведь рабство должно быть очень неприятно для такого талантливого человека, как вы.

"What intuitions!" cried sardonic Mr. Blood. - Какая пронизательность! - насмешливо воскликнул Блад.

But the doctor took him literally. Однако доктор не заметил этой насмешки или не счел нужным ее заметить.

"I am no fool, my dear doctor. - Я не дурак, дорогой коллега, - продолжал он.

I know a man when I see one, and often I can tell his thoughts." - Я вижу человека насквозь и могу даже сказать, что он думает.

"If you can tell me mine, you'll persuade me of it," said Mr. Blood. - Вы убедите меня в этом, если скажете, о чем думаю я, - заметил Блад.

Dr. Whacker drew still closer to him as they stepped along the wharf. He lowered his voice to a still more confidential tone. His hard blue eyes peered up into the swart, sardonic face of his companion, who was a head taller than himself. Доктор Вакер окинул взглядом пустынную пристань, вдоль которой они шли в этот момент, и, еще ближе придвинувшись к Бладу, сказал вкрадчивым голосом:

"How often have I not seen you staring out over the sea, your soul in your eyes! - Не раз наблюдал я за вами, когда вы тоскливо всматривались в морскую даль.

Don't I know what you are thinking? И вы полагаете, что я не знаю ваших мыслей?

If you could escape from this hell of slavery, you could exercise the profession of which you are an ornament as a free man with pleasure and profit to yourself. Если бы вам удалось спастись из этого ада, вы могли бы, как свободный человек, с удовольствием и выгодой для себя всецело отдаться своей профессии, украшением которой вы являетесь.

The world is large. There are many nations besides England where a man of your parts would be warmly welcomed. Мир велик, и, кроме Англии, есть еще много стран, где такого человека, как вы, всегда тепло встретят.

There are many colonies besides these English ones." Помимо английских колоний, есть и другие.

Lower still came the voice until it was no more than a whisper. Yet there was no one within earshot. - Вакер оглянулся по сторонам и продолжал тоном заговорщика:

"It is none so far now to the Dutch settlement of Curacao. - Отсюда совсем недалеко до голландской колонии Кюрасао.

At this time of the year the voyage may safely be undertaken in a light craft. В это время года туда вполне можно добраться даже в небольшой лодке.

And Curacao need be no more than a stepping-stone to the great world, which would lie open to you once you were delivered from this bondage." Кюрасао может стать мостиком в огромный мир. Он откроется перед вами, как только вы освободитесь от цепей.

Dr. Whacker ceased. He was pale and a little out of breath. But his hard eyes continued to study his impassive companion. Доктор Вакер умолк и выжидающе уставился на своего невозмутимого спутника. Но Блад молчал.

"Well?" he said after a pause. "What do you say to that?" - Что вы на это скажете? - с нетерпением спросил Вакер.

Yet Blood did not immediately answer. Блад ответил не сразу.

His mind was heaving in tumult, and he was striving to calm it that he might take a proper survey of this thing flung into it to create so monstrous a disturbance. Ему нужно было время, чтобы хладнокровно разобраться в потоке мыслей, нахлынувших на него при этом неожиданном предложении.

He began where another might have ended. Подумав, он начал с того, чем другой бы кончил:

"I have no money. And for that a handsome sum would be necessary." - У меня нет денег, а ведь для такого путешествия их потребуется немало.

"Did I not say that I desired to be your friend?" - Разве я не сказал, что хочу быть вашим другом? - воскликнул Вакер.

"Why?" asked Peter Blood at point-blank range. But he never heeded the answer. - Почему? - в упор спросил Блад, хотя в ответе на свой вопрос он не нуждался.

Whilst Dr. Whacker was professing that his heart bled for a brother doctor languishing in slavery, denied the opportunity which his gifts entitled him to make for himself, Peter Blood pounced like a hawk upon the obvious truth. Доктор Вакер стал пространно объяснять, как обливается кровью его сердце при виде коллеги, изнывающего в рабстве и лишенного возможности применить на деле свои чудесные способности.

Whacker and his colleague desired to be rid of one who threatened to ruin them. Но Питер Блад сразу понял истинную причину: любым способом врачи стремились отделаться от конкурента, присутствие которого разоряло их.

Sluggishness of decision was never a fault of Blood's. Медлительность в принятии решений не являлась недостатком Блада.

He leapt where another crawled. And so this thought of evasion never entertained until planted there now by Dr. Whacker sprouted into instant growth. До сих пор он даже не помышлял о бегстве, понимая, что всякая попытка бежать без посторонней помощи окончилась бы провалом. Сейчас же, когда он мог рассчитывать на помощь Вакера и, в чем Блад не сомневался, его друга Бронсона, побег уже не казался ему безнадежным предприятием.

"I see, I see," he said, whilst his companion was still talking, explaining, and to save Dr. Whacker's face he played the hypocrite. И мысленно он уже сказал Вакеру: "Да!" Выслушав длинные разглагольствования Вакера, Блад сделал вид, что искренне верит в дружеские побуждения своего коллеги.

"It is very noble in you - very brotherly, as between men of medicine. - Это очень благородно с вашей стороны, коллега, - сказал он.

It is what I myself should wish to do in like case." - Именно так поступил бы и я, если бы мне представился подобный случай.

The hard eyes flashed, the husky voice grew tremulous as the other asked almost too eagerly: В глазах Вакера мелькнула радость, и он поспешно, даже слишком поспешно спросил:

"You agree, then? You agree?" - Значит, вы согласны?

"Agree?" Blood laughed. - Согласен? - улыбнулся Блад.

"If I should be caught and brought back, they'd clip my wings and brand me for life." - А если меня поймают и приведут обратно, то мой лоб на всю жизнь украсится клеймом!

"Surely the thing is worth a little risk?" - Риск, конечно, велик, - согласился Вакер.

More tremulous than ever was the tempter's voice. - Но подумайте - в случае успеха вас ждет свобода, перед вами откроется весь мир!

"Surely," Blood agreed. Блад кивнул головой: - Все это так.

"But it asks more than courage. It asks money. Однако для побега, помимо мужества, нужны и деньги.

A sloop might be bought for twenty pounds, perhaps." Шлюпка обойдется, вероятно, фунтов в двадцать.

"It shall be forthcoming. - Деньги вы получите! - поторопился заверить Вакер.

It shall be a loan, which you shall repay us - repay me, when you can." - Это будет заем, который вы нам вернете... вернете мне, когда сможете.

That betraying "us" so hastily retrieved completed Blood's understanding. Это предательское "нам" и столь же быстрая поправка оговорки лишний раз подтвердили правильность предположения Блада.

The other doctor was also in the business. Сейчас у него не было и тени сомнения в том, что Вакер действовал вкуче с Бронсоном.

They were approaching the peopled part of the mole. Навстречу им стали все чаще попадаться люди, что заставило собеседников прекратить разговор.

Quickly, but eloquently, Blood expressed his thanks, where he knew that no thanks were due. Блад выразил Вакеру свою благодарность, хотя понимал, что благодарить его, в сущности, не за что.

"We will talk of this again, sir - to-morrow," he concluded. - Завтра мы продолжим нашу беседу, - сказал он.

"You have opened for me the gates of hope." - Вы приоткрыли мне двери надежды, коллега!

In that at least he tittered no more than the bare truth, and expressed it very baldly. It was, indeed, as if a door had been suddenly flung open to the sunlight for escape from a dark prison in which a man had thought to spend his life. Блад говорил правду: он чувствовал себя, как узник, перед которым внезапно приоткрылись двери темницы.

He was in haste now to be alone, to straighten out his agitated mind and plan coherently what was to be done. Распрощавшись с Вакером, Блад прежде всего решил посоветоваться с Джереми Питтом.

Also he must consult another. Already he had hit upon that other. Вряд ли можно было сомневаться, чтобы Питт отказался разделить с ним опасности задуманного побега.

For such a voyage a navigator would be necessary, and a navigator was ready to his hand in Jeremy Pitt. The first thing was to take counsel with the young shipmaster, who must be associated with him in this business if it were to be undertaken. All that day his mind was in turmoil with this new hope, and he was sick with impatience for night and a chance to discuss the matter with his chosen partner. К тому же Питт был штурманом, а пускаться в неведомое плавание без опытного штурмана было бы по меньшей мере неразумно.

As a result Blood was betimes that evening in the spacious stockade that enclosed the huts of the slaves together with the big white house of the overseer, and he found an opportunity of a few words with Pitt, unobserved by the others. Задолго до наступления вечера Блад был уже на территории, огороженной высоким частоколом, за которым находились хижины рабов и большой белый дом надсмотрщика.

"To-night when all are asleep, come to my cabin. - Когда все уснут, приходи ко мне, - шепнул Блад Питту.

I have something to say to you." - Я должен кое-что сообщить тебе...

The young man stared at him, roused by Blood's pregnant tone out of the mental lethargy into which he had of late been lapsing as a result of the dehumanizing life he lived. Молодой человек удивленно посмотрел на Блада. Его слова, казалось, пробудили Питта от оцепенения, в которое его вогнала жизнь, мало похожая на человеческую.

Then he nodded understanding and assent, and they moved apart. Он кивнул головой, и они разошлись.

The six months of plantation life in Barbados had made an almost tragic mark upon the young seaman. Полгода жизни на плантациях Барбадоса ввергли молодого моряка в состояние полной безнадежности.

His erstwhile bright alertness was all departed. Он уже не был прежним спокойным, энергичным и уверенным в себе человеком, а передвигался крадучись, как забитая собака.

His face was growing vacuous, his eyes were dull and lack-lustre, and he moved in a cringing, furtive manner, like an over-beaten dog. Его лицо, утратив былые краски, стало безжизненным, глаза потускнели.

He had survived the ill-nourishment, the excessive work on the sugar plantation under a pitiless sun, the lashes of the overseer's whip when his labours flagged, and the deadly, unrelieved animal life to which he was condemned. Он выжил, несмотря на постоянный голод, изнуряющую работу под жестокими лучами тропического солнца и плети надсмотрщика.

But the price he was paying for survival was the usual price. Отчаяние притупило в нем все чувства, и он медленно превращался в животное.

He was in danger of becoming no better than an animal, of sinking to the level of the negroes who sometimes toiled beside him. Лишь чувство человеческого достоинства еще не совсем угасло в Питте.

The man, however, was still there, not yet dormant, but merely torpid from a surfeit of despair; and the man in him promptly shook off that torpidity and awoke at the first words Blood spoke to him that night - awoke and wept. Ночью, когда Блад изложил план бегства, молодой человек словно обезумел.

"Escape?" he panted. - Бегство!

"O God!" He took his head in his hands, and fell to sobbing like a child. О боже! - задыхаясь, - сказал он и, схватившись за голову, зарыдал, как ребенок.

"Sh! Steady now! Steady!" Blood admonished him in a whisper, alarmed by the lad's blubbing. He crossed to Pitt's side, and set a restraining hand upon his shoulder. "For God's sake, command yourself. - Тише! - прошептал Блад. Его рука слегка сжала плечо Питта. - Держи себя в руках.

If we're overheard we shall both be flogged for this." Нас заporют насмерть, если подслушают, о чем говорим.

Among the privileges enjoyed by Blood was that of a hut to himself, and they were alone in this. Одна из привилегий, которыми пользовался Блад, состояла также в том, что он жил теперь в отдельной хижине.

But, after all, it was built of wattles thinly plastered with mud, and its door was composed of bamboos, through which sound passed very easily. Она была сплетена из прутьев и свободно пропускала каждый звук.

Though the stockade was locked for the night, and all within it asleep by now - it was after midnight - yet a prowling overseer was not impossible, and a sound of voices must lead to discovery. И хотя лагерь осужденных давно уже погрузился в глубокий сон, поблизости мог оказаться какой-нибудь слишком бдительный надсмотрщик, а это грозило непоправимой бедой.

Pitt realized this, and controlled his outburst of emotion. Питт постарался взять себя в руки.

Sitting close thereafter they talked in whispers for an hour or more, and all the while those dulled wits of Pitt's were sharpening themselves anew upon this precious whetstone of hope. В течение часа в хижине слышался едва внятный шепот. Надежда на освобождение вернула Питту его прежнюю сообразительность.

They would need to recruit others into their enterprise, a half-dozen at least, a half-score if possible, but no more than that. Друзья решили, что для участия в задуманном предприятии следует привлечь человек восемь-девять, не больше.

They must pick the best out of that score of survivors of the Monmouth men that Colonel Bishop had acquired. Из двух десятков еще оставшихся в живых повстанцев, которых купил полковник Бишоп, предстояло выбрать наиболее подходящих.

Men who understood the sea were desirable. But of these there were only two in that unfortunate gang, and their knowledge was none too full. They were Hagthorpe, a gentleman who had served in the Royal Navy, and Nicholas Dyke, who had been a petty officer in the late king's time, and there was another who had been a gunner, a man named Ogle. Было бы хорошо, если бы все они знали море, но таких людей насчитывалось всего лишь двое - Хагторп, служивший в королевском военно-морском флоте, и младший офицер Николае Дайк. И еще один - артиллерист, по имени Огл, знакомый с морем, - также мог стать полезным спутником.

It was agreed before they parted that Pitt should begin with these three and then proceed to recruit some six or eight others. Договорились, что Питт начнет с этих трех, а затем завербует еще человек шесть - восемь.

He was to move with the utmost caution, sounding his men very carefully before making anything in the nature of a disclosure, and even then avoid rendering that disclosure so full that its betrayal might frustrate the plans which as yet had to

be worked out in detail. Labouring with them in the plantations, Pitt would not want for opportunities of broaching the matter to his fellow-slaves. Блад советовал Питту действовать осторожно: выяснить сначала настроение людей, а потом уж говорить с ними более или менее откровенно.

"Caution above everything," was Blood's last recommendation to him at parting. "Who goes slowly, goes safely, as the Italians have it. And remember that if you betray yourself, you ruin all, for you are the only navigator amongst us, and without you there is no escaping." - Помни, - говорил Блад, - что, выдав себя, ты погубишь все: ведь ты - единственный штурман среди нас, и без тебя бегство невозможно.

Pitt reassured him, and slunk off back to his own hut and the straw that served him for a bed. Заверив Блада, что он все понял, Питт прокрался в свою хижину и бросился на соломенную подстилку, служившую ему постелью.

Coming next morning to the wharf, Blood found Dr. Whacker in a generous mood. На следующее утро Блад встретился на пристани с доктором Вакером.

Having slept on the matter, he was prepared to advance the convict any sum up to thirty pounds that would enable him to acquire a boat capable of taking him away from the settlement. Доктор соглашался дать взаймы тридцать фунтов стерлингов, необходимые для приобретения шлюпки.

Blood expressed his thanks becomingly, betraying no sign that he saw clearly into the true reason of the other's munificence. "It's not money I'll require," said he, "but the boat itself. Блад почтительно поблагодарил его и сказал: -Мне нужны не деньги, а шлюпка.

For who will be selling me a boat and incurring the penalties in Governor Steed's proclamation? Но я не знаю, кто осмелится продать мне ее после угроз наказаний, перечисленных в приказе губернатора Стида.

Ye'll have read it, no doubt?" Вы, конечно, знаете его?

Dr. Whacker's heavy face grew overcast. Thoughtfully he rubbed his chin. Доктор Вакер в раздумье потер подбородок:

"I've read it - yes. And I dare not procure the boat for you. - Да, я читал это объявление... Однако, согласитесь, не мне же приобретать для вас шлюпку!

It would be discovered. It must be. Это станет сразу же известно всем.

And the penalty is a fine of two hundred pounds besides imprisonment. It would ruin me. You'll see that?" Мое участие повлечет за собой тюремное заключение и штраф в двести фунтов... вы понимаете?

The high hopes in Blood's soul, began to shrink. And the shadow of his despair overcast his face. Надежда, горевшая в душе Блада, потускнела, и тень отчаяния пробежала по его лицу.

"But then..." he faltered. "There is nothing to be done." - Да, но тогда... - пробормотал он, - к чему же мне ваши деньги?

"Nay, nay: things are not so desperate." Dr. Whacker smiled a little with tight lips. - Отчаиваться рано, - сказал Вакер, и по тонким его губам скользнула улыбка.

"I've thought of it. - Я об этом думал.

You will see that the man who buys the boat must be one of those who goes with you

- so that he is not here to answer questions afterwards." Пусть человек, который купит шлюпку, уедет с вами. Здесь не должно остаться никого, кому пришлось бы впоследствии отвечать.

"But who is to go with me save men in my own case? What I cannot do, they cannot."
- Но кто же согласится бежать отсюда, кроме людей, влачащих такую же участь, как и я? - с сомнением спросил Блад.

"There are others detained on the island besides slaves. There are several who are here for debt, and would be glad enough to spread their wings. - На острове есть не только невольники, но и ссыльные, - пояснил Вакер. - Люди, отбывающие ссылку за долги, будут счастливы расправить свои крылья.

There's a fellow Nuttall, now, who follows the trade of a shipwright, whom I happen to know would welcome such a chance as you might afford him." Я знаю одного корабельного плотника, по фамилии Нэтталл, и мне известно, что он с радостью воспользуется возможностью уехать.

"But how should a debtor come with money to buy a boat? The question will be asked." - Но если он явится к кому-то покупать шлюпку, то, естественно, возникнет вопрос, откуда он взял деньги.

"To be sure it will. But if you contrive shrewdly, you'll all be gone before that happens." - Конечно, такой вопрос может возникнуть, но надо сделать так, чтобы на острове не осталось никого, кому можно было бы задать такой вопрос.

Blood nodded understanding, and the doctor, setting a hand upon his sleeve, unfolded the scheme he had conceived. Блад понимающе кивнул головой, и Вакер подробно изложил свой план:

"You shall have the money from me at once. Having received it, you'll forget that it was I who supplied it to you. - Берите деньги и сразу же забудьте, что вам их дал я.

You have friends in England - relatives, perhaps -who sent it out to you through the agency of one of your Bridgetown patients, whose name as a man of honour you will on no account divulge lest you bring trouble upon him. That is your tale if there are questions." Если же вас спросят о них, то вы скажете, что ваши друзья или родственники прислали вам эти деньги из Англии через одного из ваших пациентов, имя которого вы, как честный человек, ни в коем случае не можете назвать.

He paused, looking hard at Blood. Blood nodded understanding and assent. Relieved, the doctor continued: Он умолк и вопросительно посмотрел на Блада, и, когда тот ответил утвердительным взглядом, доктор, облегченно вздохнув, продолжал:

"But there should be no questions if you go carefully to work. - Если действовать осторожно, то никаких вопросов не последует.

You concert matters With Nuttall. You enlist him as one of your companions and a shipwright should be a very useful member of your crew. Вам следует договориться с Нэтталлом, потому что плотник может быть очень полезным членом вашей команды.

You engage him to discover a likely sloop whose owner is disposed to sell. Он подыщет подходящую шлюпку и купит ее.

Then let your preparations all be made before the purchase is effected, so that your escape may follow instantly upon it before the inevitable questions come to be asked. Всю подготовку к бегству нужно закончить до приобретения шлюпки и, не теряя ни минуты, исчезнуть.

You take me?" Понимаете?

So well did Blood take him that within an hour he contrived to see Nuttall, and found the fellow as disposed to the business as Dr. Whacker had predicted. Блад понимал его так хорошо, что уже через час повидал Нэтталла и выяснил, что он действительно согласен участвовать в побеге.

When he left the shipwright, it was agreed that Nuttall should seek the boat required, for which Blood would at once produce the money. Они договорились, что плотник немедленно начнет поиски шлюпки, а когда она будет найдена, Блад сразу же передаст ему необходимую сумму.

The quest took longer than was expected by Blood, who waited impatiently with the doctor's gold concealed about his person. Поиски, однако, заняли гораздо больше времени, нежели предполагал Блад.

But at the end of some three weeks, Nuttall - whom he was now meeting daily - informed him that he had found a serviceable wherry, and that its owner was disposed to sell it for twenty-two pounds. Лишь недели через три Нэтталл, с которым Блад встречался почти ежедневно, сообщил, что нашел подходящее суденышко и что его согласны продать за двадцать два фунта.

That evening, on the beach, remote from all eyes, Peter Blood handed that sum to his new associate, and Nuttall went off with instructions to complete the purchase late on the following day. В тот же вечер, вдали от любопытных глаз, Блад вручил ему деньги, и Нэтталл ушел, чтобы совершить покупку в конце следующего дня.

He was to bring the boat to the wharf, where under cover of night Blood and his fellow-convicts would join him and make off. Он должен был доставить шлюпку к пристани, откуда под покровом ночи Блад и его товарищи отправятся навстречу свободе.

Everything was ready. Наконец все приготовления к побегу были закончены.

In the shed, from which all the wounded men had now been removed and which had since remained untenanted, Nuttall had concealed the necessary stores: a hundredweight of bread, a quantity of cheese, a cask of water and some few bottles of Canary, a compass, quadrant, chart, half-hour glass, log and line, a tarpaulin, some carpenter's tools, and a lantern and candles. В пустом бараке, где еще недавно помещались раненые пленники, Нэтталл спрятал центнер[18] хлеба, несколько кругов сыра, бочонок воды, десяток бутылок вина, компас, квадрант[19], карту, песочные часы, лаг note 19, фонарь и свечи.

And in the stockade, all was likewise in readiness. За палисадом, окружавшим лагерь осужденных, также все были готовы.

Hagthorpe, Dyke, and Ogle had agreed to join the venture, and eight others had been carefully recruited. Хагторп, Дайк и Огл согласились бежать, как и восемь других людей, тщательно отобранных из бывших повстанцев.

In Pitt's hut, which he shared with five other rebels-convict, all of whom were to join in this bid for liberty, a ladder had been constructed in secret during those nights of waiting. With this they were to surmount the stockade and gain the open. The risk of detection, so that they made little noise, was negligible. Beyond locking them all into that stockade at night, there was no great precaution taken. Where, after all, could any so foolish as to attempt escape hope to conceal himself in that island? The chief risk lay in discovery by those of their companions who were to be left behind. It was because of these that they must go cautiously and in

silence. В хижине Питта, где он жил вместе с пятью заключенными, согласившимися участвовать в смелой попытке Блада, в течение этих томительных ночей ожидания была сплетена лестница, чтобы с ее помощью перебраться через палисад.

The day that was to have been their last in Barbados was a day of hope and anxiety to the twelve associates in that enterprise, no less than to Nuttall in the town below. Со страхом и нетерпением ожидали участники побега наступления следующего дня, который должен был стать последним днем их страшной жизни на Барбадосе.

Towards sunset, having seen Nuttall depart to purchase and fetch the sloop to the prearranged moorings at the wharf, Peter Blood came sauntering towards the stockade, just as the slaves were being driven in from the fields. Вечером, перед закатом солнца, убедившись, что Нэтталл отправился за лодкой, Блад медленно подошел к лагерю, куда надсмотрщики загоняли невольников, только что возвратившихся с плантаций.

He stood aside at the entrance to let them pass, and beyond the message of hope flashed by his eyes, he held no communication with them. Он молча стоял у ворот, пропуская мимо себя изможденных, смертельно уставших людей, но посвященным был понятен огонек надежды, горевший в его глазах.

He entered the stockade in their wake, and as they broke their ranks to seek their various respective huts, he beheld Colonel Bishop in talk with Kent, the overseer. The pair were standing by the stocks, planted in the middle of that green space for the punishment of offending slaves. Войдя в ворота вслед за невольниками, тащившимися к своим убогим хижинам, он увидел полковника Бишопа. Плантатор с тростью в руках разговаривал с надсмотрщиком Кентом, стоя около колодок, предназначенных для наказания провинившихся рабов.

As he advanced, Bishop turned to regard him, scowling. Заметив Блада, он мрачно взглянул на него.

"Where have you been this while?" he bawled, and although a minatory note was normal to the Colonel's voice, yet Blood felt his heart tightening apprehensively. - Где ты шлялся? - закричал он, и, хотя угрожающий тон, звучавший в голосе полковника, был для него обычным, Блад почувствовал, как его сердце болезненно сжалось.

"I've been at my work in the town," he answered. - Я был в городе, - ответил он.

"Mrs. Patch has a fever and Mr. Dekker has sprained his ankle." - У госпожи Патч лихорадка, а господин Деккер вывихнул ногу.

"I sent for you to Dekker's, and you were not there. - За тобой ходили к Деккеру, но тебя там не нашли.

You are given to idling, my fine fellow. We shall have to quicken you one of these days unless you cease from abusing the liberty you enjoy. Мне придется кое-что предпринять, красавец, чтобы ты не лодырничал и не злоупотреблял предоставленной тебе свободой.

D'ye forget that ye're a rebel convict?" Не забывай, что ты осужденный бунтовщик!

"I am not given the chance," said Blood, who never could learn to curb his tongue. - Мне все время об этом напоминают, - ответил Блад, так и не научившийся сдерживать свой язык.

"By God! - Черт возьми! - заорал взбешенный Бишоп.

Will you be pert with me?" - Ты еще осмеливаешься говорить мне дерзости?

Remembering all that was at stake, growing suddenly conscious that from the huts surrounding the enclosure anxious ears were listening, he instantly practised an unusual submission. Вспомнив, как много поставлено им сегодня на карту и живо представив себе тот страх, с каким прислушиваются к его разговору с Бишопом товарищи в окружающих хижинах, Блад с необычным смирением ответил:

"Not pert, sir. - О нет, сэръ!

I... I am sorry I should have been sought..." Я далек от мысли говорить вам дерзости. Я... чувствую себя виноватым, что вам пришлось искать меня... Бишоп внезапно остыл: - Да?

"Aye, and you'll be sorrier yet. Ну ладно, сейчас ты почувствуешь себя еще больше виноватым.

There's the Governor with an attack of gout, screaming like a wounded horse, and you nowhere to be found. У губернатора приступ подагры, он визжит, как недорезанная свинья, а тебя нигде нельзя найти.

Be off, man - away with you at speed to Government House! Немедленно отправляйся в губернаторский дом.

You're awaited, I tell you. Best lend him a horse, Kent, or the lout'll be all night getting there." Тебя там ждут... Кент, дай ему лошадь, а то этот олух будет добираться туда всю ночь.

They hustled him away, choking almost from a reluctance that he dared not show. У Блада не было времени раздумывать.

The thing was unfortunate; but after all not beyond remedy. Он сознавал свое бессилие устранить эту неожиданную помеху.

The escape was set for midnight, and he should easily be back by then. Но бегство было назначено на полночь.

He mounted the horse that Kent procured him, intending to make all haste. В надежде вернуться к этому времени доктор вскочил на подведенную Кентом лошадь.

"How shall I reenter the stockade, sir?" he enquired at parting. - А как я вернусь назад? - спросил он. - Ведь ворота палисада будут закрыты.

"You'll not reenter it," said Bishop. - Об этом не беспокойся.

"When they've done with you at Government House, they may find a kennel for you there until morning." До утра ты сюда не вернешься, - ответил Бишоп. - Они найдут для тебя какую-нибудь конуру в губернаторском доме, где ты и перespишь.

Peter Blood's heart sank like a stone through water. Сердце Питера Блада упало.

"But..." he began. - Но... - начал он.

"Be off, I say. - Отправляйся без разговоров!

Will you stand there talking until dark? Ты, кажется, намерен болтать до темноты.

His excellency is waiting for you." Губернатор ждет тебя!

And with his cane Colonel Bishop slashed the horse's quarters so brutally that the beast bounded forward all but unseating her rider. - И Бишоп с такой силой ударил лошадь Блада своей тростью, что она рванулась вперед, едва не выбросив из седла всадника.

Peter Blood went off in a state of mind bordering on despair. Питер Блад уехал с настроением, близким к отчаянию.

And there was occasion for it. A postponement of the escape at least until tomorrow night was necessary now, and postponement must mean the discovery of Nuttall's transaction and the asking of questions it would be difficult to answer. Бегство приходилось откладывать до следующей ночи, а это грозило осложнениями: сделка Нэтталла могла получить огласку, к нему могли обратиться с вопросами, на которые трудно было ответить, не возбудив подозрения.

It was in his mind to slink back in the night, once his work at Government House were done, and from the outside of the stockade make known to Pitt and the others his presence, and so have them join him that their project might still be carried out. Блад рассчитывал, что после визита в губернаторский дом ему удастся под покровом темноты незаметно прокрасться к частоколу и дать знать Питту и другим о своем возвращении. Тогда бегство еще могло бы состояться.

But in this he reckoned without the Governor, whom he found really in the thrall of a severe attack of gout, and almost as severe an attack of temper nourished by Blood's delay. Однако и эти расчеты сорвал губернатор, у которого он нашел свирепый приступ подагры и не менее свирепый приступ гнева, вызванный длительным отсутствием Блада.

The doctor was kept in constant attendance upon him until long after midnight, when at last he was able to ease the sufferer a little by a bleeding. Губернатор задержал доктора до глубокой ночи.

Thereupon he would have withdrawn. But Steed would not hear of it. Блад надеялся уйти после того, как ему удалось при помощи кровопускания несколько успокоить боли, мучившие губернатора, но Стид не хотел и слышать об отъезде Блада.

Blood must sleep in his own chamber to be at hand in case of need. Доктор должен был остаться на ночь здесь же, в губернаторской спальне.

It was as if Fate made sport of him. Судьба, казалось, издевалась над Бладом.

For that night at least the escape must be definitely abandoned. Бегство в эту ночь окончательно срывалось.

Not until the early hours of the morning did Peter Blood succeed in making a temporary escape from Government House on the ground that he required certain medicaments which he must, himself, procure from the apothecary. Только рано утром Питер Блад, заявив, что ему необходимо побывать в аптеке, смог выбраться из губернаторского дома.

On that pretext, he made an excursion into the awakening town, and went straight to Nuttall, whom he found in a state of livid panic. Он поспешил к Нэтталлу и застал его в ужасном состоянии.

The unfortunate debtor, who had sat up waiting through the night, conceived that all was discovered and that his own ruin would be involved. Несчастный плотник, прождавший на пристани всю ночь, был убежден, что все уже открыто и он погиб.

Peter Blood quieted his fears. Питер Блад как мог успокоил его.

"It will be for to-night instead," he said, with more assurance than he felt, "if I have to bleed the Governor to death. - Мы бежим сегодня ночью, - сказал он с уверенностью, которой на самом деле не испытывал. - Бежим, если даже для этого мне придется выпустить у губернатора всю его кровь.

Be ready as last night." Будьте готовы сегодня ночью.

"But if there are questions meanwhile?" bleated Nuttall. - Ну, а если днем у меня спросят, откуда я взял деньги? - проблеял Нэтталл.

He was a thin, pale, small-featured, man with weak eyes that now blinked desperately. Это был щуплый человечек с мелкими чертами лица и бесцветными, отчаянно моргающими глазами.

"Answer as best you can. - Придумайте что-нибудь.

Use your wits, man. Но не трусьте. Держитесь уверенней.

I can stay no longer." Я не могу больше здесь задерживаться.

And Peter went off to the apothecary for his pretexted drugs. - И с этими словами Блад расстался с плотником.

Within an hour of his going came an officer of the Secretary's to Nuttall's miserable hovel. Через час после его ухода в жалкую лачугу Нэтталла явился чиновник из канцелярии губернатора.

The seller of the boat had - as by law required since the coming of the rebels-convict - duly reported the sale at the Secretary's office, so that he might obtain the reimbursement of the ten-pound surety into which every keeper of a small boat was compelled to enter. С тех пор как на острове появились осужденные повстанцы, губернатор установил правило, по которому каждый, продавший шлюпку, обязан был сообщить об этом властям, после чего имел право на получение обратно залога в десять фунтов стерлингов, который вносил каждый владелец шлюпки.

The Secretary's office postponed this reimbursement until it should have obtained confirmation of the transaction. Однако губернаторская канцелярия отложила выплату залога человеку, продавшему Нэтталлу шлюпку, чтобы проверить, действительно ли была совершена эта сделка.

"We are informed that you have bought a wherry from Mr. Robert Farrell," said the officer. - Нам стало известно, что ты купил лодку у Роберта Фаррела, - сказал чиновник.

"That is so," said Nuttall, who conceived that for him this was the end of the world. - Да, - ответил Нэтталл, убежденный, что для него уже наступил конец.

"You are in no haste, it seems, to declare the same at the Secretary's office." - Не кажется ли тебе, что ты вовсе не торопишься сообщить об этой покупке в канцелярию губернатора?

The emissary had a proper bureaucratic haughtiness. Nuttall's weak eyes blinked at a redoubled rate. - Это было сказано таким тоном, что бесцветные глазки Нэтталла замигали еще быстрее.

"To... to declare it?" - С... сообщить об этом?

"Ye know it's the law." - Ты знаешь, что это требуется по закону.

"I... I didn't, may it please you." - Если вы позволите... я... я не знал!

"But it's in the proclamation published last January." - Но об этом было объявлено еще в январе.

"I... I can't read, sir. I... I didn't know." - Я... я... не умею читать.

"Faugh!" The messenger withered him with his disdain. Чиновник посмотрел на него с нескрываемым презрением.

"Well, now you're informed. - Теперь ты об этом знаешь.

See to it that you are at the Secretary's office before noon with the ten pounds surety into which you are obliged to enter." Потрудись до двенадцати часов дня внести в канцелярию губернатора залог - десять фунтов стерлингов.

The pompous officer departed, leaving Nuttall in a cold perspiration despite the heat of the morning. Чиновник удалился, оставив Нэтталла в холодном поту, хотя утро было очень жаркое.

He was thankful that the fellow had not asked the question he most dreaded, which was how he, a debtor, should come by the money to buy a wherry. Несчастный плотник был рад, что ему не задали самого неприятного вопроса: откуда у человека, сосланного на остров за неуплату долгов, оказались деньги для покупки шлюпки?

But this he knew was only a respite. The question would presently be asked of a certainty, and then hell would open for him. Он понимал, конечно, что это была только временная отсрочка, что этот вопрос ему все равно зададут, и тогда ему придет конец.

He cursed the hour in which he had been such a fool as to listen to Peter Blood's chatter of escape. Нэтталл проклинал ту минуту, когда он согласился принять участие в бегстве.

He thought it very likely that the whole plot would be discovered, and that he would probably be hanged, or at least branded and sold into slavery like those other damned rebels-convict, with whom he had been so mad as to associate himself. Ему казалось, что все их планы раскрыты, что его, наверно, повесят или по крайней мере заклеят каленым железом и продадут в рабство, как и тех арестантов, с которыми он имел безумие связаться.

If only he had the ten pounds for this infernal surety, which until this moment had never entered into their calculations, it was possible that the thing might be done quickly and questions postponed until later. Если бы только в его руках были эти злосчастные десять фунтов для внесения залога, тогда он мог бы сейчас же закончить все формальности, и это отсрочило бы необходимость отвечать на вопросы.

As the Secretary's messenger had overlooked the fact that he was a debtor, so might the others at the Secretary's office, at least for a day or two; and in that time he would, he hoped, be beyond the reach of their questions. Ведь чиновник не обратил внимания на то, что Нэтталл был должником. Следовательно, его коллеги тоже могли оказаться такими же рассеянными хотя бы на один-два дня. А за это время Нэтталл надеялся оказаться вне пределов их досягаемости.

But in the meantime what was to be done about this money? And it was to be found before noon! Нужно было что-то немедленно предпринять и во что бы то ни стало найти деньги до двенадцати часов дня.

Nuttall snatched up his hat, and went out in quest of Peter Blood. Схватив шляпу, Нэтталл отправился на поиски Питера Блада.

But where look for him? Но где мог быть сейчас доктор? Где его искать?

Wandering aimlessly up the irregular, unpaved street, he ventured to enquire of one or two if they had seen Dr. Blood that morning. He affected to be feeling none so well, and indeed his appearance bore out the deception. Он осмелился спросить у одно-двух прохожих, не видели ли они доктора Блада, делая вид, будто чувствует себя плохо, что, впрочем, весьма походило на истину.

None could give him information; and since Blood had never told him of Whacker's share in this business, he walked in his unhappy ignorance past the door of the one man in Barbados who would eagerly have saved him in this extremity. Но никто не мог ответить ему на этот вопрос, а поскольку Блад никогда не говорил плотнику о роли Вакера в предполагаемом побеге, то Нэтталл прошел мимо дома единственного человека на Барбадосе, который охотно помог бы ему найти Блада.

Finally he determined to go up to Colonel Bishop's plantation. Probably Blood would be there. If he were not, Nuttall would find Pitt, and leave a message with him. He was acquainted with Pitt and knew of Pitt's share in this business. His pretext for seeking Blood must still be that he needed medical assistance. В конце концов Нэтталл отправился на плантацию полковника Бишоп, решив, что если Блада не окажется и там, то он повидает Питта - о его участии в бегстве ему было известно - и через него передаст Бладу обо всем, что с ним произошло.

And at the same time that he set out, insensitive in his anxiety to the broiling heat, to climb the heights to the north of the town, Blood was setting out from Government House at last, having so far eased the Governor's condition as to be permitted to depart. Встревоженный Нэтталл, не замечая ужасной жары, вышел из города и отправился на холмы к северу от города, где находилась плантация. В это же самое время Блад, снабдив губернатора лекарством, получил разрешение отправиться по своим делам.

Being mounted, he would, but for an unexpected delay, have reached the stockade ahead of Nuttall, in which case several unhappy events might have been averted. Он выехал из губернаторского дома, намереваясь отправиться на плантацию, и попал бы туда, конечно, гораздо раньше Нэтталла, если бы непредвиденная задержка не повлекла за собой несколько неприятных событий.

The unexpected delay was occasioned by Miss Arabella Bishop. А причиной задержки оказалась Арабелла Бишоп.

They met at the gate of the luxuriant garden of Government House, and Miss Bishop, herself mounted, started to see Peter Blood on horseback. Они встретились у ворот пышного сада, окружавшего губернаторский дом.

It happened that he was in good spirits. На этот раз Питер Блад был в хорошем настроении.

The fact that the Governor's condition had so far improved as to restore him his freedom of movement had sufficed to remove the depression under which he had been labouring for the past twelve hours and more. Здоровье знатного пациента улучшилось настолько, что Блад приобрел наконец свободу передвижения, и это сразу же вывело его из состояния мрачной подавленности, в котором он находился последние двенадцать часов.

In its rebound the mercury of his mood had shot higher far than present circumstances warranted. Ртуть в термометре его настроения подскочила вверх.

He was disposed to be optimistic. What had failed last night would certainly not fail again to-night. What was a day, after all? Он смотрел на будущее оптимистически: ну что ж, не удалось прошлой ночью - удастся нынешней; один день, в конце концов, ничего не решает.

The Secretary's office might be troublesome, but not really troublesome for another twenty-four hours at least; and by then they would be well away. Конечно, губернаторская канцелярия -малоприятное учреждение, но от ее внимания они избавлены по меньшей мере на сутки, а к этому времени их суденышко будет уже далеко отсюда.

This joyous confidence of his was his first misfortune. Его уверенность в успехе была первой причиной несчастья.

The next was that his good spirits were also shared by Miss Bishop, and that she bore no rancour. Вторая же заключалась в том, что и у Арабеллы Бишоп в этот день было такое же хорошее настроение, и она не испытывала к Бладу никакой вражды.

The two things conjoined to make the delay that in its consequences was so deplorable. Эти два обстоятельства и явились причиной его задержки, приведшей к печальным последствиям.

"Good-morning, sir," she hailed him pleasantly. Увидев Блада, Арабелла с милой улыбкой поздоровалась с ним и заметила:

"It's close upon a month since last I saw you." - Кажется, уже целый месяц прошел со дня нашей последней встречи.

"Twenty-one days to the hour," said he. - Точнее говоря, двадцать один день.

"I've counted them." Я считал их.

"I vow I was beginning to believe you dead." - А я уже начала думать, что вы умерли.

"I have to thank you for the wreath." - В таком случае благодарю вас за венок.

"The wreath?" - Какой венок?

"To deck my grave," he explained. - Венок на мою могилу.

"Must you ever be rallying?" she wondered, and looked at him gravely, remembering that it was his rallying on the last occasion had driven her away in dudgeon. - Почему вы всегда шутите? - спросила Арабелла, вспомнив, что именно его насмешливость во время последней встречи оттолкнула ее от Блада.

"A man must sometimes laugh at himself or go mad," said he. - Человек должен уметь иногда посмеяться над собой, иначе он сойдет с ума, - ответил Блад.

"Few realize it. That is why there are so many madmen in the world." - Об этом, к сожалению, знают очень немногие, и поэтому в мире так много сумасшедших.

"You may laugh at yourself all you will, sir. - Над собой вы можете смеяться сколько угодно.

But sometimes I think you laugh at me, which is not civil." Но, мне кажется, что вы смеетесь и надо мной, а это ведь невежливо.

"Then, faith, you're wrong. - Честное слово, вы ошибаетесь.

I laugh only at the comic, and you are not comic at all." Я смеюсь только над смешным, а вы совсем не смешны.

"What am I, then?" she asked him, laughing. - Какая же я тогда? - улыбнулась Арабелла.

A moment he pondered her, so fair and fresh to behold, so entirely maidenly and yet so entirely frank and unabashed. Он с восхищением глядел на нее - такую очаровательную, доверчивую и искреннюю.

"You are," he said, "the niece of the man who owns me his slave." - Вы - племянница человека, которому я принадлежу как невольник.

But he spoke lightly. So lightly that she was encouraged to insistence. - Он сказал это мягко, без озлобления.

"Nay, sir, that is an evasion. - Нет, нет, это не ответ! - настаивала она.

You shall answer me truthfully this morning." - Сегодня вы должны отвечать мне искренне.

"Truthfully? - Искренне? - переспросил Блад.

To answer you at all is a labour. But to answer truthfully! - На ваши вопросы вообще отвечать трудно, а отвечать искренне... Ну хорошо.

Oh, well, now, I should say of you that he'll be lucky who counts you his friend." It was in his mind to add more. But he left it there. Я скажу, что тот человек, другом которого вы станете, может считать себя счастливым... - Он, видимо, хотел еще что-то сказать, но сдержался.

"That's mighty civil," said she. - Это даже более чем вежливо! - рассмеялась Арабелла.

"You've a nice taste in compliments, Mr. Blood. - Оказывается, вы умеете говорить комплименты!

Another in your place..." Другой на вашем месте...

"Faith, now, don't I know what another would have said? - Вы думаете, я не знаю, что сказал бы другой на моем месте? - перебил ее Блад.

Don't I know my fellow-man at all?" - Вы, очевидно, полагаете, что я не знаю мужчин?

"Sometimes I think you do, and sometimes I think you don't. Anyway, you don't know your fellow-woman. There was that affair of the Spaniards." - Возможно, мужчин вы знаете, но в женщинах вы совершенно не способны разбираться, и инцидент в госпитале лишь подтверждает это.

"Will ye never forget it?" - Неужели вы никогда не забудете о нем?

"Never." - Никогда!

"Bad cess to your memory. - Какая память!

Is there no good in me at all that you could be dwelling on instead?" Разве у меня нет каких-либо хороших качеств, о которых можно было бы говорить?

"Oh, several things." - Почему же, таких качеств у вас несколько.

"For instance, now?" He was almost eager. - Какие же, например? - поспешно спросил Блад.

"You speak excellent Spanish." - Вы прекрасно говорите по-испански.

"Is that all?" He sank back into dismay. - И это все? - уныло протянул Блад. Но девушка словно не заметила его огорчения.

"Where did you learn it? - Где вы изучили этот язык?

Have you been in Spain?" Вы были в Испании? - спросила она.

"That I have. I was two years in a Spanish prison." - Да, я два года просидел в испанской тюрьме.

"In prison?" Her tone suggested apprehensions in which he had no desire to leave her. - В тюрьме? - переспросила Арабелла, и в ее тоне прозвучало замешательство, не укрывшееся от Блада.

"As a prisoner of war," he explained. - Как военнопленный, - пояснил он.

"I was taken fighting with the French - in French service, that is." - Я был взят в плен, находясь в рядах французской армии.

"But you're a doctor!" she cried. - Но ведь вы врач!

"That's merely a diversion, I think. - Полагаю все-таки, что это мое побочное занятие.

By trade I am a soldier - at least, it's a trade I followed for ten years. По профессии я солдат. По крайней мере, этому я отдал десять лет жизни.

It brought me no great gear, but it served me better than medicine, which, as you may observe, has brought me into slavery. Большого богатства эта профессия мне не принесла, но служила она мне лучше, чем медицина, по милости которой, как видите, я стал рабом.

I'm thinking it's more pleasing in the sight of Heaven to kill men than to heal them. Sure it must be." Очевидно, бог предпочитает, чтобы люди не лечили друг друга, а убивали.

"But how came you to be a soldier, and to serve the French?" - Но почему вы стали солдатом и оказались во французской армии?

"I am Irish, you see, and I studied medicine. Therefore - since it's a perverse nation we are - ... Oh, but it's a long story, and the Colonel will be expecting my return." - Я - ирландец и получил медицинское образование, но мы, ирландцы, очень своеобразный народ и поэтому... О, это очень длинная история, а полковник уже ждет меня.

She was not in that way to be defrauded of her entertainment. Однако Арабелла не хотела отказаться от возможности послушать интересную историю.

If he would wait a moment they would ride back together. She had but come to enquire of the Governor's health at her uncle's request. Если Блад немного подождет, то обратно они поедут вместе, после того как по просьбе дяди она

справится о состоянии здоровья губернатора.

So he waited, and so they rode back together to Colonel Bishop's house. Блад, конечно, согласился подождать, и вскоре, не торопя лошадей, они возвращались к дому полковника Бишопа.

They rode very slowly, at a walking pace, and some whom they passed marvelled to see the doctor-slave on such apparently intimate terms with his owner's niece. Кое-кто из встречных не скрывал своего удивления при виде раба-доктора, столь непринужденно беседующего с племянницей своего хозяина.

One or two may have promised themselves that they would drop a hint to the Colonel. Нашлись и такие, которые дали себе слово намекнуть об этом полковнику.

But the two rode oblivious of all others in the world that morning. Что касается Питера и Арабеллы, то в это утро они совершенно не замечали окружающего.

He was telling her the story of his early turbulent days, and at the end of it he dwelt more fully than hitherto upon the manner of his arrest and trial. Он поведал ей о своей бурной юности и более подробно, чем раньше" рассказал о том, как его арестовали и судили.

The tale was barely done when they drew up at the Colonel's door, and dismounted, Peter Blood surrendering his nag to one of the negro grooms, who informed them that the Colonel was from home at the moment. Он уже заканчивал свой рассказ, когда они сошли с лошадей у дверей ее дома и задержались здесь еще на несколько минут, узнав от грума, что полковник еще не вернулся с плантации.

Even then they lingered a moment, she detaining him. Арабелла явно не хотела отпускать Блада.

"I am sorry, Mr. Blood, that I did not know before," she said, and there was a suspicion of moisture in those clear hazel eyes. - Сожалею, что не знала всего этого раньше, - сказала девушка, и в ее карих глазах блеснули слезы.

With a compelling friendliness she held out her hand to him. На прощание она подружески протянула Бладу руку.

"Why, what difference could it have made?" he asked. - Почему? Разве это что-либо изменило бы? -спросил он.

"Some, I think. - Думаю, что да.

You have been very hardly used by Fate." "Och, now..." He paused. His keen sapphire eyes considered her steadily a moment from under his level black brows. Жизнь очень сурово обошлась с вами.

"It might have been worse," he said, with a significance which brought a tinge of colour to her cheeks and a flutter to her eyelids. - Могло быть и хуже, - сказал он и взглянул на нее так пылко, что на щеках Арабеллы вспыхнул румянец и она опустила глаза.

He stooped to kiss her hand before releasing it, and she did not deny him. Прощаясь, Блад поцеловал ее руку.

Then he turned and strode off towards the stockade a half-mile away, and a vision of her face went with him, tinted with a rising blush and a sudden unusual shyness. Затем он медленно направился к палисаду, находившемуся в полумиле от дома. Перед его глазами все еще стояло ее лицо с краской смущения и необычным для нее

выражением робости.

He forgot in that little moment that he was a rebel-convict with ten years of slavery before him; he forgot that he had planned an escape, which was to be carried into effect that night; forgot even the peril of discovery which as a result of the Governor's gout now overhung him. В это мгновение он уже не помнил, что был невольником, осужденным на десять лет каторги, и что в эту ночь над планом его бегства нависла серьезная угроза.

Chapter VII Глава VII

PIRATES ПИРАТЫ

Mr. James Nuttall made all speed, regardless of the heat, in his journey from Bridgetown to Colonel Bishop's plantation, and if ever man was built for speed in a hot climate that man was Mr. James Nuttall, with his short, thin body, and his long, fleshless legs. So withered was he that it was hard to believe there were any juices left in him, yet juices there must have been, for he was sweating violently by the time he reached the stockade. Джеймс Нэтталл очень быстро добрался до плантации полковника Бишопа. Его тонкие, длинные и сухие ноги были вполне приспособлены к путешествиям в тропическом климате, да и сам он выглядел таким худым, что трудно было предположить, чтобы в его теле пульсировала жизнь, а между тем, когда он подходил к плантации, с него градом катился пот.

At the entrance he almost ran into the overseer Kent, a squat, bow-legged animal with the arms of a Hercules and the jowl of a bulldog. У ворот он столкнулся с надсмотрщиком Кентом -приземистым, кривоногим животным, с руками Геркулеса и челюстями бульдога.

"I am seeking Doctor Blood," he announced breathlessly. - Я ищу доктора Блада, - задыхаясь, пролепетал Нэтталл.

"You are in a rare haste," growled Kent. - Ты что-то уж очень спешишь! - заворчал Кент.

"What the devil is it? - Ну что еще за чертовщина?

Twins?" Двойня?

"Eh? - Как?

Oh! Двойня?

Naу, naу. О нет.

I'm not married, sir. It's a cousin of mine, sir." Я не женат, сэр... Это... мой двоюродный брат, сэр.

"What is?" - Что, что?

"He is taken bad, sir," Nuttall lied promptly upon the cue that Kent himself had afforded him. - Он заболел, сэр, - быстро солгал Нэтталл.

"Is the doctor here?" - Доктор здесь?

"That's his hut yonder." Kent pointed carelessly. - Его хижина вон там, - небрежно указал Кент.

"If he's not there, he'll be somewhere else." - Если его там нет, ищи где-нибудь в

другом месте.

And he took himself off. - И с этими словами он ушел.

He was a surly, ungracious beast at all times, readier with the lash of his whip than with his tongue. Обрадовавшись, что Кент удалился, Нэтталл вбежал в ворота.

Nuttall watched him go with satisfaction, and even noted the direction that he took. Then he plunged into the enclosure, to verify in mortification that Dr. Blood was not at home. Доктора Блада в хижине не оказалось.

A man of sense might have sat down and waited, judging that to be the quickest and surest way in the end. But Nuttall had no sense. Любой здравомыслящий человек на его месте дождался бы доктора здесь, но Нэтталл не принадлежал к числу людей такого рода...

He flung out of the stockade again, hesitated a moment as to which direction he should take, and finally decided to go any way but the way that Kent had gone. Он выскочил из ворот ограды и после минутного раздумья решил идти в любом направлении, только не туда, куда ушел Кент.

He sped across the parched savannah towards the sugar plantation which stood solid as a rampart and gleaming golden in the dazzling June sunshine. По выжженному солнцем лугу Нэтталл пробрался на плантацию сахарного тростника, золотистой стеной высившегося в ослепительных лучах июньского солнца.

Avenues intersected the great blocks of ripening amber cane. Дорожки, проходившие вдоль и поперек плантации, делили янтарное поле на отдельные квадраты.

In the distance down one of these he espied some slaves at work. Nuttall entered the avenue and advanced upon them. They eyed him dully, as he passed them. Заметив вдали работающих невольников, Нэтталл подошел к ним.

Pitt was not of their number, and he dared not ask for him. Питта среди них не было, а спросить о нем Нэтталл не решался.

He continued his search for best part of an hour, up one of those lanes and then down another. Почти полчаса бродил он по дорожкам в поисках доктора.

Once an overseer challenged him, demanding to know his business. В одном месте его задержал надсмотрщик и грубо спросил, что ему здесь нужно.

He was looking, he said, for Dr. Blood. His cousin was taken ill. Нэтталл опять ответил, что ищет доктора Блада.

The overseer bade him go to the devil, and get out of the plantation. Blood was not there. If he was anywhere he would be in his hut in the stockade. Nuttall passed on, upon the understanding that he would go. Тогда надсмотрщик послал Нэтталла к дьяволу и потребовал, чтобы тот немедленно убрался.

But he went in the wrong direction; he went on towards the side of the plantation farthest from the stockade, towards the dense woods that fringed it there. Испуганный плотник пообещал сейчас же уйти, но по ошибке пошел не к хижинам, где жили невольники, а в противоположную сторону, на самый дальний участок плантации, у опушки густого леса.

The overseer was too contemptuous and perhaps too languid in the stifling heat of approaching noontide to correct his course. Надсмотрщику, изнемогавшему от полуденного зноя, вероятно, было лень исправлять его ошибку.

Nuttall blundered to the end of the avenue, and round the corner of it, and there ran into Pitt, alone, toiling with a wooden spade upon an irrigation channel. Так Нэтталл добрался до конца дорожки и, свернув с нее, наткнулся на Питта, который чистил деревянной лопатой оросительную канаву.

A pair of cotton drawers, loose and ragged, clothed him from waist to knee; above and below he was naked, save for a broad hat of plaited straw that sheltered his unkempt golden head from the rays of the tropical sun. Питт был бос, вся его одежда состояла из коротких и рваных бумажных штанов. На голове торчала соломенная шляпа с широкими полями.

At sight of him Nuttall returned thanks aloud to his Maker. Увидев его, Нэтталл вслух поблагодарил бога.

Pitt stared at him, and the shipwright poured out his dismal news in a dismal tone. The sum of it was that he must have ten pounds from Blood that very morning or they were all undone. And all he got for his pains and his sweat was the condemnation of Jeremy Pitt. Питт удивленно поглядел на плотника, который унылым тоном, охая и вздыхая, рассказал ему печальные новости, суть которых заключалась в том, что необходимо было срочно найти Блада и получить у него десять фунтов стерлингов, без которых всем им грозила гибель.

"Damn you for a fool!" said the slave. - Будь ты проклят, дурак! - гневно сказал Питт.

"If it's Blood you're seeking, why are you wasting your time here?" - Если тебе нужен Блад, так почему ты тратишь здесь время?

"I can't find him," bleated Nuttall. He was indignant at his reception. - Я не могу его найти, - проблеял Нэтталл, возмущившись таким отношением к нему.

He forgot the jangled state of the other's nerves after a night of anxious wakefulness ending in a dawn of despair. Он не мог, разумеется, понять, в каком взвинченном состоянии находится Питт, который к утру, после бессонной ночи и тревожного ожидания, дошел уже до отчаяния.

"I thought that you..." - Я думал, что ты...

"You thought that I could drop my spade and go and seek him for you? - Ты думал, я брошу лопату и отправлюсь на поиски доктора?

Is that what you thought? My God! that our lives should depend upon such a dummerhead. Боже мой, и от такого идиота зависит наша жизнь!

While you waste your time here, the hours are passing! Время дорого, а ты тратишь его попусту.

And if an overseer should catch you talking to me? How'll you explain it?" Ведь если надсмотрщик увидит тебя со мной, что ты ему скажешь, болван?!

For a moment Nuttall was bereft of speech by such ingratitude. Then he exploded. От таких оскорблений Нэтталл на мгновение лишился дара речи, а потом вспылил:

"I would to Heaven I had never had no hand in this affair. - Клянусь богом, мне жаль, что я вообще связался с вами!

I would so! I wish that..." Клянусь...

What else he wished was never known, for at that moment round the block of cane came a big man in biscuit-coloured taffetas followed by two negroes in cotton drawers who were armed with cutlasses. Но чем еще хотел поклясться Нэтталл, осталось неизвестным, потому что из-за густых зарослей появилась крупная фигура мужчины в камзоле из светло-коричневой тафты. Его сопровождали два негра, одетые в бумажные трусы и вооруженные абордажными саблями.

He was not ten yards away, but his approach over the soft, yielding marl had been unheard. Неслышно подойдя по мягкой земле, он оказался в десяти ярдах[20] от Нэтталла и Питта.

Mr. Nuttall looked wildly this way and that a moment, then bolted like a rabbit for the woods, thus doing the most foolish and betraying thing that in the circumstances it was possible for him to do. Испуганный Нэтталл бросился в лес, как заяц. Это был самый глупый и предательский поступок, какой он только мог придумать.

Pitt groaned and stood still, leaning upon his spade. Питт простонал и, опершись на лопату, не двигался с места.

"Hi, there! - Эй, ты!

Stop!" bawled Colonel Bishop after the fugitive, and added horrible threats tricked out with some rhetorical indecencies. Стой! - заорал полковник Бишоп, и вслед беглецу понеслись страшные угрозы, перемешанные с бранью.

But the fugitive held amain, and never so much as turned his head. Однако беглец, ни разу не обернувшись, скрылся в чаще.

It was his only remaining hope that Colonel Bishop might not have seen his face; for the power and influence of Colonel Bishop was quite sufficient to hang any man whom he thought would be better dead. В его трусливой душе теплилась одна-единственная надежда, что полковник Бишоп не заметил его лица, ибо он знал, что у полковника хватит власти и влияния отправить на виселицу любого не понравившегося ему человека.

Not until the runagate had vanished into the scrub did the planter sufficiently recover from his indignant amazement to remember the two negroes who followed at his heels like a brace of hounds. Уже после того, как беглец был далеко, плантатор вспомнил о двух неграх, шедших за ним по пятам, словно гончие собаки.

It was a bodyguard without which he never moved in his plantations since a slave had made an attack upon him and all but strangled him a couple of years ago. Это были телохранители Бишопа, без которых он не появлялся на плантации, с тех пор как несколько лет назад один невольник бросился на него и чуть не задушил.

"After him, you black swine!" he roared at them. But as they started he checked them. "Wait! Get to heel, damn you!" - Догнать его, черные свиньи! - закричал Бишоп, но, едва лишь негры бросились вдогонку за беглецом, он тут же остановил их: - Ни с места, проклятые!

It occurred to him that to catch and deal with the fellow there was not the need to go after him, and perhaps spend the day hunting him in that cursed wood. Ему пришло в голову, что для расправы над беглецом нет нужды охотиться за ним.

There was Pitt here ready to his hand, and Pitt should tell him the identity of his bashful friend, and also the subject of that close and secret talk he had disturbed. В его руках был Питт, у которого он мог вырвать имя его застенчивого приятеля и содержание их таинственной беседы.

Pitt might, of course, be reluctant. So much the worse for Pitt. The ingenious Colonel Bishop knew a dozen ways - some of them quite diverting - of conquering stubbornness in these convict dogs. Питт, конечно, мог заупрямиться, но изобретательный полковник знал немало способов, для того чтобы сломить упрямство любого своего раба.

He turned now upon the slave a countenance that was inflamed by heat internal and external, and a pair of heady eyes that were alight with cruel intelligence. He stepped forward swinging his light bamboo cane. Повернувшись к невольнику лицом, пылавшим от жары и от ярости, Бишоп посмотрел на него маленькими глазками и, размахивая легкой бамбуковой тростью, сделал шаг вперед.

"Who was that runagate?" he asked with terrible suavity. - Кто этот беглец? - со зловещим спокойствием спросил он.

Leaning over on his spade, Jeremy Pitt hung his head a little, and shifted uncomfortably on his bare feet. Питт стоял молча, опираясь на лопату.

Vainly he groped for an answer in a mind that could do nothing but curse the idiocy of Mr. James Nuttall. Он тщетно пытался найти какой-нибудь ответ на вопрос хозяина, но в голосе теснились лишь проклятия по адресу идиота Нэтталла.

The planter's bamboo cane fell on the lad's naked shoulders with stinging force. Подняв бамбуковую трость, полковник изо всей силы ударил юношу по голой спине. Питт вскрикнул от жгучей боли.

"Answer me, you dog! - Отвечай, собака!

What's his name?" Как его зовут?

Jeremy looked at the burly planter out of sullen, almost defiant eyes. Взглянув исподлобья на плантатора, Джереми сказал:

"I don't know," he said, and in his voice there was a faint note at least of the defiance aroused in him by a blow which he dared not, for his life's sake, return. His body had remained unyielding under it, but the spirit within writhed now in torment. - Я не знаю. - В его голосе прозвучало раздражение, которое полковник расценил как дерзость.

"You don't know? - Не знаешь?

Well, here's to quicken your wits." Хорошо. Вот тебе еще, чтобы ты думал побыстрей!

Again the cane descended. Вот еще, и еще, и еще... - Удары сыпались на юношу один за другим.

"Have you thought of his name yet?" - Ну, как теперь? Вспомнил его имя?

"I have not." - Нет, я же не знаю его.

"Stubborn, eh?" - А!.. Ты еще упрямисься!

For a moment the Colonel leered. Then his passion mastered him. "'Swounds! - Полковник со злобой посматривал на Питта, но затем им вдруг овладела ярость. - Силы небесные!

You impudent dog! D'you trifle with me? Ты решил со мной шутить?

D'you think I'm to be mocked?" Ты думаешь, что я тебе это позволю?

Pitt shrugged, shifted sideways on his feet again, and settled into dogged silence. Стиснув зубы и пожав плечами, Питт переминался с ноги на ногу.

Few things are more provocative; and Colonel Bishop's temper was never one that required much provocation. Для того чтобы привести полковника Бишопа в бешенство, требовалось очень немного.

Brute fury now awoke in him. Fiercely now he lashed those defenceless shoulders, accompanying each blow by blasphemy and foul abuse, until, stung beyond endurance, the lingering embers of his manhood fanned into momentary flame, Pitt sprang upon his tormentor. Взбешенный плантатор стал нещадно избивать юношу, сопровождая каждый удар кощунственной бранью, пока Питт не был доведен до отчаяния, вызванного вспыхнувшим в нем чувством человеческого достоинства, и не бросился на своего мучителя.

But as he sprang, so also sprang the watchful blacks. Но за всеми его движениями зорко следили бдительные телохранители.

Muscular bronze arms coiled crushingly about the frail white body, and in a moment the unfortunate slave stood powerless, his wrists pinioned behind him in a leathern thong. Их мускулистые бронзовые руки тотчас же охватили Питта, скрутили ему руки назад и связали ремнем.

Breathing hard, his face mottled, Bishop pondered him a moment. Лицо у Бишопа покрылось пятнами.

Then: Тяжело дыша, он крикнул:

"Fetch him along," he said. - Взять его!

Down the long avenue between those golden walls of cane standing some eight feet high, the wretched Pitt was thrust by his black captors in the Colonel's wake, stared at with fearful eyes by his fellow-slaves at work there. Негры потащили несчастного Питта по длинной дорожке меж золотистых стен тростника. Их провожали испуганные взгляды работавших невольников.

Despair went with him. Отчаяние Питта было безгранично.

What torments might immediately await him he cared little, horrible though he knew they would be. The real source of his mental anguish lay in the conviction that the elaborately planned escape from this unutterable hell was frustrated now in the very moment of execution. Его мало трогали предстоящие мучения; главная причина его душевных страданий заключалась в том, что тщательно разработанный план спасения из этого ада был сорван так неожиданно и так глупо.

They came out upon the green plateau and headed for the stockade and the overseer's white house. Pitt's eyes looked out over Carlisle Bay, of which this plateau commanded a clear view from the fort on one side to the long sheds of the wharf on the other. Пройдя мимо палисада, негры, тащившие Питта, направились к белому дому надсмотрщика, откуда хорошо была видна Карлайлская бухта. Питт бросил взгляд на пристань, у которой качались на волнах черные шлюпки.

Along this wharf a few shallow boats were moored, and Pitt caught himself wondering which of these was the wherry in which with a little luck they might have been now at sea. Он поймал себя на мысли о том, что в одной из этих шлюпок, если бы им хоть немного улыбнулось счастье, они могли уже быть за горизонтом.

Out over that sea his glance ranged miserably. И он тоскливо посмотрел на морскую

синеву.

In the roads, standing in for the shore before a gentle breeze that scarcely ruffled the sapphire surface of the Caribbean, came a stately red-hulled frigate, flying the English ensign. Там, подгоняемый легким бризом, едва рябившим сапфировую поверхность Карибского моря, величественно шел под английским флагом красный фрегат.

Colonel Bishop halted to consider her, shading his eyes with his fleshly hand. Полковник остановился и, прикрыв руками глаза от солнца, внимательно посмотрел на корабль.

Light as was the breeze, the vessel spread no canvas to it beyond that of her foresail. Несмотря на легкий бриз, корабль медленно входил в бухту только под нижним парусом на передней мачте.

Furled was her every other sail, leaving a clear view of the majestic lines of her hull, from towering stern castle to gilded beakhead that was aflash in the dazzling sunshine. Остальные паруса были свернуты, открывая взгляду внушительные очертания корпуса корабля - от возвышающейся в виде башни высокой надстройки на корме до позолоченной головы на форштевне, сверкавшей в ослепительных лучах солнца.

So leisurely an advance argued a master indifferently acquainted with these waters, who preferred to creep forward cautiously, sounding his way. Осторожное продвижение корабля свидетельствовало, что его шкипер плохо знал местные воды и пробирался вперед, то и дело сверяясь с показаниями лота.

At her present rate of progress it would be an hour, perhaps, before she came to anchorage within the harbour. Судя по скорости движения, кораблю требовалось не менее часа, для того чтобы бросить якорь в порту.

And whilst the Colonel viewed her, admiring, perhaps, the gracious beauty of her, Pitt was hurried forward into the stockade, and clapped into the stocks that stood there ready for slaves who required correction. Пока полковник рассматривал корабль, видимо восхищаясь его красотой, Питта увели за палисад и заковали в колодки, всегда стоявшие наготове для рабов, нуждавшихся в исправлении.

Colonel Bishop followed him presently, with leisurely, rolling gait. Сюда же неторопливой, раскачивающейся походкой подошел полковник Бишоп.

"A mutinous cur that shows his fangs to his master must learn good manners at the cost of a striped hide," was all he said before setting about his executioner's job. - Непокорная дворняга, которая осмеливается показывать клыки своему хозяину, расплачивается за обучение хорошим манерам своей исполосованной шкурой, - сказал он, приступая к исполнению обязанностей палача.

That with his own hands he should do that which most men of his station would, out of self-respect, have relegated to one of the negroes, gives you the measure of the man's beastliness. То, что он сам, своими собственными руками, выполнял работу, которую большинство людей его положения, хотя бы из уважения к себе, поручали слугам, может дать представление о том, как низко пал этот человек.

It was almost as if with relish, as if gratifying some feral instinct of cruelty, that he now lashed his victim about head and shoulders. С видимым наслаждением наносил он удары по голове и спине своей жертвы, будто удовлетворяя свою дикую страсть.

Soon his cane was reduced, to splinters by his violence. You know, perhaps, the sting of a flexible bamboo cane when it is whole. But do you realize its murderous

quality when it has been split into several long lithe blades, each with an edge that is of the keenness of a knife? When, at last, from very weariness, Colonel Bishop flung away the stump and thongs to which his cane had been reduced, the wretched slave's back was bleeding pulp from neck to waist. As long as full sensibility remained, Jeremy Pitt had made no sound. But in a measure as from pain his senses were mercifully dulled, he sank forward in the stocks, and hung there now in a huddled heap, faintly moaning. От сильных ударов гибкая трость расщепилась на длинные, гибкие полосы с краями, острыми, как бритва.

Colonel Bishop set his foot upon the crossbar, and leaned over his victim, a cruel smile on his full, coarse face. Когда полковник, обессилев, отбросил в сторону измочаленную трость, вся спина несчастного невольника представляла собой кровавое месиво.

"Let that teach you a proper submission," said he. Пусть это научит тебя нужной покорности! -сказал палач-полковник.

"And now touching that shy friend of yours, you shall stay here without meat or drink - without meat or drink, d' ye hear me? - until you please to tell me his name and business." He took his foot from the bar. "When you've had enough of this, send me word, and we 'll have the branding-irons to you." - Ты останешься в колодках без пищи и воды -слышишь меня: без пищи и воды! - до тех пор, пока не согласишься сообщить мне имя твоего застенчивого друга и зачем он сюда приходил.

On that he swung on his heel, and strode out of the stockade, his negroes following. Плантатор повернулся на каблуках и ушел в сопровождении своих телохранителей.

Pitt had heard him, as we hear things in our dreams. Питт слышал его будто сквозь сон.

At the moment so spent was he by his cruel punishment, and so deep was the despair into which he had fallen, that he no longer cared whether he lived or died. Сознание почти оставило его, истерзанного страшной болью, измученного отчаянием. Ему было уже безразлично - жив он или нет.

Soon, however, from the partial stupor which pain had mercifully induced, a new variety of pain aroused him. Однако новые муки пробудили его из состояния тупого оцепенения, вызванного болью.

The stocks stood in the open under the full glare of the tropical sun, and its blistering rays streamed down upon that mangled, bleeding back until he felt as if flames of fire were searing it. Колодки стояли на открытом месте, ничем не защищенном от жгучих лучей тропического солнца, которые, подобно языкам жаркого пламени, лизали изуродованную, кровоточащую спину Питта.

And, soon, to this was added a torment still more unspeakable. К этой нестерпимой боли прибавилась и другая, еще более мучительная.

Flies, the cruel flies of the Antilles, drawn by the scent of blood, descended in a cloud upon him. Свирепые мухи Антильских островов, привлеченные запахом крови, тучей набросились на него.

Small wonder that the ingenious Colonel Bishop, who so well understood the art of loosening stubborn tongues, had not deemed it necessary to have recourse to other means of torture. Вот почему изобретательный полковник, так хорошо владеющий искусством развязывать языки упрямец, не счел нужным прибегать к другим формам пыток.

Not all his fiendish cruelty could devise a torment more cruel, more unendurable than the torments Nature would here procure a man in Pitt's condition. При всей своей дьявольской жестокости он не смог бы придумать больших мучений, нежели те, которые природа так щедро отпустила на долю Питта.

The slave writhed in his stocks until he was in danger of breaking his limbs, and writhing, screamed in agony. Рискую переломать себе руки и ноги, молодой моряк стонал, корчился и извивался в колодках.

Thus was he found by Peter Blood, who seemed to his troubled vision to materialize suddenly before him. Mr. Blood carried a large palmetto leaf. В таком состоянии его и нашел Питер Блад, который внезапно появился перед затуманенным взором Питта, с большим пальмовым листом в руках.

Having whisked away with this the flies that were devouring Jeremy's back, he slung it by a strip of fibre from the lad's neck, so that it protected him from further attacks as well as from the rays of the sun. Отогнав мух, облепивших Питта, он привязал лист к шее юноши, укрыв его спину от назойливых насекомых и от палящего солнца.

Next, sitting down beside him, he drew the sufferer's head down on his own shoulder, and bathed his face from a pannikin of cold water. Усевшись рядом с Питтом, Блад положил голову страдальца к себе на плечо и обмыл ему лицо холодной водой из фляжки.

Pitt shuddered and moaned on a long, indrawn breath. Питт вздрогнул и, тяжело вздохнув, простонал:

"Drink!" he gasped. - Пить!

"Drink, for the love of Christ!" Ради бога, пить!

The pannikin was held to his quivering lips. Блад поднес к дрожащим губам мученика флягу с водой.

He drank greedily, noisily, nor ceased until he had drained the vessel. Cooled and revived by the draught, he attempted to sit up. Молодой человек жадно припал к ней, стуча зубами о горлышко, и осушил ее до дна, после чего, почувствовав облегчение, попытался сесть.

"My back!" he screamed. - Спина, моя спина! - простонал он.

There was an unusual glint in Mr. Blood's eyes; his lips were compressed. But when he parted them to speak, his voice came cool and steady. В глазах Питера Блада что-то сверкнуло, кулаки его сжались, а лицо передернуло гримаса сострадания, но, когда он заговорил, голос его снова был спокойным и ровным:

"Be easy, now. One thing at a time. - Успокойся, Питт.

Your back's taking no harm at all for the present, since I've covered it up. Я прикрыл тебе спину, хуже ей пока не будет.

I'm wanting to know what's happened to you. Расскажи мне покороче, что с тобой случилось.

D' ye think we can do without a navigator that ye go and provoke that beast Bishop until he all but kills you?" Ты, наверное, полагал, будто мы обойдемся без штурмана, если дал этой скотине Бишопу повод чуть не убить тебя?

Pitt sat up and groaned again. Питт застонал.

But this time his anguish was mental rather than physical. Однако на этот раз его мучила не столько физическая, сколько душевная боль.

"I don't think a navigator will be needed this time, Peter." - Не думаю, Питер, что штурман вообще понадобится.

"What's that?" cried Mr. Blood. - Что, что такое? - вскричал Блад.

Pitt explained the situation as briefly as he could, in a halting, gasping speech. Прерывистым голосом Питт, задыхаясь, поведал другу обо всем случившемся.

"I'm to rot here until I tell him the identity of my visitor and his business." - Я буду гнить здесь... пока не скажу ему имя... зачем он... приходил сюда...

Mr. Blood got up, growling in his throat. Блад поднялся на ноги, и рычание вырвалось из его горла.

"Bad cess to the filthy slaver!" said he. - Будь проклят этот грязный рабовладелец! - сказал он.

"But it must be contrived, nevertheless. - Но мы должны что-то придумать.

To the devil with Nuttall! К черту Нэтталла!

Whether he gives surety for the boat or not, whether he explains it or not, the boat remains, and we're going, and you're coming with us." Внесет он залог или нет, выдумает какое-либо объяснение или нет, - все равно шляпка наша. Мы убежим, а вместе с нами и ты.

"You're dreaming, Peter," said the prisoner. - Фантазия, Питер, - прошептал мученик.

"We're not going this time. - Мы не сможем бежать...

The magistrates will confiscate the boat since the surety's not paid, even if when they press him Nuttall does not confess the whole plan and get us all branded on the forehead." Залог не внесен... Чиновники конфискуют шляпку... Если даже Нэтталл не выдаст нас... и нам не заклеят лбы...

Mr. Blood turned away, and with agony in his eyes looked out to sea over the blue water by which he had so fondly hoped soon to be travelling back to freedom. Блад отвернулся и с тоской взглянул на море, по голубой глади которого он так мучительно надеялся вернуться к свободной жизни.

The great red ship had drawn considerably nearer shore by now. Slowly, majestically, she was entering the bay. Огромный красный корабль к этому времени уже приблизился к берегу и сейчас медленно входил в бухту.

Already one or two wherries were putting off from the wharf to board her. Две или три лодки отчалили от пристани, направляясь к нему.

From where he stood, Mr. Blood could see the glinting of the brass cannons mounted on the prow above the curving beak-head, and he could make out the figure of a seaman in the forechains on her larboard side, leaning out to heave the lead. Блад видел сверкание медных пушек, установленных на носу, и различал фигуру матроса около передней якорной цепи с левой стороны судна, готовившегося бросить лот.

An angry voice aroused him from his unhappy thoughts. Чей-то гневный голос прервал его мысли:

"What the devil are you doing here?" - Какого дьявола ты здесь делаешь?

The returning Colonel Bishop came striding into the stockade, his negroes following ever. Это был полковник Бишоп со своими телохранителями.

Mr. Blood turned to face him, and over that swarthy countenance - which, indeed, by now was tanned to the golden brown of a half-caste Indian - a mask descended. На смуглом лице Блада появилось иное выражение.

"Doing?" said he blandly. - Что я делаю? - вежливо спросил он.

"Why, the duties of my office." - Как всегда, выполняю свои обязанности.

The Colonel, striding furiously forward, observed two things. The empty pannikin on the seat beside the prisoner, and the palmetto leaf protecting his back. Разгневанный полковник заметил пустую фляжку рядом с колодками, в которых корчился Питт, и пальмовый лист, прикрывавший его спину.

"Have you dared to do this?" - Ты осмелился это сделать, подлец?

The veins on the planter's forehead stood out like cords. - На лбу плантатора, как жгуты, вздулись вены.

"Of course I have." - Да, я это сделал!

Mr. Blood's tone was one of faint surprise. - В голосе Блада звучало искреннее удивление.

"I said he was to have neither meat nor drink until I ordered it." - Я приказал, чтобы ему не давали пищи и воды до моего распоряжения.

"Sure, now, I never heard ye." - Простите, господин полковник, но ведь я не слышал этого распоряжения.

"You never heard me? - Ты не слышал?! О мерзавец! Исчадие ада!

How should you have heard me when you weren't here?" Как же ты мог слышать, когда тебя здесь не было?

"Then how did ye expect me to know what orders ye'd given?" Mr. Blood's tone was positively aggrieved. - Но в таком случае, можно ли требовать от меня, чтобы я знал о вашем распоряжении? - с нескрываемым огорчением спросил Блад.

"All that I knew was that one of your slaves was being murdered by the sun and the flies. And I says to myself, this is one of the Colonel's slaves, and I'm the Colonel's doctor, and sure it's my duty to be looking after the Colonel's property. - Увидев, что ваш раб страдает, я сказал себе: "Это один из невольников моего полковника, а я у него врач и, конечно, обязан заботиться о его собственности".

So I just gave the fellow a spoonful of water and covered his back from the sun. Поэтому я дал этому юноше глоток воды и прикрыл спину пальмовым листом.

And wasn't I right now?" Разве я не был прав?

"Right?" - Прав?

The Colonel was almost speechless. - От возмущения полковник потерял дар речи.

"Be easy, now, be easy!" Mr. Blood implored him. - Не надо волноваться! - умоляюще произнес Блад.

"It's an apoplexy ye'll be contacting if ye give way to heat like this." - Вам это очень вредно. Вас разобьет паралич, если вы будете так горячиться...

The planter thrust him aside with an imprecation, and stepping forward tore the palmetto leaf from the prisoner's back. Полковник с проклятиями оттолкнул доктора, бросился к колодкам и сорвал пальмовый лист со спины пленника.

"In the name of humanity, now..." Mr. Blood was beginning. - Во имя человеколюбия... - начал было Блад.

The Colonel swung upon him furiously. Полковник, задыхаясь от ярости, заревел:

"Out of this!" he commanded. - Убирайся вон!

"And don't come near him again until I send for you, unless you want to be served in the same way." Не смей даже приближаться к нему, пока я сам не пошлю за тобой, если ты не хочешь отведасть бамбуковой палки!

He was terrific in his menace, in his bulk, and in the power of him. But Mr. Blood never flinched. Он был ужасен в своем гневе, но Блад даже не вздрогнул.

It came to the Colonel, as he found himself steadily regarded by those light-blue eyes that looked so arrestingly odd in that tawny face - like pale sapphires set in copper - that this rogue had for some time now been growing presumptuous. И полковник, почувствовав на себе пристальный взгляд его светло-синих глаз, казавшихся такими удивительно странными на этом смуглом лице, как бледные сапфиры в медной оправе, подумал, что этот мерзавец-доктор в последнее время стал слишком много себе позволять.

It was a matter that he must presently correct. Такое положение требовалось исправить немедленно.

Meanwhile Mr. Blood was speaking again, his tone quietly insistent. А Блад продолжал спокойно и настойчиво:

"In the name of humanity," he repeated, "ye'll allow me to do what I can to ease his sufferings, or I swear to you that I'll forsake at once the duties of a doctor, and that it's devil another patient will I attend in this unhealthy island at all." - Во имя человеколюбия, разрешите мне облегчить его страдания, или клянусь вам, что я откажусь выполнять свои обязанности врача и не дотронусь ни до одного пациента на этом отвратительном острове.

For an instant the Colonel was too amazed to speak. Полковник был так поражен, что сразу не нашелся, что сказать.

Then - "By God!" he roared. Потом он заорал: - Милостивый бог!

"D'ye dare take that tone with me, you dog? Ты смеешь разговаривать со мной подобным тоном, собака?"

"D'ye dare to make terms with me?" Ты осмеливаешься ставить мне условия?

"I do that." - А почему бы и нет?

The unflinching blue eyes looked squarely into the Colonel's, and there was a devil peeping out of them, the devil of recklessness that is born of despair. - Синие глаза Блада смотрели в упор на полковника, и в них играл демон безрассудства, порожденный отчаянием.

Colonel Bishop considered him for a long moment in silence. "I've been too soft with you," he said at last. В течение нескольких минут, показавшихся Бладу вечностью, Бишоп молча рассматривал его, а затем изрек: - Я слишком мягко относился к тебе.

"But that's to be mended." Но это можно исправить.

And he tightened his lips. - Губы его сжались.

"I'll have the rods to you, until there's not an inch of skin left on your dirty back." - Я прикажу пороть тебя до тех пор, пока на твоей паршивой спине не останется клочка целой кожи!

"Will ye so? - Вы это сделаете?"

And what would Governor Steed do, then?" Гм-м!.. А что скажет губернатор?

"Ye're not the only doctor on the island." - Ты не единственный врач на острове.

Mr. Blood actually laughed. Блад засмеялся:

"And will ye tell that to his excellency, him with the gout in his foot so bad that he can't stand? - И вы осмелитесь сказать это губернатору, который мучается от подагры так, что не может даже стоять?"

Ye know very well it's devil another doctor will he tolerate, being an intelligent man that knows what's good for him." Вы прекрасно знаете, что он не потерпит другого врача.

But the Colonel's brute passion thoroughly aroused was not so easily to be balked. Однако полковника, охваченного диким гневом, нелегко было успокоить.

"If you're alive when my blacks have done with you, perhaps you'll come to your senses." - Если ты останешься в живых после того, как мои черномазые над тобой поработают, возможно, ты одумаешься.

He swung to his negroes to issue an order. But it was never issued. At that moment a terrific rolling thunderclap drowned his voice and shook the very air. Он повернулся к неграм, чтобы отдать приказание, но в это мгновение, сотрясая воздух, раздался мощный, раскатистый удар.

Colonel Bishop jumped, his negroes jumped with him, and so even did the apparently imperturbable Mr. Blood. Бишоп подскочил от неожиданности, а вместе с ним подскочили оба его телохранителя и даже внешне невозмутимый Блад.

Then the four of them stared together seawards. После этого все они, как по команде, повернулись лицом к морю.

Down in the bay all that could be seen of the great ship, standing now within a cable's-length of the fort, were her topmasts thrusting above a cloud of smoke in which she was enveloped. Внизу, в бухте, там, где на расстоянии кабельтова[21] от форта стоял большой красивый корабль, за клубились облака белого дыма. Они целиком скрыли корабль, оставив видимыми только верхушки мачт.

From the cliffs a flight of startled seabirds had risen to circle in the blue, giving tongue to their alarm, the plaintive curlew noisiest of all. Стая испуганных морских птиц, поднявшаяся со скалистых берегов, с пронзительными криками кружила в голубом небе.

As those men stared from the eminence on which they stood, not yet understanding what had taken place, they saw the British Jack dip from the main truck and vanish into the rising cloud below. A moment more, and up through that cloud to replace the flag of England soared the gold and crimson banner of Castile. Ни полковник, ни Блад, ни Питт, глядевший мутными глазами на голубую бухту, не понимали, что происходит. Но это продолжалось недолго - лишь до той поры, как английский флаг быстро соскользнул с флагштока на грот-мачте и исчез в белой облачной мгле, а на смену ему через несколько секунд взвился золотисто-пурпурный стяг Испании.

And then they understood. Тогда все сразу стало понятно.

"Pirates!" roared the Colonel, and again, - Пираты! - заревел полковник.

"Pirates!" - Пираты!

Fear and incredulity were blent in his voice. Страх и недоверие смешались в его голосе.

He had paled under his tan until his face was the colour of clay, and there was a wild fury in his beady eyes. Лицо Бишопы побледнело, приняв землистый оттенок, маленькие глазки вспыхнули гневом.

His negroes looked at him, grinning idiotically, all teeth and eyeballs. Его телохранители в недоумении глядели на хозяина, выкатив белки глаз и скаля зубы.

Chapter VIII Глава VIII

SPANIARDS ИСПАНЦЫ

The stately ship that had been allowed to sail so leisurely into Carlisle Bay under her false colours was a Spanish privateer, coming to pay off some of the heavy debt piled up by the predaceous Brethren of the Coast, and the recent defeat by the *Pride of Devon* of two treasure galleons bound for Cadiz. Большой корабль, которому разрешили так спокойно войти под чужим флагом в Карлайлскую бухту, оказался испанским капером[22]. Он явился сюда не только для того, чтобы расквитаться за кое-какие крупные долги хищного "берегового братства", но и для того, чтобы отомстить за поражение, нанесенное "Прайд оф Девон" двум галионам[23], шедшим с грузом ценностей в Кадикс.

It happened that the galleon which escaped in a more or less crippled condition was commanded by Don Diego de Espinosa y Valdez, who was own brother to the Spanish Admiral Don Miguel de Espinosa, and who was also a very hasty, proud, and hot-tempered gentleman. Поврежденным галионом, скрывшимся с поля битвы, командовал дон Диего де Эспиноса-и-Вальдес - родной брат испанского адмирала дона Мигеля де Эспиноса, очень вспыльчивого и надменного господина.

Galled by his defeat, and choosing to forget that his own conduct had invited it, he had sworn to teach the English a sharp lesson which they should remember. Проклиная себя за понесенное поражение, дон Диего поклялся дать англичанам такой урок, которого они никогда не забудут.

He would take a leaf out of the book of Morgan and those other robbers of the sea, and make a punitive raid upon an English settlement. Он решил позаимствовать кое-что из опыта Моргана[24] и других морских разбойников и предпринять карательный

налет на ближайшую английскую колонию.

Unfortunately for himself and for many others, his brother the Admiral was not at hand to restrain him when for this purpose he fitted out the *Cinco Llagas* at San Juan de Porto Rico. К сожалению, рядом с ним не было брата-адмирала, который мог бы отговорить Диего де Эспиноса от этой авантюры, когда в Сан Хуан де Пуэрто-Рико он оснащал для этой цели корабль "Синко Льягас".

He chose for his objective the island of Barbados, whose natural strength was apt to render her defenders careless. Объектом своего налета он наметил остров Барбадос, полагая, что защитники его, понадеявшись на естественные укрепления острова, будут застигнуты врасплох.

He chose it also because thither had the *Pride of Devon* been tracked by his scouts, and he desired a measure of poetic justice to invest his vengeance. Барбадос он наметил еще и потому, что, по сведениям, доставленным ему шпионами, там еще стоял "Прайд оф Девон", а ему хотелось, чтобы его мщение имело какой-то оттенок справедливости.

And he chose a moment when there were no ships of war at anchor in Carlisle Bay. Время для налета он выбрал такое, когда в Карлайлской бухте не было ни одного военного корабля.

He had succeeded so well in his intentions that he had aroused no suspicion until he saluted the fort at short range with a broadside of twenty guns. Его хитрость осталась нераскрытой настолько, что, не возбуждив подозрений, он преспокойно вошел в бухту и отсалютовал форту в упор бортовым залпом из двадцати пушек.

And now the four gaping watchers in the stockade on the headland beheld the great ship creep forward under the rising cloud of smoke, her mainsail unfurled to increase her steering way, and go about close-hauled to bring her larboard guns to bear upon the unready fort. Прошло несколько минут, и зрители, наблюдавшие за бухтой, заметили, что корабль осторожно продвигается в клубах дыма. Подняв грот[25] для увеличения хода и идя в крутом бейдевинде [26], он наводил пушки левого борта на не подготовленный к отпору форт.

With the crashing roar of that second broadside, Colonel Bishop awoke from stupefaction to a recollection of where his duty lay. Сотрясая воздух, раздался второй залп. Грохот его вывел полковника Бишоп из оцепенения. Он вспомнил о своих обязанностях командира барбадосской милиции.

In the town below drums were beating frantically, and a trumpet was bleating, as if the peril needed further advertising. Внизу, в городе, лихорадочно били в барабаны, слышался звук трубы, как будто требовалось еще оповещать об опасности.

As commander of the Barbados Militia, the place of Colonel Bishop was at the head of his scanty troops, in that fort which the Spanish guns were pounding into rubble. Место полковника Бишоп было во главе немногочисленного гарнизона форта, который испанские пушки превращали сейчас в груды камней.

Remembering it, he went off at the double, despite his bulk and the heat, his negroes trotting after him. Невзирая на гнетущую жару и свой немалый вес, полковник поспешно направился в город. За ним рысцой трусили его телохранители.

Mr. Blood turned to Jeremy Pitt. He laughed grimly. Повернувшись к Джереми Питту, Блад мрачно улыбнулся:

"Now that," said he, "is what I call a timely interruption. - Вот это и называется своевременным вмешательством судьбы.

Though what'll come of it," he added as an afterthought, "the devil himself knows."
Хотя один лишь дьявол знает, что из всего этого выйдет!

As a third broadside was thundering forth, he picked up the palmetto leaf and carefully replaced it on the back of his fellow-slave. При третьем залпе он поднял пальмовый лист и осторожно прикрыл им спину своего друга.

And then into the stockade, panting and sweating, came Kent followed by best part of a score of plantation workers, some of whom were black and all of whom were in a state of panic. И как раз в это время на территории, огороженной частоколом, появились охваченные паникой Кент и человек десять рабочих плантации.

He led them into the low white house, to bring them forth again, within a moment, as it seemed, armed now with muskets and hangers and some of them equipped with bandoleers. Они вбежали в низкий белый дом и минуту спустя вышли оттуда уже с мушкетами и кортиками.

By this time the rebels-convict were coming in, in twos and threes, having abandoned their work upon finding themselves unguarded and upon scenting the general dismay. Kent paused a moment, as his hastily armed guard dashed forth, to fling an order to those slaves. Сюда же, к белому дому Кента, группками по два, по три человека стали собираться сосланные на Барбадос повстанцы-рабы, брошенные охраной и почувствовавшие общую панику.

"To the woods!" he bade them. - В лес! - скомандовал Кент рабам.

"Take to the woods, and lie close there, until this is over, and we've gutted these Spanish swine." - Бегите в лес и скрывайтесь там, пока мы не расправимся с этими испанскими свиньями.

On that he went off in haste after his men, who were to be added to those massing in the town, so as to oppose and overwhelm the Spanish landing parties. И он поспешил вслед за своими людьми, которые должны были присоединиться к милиции, собиравшейся в городе для оказания сопротивления испанскому десанту.

The slaves would have obeyed him on the instant but for Mr. Blood. Если бы не Блад, рабы беспрекословно подчинились бы этому приказанию.

"What need for haste, and in this heat?" quoth he. He was surprisingly cool, they thought. - А к чему нам спешить в такую жару? - спросил Блад, и невольники удивились, что доктор говорил на редкость спокойно.

"Maybe there'll be no need to take to the woods at all, and, anyway, it will be time enough to do so when the Spaniards are masters of the town." - Мы можем поглядеть на этот спектакль, а если нам и придется уходить, - продолжал Блад, - то мы успеем это сделать, когда испанцы уже захватят город.

And so, joined now by the other stragglers, and numbering in all a round score - rebels-convict all -they stayed to watch from their vantage-ground the fortunes of the furious battle that was being waged below. Рабы-повстанцы - а всего их набралось более двадцати человек - остались на возвышенности, откуда хорошо была видна вся сцена действия и закипавшая на ней отчаянная схватка.

The landing was contested by the militia and by every islander capable of bearing arms with the fierce resoluteness of men who knew that no quarter was to be expected in defeat. Милиция и жители острова, способные носить оружие, с отчаянной решимостью людей, понимавших, что в случае поражения им не будет пощады, пытались отбросить десант.

The ruthlessness of Spanish soldiery was a byword, and not at his worst had Morgan or L'Ollonais ever perpetrated such horrors as those of which these Castilian gentlemen were capable. Зверства испанской солдатни были общеизвестны, и даже самые гнусные дела Моргана бледнели перед жестокостью кастильских насильников.

But this Spanish commander knew his business, which was more than could truthfully be said for the Barbados Militia. Командир испанцев хорошо знал свое дело, чего, не погрешив против истины, нельзя было сказать о барбадосской милиции.

Having gained the advantage of a surprise blow, which had put the fort out of action, he soon showed them that he was master of the situation. Используя преимущество внезапного нападения, испанец в первые же минуты обезвредил форт и показал барбадосцам, кто является хозяином положения.

His guns turned now upon the open space behind the mole, where the incompetent Bishop had marshalled his men, tore the militia into bloody rags, and covered the landing parties which were making the shore in their own boats and in several of those which had rashly gone out to the great ship before her identity was revealed. Его пушки вели огонь с борта корабля по открытой местности за молем, превращая в кровавую кашу людей, которыми бездарно командовал неповоротливый Бишоп. Испанцы умело действовали на два фронта: своим огнем они не только вносили панику в нестройные ряды оборонявшихся, но и прикрывали высадку десантных групп, направлявшихся к берегу.

All through the scorching afternoon the battle went on, the rattle and crack of musketry penetrating ever deeper into the town to show that the defenders were being driven steadily back. Под лучами палящего солнца битва продолжалась до самого полудня, и, судя по тому, что трескотня мушкетов слышна была все ближе и ближе, становилось очевидным, что испанцы теснили защитников города.

By sunset two hundred and fifty Spaniards were masters of Bridgetown, the islanders were disarmed, and at Government House, Governor Steed - his gout forgotten in his panic - supported by Colonel Bishop and some lesser officers, was being informed by Don Diego, with an urbanity that was itself a mockery, of the sum that would be required in ransom. К заходу солнца двести пятьдесят испанцев стали хозяевами Бриджтауна. Островитяне были разоружены, и дон Диего, сидя в губернаторском доме, с изысканностью, весьма похожей на издевательство, определял размеры выкупа губернатору Стиду, со страха забывшему о своей подагре, полковнику Бишопу и несколькими другими офицерам.

For a hundred thousand pieces of eight and fifty head of cattle, Don Diego would forbear from reducing the place to ashes. Дон Диего милостиво заявил, что за сто тысяч песо и пятьдесят голов скота он воздержится от превращения города в груды пепла.

And what time that suave and courtly commander was settling these details with the apoplectic British Governor, the Spaniards were smashing and looting, feasting, drinking, and ravaging after the hideous manner of their kind. Пока их учтивый, с изысканными манерами командир уточнял эти детали с перепуганным британским губернатором, испанцы занимались грабежом, пьянством и насилиями, как это они обычно делали в подобных случаях.

Mr. Blood, greatly daring, ventured down at dusk into the town. С наступлением сумерек Блад рискнул спуститься вниз - в город.

What he saw there is recorded by Jeremy Pitt to whom he subsequently related it - in that voluminous log from which the greater part of my narrative is derived. То, что он там увидел, было позднее поведано им Джереми Питту, записавшему рассказ

Блада в свой многотомный труд, откуда и позаимствована значительная часть моего повествования.

I have no intention of repeating any of it here. It is all too loathsome and nauseating, incredible, indeed, that men however abandoned could ever descend such an abyss of bestial cruelty and lust. У меня нет намерения повторять здесь что-либо из этих записей, ибо поведение испанцев было отвратительно до тошноты. Трудно поверить, чтобы люди, как бы низко они ни пали, могли дойти до таких пределов жестокости и разврата.

What he saw was fetching him in haste and white-faced out of that hell again, when in a narrow street a girl hurtled into him, wild-eyed, her unbound hair streaming behind her as she ran. Гнусная картина, развернувшаяся перед Бладом, заставила его побледнеть, и он поспешил выбраться из этого ада. На узенькой улочке с ним столкнулась бегущая ему навстречу девушка с распущенными волосами.

After her, laughing and cursing in a breath, came a heavy-booted Spaniard. За ней с хохотом и бранью гнался испанец в тяжелых башмаках.

Almost he was upon her, when suddenly Mr. Blood got in his way. Он уже почти настиг ее, когда Блад внезапно преградил ему дорогу.

The doctor had taken a sword from a dead man's side some little time before and armed himself with it against an emergency. В руках у него была шпага, которую он несколько раньше снял с убитого солдата и на всякий случай захватил с собой.

As the Spaniard checked in anger and surprise, he caught in the dusk the livid gleam of that sword which Mr. Blood had quickly unsheathed. Удивленный испанец сердито остановился, увидев, как в руках у Блада сверкнул клинок шпаги.

"Ah, perro ingles!" he shouted, and flung forward to his death. - А, английская собака! - закричал он и бросился навстречу своей смерти.

"It's hoping I am ye're in a fit state to meet your Maker," said Mr. Blood, and ran him through the body. - Надеюсь, что вы подготовлены для встречи со своим создателем? - вежливо осведомился Блад и с этими словами проткнул его шпагой насквозь.

He did the thing skilfully: with the combined skill of swordsman and surgeon. Сделал он это очень умело, с искусством врача и ловкостью фехтовальщика.

The man sank in a hideous heap without so much as a groan. Испанец, не успев даже простонать, бесформенной массой рухнул наземь.

Mr. Blood swung to the girl, who leaned panting and sobbing against a wall. He caught her by the wrist. Повернув к себе плачущую девушку, стоявшую у стены, Блад схватил ее за руку.

"Come!" he said. - Идите за мной! - сказал он.

But she hung back, resisting him by her weight. Однако девушка оттолкнула его и не двинулась с места.

"Who are you?" she demanded wildly. - Кто вы? - испуганно спросила она.

"Will ye wait to see my credentials?" he snapped. - Вы будете ждать, пока я предъявлю вам свои документы? - огрызнулся Блад.

Steps were clattering towards them from beyond the corner round which she had fled

from that Spanish ruffian. За углом улочки, откуда выбежала девушка, спасаясь от испанского головореза, слышались тяжелые шаги.

"Come," he urged again. And this time, reassured perhaps by his clear English speech, she went without further questions. И возможно, успокоенная его чистым английским произношением, она, не задавая больше вопросов, подала ему руку.

They sped down an alley and then up another, by great good fortune meeting no one, for already they were on the outskirts of the town. They won out of it, and white-faced, physically sick, Mr. Blood dragged her almost at a run up the hill towards Colonel Bishop's house. Быстро пройдя по переулку и поднявшись в гору по пустынным улочкам, они, к счастью, никого не встретив, вышли на окраину Бриджтауна.

He told her briefly who and what he was, and thereafter there was no conversation between them until they reached the big white house. Скоро город остался позади, и Блад из последних сил втащил девушку на крутую дорогу, ведущую к дому полковника Бишопа.

It was all in darkness, which at least was reassuring. If the Spaniards had reached it, there would be lights. Дом был погружен в темноту, что заставило Блада вздохнуть с облегчением, ибо, если бы здесь уже были испанцы, в нем горели бы огни.

He knocked, but had to knock again and yet again before he was answered. Then it was by a voice from a window above. Блад постучал в дверь несколько раз, прежде чем ему робко ответили из верхнего окна:

"Who is there?" - Кто там?

The voice was Miss Bishop's, a little tremulous, but unmistakably her own. Mr. Blood almost fainted in relief. He had been imagining the unimaginable. He had pictured her down in that hell out of which he had just come. He had conceived that she might have followed her uncle into Bridgetown, or committed some other imprudence, and he turned cold from head to foot at the mere thought of what might have happened to her. Дрожащий голос, несомненно, принадлежал Арабелле Бишоп.

"It is I - Peter Blood," he gasped. - Это я - Питер Блад, - сказал он, переводя дыхание.

"What do you want?" - Что вам нужно?

It is doubtful whether she would have come down to open. For at such a time as this it was no more than likely that the wretched plantation slaves might be in revolt and prove as great a danger as the Spaniards. Питер Блад понимал ее страх: ей следовало опасаться не только испанцев, но и рабов с плантации ее дяди - они могли взбунтоваться и стать не менее опасными, нежели испанцы.

But at the sound of her voice, the girl Mr. Blood had rescued peered up through the gloom. Но тут девушка, спасенная Бладом, услышав знакомый голос, обрадованно вскрикнула:

"Arabella!" she called. - Арабелла!

"It is I, Mary Traill." Это я, Мэри Трэйл.

"Mary!" - О, Мэри! Ты здесь?

The voice ceased above on that exclamation, the head was withdrawn. After a brief pause the door gaped wide. После этого удивленного восклицания голос наверху смолк, и несколько секунд спустя дверь распахнулась.

Beyond it in the wide hall stood Miss Arabella, a slim, virginal figure in white, mysteriously revealed in the gleam of a single candle which she carried. В просторном вестибюле стояла Арабелла, и мерцание свечи, которую она держала в руке, таинственно освещало ее стройную фигуру в белой одежде.

Mr. Blood strode in followed by his distraught companion, who, falling upon Arabella's slender bosom, surrendered herself to a passion of tears. But he wasted no time. Блад вбежал в дом и тут же закрыл дверь. Его спутница упала на грудь Арабеллы и разрыдалась. Но Блад не обратил внимания на слезы девушки: нельзя было терять времени.

"Whom have you here with you? What servants?" he demanded sharply. - Есть в доме кто-нибудь из слуг? - быстро и решительно спросил он.

The only male was James, an old negro groom. Из мужской прислуги в доме оказался только старый негр Джеймс.

"The very man," said Blood. - Он-то нам и нужен, - сказал Блад, вспомнив, что Джеймс был грумом[27].

"Bid him get out horses. Then away with you to Speightstown, or even farther north, where you will be safe. - Прикажите подать лошадей и сейчас же отправляйтесь в Спейгстаун. Там вы будете в полной безопасности.

Here you are in danger - in dreadful danger." Здесь оставаться нельзя. Торопитесь!

"But I thought the fighting was over..." she was beginning, pale and startled. - Но ведь сражение уже закончилось... -нерешительно начала Арабелла и побледнела.

"So it is. But the devilry's only beginning. - Самое страшное впереди.

Miss Traill will tell you as you go. Мисс Трэйл потом вам расскажет.

In God's name, madam, take my word for it, and do as I bid you." Ради бога, поверьте мне и сделайте так, как я говорю!

"He... he saved me," sobbed Miss Traill. - Он... он спас меня, - со слезами прошептала мисс Трэйл.

"Saved you?" - Спас тебя?

Miss Bishop was aghast. - Арабелла была ошеломлена.

"Saved you from what, Mary?" - От чего спас, Мэри?

"Let that wait," snapped Mr. Blood almost angrily. - Об этом после! - почти сердито прервал их Блад.

"You've all the night for chattering when you're out of this, and away beyond their reach. - Вы сможете говорить целую ночь, когда выберетесь отсюда в безопасное место.

Will you please call James, and do as I say - and at once!" Пожалуйста, позовите Джеймса и сделайте так, как я говорю! Немедленно!

"You are very peremptory..." - Вы не говорите, а приказываете.

"Oh, my God! - Боже мой!

I am peremptory! Я приказываю!

Speak, Miss Traill!, tell her whether I've cause to be peremptory." Мисс Трэйл, ну скажите же, есть ли у меня основания...

"Yes, yes," the girl cried, shuddering. - Да, да, - тут же откликнулась девушка, не дослушав его.

"Do as he says - Oh, for pity's sake, Arabella." - Арабелла, умоляю, послушайся его!

Miss Bishop went off, leaving Mr. Blood and Miss Traill alone again. Арабелла Бишоп вышла, оставив мисс Трэйл вдвоем с Бладом.

"I... I shall never forget what you did, sir," said she, through her diminishing tears. - Я... я никогда не забуду, что вы сделали для меня, сэр! - с глазами, полными слез, проговорила Мэри.

She was a slight wisp of a girl, a child, no more. И только сейчас Блад как следует разглядел тоненькую, хрупкую девушку, похожую на ребенка.

"I've done better things in my time. That's why I'm here," said Mr. Blood, whose mood seemed to be snappy. - В своей жизни я делал кое-что посерьезней, - ласково сказал он и добавил с горечью: - Поэтому-то я здесь и очутился.

She didn't pretend to understand him, and she didn't make the attempt. Она, конечно, не поняла его слов и не пыталась сделать вид, будто они ей понятны.

"Did you... did you kill him?" she asked, fearfully. - Вы... вы убили его? - со страхом спросила Мэри.

He stared at her in the flickering candlelight. Пристально взглянув на девушку, освещенную мерцанием свечи, Блад ответил:

"I hope so. - Надеюсь, что да.

It is very probable, and it doesn't matter at all," he said. Это вполне вероятно, но совсем неважно.

"What matters is that this fellow James should fetch the horses." And he was stamping off to accelerate these preparations for departure, when her voice arrested him. "Don't leave me! Don't leave me here alone!" she cried in terror. He paused. He turned and came slowly back. Standing above her he smiled upon her. "There, there! You've no cause for alarm. It's all over now. You'll be away soon - away to Speightstown, where you'll be quite safe." Важно лишь, чтобы Джеймс поскорее подал лошадей.

The horses came at last - four of them, for in addition to James who was to act as her guide, Miss Bishop had her woman, who was not to be left behind. Наконец лошадей подали. Их было четыре, так как помимо Джеймса, ехавшего в качестве проводника, Арабелла взяла с собой и служанку, которая ни за что не хотела оставаться в доме.

Mr. Blood lifted the slight weight of Mary Traill to her horse, then turned to say good-bye to Miss Bishop, who was already mounted. Посадив на лошадь легкую, как перышко, Мэри Трэйл, Блад повернулся, чтобы попрощаться с Арабеллой, уже сидевшей в седле.

He said it, and seemed to have something to add. But whatever it was, it remained unspoken. Он пожелал ей счастливого пути, хотел добавить еще что-то, но не сказал ничего.

The horses started, and receded into the sapphire starlit night, leaving him standing there before Colonel Bishop's door. Лошади тронулись и вскоре исчезли в лиловом полумраке звездной ночи, а Блад все еще продолжал стоять около дома полковника Бишопа.

The last he heard of them was Mary Traill's childlike voice calling back on a quavering note - Из темноты до его донесся дрожащий детский голос:

"I shall never forget what you did, Mr. Blood. - Я никогда не забуду, что вы сделали для меня, мистер Блад!

I shall never forget." Никогда!

But as it was not the voice he desired to hear, the assurance brought him little satisfaction. Однако слова эти не доставили Бладу особой радости, так как ему хотелось, чтобы нечто похожее было сказано другим голосом.

He stood there in the dark watching the fireflies amid the rhododendrons, till the hoofbeats had faded. Then he sighed and roused himself. Он постоял в темноте еще несколько минут, наблюдая за светлячками, роившимися над рододендронами, пока не стихло цоканье копыт, а затем, вздохнув, вернулся к действительности.

He had much to do. Ему предстояло сделать еще очень многое.

His journey into the town had not been one of idle curiosity to see how the Spaniards conducted themselves in victory. Он спустился в город вовсе не для того, чтобы познакомиться с тем, как ведут себя победители.

It had been inspired by a very different purpose, and he had gained in the course of it all the information he desired. Ему нужно было кое-что разузнать.

He had an extremely busy night before him, and must be moving. He went off briskly in the direction of the stockade, where his fellow-slaves awaited him in deep anxiety and some hope. Эту задачу он выполнил и быстро вернулся обратно к палисаду, где в глубокой тревоге, но с некоторой надеждой его ждали друзья - рабы полковника Бишопа.

Chapter IX Глава IX

THE REBELS-CONVICT ССЫЛЬНЫЕ ПОВСТАНЦЫ

There were, when the purple gloom of the tropical night descended upon the Caribbean, not more than ten men on guard aboard the Cinco Llagas, so confident - and with good reason - were the Spaniards of the complete subjection of the islanders. К тому времени, когда фиолетовый сумрак тропической ночи опустился над Карибским морем, на борту "Синко Льягас" оставалось не больше десяти человек охраны: настолько испанцы были уверены - и, надо сказать, не без оснований - в полном разгроме гарнизона острова.

And when I say that there were ten men on guard, I state rather the purpose for which they were left aboard than the duty which they fulfilled. Говоря о том, что на борту находилось десять человек охраны, я имею в виду скорее цель их оставления, нежели обязанности, которые они на самом деле исполняли.

As a matter of fact, whilst the main body of the Spaniards feasted and rioted

ashore, the Spanish gunner and his crew - who had so nobly done their duty and ensured the easy victory of the day - were feasting on the gun-deck upon the wine and the fresh meats fetched out to them from shore. В то время как почти вся команда корабля пьянствовала и бесчинствовала на берегу, остававшийся на борту канонир со своими помощниками, так хорошо обеспечившими легкую победу, получив с берега вино и свежее мясо, пировал на пушечной палубе.

Above, two sentinels only kept vigil, at stem and stern. Часовые - один на носу и другой на корме - несли вахту.

Nor were they as vigilant as they should have been, or else they must have observed the two wherries that under cover of the darkness came gliding from the wharf, with well-greased rowlocks, to bring up in silence under the great ship's quarter. Но их бдительность была весьма относительной, иначе они давно уже заметили бы две большие лодки, которые отошли от пристани и бесшумно пришвартовались под кормой корабля.

From the gallery aft still hung the ladder by which Don Diego had descended to the boat that had taken him ashore. С кормовой галереи все еще свисала веревочная лестница, по которой днем спустился в шлюпку дон Диего, отправлявшийся на берег.

The sentry on guard in the stern, coming presently round this gallery, was suddenly confronted by the black shadow of a man standing before him at the head of the ladder. Часовой, проходя по галерее, неожиданно заметил на верхней ступеньке лестницы темный силуэт.

"Who's there?" he asked, but without alarm, supposing it one of his fellows. - Кто там? - спокойно спросил он, полагая, что перед ним кто-то из своих.

"It is I," softly answered Peter Blood in the fluent Castilian of which he was master. - Это я, приятель, - тихо ответил Питер Блад по-испански.

"Is it you, Pedro?" The Spaniard came a step nearer. Испанец подошел ближе: - Это ты, Педро?

"Peter is my name; but I doubt I'll not be the Peter you're expecting." - Да, меня зовут примерно так, но сомневаюсь, чтобы я был тем Питером, которого ты знаешь.

"How?" quoth the sentry, checking. - Как, как? - останавливаясь, спросил испанец.

"This way," said Mr. Blood. - А вот так, - ответил Блад.

The wooden taffrail was a low one, and the Spaniard was taken completely by surprise. Save for the splash he made as he struck the water, narrowly missing one of the crowded boats that waited under the counter, not a sound announced his misadventure. Испанец, застигнутый врасплох, не успев издать и звука, перелетел через низкий гакаборт[28] и камнем упал в воду, едва не свалившись в одну из лодок, стоявших под кормой.

Armed as he was with corselet, cuissarts, and headpiece, he sank to trouble them no more. В тяжелой кирасе, со шлемом на голове, он сразу же пошел ко дну, избавив людей Блада от дальнейших хлопот.

"Whist!" hissed Mr. Blood to his waiting rebels-convict. - Тс!.. - прошептал Блад ожидавшим его внизу людям.

"Come on, now, and without noise." - Поднимайтесь без шума.

Within five minutes they had swarmed aboard, the entire twenty of them overflowing from that narrow gallery and crouching on the quarter-deck itself. Пять минут

спустя двадцать ссыльных повстанцев уже были на борту. Выбравшись из узкой галереи, они ничком растянулись на корме.

Lights showed ahead. Впереди горели огни.

Under the great lantern in the prow they saw the black figure of the other sentry, pacing on the forecastle. Большой фонарь на носу корабля освещал фигуру часового, расхаживавшего по полубаку[29].

From below sounds reached them of the orgy on the gun-deck: a rich male voice was singing an obscene ballad to which the others chanted in chorus: "Y estos son los usos de Castilla y de Leon!" Снизу, с пушечной палубы, доносились дикие крики оргии. Сочный мужской голос пел веселую песню, и ему хором подтягивали остальные: Вот какие славные обычаи в Кастилии!

"From what I've seen to-day I can well believe it," said Mr. Blood, and whispered: "Forward - after me." - После сегодняшних событий этому можно поверить. Обычаи хоть куда! - заметил Блад и тихо скомандовал: - Вперед, за мной!

Crouching low, they glided, noiseless as shadows, to the quarter-deck rail, and thence slipped without sound down into the waist. Неслышно, как тени, повстанцы, пригибаясь, пробрались вдоль поручней кормовой части палубы на шкафут[30].

Two thirds of them were armed with muskets, some of which they had found in the overseer's house, and others supplied from the secret hoard that Mr. Blood had so laboriously assembled against the day of escape. Кое-кто из повстанцев был вооружен мушкетами. Их добыли в доме надсмотрщика и вытащили из тайника, где хранилось оружие, с большим трудом собранное Бладом на случай бегства.

The remainder were equipped with knives and cutlasses. У остальных были ножи и абордажные сабли.

In the vessel's waist they hung awhile, until Mr. Blood had satisfied himself that no other sentinel showed above decks but that inconvenient fellow in the prow. Со шкафута можно было видеть всю палубу от кормы до носа, где, на свою беду, торчал часовой.

Their first attention must be for him. Бладу пришлось тут же им заняться.

Mr. Blood, himself, crept forward with two companions, leaving the others in the charge of that Nathaniel Hagthorpe whose sometime commission in the King's Navy gave him the best title to this office. Вместе с двумя товарищами он пополз к часовому, оставив других под командой того самого Натаниэля Хагторпа, который когда-то был офицером королевского военноморского флота.

Mr. Blood's absence was brief. Блад задержался ненадолго.

When he rejoined his comrades there was no watch above the Spaniards' decks. Когда он вернулся к своим товарищам, ни одного часового на палубе испанского корабля уже не было.

Meanwhile the revellers below continued to make merry at their ease in the conviction of complete security. Испанцы продолжали беззаботно веселиться внизу, считая себя в полной безопасности. Да и чего им было бояться?

The garrison of Barbados was overpowered and disarmed, and their companions were ashore in complete possession of the town, glutting themselves hideously upon the fruits of victory. What, then, was there to fear? Гарнизон Барбадоса разгромлен и разоружен, товарищи на берегу, став полными хозяевами города, жадно упивались

успехами легкой победы.

Even when their quarters were invaded and they found themselves surrounded by a score of wild, hairy, half-naked men, who - save that they appeared once to have been white - looked like a horde of savages, the Spaniards could not believe their eyes. Who could have dreamed that a handful of forgotten plantation-slaves would have dared to take so much upon themselves? Испанцы не поверили своим глазам, когда их внезапно окружили ворвавшиеся к ним полуобнаженные, обросшие волосами люди, казавшиеся ордой дикарей, хотя в недавнем прошлом они, видимо, были европейцами.

The half-drunken Spaniards, their laughter suddenly quenched, the song perishing on their lips, stared, stricken and bewildered at the levelled muskets by which they were checkmated. Песня и смех сразу же оборвались, и подвыпившие испанцы в ужасе и замешательстве вытаращили глаза на дула мушкетов, направленные в упор на них.

And then, from out of this uncouth pack of savages that beset them, stepped a slim, tall fellow with light-blue eyes in a tawny face, eyes in which glinted the light of a wicked humour. He addressed them in the purest Castilian. Из толпы дикарей вышел стройный, высокий человек со смуглым лицом и светло-синими глазами, в которых блеснул огонек зловещей иронии, и сказал по-испански:

"You will save yourselves pain and trouble by regarding yourselves my prisoners, and suffering yourselves to be quietly bestowed out of harm's way." - Вы избежите от многих неприятностей, если тут же признаете себя моими пленниками и позволите без сопротивления удалить вас в безопасное место.

"Name of God!" swore the gunner, which did no justice at all to an amazement beyond expression. - Боже мой! - прошептал канонир, хотя это восклицание лишь в малой степени отражало то изумление, которое он сейчас испытывал.

"If you please," said Mr. Blood, and thereupon those gentlemen of Spain were induced without further trouble beyond a musket prod or two to drop through a scuttle to the deck below. - Прошу вас, - сказал Блад. После чего испанцы без всяких увещаний, если не считать легких подталкиваний мушкетами, были загнаны через люк в трюм.

After that the rebels-convict refreshed themselves with the good things in the consumption of which they had interrupted the Spaniards. Затем повстанцы угостились хорошими блюдами, оставшимися от испанцев.

To taste palatable Christian food after months of salt fish and maize dumplings was in itself a feast to these unfortunates. После соленой рыбы и маисовых лепешек, которыми питались рабы Бишопы в течение долгих месяцев, жареное мясо, свежие овощи и хлеб показались им райской пищей.

But there were no excesses. Mr. Blood saw to that, although it required all the firmness of which he was capable. Но Блад не допустил никаких излишеств, для чего ему потребовалось применить всю твердость, на которую он был только способен.

Dispositions were to be made without delay against that which must follow before they could abandon themselves fully to the enjoyment of their victory. В конце концов повстанцы выиграли лишь предварительную схватку.

This, after all, was no more than a preliminary skirmish, although it was one that afforded them the key to the situation. Предстояло еще удержать в руках ключ к свободе и закрепить победу.

It remained to dispose so that the utmost profit might be drawn from it. Those dispositions occupied some very considerable portion of the night. Нужно было

приготовиться к дальнейшим событиям, и приготовления эти заняли значительную часть ночи.

But, at least, they were complete before the sun peeped over the shoulder of Mount Hilibay to shed his light upon a day of some surprises. Однако все было закончено до того, как над горой Хиллбай взойшло солнце, которому предстояло освещать день, богатый неожиданностями.

It was soon after sunrise that the rebel-convict who paced the quarter-deck in Spanish corselet and headpiece, a Spanish musket on his shoulder, announced the approach of a boat. Едва лишь солнце поднялось над горизонтом, как один из ссыльных повстанцев, расхаживавший по палубе в кирасе и шлеме, с испанским мушкетом в руках, объявил о приближении лодки.

It was Don Diego de Espinosa y Valdez coming aboard with four great treasure-chests, containing each twenty-five thousand pieces of eight, the ransom delivered to him at dawn by Governor Steed. Дон Диего де Эспиноса-и-Вальдес возвращался на борт своего корабля с четырьмя огромными ящиками. В каждом из них находилось по двадцать пять тысяч песо выкупа, доставленного ему на рассвете губернатором Стидом.

He was accompanied by his son, Don Esteban, and by six men who took the oars. Дона Диего сопровождали его сын дон Эстебан и шесть гребцов.

Aboard the frigate all was quiet and orderly as it should be. На борту фрегата царил обычный порядок.

She rode at anchor, her larboard to the shore, and the main ladder on her starboard side. Round to this came the boat with Don Diego and his treasure. Корабль, левым бортом обращенный к берегу, спокойно покачивался на якоре. Лодка с доном Диего и его богатством подошла к правому борту, где висела веревочная лестница.

Mr. Blood had disposed effectively. It was not for nothing that he had served under de Ruyter. The swings were waiting, and the windlass manned. Below, a gun-crew held itself in readiness under the command of Ogle, who - as I have said - had been a gunner in the Royal Navy before he went in for politics and followed the fortunes of the Duke of Monmouth. Питер Блад очень хорошо подготовился к встрече, так как не зря служил под начальством де Ритера: с борта свисали тали, у лебедки стояли люди, а внизу в готовности ждали канониры под командой решительного Огла.

He was a sturdy, resolute fellow who inspired confidence by the very confidence he displayed in himself. Уже одним своим видом он внушал доверие.

Don Diego mounted the ladder and stepped upon the deck, alone, and entirely unsuspecting. Дон Диего, ничего не подозревая, в превосходном настроении поднялся на палубу.

What should the poor man suspect? Да и почему он мог что-либо подозревать?

Before he could even look round, and survey this guard drawn up to receive him, a tap over the head with a capstan bar efficiently handled by Hagthorpe put him to sleep without the least fuss. Удар палкой по голове, умело нанесенный Хагторпом, сразу же погрузил дону Диего в глубокий сон. Бедняга не успел даже взглянуть на караул, выстроенный для его встречи.

He was carried away to his cabin, whilst the treasure-chests, handled by the men he had left in the boat, were being hauled to the deck. Испанского гранда немедленно унесли в капитанскую каюту, а ящики с богатством подняли на палубу.

That being satisfactorily accomplished, Don Esteban and the fellows who had manned

the boat came up the ladder, one by one, to be handled with the same quiet efficiency. Закончив погрузку сокровищ на корабль, дон Эстебан и гребцы по одному поднялись по веревочной лестнице на палубу, где с ними разделились так же неторопливо и умело, как и с командиром корабля.

Peter Blood had a genius for these things, and almost, I suspect, an eye for the dramatic. Питер Блад проводил подобного рода операции с удивительным блеском и, как я подозреваю, не без некоторой театральности.

Dramatic, certainly, was the spectacle now offered to the survivors of the raid. Несомненно, драматическое зрелище, разыгравшееся сейчас на борту испанского корабля, могло бы украсить собой сцену любого театра. К сожалению, описанная драматическая сцена из-за дальности расстояния была недоступна многочисленным зрителям, находившимся на берегу.

With Colonel Bishop at their head, and gout-ridden Governor Steed sitting on the ruins of a wall beside him, they glumly watched the departure of the eight boats containing the weary Spanish ruffians who had glutted themselves with rapine, murder, and violences unspeakable. Жители Бриджтауна во главе с полковником Бишопом и страдающим от подагры губернатором Стидом, уныло сидевшими на развалинах порта, глядели не на корабль, а на восьмерку лодок, в которые усаживались испанские головорезы, утомленные насилиями и пресыщенные убийствами.

They looked on, between relief at this departure of their remorseless enemies, and despair at the wild ravages which, temporarily at least, had wrecked the prosperity and happiness of that little colony. Барбадосцы следили за отплытием лодок со смешанным чувством радости и отчаяния. Они радовались уходу беспощадных врагов и приходили в отчаяние от тех ужасных опустошений, какие, по крайней мере на время, нарушили счастье и процветание маленькой колонии.

The boats pulled away from the shore, with their loads of laughing, jeering Spaniards, who were still flinging taunts across the water at their surviving victims. Наконец лодки отчалили от берега. Гогочущие испанцы откровенно глумились над своими несчастными жертвами.

They had come midway between the wharf and the ship, when suddenly the air was shaken by the boom of a gun. Лодки были уже на полпути между пристанью и кораблем, когда воздух внезапно сотрясся от гула выстрела.

A round shot struck the water within a fathom of the foremost boat, sending a shower of spray over its occupants. Пушечное ядро упало в воду за кормой передней лодки, обдав брызгами находившихся в ней гребцов.

They paused at their oars, astounded into silence for a moment. Then speech burst from them like an explosion. Angrily voluble they anathematized this dangerous carelessness on the part of their gunner, who should know better than to fire a salute from a cannon loaded with shot. На минуту они перестали грести, застыв от изумления, а затем заговорили все разом, проклиная опасную неосторожность их канонира, которому вздумалось салютовать им из пушки, заряженной ядром.

They were still cursing him when a second shot, better aimed than the first, came to crumple one of the boats into splinters, flinging its crew, dead and living, into the water. Они все еще проклинали его, когда второе ядро, более метко направленное, разнесло одну из лодок в щепки. Все, кто был в лодке - живые и мертвые, оказались в воде.

But if it silenced these, it gave tongue, still more angry, vehement, and bewildered to the crews of the other seven boats. Однако если холодная ванна заставила этих головорезов умолкнуть, то ругательства и проклятия с остальных семи

лодок только усилились.

From each the suspended oars stood out poised over the water, whilst on their feet in the excitement the Spaniards screamed oaths at the ship, begging Heaven and Hell to inform them what madman had been let loose among her guns. Подняв весла над водой и вскочив на ноги, испанцы посылали непристойные проклятия, умоляя небо и всех чертей сообщить им, какой пьяный идиот добрался до корабельных пушек.

Plump into their middle came a third shot, smashing a second boat with fearful execution. Но тут третье ядро превратило в обломки еще одну лодку, пустив на дно все ее содержимое.

Followed again a moment of awful silence, then among those Spanish pirates all was gibbering and jabbering and splashing of oars, as they attempted to pull in every direction at once. За минутой зловещего молчания последовал новый взрыв брани и невнятных криков, сопровождаемых всплесками весел.

Some were for going ashore, others for heading straight to the vessel and there discovering what might be amiss. Испанские пираты растерялись: одни из них спешили вернуться на берег, другие хотели направиться прямо к кораблю и выяснить, что за чертовщина там творится.

That something was very gravely amiss there could be no further doubt, particularly as whilst they discussed and fumed and cursed two more shots came over the water to account for yet a third of their boats. В том, что на корабле происходит что-то очень серьезное, никаких сомнений уже не оставалось. Это было тем более очевидно, что, пока они спорили, ругались и посылали проклятия в голубое небо, два новых ядра потопили третью лодку.

The resolute Ogle was making excellent practice, and fully justifying his claims to know something of gunnery. Решительный Огл получил прекрасную возможность попрактиковаться и полностью доказал правильность своих утверждений, что он кое-что понимает в пушкарском деле.

In their consternation the Spaniards had simplified his task by huddling their boats together. Замешательство же испанцев облегчило ему его задачу, так как все их лодки сгрудились вместе.

After the fourth shot, opinion was no longer divided amongst them. Новый выстрел положил предел разногласиям пиратов.

As with one accord they went about, or attempted to do so, for before they had accomplished it two more of their boats had been sunk. Словно сговорившись, они развернулись или, вернее, попытались развернуться, но, прежде чем им удалось это сделать, еще две лодки отправились на дно.

The three boats that remained, without concerning themselves with their more unfortunate fellows, who were struggling in the water, headed back for the wharf at speed. Три оставшиеся лодки, не утруждая себя оказанием помощи утопающим, поспешили обратно к пристани.

If the Spaniards understood nothing of all this, the forlorn islanders ashore understood still less, until to help their wits they saw the flag of Spain come down from the mainmast of the Cinco Llagas, and the flag of England soar to its empty place. Если испанцы не могли сообразить, что же именно происходит на корабле, то еще непонятнее все это было для несчастных островитян, пока они не увидели, как с грот-мачты "Синко Льягас" соскользнул флаг Испании и вместо него взвился английский флаг.

Even then some bewilderment persisted, and it was with fearful eyes that they observed the return of their enemies, who might vent upon them the ferocity aroused by these extraordinary events. Но и после этого они оставались в замешательстве и со страхом наблюдали за возвращением на берег своих врагов, несомненно готовых выместить на барбадосцах свою злобу, вызванную столь неприятными событиями.

Ogle, however, continued to give proof that his knowledge of gunnery was not of yesterday. After the fleeing Spaniards went his shots. Однако Огл продолжал доказывать, что его знакомство с пушками не устарело, и вдогонку спасавшимся испанцам прогремело несколько выстрелов.

The last of their boats flew into splinters as it touched the wharf, and its remains were buried under a shower of loosened masonry. Последняя лодка разлетелась в щепки, едва причалив к пристани.

That was the end of this pirate crew, which not ten minutes ago had been laughingly counting up the pieces of eight that would fall to the portion of each for his share in that act of villainy. Таков был конец пиратской команды, не более десяти минут назад со смехом подсчитывавшей количество песо, которое придется на долю каждого грабителя за участие в совершенных ими злодеяниях.

Close upon threescore survivors contrived to reach the shore. Человек шестьдесят все же ухитрились добраться до берега.

Whether they had cause for congratulation, I am unable to say in the absence of any records in which their fate may be traced. Однако были ли у них какие-либо основания поздравлять себя с избавлением от смерти, я не могу сказать, так как никаких записей, по которым можно было бы проследить их дальнейшую судьбу, не сохранилось.

That lack of records is in itself eloquent. Такое отсутствие документов уже достаточно красноречиво говорит за себя.

We know that they were made fast as they landed, and considering the offence they had given I am not disposed to doubt that they had every reason to regret the survival. Нам известно, что, как только испанцы вскарабкались на берег, их тут же связывали; а учитывая свежесть и глубину их преступлений, можно не сомневаться в том, что они имели серьезные основания сожалеть о своем спасении после гибели их лодок.

The mystery of the succour that had come at the eleventh hour to wreak vengeance upon the Spaniards, and to preserve for the island the extortionate ransom of a hundred thousand pieces of eight, remained yet to be probed. Кто же были эти таинственные помощники, которые в последнюю минуту отомстили испанцам, сохранив вымогательски полученный с островитян выкуп в сто тысяч песо? Загадка эта еще требовала разрешения.

That the Cinco Llagas was now in friendly hands could no longer be doubted after the proofs it had given. В том, что "Синко Льягас" находился в руках друзей, сейчас, после получения таких наглядных доказательств, никто уже не сомневался.

But who, the people of Bridgetown asked one another, were the men in possession of her, and whence had they come? "Но кто были эти люди? - спрашивали друг у друга жители Бриджтауна. - Откуда они появились?"

The only possible assumption ran the truth very closely. A resolute party of islanders must have got aboard during the night, and seized the ship. Единственное их предположение приближалось к истине: несомненно, какая-то кучка смелых островитян проникла нынешней ночью на корабль и овладела им.

It remained to ascertain the precise identity of these mysterious saviours, and do them fitting honour. Оставалось лишь выяснить личность этих таинственных спасителей и воздать им должные почести.

Upon this errand - Governor Steed's condition not permitting him to go in person - went Colonel Bishop as the Governor's deputy, attended by two officers. Именно с таким поручением и отправился на корабль полковник Бишоп как полномочный представитель губернатора (сам губернатор Сид не смог этого сделать по состоянию здоровья) в сопровождении двух офицеров.

As he stepped from the ladder into the vessel's waist, the Colonel beheld there, beside the main hatch, the four treasure-chests, the contents of one of which had been contributed almost entirely by himself. Поднявшись по веревочной лестнице на борт корабля, полковник узрел рядом с главным люком четыре денежных ящика.

It was a gladsome spectacle, and his eyes sparkled in beholding it. Это было чудесное зрелище, и глаза полковника радостно заблестели, тем более что содержимое одного из ящиков почти полностью было доставлено им лично.

Ranged on either side, athwart the deck, stood a score of men in two well-ordered files, with breasts and backs of steel, polished Spanish morions on their heads, overshadowing their faces, and muskets ordered at their sides. По обеим сторонам ящиков поперек палубы двумя стройными шеренгами стояли человек двадцать солдат с мушкетами, в кирасах и в испанских шлемах.

Colonel Bishop could not be expected to recognize at a glance in these upright, furbished, soldierly figures the ragged, unkempt scarecrows that but yesterday had been toiling in his plantations. Нельзя было требовать от полковника Бишоп, чтобы он с первого же взгляда признал в этих подтянутых, дисциплинированных солдатах тех грязных оборванцев, которые только еще вчера трудились на его плантациях.

Still less could he be expected to recognize at once the courtly gentleman who advanced to greet him - a lean, graceful gentleman, dressed in the Spanish fashion, all in black with silver lace, a gold-hilted sword dangling beside him from a gold embroidered baldric, a broad castor with a sweeping plume set above carefully curled ringlets of deepest black. Еще меньше можно было ожидать, чтобы он сразу же опознал человека, подошедшего к нему с приветствием. Это был сухощавый джентльмен с изысканными манерами, одетый по испанской моде во все черное с серебряными позументами. На расшитой золотом перевязи висела шпага с позолоченной рукояткой, а из-под широкополой шляпы с большим плюмажем[31] видны были тщательно завитые локоны черного парика.

"Be welcome aboard the Cinco Llagas, Colonel, darling," a voice vaguely familiar addressed the planter. - Приветствую вас на борту "Синко Льягас", дорогой полковник! - прозвучал чей-то смутно знакомый голос.

"We've made the best of the Spaniards' wardrobe in honour of this visit, though it was scarcely yourself we had dared hope to expect. - В честь вашего прибытия нам по возможности пришлось использовать гардероб испанцев, хотя, честно говоря, мы даже не осмеливались ожидать вас лично.

You find yourself among friends - old friends of yours, all." Вы находитесь среди друзей, среди ваших старых друзей!

The Colonel stared in stupefaction. Mr. Blood tricked out in all this splendour - indulging therein his natural taste - his face carefully shaven, his hair as carefully dressed, seemed transformed into a younger man. The fact is he looked no more than the thirty-three years he counted to his age. Полковник остолбенел от

изумления: перед ним стоял Питер Блад - чисто выбритый и, казалось, помолодевший, хотя фактически он выглядел так, как это соответствовало его тридцатитрехлетнему возрасту.

"Peter Blood!" It was an ejaculation of amazement. Satisfaction followed swiftly. - Питер Блад! - удивленно воскликнул Бишоп.

"Was it you, then...?" - Значит, это ты...

"Myself it was - myself and these, my good friends and yours." - Вы не ошиблись. А вот это мои и ваши друзья.

Mr. Blood tossed back the fine lace from his wrist, to wave a hand towards the file of men standing to attention there. - И Блад, небрежным жестом откинув манжету из тонких кружев, указал рукой на застывшую шеренгу.

The Colonel looked more closely. Полковник взгляделся внимательно.

"Gad's my life!" he crowed on a note of foolish jubilation. - Черт меня побери! - с идиотским ликованием закричал он.

"And it was with these fellows that you took the Spaniard and turned the tables on those dogs! - И с этими ребятами ты захватил испанский корабль и поменялся ролями с испанцами!

Oddsounds! Это изумительно!

It was heroic!" Это героизм!

"Heroic, is it? - Героизм?

Bedad, it's epic! Нет, скорее это эпический подвиг.

Ye begin to perceive the breadth and depth of my genius." Вы, кажется, начинаете признавать мои таланты, полковник?

Colonel Bishop sat himself down on the hatch-coaming, took off his broad hat, and mopped his brow. Бишоп сел на крышку люка, снял свою широкополую шляпу и вытер пот со лба.

"Y'amaze me!" he gasped. - Ты меня удивляешь! - все еще не оправившись от изумления, продолжал он.

"On my soul, y'amaze me! - Клянусь спасением души, это поразительно!

To have recovered the treasure and to have seized this fine ship and all she'll hold! Вернуть все деньги, захватить такой прекрасный корабль со всеми находящимися на нем богатствами!

It will be something to set against the other losses we have suffered. Это хотя бы частично возместит другие наши потери.

As Gad's my life, you deserve well for this." Черт меня побери, но ты заслуживаешь хорошей награды за это.

"I am entirely of your opinion." - Полностью разделяю ваше мнение, полковник.

"Damme! - Будь я проклят!

You all deserve well, and damme, you shall find me grateful." Вы все заслуживаете хорошей награды и моей признательности.

"That's as it should be," said Mr. Blood. - Разумеется, - заметил Блад.

"The question is how well we deserve, and how grateful shall we find you?" - Вопрос заключается в том, какую награду мы, по-вашему, заслужили и в чем будет заключаться ваша признательность.

Colonel Bishop considered him. There was a shadow of surprise in his face. Полковник Бишоп удивленно взглянул на него:

"Why - his excellency shall write home an account of your exploit, and maybe some portion of your sentences shall be remitted." - Но это же ясно. Его превосходительство губернатор Стид сообщит в Англию о вашем подвиге, и, возможно, вам снизят сроки заключения.

"The generosity of King James is well known," sneered Nathaniel Hagthorpe, who was standing by, and amongst the ranged rebels-convict some one ventured to laugh. - О, великодушие короля нам хорошо известно! - насмешливо заметил Натаниэль Хагторп, стоявший рядом, а в шеренге ссыльных повстанцев раздался смех.

Colonel Bishop started up. He was pervaded by the first pang of uneasiness. Полковник Бишоп слегка поежился, впервые ощутив некоторое беспокойство.

It occurred to him that all here might not be as friendly as appeared. Ему пришло в голову, что дело может повернуться совсем не так гладко.

"And there's another matter," Mr. Blood resumed. - Кроме того, есть еще один вопрос, - продолжал Блад.

"There's a matter of a flogging that's due to me. - Это вопрос о вашем обещании меня выпороть.

Ye're a man of your word in such matters, Colonel - if not perhaps in others - and ye said, I think, that ye'd not leave a square inch of skin on my back." В этих делах, полковник, вы держите свое слово, чего нельзя сказать о других. Насколько я помню, вы заявили, что не оставите и дюйма целой кожи на моей спине.

The planter waved the matter aside. Almost it seemed to offend him. Плантатор слабо махнул рукой с таким видом, будто слова Блада обидели его:

"Tush! Tush! After this splendid deed of yours, do you suppose I can be thinking of such things?" - Ну как можно вспоминать о таких пустяках после того, что вы совершили, дорогой доктор!

"I'm glad ye feel like that about it. - Рад, что вы настроены так миролюбиво.

But I'm thinking it's mighty lucky for me the Spaniards didn't come to-day instead of yesterday, or it's in the same plight as Jeremy Pitt I'd be this minute. And in that case where was the genius that would have turned the tables on these rascally Spaniards?" Но я думаю, мне очень повезло. Ведь если бы испанцы появились не вчера, а сегодня, то сейчас я находился бы в таком же состоянии, как бедный Джереми Питт...

"Why speak of it now?" - Ну, к чему об этом сейчас говорить?

Mr. Blood resumed: "ye'll please to understand that I must, Colonel, darling. - Приходится, дорогой полковник.

Ye've worked a deal of wickedness and cruelty in your time, and I want this to be a lesson to you, a lesson that ye'll remember - for the sake of others who may come after us. Вы причинили людям столько зла и столько жестокостей, что ради тех, кто может здесь оказаться после нас, я хочу, чтобы вы получили хороший урок, который остался бы у вас в памяти.

There's Jeremy up there in the round-house with a back that's every colour of the rainbow; and the poor lad'll not be himself again for a month. В кормовой рубке лежит сейчас Джереми, чью спину вы разукрасили во все цвета радуги. Бедняга проболел не меньше месяца.

And if it hadn't been for the Spaniards maybe it's dead he'd be by now, and maybe myself with him." И если бы не испанцы, то сейчас он, может быть, был бы уже на том свете, и там же мог бы оказаться и я...

Hagthorpe lounged forward. He was a fairly tall, vigorous man with a clear-cut, attractive face which in itself announced his breeding. Но тут выступил вперед Хагторп, высокий, энергичный человек с резкими чертами привлекательного лица.

"Why will you be wasting words on the hog?" wondered that sometime officer in the Royal Navy. - Зачем вы тратите время на эту жирную свинью?- удивленно спросил бывший офицер королевского военно-морского флота.

"Fling him overboard and have done with him." - Выбросите его за борт, и дело с концом.

The Colonel's eyes bulged in his head. Глаза полковника вылезли из орбит.

"What the devil do you mean?" he blustered. - Что за чушь вы мелете?! - заревел он.

"It's the lucky man ye are entirely, Colonel, though ye don't guess the source of your good fortune." - Должен вам сказать, полковник, - перебил его Питер Блад, - что вы очень счастливый человек, хотя даже и не догадываетесь, чему вы обязаны своим счастьем.

And now another intervened - the brawny, one-eyed Wolverstone, less mercifully disposed than his more gentlemanly fellow-convict. Вмешался еще один человек - загорелый, одноглазый Волверстон, настроенный более воинственно, нежели его товарищ.

"String him up from the yardarm," he cried, his deep voice harsh and angry, and more than one of the slaves standing to their arms made echo. - Повесить его на нок-рее! [32] - сердито крикнул он, и несколько бывших невольников, стоявших в шеренге, охотно поддержали его предложение.

Colonel Bishop trembled. Полковник Бишоп задрожал.

Mr. Blood turned. Блад повернулся.

He was quite calm. Лицо его было совершенно невозмутимо.

"If you please, Wolverstone," said he, "I conduct affairs in my own way. - Позволь, Волверстон, но командуешь судном все-таки не ты, а я, и я поступлю так, как найду нужным.

That is the pact. You'll please to remember it." His eyes looked along the ranks, making it plain that he addressed them all. Так мы договаривались, и прошу об этом не забывать, - сказал он громко, как бы обращаясь ко всей команде.

"I desire that Colonel Bishop should have his life. - Я хочу, чтобы полковнику Бишопу была сохранена жизнь.

One reason is that I require him as a hostage. Он нужен нам как заложник.

If ye insist on hanging him, ye'll have to hang me with him, or in the alternative I'll go ashore." Если же вы будете настаивать на том, чтобы его повесить, то вам придется повесить вместе с ним и меня.

He paused. There was no answer. Никто ему не ответил.

But they stood hang-dog and half-mutinous before him, save Hagthorpe, who shrugged and smiled wearily. Хагторп пожал плечами и криво улыбнулся.

Mr. Blood resumed: Блад продолжал:

"Ye'll please to understand that aboard a ship there is one captain. - Помните, друзья, что на борту корабля может быть только один капитан.

So." He swung again to the startled Colonel. "Though I promise you your life, I must - as you've heard - keep you aboard as a hostage for the good behaviour of Governor Steed and what's left of the fort until we put to sea." - И, обернувшись к полковнику, он сказал: - Хотя вам обещано сохранить жизнь, но я должен впредь до нашего выхода в открытое море задержать вас на борту как заложника, который обеспечит порядочное поведение со стороны губернатора Стида и тех, кто остался в форте.

"Until you..." Horror prevented Colonel Bishop from echoing the remainder of that incredible speech. - Впредь до вашего выхо... - Ужас, охвативший полковника, помешал ему закончить свою речь.

"Just so," said Peter Blood, and he turned to the officers who had accompanied the Colonel. "The boat is waiting, gentlemen. You'll have heard what I said. - Совершенно верно, - сказал Блад и повернулся к офицерам, сопровождавшим Бишопа: - Господа, вы слышали, что я сказал.

Convey it with my compliments to his excellency." Прошу передать это его превосходительству вместе с моими наилучшими пожеланиями.

"But, sir..." one of them began. - Но сэръ... - начал было один из них.

"There is no more to be said, gentlemen. - Больше говорить не о чем, господа.

My name is Blood - Captain Blood, if you please, of this ship the Cinco Llagas, taken as a prize of war from Don Diego de Espinosa y Valdez, who is my prisoner aboard. You are to understand that I have turned the tables on more than the Spaniards. Моя фамилия Блад, я - капитан "Синко Льягас", захваченного мною у дона Диего де Эспиноса-и-Вальдес, который находится здесь же на борту в роли пленника.

There's the ladder. Вот трап, господа офицеры.

You'll find it more convenient than being heaved over the side, which is what'll happen if you linger." Я полагаю, что вам удобнее воспользоваться им, нежели быть вышвырнутыми за борт, как это и произойдет, если вы задержитесь.

They went, though not without some hustling, regardless of the bellowings of Colonel Bishop, whose monstrous rage was fanned by terror at finding himself at the mercy of these men of whose cause to hate him he was very fully conscious. Невзирая

на истошные вопли полковника Бишоп, офицеры сочли за лучшее ретироваться - правда, после того, как их слегка подтолкнули мушкетами. Однако бешенство полковника усилилось, после того как он остался один на милость своих бывших рабов, которые имели все основания смертельно его ненавидеть.

A half-dozen of them, apart from Jeremy Pitt, who was utterly incapacitated for the present, possessed a superficial knowledge of seamanship. Только человек шесть повстанцев обладали кое-какими скудными познаниями в морском деле. К ним, разумеется, относился и Джереми Питт. Однако сейчас он был ни к чему не пригоден.

Hagthorpe, although he had been a fighting officer, untrained in navigation, knew how to handle a ship, and under his directions they set about getting under way. Хагторп немало времени провел в прошлом на кораблях, но искусства навигации никогда не изучал. Все же он имел некоторое представление, как управлять судном, и под его командой вчерашние невольники начали готовиться к отплытию.

The anchor catted, and the mainsail unfurled, they stood out for the open before a gentle breeze, without interference from the fort. Убрав якорь и подняв парус на грот-мачте, они при легком бризе направились к выходу в открытое море. Форт молчал. Поведение губернатора не вызывало нареканий.

As they were running close to the headland east of the bay, Peter Blood returned to the Colonel, who, under guard and panic-stricken, had dejectedly resumed his seat on the coamings of the main batch. Корабль проходил уже неподалеку от мыса в восточной части бухты, когда Питер Блад подошел к полковнику, уныло сидевшему на крышке главного люка.

"Can ye swim, Colonel?" - Скажите, полковник, вы умеете плавать?

Colonel Bishop looked up. Бишоп испуганно взглянул на Блада.

His great face was yellow and seemed in that moment of a preternatural flabbiness; his beady eyes were beadier than ever. Его большое лицо пожелтело, а маленькие глазки стали еще меньше, чем обычно.

"As your doctor, now, I prescribe a swim to cool the excessive heat of your humours." Blood delivered the explanation pleasantly, and, receiving still no answer from the Colonel, continued: "It's a mercy for you I'm not by nature as bloodthirsty as some of my friends here. - Как врач, я прописываю вам купание, чтобы вы остыли, - с любезной улыбкой произнес Блад и, не получив ответа, продолжал: - Вам повезло, что я по натуре не такой кровожадный человек, как вы или некоторые из моих друзей.

And it's the devil's own labour I've had to prevail upon them not to be vindictive. Мне дьявольски трудно было уговорить их забыть о мести, впрочем, совершенно законной.

I doubt if ye're worth the pains I've taken for you." И я склонен сомневаться, что ваша шкура стоит тех усилий, которые я на вас затратил.

He was lying. He had no doubt at all. Никаких сомнений у Блада не было.

Had he followed his own wishes and instincts, he would certainly have strung the Colonel up, and accounted it a meritorious deed. Ему приходилось сейчас лгать, ибо если бы он поступил так, как ему подсказывали ум и инстинкт, то полковник давно уж болтался бы на рее, и Блад считал бы это справедливым возмездием.

It was the thought of Arabella Bishop that had urged him to mercy, and had led him to oppose the natural vindictiveness of his fellow-slaves until he had been in

danger of precipitating a mutiny. Но мысль об Арабелле Бишоп заставила его сжалиться над палачом, вынудила его выступить не только против своей совести, но и против естественной жажды мести его друзей-невольников.

It was entirely to the fact that the Colonel was her uncle, although he did not even begin to suspect such a cause, that he owed such mercy as was now being shown him. Только потому, что полковник был дядей Арабеллы, хотя сам Бишоп и не подозревал этого, к нему была проявлена такая снисходительность.

"You shall have a chance to swim for it," Peter Blood continued. - Вам придется немножко поплавать, - продолжал Блад.

"It's not above a quarter of a mile to the headland yonder, and with ordinary luck ye should manage it. - До мыса не больше четверти мили, и, если в пути ничего не произойдет, вы легко туда доберетесь.

Faith, you're fat enough to float. К тому же у вас такая солидная комплекция, что вам нетрудно будет держаться на воде.

Come on! Живей!

Now, don't be hesitating or it's a long voyage ye'll be going with us, and the devil knows what may happen to you. Не медлите! Иначе вы уйдете с нами в дальнее плавание, и только дьяволу известно, что с вами может случиться завтра или послезавтра.

You're not loved any more than you deserve." Вас любят здесь не больше, чем вы этого заслуживаете.

Colonel Bishop mastered himself, and rose. Полковник Бишоп овладел собой и встал.

A merciless despot, who had never known the need for restraint in all these years, he was doomed by ironic fate to practise restraint in the very moment when his feelings had reached their most violent intensity. Беспощадный тиран, который никогда и ни в чем себя не сдерживал, сейчас вел себя, как смиренная овечка.

Peter Blood gave an order. A plank was run out over the gunwale, and lashed down. Питер Блад отдал распоряжение, и поперек планшира[33] привязали длинную доску.

"If you please, Colonel," said he, with a graceful flourish of invitation. - Прошу вас, полковник, - сказал Блад, изящным жестом руки указывая на доску.

The Colonel looked at him, and there was hell in his glance. Then, taking his resolve, and putting the best face upon it, since no other could help him here, he kicked off his shoes, peeled off his fine coat of biscuit-coloured taffetas, and climbed upon the plank. Полковник со злобой взглянул на него, но тут же согнал с лица это выражение. Он быстро снял башмаки, сбросил на палубу свой красивый камзол из светло-коричневой тафты и влез на доску.

A moment he paused, steadied by a hand that clutched the ratlines, looking down in terror at the green water rushing past some five-and-twenty feet below. Цепляясь руками за ванты[34], он с ужасом посматривал вниз, где в двадцати пяти футах от него плескались зеленые волны.

"Just take a little walk, Colonel, darling," said a smooth, mocking voice behind him. - Ну, еще один шаг, дорогой полковник, - произнес позади него спокойный, насмешливый голос.

Still clinging, Colonel Bishop looked round in hesitation, and saw the bulwarks

lined with swarthy faces - the faces of men that as lately as yesterday would have turned pale under his frown, faces that were now all wickedly agrin. Продолжая цепляться за веревки, Бишоп оглянулся и увидел фальшборт[35], над которым торчали загорелые лица. Еще вчера они побледнели бы от страха, если бы он только слегка нахмурился, а сегодня злорадно скалили зубы.

For a moment rage stamped out his fear. На мгновение бешенство вытеснило его страх и осторожность.

He cursed them aloud venomously and incoherently, then loosed his hold and stepped out upon the plank. Он громко, но бессвязно выругался, выпустил веревки и пошел по доске.

Three steps he took before he lost his balance and went tumbling into the green depths below. Сделав три шага, Бишоп потерял равновесие и, перевернувшись в воздухе, упал в зеленую бездну.

When he came to the surface again, gasping for air, the Cinco Llagas was already some furlongs to leeward. Когда он, жадно глотая воздух, вынырнул, "Синко Льягас" был уже в нескольких сотнях ярдов от него с подветренной стороны.

But the roaring cheer of mocking valediction from the rebels-convict reached him across the water, to drive the iron of impotent rage deeper into his soul. Но до Бишопа еще доносились издевательские крики, которыми его напутствовали ссыльные повстанцы, и бессильная злоба вновь овладела плантатором.

Chapter X Глава X

DON DIEGO ДОН ДИЕГО

Don Diego de Espinosa y Valdez awoke, and with languid eyes in aching head, he looked round the cabin, which was flooded with sunlight from the square windows astern. Дон Диего де Эспиноса-и-Вальдес очнулся от сильной боли в затылке и мутным взглядом окинул каюту, залитую солнечным светом, струившимся в квадратные окна, выходящие на корму.

Then he uttered a moan, and closed his eyes again, impelled to this by the monstrous ache in his head. Lying thus, he attempted to think, to locate himself in time and space. Он застонал от боли, закрыл глаза и, лежа так, попытался определиться во времени и в пространстве.

But between the pain in his head and the confusion in his mind, he found coherent thought impossible. Но дикая боль в затылке и сумбур в голове мешали ему мыслить связно.

An indefinite sense of alarm drove him to open his eyes again, and once more to consider his surroundings. Ощущение смутной тревоги заставило его вновь открыть глаза и осмотреться еще раз.

There could be no doubt that he lay in the great cabin of his own ship, the Cinco Llagas, so that his vague disquiet must be, surely, ill-founded. Бесспорно, он лежал в большой каюте у себя на корабле "Синко Льягас", а если это так, то он не должен был ощущать чувство тревоги.

And yet, stirrings of memory coming now to the assistance of reflection, compelled him uneasily to insist that here something was not as it should be. И все же обрывки смутных воспоминаний упорно подсказывали ему, что не все было так, как нужно.

The low position of the sun, flooding the cabin with golden light from those square ports astern, suggested to him at first that it was early morning, on the assumption that the vessel was headed westward. Судя по положению солнца, сквозь квадратные окна заливавшего каюту золотистым светом, сейчас должно было быть раннее утро, если, конечно, корабль шел на запад.

Then the alternative occurred to him. Затем ему пришла в голову другая мысль.

They might be sailing eastward, in which case the time of day would be late afternoon. Возможно, они шли на восток - тогда сейчас была уже вторая половина дня.

That they were sailing he could feel from the gentle forward heave of the vessel under him. То, что корабль двигался, ему было ясно по слабой килевой качке судна.

But how did they come to be sailing, and he, the master, not to know whether their course lay east or west, not to be able to recollect whither they were bound? Но как случилось, что он, капитан, не имел понятия, шли они на восток или на запад, что он не знал, куда же направлялся корабль?

His mind went back over the adventure of yesterday, if of yesterday it was. Мысли его вернулись к вчерашним событиям, если они действительно случились вчера.

He was clear on the matter of the easily successful raid upon the Island of Barbados; every detail stood vividly in his memory up to the moment at which, returning aboard, he had stepped on to his own deck again. Он отчетливо представил свое успешное нападение на Барбадос. Все детали этой удачной экспедиции были свежи в его памяти вплоть до самого возвращения на борт корабля.

There memory abruptly and inexplicably ceased. Здесь все его воспоминания внезапно и необъяснимо обрывались.

He was beginning to torture his mind with conjecture, when the door opened, and to Don Diego's increasing mystification he beheld his best suit of clothes step into the cabin. Его уже начали терзать различные догадки, когда открылась дверь и он с удивлением увидел, как в каюту вошел его лучший камзол.

It was a singularly elegant and characteristically Spanish suit of black taffetas with silver lace that had been made for him a year ago in Cadiz, and he knew each detail of it so well that it was impossible he could now be mistaken. Это был на редкость элегантный, отделанный серебряными позументами испанский костюм из черной тафты, сшитый около года назад в Кадиксе. Командир "Синко Льягас" настолько хорошо знал все его детали, что никак не мог ошибиться.

The suit paused to close the door, then advanced towards the couch on which Don Diego was extended, and inside the suit came a tall, slender gentleman of about Don Diego's own height and shape. Камзол остановился, чтобы закрыть за собой дверь, и направился к дивану, на котором лежал дон Диего. В камзоле оказался высокий, стройный джентльмен, примерно такого же роста, как и дон Диего, и почти с такой же фигурой.

Seeing the wide, startled eyes of the Spaniard upon him, the gentleman lengthened his stride. Заметив, что испанец с удивлением рассматривает его, джентльмен ускорил шаги и спросил по-испански:

"Awake, eh?" said he in Spanish. - Как вы себя чувствуете?

The recumbent man looked up bewildered into a pair of light-blue eyes that regarded him out of a tawny, sardonic face set in a cluster of black ringlets. Ошеломленный дон Диего встретил взгляд синих глаз. Смуглое насмешливое лицо джентльмена

обрамляли черные локоны.

But he was too bewildered to make any answer. Склонив голову, он ожидал ответа; но испанец был слишком взволнован, чтобы ответить на такой простой вопрос.

The stranger's fingers touched the top of Don Diego's head, whereupon Don Diego winced and cried out in pain. Незнакомец прикоснулся рукой к затылку дона Диего. Испанец поморщился и застонал.

"Tender, eh?" said the stranger. He took Don Diego's wrist between thumb and second finger. - Больно? - спросил незнакомец, взяв дона Диего за руку повыше кисти большим и указательным пальцами.

And then, at last, the intrigued Spaniard spoke. Озадаченный испанец спросил:

"Are you a doctor?" - Вы доктор?

"Among other things." The swarthy gentleman continued his study of the patient's pulse. - Да, помимо всего прочего, - ответил смуглый незнакомец, продолжая щупать пульс своего пациента.

"Firm and regular," he announced at last, and dropped the wrist. - Пульс частый, ровный, - наконец объявил он, опуская руку.

"You've taken no great harm." - Большого вреда вам не причинили.

Don Diego struggled up into a sitting position on the red velvet couch. Дон Диего с трудом поднялся и сел на диван, обитый красным плюшем.

"Who the devil are you?" he asked. - Кто вы такой, черт побери? - спросил он.

"And what the devil are you doing in my clothes and aboard my ship?" - И какого дьявола вы залезли в мой костюм и на мой корабль?

The level black eyebrows went up, a faint smile curled the lips of the long mouth. Прямые черные брови незнакомца приподнялись, а губы тронула легкая усмешка:

"You are still delirious, I fear. - Боюсь, что вы все еще бредите.

This is not your ship. This is my ship, and these are my clothes." Это не ваш корабль, а мой. И костюм этот также принадлежит мне.

"Your ship?" quoth the other, aghast, and still more aghast he added: "Your clothes? - Ваш корабль? - ошеломленно переспросил испанец и еще более ошеломленно добавил: - Ваш костюм?

But... then..." Wildly his eyes looked about him. They scanned the cabin once again, scrutinizing each familiar object. Но... тогда... - Ничего не понимая, он огляделся вокруг, затем еще раз внимательно осмотрел каюту, останавливаясь на каждом знакомом предмете.

"Am I mad?" he asked at last. - Может быть, я сошел с ума? - наконец спросил он.

"Surely this ship is the Cinco Llagas?" - Но ведь этот корабль, вне всякого сомнения, "Синко Льягас"?

"The Cinco Llagas it is." - Да, это "Синко Льягас".

"Then..." - Тогда...

The Spaniard broke off. His glance grew still more troubled. Испанец умолк, а взгляд его стал еще более беспокойным.

"Valga me Dios!" he cried out, like a man in anguish. - Господи помилуй! - закричал он, как человек, испытывающий сильную душевную муку.

"Will you tell me also that you are Don Diego de Espinosa?" - Может быть, вы скажете мне, что и дон Диего де Эспиноса - это тоже вы?

"Oh, no, my name is Blood - Captain Peter Blood. - О нет. Мое имя Блад, капитан Питер Блад.

This ship, like this handsome suit of clothes, is mine by right of conquest. Ваш корабль, так же как и этот изящный костюм принадлежат мне как военные трофеи.

Just as you, Don Diego, are my prisoner." Вы же, дон Диего, мой пленник.

Startling as was the explanation, yet it proved soothing to Don Diego, being so much less startling than the things he was beginning to imagine. Как ни неожиданно показалось дону Диего это объяснение, все же оно слегка успокоило испанца, так как было более естественно, нежели то, что он уже начал воображать.

"But... Are you not Spanish, then?" - Но... Значит, тогда вы не испанец?

"You flatter my Castilian accent. - Вы льстите моему испанскому произношению.

I have the honour to be Irish. Я имею честь быть ирландцем.

You were thinking that a miracle had happened. Вы, очевидно, думаете, что произошло какое-то чудо.

So it has - a miracle wrought by my genius, which is considerable." Да, так оно и есть, но это чудо создал я, у которого, как можете судить по результатам, неплохо варит голова.

Succinctly now Captain Blood dispelled the mystery by a relation of the facts. И капитан Блад вкратце изложил ему все события последних суток.

It was a narrative that painted red and white by turns the Spaniard's countenance. Слушая его рассказ, испанец попеременно то бледнел, то краснел.

He put a hand to the back of his head, and there discovered, in confirmation of the story, a lump as large as a pigeon's egg. Дотронувшись до затылка, дон Диего нащупал там шишку величиной с голубиное яйцо, полностью подтверждавшую слова Блада.

Lastly, he stared wild-eyed at the sardonic Captain Blood. Широко раскрыв глаза, испанец уставился на улыбающегося капитана и закричал:

"And my son? - А мой сын?

What of my son?" he cried out. Где мой сын?

"He was in the boat that brought me aboard." Он был со мной, когда я прибыл на корабль.

"Your son is safe; he and the boat's crew together with your gunner and his men are snugly in irons under hatches." - Ваш сын в безопасности. Как он, так и гребцы вместе с вашим канониром и его помощниками крепко закованы в кандалы и сидят в

уютном трюме.

Don Diego sank back on the couch, his glittering dark eyes fixed upon the tawny face above him. Дон Диего устало вздохнул, но его блестящие черные глаза продолжали внимательно изучать смуглое лицо человека, который стоял перед ним.

He composed himself. After all, he possessed the stoicism proper to his desperate trade. Обладая твердым характером, присущим человеку отчаянной профессии, он взял себя в руки.

The dice had fallen against him in this venture. Ну что ж, на сей раз кости упали не в его пользу.

The tables had been turned upon him in the very moment of success. Его заставили отказаться от роли в тот самый момент, когда успех был уже у него в руках.

He accepted the situation with the fortitude of a fatalist. With the utmost calm he enquired: Со спокойствием фаталиста он смирился с новой обстановкой и хладнокровно спросил:

"And now, Senior Capitan?" - Ну, а что же дальше, господин капитан?

"And now," said Captain Blood - to give him the title he had assumed - "being a humane man, I am sorry to find that ye're not dead from the tap we gave you. - А дальше, - ответил капитан Блад, если согласиться со званием, которое он сам себе присвоил, - как человек гуманный я должен выразить сожаление, что вы не умерли от нанесенного вам удара.

For it means that you'll be put to the trouble of dying all over again." Ведь это означает, что вам придется испытать все неприятности, связанные с необходимостью умирать снова.

"Ah!" - Да?

Don Diego drew a deep breath. "But is that necessary?" he asked, without apparent perturbation. - Дон Диего еще раз глубоко вздохнул и внешне невозмутимо спросил: - А есть ли в этом необходимость?

Captain Blood's blue eyes approved his bearing. В синих глазах капитана Блада промелькнуло одобрение: ему нравилось самообладание испанца.

"Ask yourself," said he. - Задайте этот вопрос себе, - сказал он.

"Tell me, as an experienced and bloody pirate, what in my place would you do, yourself?" - Как опытный и кровожадный пират скажите мне: что бы вы сделали на моем месте?

"Ah, but there is a difference." - О, но ведь между нами есть разница.

Don Diego sat up to argue the matter. - Дон Диего уселся прочнее, опершись локтем на подушку, чтобы продолжить обсуждение этого серьезного вопроса.

"It lies in the fact that you boast yourself a humane man." - Разница заключается в том, что я не называю себя гуманным человеком.

Captain Blood perched himself on the edge of the long oak table. Капитан Блад пристроился на краю большого дубового стола.

"But I am not a fool," said he, "and I'll not allow a natural Irish sentimentality

to stand in the way of my doing what is necessary and proper. - Но ведь я тоже не дурак, - сказал он, - и моя ирландская сентиментальность не мешает мне сделать то, что необходимо.

You and your ten surviving scoundrels are a menace on this ship. Оставляя на корабле вас и десяток оставшихся в живых мерзавцев - опасно.

More than that, she is none so well found in water and provisions. Как вам известно, в трюме моего корабля не так уж много воды и продуктов.

True, we are fortunately a small number, but you and your party inconveniently increase it. Правда, у нас малочисленная команда, но вы и ваши соотечественники, к большому нашему неудобству, увеличиваете количество едоков.

So that on every hand, you see, prudence suggests to us that we should deny ourselves the pleasure of your company, and, steeling our soft hearts to the inevitable, invite you to be so obliging as to step over the side." Сами видите, что из благоразумия мы должны отказать себе в удовольствии побыть в вашем обществе и, подготовив ваши нежные сердца к неизбежному, любезно пригласить вас перешагнуть через борт.

"I see," said the Spaniard pensively. - Да, да, я понимаю, - задумчиво заметил испанец.

He swung his legs from the couch, and sat now upon the edge of it, his elbows on his knees. He had taken the measure of his man, and met him with a mock-urbanity and a suave detachment that matched his own. Он понял этого человека и попытался разговаривать с ним в том же тоне напускной изысканности и внешнего спокойствия.

"I confess," he admitted, "that there is much force in what you say." - Должен вам признаться, что ваши слова довольно убедительны.

"You take a load from my mind," said Captain Blood. - Вы снимаете с меня большую тяжесть, - сказал капитан Блад.

"I would not appear unnecessarily harsh, especially since I and my friends owe you so very much. - Мне не хотелось бы быть грубым без особой к тому необходимости, тем более что мои друзья и я многим вам обязаны.

For, whatever it may have been to others, to us your raid upon Barbados was most opportune. Независимо от того, что произошло с другими, но для нас ваше нападение на Барбадос окончилось весьма благополучно.

I am glad, therefore, that you agree the I have no choice." Мне приятно убедиться в вашем согласии с тем, что у нас нет иного выбора.

"But, my friend, I did not agree so much." - Но позвольте, мой друг, почему нет выбора? В этом я с вами не могу согласиться.

"If there is any alternative that you can suggest, I shall be most happy to consider it." - Если у вас есть иное предложение, я буду счастлив рассмотреть его.

Don Diego stroked his pointed black beard. Дон Диего провел рукой по своей черной бородке, подстриженной клинышком.

"Can you give me until morning for reflection? - Можете ли вы дать мне время подумать до утра?

My head aches so damnably that I am incapable of thought. Сейчас у меня так болит

голова, что я не способен что-либо соображать.

And this, you will admit, is a matter that asks serious thought." Согласитесь сами: такой вопрос все-таки следует обдумать.

Captain Blood stood up. From a shelf he took a half-hour glass, reversed it so that the bulb containing the red sand was uppermost, and stood it on the table. Капитан Блад поднялся, снял с полки песочные часы, рассчитанные на тридцать минут, повернул их так, чтобы колбочка с рыжим песком оказалась наверху, и поставил на стол.

"I am sorry to press you in such a matter, Don Diego, but one glass is all that I can give you. - Сожалею, дорогой дон Диего, что мне приходится торопить вас. Вот время, на которое вы можете рассчитывать. - И он указал на песочные часы.

If by the time those sands have run out you can propose no acceptable alternative, I shall most reluctantly be driven to ask you to go over the side with your friends." - Когда этот песок окажется внизу, а мы не придем к приемлемому для меня решению, я буду вынужден просить вас и ваших друзей прогуляться за борт.

Captain Blood bowed, went out, and locked the door. Вежливо поклонившись, капитан Блад вышел и закрыл за собой дверь на ключ.

Elbows on his knees and face in his hands, Don Diego sat watching the rusty sands as they filtered from the upper to the lower bulb. Опершись локтями о колени и положив на ладони подбородок, дон Диего наблюдал, как ржавый песок сыплется из верхней колбочки в нижнюю.

And what time he watched, the lines in his lean brown face grew deeper. По мере того как шло время, его сухое загорелое лицо все более мрачнело.

Punctually as the last grains ran out, the door reopened. И едва лишь последние песчинки упали на дно нижней колбочки, дверь распахнулась.

The Spaniard sighed, and sat upright to face the returning Captain Blood with the answer for which he came. Испанец вздохнул и, увидев возвращающегося капитана Блада, сразу же сообщил ему ответ, за которым тот пришел:

"I have thought of an alternative, sir captain; but it depends upon your charity. - У меня есть план, сэр, но осуществление его зависит от вашей доброты.

It is that you put us ashore on one of the islands of this pestilent archipelago, and leave us to shift for ourselves." Не можете ли вы высадить нас на один из островов этого неприятного архипелага, предоставив нас своей судьбе?

Captain Blood pursed his lips. Капитан Блад провел языком по сухим губам.

"It has its difficulties," said he slowly. - Это несколько затруднительно, - медленно произнес он.

"I feared it would be so." - Я опасался, что вы так и ответите.

Don Diego sighed again, and stood up. - Дон Диего снова вздохнул и встал.

"Let us say no more." - Давайте не будем больше говорить об этом.

The light-blue eyes played over him like points of steel. Синие глаза пристально глядели на испанца:

"You are not afraid to die, Don Diego?" - Вы не боитесь умереть, дон Диего?

The Spaniard threw back his head, a frown between his eyes. Испанец откинул назад голову и нахмурился:

"The question is offensive, sir." - Ваш вопрос оскорбителен, сэр!

"Then let me put it in another way - perhaps more happily: You do not desire to live?" - Тогда разрешите мне задать его по-иному и, пожалуй, в более приемлемой форме: хотите ли вы остаться в живых?

"Ah, that I can answer. - О, на это я могу ответить.

I do desire to live; and even more do I desire that my son may live. Я хочу жить, а еще больше мне хочется, чтобы жил мой сын.

But the desire shall not make a coward of me for your amusement, master mocker." Но как бы ни было сильно мое желание, я не стану игрушкой в ваших руках, господин насмешник.

It was the first sign he had shown of the least heat or resentment. Это был первый признак испытываемого им гнева или возмущения.

Captain Blood did not directly answer. Капитан Блад ответил не сразу.

As before he perched himself on the corner of the table. Как и прежде, он присел на край стола.

"Would you be willing, sir, to earn life and liberty -for yourself, your son, and the other Spaniards who are on board?" - А не хотели бы вы, сэр, заслужить жизнь и свободу себе, вашему сыну и остальным членам вашего экипажа, находящимся сейчас здесь, на борту?

"To earn it?" said Don Diego, and the watchful blue eyes did not miss the quiver that ran through him. - Заслужить? - переспросил дон Диего, и от внимания Блада не ускользнуло, что испанец вздрогнул.

"To earn it, do you say? - Вы говорите - заслужить?

Why, if the service you would propose is one that cannot hurt my honour..." Почему же нет, если служба, которую вы предложите, не будет связана с бесчестием как для меня лично, так и для моей страны.

"Could I be guilty of that?" protested the Captain. - Как вы можете подозревать меня в этом! -негодую, сказал капитан.

"I realize that even a pirate has his honour." - Я понимаю, что честь имеется даже у пиратов.

And forthwith he propounded his offer. "If you will look from those windows, Don Diego, you will see what appears to be a cloud on the horizon. - И он тут же изложил ему свое предложение: -Посмотрите в окно, дон Диего, и вы увидите на горизонте нечто вроде облака.

That is the island of Barbados well astern. All day we have been sailing east before the wind with but one intent - to set as great a distance between Barbados and ourselves as possible. Не удивляйтесь, но это остров Барбадос, хотя мы -что для вас вполне понятно - стремились как можно дальше отойти от этого проклятого острова.

But now, almost out of sight of land, we are in a difficulty. У нас сейчас большая трудность.

The only man among us schooled in the art of navigation is fevered, delirious, in fact, as a result of certain ill-treatment he received ashore before we carried him away with us. Единственный человек, знающий кораблевождение, лежит в лихорадочном бреду, а в открытом океане, вне видимости земли, мы не можем вести корабль туда, куда нам нужно.

I can handle a ship in action, and there are one or two men aboard who can assist me; but of the higher mysteries of seamanship and of the art of finding a way over the trackless wastes of ocean, we know nothing. Я умею управлять кораблем в бою, и, кроме того, на борту есть еще два-три человека, которые помогут мне.

To hug the land, and go blundering about what you so aptly call this pestilent archipelago, is for us to court disaster, as you can perhaps conceive. Но держаться все время берегов и бродить около этого, как вы удачно выразились, неприятного архипелага - это значит накликасть на себя новую беду.

And so it comes to this: We desire to make for the Dutch settlement of Curacao as straightly as possible. Мое предложение очень несложно: мы хотим кратчайшим путем добраться до голландской колонии Кюрасао.

Will you pledge me your honour, if I release you upon parole, that you will navigate us thither? Можете ли вы дать мне честное слово, что если я вас освобожу, то вы приведете нас туда?

If so, we will release you and your surviving men upon arrival there." Достаточно вашего согласия, и по прибытии в Кюрасао я отпущу на свободу вас и всех ваших людей.

Don Diego bowed his head upon his breast, and strode away in thought to the stern windows. Дон Диего опустил голову на грудь и в раздумье подошел к окнам, выходящим на корму.

There he stood looking out upon the sunlit sea and the dead water in the great ship's wake - his ship, which these English dogs had wrested from him; his ship, which he was asked to bring safely into a port where she would be completely lost to him and refitted perhaps to make war upon his kin. Он стоял, всматриваясь в залитое солнцем море и в пенящуюся кильватерную струю[36] корабля. Это был его собственный корабль. Английские собаки захватили этот корабль и сейчас просят привести его в порт, где он будет полностью потерян для Испании и, вероятно, оснащен для военных операций против его родины.

That was in one scale; in the other were the lives of sixteen men. Эти мысли лежали на одной чаше весов, а на другой были жизни шестнадцати человек.

Fourteen of them mattered little to him, but the remaining two were his own and his son's. Жизни четырнадцати человек значили для него очень мало, но две жизни принадлежали ему и его сыну.

He turned at length, and his back being to the light, the Captain could not see how pale his face had grown. Наконец он повернулся и, став спиной к свету, так, чтобы капитан не мог видеть, как побледнело его лицо, произнес:

"I accept," he said. - Я согласен!

Chapter XI Глава XI

FILIAL PIETY СЫНОВНЯЯ ПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ

By virtue of the pledge he had given, Don Diego de Espinosa enjoyed the freedom of the ship that had been his, and the navigation which he had undertaken was left entirely in his hands. После того как дон Диего де Эспиноса дал слово привести корабль в Кюрасао, ему были переданы обязанности штурмана и предоставлена полная свобода передвижения на его бывшем корабле. Все повстанцы относились к испанскому гранду с уважением в ответ на его изысканную учтивость.

And because those who manned her were new to the seas of the Spanish Main, and because even the things that had happened in Bridgetown were not enough to teach them to regard every Spaniard as a treacherous, cruel dog to be slain at sight, they used him with the civility which his own suave urbanity invited. Это вызывалось не только тем, что никто, кроме него, не мог вывести корабль из опасных вод, омывавших берега Мэйна[37], но также и тем, что рабы Бишопа, увлеченные собственным спасением, не видели всех ужасов и несчастий, перенесенных Бриджтауном, иначе они к любому испанскому пирату относились бы как к злому и коварному зверю, которого нужно убивать на месте.

He took his meals in the great cabin with Blood and the three officers elected to support him: Hagthorpe, Wolverstone, and Dyke. Дон Диего обедал в большой каюте вместе с Бладом и тремя его офицерами: Хагторпом, Волверстоном и Дайком.

They found Don Diego an agreeable, even an amusing companion, and their friendly feeling towards him was fostered by his fortitude and brave equanimity in this adversity. В лице дона Диего они нашли приятного и интересного собеседника, и расположение их к нему подкреплялось выдержкой и невозмутимостью, с какими он переносил постигшее его несчастье.

That Don Diego was not playing fair it was impossible to suspect. Нельзя было даже заподозрить, чтобы дон Диего вел нечестную игру.

Moreover, there was no conceivable reason why he should not. And he had been of the utmost frankness with them. He had denounced their mistake in sailing before the wind upon leaving Barbados. They should have left the island to leeward, heading into the Caribbean and away from the archipelago. Он сразу же указал им на их ошибку: отойдя от Барбадоса, они пошли по ветру, в то время как, направляясь от архипелага в Карибское море, должны были оставить остров Барбадос с подветренной стороны.

As it was, they would now be forced to pass through this archipelago again so as to make Curacao, and this passage was not to be accomplished without some measure of risk to themselves. Исправляя ошибку, они вынуждены были вновь пересечь архипелаг, чтобы идти в Кюрасао. Перед тем как лечь на этот курс, он предупредил, что такой маневр связан с некоторым риском.

At any point between the islands they might come upon an equal or superior craft; whether she were Spanish or English would be equally bad for them, and being undermanned they were in no case to fight. В любой точке между островами они могли встретиться с таким же или более мощным кораблем, и, независимо от того, будет ли он испанским или английским, им грозила одинаковая опасность: при нехватке людей, ощущаемой на "Синко Льягас", они не могли бы дать бой.

To lessen this risk as far as possible, Don Diego directed at first a southerly and then a westerly course; and so, taking a line midway between the islands of Tobago and Grenada, they won safely through the danger-zone and came into the comparative security of the Caribbean Sea. Стремясь предельно уменьшить этот риск, дон Диего повел корабль вначале на юг, а затем повернул на запад. Они счастливо прошли между островами Тобаго и Гренада, миновали опасную зону и выбрались в относительно

спокойные воды Карибского моря.

"If this wind holds," he told them that night at supper, after he had announced to them their position, "we should reach Curacao inside three days." - Если ветер не переменится, - сказал дон Диего, определив местонахождение корабля, - мы через три дня будем в Кюрасао.

For three days the wind held, indeed it freshened a little on the second, and yet when the third night descended upon them they had still made no landfall. Ветер стойко держался в течение этих трех дней, а на второй день даже несколько посвежел, и все же, когда наступила третья ночь, никаких признаков суши не было.

The Cinco Llagas was ploughing through a sea contained on every side by the blue bowl of heaven. Рассекая волны, "Синко Льягас" шел быстрым ходом, но, кроме моря и голубого неба, ничего не было видно.

Captain Blood uneasily mentioned it to Don Diego. Встревоженный капитан Блад сказал об этом дону Диего.

"It will be for to-morrow morning," he was answered with calm conviction. - Земля покажется завтра утром, - невозмутимо ответил испанец.

"By all the saints, it is always 'to-morrow morning' with you Spaniards; and to-morrow never comes, my friend." - Клянусь всеми святыми, но у вас, испанцев все завтра, а это "завтра" никогда не наступает, мой друг.

"But this to-morrow is coming, rest assured. - Не беспокойтесь, на этот раз "завтра" наступит.

However early you may be astir, you shall see land ahead, Don Pedro." Как бы рано вы ни встали, перед вами уже будет земля, дон Педро.

Captain Blood passed on, content, and went to visit Jerry Pitt, his patient, to whose condition Don Diego owed his chance of life. Успокоенный капитан Блад отправился навестить своего пациента - Джереми Питта, болезненному состоянию которого дон Диего был обязан своей жизнью.

For twenty-four hours now the fever had left the sufferer, and under Peter Blood's dressings, his lacerated back was beginning to heal satisfactorily. Вот уже второй день, как у Питта не было жара и раны на спине начали подживать.

So far, indeed, was he recovered that he complained of his confinement, of the heat in his cabin. Он чувствовал себя настолько лучше, что пожаловался на свое пребывание в душной каюте.

To indulge him Captain Blood consented that he should take the air on deck, and so, as the last of the daylight was fading from the sky, Jeremy Pitt came forth upon the Captain's arm. Уступая его просьбам, Блад разрешил больному подышать свежим воздухом, и вечером, с наступлением сумерек, опираясь на руку капитана, Джереми Питт вышел на палубу.

Seated on the hatch-coamings, the Somersetshire lad gratefully filled his lungs with the cool night air, and professed himself revived thereby. Then with the seaman's instinct his eyes wandered to the darkling vault of heaven, spangled already with a myriad golden points of light. Сидя на крышке люка, он с наслаждением вдыхал свежий ночной воздух, любовался морем и по привычке моряка с интересом разглядывал темно-синий свод неба, усыпанный мириадами звезд.

Awhile he scanned it idly, vacantly; then, his attention became sharply fixed.

Некоторое время он был спокоен и счастлив, но потом стал тревожно озираться и всматриваться в яркие созвездия, сиявшие над безбрежным океаном.

He looked round and up at Captain Blood, who stood beside him. Прошло еще несколько минут, и Питт перевел взгляд на капитана Блада.

"D'ye know anything of astronomy, Peter?" quoth he. - Ты что-нибудь понимаешь в астрономии, Питер?- спросил он.

"Astronomy, is it? - В астрономии?

Faith, now, I couldn't tell the Belt of Orion from the Girdle of Venus." К сожалению, я не могу отличить пояс Ориона от пояса Венеры[38].

"Ah! - Жаль.

And I suppose all the others of this lubberly crew share your ignorance." И все остальные члены нашей разношерстной команды, должно быть, так же невежественны в этом, как и ты?

"It would be more amiable of you to suppose that they exceed it." - Ты будешь ближе к истине, если предположишь, что они знают еще меньше меня.

Jeremy pointed ahead to a spot of light in the heavens over the starboard bow. Джереми показал на светлую точку в небе справа, по носу корабля, и сказал:

"That is the North Star," said he. - Это Полярная звезда.

"Is it now? Видишь?

Glory be, I wonder ye can pick it out from the rest." - Разумеется, вижу, - ленивым голосом ответил Блад.

"And the North Star ahead almost over your starboard bow means that we're steering a course, north, northwest, or maybe north by west, for I doubt if we are standing more than ten degrees westward." - А Полярная звезда, если она висит перед нами, почти над правым бортом, означает, что мы идем курсом норд-норд-вест или, может быть, норд-вест, так как я сомневаюсь, чтобы мы находились более чем в десяти градусах к западу.

"And why shouldn't we?" wondered Captain Blood. - Ну и что же? - удивился капитан Блад.

"You told me - didn't you? - that we came west of the archipelago between Tobago and Grenada, steering for Curacao. - Ты говорил мне, что, пройдя между островами Тобаго и Гренада, мы пошли в Кюрасао к западу от архипелага.

If that were our present course, we should have the North Star abeam, out yonder." Но если бы мы шли таким курсом, то Полярная звезда должна была бы быть у нас на траверсе[39] - вон там.

On the instant Mr. Blood shed his laziness. Состояние лени, владевшее Бладом, исчезло мгновенно.

He stiffened with apprehension, and was about to speak when a shaft of light clove the gloom above their heads, coming from the door of the poop cabin which had just been opened. Он сжался от какого-то мрачного предчувствия и только хотел что-то сказать, как луч света из двери каюты на корме прорезал темноту у них над головой.

It closed again, and presently there was a step on the companion. Дверь закрылась, и они услышали шаги по трапу.

Don Diego was approaching. Это был дон Диего.

Captain Blood's fingers pressed Jerry's shoulder with significance. Then he called the Don, and spoke to him in English as had become his custom when others were present. Капитан Блад многозначительно сжал пальцами плечо Джереми и, подозревая испанца, обратился к нему по-английски, как обычно делал в присутствии людей, не знавших испанского языка.

"Will ye settle a slight dispute for us, Don Diego?" said he lightly. - Разрешите наш маленький спор, дон Диего, -шутливо сказал он.

"We are arguing, Mr. Pitt and I, as to which is the North Star." - Мы здесь спорим с Питтом, какая из этих звезд -Полярная.

"So?" The Spaniard's tone was easy; there was almost a suggestion that laughter lurked behind it, and the reason for this was yielded by his next sentence. - И это все? - спокойно спросил испанец. В его тоне звучала явная ирония.

"But you tell me Mr. Pitt he is your navigant?" - Если мне не изменяет память, вы говорили, что господин Питт - ваш штурман.

"For lack of a better," laughed the Captain, good-humouredly contemptuous. - Да, за неимением лучшего, - с шутливым пренебрежением заметил капитан.

"Now I am ready to wager him a hundred pieces of eight that that is the North Star." - Но я сейчас был готов спорить с ним на сто песо, что искомая звезда - вот эта.

And he flung out an arm towards a point of light in the heavens straight abeam. - И он небрежно указал рукой на первую попавшуюся светлую точку в небе.

He afterwards told Pitt that had Don Diego confirmed him, he would have run him through upon that instant. Блад потом признался Питту, что, если бы дон Диего с ним согласился, он убил бы его на месте.

Far from that, however, the Spaniard freely expressed his scorn. Однако испанец откровенно выразил свое презрение к астрономическим познаниям Блада.

"You have the assurance that is of ignorance, Don Pedro; and you lose. The North Star is this one." And he indicated it. - Ваше убеждение основано на невежестве, дон Педро. Вы проиграли: Полярная звезда - вот эта, -сказал он, указывая на нее.

"You are sure?" - А вы убеждены в этом?

"But my dear Don Pedro!" The Spaniard's tone was one of amused protest. - Мой дорогой дон Педро! - запротестовал испанец, которого начал забавлять этот разговор.

"But is it possible that I mistake? - Ну мыслимо ли, чтобы я ошибся?

Besides, is there not the compass? Да и у нас есть, наконец, такое доказательство, как компас.

Come to the binnacle and see there what course we make." Пойдемте взглянуть, каким курсом мы идем.

His utter frankness, and the easy manner of one who has nothing to conceal resolved

at once the doubt that had leapt so suddenly in the mind of Captain Blood. Его полная откровенность и спокойствие человека, которому нечего скрывать, сразу же рассеяли подозрения Блада.

Pitt was satisfied less easily. Однако убедить Питта было не так легко.

"In that case, Don Diego, will you tell me, since Curacao is our destination, why our course is what it is?" - В таком случае, дон Диего, - спросил он, - почему же мы идем в Кюрасао таким странным курсом?

Again there was no faintest hesitation on Don Diego's part. "You have reason to ask," said he, and sighed. - У вас есть все основания задать мне такой вопрос, - без малейшего замешательства ответил дон Диего и вздохнул.

"I had hope' it would not be observe'. - Я надеялся, что допущенная мной небрежность не будет замечена.

I have been careless - oh, of a carelessness very culpable. I neglect observation. Always it is my way. Обычно я не веду астрономических наблюдений, так как всецело полагаюсь на навигационное счисление пути.

I make too sure. I count too much on dead reckoning. Но, увы, никогда нельзя быть слишком уверенным в себе.

And so to-day I find when at last I take out the quadrant that we do come by a half-degree too much south, so that Curacao is now almost due north. Сегодня, взяв в руки квадрант, я, к своему стыду, обнаружил, что уклонился на полградуса к югу, а поэтому Кюрасао находится сейчас от нас почти прямо к северу.

That is what cause the delay. Именно эта ошибка и вызвала задержку в пути.

But we will be there to-morrow." Но теперь все в порядке, и мы придем туда к утру.

The explanation, so completely satisfactory, and so readily and candidly forthcoming, left no room for further doubt that Don Diego should have been false to his parole. Объяснение это было настолько прямым и откровенным, что не оставляло сомнений в честности дона Диего.

And when presently Don Diego had withdrawn again, Captain Blood confessed to Pitt that it was absurd to have suspected him. Whatever his antecedents, he had proved his quality when he announced himself ready to die sooner than enter into any undertaking that could hurt his honour or his country. И когда испанец ушел, Блад заметил, что вообще нелепо подозревать его в чем-либо, ибо он доказал свою честность, открыто заявив о своей согласии скорее умереть, чем взять на себя какие-либо обязательства, несовместимые с его честью.

New to the seas of the Spanish Main and to the ways of the adventurers who sailed it, Captain Blood still entertained illusions. Впервые попав в Карибское море и не зная повадок здешних авантюристов, капитан Блад все еще питал по отношению к ним некоторые иллюзии.

But the next dawn was to shatter them rudely and for ever. Однако события следующего дня грубо их развеяли.

Coming on deck before the sun was up, he saw land ahead, as the Spaniard had promised them last night. Выйдя на палубу до восхода солнца, он увидел перед собой туманную полоску земли, обещанную им испанцем накануне.

Some ten miles ahead it lay, a long coast-line filling the horizon east and west,

with a massive headland jutting forward straight before them. Примерно в десяти милях от корабля тянулась длинная береговая линия, простираясь по горизонту далеко на восток и запад. Прямо перед ними лежал большой мыс.

Staring at it, he frowned. He had not conceived that Curacao was of such considerable dimensions. Очертания берегов смутили Блада, он нахмурился, так как никогда не думал, что остров Кюрасао может быть так велик.

Indeed, this looked less like an island than the main itself. То, что находилось перед ним, скорее походило не на остров, а на материк.

Beating out aweather, against the gentle landward breeze he beheld a great ship on their starboard bow, that he conceived to be some three or four miles off, and - as well as he could judge her at that distance - of a tonnage equal if not superior to their own. Справа по борту, в трех-четыре милях от них, шел большой корабль, водоизмещением не меньшим, если не большим, чем "Синко Льягас".

Even as he watched her she altered her course, and going about came heading towards them, close-hauled. Пока Блад наблюдал за ним, корабль изменил курс, развернулся и в крутом бейдевинде пошел на сближение.

A dozen of his fellows were astir on the forecastle, looking eagerly ahead, and the sound of their voices and laughter reached him across the length of the stately Cinco Llagas. Человек двенадцать из команды Блада, встревоженные, бросились на бак, нетерпеливо посматривая на сушу.

"There," said a soft voice behind him in liquid Spanish, "is the Promised Land, Don Pedro." - Вот это и есть обещанная земля, дон Педро, - услышал он позади себя чей-то голос, говоривший по-испански.

It was something in that voice, a muffled note of exultation, that awoke suspicion in him, and made whole the half-doubt he had been entertaining. Нотка скрытого торжества, прозвучавшая в этом голосе, сразу же разбудила в Бладе все его подозрения.

He turned sharply to face Don Diego, so sharply that the sly smile was not effaced from the Spaniard's countenance before Captain Blood's eyes had flashed upon it. Он так круто повернулся к дону Диего, что увидел ироническую улыбку, не успевшую исчезнуть с лица испанца.

"You find an odd satisfaction in the sight of it - all things considered," said Mr. Blood. - Ваша радость при виде этой земли по меньшей мере непонятна, - сказал Блад.

"Of course." - Да, конечно!

The Spaniard rubbed his hands, and Mr. Blood observed that they were unsteady. - Испанец потер руки, и Блад заметил, что они дрожали.

"The satisfaction of a mariner." - Это радость моряка.

"Or of a traitor - which?" Blood asked him quietly. - Или предателя, что вернее, - спокойно сказал Блад.

And as the Spaniard fell back before him with suddenly altered countenance that confirmed his every suspicion, he flung an arm out in the direction of the distant shore. "What land is that?" he demanded. "Will you have the effrontery to tell me that is the coast of Curacao?" Когда испанец попятился от него с внезапно изменившимся выражением лица, которое полностью уничтожило все сомнения Блада, он указал рукой на сушу и резко спросил: - Хватит ли у вас наглости и сейчас

утверждать, что это берег Кюрасао?

He advanced upon Don Diego suddenly, and Don Diego, step by step, fell back. - Он решительно наступал на дона Диего, который шаг за шагом отходил назад.

"Shall I tell you what land it is? - Может быть, вы хотите, чтобы я сказал вам, что это за земля?

Shall I?" Вы хотите этого?

His fierce assumption of knowledge seemed to dazzle and daze the Spaniard. Уверенность, с которой говорил Блад, казалось, ошеломила испанца; он молчал.

For still Don Diego made no answer. And then Captain Blood drew a bow at a venture - or not quite at a venture. И здесь капитан Блад наугад, а быть может, и не совсем наугад, рискнул высказать свою догадку.

Such a coast-line as that, if not of the main itself, and the main he knew it could not be, must belong to either Cuba or Hispaniola. Если эта береговая линия не принадлежала Мэйну, что было не совсем невероятно, то она могла принадлежать либо Кубе, либо Гаити.

Now knowing Cuba to lie farther north and west of the two, it followed, he reasoned swiftly, that if Don Diego meant betrayal he would steer for the nearer of these Spanish territories. Но остров Куба, несомненно, лежал дальше к северо-западу, и Блад тут же сообразил, что дон Диего, замыслив предательство, мог привести их к берегам ближайшей из этих испанских территорий.

"That land, you treacherous, forsworn Spanish dog, is the island of Hispaniola." - Эта земля, предатель и клятвопреступник, - остров Гаити!

Having said it, he closely watched the swarthy face now overspread with pallor, to see the truth or falsehood of his guess reflected there. Он пристально всматривался в смуглое и сразу же побледневшее лицо испанца, чтобы убедиться, как он будет реагировать на его слова.

But now the retreating Spaniard had come to the middle of the quarter-deck, where the mizzen sail made a screen to shut them off from the eyes of the Englishmen below. Но сейчас отступавший испанец дошел уже до середины шканцев[40], где бизань[41] мешала стоявшим внизу англичанам видеть Блада и дона Диего.

His lips writhed in a snarling smile. Губы испанца скривились в презрительной улыбке.

"Ah, perro ingles! You know too much," he said under his breath, and sprang for the Captain's throat. - Ты слишком много знаешь, английская собака! - тяжело дыша, сказал он и, бросившись на Блада, схватил его за горло.

Tight-locked in each other's arms, they swayed a moment, then together went down upon the deck, the Spaniard's feet jerked from under him by the right leg of Captain Blood. Они отчаянно боролись, крепко обхватив друг друга. Блад подставил испанцу ногу и вместе с ним упал на палубу.

The Spaniard had depended upon his strength, which was considerable. But it proved no match for the steady muscles of the Irishman, tempered of late by the vicissitudes of slavery. Испанец, слишком понадеявшись на свои силы, рассчитывал, что сумеет задушить Блада и выиграет полчаса, необходимые для подхода того прекрасного судна, которое уже направлялось к ним.

He had depended upon choking the life out of Blood, and so gaining the half-hour that might be necessary to bring up that fine ship that was beating towards them - a Spanish ship, perforce, since none other would be so boldly cruising in these Spanish waters off Hispaniola. То, что судно было испанским, не вызывало никаких сомнений, так как ни один корабль другой национальности не мог бы так смело крейсировать в испанских водах у берегов Гаити.

But all that Don Diego had accomplished was to betray himself completely, and to no purpose. This he realized when he found himself upon his back, pinned down by Blood, who was kneeling on his chest, whilst the men summoned by their Captain's shout came clattering up the companion. Однако расчеты дона Диего не оправдались, и он сообразил это слишком поздно, когда стальные мускулы сжали его клещами. Прижав испанца к палубе коленом, Блад криками сзывал своих людей, которые, топая по трапу, поднимались вверх.

"Will I say a prayer for your dirty soul now, whilst I am in this position?" Captain Blood was furiously mocking him. - Не пора ли тебе помолиться за свою грязную душу? - в ярости спросил Блад.

But the Spaniard, though defeated, now beyond hope for himself, forced his lips to smile, and gave back mockery for mockery. Однако дон Диего, положение которого было совершенно безнадежным, заставил себя улыбнуться и ответил издевательски:

"Who will pray for your soul, I wonder, when that galleon comes to lie board and board with you?" - А кто помолится за твою душу, когда вот этот галион возьмет вас на бордаж?!

"That galleon!" echoed Captain Blood with sudden and awful realization that already it was too late to avoid the consequences of Don Diego's betrayal of them. - Вот этот галион? - переспросил Блад, мучительно осознав, что уже было нельзя избежать последствий предательства дона Диего.

"That galleon," Don Diego repeated, and added with a deepening sneer: - Да, этот галион!

"Do you know what ship it is? I will tell you. Ты знаешь, что это за корабль?

It is the Encarnacion, the flagship of Don Miguel de Espinosa, the Lord Admiral of Castile, and Don Miguel is my brother. Это "Энкарнасион" - флагманский корабль главнокомандующего испанским флотом в здешних водах - адмирала дона Мигеля де Эспиноса, моего брата.

It is a very fortunate encounter. Это очень удачная встреча.

The Almighty, you see, watches over the destinies of Catholic Spain." Всевышний, как видишь, блюдет интересы католической Испании.

There was no trace of humour or urbanity now in Captain Blood. His light eyes blazed: his face was set. He rose, relinquishing the Spaniard to his men. Светлые глаза капитана Блада блеснули, а лицо приняло суровое выражение.

"Make him fast," he bade them. "Truss him, wrist and heel, but don't hurt him - not so much as a hair of his precious head." - Связать ему руки и ноги! - приказал Блад своим людям и добавил: - Чтобы ни один волосок не упал с драгоценной головы этого мерзавца!

The injunction was very necessary. Frenzied by the thought that they were likely to exchange the slavery from which they had so lately escaped for a slavery still worse, they would have torn the Spaniard limb from limb upon the spot. Такое

предупреждение было отнюдь не лишним, так как его люди, расшвыряв от мысли, что им угрожает рабство более страшное, чем то, из которого они только что вырвались, были готовы разорвать испанца в клочья.

And if they now obeyed their Captain and refrained, it was only because the sudden steely note in his voice promised for Don Diego Valdez something far more exquisite than death. И если сейчас они подчинились своему капитану и удержались от этого, то только потому, что стальная нотка в голосе Блада обещала дону Диего де Эспиноса-и-Вальдес не обычную смерть, а нечто более изощренное.

"You scum! You dirty pirate! - Грязный пират! - презрительно бросил Блад.

You man of honour!" Captain Blood apostrophized his prisoner. - Где же твое честное слово, подлец!

But Don Diego looked up at him and laughed. Дон Диего взглянул на него и засмеялся.

"You underrated me." He spoke English, so that all might hear. - Ты недооцениваешь меня, - сказал он по-английски, чтобы все его поняли.

"I tell you that I was not fear death, and I show you that I was not fear it. - Да, я говорил, что не боюсь смерти, и докажу это!

You no understand. You just an English dog." Понятно, английская собака?!

"Irish, if you please," Captain Blood corrected him. - Ирландская, с твоего разрешения, - поправил его Блад.

"And your parole, you tyke of Spain?" - А где же твое честное слово, испанская скотина?

"You think I give my parole to leave you sons of filth with this beautiful Spanish ship, to go make war upon other Spaniards! - Неужели ты мог допустить, чтобы я оставил в ваших грязных лапах прекрасный корабль, на котором вы сражались бы с испанцами?

Ha!" Don Diego laughed in his throat. Ха-ха-ха! - злорадно засмеялся дон Диего.

"You fool! - Идиоты!

You can kill me. Pish! It is very well. I die with my work well done. Можете меня убить, но я умру с сознанием выполненного долга.

In less than an hour you will be the prisoners of Spain, and the Cinco Llagas will go belong to Spain again." Не пройдет и часа, как всех вас закуют в кандалы, а "Синко Льягас" будет возвращен Испании.

Captain Blood regarded him steadily out of a face which, if impassive, had paled under its deep tan. Капитан Блад, спокойное лицо которого побледнело, несмотря на густой загар, испытующе взглянул на пленника.

About the prisoner, clamant, infuriated, ferocious, the rebels-convict surged, almost literally "athirst for his blood." Разъяренные повстанцы стояли над ним, готовые его растерзать. Они жаждали крови.

"Wait," Captain Blood imperiously commanded, and turning on his heel, he went aside to the rail. - Не смейте его трогать! - властно скомандовал капитан Блад, повернулся на каблуках, подошел к борту и застыл в глубоком раздумье.

As he stood there deep in thought, he was joined by Hagthorpe, Wolverstone, and Ogle the gunner. К нему подошли Хагторп, Волверстон и канонир Огл.

In silence they stared with him across the water at that other ship. Молчаливо всматривались они в приближавшийся корабль.

She had veered a point away from the wind, and was running now on a line that must in the end converge with that of the Cinco Llagas. Сейчас он шел наперерез курсу "Синко Льягас".

"In less than half-an-hour," said Blood presently, "we shall have her athwart our hawse, sweeping our decks with her guns." - Через полчаса он сблизится с нами, и его пушки сметут все с нашей палубы, - заметил Блад.

"We can fight," said the one-eyed giant with an oath. - Мы будем драться! - с проклятием закричал одноглазый гигант.

"Fight!" sneered Blood. - Драться? - насмешливо улыбнулся Блад.

"Undermanned as we are, mustering a bare twenty men, in what case are we to fight? - Разве мы можем драться, если у нас на борту всего двадцать человек?

No, there would be only one way. To persuade her that all is well aboard, that we are Spaniards, so that she may leave us to continue on our course." Нет, у нас только один выход: убедить капитана этого корабля в том, что мы испанцы, что на борту у нас все в порядке, а затем продолжать наш путь.

"And how is that possible?" Hagthorpe asked. - Но как это сделать? - спросил Хагторп.

"It isn't possible," said Blood. - Как это сделать? - повторил Блад.

"If it..." And then he broke off, and stood musing, his eyes upon the green water. - Конечно, если бы... - Он смолк и задумчиво стал всматриваться в зеленую воду.

Ogle, with a bent for sarcasm, interposed a suggestion bitterly. Огл, склонный к сарказму, предложил:

"We might send Don Diego de Espinosa in a boat manned by his Spaniards to assure his brother the Admiral that we are all loyal subjects of his Catholic Majesty." - Конечно, мы могли бы послать дона Диего де Эспиноса с испанскими гребцами заверить его братаадмирала, что все мы являемся верноподданными его католического величества, короля Испании...

The Captain swung round, and for an instant looked as if he would have struck the gunner. Капитан вскипел и резко повернулся к нему, с явным намерением осадить насмешника.

Then his expression changed: the light of inspiration was in his glance. Но внезапно выражение его лица изменилось, а в глазах вспыхнуло вдохновение.

"Bedad! ye've said it. - Черт возьми, а ведь ты прав!

He doesn't fear death, this damned pirate; but his son may take a different view. Проклятый пират не боится смерти, но у его сына может быть другое мнение.

Filial piety's mighty strong in Spain." He swung on his heel abruptly, and strode back to the knot of men about his prisoner. "Here!" he shouted to them. Сыновняя почтительность у испанцев - весьма распространенное и сильное чувство... Эй, вы! -

обратился он к людям, стоявшим возле пленника.

"Bring him below." - Тащите его сюда!

And he led the way down to the waist, and thence by the booby hatch to the gloom of the 'tween-decks, where the air was rank with the smell of tar and spun yarn. Going aft he threw open the door of the spacious wardroom, and went in followed by a dozen of the hands with the pinioned Spaniard. И, показывая дорогу, Блад спустился через люк в полумрак трюма, где воздух был пропитан запахом смолы и снастей, затем направился к корме и, широко распахнув дверь, вошел в просторную кают-компанию. Несколько человек волокли за ним связанного испанца.

Every man aboard would have followed him but for his sharp command to some of them to remain on deck with Hagthorpe. Все, кто остался на борту, готовы были примчаться сюда, чтобы узнать, как Блад расправится с предателем, но капитан приказал им не покидать палубы.

In the ward-room the three stern chasers were in position, loaded, their muzzles thrusting through the open ports, precisely as the Spanish gunners had left them. В кают-компании стояли три заряженные кормовые пушки. Их дула высывались в открытые амбразуры.

"Here, Ogle, is work for you," said Blood, and as the burly gunner came thrusting forward through the little throng of gaping men, Blood pointed to the middle chaser; - За работу, Огл! - приказал Блад, обращаясь к коренастому канониру, указав ему на среднюю пушку.

"Have that gun hauled back," he ordered. - Откати ее назад.

When this was done, Blood beckoned those who held Don Diego. Огл тотчас же выполнил распоряжение капитана. Блад кивнул головой людям, державшим донна Диего.

"Lash him across the mouth of it," he bade them, and whilst, assisted by another two, they made haste to obey, he turned to the others. "To the roundhouse, some of you, and fetch the Spanish prisoners. - Привяжите его к жерлу пушки! - приказал он и, пока они торопливо выполняли его приказ, сказал, обратясь к остальным: - Отправляйтесь в кормовую рубку и приведите сюда испанских пленных.

And you, Dyke, go up and bid them set the flag of Spain aloft." А ты, Дайк, беги наверх и прикажи поднять испанский флаг.

Don Diego, with his body stretched in an arc across the cannon's mouth, legs and arms lashed to the carriage on either side of it, eyeballs rolling in his head, glared maniacally at Captain Blood. Дон Диего, привязанный к жерлу пушки, неистово вращал глазами, проклиная капитана Блада. Руки испанца были заведены за спину и туго стянуты веревками, а ноги привязаны к станинам лафета.

A man may not fear to die, and yet be appalled by the form in which death comes to him. Даже бесстрашный человек, смело глядевший в лицо смерти, может ужаснуться, точно узнав, какой именно смертью ему придется умирать.

From frothing lips he hurled blasphemies and insults at his tormentor. На губах у испанца выступила пена, но он не переставал проклинать и оскорблять своего мучителя:

"Foul barbarian! - Варвар!

Inhuman savage! Дикарь!

Accursed heretic! Проклятый еретик!

Will it not content you to kill me in some Christian fashion?" Неужели ты не можешь прикончить меня как-нибудь по-христиански?

Captain Blood vouchsafed him a malignant smile, before he turned to meet the fifteen manacled Spanish prisoners, who were thrust into his presence. Капитан Блад, не удостоив его даже словом, повернулся к шестнадцати закованным в кандалы испанским пленникам, спешно согнанным в кают-компанию.

Approaching, they had heard Don Diego's outcries; at close quarters now they beheld with horror-stricken eyes his plight. Уже по пути сюда они слышали крики дон-а Диего, а сейчас с ужасом увидели, в каком положении он находится.

From amongst them a comely, olive-skinned stripling, distinguished in bearing and apparel from his companions, started forward with an anguished cry of Миловидный подросток с кожей оливкового цвета, выделявшийся среди пленников своим костюмом и манерой держаться, рванулся вперед и крикнул:

"Father!" - Отец!

Writhing in the arms that made haste to seize and hold him, he called upon heaven and hell to avert this horror, and lastly, addressed to Captain Blood an appeal for mercy that was at once fierce and piteous. Извиваясь в руках тех, кто с силой удерживал его, он призывал небо и ад отвратить этот кошмар, а затем обратился к капитану с мольбой о милосердии, причем эта мольба в одно и то же время была и неистойвой и жалобной.

Considering him, Captain Blood thought with satisfaction that he displayed the proper degree of filial piety. Взглянув на молодого испанца, капитан Блад с удовлетворением подумал, что отпрыск дон-а Диего в достаточной степени обладает чувством сыновней привязанности.

He afterwards confessed that for a moment he was in danger of weakening, that for a moment his mind rebelled against the pitiless thing it had planned. Позже Блад признавался, что на мгновение его разум возмутился против выработанного им жестокого плана.

But to correct the sentiment he evoked a memory of what these Spaniards had performed in Bridgetown. И для того чтобы прогнать это чувство, он вызвал в себе воспоминание о злодействах испанцев в Бриджтауне.

Again he saw the white face of that child Mary Traill as she fled in horror before the jeering ruffian whom he had slain, and other things even more unspeakable seen on that dreadful evening rose now before the eyes of his memory to stiffen his faltering purpose. Он припомнил побледневшее личико Мэри Трэйл, когда она в ужасе спасалась от насильника-головореза, которого он убил; он вспомнил и другие, не поддающиеся описанию картины этого кошмарного дня, и это укрепило угасавшую в нем твердость.

The Spaniards had shown themselves without mercy or sentiment or decency of any kind; stuffed with religion, they were without a spark of that Christianity, the Symbol of which was mounted on the mainmast of the approaching ship. Бесчувственные, кровожадные испанцы, со своим религиозным фанатизмом, не имели в себе даже искры той христианской веры, символ которой был водружен на мачте приближавшегося к ним корабля.

A moment ago this cruel, vicious Don Diego had insulted the Almighty by his assumption that He kept a specially benevolent watch over the destinies of Catholic

Spain. Еще минуту назад мстительный и злобный дон Диего утверждал, будто господь бог благоволит к католической Испании.

Don Diego should be taught his error. Ну что ж, дон Диего будет сурово наказан за это заблуждение.

Recovering the cynicism in which he had approached his task, the cynicism essential to its proper performance, he commanded Ogle to kindle a match and remove the leaden apron from the touch-hole of the gun that bore Don Diego. Почувствовав, что твердость вернулась в его сердце, Блад приказал Оглу зажечь фитиль и снять свинцовый фартук с запального отверстия пушки, к жерлу которой был привязан дон Диего.

Then, as the younger Espinosa broke into fresh intercessions mingled with imprecations, he wheeled upon him sharply. И когда Эспиноса-младший разразился новыми проклятиями, перемешанными с мольбой, Блад круто повернулся к нему.

"Peace!" he snapped. - Молчи! - гневно бросил он.

"Peace, and listen! - Молчи и слушай!

It is no part of my intention to blow your father to hell as he deserves, or indeed to take his life at all." Я вовсе не имею намерения отправить твоего отца в ад, как он этого заслуживает. Я не хочу убивать его, понимаешь?

Having surprised the lad into silence by that promise -a promise surprising enough in all the circumstances -he proceeded to explain his aims in that faultless and elegant Castilian of which he was fortunately master -as fortunately for Don Diego as for himself. Удивленный таким заявлением, сын дон Диего сразу же замолчал, и капитан Блад заговорил на том безупречном испанском языке, которым он так блестяще владел, к счастью как для дон Диего, так и для себя:

"It is your father's treachery that has brought us into this plight and deliberately into risk of capture and death aboard that ship of Spain. - Из-за подлого предательства твоего отца мы попали в тяжкое положение. У нас есть все основания опасаться, что этот испанский корабль захватит "Синко Льягас". И тогда нас ждет гибель.

Just as your father recognized his brother's flagship, so will his brother have recognized the Cinco Llagas. So far, then, all is well. Так же как твой отец опознал флагманский корабль своего брата, так и его брат, конечно, уже узнал "Синко Льягас".

But presently the Encarnacion will be sufficiently close to perceive that here all is not as it should be. Когда "Энкарнасион" приблизится к нам, то твой дядя поймет, что именно здесь произошло.

Sooner or later, she must guess or discover what is wrong, and then she will open fire or lay us board and board. Нас обстреляют или возьмут на абордаж.

Now, we are in no case to fight, as your father knew when he ran us into this trap. But fight we will, if we are driven to it. We make no tame surrender to the ferocity of Spain." Твой отец знал, что мы не в состоянии драться, потому что нас слишком мало, но мы не сдадимся без боя, а будем драться!

He laid his hand on the breech of the gun that bore Don Diego. - Он положил руку на лафет пушки, к которой был привязан дон Диего.

"Understand this clearly: to the first shot from the Encarnacion this gun will fire

the answer. - Ты должен ясно представить себе одно: на первый же выстрел с "Энкарнациона" ответит вот эта пушка.

I make myself clear, I hope?" Надеюсь, ты понял меня?

White-faced and trembling, young Espinosa stared into the pitiless blue eyes that so steadily regarded him. Дрожащий от страха Эспиноса-младший взглянул в беспощадные глаза Блада, и его оливковое лицо посерело.

"If it is clear?" he faltered, breaking the utter silence in which all were standing. - Понял ли я? - запинаясь, пробормотал юноша.

"But, name of God, how should it be clear? How should I understand? Can you avert the fight? - Но что я должен понять?

If you know a way, and if I, or these, can help you to it - if that is what you mean - in Heaven's name let me hear it." Если есть возможность избежать боя и я могу помочь вам, скажите мне об этом.

"A fight would be averted if Don Diego de Espinosa were to go aboard his brother's ship, and by his presence and assurances inform the Admiral that all is well with the Cinco Llagas, that she is indeed still a ship of Spain as her flag now announces. - Боя могло бы и не быть, если бы дон Диего де Эспиноса лично прибыл на борт корабля своего брата и заверил его, что "Синко Льягас" по-прежнему принадлежит Испании, как об этом свидетельствует его флаг, и что на борту корабля все в порядке.

But of course Don Diego cannot go in person, because he is... otherwise engaged. Но дон Диего не может отправиться лично к брату, так как он... занят другим делом.

He has a slight touch of fever - shall we say? - that detains him in his cabin. Ну, допустим, у него легкий приступ лихорадки и он вынужден оставаться в своей каюте.

But you, his son, may convey all this and some other matters together with his homage to your uncle. Как его сын ты можешь передать все это своему дяде и засвидетельствовать ему свое почтение.

You shall go in a boat manned by six of these Spanish prisoners, and I - a distinguished Spaniard delivered from captivity in Barbados by your recent raid - will accompany you to keep you in countenance. Ты поедешь с шестью гребцами-испанцами, из которых сам отберешь наименее - болтливых, а я, знатный испанец, освобожденный вами на Барбадосе из английского плена, буду сопровождать тебя.

If I return alive, and without accident of any kind to hinder our free sailing hence, Don Diego shall have his life, as shall every one of you. Если я вернусь живым и если ничто не помешает нам беспрепятственно отплыть отсюда, дон Диего останется жить, так же как и все вы.

But if there is the least misadventure, be it from treachery or ill-fortune - I care not which - the battle, as I have had the honour to explain, will be opened on our side by this gun, and your father will be the first victim of the conflict." Но если случится какая-либо неприятность, то бой с нашей стороны, как я уже сказал, начнется выстрелом вот из этой пушки, и твой отец станет первой жертвой схватки.

He paused a moment. Он умолк.

There was a hum of approval from his comrades, an anxious stirring among the Spanish prisoners. Из толпы его товарищей послышались возгласы одобрения, а испанские пленники заволновались.

Young Espinosa stood before him, the colour ebbing and flowing in his cheeks. He waited for some direction from his father. But none came. Эспиноса-младший, тяжело дыша, ожидал, что отец даст ему какие-то указания, но дон Диего молчал.

Don Diego's courage, it seemed, had sadly waned under that rude test. He hung limply in his fearful bonds, and was silent. Evidently he dared not encourage his son to defiance, and presumably was ashamed to urge him to yield. Thus, he left decision entirely with the youth. Видимо, мужество покинуло его в этом жестоком испытании, и он предоставлял решение сыну, так как, возможно, не рискнул советовать ему отвергнуть предложение Блада или, по всей вероятности, посчитал для себя унизительным убеждать сына согласиться с ним.

"Come," said Blood. - Ну, хватит! - сказал Блад.

"I have been clear enough, I think. - Теперь тебе все понятно.

What do you say?" Что ты скажешь?

Don Esteban moistened his parched lips, and with the back of his hand mopped the anguish-sweat from his brow. Дон Эстебан провел языком по сухим губам и дрожащей рукой вытер пот, выступивший у него на лбу.

His eyes gazed wildly a moment upon the shoulders of his father, as if beseeching guidance. But his father remained silent. Он в отчаянии взглянул на отца, словно умоляя его сказать что-нибудь, но дон Диего продолжал молчать.

Something like a sob escaped the boy. Юноша всхлипнул, и из его горла вырвался звук, похожий на рыдание.

"I... I accept," he answered at last, and swung to the Spaniards. - Я... согласен, - ответил он наконец и повернулся к испанцам.

"And you - you will accept too," he insisted passionately. - И вы... вы тоже согласны! - с волнением и настойчивостью произнес он.

"For Don Diego's sake and for your own - for all our sakes. - Ради дон Диего, ради меня, ради всех нас.

If you do not, this man will butcher us all without mercy." Если вы не согласитесь, то с нами расправятся без всякой пощады.

Since he yielded, and their leader himself counselled no resistance, why should they encompass their own destruction by a gesture of futile heroism? Поскольку дон Эстебан дал согласие, а их командир не приказывал им сопротивляться, то зачем же им было проявлять какой-то бесполезный героизм?

They answered without much hesitation that they would do as was required of them. Не раздумывая, они ответили, что сделают все, как нужно.

Blood turned, and advanced to Don Diego. Блад отвернулся от них и подошел к дону Диего:

"I am sorry to inconvenience you in this fashion, but..." For a second he checked and frowned as his eyes intently observed the prisoner. Then, after that scarcely perceptible pause, he continued, "but I do not think that you have anything beyond this inconvenience to apprehend, and you may depend upon me to shorten it as far as possible." - Очень сожалею, что я вынужден оставить вас на некоторое время в таком неудобном положении...- Тут он на секунду прервал себя, нахмурился, внимательно

поглядел на своего пленника и после этой едва заметной паузы продолжал: - Но я думаю, что вам уже нечего опасаться. Надеюсь, худшее не случится.

Don Diego made him no answer. Дон Диего продолжал молчать.

Peter Blood waited a moment, observing him; then he bowed and stepped back. Питер Блад еще раз внимательно поглядел на бывшего командира "Синко Льягас" и затем, поклонившись ему, отошел.

Chapter XII Глава XII

DON PEDRO SANGRE ДОН ПЕДРО САНГРЕ[42]

The Cinco Llagas and the Encarnacion, after a proper exchange of signals, lay hove to within a quarter of a mile of each other, and across the intervening space of gently heaving, sunlit waters sped a boat from the former, manned by six Spanish seamen and bearing in her stern sheets Don Esteban de Espinosa and Captain Peter Blood. Обменявшись приветственными сигналами, "Синко Льягас" и "Энкарнасион" легли в дрейф на расстоянии четверти мили друг от друга. Через это пространство покрытого рябью и залитого солнцем моря от "Синко Льягас" к "Энкарнасиону" направилась шлюпка с шестью гребцами-испанцами. На корме с доном Эстебаном де Эспиноса сидел капитан Блад.

She also bore two treasure-chests containing fifty thousand pieces of eight. На дне шлюпки стояли два железных ящика, хранивших пятьдесят тысяч песо.

Gold has at all times been considered the best of testimonies of good faith, and Blood was determined that in all respects appearances should be entirely on his side. Золото во все времена было отличным доказательством добросовестности, а Блад считал необходимым произвести самое благоприятное впечатление.

His followers had accounted this a supererogation of pretence. But Blood's will in the matter had prevailed. Правда, люди Блада пытались доказать ему, что он слишком уж усердствовал в обеспечении обмана, однако он сумел настоять на своем.

He carried further a bulky package addressed to a grande of Spain, heavily sealed with the arms of Espinosa - another piece of evidence hastily manufactured in the cabin of the Cinco Llagas - and he was spending these last moments in completing his instructions to his young companion. Он взял с собой также объемистую посылку с многочисленными печатями герба де Эспиноса-и-Вальдес, адресованную испанскому гранду, - еще одно "доказательство", поспешно сфабрикованное на "Синко Льягас". В немногие минуты, оставшиеся до прибытия на "Энкарнасион", Блад давал последние указания своему молодому спутнику - дону Эстебану, который, видимо, все еще колебался в чем-то и не мог решиться высказать вслух свои сомнения.

Don Esteban expressed his last lingering uneasiness: Блад внимательно взглянул на юношу.

"But if you should betray yourself?" he cried. - А что, если вы сами выдадите себя? - воскликнул тот.

"It will be unfortunate for everybody. - Тогда все закончится крайне печально для... всех.

I advised your father to say a prayer for our success. I depend upon you to help me more materially." Я просил твоего отца молиться за наш успех, а от тебя жду помощи, - сказал Блад.

"I will do my best. - Я сделаю все, что смогу.

God knows I will do my best," the boy protested. Клянусь богом, я сделаю все! - с юношеской горячностью воскликнул дон Эстебан.

Blood nodded thoughtfully, and no more was said until they bumped alongside the towering mass of the Encarnadon. Блад задумчиво кивнул головой, и никто уже не произнес ни слова до тех пор, пока шлюпка не коснулась обшивки плавучей громады "Энкарнациона".

Up the ladder went Don Esteban closely followed by Captain Blood. Дон Эстебан в сопровождении Блада поднялся по веревочному трапу.

In the waist stood the Admiral himself to receive them, a handsome, self-sufficient man, very tall and stiff, a little older and greyer than Don Diego, whom he closely resembled. На шкафуте в ожидании гостей стоял сам адмирал - высокий, надменный человек, весьма похожий на дона Диего, но немного старше его и с сединой на висках.

He was supported by four officers and a friar in the black and white habit of St. Dominic. Рядом с ним стояли четыре офицера и монах в черно-белой сутане доминиканского ордена.

Don Miguel opened his arms to his nephew, whose lingering panic he mistook for pleasurable excitement, and having enfolded him to his bosom turned to greet Don Esteban's companion. Испанский адмирал прижал к груди своего племянника, объяснив себе его трепет, бледность и прерывистое дыхание волнением от встречи с дядей. Затем, повернувшись, он приветствовал спутника дона Эстебана.

Peter Blood bowed gracefully, entirely at his ease, so far as might be judged from appearances. Питер Блад отвесил изящный поклон, вполне владея собой, если судить только по его внешнему виду.

"I am," he announced, making a literal translation of his name, "Don Pedro Sangre, an unfortunate gentleman of Leon, lately delivered from captivity by Don Esteban's most gallant father." - Я - дон Педро Сангре, - объявил он, переводя буквально свою фамилию на испанский язык, - несчастный кабальеро из Леона, освобожденный из плена храбрейшим отцом дона Эстебана.

And in a few words he sketched the imagined conditions of his capture by, and deliverance from, those accursed heretics who held the island of Barbados. - И в нескольких словах он изложил те воображаемые обстоятельства, при которых он якобы попал в плен к проклятым еретикам с острова Барбадос и как его освободил дон Диего.

"Benedicamus Domino," said the friar to his tale. - Benedicamus Domino[43], - сказал монах, выслушав эту краткую историю.

"Ex hoc nunc et usque in seculum," replied Blood, the occasional papist, with lowered eyes. - Ex hoc nunc et usque in seculum[44], - скромно опустив глаза, ответил Блад, который всегда, когда это было ему нужно, вспоминал о том, что он католик.

The Admiral and his attending officers gave him a sympathetic hearing and a cordial welcome. Адмирал и офицеры, сочувственно выслушав рассказ кабальеро, сердечно его приветствовали.

Then came the dreaded question. Но вот наконец был задан давно уже ожидаемый вопрос:

"But where is my brother? - А где же мой брат?"

Why has he not come, himself, to greet me?" Почему он не прибыл на корабль, чтобы лично приветствовать меня?

It was young Espinosa who answered this: Эспиноса-младший ответил так:

"My father is afflicted at denying himself that honour and pleasure. - Мой отец с огорчением вынужден был лишиться себя этой чести и удовольствия.

But unfortunately, sir uncle, he is a little indisposed -oh, nothing grave; merely sufficient to make him keep his cabin. К сожалению, дорогой дядя, он немного нездоров, и это заставляет его не покидать своей каюты... О нет, нет, ничего серьезного!

It is a little fever, the result of a slight wound taken in the recent raid upon Barbados, which resulted in this gentleman's happy deliverance." У него легкая лихорадка от небольшой раны, полученной им во время недавнего нападения на остров Барбадос, когда, к счастью, был освобожден из неволи и этот кабльеро.

"Nay, nephew, nay," Don Miguel protested with ironic repudiation. - Позволь, племянник, позволь! - с притворной суровостью запротестовал дон Мигель.

"I can have no knowledge of these things. - Какое нападение? Мне ничего не известно обо всем этом.

I have the honour to represent upon the seas His Catholic Majesty, who is at peace with the King of England. Я имею честь представлять здесь его католическое величество короля Испании, а он находится в мире с английским королем.

Already you have told me more than it is good for me to know. I will endeavour to forget it, and I will ask you, sirs," he added, glancing at his officers, "to forget it also." Ты уже и так сообщил мне больше, чем следовало бы... Я попытаюсь забыть все это, о чем попрошу и вас, господа, - добавил он, обращаясь к своим офицерам.

But he winked into the twinkling eyes of Captain Blood; then added matter that at once extinguished that twinkle. При этом он подмигнул улыбающемуся капитану Бладу и добавил: - Ну что ж!

"But since Diego cannot come to me, why, I will go across to him." Если брат не может приехать ко мне, я сам поеду к нему.

For a moment Don Esteban's face was a mask of pallid fear. Then Blood was speaking in a lowered, confidential voice that admirably blended suavity, impressiveness, and sly mockery. Дон Эстебан побледнел, словно мертвец, с лица Блада сбежала улыбка, но он не потерял присутствия духа и конфиденциальным тоном, в котором восхитительно смешивались почтительность, убеждение и ирония, сказал:

"If you please, Don Miguel, but that is the very thing you must not do - the very thing Don Diego does not wish you to do. - С вашего позволения, дон Мигель, осмеливаюсь заметить, что вот именно этого вам не следует делать. И в данном случае я высказываю точку зрения дона Диего.

You must not see him until his wounds are healed. Вы не должны встречаться с ним, пока не заживут его раны.

That is his own wish. That is the real reason why he is not here. Это не только его желание, но и главная причина, объясняющая его отсутствие на борту "Энкарнасиона".

For the truth is that his wounds are not so grave as to have prevented his coming.

Г оворя по правде, раны вашего брата, дон Мигель, не настолько уж серьезны, чтобы помешать его прибытию сюда.

It was his consideration of himself and the false position in which you would be placed if you had direct word from him of what has happened. Дона Диего гораздо больше тревожит не его здоровье, а опасность поставить вас в ложное положение, если вы непосредственно от него услышите о том, что произошло несколько дней назад.

As your excellency has said, there is peace between His Catholic Majesty and the King of England, and your brother Don Diego..." He paused a moment. Как вы изволили сказать, ваше высокопревосходительство, между его католическим величеством королем Испании и английским королем - мир, а дон Диего, ваш брат... - Блад на мгновение запнулся.

"I am sure that I need say no more. - Полагаю, у меня нет необходимости что-либо добавлять.

What you hear from us is no more than a mere rumour. То, что вы услышали о каком-то нападении, только слухи, вздорные слухи, не больше.

Your excellency understands." Ваше высокопревосходительство прекрасно понимает это, не правда ли?

His excellency frowned thoughtfully. Его высокопревосходительство адмирал нахмурился.

"I understand... in part," said he. - Да, я понимаю, но... не все, - сказал он задумчиво.

Captain Blood had a moment's uneasiness. На какую-то долю секунды Бладом овладело беспокойство.

Did the Spaniard doubt his bona fides? Не вызвала ли его личность сомнений у этого испанца?

Yet in dress and speech he knew himself to be impeccably Spanish, and was not Don Esteban there to confirm him? Но разве по одежде и по языку кабальеро Педро Сангре не был настоящим испанцем и разве не стоял рядом с ним дон Эстебан, готовый подтвердить его историю?

He swept on to afford further confirmation before the Admiral could say another word. И прежде чем адмирал успел вымолвить хотя бы слово, Блад поспешил дать дополнительное подтверждение:

"And we have in the boat below two chests containing fifty thousand pieces of eight, which we are to deliver to your excellency." - А вот здесь в лодке два сундука с пятьюдесятью тысячами песо, которые нам поручено доставить вашему высокопревосходительству.

His excellency jumped; there was a sudden stir among his officers. Его высокопревосходительство даже подпрыгнул от восторга, а офицеры его внезапно заволновались.

"They are the ransom extracted by Don Diego from the Governor of..." - Это выкуп, полученный доном Диего от губернатора Барба...

"Not another word, in the name of Heaven!" cried the Admiral in alarm. - Ради бога, ни слова больше! - воскликнул адмирал.

"My brother wishes me to assume charge of this money, to carry it to Spain for him? - Я ничего не слышал... Мой брат желает, чтобы я доставил для него эти деньги в Испанию?

Well, that is a family matter between my brother and myself. Хорошо! Но это дело семейное. Оно касается только моего брата и меня.

So, it can be done. Сделать это, конечно, можно.

But I must not know..." He broke off. Но я не должен знать... - Он смолк.

"Hum! - Гм!

A glass of Malaga in my cabin, if you please," he invited them, "whilst the chests are being hauled aboard." Пока будут поднимать на борт эти сундуки, прошу ко мне на стаканчик малаги, господа.

He gave his orders touching the embarkation of these chests, then led the way to his regally appointed cabin, his four officers and the friar following by particular invitation. И адмирал в сопровождении четырех офицеров и монаха, специально приглашенных для этого случая, направился в свою каюту, убранную с королевской роскошью.

Seated at table there, with the tawny wine before them, and the servant who had poured it withdrawn, Don Miguel laughed and stroked his pointed, grizzled beard. Слуга, разлив по стаканам коричневатое вино, удалился. Дон Мигель, усевшись за стол, погладил свою курчавую острую бородку и, улыбаясь, сказал:

"Virgen santisima! - Пресвятая дева!

That brother of mine has a mind that thinks of everything. У моего брата, господа, предусмотрительнейший ум.

Left to myself, I might have committed a fine indiscretion by venturing aboard his ship at such a moment. I might have seen things which as Admiral of Spain it would be difficult for me to ignore." Ведь я мог бы неосторожно посетить его на корабле и увидеть там такие вещи, которые мне, как адмиралу Испании, было бы трудно не заметить.

Both Esteban and Blood made haste to agree with him, and then Blood raised his glass, and drank to the glory of Spain and the damnation of the besotted James who occupied the throne of England. Эстебан и Блад тут же с ним согласились. Затем Блад, подняв стакан, выпил за процветание Испании и за гибель идиота Якова, сидящего на английском престоле.

The latter part of his toast was at least sincere. Вторая половина его тоста была вполне искренней.

The Admiral laughed. Адмирал рассмеялся:

"Sir, sir, you need my brother here to curb your imprudences. - Синьор! Синьор! Жаль, нет моего брата. Он обуздал бы ваше неблагоприятие.

You should remember that His Catholic Majesty and the King of England are very good friends. That is not a toast to propose in this cabin. But since it has been proposed, and by one who has such particular personal cause to hate these English hounds, why, we will honour it - but unofficially." Не забывайте, что его католическое величество и король Яков - хорошие друзья, и, следовательно, тосты, подобные вашим, в этой каюте, согласитесь, неуместны, но, поскольку такой тост уже

произнесен человеком, у которого есть особые причины ненавидеть этих английских собак, мы, конечно, можем выпить, господа, но... неофициально.

They laughed, and drank the damnation of King James - quite unofficially, but the more fervently on that account. Все громко рассмеялись и выпили за гибель короля Якова с еще большим энтузиазмом, поскольку тост был неофициальным.

Then Don Esteban, uneasy on the score of his father, and remembering that the agony of Don Diego was being protracted with every moment that they left him in his dreadful position, rose and announced that they must be returning. Затем дон Эстебан, беспокоясь за судьбу отца и помня, что страдания его затягивались по мере их задержки здесь, поднялся и объявил, что им пора возвращаться.

"My father," he explained, "is in haste to reach San Domingo. - Мой отец торопится в Сан-Доминго, - объяснил юноша.

He desired me to stay no longer than necessary to embrace you. - Он просил меня прибыть сюда только для того, чтобы обнять вас, дорогой дядя.

If you will give us leave, then, sir uncle." Поэтому прошу вашего разрешения откланяться.

In the circumstances "sir uncle" did not insist. Адмирал, разумеется, не счел возможным их задерживать.

As they returned to the ship's side, Blood's eyes anxiously scanned the line of seamen leaning over the bulwarks in idle talk with the Spaniards in the cock-boat that waited at the ladder's foot. Подходя к веревочному трапу, Блад тревожно взглянул на матросов "Энкарнасиона", которые, перегнувшись через борт, болтали с гребцами шлюпки, качавшейся на волнах глубоко внизу.

But their manner showed him that there was no ground for his anxiety. Поведение гребцов, однако, не вызывало оснований для беспокойства.

The boat's crew had been wisely reticent. Люди из команды "Синко Льягас", к счастью для себя, держали язык за зубами.

The Admiral took leave of them - of Esteban affectionately, of Blood ceremoniously. Адмирал попрощался с Эстебаном нежно, а с Бладом церемонно:

"I regret to lose you so soon, Don Pedro. - Весьма сожалею, что нам приходится расставаться с вами так скоро, дон Педро.

I wish that you could have made a longer visit to the Encarnacion." Мне хотелось бы, чтобы вы провели больше времени на "Энкарнасионе".

"I am indeed unfortunate," said Captain Blood politely. - Мне, как всегда, не везет, - вежливо ответил Блад.

"But I hope that we may meet again." - Но льщу себя надеждой, что мы вскоре встретимся, кабальеро.

"That is to flatter me beyond all that I deserve." - Вы оказываете мне высокую честь, дон Мигель,- церемонно ответил Блад. - Она превышает мои скромные заслуги.

They reached the boat; and she cast off from the great ship. As they were pulling away, the Admiral waving to them from the taffrail, they heard the shrill whistle of the bo'sun piping the hands to their stations, and before they had reached the Cinco Llagas, they beheld the Encarnacion go about under sail. She dipped her flag

to them, and from her poop a gun fired a salute. Они спустились в шлюпку и, оставляя за собой огромный корабль, с гакаборта которого адмирал махал им рукой, услышали пронзительный свисток боцмана, приказывающий команде занять свои места. Еще не дойдя до "Синко Льягас", они увидели, что "Энкарнасион", подняв паруса и делая поворот оверштаг[45], приспустил в знак прощания флаг и отсалютовал им пушечным выстрелом.

Aboard the Cinco Llagas some one - it proved afterwards to be Hagthorpe - had the wit to reply in the same fashion. На борту "Синко Льягас" у кого-то (позже выяснилось, что у Хагторпа) хватило ума ответить тем же.

The comedy was ended. Yet there was something else to follow as an epilogue, a thing that added a grim ironic flavour to the whole. Комедия заканчивалась, но финал ее был неожиданно окрашен мрачной краской.

As they stepped into the waist of the Cinco Llagas, Hagthorpe advanced to receive them. Когда они поднялись на борт "Синко Льягас", их встретил Хагторп.

Blood observed the set, almost scared expression on his face. Блад обратил внимание на какое-то застывшее, почти испуганное выражение его лица.

"I see that you've found it," he said quietly. - Я вижу, что ты уже это заметил, - тихо сказал Блад.

Hagthorpe's eyes looked a question. But his mind dismissed whatever thought it held. Хагторп понимающе взглянул на него и тут же отбросил мелькнувшую в его мозгу мысль: капитан Блад явно не мог знать о том, что он хотел ему сказать.

"Don Diego..." he was beginning, and then stopped, and looked curiously at Blood. - Дон Диего... - начал было Хагторп, но затем остановился и как-то странно посмотрел на Блада.

Noting the pause and the look, Esteban bounded forward, his face livid. Дон Эстебан перехватил взгляды, какими обменялись Хагторп и Блад, побледнел как полотно и бросился к ним.

"Have you broken faith, you curs? - Вы не сдержали слова, собаки?

Has he come to harm?" he cried - and the six Spaniards behind him grew clamorous with furious questionings. Что вы сделали с отцом? - закричал он, а шестеро испанцев, стоявших позади него, громко зароптали.

"We do not break faith," said Hagthorpe firmly, so firmly that he quieted them. - Мы не нарушали обещания, - решительно ответил Хагторп, и ропот сразу умолк.

"And in this case there was not the need. - В этом не было никакой необходимости.

Don Diego died in his bonds before ever you reached the Encarnacion." Дон Диего умер еще до того, как вы подошли к "Энкарнасиону".

Peter Blood said nothing. Питер Блад продолжал молчать.

"Died?" screamed Esteban. - Умер? - рыдая, спросил Эстебан.

"You killed him, you mean. - Ты хочешь сказать, что вы убили его!

Of what did he die?" Отчего он умер?

Hagthorpe looked at the boy. Хагторп посмотрел на юношу.

"If I am a judge," he said, "Don Diego died of fear." - Насколько я могу судить, - сказал он, - он умер от страха.

Don Esteban struck Hagthorpe across the face at that, and Hagthorpe would have struck back, but that Blood got between, whilst his followers seized the lad. Услышав такой оскорбительный ответ, дон Эстебан влепил Хагторпу пощечину, и тот, конечно, ответил бы ему тем же, если бы Блад не стал меж ними и если бы его люди не схватили молодого испанца.

"Let be," said Blood. - Перестань, - сказал Блад.

"You provoked the boy by your insult to his father." - Ты сам вызвал мальчишку на это, оскорбив его отца.

"I was not concerned to insult," said Hagthorpe, nursing his cheek. "It is what has happened. - Я думаю не об оскорблении, - ответил Хагторп, потирая щеку, - а о том, что произошло.

Come and look." Пойдем посмотрим.

"I have seen," said Blood. - Мне нечего смотреть, - сказал Блад.

"He died before I left the Cinco Llagas. He was hanging dead in his bonds when I spoke to him before leaving." - Он умер еще до того, как мы сошли с борта "Синко Льягас", и уже мертвый висел на веревках, когда я с ним разговаривал.

"What are you saying?" cried Esteban. - Что вы говорите? - закричал Эстебан.

Blood looked at him gravely. Yet for all his gravity he seemed almost to smile, though without mirth. Блад печально взглянул на него, чуть-чуть улыбнулся и спокойно спросил:

"If you had known that, eh?" he asked at last. - Ты сожалеешь о том, что не знал об этом раньше? Не так ли?

For a moment Don Esteban stared at him wide-eyed, incredulous. Эстебан недоверчиво смотрел на него широко открытыми глазами.

"I don't believe you," he said at last. - Я вам не верю, - наконец сказал он.

"Yet you may. I am a doctor, and I know death when I see it." - Это твое дело, но я врач и не могу ошибиться, когда вижу перед собой умершего.

Again there came a pause, whilst conviction sank into the lad's mind. Снова наступила пауза, и юноша медленно начал сознавать, что случилось.

"If I had known that," he said at last in a thick voice, "you would be hanging from the yardarm of the Encarnacion at this moment." - Знай я об этом раньше, ты уже висел бы на нок-рее "Энкарнасиона! "

"I know," said Blood. - Несомненно.

"I am considering it - the profit that a man may find in the ignorance of others." Вот поэтому я сейчас и думаю о той выгоде, какую человек может извлечь из того, что знает он и чего не знают другие.

"But you'll hang there yet," the boy raved. - Но ты еще будешь там болтаться! - бушевал Эспиноса-младший.

Captain Blood shrugged, and turned on his heel. Капитан Блад пожал плечами и отвернулся.

But he did not on that account disregard the words, nor did Hagthorpe, nor yet the others who overheard them, as they showed at a council held that night in the cabin. Однако слова эти он запомнил, так же как запомнил их Хагторп и все, кто стоял на палубе. Это выяснилось на совете, состоявшемся вечером.

This council was met to determine what should be done with the Spanish prisoners. Совет собрался для решения дальнейшей судьбы испанских пленников.

Considering that Curacao now lay beyond their reach, as they were running short of water and provisions, and also that Pitt was hardly yet in case to undertake the navigation of the vessel, it had been decided that, going east of Hispaniola, and then sailing along its northern coast, they should make for Tortuga, that haven of the buccaneers, in which lawless port they had at least no danger of recapture to apprehend. Всем было ясно, что они не смогут добраться до Кюрасао, так как запасы воды и продовольствия были уже на исходе, а Питт еще не мог приступить к своим штурманским обязанностям. Обсудив все это, они решили направиться к востоку от острова Гаити и, пройдя вдоль его северного побережья, добраться до острова Тортуга. Там, в порту, принадлежавшем французской ВестИндской компании, им по крайней мере не угрожала опасность захвата.

It was now a question whether they should convey the Spaniards thither with them, or turn them off in a boat to make the best of their way to the coast of Hispaniola, which was but ten miles off. Сейчас возникал вопрос, должны ли они тащить с собой испанских пленников или же, посадив их в лодку, дать им возможность самим добираться до земли, находившейся всего лишь в десяти милях.

This was the course urged by Blood himself. Именно это предлагал сделать Блад.

"There's nothing else to be done," he insisted. - У нас нет иного выхода, - настойчиво доказывал он.

"In Tortuga they would be flayed alive." - На Тортуге их сожгут живьем.

"Which is less than the swine deserve," growled Wolverstone. - Эти свиньи заслуживают и худшего! - проворчал Волверстон.

"And you'll remember, Peter," put in Hagthorpe, "that boy's threat to you this morning. - Вспомни, Питер, - вмешался Хагторп, - чем тебе сегодня угрожал мальчишка.

If he escapes, and carries word of all this to his uncle, the Admiral, the execution of that threat will become more than possible." It says much for Peter Blood that the argument should have left him unmoved. It is a little thing, perhaps, but in a narrative in which there is so much that tells against him, I cannot - since my story is in the nature of a brief for the defence - afford to slur a circumstance that is so strongly in his favour, a circumstance revealing that the cynicism attributed to him proceeded from his reason and from a brooding over wrongs rather than from any natural instincts. Если он спасется и расскажет дяде-адмиралу о том, что случилось, осуществление его угрозы станет более чем возможным.

"I care nothing for his threats." - Я не боюсь его угроз.

"You should," said Wolverstone. - А напрасно, - заметил Волверстон.

"The wise thing'd be to hang him, along o' all the rest." - Разумнее было бы повесить его вместе с остальными.

"It is not human to be wise," said Blood. - Гуманность проявляется не только в разумных поступках, - сказал Блад, размышляя вслух.

"It is much more human to err, though perhaps exceptional to err on the side of mercy. - Иногда лучше ошибаться во имя гуманности, даже если эта ошибка, пусть даже в виде исключения, объясняется состраданием.

We'll be exceptional. Мы пойдем на такое исключение.

Oh, faugh! I've no stomach for cold-blooded killing. Я не могу согласиться с таким хладнокровным убийством.

At daybreak pack the Spaniards into a boat with a keg of water and a sack of dumplings, and let them go to the devil." На рассвете дайте испанцам шлюпку, бочонок воды, несколько лепешек, и пусть они убираются к дьяволу!

That was his last word on the subject, and it prevailed by virtue of the authority they had vested in him, and of which he had taken so firm a grip. At daybreak Don Esteban and his followers were put off in a boat. Это было его последнее слово. Люди, наделившие Блада властью, согласились с его решением, и на рассвете дон Эстебан и его соотечественники покинули корабль.

Two days later, the Cinco Llagas sailed into the rock-bound bay of Cayona, which Nature seemed to have designed for the stronghold of those who had appropriated it. Два дня спустя "Синко Льягас" вошел в окруженную скалами Кайонскую бухту. Эта бухта, созданная природой, представляла собой неприступную цитадель для тех, кому посчастливилось ее захватить.

Chapter XIII Глава XIII

TORTUGA ТОРТУГА

It is time fully to disclose the fact that the survival of the story of Captain Blood's exploits is due entirely to the industry of Jeremy Pitt, the Somersetshire shipmaster. Сейчас будет вполне своевременно предать гласности тот факт, что история подвигов капитана Блада дошла до нас только благодаря трудолюбию Джереми Питта - шкипера из Сомерсетшира.

In addition to his ability as a navigator, this amiable young man appears to have wielded an indefatigable pen, and to have been inspired to indulge its fluency by the affection he very obviously bore to Peter Blood. Молодой человек был не только хорошим моряком, но и обладателем бойкого пера, которое он неутомимо использовал, воодушевляемый несомненной привязанностью к Питеру Бладу.

He kept the log of the forty-gun frigate Arabella, on which he served as master, or, as we should say to-day, navigating officer, as no log that I have seen was ever kept. Питт вел судовой журнал так, как не велся ни один подобного рода журнал из тех, что мне довелось видеть.

It runs into some twenty-odd volumes of assorted sizes, some of which are missing altogether and others of which are so sadly depleted of leaves as to be of little use. Он состоял из двадцати с лишним томов различного формата. Часть томов безвозвратно утрачена, в других не хватает многих страниц.

But if at times in the laborious perusal of them - they are preserved in the library of Mr. James Speke of Comerton - I have inveighed against these lacunae, at

others I have been equally troubled by the excessive prolixity of what remains and the difficulty of disintegrating from the confused whole the really essential parts. Однако если при тщательном ознакомлении с ними в библиотеке г-на Джеймса Спекса из Комертина я временами страшно досадовал на пропуски, то порой меня искренне удручало чрезмерное многословие Питта, создававшее большие трудности при отборе наиболее существенных фактов из беспорядочной массы дошедших до нас документов.

I have a suspicion that Esquemeling - though how or where I can make no surmise - must have obtained access to these records, and that he plucked from them the brilliant feathers of several exploits to stick them into the tail of his own hero, Captain Morgan. But that is by the way. Первые тома журнала Питта почти целиком заняты изложением событий, предшествовавших появлению Блада на Тортуге. Эти тома, так же как и собрание протоколов государственных судебных процессов, пока что являются главными, хотя и не единственными источниками, откуда я черпал материалы для моего повествования.

I mention it chiefly as a warning, for when presently I come to relate the affair of Maracaybo, those of you who have read Esquemeling may be in danger of supposing that Henry Morgan really performed those things which here are veraciously attributed to Peter Blood. Питт особенно подчеркивает тот факт, что именно эти обстоятельства, на которых я подробно останавливался, вынудили Питера Блада искать убежища на Тортуге.

I think, however, that when you come to weigh the motives actuating both Blood and the Spanish Admiral, in that affair, and when you consider how integrally the event is a part of Blood's history - whilst merely a detached incident in Morgan's - you will reach my own conclusion as to which is the real plagiarist. Он пишет об этом пространно и с заметным пристрастием, убеждающим нас в том, что в свое время на этот счет высказывалось другое мнение.

The first of these logs of Pitt's is taken up almost entirely with a retrospective narrative of the events up to the time of Blood's first coming to Tortuga. Он настаивает на отсутствии у Блада и его товарищей по несчастью каких-либо предварительных намерений объединиться с пиратами, которые превратили, под полуофициальной защитой французов, Тортугу в свою базу, откуда и совершали пиратские набеги на испанские колонии и корабли.

This and the Tannatt Collection of State Trials are the chief - though not the only - sources of my history so far. По утверждению Питта, Блад вначале стремился уехать во Францию или Голландию.

Pitt lays great stress upon the fact that it was the circumstances upon which I have dwelt, and these alone, that drove Peter Blood to seek an anchorage at Tortuga. Однако в ожидании попутного корабля он израсходовал почти все имевшиеся у него деньги.

He insists at considerable length, and with a vehemence which in itself makes it plain that an opposite opinion was held in some quarters, that it was no part of the design of Blood or of any of his companions in misfortune to join hands with the buccaneers who, under a semi-official French protection, made of Tortuga a lair whence they could sally out to drive their merciless piratical trade chiefly at the expense of Spain. Их у него было не очень много, и Питт сообщает, что тогда-то он и заметил признаки внутреннего беспокойства, мучившего его друга.

It was, Pitt tells us, Blood's original intention to make his way to France or Holland. Питт высказывает предположение, что Блад, общаясь в эти дни вынужденного бездействия с искателями приключений, заразился их настроениями, столь характерными для этой части Вест-Индии.

But in the long weeks of waiting for a ship to convey him to one or the other of these countries, his resources dwindled and finally vanished. Я не думаю, чтобы Питта можно было обвинить в придумывании каких-то оправданий для своего друга, потому что многое действительно могло угнетать Питера Блада.

Also, his chronicler thinks that he detected signs of some secret trouble in his friend, and he attributes to this the abuses of the potent West Indian spirit of which Blood became guilty in those days of inaction, thereby sinking to the level of the wild adventurers with whom ashore he associated. Несомненно, он часто думал об Арабелле Бишоп и сходил с ума, сознавая, что она для него недосыгаема.

I do not think that Pitt is guilty in this merely of special pleading, that he is putting forward excuses for his hero. Он любил Арабеллу и в то же время понимал, что она потеряна для него безвозвратно.

I think that in those days there was a good deal to oppress Peter Blood. Вполне объяснимо, конечно, его желание уехать во Францию или в Голландию, но вряд ли он мог объяснить и отчетливо представить себе, что будет там делать.

There was the thought of Arabella Bishop - and that this thought loomed large in his mind we are not permitted to doubt. Ведь в конце концов он был беглым рабом, человеком, объявленным вне закона у себя на родине, и бездомным изгнанником на чужбине.

He was maddened by the tormenting lure of the unattainable. Оставалось только море, открытое для всех и особенно манящее к себе тех, кто чувствовал себя во вражде со всем человечеством.

He desired Arabella, yet knew her beyond his reach irrevocably and for all time. Таким образом, душевное состояние Блада и свойственный ему дух смелой предприимчивости, толкнувшие его в свое время на поиски приключений просто из-за любви к ним, вынудили его уступить, а наличие у него богатого опыта и, я сказал бы, даже таланта в командовании военными кораблями лишь умножило соблазнительность выдвигаемых предложений.

Also, whilst he may have desired to go to France or Holland, he had no clear purpose to accomplish when he reached one or the other of these countries. Следует также помнить, что такие заманчивые предложения исходили не только от знакомых ему пиратов, наполнявших каботажные Тортуги, но даже и от губернатора острова д'Ожерона, получавшего от корсаров в качестве портовых сборов десятую часть всей их добычи.

He was, when all is said, an escaped slave, an outlaw in his own land and a homeless outcast in any other. Помимо этого, д'Ожерон неплохо зарабатывал и на комиссионных поручениях, принимая наличные деньги и выдавая взамен их векселя, подлежащие оплате во Франции.

There remained the sea, which is free to all, and particularly alluring to those who feel themselves at war with humanity. Занятие, которое казалось бы отвратительным, если бы в защиту его высказывались только грязные, полупьяные авантюристы, охотники, лесорубы и прибрежные жители, собирающие все то, что выбрасывается морем, становилось солидной, почти узаконенной разновидностью каперства[46], когда его необходимость убедительно доказывал изысканно одетый господин, представлявший здесь интересы французской Вест-Индской компании с таким видом, будто он был представителем самой Франции.

And so, considering the adventurous spirit that once already had sent him a-roving for the sheer love of it, considering that this spirit was heightened now by a recklessness begotten of his outlawry, that his training and skill in militant

seamanship clamorously supported the temptations that were put before him, can you wonder, or dare you blame him, that in the end he succumbed? Все, кто спасся с Питером Бладом с плантаций Барбадоса, и в числе их сам Джереми Питт, в ушах которого постоянно шумел настойчивый зов моря, почувствовав себя вечными изгнанниками, также хотели присоединиться к великому "береговому братству", как называли себя пираты.

And remember that these temptations proceeded not only from adventurous buccaneering acquaintances in the taverns of that evil haven of Tortuga, but even from M. d'Ogeron, the governor of the island, who levied as his harbour dues a percentage of one tenth of all spoils brought into the bay, and who profited further by commissions upon money which he was desired to convert into bills of exchange upon France. Они настоятельно требовали от Блада согласия быть их, вожаком и клялись следовать за ним повсюду.

A trade that might have worn a repellent aspect when urged by greasy, half-drunken adventurers, boucan-hunters, lumbermen, beach-combers, English, French, and Dutch, became a dignified, almost official form of privateering when advocated by the courtly, middle-aged gentleman who in representing the French West India Company seemed to represent France herself. Если подвести итог под записями Джереми, посвященными этому вопросу, то выйдет так, что Блад подчинился своим настроениям и настояниям друзей и отдался течению судьбы, заявив, что от нее все равно никуда не уйдешь.

Moreover, to a man - not excluding Jeremy Pitt himself, in whose blood the call of the sea was insistent and imperative - those who had escaped with Peter Blood from the Barbados plantations, and who, consequently, like himself, knew not whither to turn, were all resolved upon joining the great Brotherhood of the Coast, as those rovers called themselves. Я думаю, что основной причиной его колебаний и столь длительного сопротивления была мысль об Арабелле Бишоп.

And they united theirs to the other voices that were persuading Blood, demanding that he should continue now in the leadership which he had enjoyed since they had left Barbados, and swearing to follow him loyally whithersoever he should lead them. Ни тогда, ни позже он не задумывался о том, что им, может быть, не суждено больше встретиться.

And so, to condense all that Jeremy has recorded in the matter, Blood ended by yielding to external and internal pressure, abandoned himself to the stream of Destiny. Он представлял себе, с каким презрением она будет вспоминать о нем, услышав, что он стал корсаром, и это презрение, существовавшее пока лишь в его воображении, причиняло ему такую боль, как если бы оно уже стало реальностью.

"Fata viam invenerunt," is his own expression of it. Мысль об Арабелле Бишоп никогда не покидала его.

If he resisted so long, it was, I think, the thought of Arabella Bishop that restrained him. Совершив сделку со своей совестью - а воспоминания об этой девушке делали его совесть болезненно чувствительной, - он дал клятву сохранить свои руки настолько чистыми, насколько это было возможно для человека отчаянной профессии, которую он сейчас выбрал.

That they should be destined never to meet again did not weigh at first, or, indeed, ever. Он, видимо, не питал никаких обманчивых надежд когда-либо добиться взаимности этой девушки или даже вообще встретиться с ней, но горькая память о ней должна была навсегда сохраниться в его душе.

He conceived the scorn with which she would come to hear of his having turned pirate, and the scorn, though as yet no more than imagined, hurt him as if it were

already a reality. Приняв решение, он с увлечением занялся подготовкой к пиратской деятельности.

And even when he conquered this, still the thought of her was ever present. Д'Ожерон, пожалуй, самый услужливый из всех губернаторов, дал ему значительную ссуду на снаряжение корабля

He compromised with the conscience that her memory kept so disconcertingly active. "Синко Льягас", переименованного в

He vowed that the thought of her should continue ever before him to help him keep his hands as clean as a man might in this desperate trade upon which he was embarking. "Арабеллу".

And so, although he might entertain no delusive hope of ever winning her for his own, of ever even seeing her again, yet the memory of her was to abide in his soul as a bitter-sweet, purifying influence. Блад долго раздумывал, перед тем как дать кораблю новое имя, опасаясь выдать этим свои истинные чувства.

The love that is never to be realized will often remain a man's guiding ideal. Однако его друзья увидели в новом имени корабля лишь выражение иронии, свойственной их руководителю.

The resolve being taken, he went actively to work. Неплохо разбираясь в людях, Блад добавил к числу своих сторонников еще шестьдесят человек, тщательно отобранных им из числа искателей приключений, околачивающихся на Тортуге.

Ogeron, most accommodating of governors, advanced him money for the proper equipment of his ship the Cinco Llagas, which he renamed the Arabella. Как было принято неписаными законами "берегового братства", он заключил договор с каждым членом своей команды, по которому договаривающийся получал определенную долю захваченной добычи.

This after some little hesitation, fearful of thus setting his heart upon his sleeve. Но во всех остальных отношениях этот договор резко отличался от соглашений подобного рода.

But his Barbados friends accounted it merely an expression of the ever-ready irony in which their leader dealt. Все проявления буйной недисциплинированности, обычные для корсарских кораблей, на борту

To the score of followers he already possessed, he added threescore more, picking his men with caution and discrimination - and he was an exceptional judge of men - from amongst the adventurers of Tortuga. "Арабеллы" категорически запрещались.

With them all he entered into the articles usual among the Brethren of the Coast under which each man was to be paid by a share in the prizes captured. Те, кто уходил с Бладом в океан, обязывались полностью и во всем подчиняться ему и ими самими выбранным офицерам, а те, кого не устраивали эти условия, могли искать себе другого вожака.

In other respects, however, the articles were different. В канун Нового года, после окончания сезона штормов, Блад вышел в море на хорошо оснащенном и полностью укомплектованном корабле.

Aboard the Arabella there was to be none of the ruffianly indiscipline that normally prevailed in buccaneering vessels. Но, еще прежде чем он возвратился в мае из затянувшегося и насыщенного событиями плавания, слава о нем промчалась по Карибскому морю подобно ряби, гонимой ветром.

Those who shipped with him undertook obedience and submission in all things to himself and to the officers appointed by election. В самом начале плавания в Наветренном проливе произошла битва с испанским галионом, закончившаяся его потоплением.

Any to whom this clause in the articles was distasteful might follow some other leader. Затем с помощью нескольких пирог был совершен дерзкий налет на испанскую флотилию, занимавшуюся добычей жемчуга у Риодель-Хача, и захвачена вся добыча этой флотилии.

Towards the end of December, when the hurricane season had blown itself out, he put to sea in his well-found, well-manned ship, and before he returned in the following May from a protracted and adventurous cruise, the fame of Captain Peter Blood had run like ripples before the breeze across the face of the Caribbean Sea. Потом была предпринята десантная экспедиция на золотые прииски Санта-Мария на Мэйне, подробностям описания которой даже трудно поверить, и совершено еще несколько других менее громких дел.

There was a fight in the Windward Passage at the outset with a Spanish galleon, which had resulted in the gutting and finally the sinking of the Spaniard. Из всех схваток команда

There was a daring raid effected by means of several appropriated piraguas upon a Spanish pearl fleet in the Rio de la Hacha, from which they had taken a particularly rich haul of pearls. "Арабеллы" вышла победительницей, захватив богатую добычу и понеся небольшие потери в людях.

There was an overland expedition to the goldfields of Santa Maria, on the Main, the full tale of which is hardly credible, and there were lesser adventures through all of which the crew of the Arabella came with credit and profit if not entirely unscathed. Итак, слава об

And so it happened that before the Arabella came homing to Tortuga in the following May to refit and repair - for she was not without scars, as you conceive - the fame of her and of Peter Blood her captain had swept from the Bahamas to the Windward Isles, from New Providence to Trinidad. "Арабелле", возвратившейся на Тортугу в мае следующего года, и о капитане Питере Бладе прокатилась от Багамских до Наветренных островов и от Нью-Провиденс[47] до Тринидада.

An echo of it had reached Europe, and at the Court of St. James's angry representations were made by the Ambassador of Spain, to whom it was answered that it must not be supposed that this Captain Blood held any commission from the King of England; that he was, in fact, a proscribed rebel, an escaped slave, and that any measures against him by His Catholic Majesty would receive the cordial approbation of King James II. Эхо этой славы докатилось и до Европы.

Don Miguel de Espinosa, the Admiral of Spain in the West Indies, and his nephew Don Esteban who sailed with him, did not lack the will to bring the adventurer to the yardarm. Испанский посол при Сент-Джеймском дворе, как назывался тогда двор английского короля, представил раздраженную ноту, на которую ему официально ответили, что капитан Блад не только не состоит на королевской службе, но является осужденным бунтовщиком и беглым рабом, в связи с чем все мероприятия против подлого преступника со стороны его католического величества[48] получают горячее одобрение Якова II.

With them this business of capturing Blood, which was now an international affair, was also a family matter. Дон Мигель де Эспиноса - адмирал Испании в Вест-Индии и племянник его дон Эстебан страстно мечтали захватить этого авантюриста и повесить

его на нок-рее своего корабля.

Spain, through the mouth of Don Miguel, did not spare her threats. Вопрос о захвате Блада, принявший сейчас международный характер, был для них личным, семейным делом.

The report of them reached Tortuga, and with it the assurance that Don Miguel had behind him not only the authority of his own nation, but that of the English King as well. Дон Мигель не скупился на угрозы по адресу Блада.

It was a brutum fulmen that inspired no terrors in Captain Blood. Слухи об этих угрозах долетели до Тортуги одновременно с заявлением испанского адмирала о том, что в своей борьбе с Бладом он опирается не только на мощь своей страны, но и на авторитет английского короля.

Nor was he likely, on account of it, to allow himself to run to rust in the security of Tortuga. Хвастовство адмирала не испугало капитана Блада.

For what he had suffered at the hands of Man he had chosen to make Spain the scapegoat. Он не позволил себе и своей команде бездельничать на Тортуге, решив сделать Испанию козлом отпущения за все свои муки.

Thus he accounted that he served a twofold purpose: he took compensation and at the same time served, not indeed the Stuart King, whom he despised, but England and, for that matter, all the rest of civilized mankind which cruel, treacherous, greedy, bigoted Castile sought to exclude from intercourse with the New World. Это вело к достижению двоякой цели: удовлетворяло кипящую в нем жажду мести и приносило пользу - конечно, не ненавистному английскому королю Якову II, но Англии, а с нею и всей остальной части цивилизованного человечества, которую жадная и фанатичная Испания пыталась не допустить к общению с Новым Светом.

One day as he sat with Hagthorpe and Wolverstone over a pipe and a bottle of rum in the stifling reek of tar and stale tobacco of a waterside tavern, he was accosted by a splendid ruffian in a gold-laced coat of dark-blue satin with a crimson sash, a foot wide, about the waist. Однажды, когда Блад, покуривая трубку, вместе с Хагторпом и Волверстоном сидел за бутылкой рома в пропахшей смолой и табаком прибрежной таверне, к ним подошел неизвестный человек в расшитом золотом камзоле из темно-голубого атласа, подпоясанном широким малиновым кушаком.

"C'est, vous qu'on appelle Le Sang?" the fellow hailed him. - Это вы тот, кого называют Ле Сан? [49] -обратился он к Бладу.

Captain Blood looked up to consider the questioner before replying. Прежде чем ответить на этот вопрос, капитан Блад взглянул на разряженного головореза.

The man was tall and built on lines of agile strength, with a swarthy, aquiline face that was brutally handsome. В том, что это был именно головорез, не стоило сомневаться - достаточно было взглянуть на быстрые движения его гибкой фигуры и грубо-красивое смуглое лицо с орлиным носом.

A diamond of great price flamed on the indifferently clean hand resting on the pommel of his long rapier, and there were gold rings in his ears, half-concealed by long ringlets of oily chestnut hair. Его не очень чистая рука покоилась на эфесе длинной рапиры, на безымянном пальце сверкал огромный бриллиант, а уши были украшены золотыми серьгами, полуприкрытыми длинными локонами маслянистых каштановых волос.

Captain Blood took the pipe-stem from between his lips. Капитан Блад вынул изо рта трубку и ответил:

"My name," he said, "is Peter Blood. - Мое имя Питер Блад.

The Spaniards know me for Don Pedro Sangre and a Frenchman may call me Le Sang if he pleases." Испанцы знают меня под именем дона Педро Сангре, а француз, если ему нравится, может называть меня Ле Сан.

"Good," said the gaudy adventurer in English, and without further invitation he drew up a stool and sat down at that greasy table. - Хорошо, - сказал авантюрист по-английски и, не ожидая приглашения, пододвинул стул к грязному столу.

"My name," he informed the three men, two of whom at least were eyeing him askance, "it is Levasseur. - Мое имя Левасер, - сообщил он трем собеседникам, из которых по крайней мере двое подозрительно его рассматривали.

You may have heard of me." - Вы, должно быть, слышали обо мне.

They had, indeed. Да, его имя, конечно, было им известно.

He commanded a privateer of twenty guns that had dropped anchor in the bay a week ago, manned by a crew mainly composed of French boucanhunters from Northern Hispaniola, men who had good cause to hate the Spaniard with an intensity exceeding that of the English. Левасер командовал двадцатипушечным капером, неделю назад бросившим якорь в Тортугской бухте. Команда корабля состояла из французов-охотников, которые жили в северной части Гаити и ненавидели испанцев еще сильнее, чем англичане.

Levasseur had brought them back to Tortuga from an indifferently successful cruise. It would need more, however, than lack of success to abate the fellow's monstrous vanity. Левасер вернулся на Тортугу после малоуспешного похода, однако потребовалось бы нечто гораздо большее, нежели отсутствие успехов, для того чтобы умирить чудовищное тщеславие этого горластого авантюриста.

A roaring, quarrelsome, hard-drinking, hard-gaming scoundrel, his reputation as a buccaneer stood high among the wild Brethren of the Coast. Сварливый, как базарная торговка, пьяница и азартный игрок, он пользовался шумной известностью у дикого "берегового братства".

He enjoyed also a reputation of another sort. За ним укрепились и еще одна репутация совсем иного сорта.

There was about his gaudy, swaggering raffishness something that the women found singularly alluring. Его щегольское беспутство и смазливая внешность привлекали к нему женщин из самых различных слоев общества.

That he should boast openly of his bonnes fortunes did not seem strange to Captain Blood; what he might have found strange was that there appeared to be some measure of justification for these boasts. Он открыто хвастался своими успехами у "второй половины человеческого рода", как выражался сам Левасер, и надо отдать справедливость - у него были для этого серьезные основания.

It was current gossip that even Mademoiselle d'Ogeron, the Governor's daughter, had been caught in the snare of his wild attractiveness, and that Levasseur had gone the length of audacity of asking her hand in marriage of her father. Ходили упорные слухи, что даже дочь губернатора, мадемуазель д'Ожерон, вошла в число его жертв, и Левасер имел наглость просить у отца ее руки.

M. d'Ogeron had made him the only possible answer. He had shown him the door. Единственно, чем мог ответить губернатор на лестное предложение стать тестем распутного бандита, - это указать ему на дверь, что он и сделал.

Levasseur had departed in a rage, swearing that he would make mademoiselle his wife in the teeth of all the fathers in Christendom, and that M. d'Ogeron should bitterly rue the affront he had put upon him. Левасер в ярости удалился, поклявшись, что он женится на дочери губернатора, невзирая на сопротивление всех отцов и матерей в мире, а д'Ожерон будет горько сожалеть, что он оскорбил будущего зятя.

This was the man who now thrust himself upon Captain Blood with a proposal of association, offering him not only his sword, but his ship and the men who sailed in her. Таков был человек, который за столиком портовой таверны предлагал капитану Бладу объединиться для совместной борьбы с испанцами.

A dozen years ago, as a lad of barely twenty, Levasseur had sailed with that monster of cruelty L'Ollonais, and his own subsequent exploits bore witness and did credit to the school in which he had been reared. Лет двенадцать назад Левасер, которому тогда едва исполнилось двадцать лет, плавал с жестоким чудовищем - пиратом Л'Оллонэ - и своими последующими "подвигами" доказал, что не зря провел время в его школе.

I doubt if in his day there was a greater scoundrel among the Brethren of the Coast than this Levasseur. Среди "берегового братства" тех времен вряд ли нашелся бы больший негодяй, нежели Левасер.

And yet, repulsive though he found him, Captain Blood could not deny that the fellow's proposals displayed boldness, imagination, and resource, and he was forced to admit that jointly they could undertake operations of a greater magnitude than was possible singly to either of them. Капитан Блад, чувствуя отвращение к авантюристу, все же не мог отрицать, что его предложения отличаются смелостью и изобретательностью и что совместно с ним можно было бы предпринять более серьезные операции, чем те, которые были под силу каждому из них в отдельности.

The climax of Levasseur's project was to be a raid upon the wealthy mainland city of Maracaybo; but for this, he admitted, six hundred men at the very least would be required, and six hundred men were not to be conveyed in the two bottoms they now commanded. Одной из таких операций, предлагаемых Левасером, был план нападения на богатый город Маракайбо, лежавший вдали от морского берега. Для этого набега требовалось не менее шестисот человек, а их, конечно, нельзя было перевезти на двух имевшихся сейчас у них кораблях.

Preliminary cruises must take place, having for one of their objects the capture of further ships. Блад понимал, что без двух-трех предварительных рейдов, целью которых явился бы захват недостающих кораблей, не обойдешься.

Because he disliked the man, Captain Blood would not commit himself at once. Хотя Левасер не понравился Бладу и он не захотел сразу же брать на себя какие-либо обязательства, но предложения авантюриста показались ему заманчивыми.

But because he liked the proposal he consented to consider it. Он согласился обдумать их и дать ответ.

Being afterwards pressed by both Hagthorpe and Wolverstone, who did not share his own personal dislike of the Frenchman, the end of the matter was that within a week articles were drawn up between Levasseur and Blood, and signed by them and - as was usual - by the chosen representatives of their followers. Хагторп и Волверстон, не разделявшие личной неприязни Блада к этому французцу, оказали сильное давление на своего капитана, и в конце концов Левасер и Блад заключили договор, подписанный не только ими, но, как это было принято, и выборными представителями обеих команд.

These articles contained, inter alia, the common provisions that, should the two

vessels separate, a strict account must afterwards be rendered of all prizes severally taken, whilst the vessel taking a prize should retain three fifths of its value, surrendering two fifths to its associate. Договор, помимо всего прочего, предусматривал, что все трофеи, захваченные каждым из кораблей, даже в том случае, если они будут действовать не в совместном бою, а вдали друг от друга, должны строго учитываться: корабль оставлял себе три пятых доли захваченных трофеев, а две пятых обязан был передать другому кораблю.

These shares were subsequently to be subdivided among the crew of each vessel, in accordance with the articles already obtaining between each captain and his own men. Эти доли в соответствии с заключенным договором следовало честно делить между командами каждого корабля.

For the rest, the articles contained all the clauses that were usual, among which was the clause that any man found guilty of abstracting or concealing any part of a prize, be it of the value of no more than a peso, should be summarily hanged from the yardarm. В остальном все пункты договора не отличались от обычных, включая пункт, по которому любой член команды, признанный виновным в краже или укрывании любой части трофейного имущества, даже если бы стоимость утаенного не превышала одного песо, должен был быть немедленно повешен на рее.

All being now settled they made ready for sea, and on the very eve of sailing, Levasseur narrowly escaped being shot in a romantic attempt to scale the wall of the Governor's garden, with the object of taking passionate leave of the infatuated Mademoiselle d'Ogeron. Закончив все эти предварительные дела, корсары начали готовиться к выходу в море. Но уже в канун самого отплытия Левасер едва не был застрелен стражниками, когда перебирался через высокую стену губернаторского сада, для того чтобы нежно распрощаться с влюбленной в него мадемуазель д'Ожерон.

He desisted after having been twice fired upon from a fragrant ambush of pimento trees where the Governor's guards were posted, and he departed vowing to take different and very definite measures on his return. Ему не удалось даже повидать ее, так как по приказу осторожного папы стражники, сидевшие в засаде среди густых душистых кустарников, дважды в него стреляли. Левасер удалился, поклявшись, что после возвращения все равно добьется своего.

That night he slept on board his ship, which with characteristic flamboyance he had named La Foudre, and there on the following day he received a visit from Captain Blood, whom he greeted half-mockingly as his admiral. Эту ночь Левасер спал на борту своего корабля, названного им, с характерной для него склонностью к крикливости, "Ла Фудр", что в переводе означает "молния". Здесь же на следующий день Левасер встретился с Бладом, полунасмешливо приветствуя его как своего адмирала.

The Irishman came to settle certain final details of which all that need concern us is an understanding that, in the event of the two vessels becoming separated by accident or design, they should rejoin each other as soon as might be at Tortuga. Капитан "Арабеллы" хотел уточнить кое-какие детали совместного плавания, из которых для нас представляет интерес только их договоренность о том, что, если в море - случайно или по необходимости - им придется разделиться, они поскорее должны будут снова встретиться на Тортуге.

Thereafter Levasseur entertained his admiral to dinner, and jointly they drank success to the expedition, so copiously on the part of Levasseur that when the time came to separate he was as nearly drunk as it seemed possible for him to be and yet retain his understanding. Закончив недолгое совещание, Левасер угостил своего адмирала обедом, и они подняли бокалы за успех экспедиции. При этом Левасер проявил такое усердие, что напился почти до потери сознания.

Finally, towards evening, Captain Blood went over the side and was rowed back to his great ship with her red bulwarks and gilded ports, touched into a lovely thing of flame by the setting sun. Под вечер Питер Блад вернулся на свой корабль, красный фальшборт которого и позолоченные амбразуры сверкали в лучах заходящего солнца.

He was a little heavy-hearted. На душе у него было беспокойно.

I have said that he was a judge of men, and his judgment of Levasseur filled him with misgivings which were growing heavier in a measure as the hour of departure approached. Я уже отмечал, что он неплохо разбирался в людях, и неприятное впечатление, произведенное на него Левасером, вызывало опасения, увеличивавшиеся по мере приближения выхода в море.

He expressed it to Wolverstone, who met him as he stepped aboard the Arabella: Он сказал об этом Волверстону, встретившему его на борту "Арабеллы":

"You over persuaded me into those articles, you blackguard; and it'll surprise me if any good comes of this association." - Черт бы вас взял, бродяги! Уговорили вы меня заключить этот договор. Вряд ли из нашего содружества выйдет толк.

The giant rolled his single bloodthirsty eye, and sneered, thrusting out his heavy jaw. Но гигант, насмешливо прищутив единственный налитый кровью глаз, улыбнулся и, выдвинув вперед свою массивную челюсть, заметил:

"We'll wring the dog's neck if there's any treachery." - Мы свернем шею этому псу, если он попытается нас предать.

"So we will - if we are there to wring it by then." And on that, dismissing the matter: "We sail in the morning, on the first of the ebb," he announced, and went off to his cabin. - Да, конечно, если к тому времени у нас будет возможность сделать это, - сказал Блад и, уходя в свою каюту, добавил: - Утром, с началом отлива, мы выходим в море.

Chapter XIV Глава XIV

LEVASSEUR'S HEROICS "ПОДВИГИ" ЛЕВАСЕРА

It would be somewhere about ten o'clock on the following morning, a full hour before the time appointed for sailing, when a canoe brought up alongside La Foudre, and a half-caste Indian stepped out of her and went up the ladder. He was clad in drawers of hairy, untanned hide, and a red blanket served him for a cloak. He was the bearer of a folded scrap of paper for Captain Levasseur. Утром, за час до отплытия, к борту "Ла Фудр" подошла маленькая туземная лодка - легкое каноэ. В ней сидел мулат в коротких штанах из невыделанной кожи и с красным одеялом на плечах, служившим ему плащом. Вскрабавшись, как кошка, по веревочному трапу на борт, мулат передал Левасеру сложенный в несколько раз грязный клочок бумаги.

The Captain unfolded the letter, sadly soiled and crumpled by contact with the half-caste's person. Its contents may be roughly translated thus: "My well-beloved - I am in the Dutch brig Jongvrouw, which is about to sail. Капитан развернул измятую записку с неровными, прыгающими строчками, написанными дочерью губернатора: Мой возлюбленный! Я нахожусь на голландском бриге[50] "Джонгроув". Он скоро должен выйти в море.

Resolved to separate us for ever, my cruel father is sending me to Europe in my brother's charge. Мой отец-тиран решил разлучить нас навсегда и под опекой моего брата отправляет меня в Европу.

I implore you, come to my rescue. Умоляю вас о спасении!

Deliver me, my well-beloved hero! Освободите меня, мой герой!

- Your desolated Madeleine, who loves you." Покинутая вами, но горячо любящая вас Мадлен.

The well-beloved hero was moved to the soul of him by that passionate appeal. Эта страстная мольба до глубины души растрогала "горячо любимого" героя.

His scowling glance swept the bay for the Dutch brig, which he knew had been due to sail for Amsterdam with a cargo of hides and tobacco. Нахмурившись, он окинул взглядом бухту, ища в ней голландский бриг, который должен был уйти в Амстердам с грузом кож и табака.

She was nowhere to be seen among the shipping in that narrow, rock-bound harbour. He roared out the question in his mind. В маленькой, окруженной скалами гавани брига не было, и Левасер в ярости набросился на мулата с требованием сообщить, куда девался корабль.

In answer the half-caste pointed out beyond the frothing surf that marked the position of the reef constituting one of the stronghold's main defences. Вместо ответа мулат дрожащей рукой указал на пенящееся море, где белел небольшой парус.

Away beyond it, a mile or so distant, a sail was standing out to sea. Он был уже далеко за рифами, которые служили естественными стражами цитадели.

"There she go," he said. - Бриг там, - пробормотал он.

"There!" - Там?!

The Frenchman gazed and stared, his face growing white. The man's wicked temper awoke, and turned to vent itself upon the messenger. "And where have you been that you come here only now with this? - Лицо француза побледнело; несколько минут он пристально всматривался в море, а затем, не сдерживая более своего мерзкого темперамента, заорал: - А где ты шлялся до сих пор, чертова образина? Почему только сейчас явился? Кому показывал это письмо?

Answer me!" Отвечай!

The half-caste shrank terrified before his fury. Перепуганный непонятым взрывом ярости, мулат сжался в комок.

His explanation, if he had one, was paralyzed by fear. Он не мог дать какого-либо объяснения, даже если бы оно у него и было, так как его парализовал страх.

Levasseur took him by the throat, shook him twice, snarling the while, then hurled him into the scuppers. Злобно оскалив зубы, Левасер схватил мулата за горло и, дважды тряхнув, с силой отшвырнул к борту.

The man's head struck the gunwale as he fell, and he lay there, quite still, a trickle of blood issuing from his mouth. Levasseur dashed one hand against the other, as if dusting them. Ударившись головой о планшир, мулат упал и остался неподвижным. Из полуоткрытого рта побежала струйка крови.

"Heave that muck overboard," he ordered some of those who stood idling in the waist. - Выбросить эту дрянь за борт! - приказал Левасер своим людям, стоявшим на шкафуте.

"Then up anchor, and let us after the Dutchman." - А затем поднимайте якорь. Мы

идем в погоню за голландцем.

"Steady, Captain. - Спокойно, капитан.

What's that?" В чем дело?

There was a restraining hand upon his shoulder, and the broad face of his lieutenant Cahusac, a burly, callous Breton scoundrel, was stolidly confronting him. И Левасер увидел перед собой широкое лицо лейтенанта Каузака, плотного, коренастого и кривоногого бретонца, который спокойно положил ему руку на плечо.

Levasseur made clear his purpose with a deal of unnecessary obscenity. Пересыпая свой рассказ непристойной бранью, Левасер сообщил ему, что он намерен предпринять.

Cahusac shook his head. Каузак покачал головой:

"A Dutch brig!" said he. - Голландский бриг?

"Impossible! Нет, это не пойдет!

We should never be allowed." Нам никто этого не позволит.

"And who the devil will deny us?" Levasseur was between amazement and fury. - Какой дьявол может мне помешать? - вне себя не то от гнева, не то от изумления вскричал Левасер.

"For one thing, there's your own crew will be none too willing. - Прежде всего твоя собственная команда.

For another there's Captain Blood." Ну, а кроме нее, есть еще капитан Блад.

"I care nothing for Captain Blood..." - Капитана Блада я не боюсь...

"But it is necessary that you should. - А его следует бояться.

He has the power, the weight of metal and of men, and if I know him at all he'll sink us before he'll suffer interference with the Dutch. Он обладает превосходством в силе, в мощи огня и в людях, и, думается мне, он скорее потопит нас, чем позволит нам разделаться с голландцами.

He has his own views of privateering, this Captain Blood, as I warned you." Я ведь рассказывал тебе, что у этого капитана свои взгляды на каперство.

"Ah!" said Levasseur, showing his teeth. - Да?! - процедил Левасер, заскрежетав зубами.

But his eyes, riveted upon that distant sail, were gloomily thoughtful. Not for long. Не спуская глаз с далекого паруса, он задумался, но ненадолго.

The imagination and resource which Captain Blood had detected in the fellow soon suggested a course. Сообразительность и инициатива, подмеченные капитаном Бладом, помогли ему тут же найти выход из положения.

Cursing in his soul, and even before the anchor was weighed, the association into which he had entered, he was already studying ways of evasion. Он проклинал в душе свое содружество с Бладом и обдумывал, как ему обмануть компаньона.

What Cahusac implied was true: Blood would never suffer violence to be done in his presence to a Dutchman; but it might be done in his absence; and, being done, Blood

must perforce condone it, since it would then be too late to protest. Каузак был прав: Блад ни за что не позволит напасть на голландское судно. Но ведь это можно сделать и в отсутствие Блада. Ну, а после того, как все закончится, он вынужден будет согласиться с Левасером, так как спорить уже будет поздно.

Within the hour the Arabella and La Foudre were beating out to sea together. Не прошло и часа, как "Арабелла" и "Ла Фудр" подняли якоря и вышли в море.

Without understanding the change of plan involved, Captain Blood, nevertheless, accepted it, and weighed anchor before the appointed time upon perceiving his associate to do so. Капитан Блад был удивлен, что Левасер повел свой корабль несколько иным курсом, но вскоре "Ла Фудр" лег на ранее договоренный курс, которого держалось, кстати сказать, и одетое белоснежными парусами судно, бегущее к горизонту.

All day the Dutch brig was in sight, though by evening she had dwindled to the merest speck on the northern horizon. Голландский бриг был виден в течение всего дня, хотя к вечеру он уменьшился до едва заметной точки в северной части безбрежного водного круга.

The course prescribed for Blood and Levasseur lay eastward along the northern shores of Hispaniola. Курс, которым должны были следовать Блад и Левасер, пролегал на восток, вдоль северного побережья острова Гаити.

To that course the Arabella continued to hold steadily throughout the night. When day broke again, she was alone. Всю ночь "Арабелла" тщательно придерживалась этого направления, но, когда занялась заря следующего дня, она оказалась одна.

La Foudre under cover of the darkness had struck away to the northeast with every rag of canvas on her yards. "Ла Фудр" под покровом темноты, подняв на реях все свои паруса, повернул на северо-восток.

Cahusac had attempted yet again to protest against this. Каузак еще раз пытался возразить против самовольства Левасера.

"The devil take you!" Levasseur had answered him. - Черт бы тебя побрал! - ответил заносчивый капитан.

"A ship's a ship, be she Dutch or Spanish, and ships are our present need. - Судно остается судном, безразлично - голландское оно или испанское.

That will suffice for the men." Наша задача - это захват кораблей, и команде достаточно этого объяснения.

His lieutenant said no more. Его лейтенант не сказал ничего.

But from his glimpse of the letter, knowing that a girl and not a ship was his captain's real objective, he gloomily shook his head as he rolled away on his bowed legs to give the necessary orders. Но, зная о содержании письма, привезенного покойным мулатом, и понимая, что предметом вожделений Левасера является не корабль, а девушка, он мрачно покачал головой.

Dawn found La Foudre close on the Dutchman's heels, not a mile astern, and the sight of her very evidently flustered the Jongvrow. Однако приказ капитана есть приказ, и, ковыляя на своих кривых ногах, лейтенант пошел отдавать необходимые распоряжения. На рассвете "Ла Фудр" оказался на расстоянии мили от "Джонгроува".

No doubt mademoiselle's brother recognizing Levasseur's ship would be responsible for the Dutch uneasiness. Брат мадемуазель д'Ожерон, опознавший корабль Левасера,

встревожился не на шутку и внушил свое беспокойство капитану голландского судна.

They saw the Jongvrouw crowding canvas in a futile endeavour to outsail them, whereupon they stood off to starboard and raced on until they were in a position whence they could send a warning shot across her bow. На "Джонгроуве" подняли дополнительные паруса, пытаясь уйти от "Ла Фудр". Левасер, чуть свернув вправо, гнался за голландцем до тех пор, пока не смог дать предупредительный выстрел поперек курса "Джонгроува".

The Jongvrow veered, showed them her rudder, and opened fire with her stern chasers. The small shot went whistling through La Foudre's shrouds with some slight damage to her canvas. Голландец, повернувшись кормой, открыл огонь, и небольшие пушечные ядра со свистом проносились над кораблем Левасера, нанося незначительные повреждения парусам.

Followed a brief running fight in the course of which the Dutchman let fly a broadside. И пока корабли шли на сближение, "Джонгроуву" удалось сделать только один бортовой залп.

Five minutes after that they were board and board, the Jongvrow held tight in the clutches of La Foudre's grapnels, and the buccaneers pouring noisily into her waist. Пять минут спустя абордажные крюки крепко вцепились в борт "Джонгроува", и корсары с криками начали перепрыгивать с палубы "Ла Фудр" на шкафут голландского судна.

The Dutchman's master, purple in the face, stood forward to beard the pirate, followed closely by an elegant, pale-faced young gentleman in whom Levasseur recognized his brother-in-law elect. Капитан "Джонгроува", побагровев от гнева, подошел к пирату. Голландца сопровождал элегантный молодой человек, в котором Левасер узнал своего будущего шурина.

"Captain Levasseur, this is an outrage for which you shall be made to answer. - Капитан Левасер! - сказал голландец. - Это неслыханная наглость!

What do you seek aboard my ship?" Что вам нужно на моем корабле?

"At first I sought only that which belongs to me, something of which I am being robbed. - Мне нужно только то, что у меня украли.

But since you chose war and opened fire on me with some damage to my ship and loss of life to five of my men, why, war it is, and your ship a prize of war." Но коль скоро вы первыми начали военные действия: открыв огонь, повредили "Ла Фудр" и убили пять человек из моей команды, то ваш корабль будет моим военным трофеем.

From the quarter rail Mademoiselle d'Ogeron looked down with glowing eyes in breathless wonder upon her well-beloved hero. Стоя у перил кормовой рубки, мадемуазель д'Ожерон, затаив дыхание, восхищалась своим возлюбленным.

Gloriously heroic he seemed as he stood towering there, masterful, audacious, beautiful. Властный, смелый, он казался ей в эту минуту воплощением героизма.

He saw her, and with a glad shout sprang towards her. Левасер, увидев девушку, с радостным криком бросился к ней.

The Dutch master got in his way with hands upheld to arrest his progress. На его пути оказался голландский капитан, протянувший руки, чтобы задержать пирата.

Levasseur did not stay to argue with him: he was too impatient to reach his mistress. He swung the poleaxe that he carried, and the Dutchman went down in blood

with a cloven skull. Левасер, горевший нетерпением поскорее обнять свою возлюбленную, взмахнул алебардой, и голландец упал с раскроенным черепом.

The eager lover stepped across the body and came on, his countenance joyously alight. Нетерпеливый любовник переступил через труп и помчался в рубку.

But mademoiselle was shrinking now, in horror. Мадемуазель д'Ожерон в ужасе отпрянула от перил.

She was a girl upon the threshold of glorious womanhood, of a fine height and nobly moulded, with heavy coils of glossy black hair above and about a face that was of the colour of old ivory. Это была высокая, стройная девушка, обещавшая стать восхитительной женщиной. Пышные черные волосы обрамляли ее гордое лицо цвета слоновой кости.

Her countenance was cast in lines of arrogance, stressed by the low lids of her full dark eyes. Выражение высокомерия еще сильнее подчеркивалось низко опущенными веками больших черных глаз.

In a bound her well-beloved was beside her, flinging away his bloody poleaxe, he opened wide his arms to enfold her. Левасер взбежал наверх и, отбросив в сторону окровавленную алебарду, широко раскрыл объятия, намереваясь прижать к груди свою возлюбленную.

But she still shrank even within his embrace, which would not be denied; a look of dread had come to temper the normal arrogance of her almost perfect face. Но, попав в объятия, из которых ей уже трудно было вырваться, она съезжилась от страха, и гримаса ужаса исказила ее лицо, согнав с него обычное выражение высокомерия.

"Mine, mine at last, and in spite of all!" he cried exultantly, theatrically, truly heroic. - О, наконец-то ты моя! Моя, несмотря ни на что! - напыщенно воскликнул ее герой.

But she, endeavouring to thrust him back, her hands against his breast, could only falter: Но она, упиравшись руками в его грудь, пыталась оттолкнуть его и едва слышно проговорила:

"Why, why did you kill him?" - Зачем, зачем вы его убили?

He laughed, as a hero should; and answered her heroically, with the tolerance of a god for the mortal to whom he condescends: Ее герой громко засмеялся и, подобно божеству, которое милостиво снисходит к простому смертному, с пафосом произнес:

"He stood between us. - Он стоял между нами!

Let his death be a symbol, a warning. Let all who would stand between us mark it and beware." Пусть его смерть послужит символом и предупреждением для всех, кто осмелится стать между нами!

It was so splendidly terrific, the gesture of it was so broad and fine and his magnetism so compelling, that she cast her silly tremors and yielded herself freely, intoxicated, to his fond embrace. Этот блестящий и широкий жест так очаровал Мадлен, что она, отбросив в сторону свои страхи, перестала сопротивляться и покорилась своему герою.

Thereafter he swung her to his shoulder, and stepping with ease beneath that burden, bore her in a sort of triumph, lustily cheered by his men, to the deck of his own ship. Перебросив девушку через плечо, он под торжествующие крики своих людей легко перенес свою драгоценную ношу на "Ла Фудр".

Her inconsiderate brother might have ruined that romantic scene but for the watchful Cahusac, who quietly tripped him up, and then trussed him like a fowl. Ее отважный брат мог бы помешать этой романтической сцене, если бы Каузак со свойственной ему предупредительностью не успел сбить его с ног и крепко связать ему руки.

Thereafter, what time the Captain languished in his lady's smile within the cabin, Cahusac was dealing with the spoils of war. А затем, пока капитан Левасер наслаждался в каюте улыбками своей дамы, лейтенант занялся подробным учетом плодов победы.

The Dutch crew was ordered into the longboat, and bidden go to the devil. Голландскую команду посадили в баркас и велели убираться к дьяволу.

Fortunately, as they numbered fewer than thirty, the longboat, though perilously overcrowded, could yet contain them. К счастью, голландцев оказалось не более тридцати человек, и баркас, хотя и перегруженный, мог их вместить.

Next, Cahusac having inspected the cargo, put a quartermaster and a score of men aboard the Jongvrow, and left her to follow La Fondre, which he now headed south for the Leeward Islands. Затем Каузак, осмотрев груз, оставил на "Джонгроуве" своего старшину и человек двадцать людей, приказав им следовать за "Ла Фудр" направлявшимся на юг - к Подветренным островам.

Cahusac was disposed to be ill-humoured. Настроение у Каузака было отвратительное.

The risk they had run in taking the Dutch brig and doing violence to members of the family of the Governor of Tortuga, was out of all proportion to the value of their prize. Риск, которому они подвергались, захватив голландский бриг и совершив насилие над членами семьи губернатора Тортуги, совсем не соответствовал ценности их добычи.

He said so, sullenly, to Levasseur. Не скрывая своего раздражения, он сказал об этом Левасеру.

"You'll keep that opinion to yourself," the Captain answered him. - Держи свое мнение при себе! - ответил ему капитан.

"Don't think I am the man to thrust my neck into a noose, without knowing how I am going to take it out again. - Неужели ты думаешь, что я такой идиот, который сует голову в петлю, не зная заранее, как ее оттуда вытащить?"

I shall send an offer of terms to the Governor of Tortuga that he will be forced to accept. Я поставлю губернатору Тортуги такие условия, что он не сможет их не принять.

Set a course for the Virgen Magra. Веди корабль к острову Вихрен Магра.

We'll go ashore, and settle things from there. Мы сойдем там и на берегу уладим все.

And tell them to fetch that milksop Ogeron to the cabin." Да прикажи доставить в каюту этого щенка д'Ожерона.

Levasseur went back to the adoring lady. И Левасер вернулся в каюту к даме своего сердца.

Thither, too, the lady's brother was presently conducted. Туда же вскоре привели и

ее брата.

The Captain rose to receive him, bending his stalwart height to avoid striking the cabin roof with his head. Капитан приподнялся с места, чтобы встретить его, нагнувшись при этом из опасения удариться головой о потолок каюты.

Mademoiselle rose too. Мадемуазель д'Ожерон также встала.

"Why this?" she asked Levasseur, pointing to her brother's pinioned wrists - the remains of Cahusac's precautions. - Зачем это? - спросила она, указывая на связанные руки брата.

"I deplore it," said he. - Весьма сожалею об этой вынужденной необходимости, - сказал Левасер.

"I desire it to end. - Мне самому хочется положить этому конец.

Let M. d'Ogeron give me his parole..." Пусть господин д'Ожерон даст слово...

"I give you nothing," flashed the white-faced youth, who did not lack for spirit. - Никакого слова я не дам! - воскликнул побледневший от гнева юноша, не испытывавший недостатка в храбрости.

"You see." Levasseur shrugged his deep regret, and mademoiselle turned protesting to her brother. - Ну, вот видишь, - пожал плечами Левасер, как бы выражая этим свое сожаление.

"Henri, this is foolish! - Анри, это же глупо! - воскликнула девушка.

You are not behaving as my friend. - Ты ведешь себя не как мой друг.

You..." Ты...

"Little fool," her brother answered her - and the "little" was out of place; she was the taller of the twain. - Моя маленькая глупышка... - ответил ей брат, хотя слово "маленькая" совсем не подходило к ней, так как она была значительно крупнее его.

"Little fool, do you think I should be acting as your friend to make terms with this blackguard pirate?" - Маленькая глупышка, неужели я мог бы считать себя твоим другом, если бы унизился до переговоров с этим мерзавцем-пиратом?

"Steady, my young cockerel!" Levasseur laughed. But his laugh was not nice. - Спокойно, молодой петушок! - засмеялся Левасер, но его смех не сулил ничего приятного.

"Don't you perceive your wicked folly in the harm it has brought already? - Подумай, сестра, - говорил Анри, - погляди, к чему привела тебя глупость!

Lives have been lost - men have died - that this monster might overtake you. Несколько человек уже погибло по милости этого чудовища.

And don't you yet realize where you stand - in the power of this beast, of this cur born in a kennel and bred in thieving and murder?" Ты не отдаешь себе отчета в своих поступках. Неужели ты можешь верить этому псу, родившемуся в канаве и выросшему среди воров и убийц?..

He might have said more but that Levasseur struck him across the mouth. Он мог добавить еще кое-что, но Левасер ударил юношу кулаком в лицо.

Levasseur, you see, cared as little as another to hear the truth about himself. Как и многие другие, он очень мало интересовался правдой о себе.

Mademoiselle suppressed a scream, as the youth staggered back under the blow. He came to rest against a bulkhead, and leaned there with bleeding lips. Мадемуазель д'Ожерон подавила готовый вырваться у нее крик, а ее брат, шатаясь от удара, с рассеченной губой, прислонился к переборке.

But his spirit was unquenched, and there was a ghastly smile on his white face as his eyes sought his sister's. Но дух его не был сломлен; он искал глазами взгляд сестры, и на бледном его лице появилась ироническая улыбка.

"You see," he said simply. - Смотри, - спокойно заметил д'Ожерон. - Любишься его благородством.

"He strikes a man whose hands are bound." Он бьет человека, у которого связаны руки.

The simple words, and, more than the words, their tone of ineffable disdain, aroused the passion that never slumbered deeply in Levasseur. Простые слова, произнесенные тоном крайнего презрения, разбудили в Левасере гнев, всегда дремавший в несдержанном, вспыльчивом французе.

"And what should you do, puppy, if your hands were unbound?" - А что бы ты сделал, щенок, если бы тебе развязали руки?

He took his prisoner by the breast of his doublet and shook him. - И, схватив пленника за ворот камзола, он неистово начал его трясти.

"Answer me! - Отвечай мне!

What should you do? Tchah! You empty windbag! You..." And then came a torrent of words unknown to mademoiselle, yet of whose foulness her intuitions made her conscious. Что бы ты сделал, пустозвон, мерзавец, подлец... -И вслед за этим хлынул поток слов, значения которых мадемуазель д'Ожерон не знала, но все же могла понять их грязный и гнусный смысл.

With blanched cheeks she stood by the cabin table, and cried out to Levasseur to stop. Она смертельно побледнела и вскрикнула от ужаса.

To obey her, he opened the door, and flung her brother through it. Опомнившись, Левасер распахнул дверь и вышвырнул ее брата из каюты.

"Put that rubbish under hatches until I call for it again," he roared, and shut the door. - Бросьте этого мерзавца в трюм! - проревел он, захлопывая дверь.

Composing himself, he turned to the girl again with a deprecatory smile. Взяв себя в руки, Левасер, заискивающе улыбаясь, повернулся к девушке.

But no smile answered him from her set face. Но бледное лицо ее окаменело.

She had seen her beloved hero's nature in curl-papers, as it were, and she found the spectacle disgusting and terrifying. До этой минуты она приписывала своему герою несуществующие добродетели; сейчас же все, что она увидела, наполнило ее душу смятением.

It recalled the brutal slaughter of the Dutch captain, and suddenly she realized that what her brother had just said of this man was no more than true. Fear growing

to panic was written on her face, as she stood there leaning for support against the table. Вспомнив, как он зверски убил голландского капитана, она сразу же убедилась в справедливости слов, сказанных ее братом об этом человеке, и на лице ее отразились ужас и отвращение.

"Why, sweetheart, what is this?" Levasseur moved towards her. She recoiled before him. - Ну, что ты, моя дорогая? Что с тобой? - говорил Левасер, приближаясь к ней.

There was a smile on his face, a glitter in his eyes that fetched her heart into her throat. He caught her, as she reached the uttermost limits of the cabin, seized her in his long arms and pulled her to him. Сердце девушки болезненно сжалось. Продолжая улыбаться, он подошел к ней и с силой притянул ее к себе.

"No, no!" she panted. - Нет... нет!.. - задыхаясь, закричала она.

"Yes, yes," he mocked her, and his mockery was the most terrible thing of all. - Да, да! - передразнивая ее, смеялся Левасер. Эта насмешка показалась ей ужаснее всего.

He crushed her to him brutally, deliberately hurtful because she resisted, and kissed her whilst she writhed in his embrace. Then, his passion mounting, he grew angry and stripped off the last rag of hero's mask that still may have hung upon his face. Он грубо тащил ее к себе, умышленно причиняя боль. Отчаянно сопротивляясь, девушка пыталась вырваться из его объятий, но он, расшвырнув, насильно поцеловал ее, и с его лица слетели последние остатки маски героя.

"Little fool, did you not hear your brother say that you are in my power? - Глупышка, - сказал он.

Remember it, and remember that of your own free will you came. - Именно глупышка, как называл тебя твой брат.

I am not the man with whom a woman can play fast and loose. Не забывай, что ты здесь по своей воле. Со мной играть нельзя!

So get sense, my girl, and accept what you have invited." Ты знала, на что шла, поэтому будь благоразумна, моя кошечка!

He kissed her again, almost contemptuously, and flung her off. "No more scowls," he said. "You'll be sorry else." - И он поцеловал ее снова, но на сей раз чуть ли не с презрением и, отшвырнув в сторону, добавил:- Чтоб я больше не видел таких сердитых взглядов, а то тебе придется пожалеть об этом!

Some one knocked. Кто-то постучал в дверь каюты.

Cursing the interruption, Levasseur strode off to open. Cahusac stood before him. Левасер открыл ее и увидел перед собой Каузака.

The Breton's face was grave. Лицо бретонца было мрачно.

He came to report that they had sprung a leak between wind and water, the consequence of damage sustained from one of the Dutchman's shots. Он пришел доложить, что в корпусе корабля, поврежденного голландским ядром, обнаружена течь.

In alarm Levasseur went off with him. Встревоженный Левасер отправился вместе с ним осмотреть повреждение.

The leakage was not serious so long as the weather kept fine; but should a storm overtake them it might speedily become so. Пока стояла тихая погода, пробоина не

представляла опасности, но даже небольшой шторм сразу же мог изменить положение.

A man was slung overboard to make a partial stoppage with a sail-cloth, and the pumps were got to work. Пришлось спустить за борт матроса, чтобы он прикрыл пробоину парусиной, и привести в действие помпы...

Ahead of them a low cloud showed on the horizon, which Cahusac pronounced one of the northernmost of the Virgin Islands. Наконец на горизонте показалось длинное низкое облако, и Каузак объяснил, что это самый северный остров из группы Виргинских островов.

"We must run for shelter there, and careen her," said Levasseur. - Надо поскорей прийти туда, - сказал Левасер. - Там мы отстоимся и починим "Ла Фудр".

"I do not trust this oppressive heat. Я не доверяю этой душливой жаре.

A storm may catch us before we make land." Нас может захватить шторм...

"A storm or something else," said Cahusac grimly. - Шторм или кое-что похуже, - буркнул Каузак.

"Have you noticed that?" - Ты видишь?

He pointed away to starboard. - И он указал рукой через плечо Левасера.

Levasseur looked, and caught his breath. Капитан обернулся, и у него перехватило дыхание.

Two ships that at the distance seemed of considerable burden were heading towards them some five miles away. Не дальше как в пяти милях он увидел два больших корабля, направлявшихся к ним. - Черт бы их побрал! - выругался он.

"If they follow us what is to happen?" demanded Cahusac. - А вдруг они вздумают нас преследовать? -спросил Каузак.

"We'll fight whether we're in case to do so or not," swore Levasseur. - Мы будем драться, - решительно сказал Левасер.- Готовы мы к этому или нет - все равно.

"Counsels of despair." Cahusac was contemptuous. To mark it he spat upon the deck. - Смелость отчаяния, - сказал Каузак, не скрывая своего презрения, и, чтобы еще больше подчеркнуть его, плюнул на палубу.

"This comes of going to sea with a lovesick madman. - Вот что случается, когда в море выходит изнывающий от любви идиот!

Now, keep your temper, Captain, for the hands will be at the end of theirs if we have trouble as a result of this Dutchman business." Надо взять себя в руки, капитан! Из этой дурацкой истории с голландцем мы так просто не выкрутимся.

For the remainder of that day Levasseur's thoughts were of anything but love. С этой минуты из головы Левасера вылетели все мысли, связанные с мадемуазель д'Ожерон.

He remained on deck, his eyes now upon the land, now upon those two slowly gaining ships. Он ходил по палубе, нетерпеливо поглядывая то на далекую сушу, то на медленно, но неумолимо приближавшиеся корабли.

To run for the open could avail him nothing, and in his leaky condition would provide an additional danger. Искать спасения в открытом море было бесполезно, а

при наличии течи в его корабле и небезопасно.

He must stand at bay and fight. Он понимал, что драки не миновать.

And then, towards evening, when within three miles of shore and when he was about to give the order to strip for battle, he almost fainted from relief to hear a voice from the crow's-nest above announce that the larger of the two ships was the Arabella. Уже к вечеру, находясь в трех милях от побережья и намереваясь отдать приказ готовиться к бою, Левасер чуть не упал в обморок от радости, услышав голос матроса с наблюдательного поста на мачте. - Один из двух кораблей - "Арабелла", - доложил тот.

Her companion was presumably a prize. - А другой, наверно, трофейный.

But the pessimism of Cahusac abated nothing. Однако это приятное сообщение не обрадовало Каузака.

"That is but the lesser evil," he growled. - Час от часу не легче! - проворчал он мрачно.

"What will Blood say about this Dutchman?" - А что скажет Блад по поводу нашего голландца?

"Let him say what he pleases." Levasseur laughed in the immensity of his relief. - Пусть говорит все, что ему угодно! - засмеялся Левасер, все еще находясь под впечатлением огромного облегчения, испытанного им.

"And what about the children of the Governor of Tortuga?" - А как быть с детьми губернатора Тортуги?

"He must not know." - Он не должен о них знать.

"He'll come to know in the end." - Но в конце концов он же узнает.

"Aye, but by then, morbleu, the matter will be settled. I shall have made my peace with the Governor. - Да, но к тому времени, черт возьми, все будет в порядке, так как я договорюсь с губернатором.

I tell you I know the way to compel Ogeron to come to terms." У меня есть средство заставить д'Ожерона договориться со мной.

Presently the four vessels lay to off the northern coast of La Virgen Magra, a narrow little island arid and treeless, some twelve miles by three, uninhabited save by birds and turtles and unproductive of anything but salt, of which there were considerable ponds to the south. Вскоре четыре корабля бросили якоря у северного берега Вихрен Магра. Это был лишенный растительности, безводный, крохотный и узкий островок длиной в двенадцать миль и шириной в три мили, населенный только птицами и черепахами. В южной части острова было много соляных прудов.

Levasseur put off in a boat accompanied by Cahusac and two other officers, and went to visit Captain Blood aboard the Arabella. Левасер приказал спустить лодку и в сопровождении Каузака и двух своих офицеров прибыл на "Арабеллу".

"Our brief separation has been mighty profitable," was Captain Blood's greeting. "It's a busy morning we've both had." He was in high good-humour as he led the way to the great cabin for a rendering of accounts. - Наша недолгая разлука оказалась, как я вижу, весьма прибыльной, - приветствовал Левасера капитан Блад, направляясь с ним в свою большую каюту для подведения итогов.

The tall ship that accompanied the Arabella was a Spanish vessel of twenty-six guns, the Santiago from Puerto Rico with a hundred and twenty thousand weight of cacao, forty thousand pieces of eight, and the value of ten thousand more in jewels. "Арабелле" удалось захватить "Сантьяго" - большой испанский двадцатипушечный корабль из Пуэрто-Рико, который вез 120 тонн какао, 40 тысяч песо и различные ценности стоимостью в 10 тысяч песо.

A rich capture of which two fifths under the articles went to Levasseur and his crew. Две пятых этой богатой добычи, согласно заключенному договору, принадлежали Левасеру и его команде.

Of the money and jewels a division was made on the spot. The cacao it was agreed should be taken to Tortuga to be sold. Деньги и ценности были тут же поделены, а какао решили продать на острове Тортуга.

Then it was the turn of Levasseur, and black grew the brow of Captain Blood as the Frenchman's tale was unfolded. Наступила очередь Левасера отчитаться в том, что сделал он; и, слушая хвастливый рассказ француза, Блад постепенно мрачнел.

At the end he roundly expressed his disapproval. Сообщение компаньона вызвало резкое неодобрение Блада.

The Dutch were a friendly people whom it was a folly to alienate, particularly for so paltry a matter as these hides and tobacco, which at most would fetch a bare twenty thousand pieces. Глупо было превращать дружественных голландцев в своих врагов из-за такой безделицы, как табак и кожи, стоимость которых в лучшем случае не превышала двадцати тысяч песо.

But Levasseur answered him, as he had answered Cahusac, that a ship was a ship, and it was ships they needed against their projected enterprise. Но Левасер ответил ему так же, как незадолго перед этим Каузаку, что корабль остается кораблем, а им нужны суда для намеченного похода.

Perhaps because things had gone well with him that day, Blood ended by shrugging the matter aside. Быть может, потому, что этот день был удачным для капитана Блада, он пожал плечами и махнул рукой.

Thereupon Levasseur proposed that the Arabella and her prize should return to Tortuga there to unload the cacao and enlist the further adventurers that could now be shipped. Затем Левасер предложил, чтобы "Арабелла" и захваченное ею судно возвратились на Тортугу, разгрузили там какао, а Блад на вербовал дополнительно людей, благо сейчас их уже было на чем перевезти.

Levasseur meanwhile would effect certain necessary repairs, and then proceeding south, await his admiral at Saltatudos, an island conveniently situated - in the latitude of 11 deg. Сам Левасер, по его словам, хотел заняться необходимым ремонтом своего корабля, а затем направиться на юг, к острову Салтатюдос, удобно расположенному на 11° северной долготы.

11' N. - for their enterprise against Maracaibo. Здесь Левасер был намерен ожидать Блада, чтобы вместе с ним уйти в набег на Маракайбо.

To Levasseur's relief, Captain Blood not only agreed, but pronounced himself ready to set sail at once. К счастью для Левасера, капитан Блад не только согласился с его предложением, но и заявил о своей готовности отплыть немедленно.

No sooner had the Arabella departed than Levasseur brought his ships into the lagoon, and set his crew to work upon the erection of temporary quarters ashore for

himself, his men, and his enforced guests during the careening and repairing of La Foudre. Едва лишь ушла "Арабелла", как Левасер завел свои корабли в лагуны и приказал разбить на берегу палатки, в которых должна жить команда корабля на время ремонта "Ла Фудр".

At sunset that evening the wind freshened; it grew to a gale, and from that to such a hurricane that Levasseur was thankful to find himself ashore and his ships in safe shelter. Вечером к заходу солнца ветер усилился, а затем перешел в сильный шторм, сопровождаемый ураганом. Левасер был рад тому, что успел вывезти людей на берег, а корабли ввести в безопасное убежище.

He wondered a little how it might be faring with Captain Blood out there at the mercy of that terrific storm; but he did not permit concern to trouble him unduly. На минуту он задумался было над тем, каково сейчас приходилось капитану Бладу, попавшему в этот ужасный шторм, но тут же отогнал эти мысли, так как не мог позволить себе, чтобы они долго его беспокоили.

Chapter XV Глава XV

THE RANSOM ВЫКУП

In the glory of the following morning, sparkling and clear after the storm, with an invigorating, briny tang in the air from the salt-ponds on the south of the island, a curious scene was played on the beach of the Virgen Magra, at the foot of a ridge of bleached dunes, beside the spread of sail from which Levasseur had improvised a tent. Утро следующего дня было великолепно. В прозрачном и бодрящем после шторма воздухе чувствовался солоноватый запах озер, доносившийся с южной части острова. На песчаной отмели Вихрен Магра, у подножия белых дюн, рядом с парусиновой палаткой Левасера разыгрывалась странная сцена.

Enthroned upon an empty cask sat the French filibuster to transact important business: the business of making himself safe with the Governor of Tortuga. Сидя на пустом бочонке, французский пират был занят решением важной проблемы: он размышлял, как обезопасить себя от гнева губернатора Тортуги.

A guard of honour of a half-dozen officers hung about him; five of them were rude boucan-hunters, in stained jerkins and leather breeches; the sixth was Cahusac. Вокруг него, как бы охраняя своего вожака, слонялось человек шесть его офицеров; пятеро из них - неотесанные охотники в грязных кожаных куртках и таких же штанах, а шестой - Каузак.

Before him, guarded by two half-naked negroes, stood young d'Ogeron, in frilled shirt and satin small-clothes and fine shoes of Cordovan leather. Перед Левасером стоял молодой д'Ожерон, а по бокам у него - два полуобнаженных негра. На д'Ожероне была сорочка с кружевными оборками на рукавах, сатиновые короткие панталоны и на ногах красивые башмаки из дубленой козлиной кожи.

He was stripped of doublet, and his hands were tied behind him. Камзол с него был сорван, руки связаны за спиной.

The young gentleman's comely face was haggard. Миловидное лицо молодого человека осунулось.

Near at hand, and also under guard, but unpinioned, mademoiselle his sister sat hunched upon a hillock of sand. Здесь же на песчаном холмике в неловкой позе сидела его сестра.

She was very pale, and it was in vain that she sought to veil in a mask of arrogance the fears by which she was assailed. Она была очень бледна и под маской

высокомерия тщетно пыталась скрыть душившие ее слезы.

Levasseur addressed himself to M. d'Ogeron. He spoke at long length. In the end - Левасер долго говорил, обращаясь к д'Ожерону, и наконец с напускной учтивостью заявил:

"I trust, monsieur," said he, with mock suavity, "that I have made myself quite clear. So that there may be no misunderstandings, I will recapitulate. Your ransom is fixed at twenty thousand pieces of eight, and you shall have liberty on parole to go to Tortuga to collect it. - Полагаю, месье, что теперь вам все ясно, но, во избежание недоразумений, повторяю: ваш выкуп определяется в двадцать тысяч песо, и, если вы дадите слово вернуться сюда, можете отправляться за ними на остров Тортуга.

In fact, I shall provide the means to convey you thither, and you shall have a month in which to come and go. На поездку я даю вам месяц и предоставляю все возможности туда добраться.

Meanwhile, your sister remains with me as a hostage. Мадемуазель д'Ожерон останется здесь заложницей.

Your father should not consider such a sum excessive as the price of his son's liberty and to provide a dowry for his daughter. Вряд ли ваш отец сочтет эту сумму чрезмерной, ибо в нее входит цена за свободу сына и стоимость приданого дочери.

Indeed, if anything, I am too modest, pardi! Черт меня побери, но мне кажется, что я слишком скромн!

M. d'Ogeron is reputed a wealthy man." Ведь о господине д'Ожероне ходят слухи, что он человек богатый.

M. d'Ogeron the younger raised his head and looked the Captain boldly in the face. Д'Ожерон-младший, подняв голову, бесстрашно взглянул прямо в лицо пирату:

"I refuse - utterly and absolutely, do you understand? - Я отказываюсь - категорически и бесповоротно! Понимаете?

So do your worst, and be damned for a filthy pirate without decency and without honour." Делайте со мной, что хотите. И будьте вы прокляты, грязный пират без совести и без чести!

"But what words!" laughed Levasseur. - О, какие слова! - усмехнулся Левасер.

"What heat and what foolishness! - Какой темперамент и какая глупость!

You have not considered the alternative. When you do, you will not persist in your refusal. Вы не подумали, что я могу с вами сделать, если вы будете упорствовать в своем отказе?

You will not do that in any case. We have spurs for the reluctant. And I warn you against giving me your parole under stress, and afterwards playing me false. I shall know how to find and punish you. А у меня есть возможность заставить любого упряма согласиться.

Meanwhile, remember your sister's honour is in pawn to me. И кроме того, советую помнить, что честь вашей сестры находится у меня в залоге.

Should you forget to return with the dowry, you will not consider it unreasonable that I forget to marry her." Ну, а если вы забудете вернуться с приданым, то не считайте меня нечестным, если я забуду жениться на Мадлен.

Levasseur's smiling eyes, intent upon the young man's face, saw the horror that crept into his glance. И Левасер, осклабясь, подмигнул молодому человеку, заметив, что лицо брата Мадлен передернулось от ужаса.

M. d'Ogeron cast a wild glance at mademoiselle, and observed the grey despair that had almost stamped the beauty from her face. Д'Ожерон бросил дикий взгляд на сестру и увидел в ее глазах отчаяние.

Disgust and fury swept across his countenance. Then he braced himself and answered resolutely: Отвращение и ярость снова овладели молодым человеком.

"No, you dog! - Нет, собака! Нет!

A thousand times, no!" Тысячу раз нет!

"You are foolish to persist." Levasseur spoke without anger, with a coldly mocking regret. - Глупо упорствовать, - холодно, без малейшей злобы, но с издевательским сожалением заметил Левасер.

His fingers had been busy tying knots in a length of whipcord. В его руках вилась и дергалась бечевка, по всей длине которой он механически завязывал крепкие узелки.

He held it up. "You know this? Подняв ее над собой, он произнес: - Знаете, что это такое?

It is a rosary of pain that has wrought the conversion of many a stubborn heretic. Это четки боли. После знакомства с ними многие упрямые еретики превратились в католиков.

It is capable of screwing the eyes out of a man's head by way of helping him to see reason. Эти четки помогают человеку стать благоразумным, так как от них глаза вылезают на лоб.

As you please." - Делайте, что вам угодно!

He flung the length of knotted cord to one of the negroes, who in an instant made it fast about the prisoner's brows. Левасер швырнул бечевку одному из негров, который на лету поймал ее и быстро закрутил вокруг головы пленника.

Then between cord and cranium the black inserted a short length of metal, round and slender as a pipe-stem. Между бечевкой с узлами и головой он вставил небольшой кусок металла, круглый и тонкий, как чубук трубки.

That done he rolled his eyes towards Levasseur, awaiting the Captain's signal. Тупо уставившись на своего капитана, негр ожидал его знака начинать пытку.

Levasseur considered his victim, and beheld him tense and braced, his haggard face of a leaden hue, beads of perspiration glinting on his pallid brow just beneath the whipcord. Левасер взглянул на свою жертву. Лицо д'Ожерона стало свинцово-бледным, и на лбу, пониже бечевки, выступили капли пота.

Mademoiselle cried out, and would have risen: but her guards restrained her, and she sank down again, moaning. Мадемуазель д'Ожерон вскрикнула и хотела подняться, но, удерживаемая стражами, со стоном опустилась на песок.

"I beg that you will spare yourself and your sister," said the Captain, "by being reasonable. - Образумьтесь и избавьте свою сестру от малопривлекательного зрелища, - медленно сказал Левасер.

What, after all, is the sum I have named? - Ну что такое в конце концов та сумма, которую я назвал?

To your wealthy father a bagatelle. Для вашего отца это сущий пустяк.

I repeat, I have been too modest. Повторяю еще раз: я слишком скромн.

But since I have said twenty thousand pieces of eight, twenty thousand pieces it shall be." Но если уж сказано - двадцать тысяч песо, пусть так и останется.

"And for what, if you please, have you said twenty thousand pieces of eight?" - С вашего позволения, я хотел бы знать, за что вы назначили сумму в двадцать тысяч песо?

In execrable French, but in a voice that was crisp and pleasant, seeming to echo some of the mockery that had invested Levasseur's, that question floated over their heads. Вопрос этот был задан на скверном французском языке, но четким и приятным голосом, в котором, казалось, звучали едва приметные нотки той злой иронии, которой так щеголял Левасер.

Startled, Levasseur and his officers looked up and round. Левасер и его офицеры удивленно оглянулись.

On the crest of the dunes behind them, in sharp silhouette against the deep cobalt of the sky, they beheld a tall, lean figure scrupulously dressed in black with silver lace, a crimson ostrich plume curled about the broad brim of his hat affording the only touch of colour. Under that hat was the tawny face of Captain Blood. На самой верхушке дюны на фоне темно-синего неба отчетливо вырисовывалась изящная фигура высокого, стройного человека в черном камзоле, расшитом серебряными галунами. Над широкими полями шляпы, прикрывавшей смуглое лицо капитана Блада, ярким пятном выделялся темно-красный плюмаж из страусовых перьев.

Levasseur gathered himself up with an oath of amazement. Выругавшись от изумления, Левасер поднялся с бочонка, но тут же взял себя в руки.

He had conceived Captain Blood by now well below the horizon, on his way to Tortuga, assuming him to have been so fortunate as to have weathered last night's storm. Он предполагал, что капитан Блад, если ему удалось выдержать вчерашний шторм, должен был находиться сейчас далеко за горизонтом, на пути к Тортуге.

Launching himself upon the yielding sand, into which he sank to the level of the calves of his fine boots of Spanish leather, Captain Blood came sliding erect to the beach. Легко скользя по осыпавшемуся песку, в котором по щиколотку проваливались его сапоги из мягкой испанской кожи, капитан Блад спустился на отмель.

He was followed by Wolverstone, and a dozen others. Его сопровождал Волверстон и с ним человек двенадцать из команды "Арабеллы".

As he came to a standstill, he doffed his hat, with a flourish, to the lady. Then he turned to Levasseur. Подойдя к ошеломленной его появлением группе людей, Блад снял шляпу, отвесил низкий поклон мадемуазель д'Ожерон, а затем повернулся к Левасеру.

"Good-morning, my Captain," said he, and proceeded to explain his presence. - Доброе утро, капитан! - сказал он, сразу же приступая к объяснению причин своего внезапного появления.

"It was last night's hurricane compelled our return. - Вчерашний ураган вынудил наши корабли возвратиться.

We had no choice but to ride before it with stripped poles, and it drove us back the way we had gone. У нас не было иного выхода, как только убрать паруса и отдаться на волю стихии. А шторм пригнал нас обратно.

Moreover - as the devil would have it! - the Santiago sprang her mainmast; and so I was glad to put into a cove on the west of the island a couple of miles away, and we've walked across to stretch our legs, and to give you good-day. But who are these?" К довершению несчастья, грот-мачта "Сантьяго" дала трещину, и я рад был случаю поставить его на якорь в бухточку западного берега острова, в двух милях отсюда. Ну, а затем мы решили пересечь этот остров, чтобы размять ноги и поздороваться с вами... А кто это?

And he designated the man and the woman. - И он указал на пленников.

Cahusac shrugged his shoulders, and tossed his long arms to heaven. "Voila!" said he, pregnantly, to the firmament. Levasseur gnawed his lip, and changed colour. But he controlled himself to answer civilly: Левасер закусил губу и переменялся в лице, но, сдержавшись, вежливо ответил:

"As you see, two prisoners." - Как видите, мои пленники.

"Ah! - Да?

Washed ashore in last night's gale, eh?" Выброшенные на берег вчерашним штормом, а?

"Not so." - Нет!

Levasseur contained himself with difficulty before that irony. - Левасер, взбешенный этой явной насмешкой, с трудом сдерживался.

"They were in the Dutch brig." - Они - с голландского брига.

"I don't remember that you mentioned them before." - Не припомню, чтобы вы раньше упоминали о них.

"I did not. - А зачем вам это знать?

They are prisoners of my own - a personal matter. Они - мои личные пленники. Это мое личное дело.

They are French." Они - французы.

"French!" - Французы?

Captain Blood's light eyes stabbed at Levasseur, then at the prisoners. - И светлые глаза капитана Блада впились сначала в Левасера, а потом в пленников.

M. d'Ogeron stood tense and braced as before, but the grey horror had left his face. Д'Ожерон вздрогнул от пристального взгляда, но выражение ужаса исчезло с его лица.

Hope had leapt within him at this interruption, obviously as little expected by his tormentor as by himself. Это вмешательство, явно неожиданное как для мучителя, так и для жертвы, внезапно зажгло в сердце молодого человека огонек надежды.

His sister, moved by a similar intuition, was leaning forward with parted lips and

gaping eyes. Его сестра, широко раскрыв глаза, устремилась вперед.

Captain Blood fingered his lip, and frowned thoughtfully upon Levasseur. Капитан Блад, мрачно нахмурясь, сказал Левасеру:

"Yesterday you surprised me by making war upon the friendly Dutch. - Вчера вы удивили меня, начав военные действия против дружественных нам голландцев.

But now it seems that not even your own countrymen are safe from you." А сейчас выходит, что даже ваши соотечественники должны вас остерегаться.

"Have I not said that these... that this is a matter personal to me?" - Ведь я же сказал, что они... что это мое личное дело.

"Ah! - Ах, так!

And their names?" А кто они такие? Как их зовут?

Captain Blood's crisp, authoritative, faintly disdainful manner stirred Levasseur's quick anger. Спокойное, властное, слегка презрительное поведение капитана Блада выводило из себя вспыльчивого Левасера.

The blood crept slowly back into his blanched face, and his glance grew in insolence, almost in menace. На его лице медленно выступили красные пятна, взгляд стал наглым, почти угрожающим.

Meanwhile the prisoner answered for him. Он хотел ответить, но пленник опередил его:

"I am Henri d'Ogeron, and this is my sister." - Я - Анри д'Ожерон, а это - моя сестра.

"D'Ogeron?" Captain Blood stared. - Д'Ожерон? - удивился Блад.

"Are you related by chance to my good friend the Governor of Tortuga?" - Не родственник ли моего доброго приятеля - губернатора острова Тортуга?

"He is my father." Levasseur swung aside with an imprecation. In Captain Blood, amazement for the moment quenched every other emotion. - Это мой отец.

"The saints preserve us now! - Да сохраняют нас все святые!

Are you quite mad, Levasseur? Вы что, Левасер, совсем сошли с ума?

First you molest the Dutch, who are our friends; next you take prisoners two persons that are French, your own countrymen; and now, faith, they're no less than the children of the Governor of Tortuga, which is the one safe place of shelter that we enjoy in these islands..." Сначала вы нападаете на наших друзей - голландцев, потом берете в плен двух своих соотечественников. А на поверку выходит, что эти молодые люди - дети губернатора Тортуги, острова, который является единственным нашим убежищем в этих морях...

Levasseur broke in angrily: Левасер сердито прервал его:

"Must I tell you again that it is a matter personal to me? - В последний раз повторяю, что это мое личное дело!

I make myself alone responsible to the Governor of Tortuga." Я сам отвечаю за это перед губернатором Тортуги.

"And the twenty thousand pieces of eight? - А двадцать тысяч песо?

Is that also a matter personal to you?" Это тоже ваше личное дело?

"It is." - Да, мое.

"Now I don't agree with you at all." - Ну, знаете, я совсем не намерен соглашаться с вами.

Captain Blood sat down on the cask that Levasseur had lately occupied, and looked up blandly. - И капитан Блад спокойно уселся на бочонок, на котором недавно сидел Левасер.

"I may inform you, to save time, that I heard the entire proposal that you made to this lady and this gentleman, and I'll also remind you that we sail under articles that admit no ambiguities. - Не будем зря тратить время! - сказал он резко. - Я отчетливо слышал предложение, сделанное вами этой леди и этому джентльмену. Должен также напомнить вам, что мы с вами связаны совершенно строгим договором.

You have fixed their ransom at twenty thousand pieces of eight. Вы определили сумму их выкупа в двадцать тысяч песо.

That sum then belongs to your crews and mine in the proportions by the articles established. Следовательно, эта сумма принадлежит вашей и моей командам, в тех долях, какие установлены договором.

You'll hardly wish to dispute it. Надеюсь, вы не станете этого отрицать.

But what is far more grave is that you have concealed from me this part of the prizes taken on your last cruise, and for such an offence as that the articles provide certain penalties that are something severe in character." А самое неприятное и печальное - это то, что вы утаили от меня часть трофеев. Такие поступки, согласно нашему договору, караются, и, как вам известно, довольно сурово.

"Ho, ho!" laughed Levasseur unpleasantly. Then added: "If you dislike my conduct we can dissolve the association." - Ого! - нагло засмеялся Левасер, а затем добавил: - Если вам не нравится мое поведение, то мы можем расторгнуть наш союз.

"That is my intention. - Не премину это сделать, - с готовностью ответил Блад.

But we'll dissolve it when and in the manner that I choose, and that will be as soon as you have satisfied the articles under which we sailed upon this cruise. - Но мы расторгнем его только тогда и только так, как я найду нужным, и это случится немедленно после выполнения вами условий соглашения, заключенного нами перед отправлением в плавание.

"What do you mean?" - Что вы имеете в виду?

"I'll be as short as I can," said Captain Blood. - Постараюсь быть предельно кратким, - сказал капитан Блад.

"I'll waive for the moment the unseemliness of making war upon the Dutch, of taking French prisoners, and of provoking the anger of the Governor of Tortuga. - Я не буду касаться недопустимости военных действий против голландцев, захвата французских пленников и риска навлечь гнев губернатора Тортуги.

I'll accept the situation as I find it. Я принимаю все дела в таком виде, в каком их нашел.

Yourself you've fixed the ransom of this couple at twenty thousand pieces, and, as I gather, the lady is to be your perquisite. Вы сами назначили сумму выкупа за этих людей в двадцать тысяч песо, и, насколько я понимаю, леди должна перейти в вашу собственность.

But why should she be your perquisite more than another's, seeing that she belongs by the articles to all of us, as a prize of war?" Но почему она должна принадлежать вам, когда, по нашему обоюдному соглашению, этот трофей принадлежит всем нам?

Black as thunder grew the brow of Levasseur. Лицо Левасера стало мрачнее грозовой тучи.

"However," added Captain Blood, "I'll not dispute her to you if you are prepared to buy her." - Тем не менее, - добавил Блад, - я не намерен отнимать ее у вас, если вы ее купите.

"Buy her?" - Куплю ее?

"At the price you have set upon her." - Да, за ту же сумму, которая вами назначена.

Levasseur contained his rage, that he might reason with the Irishman. Левасер с трудом сдерживал бушевавшую в нем ярость, пытаясь как-то договориться с ирландцем:

"That is the ransom of the man. It is to be paid for him by the Governor of Tortuga." - Это сумма выкупа за мужчину, а внести ее должен губернатор Тортуги.

"No, no. - Нет, нет!

Ye've parcelled the twain together - very oddly, I confess. Вы объединили этих людей и, должен признаться, сделали это как-то странно.

Ye've set their value at twenty thousand pieces, and for that sum you may have them, since you desire it; but you'll pay for them the twenty thousand pieces that are ultimately to come to you as the ransom of one and the dowry of the other; and that sum shall be divided among our crews. Их стоимость определена именно вами, и вы, разумеется, можете их получить за установленную вами сумму. Вам придется заплатить за них двадцать тысяч песо, и эти деньги должны быть поделены среди наших команд.

So that you do that, it is conceivable that our followers may take a lenient view of your breach of the articles we jointly signed." Тогда наши люди, быть может, снисходительно отнесутся к нарушению вами соглашения, которое мы вместе подписали.

Levasseur laughed savagely. Левасер зло рассмеялся:

"Ah ca! - Вот как?!

Credieu! Черт побери!

The good jest!" Это неплохая шутка.

"I quite agree with you," said Captain Blood. - Полностью с вами согласен, - заметил капитан Блад.

To Levasseur the jest lay in that Captain Blood, with no more than a dozen followers, should come there attempting to hector him who had a hundred men within easy call. Смысл этой шутки заключался для Левасера в том, что капитан Блад с дюжиной своих людей осмелился явиться сюда, чтобы запугать его, хотя он, Левасер,

мог бы легко собрать здесь до сотни своих головорезов.

But it seemed that he had left out of his reckoning something which his opponent had counted in. Однако при этих своих подсчетах Левасер упустил из виду одно важное обстоятельство, которое правильно учел его противник.

For as, laughing still, Levasseur swung to his officers, he saw that which choked the laughter in his throat. И когда Левасер, все еще смеясь, повернулся к своим офицерам, чтобы пригласить их посмеяться за компанию, он увидел то, от чего его напускная веселость мгновенно померкла.

Captain Blood had shrewdly played upon the cupidity that was the paramount inspiration of those adventurers. Капитан Блад искусно сыграл на алчности авантюристов, побуждавшей их заниматься ремеслом пиратов.

And Levasseur now read clearly on their faces how completely they adopted Captain Blood's suggestion that all must participate in the ransom which their leader had thought to appropriate to himself. Левасер прочел на их лицах полное согласие с предложением Блада поделить между всеми выкуп, который их вожак думал себе присвоить.

It gave the gaudy ruffian pause, and whilst in his heart he cursed those followers of his, who could be faithful only to their greed, he perceived - and only just in time - that he had best tread warily. Головорез на минуту задумался и, мысленно кляня жадность своих людей, вовремя сообразил, что он должен действовать осторожно.

"You misunderstand," he said, swallowing his rage. - Вы не поняли меня, - сказал он, подавляя в себе бешенство.

"The ransom is for division, when it comes. - Выкуп, как только он будет получен, мы поделим между всеми.

The girl, meanwhile, is mine on that understanding." А пока девушка останется у меня.

"Good!" grunted Cahusac. - Это дело другое, - проворчал Каузак.

"On that understanding all arranges itself." - Тогда все устраивается само собой.

"You think so?" said Captain Blood. - Вы так полагаете? - заметил капитан Блад.

"But if M. d'Ogeron should refuse to pay the ransom? - А если губернатор д'Ожерон откажется внести этот выкуп?

What then?" Тогда что?

He laughed, and got lazily to his feet. - Он засмеялся и не спеша встал.

"No, no. - Нет, нет!

If Captain Levasseur is meanwhile to keep the girl, as he proposes, then let him pay this ransom, and be his the risk if it should afterwards not be forthcoming." Капитан Левасер хочет пока оставить у себя девушку? Хорошо. Пусть будет так. Но до этого он обязан внести выкуп и взять на себя риск, связанный с тем, что мы можем и не получить его.

"That's it!" cried one of Levasseur's officers. - Правильно! - воскликнул один из офицеров Левасера.

And Cahusac added: А Каузак добавил:

"It's reasonable, that! Captain Blood is right. - Капитан Блад прав.

It is in the articles." Это соответствует нашему договору.

"What is in the articles, you fools?" - Что соответствует договору? Болваны!

Levasseur was in danger of losing his head. - Левасер терял самообладание.

"Sacre Dieu! - Дьявол вас разорви!

Where do you suppose that I have twenty thousand pieces? Откуда я возьму двадцать тысяч песо?

My whole share of the prizes of this cruise does not come to half that sum. У меня нет и половины этой суммы.

I'll be your debtor until I've earned it. Я буду вашим должником, пока не заработаю таких денег.

Will that content you?" Вас это устраивает?

All things considered, there is not a doubt that it would have done so had not Captain Blood intended otherwise. Пираты одобрительно зашумели. Можно было не сомневаться, что это их устраивало бы, но у капитана Блада были иные соображения:

"And if you should die before you have earned it? - А если вы умрете до того, как заработаете такую сумму?

Ours is a calling fraught with risks, my Captain." Ведь наша профессия полна неожиданностей, мой капитан.

"Damn you!" Levasseur flung upon him livid with fury. - Будьте вы прокляты! - заревел Левасер, побагровев от злости.

"Will nothing satisfy you?" - Вас ничто не удовлетворит!

"Oh, but yes. - О, совсем нет.

Twenty thousand pieces of eight for immediate division." Двадцать тысяч песо и немедленный дележ.

"I haven't got it." - У меня их нет.

"Then let some one buy the prisoners who has." - Тогда пусть пленников купит тот, у кого есть такие деньги.

"And who do you suppose has it if I have not?" - А у кого же, по-вашему, они есть, если их нет у меня? Кто может выложить такую сумму?

"I have," said Captain Blood. - Я, - ответил капитан Блад.

"You have!" Levasseur's mouth fell open. - Вы? - изумился Левасер.

"You... you want the girl?" - Вам... вам нужна эта девушка?

"Why not? - Почему же нет?

And I exceed you in gallantry in that I will make sacrifices to obtain her, and in honesty in that I am ready to pay for what I want." Я превосхожу вас не только в галантности, идя на определенные материальные жертвы, чтобы получить эту девушку, но и в честности, поскольку готов платить за то, что мне требуется.

Levasseur stared at him foolishly agape. Левасер остолбенел от удивления и, по-идиотски открыв рот, глядел на капитана "Арабеллы".

Behind him pressed his officers, gaping also. Так же изумленно глядели на него и офицеры "ЛаФудр".

Captain Blood sat down again on the cask, and drew from an inner pocket of his doublet a little leather bag. Капитан Блад, снова усевшись на бочонок, вытащил из внутреннего кармана своего камзола маленький кожаный мешочек.

"I am glad to be able to resolve a difficulty that at one moment seemed insoluble." - Мне приятно решить трудную задачу, которая кажется вам неразрешимой.

And under the bulging eyes of Levasseur and his officers, he untied the mouth of the bag and rolled into his left palm four or five pearls each of the size of a sparrow's egg. Левасер и его офицеры не сводили выпученных глаз с маленького мешочка, который медленно развязывал Блад. Осторожно раскрыв его, он высыпал на левую ладонь четыре или пять жемчужин. Каждая из них была величиной с воробьиное яйцо.

There were twenty such in the bag, the very pick of those taken in that raid upon the pearl fleet. Двадцать таких жемчужин достались Бладу при дележе трофеев, захваченных после разгрома испанской флотилии искателей жемчуга.

"You boast a knowledge of pearls, Cahusac. - Вы как-то хвастались, Каузак, что хорошо разбираетесь в жемчуге.

At what do you value this?" Во что вы оцените эту жемчужину?

The Breton took between coarse finger and thumb the proffered lustrous, delicately iridescent sphere, his shrewd eyes appraising it. Бретонец алчно схватил грубыми пальцами блестящий, нежно переливающийся всеми цветами радуги шарик и, любясь им, стал его рассматривать.

"A thousand pieces," he answered shortly. - Тысяча песо, - ответил он хриплым от волнения голосом.

"It will fetch rather more in Tortuga or Jamaica," said Captain Blood, "and twice as much in Europe. - На Тортуге или Ямайке за эту жемчужину дадут несколько больше, а в Европе она стоит в два раза дороже.

But I'll accept your valuation. Но я принимаю вашу оценку, лейтенант.

They are almost of a size, as you can see. Как видите, все они почти одинаковы.

Here are twelve, representing twelve thousand pieces of eight, which is La Foudre's share of three fifths of the prize, as provided by the articles. Вот вам двенадцать жемчужин, то есть двенадцать тысяч песо, которые и являются долей экипажа "Ла Фудр" в три пятых стоимости трофеев, как обусловлено нашим договором.

For the eight thousand pieces that go to the Arabella, I make myself responsible to my own men. And now, Wolverstone, if you please, will you take my property aboard the Arabella?" За восемь тысяч песо, следуемых "Арабелле", я несу ответственность перед моими людьми... А сейчас, Волверстон, прошу доставить мою собственность на

борт "Арабеллы".

He stood up again, indicating the prisoners. - И, указав на пленников, он поднялся с бочонка.

"Ah, no!" Levasseur threw wide the floodgates of his fury. - О нет! - взвыл Левасер, дав волю своей ярости.

"Ah, that, no, by example! You shall not take her..." - Вы ее не получите!

He would have sprung upon Captain Blood, who stood aloof, alert, tight-lipped, and watchful. But it was one of Levasseur's own officers who hindered him. И он бросился на стоявшего в стороне настороженного и внимательного Блада, но один из офицеров Левасера преградил ему дорогу:

"Nom de Dieu, my Captain! - Бог с тобой, капитан!

What will you do? It is settled; honourably settled with satisfaction to all." Ведь все улажено честь по чести, и все довольны.

"To all?" blazed Levasseur. - Все? - завизжал Левасер.

"Ah ca! - Ага!

To all of you, you animals! But what of me?" Вы все довольны, скоты!

Sahusac, with the pearls clutched in his capacious hand, stepped up to him on the other side. Каузак, сжимая в своей огромной ручище жемчужины, подбежал к Левасеру.

"Don't be a fool, Captain. - Не будь идиотом, капитан!

Do you want to provoke trouble between the crews? Ты хочешь вызвать драку между командами?

His men outnumber us by nearly two to one. У Блада вдвое больше людей.

What's a girl more or less? Ну что ты цепляешься за эту девку?

In Heaven's name, let her go. Черт с ней, и не связывайся, ради бога, с Бладом.

He's paid handsomely for her, and dealt fairly with us." Он хорошо заплатил за нее и честно поступил с нами...

"Dealt fairly?" roared the infuriated Captain. - Честно? - заревел взбешенный капитан.

"You..." - Ты!.. Ты!..

In all his foul vocabulary he could find no epithet to describe his lieutenant. He caught him a blow that almost sent him sprawling. - И, не найдя в своем обширном гнусном словаре подходящего ругательства, он так ударил лейтенанта кулаком, что чуть не сбил его с ног.

The pearls were scattered in the sand. Жемчужины рассыпались по песку.

Sahusac dived after them, his fellows with him. Vengeance must wait. Каузак и его люди стремительно, подобно пловцам, прыгающим в воду, бросились за жемчужинами, полагая, что с мщением можно подождать.

For some moments they groped there on hands and knees, oblivious of all else. And yet in those moments vital things were happening. Они ползали на четвереньках, старательно разыскивая жемчужины и не обращая внимания на то, что над ними развернулись важные события.

Levasseur, his hand on his sword, his face a white mask of rage, was confronting Captain Blood to hinder his departure. Левасер, положив руку на эфес шпаги, с побледневшим от бешенства лицом встал перед капитаном Бладом, собравшимся уходить.

"You do not take her while I live!" he cried. - Пока я жив, ты ее не получишь! - закричал он.

"Then I'll take her when you're dead," said Captain Blood, and his own blade flashed in the sunlight. - Тогда это будет после твоей смерти, - сказал Блад, и клинок его шпаги блеснул на солнце.

"The articles provide that any man of whatever rank concealing any part of a prize, be it of the value of no more than a peso, shall be hanged at the yardarm. - Наш договор предусматривает, что любой из членов экипажа кораблей, кто утаит часть трофеев хотя бы на один песо, должен быть повешен на нок-рее.

It's what I intended for you in the end. Именно так я и намерен был с тобой поступить.

But since ye prefer it this way, ye muckrake, faith, I'll be humouring you." Но поскольку тебе не нравится веревка, то, так и быть, навозная дрянь, я ублажу тебя по-иному!

He waved away the men who would have interfered, and the blades rang together. Он знаком остановил людей, которые пытались помешать столкновению, и со звоном скрестил свой клинок со шпагой Левасера.

M. d'Ogeron looked on, a man bemused, unable to surmise what the issue either way could mean for him. Д'Ожерон ошеломленно наблюдал за ним, совершенно не представляя, что может означать для него исход этой схватки.

Meanwhile, two of Blood's men who had taken the place of the Frenchman's negro guards, had removed the crown of whipcord from his brow. Между тем два человека из команды "Арабеллы", сменившие негров, охранявших французов, сняли бечевку с головы молодого человека.

As for mademoiselle, she had risen, and was leaning forward, a hand pressed tightly to her heaving breast, her face deathly pale, a wild terror in her eyes. Его сестра, с лицом блее мела и с выражением дикого ужаса в глазах, поднялась на ноги и, прижимая руки к груди, неотступно следила за схваткой.

It was soon over. Схватка закончилась очень быстро.

The brute strength, upon which Levasseur so confidently counted, could avail nothing against the Irishman's practised skill. Звериная сила Левасера, на которую он так надеялся, уступила опыту и ловкости ирландца.

When, with both lungs transfixed, he lay prone on the white sand, coughing out his rascally life, Captain Blood looked calmly at Cahusac across the body. И когда пронзенный в грудь Левасер навзничь упал на белый песок, капитан Блад, стоя над сраженным противником, спокойно взглянул на Каузака.

"I think that cancels the articles between us," he said. - Я думаю, это аннулирует наш договор, - сказал он.

With soulless, cynical eyes Cahusac considered the twitching body of his recent leader. Каузак равнодушным и циничным взглядом окинул корчившееся в судорогах тело своего вожака.

Had Levasseur been a man of different temper, the affair might have ended in a very different manner. Возможно, дело кончилось бы совсем не так, будь Левасер человеком другого склада.

But, then, it is certain that Captain Blood would have adopted in dealing with him different tactics. Но тогда, очевидно, и капитан Блад применил бы к нему другую тактику.

As it was, Levasseur commanded neither love nor loyalty. Сейчас же люди Левасера не питали к нему ни любви, ни жалости.

The men who followed him were the very dregs of that vile trade, and cupidity was their only inspiration. Единственным их побуждением была алчность.

Upon that cupidity Captain Blood had deftly played, until he had brought them to find Levasseur guilty of the one offence they deemed unpardonable, the crime of appropriating to himself something which might be converted into gold and shared amongst them all. Блад искусно сыграл на этой черте их характера, обвинив капитана "Ла Фудр" в самом тяжком преступлении - в присвоении того, что могло быть обращено в золото и поделено между ними.

Thus now the threatening mob of buccaneers that came hastening to the theatre of that swift tragi-comedy were appeased by a dozen words of Cahusac's. И сейчас, когда пираты, угрожающе потрясая кулаками, спустились к отмели, где разыгралась эта стремительная трагикомедия, Каузак успокоил их несколькими словами.

Whilst still they hesitated, Blood added something to quicken their decision. Видя, что они все еще колеблются, Блад для ускорения благоприятной развязки добавил:

"If you will come to our anchorage, you shall receive at once your share of the booty of the Santiago, that you may dispose of it as you please." - На нашей стоянке вы можете получить свою долю добычи с захваченного нами "Сантьяго" и поступить с ней по своему усмотрению. Как видите, я поступаю честно. И в ответ на эти слова пираты одобрительно зашумели.

They crossed the island, the two prisoners accompanying them, and later that day, the division made, they would have parted company but that Cahusac, at the instances of the men who had elected him Levasseur's successor, offered Captain Blood anew the services of that French contingent. Сопровождая Блада, они вместе с обоими пленниками пересекли остров и пришли к стоянке "Арабеллы". Во второй половине дня, после раздела добычи, они бы расстались, если бы Каузак, по настоянию своих людей, избравших его преемником Левасера, не предложил капитану Бладу услуги всей французской команды.

"If you will sail with me again," the Captain answered him, "you may do so on the condition that you make your peace with the Dutch, and restore the brig and her cargo." - Хорошо, я согласен, - ответил Блад, - но только при обязательном условии: вы должны помириться с голландцами и вернуть им бриг вместе с грузом.

The condition was accepted, and Captain Blood went off to find his guests, the children of the Governor of Tortuga. Условие было принято без колебаний, и капитан Блад отправился к своим гостям - детям губернатора Тортуги.

Mademoiselle d'Ogeron and her brother - the latter now relieved of his bonds - sat

in the great cabin of the Arabella, whither they had been conducted. Мадемуазель д'Ожерон и ее брат, освобожденный от веревок, сидели в большой каюте "Арабеллы".

Wine and food had been placed upon the table by Benjamin, Captain Blood's negro steward and cook, who had intimated to them that it was for their entertainment. Бенджамэн, черный слуга и повар Блада, поставив на стол вино и еду, уговаривал их поест.

But it had remained untouched. Но они ни к чему не притронулись.

Brother and sister sat there in agonized bewilderment, conceiving that their escape was but from frying-pan to fire. В мучительном замешательстве сидели брат и сестра, полагая, что их спасение было лишь сменой огня на полымя.

At length, overwrought by the suspense, mademoiselle flung herself upon her knees before her brother to implore his pardon for all the evil brought upon them by her wicked folly. Наконец мадемуазель д'Ожерон, измученная неизвестностью, бросилась на колени перед братом, умоляя его о прощении за все страдания, которые она причинила ему своим легкомыслием.

M. d'Ogeron was not in a forgiving mood. Однако ее брат не был склонен к снисходительности.

"I am glad that at least you realize what you have done. - Надеюсь, ты наконец поймешь, что ты натворила.

And now this other filibuster has bought you, and you belong to him. Сейчас тебя купил другой пират, и ты принадлежишь ему.

You realize that, too, I hope." Надеюсь, тебе тоже это понятно...

He might have said more, but he checked upon perceiving that the door was opening. Он мог бы сказать и больше, но умолк, заметив, что дверь каюты приоткрывается.

Captain Blood, coming from settling matters with the followers of Levasseur, stood on the threshold. M. d'Ogeron had not troubled to restrain his high-pitched voice, and the Captain had overheard the Frenchman's last two sentences. На пороге стоял капитан Блад. Он пришел сюда после того, как закончил расчеты с людьми Левасера, и хорошо слышал последние слова д'Ожерона.

Therefore he perfectly understood why mademoiselle should bound up at sight of him, and shrink back in fear. Поэтому его не удивило, что мадемуазель д'Ожерон, увидев своего нового хозяина, вздрогнула и сжалась от страха.

"Mademoiselle," said he in his vile but fluent French, "I beg you to dismiss your fears. Сняв шляпу с пером, Блад подошел к столу. -Мадемуазель, прошу вас успокоиться, - сказал он на плохом французском языке.

Aboard this ship you shall be treated with all honour. - Здесь, на борту "Арабеллы", с вами будут обращаться со всем подобающим вам уважением.

So soon as we are in case to put to sea again, we steer a course for Tortuga to take you home to your father. Как только наши корабли выйдут в море, мы направимся на остров Тортуга, чтобы отвезти вас к отцу.

And pray do not consider that I have bought you, as your brother has just said. И забудьте, пожалуйста, о том, что я вас купил, как сейчас говорил вам ваш брат.

All that I have done has been to provide the ransom necessary to bribe a gang of

scoundrels to depart from obedience to the arch-scoundrel who commanded them, and so deliver you from all peril. Чтобы избавить вас от опасности, я вынужден был подкупить банду негодяев и убедить их выйти из повиновения еще большему негодяю, который руководил ими.

Count it, if you please, a friendly loan to be repaid entirely at your convenience." Если найдете нужным, считайте данный мной за вас выкуп дружеским займом.

Mademoiselle stared at him in unbelief. M. d'Ogeron rose to his feet. Девушка, не веря своим ушам, изумленно смотрела на него, а ее брат даже привстал от удивления.

"Monsieur, is it possible that you are serious?" - Вы серьезно это говорите?

"I am. - Вполне!

It may not happen often nowadays. Хотя такие слова вы услышите не часто.

I may be a pirate. But my ways are not the ways of Levasseur, who should have stayed in Europe, and practised purse-cutting. Я - пират, но я не могу поступать так, как Левасер.

I have a sort of honour - shall we say, some rags of honour? - remaining me from better days." У меня есть свое понятие о чести и своя честь... или, допустим, остатки от прежней чести.

Then on a brisker note he added: "We dine in an hour, and I trust that you will honour my table with your company. - И, перейдя на деловой тон, он добавил: - Обед будет подан через час. Надеюсь, вы окажете мне честь отобедать со мной.

Meanwhile, Benjamin will see, monsieur, that you are more suitably provided in the matter of wardrobe." А пока мой Бенджамэн позаботится о вашем гардеробе.

He bowed to them, and turned to depart again, but mademoiselle detained him. И, поклонившись, он повернулся, чтобы уйти, но мадемуазель д'Ожерон остановила его громким восклицанием:

"Monsieur!" she cried sharply. - Капитан! Месье!

He checked and turned, whilst slowly she approached him, regarding him between dread and wonder. Блад повернулся, а она, медленно приближаясь к нему и глядя на него со страхом и удивлением, сказала взволнованно:

"Oh, you are noble!" - Вы благородный человек, капитан!

"I shouldn't put it as high as that myself," said he. - О, мадемуазель, вы преувеличиваете мои достоинства, - улыбнулся Блад.

"You are, you are! - Нет, нет! - горячо воскликнула она. - Вы благородный, вы настоящий рыцарь! Я очень виновата в том, что произошло.

And it is but right that you should know all." Я должна вам рассказать... Вы имеете на это право.

"Madelon!" her brother cried out, to restrain her. - Мадлен! - закричал ее брат, пытаясь удержать ее.

But she would not be restrained. Her surcharged heart must overflow in confidence. "Monsieur, for what befell I am greatly at fault. This man - this Levasseur..." He

stared, incredulous in his turn. "My God! Is it possible? That animal!" Но ей трудно было сдерживать свою пылкую благодарность, переполнявшую ее сердце.

Abruptly she fell on her knees, caught his hand and kissed it before he could wrench it from her. Внезапно она упала перед Бладом на колени, схватила его руку и, прежде чем он успел опомниться, поцеловала ее.

"What do you do?" he cried. - Что вы делаете? - воскликнул он.

"An amende. - Пытаюсь искупить свою вину.

In my mind I dishonoured you by deeming you his like, by conceiving your fight with Levasseur a combat between jackals. Мысленно я обесчестила вас. Я думала, что вы такой же, как и Левасер, а ваша схватка с ним -это драка шакалов.

On my knees, monsieur, I implore you to forgive me." На коленях умоляю вас - простите меня!

Captain Blood looked down upon her, and a smile broke on his lips, irradiating the blue eyes that looked so oddly light in that tawny face. Капитан Блад взглянул на нее, и мгновенно промелькнувшая улыбка зажгла огонек в его светло-синих глазах, которые будто засветились на его смуглом лице.

"Why, child," said he, - Не нужно, дитя мое, - мягко сказал он, поднимая ее.

"I might find it hard to forgive you the stupidity of having thought otherwise." - Ведь ваша мысль обо мне, в сущности, была совершенно правильной. Иначе вы и не могли думать.

As he handed her to her feet again, he assured himself that he had behaved rather well in the affair. Then he sighed. Он пытался уверить себя, что, вызволив молодых людей из неволи, совершил неплохой поступок, и тут же вздохнул.

That dubious fame of his that had spread so quickly across the Caribbean would by now have reached the ears of Arabella Bishop. Его сомнительная слава, так быстро распространившаяся в обширных границах Карибского моря, несомненно, дошла уже до Арабеллы Бишоп.

That she would despise him, he could not doubt, deeming him no better than all the other scoundrels who drove this villainous buccaneering trade. Он был убежден, что она относится к нему с презрением, считая его таким же мерзавцем, какими являлись все прочие пираты.

Therefore he hoped that some echo of this deed might reach her also, and be set by her against some of that contempt. Он надеялся поэтому, что какое-то, пусть даже очень отдаленное, эхо сегодняшнего его поступка также докатится до нее и хоть немного смягчит ее сердце.

For the whole truth, which he withheld from Mademoiselle d'Ogeron, was that in venturing his life to save her, he had been driven by the thought that the deed must be pleasing in the eyes of Miss Bishop could she but witness it. Он, конечно, скрыл от мадемуазель д'Ожерон истинную причину ее спасения. Блад решил рискнуть своей жизнью, движимый единственной мыслью, что Арабелла Бишоп была бы довольна им, если бы смогла присутствовать здесь сегодня.

Chapter XVI Глава XVI

THE TRAP ЗАПАДНЯ

That affair of Mademoiselle d'Ogeron bore as its natural fruit an improvement in the already cordial relations between Captain Blood and the Governor of Tortuga. Спасение мадемуазель д'Ожерон, естественно, улучшило и без того хорошие отношения между капитаном Бладом и губернатором Тортуги.

At the fine stone house, with its green-jalousied windows, which M. d'Ogeron had built himself in a spacious and luxuriant garden to the east of Cayona, the Captain became a very welcome guest. Капитан стал желанным гостем в красивом белом доме с зелеными жалюзи, который д'Ожерон построил для себя к востоку от Кайоны, среди большого, роскошного сада.

M. d'Ogeron was in the Captain's debt for more than the twenty thousand pieces of eight which he had provided for mademoiselle's ransom; and shrewd, hard bargain-driver though he might be, the Frenchman could be generous and understood the sentiment of gratitude. Губернатор считал, что его долг Бладу не ограничивается двадцатью тысячами песо, которые тот уплатил за Мадлен. Умному и опытному дельцу не чужды были и благородство и чувство признательности.

This he now proved in every possible way, and under his powerful protection the credit of Captain Blood among the buccaneers very rapidly reached its zenith. Француз доказал это различными способами, и под его покровительством акции капитана Блада среди пиратов поднялись к зениту.

So when it came to fitting out his fleet for that enterprise against Maracaybo, which had originally been Levasseur's project, he did not want for either ships or men to follow him. Когда пришло время оснащать эскадру для набега на Маракайбо, в свое время предложенного Левасером, у капитана Блада оказалось достаточно и людей и кораблей.

He recruited five hundred adventurers in all, and he might have had as many thousands if he could have offered them accommodation. Он легко набрал пятьсот авантюристов, а при желании мог бы наберечь и пять тысяч.

Similarly without difficulty he might have increased his fleet to twice its strength of ships but that he preferred to keep it what it was. The three vessels to which he confined it were the Arabella, the La Foudre, which Cahusac now commanded with a contingent of some sixscore Frenchmen, and the Santiago, which had been refitted and rechristened the Elizabeth, after that Queen of England whose seamen had humbled Spain as Captain Blood now hoped to humble it again. Точно так же ему ничего не стоило вдвое увеличить и свою эскадру, но он предпочел ограничиться тремя кораблями: "Арабеллой", "Ла Фудр" с командой в сто двадцать французов под начальством Каузака и "Сантьяго", оснащенного заново и переименованного в "Элизабет". Это имя они дали кораблю в честь английской королевы, во время царствования которой моряки проучили Испанию так же, как сейчас собирался это сделать снова капитан Блад.

Hagthorpe, in virtue of his service in the navy, was appointed by Blood to command her, and the appointment was confirmed by the men. Командиром "Элизабет" он назначил Хагторпа, и это назначение было одобрено всеми членами пиратского братства.

It was some months after the rescue of Mademoiselle d'Ogeron - in August of that year 1687 - that this little fleet, after some minor adventures which I pass over in silence, sailed into the great lake of Maracaybo and effected its raid upon that opulent city of the Main. В августе 1687 года небольшая эскадра Блада после некоторых приключений в пути, о которых я умалчиваю, вошла в огромное Маракайбское озеро и совершила нападение на богатый город Мэйна - Маракайбо.

The affair did not proceed exactly as was hoped, and Blood's force came to find

itself in a precarious position. Операция эта прошла не столь гладко, как предполагал Блад, и отряд его попал в опасное положение.

This is best explained in the words employed by Cahusac - which Pitt has carefully recorded - in the course of an altercation that broke out on the steps of the Church of Nuestra Senora del Carmen, which Captain Blood had impiously appropriated for the purpose of a corps-de-garde. Сложность этого положения лучше всего характеризуют слова Каузака - их старательно записал Питт, - произнесенные в пылу ссоры, вспыхнувшей на ступенях церкви Нуэстра Сеньора дель Кармен, в которой Блад бесцеремонно устроил кордегардию[51].

I have said already that he was a papist only when it suited him. Раньше я уже упоминал, что ирландец был католиком только тогда, когда это его устраивало.

The dispute was being conducted by Hagthorpe, Wolverstone, and Pitt on the one side, and Cahusac, out of whose uneasiness it all arose, on the other. В споре принимали участие, с одной стороны, Хагторп, Волверстон и Питт, а с другой - Каузак, чья трусость и послужила причиной спора.

Behind them in the sun-scorched, dusty square, sparsely fringed by palms, whose fronds drooped listlessly in the quivering heat, surged a couple of hundred wild fellows belonging to both parties, their own excitement momentarily quelled so that they might listen to what passed among their leaders. Перед жокаками пиратов, на выжженной солнцем пыльной площади, окаймленной редкими пальмами с опущенными от зноя листьями, бурлила толпа из нескольких сот головорезов обеих партий.

Cahusac appeared to be having it all his own way, and he raised his harsh, querulous voice so that all might hear his truculent denunciation. Каузака, видимо, никто не останавливал, и его резкий, крикливый голос покрывал нестройный шум толпы, стихавший по временам, когда француз бессвязно обвинял Блада во всех смертных грехах.

He spoke, Pitt tells us, a dreadful kind of English, which the shipmaster, however, makes little attempt to reproduce. Питт утверждает, что Каузак говорил на ужасном английском языке, который Питт даже не пытается воспроизвести.

His dress was as discordant as his speech. It was of a kind to advertise his trade, and ludicrously in contrast with the sober garb of Hagthorpe and the almost foppish daintiness of Jeremy Pitt. Одежда на французском капитане была так же нелепа и растрепана, как и его речь, и весь облик Каузака резко отличался от скромной фигуры Хагторпа, одетого в чистый костюм, и от почти щегольского облика Питта, появившегося там в нарядном камзоле и блестящих туфлях.

His soiled and blood-stained shirt of blue cotton was open in front, to cool his hairy breast, and the girdle about the waist of his leather breeches carried an arsenal of pistols and a knife, whilst a cutlass hung from a leather baldrick loosely slung about his body; above his countenance, broad and flat as a Mongolian's, a red scarf was swathed, turban-wise, about his head. Вымазанная в крови блуза из синей бумажной ткани, мешковато сидевшая на французе, была расстегнута, открывая его грязную волосатую грудь; за поясом кожаных штанов у него торчал нож и целый арсенал пистолетов, и, кроме того, на перевязи болталась абордажная сабля. Над широким и скуластым, как у монгола, лицом свисал красный шарф, обвязанный вокруг головы в виде тюрбана.

"Is it that I have not warned you from the beginning that all was too easy?" he demanded between plaintiveness and fury. - Разве я не предупреждал вас еще вначале, что все идет слишком гладко, слишком благополучно? - выкрикивал он, яростно подпрыгивая на своих кривых ногах.

"I am no fool, my friends. - Я ведь не дурак, друзья!

I have eyes, me. У меня все-таки есть глаза.

And I see. Мы входим в озеро - и что мы видим?

I see an abandoned fort at the entrance of the lake, and nobody there to fire a gun at us when we came in. Брошенный форт. Вы помните, да? Там никого не было. Помните? Никто в нас не стрелял. Пушки молчали.

Then I suspect the trap. Я тогда уже заподозрил неладное.

Who would not that had eyes and brain? Да и любой на моем месте, у кого есть глаза и мозги, думал бы так же.

Bah! we come on. Но мы все-таки плывем дальше.

What do we find? И что же мы находим?

A city, abandoned like the fort; a city out of which the people have taken all things of value. Такой же брошенный, как и форт, город, из которого бежали жители, забрав с собой все ценное.

Again I warn Captain Blood. It is a trap, I say. Я снова предупреждаю капитана Блада, я говорю ему, что это неспроста, что тут ловушка. Но он меня не слушает, не хочет слушать.

We are to come on; always to come on, without opposition, until we find that it is too late to go to sea again, that we cannot go back at all. Мы продолжаем идти дальше, не встречая никакого сопротивления.

But no one will listen to me. Наконец все уже видят, что еще немного - и думать о возвращении будет слишком поздно.

You all know so much more. Я снова предупреждаю, но меня по-прежнему никто не слушает.

Name of God! Боже мой!

Captain Blood, he will go on, and we go on. Капитан Блад должен идти дальше!

We go to Gibraltar. True that at last, after long time, we catch the Deputy-Governor; true, we make him pay big ransom for Gibraltar; true between that ransom and the loot we return here with some two thousand pieces of eight. И мыдвигаемся дальше и доходим до Гибралтара[52] Правда, здесь в конце концов мы находим вице-губернатора, заставляем его заплатить нам выкуп за этот город, но стоимость всех наших трофеев составляет две тысячи песо!

But what is it, in reality, will you tell me? Может быть, вы ответите мне, что это такое?

Or shall I tell you? Или я вам должен объяснить?

It is a piece of cheese - a piece of cheese in a mousetrap, and we are the little mice. Goddam! Это кусок сыра, понимаете? Кусок сыра в мышеловке! Кто же мыши? - спросите вы. Мыши - это мы, черт возьми!

And the cats - oh, the cats they wait for us! А кошки? О, они еще ожидают нас!

The cats are those four Spanish ships of war that have come meantime. And they wait for us outside the bottle-neck of this lagoon. Кошки - это четыре испанских военных корабля, которые стерегут нас у выхода из этой мышеловки.

Mort de Dieu! Боже мой!

That is what comes of the damned obstinacy of your fine Captain Blood." Мы попали в капкан из-за дурацкого упрямства нашего замечательного капитана Блада!

Wolverstone laughed. Волверстон засмеялся.

Cahusac exploded in fury. Каузак рассвирепел.

"Ah, sangdieu! - А-а, черт возьми!

Tu ris, animal? You laugh! Ты еще смеешься, скотина!

Tell me this: How do we get out again unless we accept the terms of Monsieur the Admiral of Spain?" Отвечай мне: как мы сможем выбраться отсюда, если не примем условий испанского адмирала?

From the buccaneers at the foot of the steps came an angry rumble of approval. Пираты, стоявшие на ступеньках внизу, одобрительно загудели.

The single eye of the gigantic Wolverstone rolled terribly, and he clenched his great fists as if to strike the Frenchman, who was exposing them to mutiny. Огромный Волверстон, гневно взглянув на них своим единственным глазом, сжал кулаки, как бы готовясь ударить француза, подстрекавшего людей к бунту.

But Cahusac was not daunted. Но Каузака это не смутило.

The mood of the men enheartened him. Воодушевленный поддержкой пиратов, он продолжал:

"You think, perhaps, this your Captain Blood is the good God. That he can make miracles, eh? - Ты, должно быть, полагаешь, что капитан Блад -это бог и что он может творить чудеса, да?

He is ridiculous, you know, this Captain Blood; with his grand air and his..." Да знаешь ли ты, что ваш хваленый капитан Блад смешон...

He checked. Out of the church at that moment, grand air and all, sauntered Peter Blood. Он внезапно умолк, потому что как раз в эту минуту из церкви не торопясь выходил капитан Блад.

With him came a tough, long-legged French sea-wolf named Yberville, who, though still young, had already won fame as a privateer commander before the loss of his own ship had driven him to take service under Blood. Рядом с ним шел Ибервиль, длинноногий, высокий француз. Несмотря на свою молодость, он не пользовался славой лихого корсара, и его считали настоящим морским волком еще до того, как гибель собственного судна вынудила Ибервиля поступить на службу к Бладу.

The Captain advanced towards that disputing group, leaning lightly upon his long ebony cane, his face shaded by a broad-plumed hat. Капитан "Арабеллы", в широкополой шляпе с плюмажем, приближался к пиратам, слегка опираясь на длинную трость из черного дерева.

There was in his appearance nothing of the buccaneer. He had much more the air of a loungeur in the Mall or the Alameda - the latter rather, since his elegant suit of

violet taffetas with gold-embroidered button-holes was in the Spanish fashion. По внешнему виду никто не назвал бы его корсаром; он скорее походил на праздного щеголя с Пелл Молл[53] или с Аламеды[54]. Последнее, пожалуй, вернее, так как его элегантный камзол с отделанными золотом петлями был шит по последней испанской моде.

But the long, stout, serviceable rapier, thrust up behind by the left hand resting lightly on the pommel, corrected the impression. That and those steely eyes of his announced the adventurer. Но при более пристальном взгляде на него это впечатление менялось. Длинная боевая шпага, небрежно откинута назад, и стальной блеск в глазах Блада выдавали в нем искателя приключений...

"You find me ridiculous, eh, Cahusac?" said he, as he came to a halt before the Breton, whose anger seemed already to have gone out of him. - Вы находите меня смешным, Каузак, а? -спросил он, останавливаясь перед бретонцем, который вдруг как-то внезапно выдохся.

"What, then, must I find you?" - Кем же тогда я должен считать вас?

He spoke quietly, almost wearily. - Он говорил тихим, утомленным голосом.

"You will be telling them that we have delayed, and that it is the delay that has brought about our danger. - Вы кричите, что наша задержка породила опасность.

But whose is the fault of that delay? А кто в этой задержке виноват?

We have been a month in doing what should have been done, and what but for your blundering would have been done, inside of a week." Мы потратили почти месяц на то, что можно было сделать за одну неделю, если бы не ваши ошибки.

"Ah ca! Nom de Dieu! - О, боже мой!

Was it my fault that..." Значит, я еще и виноват, что...

"Was it any one else's fault that you ran your ship La Foudre aground on the shoal in the middle of the lake? - А разве я посадил "Ла Фудр" на мель посреди озера?

You would not be piloted. You knew your way. You took no soundings even. Вы понадеялись на себя, отказались от лоцмана.

The result was that we lost three precious days in getting canoes to bring off your men and your gear. Это привело к тому, что мы потеряли три драгоценных дня на разгрузку вашего корабля, чтобы стащить его с мели.

Those three days gave the folk at Gibraltar not only time to hear of our coming, but time in which to get away. За эти три дня жители Гибралтара не только узнали о нас, но и успели скрыться.

After that, and because of it, we had to follow the Governor to his infernal island fortress, and a fortnight and best part of a hundred lives were lost in reducing it. Вот что вынудило нас гнаться за губернатором и потерять у стен этой проклятой крепости около сотни людей и две недели времени!

That's how we come to have delayed until this Spanish fleet is fetched round from La Guayra by a guarda-costa; and if ye hadn't lost La Foudre, and so reduced our fleet from three ships to two, we should even now be able to fight our way through with a reasonable hope of succeeding. Вот в чем причина нашей задержки! А пока мы со всем этим возились, подоспела испанская эскадра, вызванная из Ла Гуайры кораблем береговой охраны. Но даже и сейчас мы могли бы вырваться в открытое море, если бы

не был потерян "Ла Фудр".

Yet you think it is for you to come hectoring here, upbraiding us for a situation that is just the result of your own ineptitude." И вы еще осмеливаетесь обвинять меня в том, в чем виноваты вы сами или, вернее, ваша глупость!

He spoke with a restraint which I trust you will agree was admirable when I tell you that the Spanish fleet guarding the bottle-neck exit of the great Lake of Maracaybo, and awaiting there the coming forth of Captain Blood with a calm confidence based upon its overwhelming strength, was commanded by his implacable enemy, Don Miguel de Espinosa y Valdez, the Admiral of Spain. Надеюсь, вы согласитесь со мной, что сдержанность Блада трудно не назвать удивительной, если учесть, что испанской эскадрой, сторожившей выход из озера Маракайбо, командовал его злейший враг - дон Мигель де Эспиноса-и-Вальдес, адмирал Испании.

In addition to his duty to his country, the Admiral had, as you know, a further personal incentive arising out of that business aboard the Encarnacion a year ago, and the death of his brother Don Diego; and with him sailed his nephew Esteban, whose vindictive zeal exceeded the Admiral's own. У адмирала, помимо долга перед страной, были, как вам уже известно, и личные причины желать встречи с Бладом из-за истории, которая произошла около года назад на борту "Энкарнасиона" и завершилась смертью его брата дона Диего. Вместе с доном Мигелем плавал и его племянник дон Эстебан, еще более, чем сам адмирал, жаждавший мщения.

Yet, knowing all this, Captain Blood could preserve his calm in reproving the cowardly frenzy of one for whom the situation had not half the peril with which it was fraught for himself. He turned from Cahusac to address the mob of buccaneers, who had surged nearer to hear him, for he had not troubled to raise his voice. "I hope that will correct some of the misapprehension that appears to have been disturbing you," said he. И все же капитан Блад сохранял полное спокойствие и высмеивал трусливое поведение Каузака.

"There's no good can come of talking of what's past and done," cried Cahusac, more sullen now than truculent. Whereupon Wolverstone laughed, a laugh that was like the neighing of a horse. - Сейчас нечего говорить о том, что сделано в прошлом! - закричал Каузак.

"The question is: what are we to do now?" - Вопрос сейчас стоит так: что мы теперь будем делать?

"Sure, now, there's no question at all," said Captain Blood. - Такого вопроса вообще не существует! - отрезал Блад.

"Indeed, but there is," Cahusac insisted. - Как не существует? - кипятился Каузак.

"Don Miguel, the Spanish Admiral, have offer us safe passage to sea if we will depart at once, do no damage to the town, release our prisoners, and surrender all that we took at Gibraltar." - Испанский адмирал дон Мигель обещал обеспечить нам безопасность, если мы немедленно уйдем, оставив город в целости, если мы освободим пленных и вернем все, что захватили в Гибралтаре.

Captain Blood smiled quietly, knowing precisely how much Don Miguel's word was worth. It was Yberville who replied, in manifest scorn of his compatriot: Капитан Блад улыбнулся, зная цену обещаниям дона Мигеля, а Ибервиль, не скрывая своего презрения к Каузаку, сказал:

"Which argues that, even at this disadvantage as he has us, the Spanish Admiral is still afraid of us." - Это лишний раз доказывает, что испанский адмирал, несмотря на все преимущества, какими он располагает, все же боится нас.

"That can be only because he not know our real weakness," was the fierce retort. - Так это потому, что ему неизвестно, насколько мы слабы! - закричал Каузак.

"And, anyway, we must accept these terms. We have no choice. - Нам нужно принять его условия, так как иного выхода у нас нет.

That is my opinion." Таково мое мнение.

"Well, it's not mine, now," said Captain Blood. - Но не мое, - спокойно заметил Блад.

"So, I've refused them." - Поэтому-то я и отклонил эти условия.

"Refuse'!" - Отклонили?

Cahusac's broad face grew purple. - Широкое лицо Каузака побагровело.

A muttering from the men behind enheartened him. Ропот стоявших позади людей подбодрил его.

"You have refuse'? You have refuse' already - and without consulting me?" - Отклонили и даже не посоветовались со мной?

"Your disagreement could have altered nothing. - Ваш отказ ничего изменить не может.

You'd have been outvoted, for Hagthorpe here was entirely of my own mind. Нас большинство, так как Хагторп придерживается того же мнения, что и я.

Still," he went on, "if you and your own French followers wish to avail yourselves of the Spaniard's terms, we shall not hinder you. Но если вы и ваши французские сторонники хотите принять условия испанца, то мы вам не будем мешать.

Send one of your prisoners to announce it to the Admiral. Пошлите сообщить об этом адмиралу.

Don Miguel will welcome your decision, you may be sure." Можно не сомневаться, что ваше решение только обрадует дона Мигеля.

Cahusac glowered at him in silence for a moment. Then, having controlled himself, he asked in a concentrated voice: Каузак сердито посмотрел на него, а затем, взяв себя в руки, спросил:

"Precisely what answer have you make to the Admiral?" - Какой ответ вы дали адмиралу?

A smile irradiated the face and eyes of Captain Blood. Лицо и глаза Блада осветились улыбкой.

"I have answered him that unless within four-and-twenty hours we have his parole to stand out to sea, ceasing to dispute our passage or hinder our departure, and a ransom of fifty thousand pieces of eight for Maracaybo, we shall reduce this beautiful city to ashes, and thereafter go out and destroy his fleet." - Я ответил ему, что если в течение двадцати четырех часов он не гарантирует нам свободного выхода в море и не выплатит за сохранность Маракайбо пятьдесят тысяч песо, то мы превратим этот прекрасный город в груды развалин, а затем выйдем отсюда и уничтожим его эскадру.

The impudence of it left Cahusac speechless, But among the English buccaneers in the square there were many who savoured the audacious humour of the trapped dictating terms to the trappers. Услышав столь дерзкий ответ, Каузак потерял дар речи. Однако многим пиратам из англичан пришелся по душе смелый юмор человека, который, будучи в западне, все же диктовал свои условия тому, кто завлек его в эту ловушку.

Laughter broke from them. It spread into a roar of acclamation; for bluff is a weapon dear to every adventurer. В толпе пиратов раздались хохот и крики одобрения.

Presently, when they understood it, even Cahusac's French followers were carried off their feet by that wave of jocular enthusiasm, until in his truculent obstinacy Cahusac remained the only dissentient. Многие французские сторонники Каузака были захвачены этой волной энтузиазма. Каузак же со своим свирепым упрямством остался в одиночестве.

He withdrew in mortification. Nor was he to be mollified until the following day brought him his revenge. Обиженный, он ушел и не мог успокоиться до следующего дня, который стал днем его мщения.

This came in the shape of a messenger from Don Miguel with a letter in which the Spanish Admiral solemnly vowed to God that, since the pirates had refused his magnanimous offer to permit them to surrender with the honours of war, he would now await them at the mouth of the lake there to destroy them on their coming forth. В этот день от дона Мигеля прибыл посланец с письмом. Испанский адмирал торжественно клялся, что, поскольку пираты отклонили его великодушное предложение, он будет ждать их теперь у выхода из озера, чтобы уничтожить.

He added that should they delay their departure, he would so soon as he was reenforced by a fifth ship, the Santo Nino, on its way to join him from La Guayra, himself come inside to seek them at Maracaibo. Если же отплытие пиратов задержится, предупреждал дон Мигель, то, как только его эскадра будет усилена пятым кораблем - "Санто Ниньо", идущим к нему из Ла Гуайры, он сам войдет в озеро и захватит их у Маракайбо.

This time Captain Blood was put out of temper. На сей раз капитан Блад был выведен из равновесия.

"Trouble me no more," he snapped at Cahusac, who came growling to him again. - Не беспокой меня больше! - огрызнулся он на Каузака, который с ворчанием снова ввалился к нему.

"Send word to Don Miguel that you have seceded from me. He'll give you safe conduct, devil a doubt. - Сообщи адмиралу, что ты откололся от меня, черт побери, и он выпустит тебя и твоих людей.

Then take one of the sloops, order your men aboard and put to sea, and the devil go with you." Возьми шлюп[55]и убирайся к дьяволу!

Cahusac would certainly have adopted that course if only his men had been unanimous in the matter. Каузак, конечно, последовал бы этому совету, если бы среди французов было единодушие в этом вопросе.

They, however, were torn between greed and apprehension. If they went they must abandon their share of the plunder, which was considerable, as well as the slaves and other prisoners they had taken. Их раздирали жадность и беспокойство: уходя с Каузаком, они начисто отказывались от своей доли награбленного, а также и от захваченных ими рабов и пленных.

If they did this, and Captain Blood should afterwards contrive to get away unscathed - and from their knowledge of his resourcefulness, the thing, however unlikely, need not be impossible - he must profit by that which they now relinquished. Если же хитроумному капитану Бладу удастся выбраться отсюда невредимым, то он, конечно, на законном основании захватит все, что они потеряют.

This was a contingency too bitter for contemplation. Одна лишь мысль о такой ужасной перспективе была слишком горькой.

And so, in the end, despite all that Cahusac could say, the surrender was not to Don Miguel, but to Peter Blood. И в конце концов, несмотря на все уговоры Каузака, его сторонники перешли на сторону Питера Блада.

They had come into the venture with him, they asserted, and they would go out of it with him or not at all. Они заявили, что отправились в этот поход с Бладом и вернутся только с ним, если им вообще доведется вернуться.

That was the message he received from them that same evening by the sullen mouth of Cahusac himself. Об этом решении угрюмо сообщил ему сам Каузак.

He welcomed it, and invited the Breton to sit down and join the council which was even then deliberating upon the means to be employed. Блад был рад такому решению и пригласил бретонца принять участие в совещании, на котором как раз в это время обсуждался вопрос о дальнейших действиях.

This council occupied the spacious patio of the Governor's house - which Captain Blood had appropriated to his own uses - a cloistered stone quadrangle in the middle of which a fountain played coolly under a trellis of vine. Совещание происходило в просторном внутреннем дворике губернаторского дома. В центре, окруженный аркадами каменного четырехугольника, под сеткой вьющихся растений бил прохладный фонтан.

Orange-trees grew on two sides of it, and the still, evening air was heavy with the scent of them. Вокруг фонтана росли апельсиновые деревья, и неподвижный вечерний воздух был напоен их ароматом.

It was one of those pleasant exterior-interiors which Moorish architects had introduced to Spain and the Spaniards had carried with them to the New World. Это было одно из тех приятных снаружи и внутри сооружений, которые мавританские архитекторы строили в Испании по африканскому образцу, а испанцы затем уже перенесли в Новый Свет.

Here that council of war, composed of six men in all, deliberated until late that night upon the plan of action which Captain Blood put forward. В совещании принимали участие всего лишь шесть человек, и оно закончилось поздней ночью. На этом совещании обсуждался план действий, предложенный Бладом.

The great freshwater lake of Maracaybo, nourished by a score of rivers from the snow-capped ranges that surround it on two sides, is some hundred and twenty miles in length and almost the same distance across at its widest. Огромное пресноводное озеро Маракайбо тянулось в длину на сто двадцать миль, кое-где достигая такой же ширины. Его питали несколько рек, стекавших со снежных хребтов, окружавших озеро с двух сторон.

It is - as has been indicated - in the shape of a great bottle having its neck towards the sea at Maracaybo. Как я уже говорил, озеро это имеет форму гигантской бутылки с горлышком, направленным в сторону моря у города Маракайбо.

Beyond this neck it widens again, and then the two long, narrow strips of land

known as the islands of Vigilias and Palomas block the channel, standing lengthwise across it. За этим горлышком озеро расширяется снова, а ближе к морю лежат два длинных острова - Вихилиас и Лас Паломас, закрывая выход в океан.

The only passage out to sea for vessels of any draught lies in the narrow strait between these islands. Единственный путь для кораблей любой осадки проходит между этими островами через узкий пролив.

Palomas, which is some ten miles in length, is unapproachable for half a mile on either side by any but the shallowest craft save at its eastern end, where, completely commanding the narrow passage out to sea, stands the massive fort which the buccaneers had found deserted upon their coming. К берегам острова Лас Паломас могут пристать только небольшие, мелкосидящие суда, за исключением его восточной оконечности, где, господствуя над узким выходом в море, высится мощный форт, который во время подхода к нему корсаров оказался брошенным.

In the broader water between this passage and the bar, the four Spanish ships were at anchor in mid-channel. На водной глади между этими островами стояли на якорях четыре испанских корабля.

The Admiral's Encarnacion, which we already know, was a mighty galleon of forty-eight great guns and eight small. Флагманский корабль "Энкарнасион", с которым мы уже встречались, был мощным галионом, вооруженным сорока восьмью большими пушками и восьмью малыми.

Next in importance was the Salvador with thirty-six guns; the other two, the Infanta and the San Felipe, though smaller vessels, were still formidable enough with their twenty guns and a hundred and fifty men apiece. Следующим по мощности был тридцатипушечный "Сальвадор", а два меньших корабля - "Инфанта" и "Сан-Фелипе" - имели по двадцать пушек и по сто пятьдесят человек команды каждый.

Such was the fleet of which the gauntlet was to be run by Captain Blood with his own Arabella of forty guns, the Elizabeth of twenty-six, and two sloops captured at Gibraltar, which they had indifferently armed with four culverins each. Такова была эскадра, на вызов которой должен был ответить капитан Блад, располагавший, помимо "Арабеллы" с сорока пушками и "Элизабет" с двадцатью шестью пушками, еще двумя шлюпами, захваченными в Гибралтаре, каждый из которых был вооружен четырьмя кулевринами[56].

In men they had a bare four hundred survivors of the five hundred-odd that had left Tortuga, to oppose to fully a thousand Spaniards manning the galleons. Против тысячи испанцев корсары могли выставить не более четырехсот человек.

The plan of action submitted by Captain Blood to that council was a desperate one, as Cahusac uncompromisingly pronounced it. План, представленный Бладом, отличаясь смелостью замысла, со стороны все же казался отчаянным, и Каузак сразу же высказал свои опасения.

"Why, so it is," said the Captain. "But I've done things more desperate." - Да, не спорю, - согласился капитан Блад, - но мне приходилось идти и на более отчаянные дела.

Complacently he pulled at a pipe that was loaded with that fragrant Sacerdotes tobacco for which Gibraltar was famous, and of which they had brought away some hogsheads. - Он с удовольствием закурил трубку, набитую душистым табаком, которым так славился Гибралтар.

"And what is more, they've succeeded. - И что еще более важно - все эти дела кончались удачно.

Audaces fortuna juvat. Bedad, they knew their world, the old Romans." Audaces fortuna juvat[57], - добавил он по-латыни и напоследок сказал: - Честное слово, старики римляне были умные люди.

He breathed into his companions and even into Cahusac some of his own spirit of confidence, and in confidence all went busily to work. For three days from sunrise to sunset, the buccaneers laboured and sweated to complete the preparations for the action that was to procure them their deliverance. Своей уверенностью он заразил даже недоверчивого и трусоватого Каузака. Все деятельно принялись за работу и три дня с восхода до заката готовились к бою, сулившему победу.

Time pressed. Время не ждало.

They must strike before Don Miguel de Espinosa received the reenforcement of that fifth galleon, the Santo Nino, which was coming to join him from La Guayra. Они должны были ударить первыми, прежде чем к дону Мигелю де Эспиноса могло подоспеть подкрепление в виде пятого галиона "Санто Ниньо", идущего из Ла Гуайры.

Their principal operations were on the larger of the two sloops captured at Gibraltar; to which vessel was assigned the leading part in Captain Blood's scheme. Основная работа велась на большем из двух шлюпов, захваченных в Гибралтаре. Этот шлюп играл главную роль в осуществлении плана Блада.

They began by tearing down all bulkheads, until they had reduced her to the merest shell, and in her sides they broke open so many ports that her gunwale was converted into the semblance of a grating. Все перегородки и переборки на нем были сломаны, и судно превратилось как бы в пустую скорлупу, прикрытую досками палубы, а когда в его бортах просверлили сотни отверстий, то оно стало походить на половину пустого ореха, источенного червями.

Next they increased by a half-dozen the scuttles in her deck, whilst into her hull they packed all the tar and pitch and brimstone that they could find in the town, to which they added six barrels of gunpowder, placed on end like guns at the open ports on her larboard side. Затем в палубе было пробито еще несколько люков, а внутрь корпуса уложен весь запас смолы, дегтя и серы, найденных в городе. Ко всему этому добавили еще шесть бочек пороха, выставив их наподобие пушек из бортовых отверстий шлюпа.

On the evening of the fourth day, everything being now in readiness, all were got aboard, and the empty, pleasant city of Maracaibo was at last abandoned. К вечеру четвертого дня, когда все работы были закончены, пираты оставили за собой приятный, но безлюдный город Маракайбо.

But they did not weigh anchor until some two hours after midnight. Однако снялись с якоря только часа через два после полуночи, воспользовавшись отливом, который начал их тихо сносить по направлению к бару[58].

Then, at last, on the first of the ebb, they drifted silently down towards the bar with all canvas furled save only their spiltsails, which, so as to give them steering way, were spread to the faint breeze that stirred through the purple darkness of the tropical night. Корабли шли, убрав все паруса, кроме бушпритных, подгоняемые легким бризом, едва ощутимым в фиолетовом мраке тропической ночи.

The order of their going was as follows: Ahead went the improvised fire-ship in charge of Wolverstone, with a crew of six volunteers, each of whom was to have a hundred pieces of eight over and above his share of plunder as a special reward. Впереди шел наскоро сделанный брандер[59] под командованием Волверстона, с шестью добровольцами. Каждому из них, кроме специальной награды, было обещано еще по сто

песо сверх обычной доли добычи.

Next came the Arabella. She was followed at a distance by the Elizabeth, commanded by Hagthorpe, with whom was the now shipless Cahusac and the bulk of his French followers. За брандером шла "Арабелла", на некотором расстоянии от нее следовала "Элизабет" под командой Хагторпа; на этом же корабле разместился и Каузак с французскими пиратами.

The rear was brought up by the second sloop and some eight canoes, aboard of which had been shipped the prisoners, the slaves, and most of the captured merchandise. Арьергард замыкали второй шлюп и восемь каноэ с пленными, рабами и большей частью захваченных товаров.

The prisoners were all pinioned, and guarded by four buccaneers with musketoons who manned these boats in addition to the two fellows who were to sail them. Пленных охраняли два матроса, управлявшие лодками, и четыре пирата с мушкетами.

Their place was to be in the rear and they were to take no part whatever in the coming fight. По плану Блада, они должны были находиться в тылу и ни в коем случае не принимать участия в предстоящем сражении.

As the first glimmerings of opalescent dawn dissolved the darkness, the straining eyes of the buccaneers were able to make out the tall rigging of the Spanish vessels, riding at anchor less than a quarter of a mile ahead. Едва лишь первые проблески опалового рассвета рассеяли темноту, корсары, напряженно всматривавшиеся в даль, увидели в четверти мили от себя очертания рангоутов[60] и такелажей[61] испанских кораблей, стоявших на якорах.

Entirely without suspicion as the Spaniards were, and rendered confident by their own overwhelming strength, it is unlikely that they used a vigilance keener than their careless habit. Certain it is that they did not sight Blood's fleet in that dim light until some time after Blood's fleet had sighted them. Испанцы, полагаясь на свое подавляющее превосходство, не проявили большей бдительности, чем им диктовала их обычная беспечность, и обнаружили эскадру Блада только после того, как их уже заметили корсары.

By the time that they had actively roused themselves, Wolverstone's sloop was almost upon them, speeding under canvas which had been crowded to her yards the moment the galleons had loomed into view. Увидя сквозь предрассветный туман испанские галионы, Волверстон поднял на реях своего брандера все паруса, и не успели испанцы опомниться, как он уже вплотную подошел к ним.

Straight for the Admiral's great ship, the Encarnacion, did Wolverstone head the sloop; then, lashing down the helm, he kindled from a match that hung ready lighted beside him a great torch of thickly plaited straw that had been steeped in bitumen. Направив свой шлюп на огромный флагманский корабль "Энкарнасион", Волверстон намертво закрепил штурвал и, схватив висевший около него тлеющий фитиль, зажег огромный факел из скрученной соломы, пропитанной нефтью.

First it glowed, then as he swung it round his head, it burst into flame, just as the slight vessel went crashing and bumping and scraping against the side of the flagship, whilst rigging became tangled with rigging, to the straining of yards and snapping of spars overhead. Факел вспыхнул ярким пламенем в ту минуту, когда маленькое судно с треском ударилось о борт флагманского корабля. Запутавшись своими снастями в его вантах, оно начало разваливаться.

His six men stood at their posts on the larboard side, stark naked, each armed with a grapnel, four of them on the gunwale, two of them aloft. Шестеро людей Волверстона без одежды стояли на своих постах с левого борта шлюпа: четверо на

планшире и двое - на реях, держа в руках цепкие абордажные крючья.

At the moment of impact these grapnels were slung to bind the Spaniard to them, those aloft being intended to complete and preserve the entanglement of the rigging. Как только брандер столкнулся с испанским кораблем, они тут же закинули крючья за его борт и как бы привязали к нему брандер. Крюки, брошенные с рей, должны были еще больше перепутать снасти и не дать испанцам возможности освободиться от непрошенных гостей.

Aboard the rudely awakened galleon all was confused hurrying, scurrying, trumpeting, and shouting. На борту испанского галиона затрубили тревогу, и началась паника. Испанцы, не успев продрать от сна глаза, бегали, суетились, кричали.

At first there had been a desperately hurried attempt to get up the anchor; but this was abandoned as being already too late; and conceiving themselves on the point of being boarded, the Spaniards stood to arms to ward off the onslaught. Они пытались было поднять якорь, но от этой попытки, предпринятой с отчаяния, пришлось отказаться, поскольку времени на это все равно не хватило бы. Испанцы полагали, что пираты пойдут на абордаж, и в ожидании нападения схватились за оружие.

Its slowness in coming intrigued them, being so different from the usual tactics of the buccaneers. Странное поведение нападающих ошеломило экипаж "Энкарнасиона", потому что оно не походило на обычную тактику корсаров.

Further intrigued were they by the sight of the gigantic Wolverstone speeding naked along his deck with a great flaming torch held high. Еще более поразил их вид голого верзилы Волверстона, который, размахивая поднятым над головой огромным пылающим факелом, носился по палубе своего суденышка.

Not until he had completed his work did they begin to suspect the truth - that he was lighting slow-matches -and then one of their officers rendered reckless by panic ordered a boarding-party on to the ship. Испанцы слишком поздно догадались о том, что Волверстон поджигал фитили у бочек с горючим. Один из испанских офицеров, обезумев от паники, приказал послать на шлюп абордажную группу.

The order came too late. Но и этот приказ запоздал.

Wolverstone had seen his six fellows drop overboard after the grapnels were fixed, and then had sped, himself, to the starboard gunwale. Thence he flung his flaming torch down the nearest gaping scuttle into the hold, and thereupon dived overboard in his turn, to be picked up presently by the longboat from the Arabella.

Волверстон, убедившись, что шестеро его молодцев блестяще выполнили данные им указания и уже спрыгнули за борт, подбежал к ближайшему открытому люку, бросил в трюм пылающий факел, а затем нырнул в воду, где его подобрал баркас с "Арабеллы".

But before that happened the sloop was a thing of fire, from which explosions were hurling blazing combustibles aboard the Encarnacion, and long tongues of flame were licking out to consume the galleon, beating back those daring Spaniards who, too late, strove desperately to cut her adrift. Но еще до того, как подобрали Волверстона, шлюп стал похож на гигантский костер, откуда силой взрывов выбрасывались и летели на "Энкарнасион" пылающие куски горючих материалов. Длинные языки пламени лизали борт галиона, отбрасывая назад немногих испанских смельчаков, которые хотя и поздно, но все же пытались оттолкнуть шлюп.

And whilst the most formidable vessel of the Spanish fleet was thus being put out of action at the outset, Blood had sailed in to open fire upon the Salvador. В то время как самый мощный корабль испанской эскадры уже в первые минуты сражения быстро выходил из строя, Блад приближался к "Сальвадору".

First athwart her hawse he had loosed a broadside that had swept her decks with terrific effect, then going on and about, he had put a second broadside into her hull at short range. Проходя перед его носом, "Арабелла" дала бортовой залп, который с ужасной силой смел все с палубы испанского корабля. Затем "Арабелла" повернулась и, продвигаясь вдоль борта "Сальвадора", произвела в упор по его корпусу второй залп из всех своих бортовых пушек.

Leaving her thus half-crippled, temporarily, at least, and keeping to his course, he had bewildered the crew of the Infanta by a couple of shots from the chasers on his beak-head, then crashed alongside to grapple and board her, whilst Hagthorpe was doing the like by the San Felipe. Оставив "Сальвадор" наполовину выведенным из строя и продолжая следовать своим курсом, "Арабелла" несколькими ядрами из носовых пушек привела в замешательство команду "Инфанты", а затем с грохотом ударилась о ее корпус, чтобы взять испанский корабль на бордаж, пока Хагторп проделывал подобную операцию с "Сан-Фелипе".

And in all this time not a single shot had the Spaniards contrived to fire, so completely had they been taken by surprise, and so swift and paralyzing had been Blood's stroke. За все это время испанцы не успели сделать ни одного выстрела - так врасплох они были захвачены и таким ошеломляющим был внезапный удар Блада.

Boarded now and faced by the cold steel of the buccaneers, neither the San Felipe nor the Infanta offered much resistance. Взятые на бордаж и устрешенные сверкающей сталью пиратских клинков, команды "Сан-Фелипе" и "Инфанты" не оказали никакого сопротивления.

The sight of their admiral in flames, and the Salvador drifting crippled from the action, had so utterly disheartened them that they accounted themselves vanquished, and laid down their arms. Зрелище объятых пламенем флагманского корабля и выведенного из строя "Сальвадора" так потрясло их, что они бросили оружие.

If by a resolute stand the Salvador had encouraged the other two undamaged vessels to resistance, the Spaniards might well have retrieved the fortunes of the day. Если бы "Сальвадор" оказал решительное сопротивление и воодушевил своим примером команды других неповрежденных кораблей, вполне возможно, что счастье в этот день могло бы переключиться на сторону испанцев.

But it happened that the Salvador was handicapped in true Spanish fashion by being the treasure-ship of the fleet, with plate on board to the value of some fifty thousand pieces. Но этого не произошло по характерной для испанцев жадности: "Сальвадору" нужно было спасать находившуюся на нем казну эскадры.

Intent above all upon saving this from falling into the hands of the pirates, Don Miguel, who, with a remnant of his crew, had meanwhile transferred himself aboard her, headed her down towards Palomas and the fort that guarded the passage. Озабоченный прежде всего тем, чтобы пятьдесят тысяч песо не попали в руки пиратов, дон Мигель, перебравшийся с остатками своей команды на "Сальвадор", приказал идти к форту на острове Лас Паломас.

This fort the Admiral, in those days of waiting, had taken the precaution secretly to garrison and rearm. Рассчитывая на неизбежную встречу с пиратами, адмирал перевооружил форт и оставил в нем гарнизон.

For the purpose he had stripped the fort of Cojero, farther out on the gulf, of its entire armament, which included some cannon-royal of more than ordinary range and power. Для этой цели он снял с форта Кохеро, находившегося в глубине залива, несколько дальнобойных "королевских" пушек, более мощных, чем обычные.

With no suspicion of this, Captain Blood gave chase, accompanied by the Infanta,

which was manned now by a prize-crew under the command of Yberville. Ничего не знавший об этом капитан Блад на "Арабелле" в сопровождении "Инфанты", уже с командой из корсаров и Ибервилем во главе, бросился в погоню за испанцами.

The stern chasers of the Salvador desultorily returned the punishing fire of the pursuers; but such was the damage she, herself, sustained, that presently, coming under the guns of the fort, she began to sink, and finally settled down in the shallows with part of her hull above water. Кормовые пушки "Сальвадора" беспорядочно отвечали на сильный огонь пиратов. Однако повреждения на нем были так серьезны, что, добравшись до мелководья под защиту пушек форта, корабль начал тонуть и опустился на дно, оставив часть своего корпуса над водой.

Thence, some in boats and some by swimming, the Admiral got his crew ashore on Palomas as best he could. Команда корабля на лодках и вплавь добралась до берега Лас Паломас.

And then, just as Captain Blood accounted the victory won, and that his way out of that trap to the open sea beyond lay clear, the fort suddenly revealed its formidable and utterly unsuspected strength. Когда капитан Блад считал победу уже выигранной, а выход в море - свободным, форт внезапно показал свою огромную, но скрытую до этого мощь.

With a roar the cannons-royal proclaimed themselves, and the Arabella staggered under a blow that smashed her bulwarks at the waist and scattered death and confusion among the seamen gathered there. Раздался залп "королевских" пушек. Тяжелыми ядрами была снесена часть борта и убито несколько пиратов. На судне началась паника.

Had not Pitt, her master, himself seized the whipstaff and put the helm hard over to swing her sharply off to starboard, she must have suffered still worse from the second volley that followed fast upon the first. За первым залпом последовал второй, и если бы Питт, штурман "Арабеллы", не подбежал к штурвалу и не повернул корабль резко вправо, то "Арабелле" пришлось бы плохо.

Meanwhile it had fared even worse with the frailer Infanta. "Инфанта" пострадала значительно сильнее.

Although hit by one shot only, this had crushed her larboard timbers on the waterline, starting a leak that must presently have filled her, but for the prompt action of the experienced Yberville in ordering her larboard guns to be flung overboard. В пробоины на ватерлинии ее левого борта хлынула вода, и корабль, несомненно, затонул бы, если бы решительный и опытный Ибервиль не приказал немедленно сбросить в воду все пушки левого борта.

Thus lightened, and listing now to starboard, he fetched her about, and went staggering after the retreating Arabella, followed by the fire of the fort, which did them, however, little further damage. "Инфанту" удалось удержать на воде, хотя корабль сильно кренился на правый борт, и все же он шел вслед за "Арабеллой". Пушки форта продолжали стрелять вдогонку по уходящим кораблям, но уже не могли причинить им значительных повреждений.

Out of range, at last, they lay to, joined by the Elizabeth and the San Felipe, to consider their position, Выйдя из-под огня форта и соединившись с "Элизабет" и "Сан-Фелипе", "Арабелла" и "Инфанта" легли в дрейф, и капитаны четырех кораблей могли наконец обсудить свое нелегкое положение.

Chapter XVII Глава XVII

THE DUPES ОДУРАЧЕННЫЕ

It was a crestfallen Captain Blood who presided over that hastily summoned council held on the poop-deck of the Arabella in the brilliant morning sunshine. На полуюте "Арабеллы" под яркими лучами утреннего солнца заседал поспешно созванный совет. Капитан Блад, председательствовавший на совете, совершенно пал духом.

It was, he declared afterwards, one of the bitterest moments in his career. Много лет спустя он говорил Питту, что этот день был самым тяжелым днем его жизни.

He was compelled to digest the fact that having conducted the engagement with a skill of which he might justly be proud, having destroyed a force so superior in ships and guns and men that Don Miguel de Espinosa had justifiably deemed it overwhelming, his victory was rendered barren by three lucky shots from an unsuspected battery by which they had been surprised. Он провел бой с искусством, которым по справедливости можно было гордиться, и разгромил противника, обладающего безусловно подавляющими силами. И все же Блад понимал всю бесплодность этой победы. Всего лишь три удачных выстрела батареи, о существовании которой они не подозревали, - и победа превратилась в поражение.

And barren must their victory remain until they could reduce the fort that still remained to defend the passage. Им стало ясно, что сейчас нужно бороться за свое освобождение, а оно могло прийти лишь после захвата форта, охраняющего выход в море.

At first Captain Blood was for putting his ships in order and making the attempt there and then. Вначале капитан Блад сгоряча предложил немедленно приступить к ремонту кораблей и тут же сделать новую попытку прорваться в море.

But the others dissuaded him from betraying an impetuosity usually foreign to him, and born entirely of chagrin and mortification, emotions which will render unreasonable the most reasonable of men. Но его отговорили от этого рискованного шага: так можно было потерять все.

With returning calm, he surveyed the situation. И капитан Блад, едва лишь спокойствие вернулось к нему, трезво оценил сложившуюся обстановку:

The Arabella was no longer in case to put to sea; the Infanta was merely kept afloat by artifice, and the San Felipe was almost as sorely damaged by the fire she had sustained from the buccaneers before surrendering. "Арабелла" не могла выйти в море, "Инфанта" едва держалась на воде, а "Сан-Фелипе" получил серьезные повреждения еще до захвата его пиратами.

Clearly, then, he was compelled to admit in the end that nothing remained but to return to Maracaybo, there to refit the ships before attempting to force the passage. В конце концов Блад согласился с тем, что у них нет иного выхода, как вернуться в Маракайбо и там заново оснастить корабли, прежде чем сделать еще одну попытку прорваться в море. Так они и решили.

And so, back to Maracaybo came those defeated victors of that short, terrible fight. И вот в Маракайбо вернулись победители, побежденные в коротком, но ужасном бою.

And if anything had been wanting further to exasperate their leader, he had it in the pessimism of which Cahusac did not economize expressions. Раздражение Блада еще более усилил мрачный пессимизм Каузака.

Transported at first to heights of dizzy satisfaction by the swift and easy victory of their inferior force that morning, the Frenchman was now plunged back and more deeply than ever into the abyss of hopelessness. And his mood infected at least the

main body of his own followers. Испытав головокружение от быстрой и легкой победы над превосходящими силами противника, бретонец сразу же впал в глубокое отчаяние, заразив своим настроением большую часть французских корсаров.

"It is the end," he told Captain Blood. - Все кончено, - заявил он Бладу.

"This time we are checkmated." - На этот раз мы попались.

"I'll take the liberty of reminding you that you said the same before," Captain Blood answered him as patiently as he could. - Я слышал это от тебя и раньше, - терпеливо ответил ему капитан Блад.

"Yet you've seen what you've seen, and you'll not deny that in ships and guns we are returning stronger than we went. - А ведь ты, кажется, можешь понять, что произошло. Ведь никто не станет отрицать, что мы вернулись с большим количеством кораблей и пушек.

Look at our present fleet, man." Погляди сейчас на наши корабли.

"I am looking at it," said Cahusac. - Я и так на них смотрю.

"Pish! Ye're a white-livered cur when all is said." - Ну, тогда я и разговаривать не хочу с такой трусливой тварью!

"You call me a coward?" - Ты смеешь называть меня трусом?

"I'll take that liberty." - Конечно!

The Breton glared at him, breathing hard. Бретонец, тяжело сопя, исподлобья взглянул на обидчика.

But he had no mind to ask satisfaction for the insult. He knew too well the kind of satisfaction that Captain Blood was likely to afford him. He remembered the fate of Levasseur. Однако требовать от него удовлетворения он не мог, помня судьбу Левасера и прекрасно понимая, какое удовлетворение можно получить от капитана Блада.

So he confined himself to words. Поэтому он пробормотал обиженно:

"It is too much! - Ну, это слишком!

You go too far!" he complained bitterly. Очень уж много ты себе позволяешь!

"Look you, Cahusac: it's sick and tired I am of your perpetual whining and complaining when things are not as smooth as a convent dining-table. - Знаешь, Каузак, мне смертельно надоело слушать твое нытье и жалобы, когда все идет не так гладко, как на званом обеде.

If ye wanted things smooth and easy, ye shouldn't have taken to the sea, and ye should never ha' sailed with me, for with me things are never smooth and easy. Если ты ищешь спокойной жизни, то не выходи в море, а тем более со мной, потому что со мной спокойно никогда не будет.

And that, I think, is all I have to say to you this morning." Вот все, что я хотел тебе сказать.

Cahusac flung away cursing, and went to take the feeling of his men. Разразившись проклятиями, Каузак оставил Блада и отправился к своим людям, чтобы посоветоваться с ними и решить, что делать дальше.

Captain Blood went off to give his surgeon's skill to the wounded, among whom he remained engaged until late afternoon. А капитан Блад, не забывая и о своих врачебных обязанностях, отправился к раненым и пробыл у них до самого вечера.

Then, at last, he went ashore, his mind made up, and returned to the house of the Governor, to indite a truculent but very scholarly letter in purest Castilian to Don Miguel. Затем он поехал на берег, в дом губернатора, и, усевшись за стол, на изысканном испанском языке написал дону Мигелю вызывающее, но весьма учтивое письмо.

"I have shown your excellency this morning of what I am capable," he wrote. "Нынче утром Вы, Ваше высокопревосходительство, убедились, на что я способен, - писал он.

"Although outnumbered by more than two to one in men, in ships, and in guns, I have sunk or captured the vessels of the great fleet with which you were to come to Maracaybo to destroy us. - Несмотря на Ваше более чем двойное превосходство в людях, кораблях и пушках, я потопил или захватил все суда Вашей эскадры, пришедшей в Маракайбо, чтобы нас уничтожить.

So that you are no longer in case to carry out your boast, even when your reenforcements on the Santo Nino, reach you from La Guayra. Сейчас Вы не в состоянии осуществить свои угрозы, если даже из Ла Гуайры подойдет ожидаемый Вами "Санто-Ниньо".

From what has occurred, you may judge of what must occur. Имея некоторый опыт, Вы легко можете себе представить, что еще произойдет.

I should not trouble your excellency with this letter but that I am a humane man, abhorring bloodshed. Мне не хотелось беспокоить Вас, Ваше высокопревосходительство, этим письмом, но я человек гуманный и ненавижу кровопролитие.

Therefore before proceeding to deal with your fort, which you may deem invincible, as I have dealt already with your fleet, which you deemed invincible, I make you, purely out of humanitarian considerations, this last offer of terms. Поэтому, прежде чем разделаться с Вашим фортом, который Вы считаете неприступным, так же как раньше я расправился с Вашей эскадрой, которую Вы тоже считали непобедимой, я из элементарных человеческих побуждений делаю Вам последнее предупреждение.

I will spare this city of Maracaybo and forthwith evacuate it, leaving behind me the forty prisoners I have taken, in consideration of your paying me the sum of fifty thousand pieces of eight and one hundred head of cattle as a ransom, thereafter granting me unmolested passage of the bar. Если Вы предоставите мне возможность свободно выйти в море, заплатите выкуп в пятьдесят тысяч песо и поставите сто голов скота, то я не стану уничтожать город Маракайбо и оставлю его, освободив сорок взятых мною здесь пленных.

My prisoners, most of whom are persons of consideration, I will retain as hostages until after my departure, sending them back in the canoes which we shall take with us for that purpose. Среди них есть много важных лиц, которых я задержу как заложников впредь до нашего выхода в открытое море, после чего они будут отосланы обратно в каное, специально захваченных мною для этой цели.

If your excellency should be so ill-advised as to refuse these terms, and thereby impose upon me the necessity of reducing your fort at the cost of some lives, I warn you that you may expect no quarter from us, and that I shall begin by leaving a heap of ashes where this pleasant city of Maracaybo now stands." Если Вы, Ваше высокопревосходительство, неблагоразумно отклоните мои скромные условия и навяжете мне необходимость захватить форт, хотя это будет стоить многих жизней, я предупреждаю Вас, что пощады не ждите. Я начну с того, что превращу в развалины

чудесный город Маракайбо... "

The letter written, he bade them bring him from among the prisoners the Deputy-Governor of Maracaybo, who had been taken at Gibraltar. Закончив письмо, Блад приказал привести к себе захваченного в Гибралтаре вице-губернатора Маракайбо.

Disclosing its contents to him, he despatched him with it to Don Miguel. Сообщив ему содержание письма, он направил его с этим письмом к дону Мигелю.

His choice of a messenger was shrewd. The Deputy-Governor was of all men the most anxious for the deliverance of his city, the one man who on his own account would plead most fervently for its preservation at all costs from the fate with which Captain Blood was threatening it. Блад правильно учел, что вице-губернатор был самым заинтересованным лицом из всех жителей Маракайбо, который согласился бы любой ценой спасти город от разрушения.

And as he reckoned so it befell. Так оно и произошло.

The Deputy-Governor added his own passionate pleading to the proposals of the letter. Вице-губернатор, доставив письмо дону Мигелю, действительно дополнил его своими собственными настойчивыми просьбами.

But Don Miguel was of stouter heart. Но дон Мигель не склонился на просьбы и мольбы.

True, his fleet had been partly destroyed and partly captured. Правда, его эскадра частично была захвачена, а частично потоплена.

But then, he argued, he had been taken utterly by surprise. That should not happen again. Но адмирал успокаивал себя тем, что его застигли врасплох, и клялся, что это никогда больше не повторится.

There should be no surprising the fort. Захватить форт никому не удастся.

Let Captain Blood do his worst at Maracaybo, there should be a bitter reckoning for him when eventually he decided - as, sooner or later, decide he must - to come forth. Пусть капитан Блад сотрет Маракайбо с лица земли, но ему все равно не уйти от сурового возмездия, как только он решится выйти в море (а рано или поздно ему, конечно, придется это сделать)!

The Deputy-Governor was flung into panic. Вице-губернатор был в отчаянии.

He lost his temper, and said some hard things to the Admiral. Он вспылил и наговорил адмиралу много дерзостей.

But they were not as hard as the thing the Admiral said to him in answer. Но ответ адмирала был еще более дерзким:

"Had you been as loyal to your King in hindering the entrance of these cursed pirates as I shall be in hindering their going forth again, we should not now find ourselves in our present straits. - Если бы вы были верноподданным нашего короля и не допустили бы сюда этих проклятых пиратов, так же как я не допущу, чтобы они ушли отсюда, мы не попали бы сейчас в такое тяжелое положение.

So weary me no more with your coward counsels. Поэтому прошу не давать мне трусливых советов.

I make no terms with Captain Blood. I know my duty to my King, and I intend to perform it. Ни о каком соглашении с капитаном Бладом не может быть речи, и я

выполню свой долг перед моим королем.

I also know my duty to myself. I have a private score with this rascal, and I intend to settle it. Помимо этого, у меня есть личные счеты с этим мерзавцем, и я намерен с ним расплатиться.

Take you that message back." Так и передайте тому, кто вас послал!

So back to Maracaybo, back to his own handsome house in which Captain Blood had established his quarters, came the Deputy-Governor with the Admiral's answer. Этот ответ адмирала вице-губернатор и принес в свой красивый дом в Маракайбо, где так прочно обосновался капитан Блад, окруженный сейчас главарями корсаров.

And because he had been shamed into a show of spirit by the Admiral's own stout courage in adversity, he delivered it as truculently as the Admiral could have desired. Адмирал проявил такую выдержку после происшедшей катастрофы, что вице-губернатор чувствовал себя посрамленным и, вручая Бладу ответ, вел себя весьма дерзко, чем адмирал остался бы очень доволен, если бы мог это видеть.

"And is it like that?" said Captain Blood with a quiet smile, though the heart of him sank at this failure of his bluster. - Ах так! - спокойно улыбаясь, сказал Блад, хотя его сердце болезненно жалось, так как он все же рассчитывал на иной ответ.

"Well, well, it's a pity now that the Admiral's so headstrong. - Ну что ж, я сожалею, что адмирал так упрям.

It was that way he lost his fleet, which was his own to lose. This pleasant city of Maracaybo isn't. So no doubt he'll lose it with fewer misgivings. I am sorry. Именно поэтому он и потерял свой флот.

Waste, like bloodshed, is a thing abhorrent to me. Я ненавижу разрушения и кровопролития.

But there ye are! Но ничего не поделаешь.

I'll have the faggots to the place in the morning, and maybe when he sees the blaze to-morrow night he'll begin to believe that Peter Blood is a man of his word. Завтра утром сюда доставят вязанки хвороста. Может быть, увидев зарево пожара, адмирал поверит, что Питер Блад держит свое слово.

Ye may go, Don Francisco." Вы можете идти, дон Франциско.

The Deputy-Governor went out with dragging feet, followed by guards, his momentary truculence utterly spent. Утратив остатки своей смелости, вице-губернатор ушел в сопровождении стражи, с трудом волоча ноги.

But no sooner had he departed than up leapt Cahusac, who had been of the council assembled to receive the Admiral's answer. His face was white and his hands shook as he held them out in protest. Как только он вышел, Каузак, побледнев, вскочил с места и, размахивая дрожащими руками, хрипло закричал:

"Death of my life, what have you to say now?" he cried, his voice husky. - Клянусь концом моей жизни, что ты на это скажешь?

And without waiting to hear what it might be, he raved on: "I knew you not frighten the Admiral so easy. - И, не ожидая ответа, продолжал: - Я знал, что адмирала так легко не напугаешь.

He hold us entrap', and he knows it; yet you dream that he will yield himself to your impudent message. Your fool letter it have seal' the doom of us all." Он загнал нас в Ловушку и знает об этом, а ты своим идиотским письмом обрек всех на гибель.

"Have ye done?" quoth Blood quietly, as the Frenchman paused for breath. - Ты кончил? - спокойно спросил Блад, когда француз остановился, чтобы передохнуть.

"No, I have not." - Нет.

"Then spare me the rest. It'll be of the same quality, devil a doubt, and it doesn't help us to solve the riddle that's before us." - Тогда избавь меня от необходимости выслушивать твой бред. Ничего нового ты не можешь сказать.

"But what are you going to do? - А что скажешь ты?

Is it that you will tell me?" It was not a question, it was a demand. Что ты можешь сказать? - завизжал Каузак.

"How the devil do I know? - Черт возьми!

I was hoping you'd have some ideas yourself. Я надеялся, что у тебя будут какие-нибудь предложения.

But since Ye're so desperately concerned to save your skin, you and those that think like you are welcome to leave us. Но если ты озабочен только спасением своей собственной шкуры, то лучше будет тебе и твоим единомышленникам убраться к дьяволу.

I've no doubt at all the Spanish Admiral will welcome the abatement of our numbers even at this late date. Я уверен, что испанский адмирал с удовольствием узнает, что нас стало меньше.

Ye shall have the sloop as a parting gift from us, and ye can join Don Miguel in the fort for all I care, or for all the good ye're likely to be to us in this present pass." На прощанье мы дадим вам шлюп. Отправляйтесь к дону Мигелю, так как все равно от вас пользы не дождешься.

"It is to my men to decide," Cahusac retorted, swallowing his fury, and on that stalked out to talk to them, leaving the others to deliberate in peace. - Пусть это решат мои люди! - зарычал Каузак и, подавив в себе ярость, отправился к своей команде.

Next morning early he sought Captain Blood again. He found him alone in the patio, pacing to and fro, his head sunk on his breast. Придя на следующее утро к капитану Бладу, он застал его одного во внутреннем дворике. Опустив голову на грудь, Блад расхаживал взад и вперед.

Cahusac mistook consideration for dejection. Each of us carries in himself a standard by which to measure his neighbour. Его раздумье Каузак ошибочно принял за уныние.

"We have take' you at your word, Captain," he announced, between sullenness and defiance. - Мы решили воспользоваться твоим предложением, капитан! - вызывающе объявил он.

Captain Blood paused, shoulders hunched, hands behind his back, and mildly regarded the buccaneer in silence. Капитан Блад, продолжая держать руки за спиной, остановился и равнодушно взглянул на пирата.

Cahusac explained himself. Каузак пояснил:

"Last night I send one of my men to the Spanish Admiral with a letter. I make him offer to capitulate if he will accord us passage with the honours of war. - Сегодня ночью я послал письмо испанскому адмиралу и сообщил, что расторгаю союз с тобой, если он разрешит нам уйти отсюда с военными почестями.

This morning I receive his answer. Сейчас я получил ответ.

He accord us this on the understanding that we carry nothing away with us. Адмирал принимает наше предложение при условии, что мы ничего с собой не возьмем.

My men they are embarking them on the sloop. We sail at once." Мои люди уже грузятся на шлюп, и мы отплываем немедленно.

"Bon voyage," said Captain Blood, and with a nod he turned on his heel again to resume his interrupted mediation. - Счастливого пути, - ответил Блад и, кивнув головой, повернулся, чтобы возобновить свои прерванные размышления.

"Is that all that you have to say to me?" cried Cahusac. - И это все, что ты мне хочешь сказать? - закричал Каузак.

"There are other things," said Blood over his shoulder. "But I know ye wouldn't like them." - Я мог бы тебе сказать еще кое-что, - стоя спиной к Каузаку, отвечал Блад, - но знаю, что это тебе не понравится.

"Ha! - Да?!"

Then it's adieu, my Captain." Ну, тогда прощай, капитан!

Venomously he added: "It is my belief that we shall not meet again." - И ядовито добавил: - Я верю, что мы больше не встретимся.

"Your belief is my hope," said Captain Blood. - Я не только верю, но и хочу на это надеяться, - ответил Блад.

Cahusac flung away, obscenely vituperative. Каузак с проклятиями выбежал из двора.

Before noon he was under way with his followers, some sixty dejected men who had allowed themselves to be persuaded by him into that empty-handed departure - in spite even of all that Yberville could do to prevent it. Еще до полудня он отплыл вместе со своими сторонниками. Их набралось человек шестьдесят. Настроение их было подавленное, так как они позволили Каузаку уговорить себя согласиться уйти с пустыми руками, несмотря на все попытки Ибервиля отговорить их.

The Admiral kept faith with him, and allowed him free passage out to sea, which, from his knowledge of Spaniards, was more than Captain Blood had expected. Адмирал сдержал свое слово и позволил им свободно выйти в море, чего Блад, хорошо зная испанцев, даже не ожидал.

Meanwhile, no sooner had the deserters weighed anchor than Captain Blood received word that the Deputy-Governor begged to be allowed to see him again. Едва лишь французы успели отплыть, как капитану Бладу доложили, что вице-губернатор умоляет его принять.

Admitted, Don Francisco at once displayed the fact that a night's reflection had quickened his apprehensions for the city of Maracaybo and his condemnation of the Admiral's intransigence. Ночные размышления пошли на пользу дону Франциско: они

усилили его опасения за судьбу города Маракайбо, так же как и возмущение непреклонностью адмирала.

Captain Blood received him pleasantly. Капитан Блад принял его любезно:

"Good-morning to you, Don Francisco. - С добрым утром, дон Франциско!

I have postponed the bonfire until nightfall. Я отложил фейерверк до вечера.

It will make a better show in the dark." В темноте он будет виден лучше.

Don Francisco, a slight, nervous, elderly man of high lineage and low vitality, came straight to business. Дон Франциско, хилый, нервный, пожилой человек, несмотря на знатное происхождение, не отличался особой храбростью. Будучи принят Бладом, он сразу же перешел к делу:

"I am here to tell you, Don Pedro, that if you will hold your hand for three days, I will undertake to raise the ransom you demand, which Don Miguel de Espinosa refuses." - Я хочу просить вас, дон Педро, отложить разрушение города на три дня. За это время я обязуюсь собрать выкуп - пятьдесят тысяч песо и сто голов скота, которые отказался дать вам дон Мигель.

Captain Blood confronted him, a frown contracting the dark brows above his light eyes: "And where will you be raising it?" quoth he, faintly betraying his surprise. - А где же вы его соберете? - спросил Блад с чуть заметным удивлением.

Don Francisco shook his head. Дон Франциско повел головой.

"That must remain my affair," he answered. "I know where it is to be found, and my compatriots must contribute. - Это мое личное дело, - ответил он, - и в этом деле мне помогут мои соотечественники.

Give me leave for three days on parole, and I will see you fully satisfied. Meanwhile my son remains in your hands as a hostage for my return." Освободите меня под честное слово, оставив у себя заложником моего сына.

And upon that he fell to pleading. И так как Блад молчал, вице-губернатор принялся умолять капитана принять его предложение.

But in this he was crisply interrupted. Но тот резко прервал его:

"By the Saints! Ye're a bold man, Don Francisco, to come to me with such a tale - to tell me that ye know where the ransom's to be raised, and yet to refuse to say. - Клянусь всеми святыми, дон Франциско, я удивлен тем, что вы решились прийти ко мне с такой басней! Вам известно место, где можно собрать выкуп, и в то же время вы отказываетесь назвать его мне.

D'ye think now that with a match between your fingers ye'd grow more communicative?" А не кажется ли вам, что с горящими фитилями между пальцами вы станете более разговорчивым?

If Don Francisco grew a shade paler, yet again he shook his head. Дон Франциско чуть побледнел, но все же снова покачал головой:

"That was the way of Morgan and L'Ollonais and other pirates. But it is not the way of Captain Blood. - Так делали Морган, Л'Оллонэ и другие пираты, но так не может поступить капитан Блад.

If I had doubted that I should not have disclosed so much." Если бы я не знал

этого, то не сделал бы вам такого предложения.

The Captain laughed. "You old rogue," said he. - Ах, старый плут! - рассмеялся Питер Блад.

"Ye play upon my vanity, do you?" - Вы пытаетесь сыграть на моем великодушии, не так ли?

"Upon your honour, Captain." - На вашей чести, капитан!

"The honour of a pirate? - На чести пирата?

Ye're surely crazed!" Нет, вы определенно сошли с ума!

"The honour of Captain Blood," Don Francisco insisted. Однако дон Франциско продолжал настаивать: -Я верю в честь капитана Блада.

"You have the repute of making war like a gentleman." О вас известно, что вы воюете, как джентльмен.

Captain Blood laughed again, on a bitter, sneering note that made Don Francisco fear the worst. Капитан Блад снова засмеялся, но на сей раз его смех звучал издевательски, и это вызвало у дона Франциско опасение за благоприятный исход их беседы.

He was not to guess that it was himself the Captain mocked. Ему в голову не могло прийти, что Блад издевается над самим собой.

"That's merely because it's more remunerative in the end. - Хорошо, - сказал капитан. - Пусть будет так, дон Франциско.

And that is why you are accorded the three days you ask for. So about it, Don Francisco. You shall have what mules you need. I'll see to it." Я дам вам три дня, которые вы просите.

Away went Don Francisco on his errand, leaving Captain Blood to reflect, between bitterness and satisfaction, that a reputation for as much chivalry as is consistent with piracy is not without its uses. Дон Франциско, освобожденный из-под стражи, отправился выполнять свое обязательство, а капитан Блад продолжал размышлять о том, что репутация рыцаря в той мере, в какой она совместима с деятельностью пирата, все же может иногда оказаться полезной.

Punctually on the third day the Deputy-Governor was back in Maracaybo with his mules laden with plate and money to the value demanded and a herd of a hundred head of cattle driven in by negro slaves. К исходу третьего дня вице-губернатор вернулся в Маракайбо с мулами, нагруженными деньгами и слитками драгоценных металлов. Позади шло стадо в сто голов скота, которых гнали рабы-негры.

These bullocks were handed over to those of the company who ordinarily were boucan-hunters, and therefore skilled in the curing of meats, and for best part of a week thereafter they were busy at the waterside with the quartering and salting of carcasses. Скот был передан пиратам, ранее занимавшимся охотой и умевшим заготавливать мясо впрок. Большую часть недели они провели на берегу за разделкой туш и засолом мяса.

While this was doing on the one hand and the ships were being refitted for sea on the other, Captain Blood was pondering the riddle on the solution of which his own fate depended. Пока шла эта работа и производился ремонт кораблей, капитан Блад неустанно размышлял над задачей, от решения которой зависела его дальнейшая судьба.

Indian spies whom he employed brought him word that the Spaniards, working at low tide, had salved the thirty guns of the Salvador, and thus had added yet another battery to their already overwhelming strength. Разведчики-индейцы сообщили ему, что испанцам удалось снять с "Сальвадора" тридцать пушек и таким образом увеличить и без того мощную артиллерию форта еще на одну батарею.

In the end, and hoping for inspiration on the spot, Captain Blood made a reconnaissance in person. В конце концов Блад, надеясь, что вдохновение осенит его на месте, решил провести разведку самолично.

At the risk of his life, accompanied by two friendly Indians, he crossed to the island in a canoe under cover of dark. They concealed themselves and the canoe in the short thick scrub with which that side of the island was densely covered, and lay there until daybreak. Рискаю жизнью, он под покровом ночи с двумя индейцами, ненавидевшими жестоких испанцев, перебрался в каноэ на остров и, спрятавшись в низком кустарнике, покрывавшем берег, пролежал там до рассвета.

Then Blood went forward alone, and with infinite precaution, to make his survey. He went to verify a suspicion that he had formed, and approached the fort as nearly as he dared and a deal nearer than was safe. Затем уже в одиночку Блад отправился исследовать остров и подобрался к форту значительно ближе, чем это позволяла осторожность. Но он пренебрег осторожностью, чтобы проверить возникшее у него подозрение.

On all fours he crawled to the summit of an eminence a mile or so away, whence he found himself commanding a view of the interior dispositions of the stronghold. Возвышенность, на которую Блад взобрался ползком, находилась примерно на расстоянии мили от форта. Отсюда все внутреннее расположение крепости открывалось как на ладони.

By the aid of a telescope with which he had equipped himself he was able to verify that, as he had suspected and hoped, the fort's artillery was all mounted on the seaward side. С помощью подзорной трубы он смог убедиться в основательности своих подозрений; да, вся артиллерия форта была обращена в сторону моря.

Satisfied, he returned to Maracaybo, and laid before the six who composed his council - Pitt, Hagthorpe, Yberville, Wolverstone, Dyke, and Ogle - a proposal to storm the fort from the landward side. Довольный разведкой, он вернулся в Маракайбо и внес на рассмотрение Питта, Хагторпа, Ибервиля, Волверстона, Дайка и Огла предложение о штурме форта с берега, обращенного в сторону материка.

Crossing to the island under cover of night, they would take the Spaniards by surprise and attempt to overpower them before they could shift their guns to meet the onslaught. Перебравшись в темноте на остров, они нападут на испанцев внезапно и сделают попытку разгромить их до того, как они для отражения атаки смогут перебросить свои пушки.

With the exception of Wolverstone, who was by temperament the kind of man who favours desperate chances, those officers received the proposal coldly. Предложение Блада было холодно встречено всеми офицерами, за исключением Волверстона, который по своему темпераменту относился к типу людей, любящих риск.

Hagthorpe incontinently opposed it. Хагторп же немедленно выступил против.

"It's a harebrained scheme, Peter," he said gravely, shaking his handsome head. - Это очень легкомысленный шаг, Питер, - сурово сказал он, качая головой.

"Consider now that we cannot depend upon approaching unperceived to a distance

whence we might storm the fort before the cannon could be moved. - Подумал ли ты о том, что мы не сможем подойти незамеченными к форту на расстояние, откуда можно будет броситься на штурм? Испанцы не только вовремя обнаружат нас, но и успеют перетащить свои пушки.

But even if we could, we can take no cannon ourselves; we must depend entirely upon our small arms, and how shall we, a bare three hundred" (for this was the number to which Cahusac's defection had reduced them), "cross the open to attack more than twice that number under cover?" А если даже нам удастся подойти к форту незаметно, то мы не сможем взять с собой наши пушки и должны будем рассчитывать только на легкое оружие. Неужели ты допускаешь, что три сотни смельчаков - а их осталось столько после дезертирства Каузака - могут атаковать превосходящего вдвое противника, сидящего в укрытии?

The others - Dyke, Ogle, Yberville, and even Pitt, whom loyalty to Blood may have made reluctant - loudly approved him. Другие - Дайк, Огл, Ибервиль и даже Питт - шумно согласились с Хагторпом.

When they had done, "I have considered all," said Captain Blood. "I have weighed the risks and studied how to lessen them. In these desperate straits..." Блад внимательно выслушал все возражения и попытался доказать, что он учел все возможности, взвесил весь риск...

He broke off abruptly. A moment he frowned, deep in thought; then his face was suddenly alight with inspiration. И вдруг Блад умолк на полуслове, задумался на мгновение, затем в глазах его загорелось вдохновение.

Slowly he drooped his head, and sat there considering, weighing, chin on breast. Then he nodded, muttering, "Yes," and again, "Yes." He looked up, to face them. Опустив голову, он некоторое время что-то взвешивал, бормоча то "да", то "нет", а потом, смело взглянув в лицо своим офицерам, сказал громко:

"Listen," he cried. - Слушайте!

"You may be right. The risks may be too heavy. Вы, конечно, правы - риск очень велик.

Whether or not, I have thought of a better way. Но я придумал выход.

That which should have been the real attack shall be no more than a feint. Атака, затеваемая нами, будет ложной.

Here, then, is the plan I now propose." Вот план, который я предлагаю вам обсудить!

He talked swiftly and clearly, and as he talked one by one his officers' faces became alight with eagerness. Блад говорил быстро, отчетливо, и, по мере того как он излагал свое предложение, лица его офицеров светлели.

When he had done, they cried as with one voice that he had saved them. Когда же он кончил свою краткую речь, все в один голос закричали, что они спасены.

"That is yet to be proved in action," said he. - Ну, это еще нужно доказать, - сказал он.

Since for the last twenty-four hours all had been in readiness for departure, there was nothing now to delay them, and it was decided to move next morning. Они решили выйти из Маракайбо утром следующего дня, так как еще накануне все уже было готово к отплытию и корсаров ничто больше не задерживало.

Such was Captain Blood's assurance of success that he immediately freed the prisoners held as hostages, and even the negro slaves, who were regarded by the others as legitimate plunder. Уверенный в успехе своего плана, капитан Блад приказал освободить заложников и даже пленных негров-рабов, которых все считали законной добычей.

His only precaution against those released prisoners was to order them into the church and there lock them up, to await deliverance at the hands of those who should presently be coming into the city. Единственная предосторожность по отношению к освобожденным пленным заключалась в том, что всех их поместили в большой каменной церкви и заперли там на замок. Освободить пленных должны были уже сами горожане после своего возвращения в город.

Then, all being aboard the three ships, with the treasure safely stowed in their holds and the slaves under hatches, the buccaneers weighed anchor and stood out for the bar, each vessel towing three piraguas astern. Погрузив в трюмы все захваченные ценности, корсары подняли якорь и двинулись к выходу в море. На буксире у каждого корабля было по три пироги.

The Admiral, beholding their stately advance in the full light of noon, their sails gleaming white in the glare of the sunlight, rubbed his long, lean hands in satisfaction, and laughed through his teeth. Адмирал, заметив паруса пиратских кораблей, блиставшие в ярких лучах полуденного солнца, с удовлетворением потирал длинные сухие руки и злорадно хихикал.

"At last!" he cried. - Наконец-то! - радостно приговаривал он.

"God delivers him into my hands!" - Сам бог доставляет их прямо в мои руки.

He turned to the group of staring officers behind him. "Sooner or later it had to be," he said. "Say now, gentlemen, whether I am justified of my patience. Рано или поздно, но так должно было случиться. Ну, скажите, господа, - обратился он к офицерам, стоявшим позади него, - разве не подтвердилось мое предположение?

Here end to-day the troubles caused to the subjects of the Catholic King by this infamous Don Pedro Sangre, as he once called himself to me." Итак, сегодня конец всем пакостям, которые причинял подданным его католического величества короля Испании этот негодяй дон Педро Сангре, как он мне однажды представился.

He turned to issue orders, and the fort became lively as a hive. Тут же были отданы необходимые распоряжения, и вскоре форт превратился в оживленный улей.

The guns were manned, the gunners already kindling fuses, when the buccaneer fleet, whilst still heading for Palomas, was observed to bear away to the west. У пушек выстроилась прислуга, в руках у канониров тлели фитили, но корсарская эскадра, идя на Лас Паломас, почему-то стала заметно отклоняться к западу.

The Spaniards watched them, intrigued. Испанцы в недоумении наблюдали за странными маневрами пиратских кораблей.

Within a mile and a half to westward of the fort, and within a half-mile of the shore - that is to say, on the very edge of the shoal water that makes Palomas unapproachable on either side by any but vessels of the shallowest draught - the four ships cast anchor well within the Spaniards' view, but just out of range of their heaviest cannon. Примерно в полутора милях от форта и в полумиле от берега, то есть там, где начиналось мелководье, все четыре корабля стали на якорь как раз в пределах видимости испанцев, но вне пределов досягаемости их самых дальнобойных пушек.

Sneeringly the Admiral laughed. Адмирал торжествующе захохотал:

"Aha! - Ага!

They hesitate, these English dogs! Эти английские собаки колеблются!

Por Dios, and well they may." Клянусь богом, у них есть для этого все основания!

"They will be waiting for night," suggested his nephew, who stood at his elbow quivering with excitement. - Они будут ждать наступления темноты, -высказал свое предположение его племянник, дрожавший от возбуждения.

Don Miguel looked at him, smiling. Дон Мигель, улыбаясь, взглянул на него:

"And what shall the night avail them in this narrow passage, under the very muzzles of my guns? - А что им даст темнота в этом узком проливе под дулами моих пушек?

Be sure, Esteban, that to-night your father will be paid for." Будь спокоен, Эстебан, сегодня ночью мы отомстим за твоего отца и моего брата.

He raised his telescope to continue his observation of the buccaneers. He saw that the piraguas towed by each vessel were being warped alongside, and he wondered a little what this manoeuvre might portend. Awhile those piraguas were hidden from view behind the hulls. Then one by one they reappeared, rowing round and away from the ships, and each boat, he observed, was crowded with armed men. Он прильнул к окуляру подзорной трубы и не поверил своим глазам, увидев, что пироги, шедшие на буксире за пиратскими кораблями, были подтянуты к бортам. Он не мог понять этого маневра, но следующий маневр удивил его еще больше: побыв некоторое время у противоположных бортов кораблей, пироги одна за другой уже с вооруженными людьми появились снова и, обойдя суда, направились в сторону острова.

Thus laden, they were headed for the shore, at a point where it was densely wooded to the water's edge. Лодки шли по направлению к густым кустарникам, сплошь покрывавшим берег и вплотную подходившим к воде.

The eyes of the wondering Admiral followed them until the foliage screened them from his view. Then he lowered his telescope and looked at his officers. Адмирал, широко раскрыв глаза, следил за лодками до тех пор, пока они не скрылись в прибрежной растительности.

"What the devil does it mean?" he asked. - Что означает эта чертовщина? - спросил он своих офицеров.

None answered him, all being as puzzled as he was himself. Никто ему не мог ответить, все они в таком же недоумении глядели вдаль.

After a little while, Esteban, who kept his eyes on the water, plucked at his uncle's sleeve. Минуты через две или три Эстебан, не сводивший глаз с водной поверхности, дернул адмирала за рукав и, протянув руку, закричал:

"There they go!" he cried, and pointed. - Вот они, дядя!

And there, indeed, went the piraguas on their way back to the ships. Там, куда он указывал, действительно показались пироги. Они шли обратно к кораблям.

But now it was observed that they were empty, save for the men who rowed them. Однако сейчас в лодках, кроме гребцов, никого не было.

Their armed cargo had been left ashore. Все вооруженные люди остались на берегу.

Back to the ships they pulled, to return again presently with a fresh load of armed men, which similarly they conveyed to Palomas. Пироги подошли к кораблям и снова отвезли на Лас Паломас новую партию вооруженных людей.

And at last one of the Spanish officers ventured an explanation: Один из испанских офицеров высказал, наконец, свое предположение:

"They are going to attack us by land - to attempt to storm the fort." - Они хотят атаковать нас с суши и, конечно, попытаются штурмовать форт.

"Of course." The Admiral smiled. - Правильно, - улыбнулся адмирал.

"I had guessed it. - Я уже угадал их намерения.

Whom the gods would destroy they first make mad." Если боги хотят кого-нибудь наказать, то прежде всего они лишают его разума.

"Shall we make a sally?" urged Esteban, in his excitement. - Может быть, мы сделаем вылазку? - возбужденно сказал Эстебан.

"A sally? - Вылазку?

Through that scrub? Через эти заросли?

That would be to play into their hands. Чтобы нас перестреляли?

No, no, we will wait here to receive this attack. Нет, нет, мы будем ожидать их атаки здесь.

Whenever it comes, it is themselves will be destroyed, and utterly. И как только они нападут, мы тут же их уничтожим.

Have no doubt of that." Можете в этом не сомневаться.

But by evening the Admiral's equanimity was not quite so perfect. Однако к вечеру адмирал был уже не так уверен в себе.

By then the piraguas had made a half-dozen journeys with their loads of men, and they had landed also - as Don Miguel had clearly observed through his telescope - at least a dozen guns. За это время пироги шесть раз доставили людей на берег и, как ясно видел в подзорную трубу дон Мигель, перевезли по меньшей мере двенадцать пушек.

His countenance no longer smiled; it was a little wrathful and a little troubled now as he turned again to his officers. Он уже больше не улыбался и, повернувшись к своим офицерам, не то с раздражением, не то с беспокойством заметил:

"Who was the fool who told me that they number but three hundred men in all? - Какой болван говорил мне, что корсаров не больше трехсот человек?

They have put at least twice that number ashore already." Они уже высадили на берег по меньшей мере вдвое больше людей.

Amazed as he was, his amazement would have been deeper had he been told the truth: that there was not a single buccaneer or a single gun ashore on Palomas. The deception had been complete. Адмирал был изумлен, но изумление его значительно увеличилось бы, если бы ему сказали, что на берегу острова Лас Паломас нет ни одного корсара и ни одной пушки.

Don Miguel could not guess that the men he had beheld in those piraguas were always the same; that on the journeys to the shore they sat and stood upright in full view; and that on the journeys back to the ships, they lay invisible at the bottom of the boats, which were thus made to appear empty. Дон Мигель не мог догадаться, что пироги возили одних и тех же людей: при поездке на берег они сидели и стояли в лодках, а при возвращении на корабли лежали на дне лодок, и поэтому со стороны казалось, что в лодках нет никого.

The growing fears of the Spanish soldiery at the prospect of a night attack from the landward side by the entire buccaneer force - and a force twice as strong as they had suspected the pestilent Blood to command - began to be communicated to the Admiral. Возрастающий страх испанской солдатни перед неизбежной кровавой схваткой начал передаваться и адмиралу. Испанцы боялись ночной атаки, так как им уже стало известно, что у этого кошмарного капитана Блада оказалось вдвое больше сил, нежели было прежде.

In the last hours of fading daylight, the Spaniards did precisely what Captain Blood so confidently counted that they would do - precisely what they must do to meet the attack, preparations for which had been so thoroughly simulated. И в сумерках испанцы наконец сделали то, на что так рассчитывал капитан Блад: они приняли именно те самые меры для отражения атаки с суши, подготовка к которой была столь основательно симулирована пиратами.

They set themselves to labour like the damned at those ponderous guns emplaced to command the narrow passage out to sea. Испанцы работали как проклятые, перетаскивая громоздкие пушки, установленные так, чтобы полностью простреливать узкий проход к морю.

Groaning and sweating, urged on by the curses and even the whips of their officers, they toiled in a frenzy of panic-stricken haste to shift the greater number and the more powerful of their guns across to the landward side, there to emplace them anew, so that they might be ready to receive the attack which at any moment now might burst upon them from the woods not half a mile away. Со стонами и криками, обливаясь потом, подстегиваемые грозной бранью и плетками своих офицеров, в лихорадочной спешке и панике перетаскивали они через всю территорию форта на сторону, обращенную к суше, свои тяжелые пушки. Их нужно было установить заново. Чтобы подготовиться к отражению атаки, которая могла начаться в любую минуту.

Thus, when night fell, although in mortal anxiety of the onslaught of those wild devils whose reckless courage was a byword on the seas of the Main, at least the Spaniards were tolerably prepared for it. Waiting, they stood to their guns. И когда наступила ночь, испанцы были уже более или менее подготовлены к отражению атаки. Они стояли у своих пушек, смертельно страшась предстоящего штурма. Безрассудная храбрость сумасшедших дьяволов капитана Блада давно уже стала поговоркой на морях Мэйна...

And whilst they waited thus, under cover of the darkness and as the tide began to ebb, Captain Blood's fleet weighed anchor quietly; and, as once before, with no more canvas spread than that which their sprits could carry, so as to give them steering way - and even these having been painted black - the four vessels, without a light showing, groped their way by soundings to the channel which led to that narrow passage out to sea. Но, пока они ждали нападения, эскадра корсаров под прикрытием ночи, воспользовавшись отливом, тихо подняла якоря. Нащупывая путь промерами глубин, четыре неосвещенных корабля направились к узкому проходу в море. Капитан Блад приказал спустить все паруса, кроме бушпритных, которые обеспечивали движение кораблей и были выкрашены в черный цвет.

The Elizabeth and the Infanta, leading side by side, were almost abreast of the

fort before their shadowy bulks and the soft gurgle of water at their prows were detected by the Spaniards, whose attention until that moment had been all on the other side. Впереди борт о борт шли "Элизабет" и "Инфанта". Когда они почти поравнялись с фортом, испанцы, целиком поглощенные наблюдениями за противоположной стороной, заметили в темноте неясные очертания кораблей и услышали тихий плеск рассекаемых волн и журчание кильватерных струй.

And now there arose on the night air such a sound of human baffled fury as may have resounded about Babel at the confusion of tongues. И тут в ночном воздухе раздался такой взрыв бессильной человеческой ярости, какого, вероятно, не слышали со дня вавилонского столпотворения[62].

To heighten that confusion, and to scatter disorder among the Spanish soldiery, the Elizabeth emptied her larboard guns into the fort as she was swept past on the swift ebb. Чтобы умножить замешательство среди испанцев, "Элизабет" в ту минуту, когда быстрый отлив проносил ее мимо, произвела по форту залп из всех своих пушек левого борта.

At once realizing - though not yet how - he had been duped, and that his prey was in the very act of escaping after all, the Admiral frantically ordered the guns that had been so laboriously moved to be dragged back to their former emplacements, and commanded his gunners meanwhile to the slender batteries that of all his powerful, but now unavailable, armament still remained trained upon the channel. Тут только адмирал понял, что его одурачили и что птичка благополучно улетает из клетки, хотя он еще не мог сообразить, как это произошло. В неистовом гневе дон Мигель приказал перенести на старые места только что и с таким трудом снятые оттуда пушки. Он погнал канониров на те слабые батареи, которые из всего его мощного, но пока бесполезного вооружения одни охраняли проход в море.

With these, after the loss of some precious moments, the fort at last made fire. Потеряв еще несколько драгоценных минут, эти батареи наконец открыли огонь.

It was answered by a terrific broadside from the Arabella, which had now drawn abreast, and was crowding canvas to her yards. В ответ прогремел ужасающей силы бортовой залп "Арабеллы", поднимавшей все свои паруса.

The enraged and gibbering Spaniards had a brief vision of her as the line of flame spurted from her red flank, and the thunder of her broadside drowned the noise of the creaking halyards. After that they saw her no more. Взбешенные испанцы на мгновение увидели ее красный корпус, освещенный огромной вспышкой огня. Скрип фалов[63] утонул в грохоте залпа, и "Арабелла" исчезла, как призрак.

Assimilated by the friendly darkness which the lesser Spanish guns were speculatively stabbing, the escaping ships fired never another shot that might assist their baffled and bewildered enemies to locate them. Скрывшись в благоприятствующую им темноту, куда беспорядочно и наугад стреляли мелкокалиберные испанские пушки, уходящие корабли, чтобы не выдать своего местоположения растерявшимся и одураченным испанцам, не произвели больше ни одного выстрела.

Some slight damage was sustained by Blood's fleet. Повреждения, нанесенные кораблям корсаров, были незначительны.

But by the time the Spaniards had resolved their confusion into some order of dangerous offence, that fleet, well served by a southerly breeze, was through the narrows and standing out to sea. Подгоняемая хорошим южным бризом, эскадра Блада миновала узкий проход и вышла в море.

Thus was Don Miguel de Espinosa left to chew the bitter cud of a lost opportunity, and to consider in what terms he would acquaint the Supreme Council of the Catholic

King that Peter Blood had got away from Maracaybo, taking with him two twenty-gun frigates that were lately the property of Spain, to say nothing of two hundred and fifty thousand pieces of eight and other plunder. А дон Мигель, оставшись на острове, мучительно переживал казавшуюся такой прекрасной, но, увы, уже утраченную возможность расквитаться с Бладом и думал о том, какими словами он доложит высшему совету католического короля обстоятельства ухода Питера Блада из Маракайбо с двумя двадцатипушечными фрегатами, ранее принадлежавшими Испании, не говоря уже о двухстах пятидесяти тысячах песо и всякой другой добыче.

And all this in spite of Don Miguel's four galleons and his heavily armed fort that at one time had held the pirates so securely trapped. Блад ушел, несмотря на то что у дон Мигеля было четыре галиона и сильно вооруженный форт, которые позволяли испанцам держать пиратов в прочной ловушке.

Heavy, indeed, grew the account of Peter Blood, which Don Miguel swore passionately to Heaven should at all costs to himself be paid in full. "Долг" Питера Блада стал огромным, и дон Мигель страстно поклялся перед небом взыскать его сполна, чего бы это ему ни стоило.

Nor were the losses already detailed the full total of those suffered on this occasion by the King of Spain. Однако потери, понесенные королем Испании, этим не исчерпывались.

For on the following evening, off the coast of Oruba, at the mouth of the Gulf of Venezuela, Captain Blood's fleet came upon the belated Santo Nino, speeding under full sail to reenforce Don Miguel at Maracaybo. Вечером следующего дня у острова Аруба эскадра Блада встретила "Санто Ниньо". Корабль на всех парусах спешил в Маракайбо на помощь дону Мигелю.

At first the Spaniard had conceived that she was meeting the victorious fleet of Don Miguel, returning from the destruction of the pirates. Испанцы решили вначале, что навстречу им идет победоносный флот дон Мигеля, возвращающийся после разгрома пиратов.

When at comparatively close quarters the pennon of St. George soared to the Arabella's masthead to disillusion her, the Santo Nino chose the better part of valour, and struck her flag. Когда же корабли сблизились и на грот-мачте "Арабеллы", к величайшему разочарованию испанцев, взвился английский вымпел, капитан "Санто Ниньо", решив, что храбрость не всегда полезна в жизни, спустил свой флаг.

Captain Blood ordered her crew to take to the boats, and land themselves at Oruba or wherever else they pleased. Капитан Блад приказал команде испанского корабля погрузиться в шлюпки и отправиться на Арубу, в Маракайбо, к черту на рога или куда им только заблагорассудится.

So considerate was he that to assist them he presented them with several of the piraguas which he still had in tow. Он был настолько великодушен, что подарил им несколько пирога, которые все еще шли на буксире за его кораблями.

"You will find," said he to her captain, "that Don Miguel is in an extremely bad temper. - Вы застанете дон Мигеля в дурном настроении.

Commend me to him, and say that I venture to remind him that he must blame himself for all the ills that have befallen him. Передайте адмиралу привет и скажите, что я беру на себя смелость напомнить ему следующее: за все несчастья, выпавшие на его долю, он должен винить только самого себя.

The evil has recoiled upon him which he loosed when he sent his brother

unofficially to make a raid upon the island of Barbados. Все зло, которое он совершил, разрешив своему брату произвести неофициальный рейд на остров Барбадос, воздалось ему сторицей.

Bid him think twice before he lets his devils loose upon an English settlement again." Пусть он подумает дважды или трижды до того, как решится снова выпустить своих дьяволов на какое-либо английское поселение.

With that he dismissed the Captain, who went over the side of the Santo Nino, and Captain Blood proceeded to investigate the value of this further prize. С этими словами он отпустил капитана "Санто Ниньо" и приступил к осмотру своего нового трофея.

When her hatches were removed, a human cargo was disclosed in her hold. Подняв люки, люди "Арабеллы" обнаружили, что в трюмах испанского корабля находится живой груз.

"Slaves," said Wolverstone, and persisted in that belief cursing Spanish devilry until Cahusac crawled up out of the dark bowels of the ship, and stood blinking in the sunlight. - Рабы, - сказал Волверстон и на все лады проклинал испанцев, пока из трюма не выполз Каузак, щурясь и морщась от яркого солнечного света.

There was more than sunlight to make the Breton pirate blink. Бретонец морщился, конечно, не только от солнца.

And those that crawled out after him - the remnants of his crew - cursed him horribly for the pusillanimity which had brought them into the ignominy of owing their deliverance to those whom they had deserted as lost beyond hope. И те, кто выползал вслед за ним - а это были остатки его команды, - последними словами ругали Каузака за малодушие, заставившее их пережить позор, который заключался в том, что их спасли те самые люди, кого они предательски бросили и обрекли на гибель.

Their sloop had encountered and had been sunk three days ago by the Santo Nino, and Cahusac had narrowly escaped hanging merely that for some time he might be a mock among the Brethren of the Coast. Три дня назад "Санто Ниньо" потопил шлюп, подаренный им великодушным Бладом. Каузак едва спасся от виселицы, но, должно быть, лишь только для того, чтобы на долгие годы стать посмешищем "берегового братства".

For many a month thereafter he was to hear in Tortuga the jeering taunt: И долго потом на острове Тортуга его издевательски расспрашивали:

"Where do you spend the gold that you brought back from Maracaybo?" "Куда же ты девал свое маракайбское золото? "

Chapter XVIII Глава XVIII

THE MILAGROSA "МИЛАГРОСА"

The affair at Maracaybo is to be considered as Captain Blood's buccaneering masterpiece. Дело в Маракайбо должно считаться шедевром корсарской карьеры капитана Блада.

Although there is scarcely one of the many actions that he fought - recorded in such particular detail by Jeremy Pitt - which does not afford some instance of his genius for naval tactics, yet in none is this more shingly displayed than in those two engagements by which he won out of the trap which Don Miguel de Espinosa had sprung upon him. Хотя в любом из многих его боев, с любовной тщательностью описанных Джереми Питтом, легко сразу же обнаружить проявления военного таланта Питера Блада, однако ярче всего этот талант тактика и стратега проявился в боях при

Маракайбо, завершившихся победоносным спасением из капкана, расставленного доном Мигелем де Эспиноса.

The fame which he had enjoyed before this, great as it already was, is dwarfed into insignificance by the fame that followed. Блад и до этого пользовался большой известностью, но ее нельзя было сравнить с огромной славой, приобретенной им после этих сражений.

It was a fame such as no buccaneer - not even Morgan - has ever boasted, before or since. Это была слава, какой не знал ни один корсар, включая даже и знаменитого Моргана.

In Tortuga, during the months he spent there refitting the three ships he had captured from the fleet that had gone out to destroy him, he found himself almost an object of worship in the eyes of the wild Brethren of the Coast, all of whom now clamoured for the honour of serving under him. В Тортуге, где Блад провел несколько месяцев, оснащая заново корабли, захваченные им из эскадры, готовившейся его уничтожить, он стал объектом поклонения буйного "берегового братства". Множество пиратов добивались высокой чести служить под командованием Блада.

It placed him in the rare position of being able to pick and choose the crews for his augmented fleet, and he chose fastidiously. When next he sailed away it was with a fleet of five fine ships in which went something over a thousand men. Это дало ему редкую возможность разборчиво подбирать экипажи для новых кораблей своей эскадры, и, когда он отправился в следующий поход, под его началом находились пять прекрасно оснащенных кораблей и более тысячи корсаров.

Thus you behold him not merely famous, but really formidable. Это была не просто слава, но и сила.

The three captured Spanish vessels he had renamed with a certain scholarly humour the Clotho, Lachesis, and Atropos, a grimly jocular manner of conveying to the world that he made them the arbiters of the fate of any Spaniards he should henceforth encounter upon the seas. Три захваченных испанских судна он, с некоторым академическим юмором, переименовал в "Клото", "Лахезис" и "Атропос"[64], будто для того, чтобы сделать свои корабли вершителями судеб тех испанцев, которые в будущем могли встретиться Бладу на морях.

In Europe the news of this fleet, following upon the news of the Spanish Admiral's defeat at Maracaibo, produced something of a sensation. В Европе известие об этой эскадре, пришедшее вслед за сообщением о разгроме испанского адмирала под Маракайбо, вызвало сенсацию.

Spain and England were variously and unpleasantly exercised, and if you care to turn up the diplomatic correspondence exchanged on the subject, you will find that it is considerable and not always amiable. Испания и Англия были обеспокоены, хотя у этого беспокойства были разные основания, и если вы потрудитесь перелистать дипломатическую переписку того времени, посвященную этому вопросу, то увидите, что она окажется довольно объемистой и не всегда корректной.

And meanwhile in the Caribbean, the Spanish Admiral Don Miguel de Espinosa might be said - to use a term not yet invented in his day - to have run amok. А между тем дон Мигель де Эспиноса совершенно обезумел.

The disgrace into which he had fallen as a result of the disasters suffered at the hands of Captain Blood had driven the Admiral all but mad. Опала, явившаяся следствием поражений, нанесенных ему капитаном Бладом, чуть не свела с ума испанского адмирала.

It is impossible, if we impose our minds impartially, to withhold a certain sympathy from Don Miguel. Рассуждая беспристрастно, нельзя не посочувствовать дону Мигелю.

Hate was now this unfortunate man's daily bread, and the hope of vengeance an obsession to his mind. Ненависть стала ежедневной пищей этого несчастного, а жажда мщения глодала его, как червь.

As a madman he went raging up and down the Caribbean seeking his enemy, and in the meantime, as an hors d'oeuvre to his vindictive appetite, he fell upon any ship of England or of France that loomed above his horizon. Словно одержимый, метался он по волнам Карибского моря в поисках своего врага и, не находя его, нападал на все английские и французские корабли, встречавшиеся на его пути, чтобы как-то удовлетворить эту жажду мести.

I need say no more to convey the fact that this illustrious sea-captain and great gentleman of Castile had lost his head, and was become a pirate in his turn. Говоря попросту, прославленный флотоводец и один из наиболее знатных грандов Испании потерял голову и, гоняясь за пиратскими кораблями, сам, в свою очередь, стал пиратом.

The Supreme Council of Castile might anon condemn him for his practices. Королевский совет мог, разумеется, осудить адмирала за его корсарские занятия.

But how should that matter to one who already was condemned beyond redemption? Но что это значило для человека, который уже давно был осужден без всякой надежды на прощение?

On the contrary, if he should live to lay the audacious and ineffable Blood by the heels, it was possible that Spain might view his present irregularities and earlier losses with a more lenient eye. А вот если бы ему удалось схватить и повесить капитана Блада, то Испания, быть может, более снисходительно отнеслась бы к тому, что сейчас делал ее адмирал, и к тому, что он натворил прежде, потеряв несколько превосходных кораблей и упустив из своих рук знаменитого корсара.

And so, reckless of the fact that Captain Blood was now in vastly superior strength, the Spaniard sought him up and down the trackless seas. И, не учитывая того обстоятельства, что капитан Блад располагал сейчас подавляющим превосходством, испанец настойчиво искал дерзкого пирата на непроторенных просторах морей.

But for a whole year he sought him vainly. Однако целый год поиски были тщетными.

The circumstances in which eventually they met are very curious. An intelligent observation of the facts of human existence will reveal to shallow-minded folk who sneer at the use of coincidence in the arts of fiction and drama that life itself is little more than a series of coincidences. Open the history of the past at whatsoever page you will, and there you shall find coincidence at work bringing about events that the merest chance might have averted. Indeed, coincidence may be defined as the very tool used by Fate to shape the destinies of men and nations. Observe it now at work in the affairs of Captain Blood and of some others. Наконец ему все же удалось встретиться с Бладом, но при очень странных обстоятельствах.

On the 15th September of the year 1688 - a memorable year in the annals of England - three ships were afloat upon the Caribbean, which in their coming conjunctions were to work out the fortunes of several persons. 15 сентября 1688 года три корабля бороздили воды Карибского моря.

The first of these was Captain Blood's flagship the Arabella, which had been separated from the buccaneer fleet in a hurricane off the Lesser Antilles. Первым

из них был одинокий флагманский корабль "Арабелла". Ураган, разразившийся в районе Малых Антильских островов, оторвал капитана Блада от его эскадры.

In somewhere about 17 deg. N. Lat., and 74 deg. Long., she was beating up for the Windward Passage, before the intermittent southeasterly breezes of that stifling season, homing for Tortuga, the natural rendezvous of the dispersed vessels. Порывистый юго-восточный бриз этого душного периода года нес "Арабеллу" к Наветренному проливу; Блад спешил к острову Тортуга -единственному месту встречи мореплавателей, потерявших друг друга.

The second ship was the great Spanish galleon, the Milagrosa, which, accompanied by the smaller frigate Hidalgo, lurked off the Caymites, to the north of the long peninsula that thrusts out from the southwest corner of Hispaniola. Aboard the Milagrosa sailed the vindictive Don Miguel. Вторым кораблем был огромный испанский галион "Милагроса", на борту которого плавал мстительный дон Мигель.

The third and last of these ships with which we are at present concerned was an English man-of-war, which on the date I have given was at anchor in the French port of St. Nicholas on the northwest coast of Hispaniola. Вспомогательный фрегат "Гидальго" скрывался в засаде у юго-западных берегов острова Гаити. Третьим, и последним из кораблей, которые нас сейчас интересуют, был английский военный корабль, стоявший в упомянутый мною день на якоре во французском порту Сен-Никола, на северо-западном берегу Гаити.

She was on her way from Plymouth to Jamaica, and carried on board a very distinguished passenger in the person of Lord Julian Wade, who came charged by his kinsman, my Lord Sunderland, with a mission of some consequence and delicacy, directly arising out of that vexatious correspondence between England and Spain. Он следовал из Плимута на Ямайку и вез очень важного пассажира - лорда Джулиана Уэйда. Лорд Сэндерленд, родственник лорда Уэйда, дал ему довольно ответственное и деликатное поручение, прямо вытекающее из неприятностей переписки между Англией и Испанией.

The French Government, like the English, excessively annoyed by the depredations of the buccaneers, and the constant straining of relations with Spain that ensued, had sought in vain to put them down by enjoining the utmost severity against them upon her various overseas governors. Французское правительство, так же как и английское, было весьма раздражено действиями корсаров, ухудшавшими и без того натянутые отношения с Испанией. Тщетно пытаясь положить конец их операциям, правительства требовали от губернаторов своих колоний максимальной суровости к пиратам.

But these, either - like the Governor of Tortuga -throve out of a scarcely tacit partnership with the filibusters, or - like the Governor of French Hispaniola - felt that they were to be encouraged as a check upon the power and greed of Spain, which might otherwise be exerted to the disadvantage of the colonies of other nations. Однако губернаторы, подобно губернатору Тортуги, наживались на своих тайных сделках с корсарами или же, подобно губернатору французской части Гаити, полагали, что пиратов следует не истреблять, а поощрять, так как они играют роль сдерживающей силы против мощи и алчности Испании.

They looked, indeed, with apprehension upon recourse to any vigorous measures which must result in driving many of the buccaneers to seek new hunting-grounds in the South Sea. Поэтому губернаторы, не сговариваясь друг с другом, опасались применять какие-либо решительные меры, которые могли бы заставить корсаров перенести свою деятельность в новые районы.

To satisfy King James's anxiety to conciliate Spain, and in response to the Spanish Ambassador's constant and grievous expostulations, my Lord Sunderland, the Secretary of State, had appointed a strong man to the deputy-governorship of

Jamaica. Министр иностранных дел Англии лорд Сэндерленд, стремясь быстрее выполнить настойчивое требование короля Якова во что бы то ни стало умиротворить Испанию, посол которой неоднократно изъявлял крайнее недовольство своего правительства, назначил губернатором Ямайки решительного человека.

This strong man was that Colonel Bishop who for some years now had been the most influential planter in Barbados. Этим решительным человеком был самый влиятельный плантатор Барбадоса - полковник Бишоп.

Colonel Bishop had accepted the post, and departed from the plantations in which his great wealth was being amassed with an eagerness that had its roots in a desire to pay off a score of his own with Peter Blood. Полковник принял назначение на пост губернатора с особым рвением, которое объяснялось тем, что он жаждал поскорее свести личные счеты с Питером Бладом.

From his first coming to Jamaica, Colonel Bishop had made himself felt by the buccaneers. Оставив свои плантации, явившиеся источником его огромных богатств, Бишоп сразу же после прибытия на Ямайку дал почувствовать корсарам, что он не намерен с ними якшаться.

But do what he might, the one buccaneer whom he made his particular quarry - that Peter Blood who once had been his slave - eluded him ever, and continued undeterred and in great force to harass the Spaniards upon sea and land, and to keep the relations between England and Spain in a state of perpetual ferment, particularly dangerous in those days when the peace of Europe was precariously maintained. Многим из них пришлось туговато. Лишь один корсар, бывший раб бывшего плантатора, не давался в руки Бишопу и всегда ускользал от него. Бесстрашно он продолжал тревожить испанцев на воде и на суше. Его смелые набеги и налеты никак не улучшали натянутых отношений между Англией и Испанией, а это было особенно нежелательно в те годы, когда мир в Европе сохранялся с таким трудом.

Exasperated not only by his own accumulated chagrin, but also by the reproaches for his failure which reached him from London, Colonel Bishop actually went so far as to consider hunting his quarry in Tortuga itself and making an attempt to clear the island of the buccaneers it sheltered. Доведенный до бешенства не только день ото дня копившимся в нем раздражением, но и бесконечными выговорами из Лондона за неумение справиться с капитаном Бладом, полковник Бишоп начал всерьез подумывать о захвате своего противника непосредственно на Тортуге.

Fortunately for himself, he abandoned the notion of so insane an enterprise, deterred not only by the enormous natural strength of the place, but also by the reflection that a raid upon what was, nominally at least, a French settlement, must be attended by grave offence to France. К счастью для себя, он отказался от этой безумной затеи: его остановили не только мощные природные укрепления острова, но и важные соображения о том, что затея очистить Тортугу от корсаров может быть расценена Францией как разбойничий налет и тяжкое оскорбление дружественного государства.

Yet short of some such measure, it appeared to Colonel Bishop that he was baffled. И все же полковнику Бишопу казалось, что если не принять каких-то решительных мер, то тогда вообще ничего не изменится.

He confessed as much in a letter to the Secretary of State. Эти мысли он и выложил в письме министру иностранных дел.

This letter and the state of things which it disclosed made my Lord Sunderland despair of solving this vexatious problem by ordinary means. Это письмо, по существу правильно излагавшее истинное положение дел, привело лорда Сэндерленда в отчаяние.

He turned to the consideration of extraordinary ones, and bethought him of the plan adopted with Morgan, who had been enlisted into the King's service under Charles II. It occurred to him that a similar course might be similarly effective with Captain Blood. Он понимал, что такую неприятную проблему немислимо решить обычными средствами и что в таком деле не обойдешься без применения средств чрезвычайных. Он вспомнил о Моргане, который при Карле II был привлечен на королевскую службу, и подумал, что такой же метод лестного для пирата решения вопроса мог бы оказаться полезным и по отношению к капитану Бладу.

His lordship did not omit the consideration that Blood's present outlawry might well have been undertaken not from inclination, but under stress of sheer necessity; that he had been forced into it by the circumstances of his transportation, and that he would welcome the opportunity of emerging from it. Его светлость учел, что противозаконную деятельность Блада вполне можно объяснить не его врожденными дурными наклонностями, а лишь абсолютной необходимостью, что он был вынужден заняться корсарством лишь в силу обстоятельств, связанных с его появлением на Барбадосе, и что сейчас Блад может обрадоваться, получив возможность отказаться от небезопасного занятия.

Acting upon this conclusion, Sunderland sent out his kinsman, Lord Julian Wade, with some commissions made out in blank, and full directions as to the course which the Secretary considered it desirable to pursue and yet full discretion in the matter of pursuing them. Действуя в соответствии с этим выводом, Сэндерленд и послал на остров Ямайку своего родственника лорда Джулиана Уэйда, снабдив его несколькими до конца заполненными, за исключением фамилий, офицерскими патентами. Министр дал ему четкие указания, какой линии поведения он должен придерживаться, но вместе с тем предоставил полную свободу действий при выполнении этих указаний.

The crafty Sunderland, master of all labyrinths of intrigue, advised his kinsman that in the event of his finding Blood intractable, or judging for other reasons that it was not desirable to enlist him in the King's service, he should turn his attention to the officers serving under him, and by seducing them away from him leave him so weakened that he must fall an easy victim to Colonel Bishop's fleet. Прожженный интриган и хитрый политик, Сэндерленд посоветовал своему родственнику, в случае, если Блад окажется несговорчивым или Уэйд по каким-либо причинам сочтет нецелесообразным брать его на королевскую службу, заняться его офицерами и, соблазнив их, настолько ослабить Блада, чтобы он стал легкой жертвой полковника Бишопа.

The Royal Mary - the vessel bearing that ingenious, tolerably accomplished, mildly dissolute, entirely elegant envoy of my Lord Sunderland's - made a good passage to St. Nicholas, her last port of call before Jamaica. "Ройял Мэри", корабль, на котором путешествовал этот сносно образованный, слегка распущенный и безукоризненно элегантный посол лорда Сэндерленда, благополучно добрался до Сен-Никола - своей последней стоянки перед Ямайкой.

It was understood that as a preliminary Lord Julian should report himself to the Deputy-Governor at Port Royal, whence at need he might have himself conveyed to Tortuga. Еще в Лондоне было решено, что лорд Джулиан явится сначала к губернатору в Порт-Ройял, а оттуда уже отправится для свидания с прославленным пиратом на Тортугу.

Now it happened that the Deputy-Governor's niece had come to St. Nicholas some months earlier on a visit to some relatives, and so that she might escape the insufferable heat of Jamaica in that season. Но еще до знакомства с губернатором лорду Джулиану посчастливилось познакомиться с его племянницей, гостившей в Сен-Никола у своих родственников, переживая здесь совершенно нестерпимую в этот период года жару на Ямайке.

The time for her return being now at hand, a passage was sought for her aboard the Royal Mary, and in view of her uncle's rank and position promptly accorded. Пробыв здесь несколько месяцев, она возвращалась домой, и просьба предоставить ей место на борту "Ройял Мэри" была сразу же удовлетворена.

Lord Julian hailed her advent with satisfaction. Лорд Джулиан обрадовался ее появлению на корабле.

It gave a voyage that had been full of interest for him just the spice that it required to achieve perfection as an experience. До сих пор путешествие было просто очень интересным, а сейчас приобретало даже некоторую пикантность.

His lordship was one of your gallants to whom existence that is not graced by womankind is more or less of a stagnation. Дело в том, что его светлость принадлежал к тем галантным кавалерам, для которых существование, не украшенное присутствием женщины, было просто жалким и бессмысленным прозябанием.

Miss Arabella Bishop - this straight up and down slip of a girl with her rather boyish voice and her almost boyish ease of movement - was not perhaps a lady who in England would have commanded much notice in my lord's discerning eyes. His very sophisticated, carefully educated tastes in such matters inclined him towards the plump, the languishing, and the quite helplessly feminine. Мисс Арабелла Бишоп, прямая, искренняя, без малейшего жеманства и с почти мальчишеской свободой движений, конечно, не была той девушкой, на которой в лондонском свете остановились бы глаза разборчивого лорда Уэйда, молодого человека лет двадцати восьми, выше среднего роста, но казавшегося более высоким из-за своей худощавости. Длинное, бледное лицо его светлости с чувственным ртом и тонкими чертами, обрамленное локонами золотистого парика, и светло-голубые глаза придавали ему какое-то мечтательное или, точнее, меланхолическое выражение. Его изощренный и тщательно тренированный в таких вопросах вкус направлял его внимание к иным девушкам - томным, беспомощным, но женственным.

Miss Bishop's charms were undeniable. Очарование мисс Бишоп было бесспорным.

But they were such that it would take a delicate-minded man to appreciate them; and my Lord Julian, whilst of a mind that was very far from gross, did not possess the necessary degree of delicacy. Однако оценить его мог только человек с добрым сердцем и острым умом, а лорд Джулиан хотя совсем не был мужланом, но вместе с тем и не обладал должной деликатностью.

I must not by this be understood to imply anything against him. Говоря так, я вовсе не хочу, чтобы все это было понято, как какой-то намек, компрометирующий его светлость.

It remained, however, that Miss Bishop was a young woman and a lady; and in the latitude into which Lord Julian had strayed this was a phenomenon sufficiently rare to command attention. Но как бы там ни было, Арабелла Бишоп была молодой, интересной женщиной из очень хорошей семьи, и на той географической широте, на которой оказался сейчас лорд Джулиан, это явление уже само по себе представляло редкость.

On his side, with his title and position, his personal grace and the charm of a practised courtier, he bore about him the atmosphere of the great world in which normally he had his being - a world that was little more than a name to her, who had spent most of her life in the Antilles. Он же, со своей стороны, с его титулом и положением, любезностью и манерами опытного придворного, был представителем того огромного мира, который Арабелле, проведшей большую часть своей жизни на Антильских островах, был известен лишь понаслышке.

It is not therefore wonderful that they should have been attracted to each other before the Royal Mary was warped out of St. Nicholas. Следует ли удивляться тому, что они почувствовали взаимный интерес еще до того, как "Ройял Мэри" вышла из Сен-Никола.

Each could tell the other much upon which the other desired information. Каждый из них мог рассказать много такого, чего не знал другой.

He could regale her imagination with stories of St. James's - in many of which he assigned himself a heroic, or at least a distinguished part - and she could enrich his mind with information concerning this new world to which he had come. Он мог усладить ее воображение занимательными историями о Сент-Джеймском дворе, во многих из них отводя себе героическую или хотя бы достаточно приметную роль. Она же могла обогатить его ум важными сведениями о Новом свете, куда он приехал впервые.

Before they were out of sight of St. Nicholas they were good friends, and his lordship was beginning to correct his first impressions of her and to discover the charm of that frank, straightforward attitude of comradeship which made her treat every man as a brother. Еще до того как Сен-Никола скрылся из виду, они уже стали добрыми друзьями, и его светлость, внося поправки в свое первое впечатление о ней, ощутил очарование прямого и непосредственного чувства товарищества, заставлявшего ее относиться к каждому мужчине, как к брату.

Considering how his mind was obsessed with the business of his mission, it is not wonderful that he should have come to talk to her of Captain Blood. Indeed, there was a circumstance that directly led to it. И можно ли удивляться, зная, насколько голова лорда Уэйда была занята делами его миссии, что он как-то заговорил с ней о капитане Бладе!

"I wonder now," he said, as they were sauntering on the poop, "if you ever saw this fellow Blood, who was at one time on your uncle's plantations as a slave." - Интересно знать, - сказал он, когда они прогуливались по корме, - видели ли вы когда-нибудь этого Блада? Ведь одно время он был рабом на плантациях вашего дяди.

Miss Bishop halted. She leaned upon the taffrail, looking out towards the receding land, and it was a moment before she answered in a steady, level voice: Мисс Бишоп остановилась и, облокотившись на гакаборт, глядела на землю, скрывающуюся за горизонтом. Прошло несколько минут, прежде чем она ответила спокойным, ровным голосом:

"I saw him often. I knew him very well." - Я часто видела его и знаю его очень хорошо.

"Ye don't say!" - Да?! Не может быть!

His lordship was slightly moved out of an imperturbability that he had studiously cultivated. He was a young man of perhaps eight-and-twenty, well above the middle height in stature and appearing taller by virtue of his exceeding leanness. Его светлость был слегка выведен из того состояния невозмутимости, которое он так старательно в себе культивировал, и поэтому не заметил внезапно вспыхнувшего румянца на щеках Арабеллы Бишоп, хотя лорд считал себя очень наблюдательным человеком.

He had a thin, pale, rather pleasing hatchet-face, framed in the curls of a golden penwig, a sensitive mouth and pale blue eyes that lent his countenance a dreamy expression, a rather melancholy pensiveness. - Почему же не может быть? - с явным деланным равнодушием спросила Арабелла.

But they were alert, observant eyes notwithstanding, although they failed on this occasion to observe the slight change of colour which his question had brought to Miss Bishop's cheeks or the suspiciously excessive composure of her answer. Но Уэйд не заметил и этого странного спокойствия ее голоса.

"Ye don't say!" he repeated, and came to lean beside her. - Да, да, - кивнул он, думая о своем. - Конечно, вы могли его знать.

"And what manner of man did you find him?" А что же он собой представляет, по вашему мнению?

"In those days I esteemed him for an unfortunate gentleman." - В те дни я уважала его, как глубоко несчастного человека.

"You were acquainted with his story?" - Вам известна его история?

"He told it me. - Он рассказал ее мне.

That is why I esteemed him - for the calm fortitude with which he bore adversity. Поэтому-то я и ценила его за удивительную выдержку, с какой он переносил свое несчастье.

Since then, considering what he has done, I have almost come to doubt if what he told me of himself was true." Однако после того, что он сделал, я уже почти сомневаюсь, рассказал ли он мне правду.

"If you mean of the wrongs he suffered at the hands of the Royal Commission that tried the Monmouth rebels, there's little doubt that it would be true enough. He was never out with Monmouth; that is certain. - Если вы сомневаетесь в несправедливости по отношению к нему со стороны королевской комиссии, судившей мятежников Монмута, то все, что вам рассказал Блад, соответствует действительности.

He was convicted on a point of law of which he may well have been ignorant when he committed what was construed into treason. Точно выяснено, что он не принимал участия в восстании Монмута и был осужден по такому параграфу закона, которого мог и не знать, а судьи расценили его естественный поступок как измену.

But, faith, he's had his revenge, after a fashion." Но, клянусь честью, он в какой-то мере отомстил за себя.

"That," she said in a small voice, "is the unforgivable thing. It has destroyed him - deservedly." - Да, - сказала она едва слышно, - но ведь эта месть и погубила его.

"Destroyed him?" His lordship laughed a little. - Погубила? - рассмеялся лорд Уэйд.

"Be none so sure of that. - Вряд ли вы правы в этом.

He has grown rich, I hear. He has translated, so it is said, his Spanish spoils into French gold, which is being treasured up for him in France. Я слышал, что он разбогател и обращает испанскую добычу во французское золото, которое хранится им во Франции.

His future father-in-law, M. d'Ogeron, has seen to that." Об этом побеспокоился его будущий тесть д'Ожерон.

"His future father-in-law?" said she, and stared at him round-eyed, with parted lips. - Его будущий тесть? - переспросила Арабелла, и глаза ее широко раскрылись от удивления.

Then added: "M. d'Ogeron? - Д'Ожерон?

The Governor of Tortuga?" Губернатор Тортуги?

"The same. - Он самый, - подтвердил лорд.

You see the fellow's well protected. - Как видите, у капитана Блада сильный защитник.

It's a piece of news I gathered in St. Nicholas. I am not sure that I welcome it, for I am not sure that it makes any easier a task upon which my kinsman, Lord Sunderland, has sent me hither. Должен признаться, я был очень огорчен этими сведениями, полученными мной в Сен-Никола, потому что все это осложняет выполнение задачи, которую мой родственник лорд Сэндерленд поручил решить вашему покорному слуге.

But there it is. Все это не радует меня, но это так.

You didn't know?" А для вас, я вижу, это новость?

She shook her head without replying. She had averted her face, and her eyes were staring down at the gently heaving water. Она молча кивнула головой, отвернулась и стала смотреть на журчащую за кормой воду.

After a moment she spoke, her voice steady and perfectly controlled. Но вот заговорила снова, и голос ее опять звучал спокойно и бесстрастно:

"But surely, if this were true, there would have been an end to his piracy by now. - Мне трудно во всем этом разобраться. Но, если бы это было правдой, он не занимался бы сейчас корсарством.

If he... if he loved a woman and was betrothed, and was also rich as you say, surely he would have abandoned this desperate life, and..." Если он... если бы он любил женщину и хотел на ней жениться и если он так богат, как вы говорите, то зачем ему рисковать жизнью и...

"Why, so I thought," his lordship interrupted, "until I had the explanation. - Вы правы. Я тоже так думал, - прервал ее сиятельный собеседник, - пока мне не объяснили, в чем тут дело.

D'Ogeron is avaricious for himself and for his child. А дело, конечно, в д'Ожероне: он алчен не только для себя, но и для своей дочери.

And as for the girl, I'm told she's a wild piece, fit mate for such a man as Blood. Что же касается мадемуазель д'Ожерон, то мне рассказывали, что это дикая штучка, вполне под стать такому человеку, как Блад.

Almost I marvel that he doesn't marry her and take her a-roving with him. Удивляюсь, почему он не женится и не возьмет ее на свой корабль, чтобы пиратствовать вместе.

It would be no new experience for her. Нового в этом для нее ничего не будет.

And I marvel, too, at Blood's patience. И я удивляюсь терпению Блада.

He killed a man to win her." Он ведь убил человека, чтобы добиться ее взаимности.

"He killed a man for her, do you say?" - Убил человека? Из-за нее?

There was horror now in her voice. - Голос Арабеллы прервался.

"Yes - a French buccaneer named Levasseur. - Да, французского пирата, по имени Левасер.

He was the girl's lover and Blood's associate on a venture. Француз был возлюбленным девушки и сообщником Блада в какой-то аванюре.

Blood coveted the girl, and killed Levasseur to win her. Блад домогался любви этой девушки и, чтобы получить ее, убил Левасера.

Pah! It's an unsavoury tale, I own. История, конечно, омерзительная. Но что поделаешь?

But men live by different codes out in these parts..." У людей, живущих в этих краях, иная мораль...

She had turned to face him. She was pale to the lips, and her hazel eyes were blazing, as she cut into his apologies for Blood. Арабелла подняла на него мертвенно-бледное лицо. Ее карие глаза сверкнули, когда она резко прервала его попытку оправдать Блада:

"They must, indeed, if his other associates allowed him to live after that." - Да, должно быть, вы правы. Это мир иной морали, если его сообщники позволили ему жить после этого.

"Oh, the thing was done in fair fight, I am told." - О, почему же так? Мне говорили, что вопрос о девушке был решен в честном бою.

"Who told you?" - Кто это сказал вам?

"A man who sailed with them, a Frenchman named Cahusac, whom I found in a waterside tavern in St. Nicholas. - Некий француз, по имени Каузак, которого я встретил в портовой таверне Сен-Никола.

He was Levasseur's lieutenant, and he was present on the island where the thing happened, and when Levasseur was killed." Он служил у Левасера лейтенантом и присутствовал на дуэли, в которой был убит Левасер.

"And the girl? Did he say the girl was present, too?" - А девушка была там, когда они дрались?

"Yes. - Да.

She was a witness of the encounter. Blood carried her off when he had disposed of his brother-buccaneer." Она тоже была там, и Блад увел ее после того, как разделался со своим товарищем корсаром.

"And the dead man's followers allowed it?" He caught the note of incredulity in her voice, but missed the note of relief with which it was blent. "Oh, I don't believe the tale. I won't believe it!" - И сторонники убитого позволили ему уйти? (Он услышал в ее голосе нотку сомнения.) О, я не верю этой выдумке и не поверю никогда!

"I honour you for that, Miss Bishop. - Уважаю вас за это, мисс Бишоп.

It strained my own belief that men should be so callous, until this Cahusac afforded me the explanation." Я тоже не мог поверить, пока Каузак не объяснил мне, как было дело.

"What?" - Все мы сожалеем о смерти человека, которого мы уважали.

She checked her unbelief, an unbelief that had uplifted her from an inexplicable dismay. Clutching the rail, she swung round to face his lordship with that question. Later he was to remember and perceive in her present behaviour a certain oddness which went disregarded now. "Blood purchased their consent, and his right to carry the girl off. He paid them in pearls that were worth more than twenty thousand pieces of eight." His lordship laughed again with a touch of contempt. "A handsome price! Faith, they're scoundrels all - just thieving, venal curs. And faith, it's a pretty tale this for a lady's ear." She looked away from him again, and found that her sight was blurred. After a moment in a voice less steady than before she asked him: "Why should this Frenchman have told you such a tale? Did he hate this Captain Blood?" "I did not gather that," said his lordship slowly. "He related it... oh, just as a commonplace, an instance of buccaneering ways. "A commonplace!" said she. "My God! A commonplace!" "I dare say that we are all savages under the cloak that civilization fashions for us," said his lordship. "But this Blood, now, was a man of considerable parts, from what else this Cahusac told me. He was a bachelor of medicine." "That is true, to my own knowledge." "And he has seen much foreign service on sea and land. Cahusac said - though this I hardly credit - that he had fought under de Ruyter." "That also is true," said she. She sighed heavily. "Your Cahusac seems to have been accurate enough. Alas!" "You are sorry, then?" She looked at him. She was very pale, he noticed. "As we are sorry to hear of the death of one we have esteemed. Once I held him in regard for an unfortunate but worthy gentleman. Когда-то я относилась к нему, как к несчастному, но достойному человеку.

Now..." She checked, and smiled a little crooked smile. "Such a man is best forgotten." Сейчас... - по губам ее скользнула слабая, кривая улыбка, - сейчас о таком человеке лучше всего забыть.

And upon that she passed at once to speak of other things. - И она постаралась тут же перевести беседу на другие темы.

The friendship, which it was her great gift to command in all she met, grew steadily between those two in the little time remaining, until the event befell that marred what was promising to be the pleasantest stage of his lordship's voyage. The marplot was the mad-dog Spanish Admiral, whom they encountered on the second day out, when halfway across the Gulf of Gonaves. За короткое время дружба Арабеллы Бишоп с лордом Уэйдом углубилась и окрепла. Способность вызывать такую дружбу была величайшим даром Арабеллы. Но вскоре произошло событие, испортившее то, что обещало быть наиболее приятной частью путешествия его светлости. Это приятное путешествие сиятельного лорда и очаровательной девушки нарушил все тот же сумасшедший испанский адмирал, которого они встретили на второй день после отплытия из Сен-Никола.

The Captain of the Royal Mary was not disposed to be intimidated even when Don Miguel opened fire on him. Капитан "Ройял Мэри" был смелым моряком. Его сердце не дрогнуло даже тогда, когда дон Мигель открыл огонь.

Observing the Spaniard's plentiful seaboard towering high above the water and offering him so splendid a mark, the Englishman was moved to scorn. Высокий борт испанского корабля отчетливо возвышался над водой и представлял такую чудесную цель, что английский капитан решил достойно встретить нежданного противника.

If this Don who flew the banner of Castile wanted a fight, the Royal Mary was just the ship to oblige him. Если командир этого корабля, плававшего под вымпелом Испании, лез на рожон - ну что же, капитан "Ройял Мэри" мог удовлетворить его желание.

It may be that he was justified of his gallant confidence, and that he would that day have put an end to the wild career of Don Miguel de Espinosa, but that a lucky shot from the Milagrosa got among some powder stored in his forecandle, and blew up half his ship almost before the fight had started. Вполне возможно, что в этот день разбойничья карьера дона Мигеля де Эспиноса могла бы бесславно окончиться, если бы удачный выстрел с "Милагросы" не взорвал пороха, сложенного на баке "Ройял Мэри". От этого взрыва половина английского корабля взлетела на воздух еще до начала боя.

How the powder came there will never now be known, and the gallant Captain himself did not survive to enquire into it. Как этот порох очутился на баке - никто никогда не узнает: храбрый капитан не пережил своего корабля и, следовательно, не смог произвести надлежащего расследования.

Before the men of the Royal Mary had recovered from their consternation, their captain killed and a third of their number destroyed with him, the ship yawing and rocking helplessly in a crippled state, the Spaniards boarded her. В одно мгновение "Ройял Мэри" была изуродована, потеряла управление и беспомощно закачалась на воде, а ее капитан и часть команды погибли. И прежде чем оставшиеся в живых английские моряки могли прийти в себя, испанцы уже взяли корабль на абордаж.

In the Captain's cabin under the poop, to which Miss Bishop had been conducted for safety, Lord Julian was seeking to comfort and encourage her, with assurances that all would yet be well, at the very moment when Don Miguel was stepping aboard. Когда дон Мигель как победитель вступил на борт "Ройял Мэри", Арабелла Бишоп была в капитанской каюте, а лорд Джулиан пытался успокоить и ободрить ее заверениями, что все окончится благополучно.

Lord Julian himself was none so steady, and his face was undoubtedly pale. Сам Джулиан Уэйд чувствовал себя не очень спокойно, а лицо его было несколько бледнее обычного.

Not that he was by any means a coward. Нельзя, конечно, сказать, что он принадлежал к числу трусов.

But this cooped-up fighting on an unknown element in a thing of wood that might at any moment founder under his feet into the depths of ocean was disturbing to one who could be brave enough ashore. Но мысль о рукопашном бое неведомо с кем в качающейся деревянной посудине, которая в любую минуту могла погрузиться в морскую пучину, была весьма неприятной для человека, довольно храброго на суше.

Fortunately Miss Bishop did not appear to be in desperate need of the poor comfort he was in case to offer. К счастью, мисс Бишоп не нуждалась в том слабом утешении, которое мог ей предложить лорд Уэйд.

Certainly she, too, was pale, and her hazel eyes may have looked a little larger than usual. Конечно, она тоже слегка побледнела, ее карие глаза стали немного большими, нежели обычно.

But she had herself well in hand. Half sitting, half leaning on the Captain's table, she preserved her courage sufficiently to seek to calm the octroon waiting-woman who was grovelling at her feet in a state of terror. Но девушка хорошо владела собой и, склонившись над капитанским столом, сохраняла в себе достаточно самообладания, чтобы успокаивать свою перепуганную мулатку-горничную, ползавшую у ее ног.

And then the cabin-door flew open, and Don Miguel himself, tall, sunburned, and aquiline of face, strode in. Дверь распахнулась, и в каюту вошел дон Мигель, высокий, загорелый, с орлиным носом.

Lord Julian span round, to face him, and clapped a hand to his sword. Лорд Джулиан быстро повернулся к нему, положив руку на эфес шпаги.

The Spaniard was brisk and to the point. Однако испанец, не тратя слов, перешел к делу.

"Don't be a fool," he said in his own tongue, "or you'll come by a fool's end. - Не будьте идиотом! - сказал он резко.

Your ship is sinking." - Ваш корабль тонет.

There were three or four men in morions behind Don Miguel, and Lord Julian realized the position. За доном Мигелем стояли несколько человек в шлемах, и лорд Джулиан мгновенно оценил обстановку.

He released his hilt, and a couple of feet or so of steel slid softly back into the scabbard. Он выпустил эфес шпаги, и клинок мягко скользнул в ножны.

But Don Miguel smiled, with a flash of white teeth behind his grizzled beard, and held out his hand. Дон Мигель улыбнулся, сверкнув белыми зубами, и протянул к шпаге руку.

"If you please," he said. - С вашего разрешения, - сказал он.

Lord Julian hesitated. His eyes strayed to Miss Bishop's. Лорд Джулиан заколебался и взглянул на Арабеллу.

"I think you had better," said that composed young lady, whereupon with a shrug his lordship made the required surrender. - Я думаю, что так будет лучше, - сказала она с полным самообладанием. Его светлость передернул плечами и отдал свою шпагу.

"Come you - all of you - aboard my ship," Don Miguel invited them, and strode out. - А сейчас идите на мой корабль, - сказал им дон Мигель и вышел из каюты.

They went, of course. Никто и не подумал отклонить это приглашение, высказанное в повелительной форме.

For one thing the Spaniard had force to compel them; for another a ship which he announced to be sinking offered them little inducement to remain. Во-первых, испанец обладал силой, чтобы заставить их; во-вторых, было бессмысленно оставаться на тонущем корабле.

They stayed no longer than was necessary to enable Miss Bishop to collect some spare articles of dress and my lord to snatch up his valise. Они задержались здесь еще на несколько минут только для того, чтобы Арабелла успела собрать коекакие вещи, а лорд Уэйд - схватить свой саквояж с документами.

As for the survivors in that ghastly shambles that had been the Royal Mary, they were abandoned by the Spaniards to their own resources. Моряки, уцелевшие на изуродованных остатках того, что недавно называлось "Ройял Мэри", были предоставлены самим себе.

Let them take to the boats, and if those did not suffice them, let them swim or drown. Они могли спастись на шлюпках; ну, а если шлюпок не хватало, то у них оставалась возможность держаться на воде, цепляясь за какой-нибудь обломок мачты, или же просто утонуть без долгих мучений.

If Lord Julian and Miss Bishop were retained, it was because Don Miguel perceived their obvious value. Если лорда Уэйда и Арабеллу Бишоп взяли на испанский корабль,

то это объяснялось тем, что их явная ценность была слишком очевидной для дона Мигеля.

He received them in his cabin with great urbanity. Urbanely he desired to have the honour of being acquainted with their names. Он вежливо принял их в своей большой каюте и церемонно предложил оказать ему честь, сообщив свои фамилии.

Lord Julian, sick with horror of the spectacle he had just witnessed, commanded himself with difficulty to supply them. Лорд Джулиан, еще находившийся под влиянием только что пережитого ужаса, с трудом заставил себя назвать свое имя.

Then haughtily he demanded to know in his turn the name of their aggressor. Но тут же, в свою очередь, потребовал, чтобы ему сказали, кто именно напал на "Ройял Мэри" и захватил подданных английского короля.

He was in an exceedingly ill temper. Уэйд был очень раздражен и зол на самого себя и на все окружающее.

He realized that if he had done nothing positively discreditable in the unusual and difficult position into which Fate had thrust him, at least he had done nothing creditable. Он сознавал, что не сделал ничего компрометирующего в столь необычном и трудном положении, в какое поставила его судьба, но и ничем положительным он также не мог похвастаться.

This might have mattered less but that the spectator of his indifferent performance was a lady. Все это, в общем, не имело бы существенного значения, если бы свидетелем его посредственного поведения не была дама.

He was determined if possible to do better now. Он был полон решимости при первом же удобном случае исправить ее впечатление о себе.

"I am Don Miguel de Espinosa," he was answered. "Admiral of the Navies of the Catholic King." - Я дон Мигель де Эспиноса, - прозвучал насмешливый ответ, - адмирал военно-морского флота короля Испании.

Lord Julian gasped. Лорд Джулиан оцепенел от изумления.

If Spain made such a hubbub about the depredations of a runagate adventurer like Captain Blood, what could not England answer now? Если Испания подняла такой шум из-за разбоев ренегата-авантюриста капитана Блада, то что же теперь могла говорить Англия?

"Will you tell me, then, why you behave like a damned pirate?" he asked. - Тогда ответьте мне, почему вы ведете себя, как проклятый пират? - спросил он.

And added: "I hope you realize what will be the consequences, and the strict account to which you shall be brought for this day's work, for the blood you have murderously shed, and for your violence to this lady and to myself." А затем добавил: - Я надеюсь, вам понятно, каковы будут последствия сегодняшнего дня и как строго с вас спросят за кровь, бессмысленно пролитую вами, и за ваше насилие над этой леди и мною?

"I offer you no violence," said the Admiral, smiling, as only the man who holds the trumps can smile. - Я не совершал над вами никакого насилия, - ответил адмирал, ухмыляясь, как может ухмыляться человек, у которого на руках все козыри.

"On the contrary, I have saved your lives..." - Наоборот, я спас вам жизнь...

"Saved our lives!" - Спасли нам жизнь!

Lord Julian was momentarily speechless before such callous impudence. - Лорд Джулиан на мгновение даже лишился языка от такой наглости.

"And what of the lives you have destroyed in wanton butchery? - А что вы скажете о погубленных вами жизнях?

By God, man, they shall cost you dear." Клянусь богом, они дорого вам обойдутся!

Don Miguel's smile persisted. Дон Мигель продолжал улыбаться.

"It is possible. - Возможно, - сказал он.

All things are possible. - Все возможно.

Meantime it is your own lives that will cost you dear. Но это будет потом. А пока вам дорого обойдутся ваши собственные жизни.

Colonel Bishop is a rich man; and you, milord, are no doubt also rich. Полковник Бишоп - человек с большим состоянием. Вы, милорд, несомненно, также богаты.

I will consider and fix your ransom." Я подумаю над этим и определю сумму вашего выкупа.

"So that you're just the damned murderous pirate I was supposing you," stormed his lordship. - Вы все-таки проклятый, кровожадный пират, как я и предполагал! - вспыхнул Уэйд.

"And you have the impudence to call yourself the Admiral of the Navies of the Catholic King? - И у вас есть еще наглость называть себя адмиралом флота короля Испании!

We shall see what your Catholic King will have to say to it." Посмотрим, что скажет ваш король по этому поводу.

The Admiral ceased to smile. He revealed something of the rage that had eaten into his brain. Адмирал сразу же нахмурился, и сквозь напускную любезность прорвалось сдерживаемое до сих пор бешенство.

"You do not understand," he said. "It is that I treat you English heretic dogs just as you English heretic dogs have treated Spaniards upon the seas - you robbers and thieves out of hell! - Я поступаю с английскими еретиками-собаками так, как они поступают с испанцами! - заорал он.- Вы грабители, воры, исчадия ада!

I have the honesty to do it in my own name - but you, you perfidious beasts, you send your Captain Bloods, your Hagthorpes, and your Morgans against us and disclaim responsibility for what they do. У меня хватает честности действовать от своего собственного имени, а вы... вы, вероломные скоты, натравливаете на нас ваших морганов, бладов и хагторпов, снимая с себя ответственность за все их бесчинства!

Like Pilate, you wash your hands." Вы умываете руки, как и Пилат.

He laughed savagely. - Он злобно засмеялся.

"Let Spain play the part of Pilate. - А сейчас Испания сыграет роль Пилата.

Let her disclaim responsibility for me, when your ambassador at the Escorial shall go whining to the Supreme Council of this act of piracy by Don Miguel de Espinosa." Пусть она снимет с себя ответственность и свалит ее на меня, когда ваш посол явится

в Эскуриал жаловаться на пиратские действия дона Мигеля де Эспиноса.

"Captain Blood and the rest are not admirals of England!" cried Lord Julian. - Капитан Блад - не английский адмирал! - воскликнул лорд Джулиан.

"Are they not? How do I know? - А откуда я знаю, что это не ложь?

How does Spain know? Как это может быть известно Испании?

Are you not liars all, you English heretics?" Разве вы способны говорить правду, английские еретики?

"Sir!" Lord Julian's voice was harsh as a rasp, his eyes flashed. - Сэр! - негодуяще вскричал лорд Джулиан, и глаза его заблестели.

Instinctively he swung a hand to the place where his sword habitually hung. Then he shrugged and sneered: По привычке он схватился рукой за то место, где обычно висела его шпага, затем пожал плечами и насмешливо улыбнулся.

"Of course," said he, "it sorts with all I have heard of Spanish honour and all that I have seen of yours that you should insult a man who is unarmed and your prisoner." - Конечно, - сказал он спокойно, - вы можете безнаказанно оскорблять безоружного человека, вашего пленника. Это так соответствует и вашему поведению и всему, что я слышал об испанской чести.

The Admiral's face flamed scarlet. Лицо адмирала побагровело.

He half raised his hand to strike. And then, restrained, perhaps, by the very words that had cloaked the retorting insult, he turned on his heel abruptly and went out without answering. Он уже почти поднял руку, чтобы ударить Уэйда, но сдержал свой гнев - возможно, под влиянием только что сказанных слов, - резко повернулся и ушел, ничего не ответив.

Chapter XIX THE MEETING Глава XIX. ВСТРЕЧА

As the door slammed after the departing Admiral, Lord Julian turned to Arabella, and actually smiled. Адмирал ушел, хлопнув дверью. Лорд Джулиан повернулся к Арабелле, пытаясь улыбнуться.

He felt that he was doing better, and gathered from it an almost childish satisfaction - childish in all the circumstances. Он чувствовал, что неплохо держал себя в ее присутствии, и от этого испытывал почти детское удовлетворение.

"Decidedly I think I had the last word there," he said, with a toss of his golden ringlets. - Вы все же согласитесь со мной, что последнее слово сказал я! - самодовольно заметил он, потрянув своими золотистыми локонами.

Miss Bishop, seated at the cabin-table, looked at him steadily, without returning his smile. Арабелла Бишоп подняла на него глаза:

"Does it matter, then, so much, having the last word? - Какая разница, кто именно сказал последнее слово?

I am thinking of those poor fellows on the Royal Mary. Я думаю об этих несчастных с "Ройял Мэри".

Many of them have had their last word, indeed. Многие из них действительно уже сказали свое последнее слово.

And for what? А за что они погибли?

A fine ship sunk, a score of lives lost, thrice that number now in jeopardy, and all for what?" За что потоплен прекрасный корабль?

"You are overwrought, ma'am. - Вы очень взволнованы, мисс Бишоп.

I..." Я...

"Overwrought!" - Взволнована?!

She uttered a single sharp note of laughter. - Она принужденно засмеялась.

"I assure you I am calm. - Уверяю вас, сэра, я спокойна.

I am asking you a question, Lord Julian. Why has this Spaniard done all this? Мне просто хочется знать, зачем испанец сделал все это?

To what purpose?" Для чего?

"You heard him." - Вы же слышали, что он говорил!

Lord Julian shrugged angrily. "Blood-lust," he explained shortly. - Уэйд сердито пожал плечами, затем коротко добавил: - Кровожадность.

"Blood-lust?" she asked. She was amazed. - Кровожадность? - спросила она в изумлении.

"Does such a thing exist, then? It is insane, monstrous." - Но это же дико, чудовищно!

"Fiendish," his lordship agreed. "Devil's work." - Да, вы правы, - согласился лорд Джулиан.

"I don't understand. - Я не понимаю этого.

At Bridgetown three years ago there was a Spanish raid, and things were done that should have been impossible to men, horrible, revolting things which strain belief, which seem, when I think of them now, like the illusions of some evil dream. Три года назад испанцы напали на Бриджтаун. Они вели себя так бесчеловечно и жестоко, что этому трудно даже поверить. И когда я сейчас вспоминаю об этом, мне кажется, что я видела кошмарный сон.

Are men just beasts?" Неужели люди такие скоты?

"Men?" said Lord Julian, staring. - Люди? - удивленно переспросил лорд Джулиан.

"Say Spaniards, and I'll agree." - Скажите - испанцы, и я тут же соглашусь с вами.

He was an Englishman speaking of hereditary foes. And yet there was a measure of truth in what he said. "This is the Spanish way in the New World. Faith, almost it justifies such men as Blood of what they do." Клянусь честью, все это может почти оправдать поступки людей, подобных Бладу!

She shivered, as if cold, and setting her elbows on the table, she took her chin in her hands, and sat staring before her. Она вздрогнула, словно от озноба, а затем, поставив локти на стол и опершись подбородком на ладони, уставилась перед собой.

Observing her, his lordship noticed how drawn and white her face had grown.

Наблюдая за девушкой, лорд Джулиан видел, что она осунулась и побледнела.

There was reason enough for that, and for worse. Причин для этого было достаточно.

Not any other woman of his acquaintance would have preserved her self-control in such an ordeal; and of fear, at least, at no time had Miss Bishop shown any sign. Но ни одна женщина из числа его знакомых не сохранила бы столько самообладания в таком тяжелом испытании. Если же говорить о страхе, то за все время она не проявила и малейшего признака его.

It is impossible that he did not find her admirable. Уэйд восхищался ее мужеством.

A Spanish steward entered bearing a silver chocolate service and a box of Peruvian candies, which he placed on the table before the lady. В каюту вошел слуга-испанец с чашкой шоколада и коробкой перуанских сладостей на серебряном подносе, который он поставил на стол перед Арабеллой.

"With the Admiral's homage," he said, then bowed, and withdrew. - Адмирал просит вас откушать, - сказал он и, поклонившись, вышел.

Miss Bishop took no heed of him or his offering, but continued to stare before her, lost in thought. Арабелла Бишоп, погруженная в свои думы, не обратила внимания ни на слугу, ни на то, что он принес. Она продолжала сидеть, глядя прямо перед собой.

Lord Julian took a turn in the long low cabin, which was lighted by a skylight above and great square windows astern. Лорд Джулиан прошелся по длинной и узкой каюте, свет в которую падал сквозь люк в потолке и большие квадратные окна, выходящие на корму.

It was luxuriously appointed: there were rich Eastern rugs on the floor, well-filled bookcases stood against the bulkheads, and there was a carved walnut sideboard laden with silverware. Каюта была богато обставлена: на полу - роскошные восточные ковры, у стен - книжные шкафы, а резной буфет из орехового дерева ломился от серебра.

On a long, low chest standing under the middle stern port lay a guitar that was gay with ribbons. Под одним из окон на длинном низком сундуке лежала гитара, украшенная лентами.

Lord Julian picked it up, twanged the strings once as if moved by nervous irritation, and put it down. Лорд Джулиан взял гитару, нервно пробежал пальцами по струнам и положил инструмент обратно на сундук. В каюте воцарилась тишина, но ее вскоре нарушил Уэйд.

He turned again to face Miss Bishop. Обернувшись к Арабелле, он сказал:

"I came out here," he said, "to put down piracy. - Меня прислали сюда уничтожить пиратство.

But - blister me! - I begin to think that the French are right in desiring piracy to continue as a curb upon these Spanish scoundrels." Но, черт возьми, простите меня, мисс, я склоняюсь к мысли, что французы правы, желая сохранить его как меру для обуздания этих испанских мерзавцев...

He was to be strongly confirmed in that opinion before many hours were past. Прошло совсем немного времени, прежде чем эта резкая характеристика получила веское подтверждение.

Meanwhile their treatment at the hands of Don Miguel was considerate and courteous.

Но пока дон Мигель относился к своим пленникам достаточно внимательно и вежливо.

It confirmed the opinion, contemptuously expressed to his lordship by Miss Bishop, that since they were to be held to ransom they need not fear any violence or hurt. Это лишь соответствовало предположению, презрительно высказанному Арабеллой, что, поскольку их держат для получения выкупа, у них нет оснований опасаться за свою жизнь.

A cabin was placed at the disposal of the lady and her terrified woman, and another at Lord Julian's. Арабелле и ее служанке-мулатке была предоставлена отдельная каюта, в другой каюте поместили лорда Джулиана.

They were given the freedom of the ship, and bidden to dine at the Admiral's table; nor were his further intentions regarding them mentioned, nor yet his immediate destination. Они могли свободно ходить по кораблю, и адмирал пригласил их обедать вместе с ним. Однако о своих дальнейших намерениях он продолжал хранить молчание.

The Milagrosa, with her consort the Hidalga rolling after her, steered a south by westerly course, then veered to the southeast round Cape Tiburon, and thereafter, standing well out to sea, with the land no more than a cloudy outline to larboard, she headed directly east, and so ran straight into the arms of Captain Blood, who was making for the Windward Passage, as we know. "Милагроса" в сопровождении "Гильдальго", неотступно следовавшего за ней, двигалась в западном направлении, а затем, обойдя мыс Тибурон, свернула на юго-запад. Выйдя в открытое море, откуда земля казалась едва приметным облачком на горизонте, "Милагроса" направилась на восток и попала прямо в объятия капитана Блада, который, как нам уже известно, шел к Наветренному проливу.

That happened early on the following morning. Это событие произошло ранним утром следующего дня.

After having systematically hunted his enemy in vain for a year, Don Miguel chanced upon him in this unexpected and entirely fortuitous fashion. Тщетные поиски своего врага, которыми дон Мигель занимался на протяжении целого года, закончились неожиданной встречей.

But that is the ironic way of Fortune. Таковы странные дороги судьбы.

It was also the way of Fortune that Don Miguel should thus come upon the Arabella at a time when, separated from the rest of the fleet, she was alone and at a disadvantage. Но ирония судьбы состояла еще и в том, что дон Мигель встретил "Арабеллу" в тот самый момент, когда она, оторвавшись от своей эскадры, находилась в явно невыгодном положении.

It looked to Don Miguel as if the luck which so long had been on Blood's side had at last veered in his own favour. И дону Мигелю показалось, что фортуна, так долго сопутствовавшая Бладу, теперь наконец отвернулась от него.

Miss Bishop, newly risen, had come out to take the air on the quarter-deck with his lordship in attendance - as you would expect of so gallant a gentleman - when she beheld the big red ship that had once been the Cinco Llagas out of Cadiz. Арабелла только что встала и вышла на шканцы подышать свежим воздухом. Ее сопровождал галантный джентльмен - лорд Джулиан. И тут они увидели большой красный корабль, некогда носивший имя "Синко Льягас".

The vessel was bearing down upon them, her mountains of snowy canvas bellying forward, the long pennon with the cross of St. George fluttering from her main truck in the morning breeze, the gilded portholes in her red hull and the gilded beak-head aflash in the morning sun. Наклонив вперед громаду белоснежных парусов,

корабль шел им навстречу. На грот-мачте его трепетал развеваемый утренним бризом длинный вымпел с изображением креста святого Георга. Золоченые края портов[65] в красных бортах корабля и позолоченная деревянная скульптура на носу ярко сверкали в лучах восходящего солнца.

Miss Bishop was not to recognize this for that same Cinco Llagas which she had seen once before - on a tragic day in Barbados three years ago. Арабелла Бишоп не могла, конечно, распознать в этом огромном корабле тот самый "Синко Льягас", который она видела однажды в такой же яркий тропический день три года назад у острова Барбадос.

To her it was just a great ship that was heading resolutely, majestically, towards them, and an Englishman to judge by the pennon she was flying. Судя по флагу, это был английский корабль, величаво направлявшийся к ним.

The sight thrilled her curiously; it awoke in her an uplifting sense of pride that took no account of the danger to herself in the encounter that must now be inevitable. При виде его у нее пробудилось чувство гордости за свою страну, и она даже не подумала о той опасности, какая могла ей угрожать, если между кораблями завяжется бой.

Beside her on the poop, whither they had climbed to obtain a better view, and equally arrested and at gaze, stood Lord Julian. Арабелла и лорд Джулиан взбежали на полуют. Захваченные открывшимся перед ними зрелищем, они всматривались в приближавшийся корабль.

But he shared none of her exultation. He had been in his first sea-fight yesterday, and he felt that the experience would suffice him for a very considerable time. Лорд Джулиан, однако, не разделял радости Арабеллы, так как, побывав вчера в своем первом морском сражении, чувствовал, что этих впечатлений ему хватит надолго.

This, I insist, is no reflection upon his courage. Но я снова вынужден подчеркнуть, что этим фактом никак не хочу бросить тень на его светлость.

"Look," said Miss Bishop, pointing; and to his infinite amazement he observed that her eyes were sparkling. - Взгляните! - воскликнула она, указывая рукой на корабль. И лорд Джулиан, к своему величайшему удивлению, заметил, что глаза ее заблестели.

Did she realize, he wondered, what was afoot? "Понимает ли она, что сейчас произойдет?" - подумал он.

Her next sentence resolved his doubt. Но Арабелла тут же рассеяла его сомнения, закричав:

"She is English, and she comes resolutely on. - Это английский корабль! Он идет к нам!

She means to fight." Его капитан намерен драться.

"God help her, then," said his lordship gloomily. "Her captain must be mad. - Помоги ему бог в таком случае, - уныло пробормотал лорд, - но он, должно быть, не в своем уме.

What can he hope to do against two such heavy hulks as these? Идти в бой против таких сильных кораблей, как эти?!

If they could so easily blow the Royal Mary out of the water, what will they do to this vessel? Если им удалось так легко потопить "Ройял Мэри", то во что они превратят этот корабль?

Look at that devil Don Miguel. Посмотрите на этого дьявола, дона Мигеля!

He's utterly disgusting in his glee." В своем злорадстве он просто отвратителен.

From the quarter-deck, where he moved amid the frenzy of preparation, the Admiral had turned to flash a backward glance at his prisoners. His eyes were alight, his face transfigured. He flung out an arm to point to the advancing ship, and bawled something in Spanish that was lost to them in the noise of the labouring crew.

Адмирал шнырял взад и вперед по шканцам, где лихорадочно готовились к бою. Заметив пленников, он махнул рукой, указав на английский корабль, и возбужденно прокричал по-испански какие-то слова, смысл которых заглушил шум на палубе.

They advanced to the poop-rail, and watched the bustle. Они подошли к перилам полюта и стали наблюдать за суматохой.

Telescope in hand on the quarter-deck, Don Miguel was issuing his orders. Дон Мигель, подпрыгивая от нетерпения, распоряжался на шканцах, размахивая подзорной трубой.

Already the gunners were kindling their matches; sailors were aloft, taking in sail; others were spreading a stout rope net above the waist, as a protection against falling spars. Его канониры раздували фитили; часть моряков, бегая по вантам, спешно убрали паруса, другие натягивали над шкафутом прочную веревочную сеть для защиты от падающих обломков рангоута.

And meanwhile Don Miguel had been signalling to his consort, in response to which the Hidalgo had drawn steadily forward until she was now abeam of the Milagrosa, half cable's length to starboard, and from the height of the tall poop my lord and Miss Bishop could see her own bustle of preparation. And they could discern signs of it now aboard the advancing English ship as well. She was furling tops and mainsail, stripping in fact to mizzen and sprit for the coming action. Между тем "Гидальго" по сигналу "Милагросы" уверенно выдвинулся вперед и, поравнявшись с "Милагросой", находился справа от нее примерно на расстоянии полукабельтова. С высокого полюта лорд Джулиан и Арабелла Бишоп видели суматоху на "Гидальго" и могли также заметить, что и на борту английского корабля, приближавшегося к ним, готовились к предстоящему бою: на корабле убрались все паруса, за исключением парусов на бизань-мачте и бушприте.

Thus, almost silently without challenge or exchange of signals, had action been mutually determined. Не сговариваясь друг с другом, без вызова или обмена сигналами между собой, оба противника будто заранее решили, что сражение неизбежно.

Of necessity now, under diminished sail, the advance of the Arabella was slower; but it was none the less steady. She was already within saker shot, and they could make out the figures stirring on her forecastle and the brass guns gleaming on her prow. Убрав паруса, "Арабелла" несколько замедлила ход, но все же продолжала идти на сближение и уже находилась в пределах досягаемости мелких пушек с испанских кораблей. Испанцы ясно видели фигуры людей на баке и блеск медных пушек.

The gunners of the Milagrosa raised their linstocks and blew upon their smouldering matches, looking up impatiently at the Admiral. Подняв пальники, канониры "Милагросы" начали раздувать тлеющие фитили, нетерпеливо посматривая на адмирала.

But the Admiral solemnly shook his head. Однако адмирал отрицательно покачал головой.

"Patience," he exhorted them. - Терпение! - закричал он.

"Save your fire until we have him. - Стреляйте только наверняка.

He is coming straight to his doom - straight to the yardarm and the rope that have been so long waiting for him." Он идет прямо к своей гибели - прямо на нок-рею и к веревке, которая давно уж его ожидает!

"Stab me!" said his lordship. - Порази меня бог! - воскликнул лорд Джулиан.

"This Englishman may be gallant enough to accept battle against such odds. - Этот англичанин, должно быть, храбрец, если вступает в бой с такими неравными силами.

But there are times when discretion is a better quality than gallantry in a commander." Однако осторожность иногда является лучшим качеством, чем храбрость.

"Gallantry will often win through, even against overwhelming strength," said Miss Bishop. - Но храбрость чаще сокрушает силу, - возразила Арабелла.

He looked at her, and noted in her bearing only excitement. Of fear he could still discern no trace. Взглянув на нее, его светлость заметил в лице девушки только возбуждение, но ни малейшего признака страха.

His lordship was past amazement. Лорд Джулиан уже больше не изумлялся.

She was not by any means the kind of woman to which life had accustomed him. Да, она не принадлежала к числу тех женщин, с которыми его сталкивала жизнь.

"Presently," he said, "you will suffer me to place you under cover." - А сейчас, - сказал он, - я вынужден проводить вас в безопасное место.

"I can see best from here," she answered him. And added quietly: "I am praying for this Englishman. - Отсюда мне лучше видно, - ответила она и тихо добавила: - Я молюсь за этого англичанина.

He must be very brave." Он и вправду очень смел!

Under his breath Lord Julian damned the fellow's bravery. Лорд Джулиан мысленно проклял смелость безвестного соотечественника.

The Arabella was advancing now along a course which, if continued, must carry her straight between the two Spanish ships. "Арабелла" шла сейчас курсом, линия которого пролегла как раз между двумя испанскими кораблями.

My lord pointed it out. Лорд Джулиан схватился за голову и воскликнул:

"He's crazy surely!" he cried. - Ну конечно, ваш смельчак сумасшедший!

"He's driving straight into a death-trap. Сам лезет в западню.

He'll be crushed to splinters between the two. Когда он будет проходить между испанскими кораблями, они разнесут его в щепки.

No wonder that black-faced Don is holding his fire. Неудивительно, что этот черномазый дон не стреляет.

In his place, I should do the same." На его месте я поступил бы точно так же.

But even at that moment the Admiral raised his hand; in the waist, below him, a trumpet blared, and immediately the gunner on the prow touched off his guns. В это мгновение адмирал поднял руку. Внизу на шкафуте проиграла труба, и вслед за этим канонир на баке выстрелил из своих пушек.

As the thunder of them rolled out, his lordship saw ahead beyond the English ship and to larboard of her two heavy splashes. И как только прокатился их грохот, лорд Джулиан увидел позади английского корабля и неподалеку от левого его борта два больших всплеска.

Almost at once two successive spurts of flame leapt from the brass cannon on the Arabella's beak-head, and scarcely had the watchers on the poop seen the shower of spray, where one of the shots struck the water near them, then with a rending crash and a shiver that shook the Milagrosa from stem to stern, the other came to lodge in her fore-castle. Почти одновременно из медных пушек на носу "Арабеллы" вырвались две вспышки огня. Одно из ядер упало в воду, обдав брызгами дозорных на корме, а второе ядро с грохотом ударилось в носовую часть "Милагросы", сотрясло весь корабль и разлетелось мелкими осколками.

To avenge that blow, the Hidalgo blazed at the Englishman with both her forward guns. But even at that short range - between two and three hundred yards - neither shot took effect. В ответ "Гидальго" выстрелил по "Арабелле" из своих носовых пушек, но и на таком близком расстоянии - всего каких-нибудь двести - триста ярдов - ни одно ядро не попало в цель.

At a hundred yards the Arabella's forward guns, which had meanwhile been reloaded, fired again at the Milagrosa, and this time smashed her bowsprit into splinters; so that for a moment she yawed wildly to port. И тут как раз носовые пушки "Арабеллы" дали залп по "Милагресе". На этот раз ядра превратили ее бушприт в обломки, и, теряя управление, она уклонилась влево.

Don Miguel swore profanely, and then, as the helm was put over to swing her back to her course, his own prow replied. Дон Мигель грубо выругался. Едва лишь корабль испанского адмирала резким поворотом руля был возвращен на свой прежний курс, в бой вновь вступили передние пушки "Милагросы".

But the aim was too high, and whilst one of the shots tore through the Arabella's shrouds and scarred her mainmast, the other again went wide. Но прицел был взят слишком высоко: одно из ядер пролетело сквозь ванты "Арабеллы", оцарапав ее гротмачту, а второе ядро упало в воду.

And when the smoke of that discharge had lifted, the English ship was found almost between the Spaniards, her bows in line with theirs and coming steadily on into what his lordship deemed a death-trap. Когда дым от выстрелов рассеялся, выяснилось, что английский корабль, идя тем же курсом, который, по мнению лорда Джулиана, должен был привести его в западню, находился уже почти между двумя испанскими кораблями.

Lord Julian held his breath, and Miss Bishop gasped, clutching the rail before her. Лорд Джулиан замер, Арабелла Бишоп ухватила за поручни и задышала часто-часто.

She had a glimpse of the wickedly grinning face of Don Miguel, and the grinning faces of the men at the guns in the waist. Перед ней промелькнули злая физиономия дона Мигеля и ухмыляющиеся лица канониров, стоявших у пушек.

At last the Arabella was right between the Spanish ships prow to poop and poop to prow. Наконец "Арабелла" полностью оказалась между испанскими кораблями.

Don Miguel spoke to the trumpeter, who had mounted the quarter-deck and stood now at the Admiral's elbow. Дон Мигель прокричал что-то трубачу, который, забравшись на ют, стоял подле адмирала.

The man raised the silver bugle that was to give the signal for the broadsides of

both ships. Трубач поднес к губам серебряный горн, чтобы дать сигнал стрелять из бортовых пушек.

But even as he placed it to his lips, the Admiral seized his arm, to arrest him. Но едва он успел поднести к губам трубу, как адмирал схватил его за руку.

Only then had he perceived what was so obvious - or should have been to an experienced sea-fighter: he had delayed too long and Captain Blood had outmanoeuvred him. Только сейчас он сообразил, что слишком долго медлил и что капитан Блад воспользовался этой медлительностью.

In attempting to fire now upon the Englishman, the Milagrosa and her consort would also be firing into each other. Попытка стрелять в "Арабеллу" привела бы к тому, что "Милагроса" и "Гидальго" обстреливали бы друг друга.

Too late he ordered his helmsman to put the tiller hard over and swing the ship to larboard, as a preliminary to manoeuvring for a less impossible position of attack. Дон Мигель приказал рулевым резко повернуть корабль влево, чтобы занять более удобную позицию. Но и это приказание запоздало.

At that very moment the Arabella seemed to explode as she swept by. Eighteen guns from each of her flanks emptied themselves at that point-blank range into the hulls of the two Spanish vessels. "Арабелла", проходя между испанскими кораблями, как будто взорвалась: из всех ее тридцати шести бортовых пушек одновременно раздался залп в упор по корпусам "Милагросы" и "Гидальго".

Half stunned by that reverberating thunder, and thrown off her balance by the sudden lurch of the ship under her feet, Miss Bishop hurtled violently against Lord Julian, who kept his feet only by clutching the rail on which he had been leaning. Корабль дона Мигеля вздрогнул от носа до кормы и от киля до верхушки грот-мачты. Оглушенная и потерявшая равновесие Арабелла Бишоп упала бы, если бы не его светлость, оказавший пассивную, но реальную помощь. Лорд Джулиан успел вцепиться в поручни, а девушка ухватилась за его плечи и благодаря этому держалась на ногах.

Billowing clouds of smoke to starboard blotted out everything, and its acrid odour, taking them presently in the throat, set them gasping and coughing. Палуба покрылась клубами едкого дыма, от которого все на испанском корабле начали задыхаться и кашлять.

From the grim confusion and turmoil in the waist below arose a clamour of fierce Spanish blasphemies and the screams of maimed men. На палубу доносились со шкафута крики отчаяния, крепкая испанская ругань и стоны раненых.

The Milagrosa staggered slowly ahead, a gaping rent in her bulwarks; her foremast was shattered, fragments of the yards hanging in the netting spread below. Покачиваясь на волнах, "Милагроса" медленно двигалась вперед; в ее борту зияли огромные дыры, фокмачта была разбита, а в натянутой над палубой сетке чернели обломки рей.

Her beak-head was in splinters, and a shot had smashed through into the great cabin, reducing it to wreckage. Нос корабля был изуродован: одно из ядер разорвалось внутри огромной носовой каюты, превратив ее в щепы.

Don Miguel was bawling orders wildly, and peering ever and anon through the curtain of smoke that was drifting slowly astern, in his anxiety to ascertain how it might have fared with the Hidalga. Дон Мигель лихорадочно выкрикивал какие-то распоряжения, тревожно вглядываясь в густую пелену порохового дыма, медленно ползущего к корме. Он пытался определить, что происходит с "Гидальго".

Suddenly, and ghostly at first through that lifting haze, loomed the outline of a ship; gradually the lines of her red hull became more and more sharply defined as she swept nearer with poles all bare save for the spread of canvas on her sprit. В рассеивающейся дымке показались неясные очертания корабля. По мере его приближения контуры красного корпуса стали вырисовываться отчетливее. Это был корабль капитана Блада. Его мачты были обнажены. Только на бушприте смутно белел парус.

Instead of holding to her course as Don Miguel had expected she would, the Arabella had gone about under cover of the smoke, and sailing now in the same direction as the Milagrosa, was converging sharply upon her across the wind, so sharply that almost before the frenzied Don Miguel had realized the situation, his vessel staggered under the rending impact with which the other came hurtling alongside. There was a rattle and clank of metal as a dozen grapnels fell, and tore and caught in the timbers of the Milagrosa, and the Spaniard was firmly gripped in the tentacles of the English ship. Дон Мигель был уверен, что "Арабелла" будет следовать своим прежним курсом, но вместо этого она под прикрытием пушечного дыма сделала поворот оверштаг и двинулась обратно, быстро сближаясь с "Милагросой". И прежде чем взбешенный дон Мигель мог что-либо сообразить, послышался треск ломающегося дерева и лязг абордажных крючьев, будто железные щупальца вцепились в борта и в палубу "Милагросы".

Beyond her and now well astern the veil of smoke was rent at last and the Hidalgo was revealed in desperate case. Пелена дыма наконец разорвалась, и адмирал увидел, что "Гидальго", накренившись на левый борт, быстро идет ко дну.

She was bilging fast, with an ominous list to larboard, and it could be no more than a question of moments before she settled down. До полного его погружения в морскую пучину оставались считанные секунды.

The attention of her hands was being entirely given to a desperate endeavour to launch the boats in time. Команда в отчаянии пыталась спустить на воду шлюпки.

Of this Don Miguel's anguished eyes had no more than a fleeting but comprehensive glimpse before his own decks were invaded by a wild, yelling swarm of boarders from the grappling ship. Потрясенный этим зрелищем, дон Мигель не успел перевести быстрый взгляд с "Гидальго" на "Милагросу", как на ее палубу с ревом ринулись вооруженные пираты капитана Блада.

Never was confidence so quickly changed into despair, never was hunter more swiftly converted into helpless prey. Никогда еще уверенность столь быстро не сменялась отчаянием, никогда еще охотник не превращался так быстро в беспомощную дичь.

For helpless the Spaniards were. А испанцы оказались именно в таком положении.

The swiftly executed boarding manoeuvre had caught them almost unawares in the moment of confusion following the punishing broadside they had sustained at such short range. Мгновенно проведенный абордаж, последовавший за мощным бортовым залпом "Арабеллы", захватил их врасплох.

For a moment there was a valiant effort by some of Don Miguel's officers to rally the men for a stand against these invaders. Немногие из офицеров дона Мигеля мужественно пытались дать отпор атакующим.

But the Spaniards, never at their best in close-quarter fighting, were here demoralized by knowledge of the enemies with whom they had to deal. Но испанцы, никогда не отличавшиеся завидной храбростью в рукопашном бою, сейчас растерялись еще более, так как знали, с каким страшным противником им нужно было драться.

Their hastily formed ranks were smashed before they could be steadied; driven

across the waist to the break of the poop on the one side, and up to the fore-castle bulkheads on the other, the fighting resolved itself into a series of skirmishes between groups. And whilst this was doing above, another horde of buccaneers swarmed through the hatch to the main deck below to overpower the gun-crews at their stations there. Под натиском корсаров испанские моряки отступали со шкафута на корму и на нос корабля, а пока этот молниеносный бой свирепствовал на верхней палубе, группа корсаров прорвалась через главный люк на нижнюю палубу и захватила канониров, стоявших около своих пушек.

On the quarter deck, towards which an overwhelming wave of buccaneers was sweeping, led by a one-eyed giant, who was naked to the waist, stood Don Miguel, numbed by despair and rage. Большая часть пиратов под командованием одноглазого, обнаженного до пояса верзилы Волверстона устремилась на ют, где, окаменев от отчаяния и бешенства, стоял дон Мигель де Эспиноса-и-Вальдес, адмирал Испании.

Above and behind him on the poop, Lord Julian and Miss Bishop looked on, his lordship aghast at the fury of this cooped-up fighting, the lady's brave calm conquered at last by horror so that she reeled there sick and faint. Чуть повыше его, на полуюте, находились лорд Джулиан и Арабелла Бишоп. Уэйд был в ужасе от этой жестокой схватки, кипевшей на ограниченной площадке палубы. Арабелла старалась держаться спокойно и невозмутимо, но, не выдержав кровавого кошмара, с ужасом отпрянула от перил и на несколько мгновений потеряла сознание.

Soon, however, the rage of that brief fight was spent. Недолгий, но ожесточенный бой кончился.

They saw the banner of Castile come fluttering down from the masthead. A buccaneer had slashed the halyard with his cutlass. Какойто корсар своей абордажной саблей перерубил фал, и флаг Испании соскользнул с верхушки мачты.

The boarders were in possession, and on the upper deck groups of disarmed Spaniards stood huddled now like herded sheep. Пираты сейчас же овладели всем кораблем, и обезоруженные испанцы, как стадо баранов, толпились на верхней палубе.

Suddenly Miss Bishop recovered from her nausea, to lean forward staring wild-eyed, whilst if possible her cheeks turned yet a deadlier hue than they had been already. Арабелла Бишоп быстро пришла в себя и, широко открыв глаза, едва удержалась, чтобы не броситься вперед.

Picking his way daintily through that shambles in the waist came a tall man with a deeply tanned face that was shaded by a Spanish headpiece. Но усилием воли она остановилась, и лицо ее покрылось мертвенной бледностью. Осторожно пробираясь среди трупов и обломков, по палубе шел легкой и непринужденной походкой высокий человек с загорелым лицом.

He was armed in back-and-breast of black steel beautifully damascened with golden arabesques. На голове его сверкал испанский шлем, а кираса из вороненой стали была богато украшена золотыми арабесками.

Over this, like a stole, he wore a sling of scarlet silk, from each end of which hung a silver-mounted pistol. На концах перевязи из пурпурного шелка, надетой поверх кирасы наподобие шарфа, свисали пистолеты с рукоятками, оправленными в серебро.

Up the broad companion to the quarter-deck he came, toying with easy assurance, until he stood before the Spanish Admiral. Then he bowed stiff and formally. Спокойно и уверенно поднявшись по широкому трапу на ют, он остановился перед испанским адмиралом и отвесил ему церемонный поклон.

A crisp, metallic voice, speaking perfect Spanish, reached those two spectators on the poop, and increased the admiring wonder in which Lord Julian had observed the man's approach. До Арабеллы и лорда Уэйда, стоявших на полуяте, донесся звонкий, отчетливый голос человека, говорившего на прекрасном испанском языке. И его слова лишь усилили восхищение, с которым лорд Джулиан давно уже наблюдал за этим человеком.

"We meet again at last, Don Miguel," it said. - Наконец-то мы встретились снова, дон Мигель, - произнес высокий человек.

"I hope you are satisfied. Although the meeting may not be exactly as you pictured it, at least it has been very ardently sought and desired by you." - Лыщу себя надеждой, что вы удовлетворены, хотя, быть может, встреча происходит не так, как представлялась она вашему воображению. Но, как мне известно, вы страстно желали и добивались ее.

Speechless, livid of face, his mouth distorted and his breathing laboured, Don Miguel de Espinosa received the irony of that man to whom he attributed his ruin and more beside. Потеряв дар речи, с лицом, искаженным от злобы, дон Мигель де Эспиноса выслушал ироническое приветствие человека, которого он считал виновником всех своих несчастий.

Then he uttered an inarticulate cry of rage, and his hand swept to his sword. But even as his fingers closed upon the hilt, the other's closed upon his wrist to arrest the action. Издав нечленораздельный вопль бешенства, адмирал хотел схватиться за шпагу, но не успел сделать это, так как его противник быстро сжал его руку своими железными пальцами.

"Calm, Don Miguel!" he was quietly but firmly enjoined. - Спокойно, дон Мигель! - сказал он твердым голосом.

"Do not recklessly invite the ugly extremes such as you would, yourself, have practised had the situation been reversed." - Не вызывайте своим безрассудством тех жестокостей, которые допустили бы ваши люди, окажись вы победителем.

A moment they stood looking into each other's eyes. Несколько секунд они стояли молча, не сводя глаз друг с друга.

"What do you intend by me?" the Spaniard enquired at last, his voice hoarse. - Что вы намерены со мной делать? - спросил наконец испанец хриплым голосом.

Captain Blood shrugged. The firm lips smiled a little. Капитан Блад пожал плечами, и его твердо сжатые губы тронула слабая улыбка.

"All that I intend has been already accomplished. - Мои намерения уже осуществлены.

And lest it increase your rancour, I beg you to observe that you have brought it entirely upon yourself. Я не хочу причинять вам еще большие огорчения, в которых повинны вы сами.

You would have it so." Вы сами добивались встречи со мной.

He turned and pointed to the boats, which his men were heaving from the boom amidships. "Your boats are being launched. You are at liberty to embark in them with your men before we scuttle this ship. - Он повернулся и, указывая на шлюпки, которые корсары спускали с талей, сказал: - Вы и ваши люди можете взять эти шлюпки, а мы сейчас пустим этот корабль ко дну.

Yonder are the shores of Hispaniola. You should make them safely. Вот - берега

острова Гаити, вы доберетесь туда без особых затруднений.

And if you'll take my advice, sir, you'll not hunt me again. И заодно примите мой совет, сударь: не гоняйтесь за мной.

I think I am unlucky to you. Думаю, что я приношу вам только несчастье.

Get you home to Spain, Don Miguel, and to concerns that you understand better than this trade of the sea." Уезжайте домой, в Испанию, дон Мигель, и займитесь там чем-нибудь, что вы знаете лучше, нежели морское дело.

For a long moment the defeated Admiral continued to stare his hatred in silence, then, still without speaking, he went down the companion, staggering like a drunken man, his useless rapier clattering behind him. Победенный адмирал молча и с ненавистью глядел на Блада, а затем, шатаясь, как пьяный, спустился по трапу, волоча за собой побрякивавшую шпагу.

His conqueror, who had not even troubled to disarm him, watched him go, then turned and faced those two immediately above him on the poop. Победитель, даже не потрудившись обезоружить адмирала, повернулся к нему спиной и увидел на юте Уэйда с Арабеллой.

Lord Julian might have observed, had he been less taken up with other things, that the fellow seemed suddenly to stiffen, and that he turned pale under his deep tan. Если бы мысли лорда Джулиана не были заняты чем-то другим, он мог бы заметить, как сразу же изменилась походка этого смельчака, как еще больше потемнело его лицо.

A moment he stood at gaze; then suddenly and swiftly he came up the steps. На секунду он задержался, пристально рассматривая своих соотечественников, потом быстро взбежал по трапу.

Lord Julian stood forward to meet him. Лорд Джулиан сделал шаг вперед, чтобы встретить неизвестного капитана пиратского корабля под английским флагом.

"Ye don't mean, sir, that you'll let that Spanish scoundrel go free?" he cried. - Неужели вы, сэр, отпустите на свободу этого испанского мерзавца? - воскликнул он по-английски.

The gentleman in the black corselet appeared to become aware of his lordship for the first time. Джентльмен в вороненой кирасе, кажется, только сейчас заметил его светлость.

"And who the devil may you be?" he asked, with a marked Irish accent. "And what business may it be of yours, at all?" - А какое вам дело и кто вы такой, черт возьми? - спросил он с заметным ирландским акцентом.

His lordship conceived that the fellow's truculence and utter lack of proper deference must be corrected. Его светлость решил, что невежливость этого человека и отсутствие должного почтения к нему должны быть немедленно исправлены.

"I am Lord Julian Wade," he announced, with that object. Apparently the announcement made no impression. - Я лорд Джулиан Уэйд! - гордо отчеканил он.

"Are you, indeed! - Да что вы говорите?! Настоящий лорд?"

Then perhaps ye'll explain what the plague you're doing aboard this ship?" И вы, быть может, объясните мне, какая чума занесла вас на испанский корабль? Что вы тут делаете?

Lord Julian controlled himself to afford the desired explanation. He did so shortly and impatiently. Лорд Джулиан едва удержался, чтобы не вспылить. Вспыльчивость однако была ни к чему, и он стал объяснять, что к испанцу они попали не по своей вине.

"He took you prisoner, did he - along with Miss Bishop there?" - Он взял вас в плен, не так ли? И вместе с вами мисс Бишоп?

"You are acquainted with Miss Bishop?" cried his lordship, passing from surprise to surprise. - Вы знакомы с мисс Бишоп? - с удивлением воскликнул лорд Уэйд.

But this mannerless fellow had stepped past him, and was making a leg to the lady, who on her side remained unresponsive and forbidding to the point of scorn. Однако невежливый капитан, не обращая внимания на слова лорда, низко склонился перед Арабеллой. К удивлению лорда, она не только не ответила на его галантный поклон, но всем своим видом выразила презрение.

Observing this, he turned to answer Lord Julian's question. Тогда капитан повернулся к лорду Джулиану и с запозданием ответил на его вопрос.

"I had that honour once," said he. "But it seems that Miss Bishop has a shorter memory." - Когда-то я имел такую честь, - сказал он хмуро, -но, оказывается, у мисс Бишоп очень короткая память.

His lips were twisted into a wry smile, and there was pain in the blue eyes that gleamed so vividly under his black brows, pain blending with the mockery of his voice. Его губы исказила кривая улыбка, а в синих глазах под черными бровями появилось выражение мучительной боли, и все это так странно сочеталось с иронией, прозвучавшей в его ответе.

But of all this it was the mockery alone that was perceived by Miss Bishop; she resented it. Но Арабелла Бишоп, заметив только эту иронию, вспыхнула от негодования.

"I do not number thieves and pirates among my acquaintance, Captain Blood," said she; whereupon his lordship exploded in excitement. - Среди моих знакомых нет воров и пиратов, капитан Блад! - отрезала она, а его светлость чуть не подскочил от неожиданности.

"Captain Blood!" he cried. - Капитан Блад! - воскликнул он.

"Are you Captain Blood?" - Вы капитан Блад?

"What else were ye supposing?" - Ну, а кто же еще, по вашему мнению?

Blood asked the question wearily, his mind on other things. Блад задал свой вопрос устало, занятый совсем другими мыслями.

"I do not number thieves and pirates among my acquaintance." "Среди моих знакомых нет воров и пиратов..."

The cruel phrase filled his brain, reechoing and reverberating there. "Эта жестокая фраза многократным эхом отдавалась в его мозгу.

But Lord Julian would not be denied. Но лорд Джулиан не мог допустить, чтобы на него не обращали внимания.

He caught him by the sleeve with one hand, whilst with the other he pointed after the retreating, dejected figure of Don Miguel. Одной рукой он схватил Блада за

рукав, а другой указал на удалявшуюся фигуру дона Мигеля:

"Do I understand that ye're not going to hang that Spanish scoundrel?" - Капитан Блад, вы в самом деле не собираетесь повесить этого мерзавца?

"What for should I be hanging him?" - Почему я должен его повесить?

"Because he's just a damned pirate, as I can prove, as I have proved already." - Потому что он презренный пират, и я могу это доказать.

"Ah!" said Blood, and Lord Julian marvelled at the sudden haggardness of a countenance that had been so devil-may-care but a few moments since. - Да? - сказал Блад, и лорд Джулиан удивился, как быстро поблекло лицо и погасли глаза капитана Блада.

"I am a damned pirate, myself; and so I am merciful with my kind. - Я сам тоже презренный пират и поэтому снисходителен к людям моего сорта.

Don Miguel goes free." Пусть дон Мигель гуляет на свободе.

Lord Julian gasped. Лорд Джулиан задыхался от возмущения:

"After what I've told you that he has done? - И это после того, что он сделал?

After his sinking of the Royal Mary? После того, как он потопил "Ройял Мэри"?

After his treatment of me - of us?" Lord Julian protested indignantly. После того, как он так жестоко обращался со мной... с нами? - негодуя протестовал лорд Джулиан.

"I am not in the service of England, or of any nation, sir. - Я не состою на службе Англии или какой-либо другой страны, сэра.

And I am not concerned with any wrongs her flag may suffer." И меня совсем не волнуют оскорбления, наносимые ее флагу.

His lordship recoiled before the furious glance that blazed at him out of Blood's haggard face. Его светлость даже отшатнулся от того свирепого взгляда, которым обжег его капитан Блад.

But the passion faded as swiftly as it had arisen. It was in a level voice that the Captain added: Но гнев ирландца угас так же быстро, как и вспыхнул, и он уже спокойно добавил:

"If you'll escort Miss Bishop aboard my ship, I shall be obliged to you. - Буду признателен, если вы проводите мисс Бишоп на мой корабль.

I beg that you'll make haste. We are about to scuttle this hulk." Прошу поторопиться - эту посудину мы сейчас потопим.

He turned slowly to depart. But again Lord Julian interposed. Containing his indignant amazement, his lordship delivered himself coldly. Он медленно повернулся, чтобы уйти, но лорд Джулиан задержал его и, сдерживая свое возмущение, холодно произнес:

"Captain Blood, you disappoint me. - Капитан Блад, вы окончательно разочаровали меня.

I had hopes of great things for you." Я надеялся, что вы сделаете блестящую

карьеру!

"Go to the devil," said Captain Blood, turning on his heel, and so departed. - Убирайтесь к дьяволу! - бросил капитан Блад и, повернувшись на каблуках, ушел.

Chapter XX Глава XX

THIEF AND PIRATE "ВОР И ПИРАТ"

Captain Blood paced the poop of his ship alone in the tepid dusk, and the growing golden radiance of the great poop lantern in which a seaman had just lighted the three lamps. На полуоте, под золотистым сиянием огромного кормового фонаря, где ярко горели три лампы, расхаживал в одиночестве капитан Блад.

About him all was peace. На корабле царила тишина.

The signs of the day's battle had been effaced, the decks had been swabbed, and order was restored above and below. Обе палубы, тщательно вымытые швабрами, блистали чистотой. Никаких следов боя уже нельзя было найти.

A group of men squatting about the main hatch were drowsily chanting, their hardened natures softened, perhaps, by the calm and beauty of the night. Группа моряков, рассевшись на корточках вокруг главного люка, сонно напевала какую-то мирную песенку. Спокойствие и красота тропической ночи смягчили сердца этих грубых людей -вахтенных левого борта.

They were the men of the larboard watch, waiting for eight bells which was imminent. Они ожидали, что вот-вот пробьет восемь склянок.

Captain Blood did not hear them; he did not hear anything save the echo of those cruel words which had dubbed him thief and pirate. Капитан Блад не слышал песни; он вообще ничего не слышал, кроме эха жестоких слов, заклеивших его.

Thief and pirate! Вор и пират!

It is an odd fact of human nature that a man may for years possess the knowledge that a certain thing must be of a certain fashion, and yet be shocked to discover through his own senses that the fact is in perfect harmony with his beliefs. Одна из странных особенностей человеческой природы состоит в том, что человек, имеющий твердое представление о некоторых вещах, все же приходит в ужас, когда непосредственно убеждается, что его представление соответствует действительности.

When first, three years ago, at Tortuga he had been urged upon the adventurer's course which he had followed ever since, he had known in what opinion Arabella Bishop must hold him if he succumbed. Когда три года назад, на острове Тортуга, Блада уговаривали встать на путь искателя приключений, он еще тогда знал, какого мнения будет о нем Арабелла Бишоп.

Only the conviction that already she was for ever lost to him, by introducing a certain desperate recklessness into his soul had supplied the final impulse to drive him upon his rover's course. Только твердая уверенность в том, что она для него потеряна навсегда, ожесточила его душу, и, окончательно отчаявшись, он избрал этот путь.

That he should ever meet her again had not entered his calculations, had found no place in his dreams. Блад не допускал даже мысли, что когда-либо встретит Арабеллу, решив, что они разлучены навсегда.

They were, he conceived, irrevocably and for ever parted. Постоянные думы об этом

были источником его мучений.

Yet, in spite of this, in spite even of the persuasion that to her this reflection that was his torment could bring no regrets, he had kept the thought of her ever before him in all those wild years of filibustering. И все же, несмотря на его глубокое убеждение в том, что эти мучения не могли бы вызвать у нее даже легкой жалости, он все эти бурные годы носил в своем сердце ее милый образ.

He had used it as a curb not only upon himself, but also upon those who followed him. Мысль о ней помогала ему сдерживать не только себя, но и тех, кто за ним шел.

Never had buccaneers been so rigidly held in hand, never had they been so firmly restrained, never so debarred from the excesses of rapine and lust that were usual in their kind as those who sailed with Captain Blood. Никогда еще за всю историю корсарства пираты не подчинялись такой жесткой дисциплине и никогда еще ими не управляла такая железная рука, никогда еще так решительно не пресекались обычные грабежи и насилия, как это было среди пиратов, плававших с капитаном Бладом.

It was, you will remember, stipulated in their articles that in these as in other matters they must submit to the commands of their leader. Как вы помните, в соглашениях, которые он заключал, предусматривалось, что во всех вопросах они обязаны были беспрекословно повиноваться своему капитану.

And because of the singular good fortune which had attended his leadership, he had been able to impose that stern condition of a discipline unknown before among buccaneers. И поскольку счастье всегда ему сопутствовало, он и сумел ввести среди корсаров невиданную дотоле дисциплину.

How would not these men laugh at him now if he were to tell them that this he had done out of respect for a slip of a girl of whom he had fallen romantically enamoured? Как смеялись бы над ним его пираты, если бы он сказал им, что все это делалось им из уважения к девушке, в которую он так сентиментально был влюблен!

How would not that laughter swell if he added that this girl had that day informed him that she did not number thieves and pirates among her acquaintance. Как злорадствовали бы они, если б узнали, что эта девушка презрительно бросила ему в лицо: "Среди моих знакомых нет воров и пиратов"!

Thief and pirate! Вор и пират!

How the words clung, how they stung and burnt his brain! Какими едкими были эти слова, как они жгли его!

It did not occur to him, being no psychologist, nor learned in the tortuous workings of the feminine mind, that the fact that she should bestow upon him those epithets in the very moment and circumstance of their meeting was in itself curious. Совершенно не разбираясь в сложных переживаниях женской души, он даже и не подумал о том, почему она встретила его такими оскорблениями. Почему она была так раздражена?

He did not perceive the problem thus presented; therefore he could not probe it. Он не мог разобраться, да и не хотел разбираться в этих естественных вопросах.

Else he might have concluded that if in a moment in which by delivering her from captivity he deserved her gratitude, yet she expressed herself in bitterness, it must be because that bitterness was anterior to the gratitude and deep-seated. Иначе ему пришлось бы сделать вывод, что если вместо заслуженной им благодарности за освобождение ее из плена она выразила презрение, то это произошло потому, что она сама была чем-то оскорблена и что оскорбление предшествовало благодарности и

было связано с его именем.

She had been moved to it by hearing of the course he had taken. Why? It was what he did not ask himself, or some ray of light might have come to brighten his dark, his utterly evil despondency. Surely she would never have been so moved had she not cared - had she not felt that in what he did there was a personal wrong to herself. Surely, he might have reasoned, nothing short of this could have moved her to such a degree of bitterness and scorn as that which she had displayed. Если бы он подумал обо всем этом, то светлый луч надежды мог бы озарить его мрачное и зловещее отчаяние, он мог, наконец, понять, что только сильная обида, нанесенная девушке, или даже горе, причиной которого был он сам, могли вызвать такое презрение.

That is how you will reason. Так рассуждали бы вы.

Not so, however, reasoned Captain Blood. Но не так рассуждал капитан Блад.

Indeed, that night he reasoned not at all. Более того: в эту ночь он вообще не рассуждал.

His soul was given up to conflict between the almost sacred love he had borne her in all these years and the evil passion which she had now awakened in him. В его душе боролись два чувства: святая любовь, которую он в продолжение всех этих лет питал к ней, и жгучая ненависть, которая была сейчас в нем разбужена.

Extremes touch, and in touching may for a space become confused, indistinguishable. Крайности сходятся и часто сливаются так, что их трудно различить.

And the extremes of love and hate were to-night so confused in the soul of Captain Blood that in their fusion they made up a monstrous passion. И сегодня вечером любовь и ненависть переплелись в его душе, превратившись в единую чудовищную страсть.

Thief and pirate! Вор и пират!

That was what she deemed him, without qualification, oblivious of the deep wrongs he had suffered, the desperate case in which he found himself after his escape from Barbados, and all the rest that had gone to make him what he was. Вот кем она считала его без всяких оговорок, забыв о том, что он был осужден жестоко и несправедливо. Она ничего не знала об отчаянном положении, в каком очутился он после бегства с острова Барбадос, и не считалась с обстоятельствами, превратившими его в пирата.

That he should have conducted his filibustering with hands as clean as were possible to a man engaged in such undertakings had also not occurred to her as a charitable thought with which to mitigate her judgment of a man she had once esteemed. She had no charity for him, no mercy. То, что он, будучи пиратом, поступал не как пират, а как джентльмен, также не трогало ее, и она не нашла у себя в сердце никакого сострадания.

She had summed him up, convicted him and sentenced him in that one phrase. Всего лишь двумя словами Арабелла вынесла ему окончательный приговор.

He was thief and pirate in her eyes; nothing more, nothing less. What, then, was she? What are those who have no charity? he asked the stars. Well, as she had shaped him hitherto, so let her shape him now. Thief and pirate she had branded him. She should be justified. В ее глазах он был только вор и пират. Ну что ж!

Thief and pirate should he prove henceforth; no more nor less; as bowelless, as remorseless, as all those others who had deserved those names. Если она назвала его

вором и пиратом, то он и будет теперь вором и пиратом; будет таким же беспощадным и жестоким, как все пираты.

He would cast out the maudlin ideals by which he had sought to steer a course; put an end to this idiotic struggle to make the best of two worlds. Он прекратит эту идиотскую борьбу с самим собой, он не желает больше оставаться в двух мирах одновременно - быть пиратом и джентльменом.

She had shown him clearly to which world he belonged. Она ясно указала ему, к какому миру он принадлежит.

Let him now justify her. И сейчас она получит доказательства, что была права.

She was aboard his ship, in his power, and he desired her. Она у него на корабле, она в его власти, и он сделает с ней все, что ему вздумается.

He laughed softly, jeeringly, as he leaned on the taffrail, looking down at the phosphorescent gleam in the ship's wake, and his own laughter startled him by its evil note. Блад издевательски засмеялся.

He checked suddenly, and shivered. A sob broke from him to end that ribald burst of mirth. Но тут же он оборвал свой смех, и из его горла вырвалось нечто похожее на рыдание.

He took his face in his hands and found a chill moisture on his brow. Схватившись за голову, Блад обнаружил на лбу холодные капли пота.

Meanwhile, Lord Julian, who knew the feminine part of humanity rather better than Captain Blood, was engaged in solving the curious problem that had so completely escaped the buccaneer. Лорд Джулиан, знавший женскую половину рода человеческого несколько лучше капитана Блада, был занят в эту же ночь решением странной загадки, которую не мог разрешить и корсар.

He was spurred to it, I suspect, by certain vague stirrings of jealousy. Я подозреваю, что это занятие его светлости было вызвано смутным чувством ревности.

Miss Bishop's conduct in the perils through which they had come had brought him at last to perceive that a woman may lack the simpering graces of cultured femininity and yet because of that lack be the more admirable. Поведение Арабеллы Бишоп в тех испытаниях, которым они подверглись, заставило его наконец понять, что девушка даже без врожденной грации и женственности все же может быть еще более привлекательной.

He wondered what precisely might have been her earlier relations with Captain Blood, and was conscious of a certain uneasiness which urged him now to probe the matter. Его очень заинтересовали прежние отношения Арабеллы с капитаном Бладом, и он чувствовал некоторое стеснение в груди и беспокойство, толкавшее его сейчас быстрее разобраться в этом вопросе.

His lordship's pale, dreamy eyes had, as I have said, a habit of observing things, and his wits were tolerably acute. Бесцветные, сонные глаза его светлости отличались умением замечать вещи, ускользавшие от внимания других людей, а ум у него, как я уже упоминал, был довольно острым.

He was blaming himself now for not having observed certain things before, or, at least, for not having studied them more closely, and he was busily connecting them with more recent observations made that very day. Лорд Уэйд проклинал себя за то, что до сих пор не замечал многого или, по крайней мере, не присматривался ко всему более внимательно. Сейчас же он старался сопоставить все, что замечал раньше, с более свежими наблюдениями, сделанными им в этот самый день.

He had observed, for instance, that Blood's ship was named the Arabella, and he knew that Arabella was Miss Bishop's name. Он, например, заметил, что корабль Блада носит имя мисс Бишоп, и это, несомненно, было неспроста.

And he had observed all the odd particulars of the meeting of Captain Blood and Miss Bishop, and the curious change that meeting had wrought in each. Он заметил также странные детали встречи капитана Блада с Арабеллой и те перемены, которые произошли с каждым из них после этой встречи.

The lady had been monstrously uncivil to the Captain. Почему она была так оскорбительно груба с капитаном?

It was a very foolish attitude for a lady in her circumstances to adopt towards a man in Blood's; and his lordship could not imagine Miss Bishop as normally foolish. Вести себя так по отношению к человеку, который ее спас, было очень глупо, а его светлость не считал Арабеллу глупой.

Yet, in spite of her rudeness, in spite of the fact that she was the niece of a man whom Blood must regard as his enemy, Miss Bishop and his lordship had been shown the utmost consideration aboard the Captain's ship. И все же, несмотря на ее грубость, несмотря на то что она была племянницей злейшего врага Блада, к ней и к лорду Джулиану все относились исключительно внимательно.

A cabin had been placed at the disposal of each, to which their scanty remaining belongings and Miss Bishop's woman had been duly transferred. They were given the freedom of the great cabin, and they had sat down to table with Pitt, the master, and Wolverstone, who was Blood's lieutenant, both of whom had shown them the utmost courtesy. Каждому из них была дана отдельная каюта и предоставлена возможность свободно передвигаться по всему кораблю; обедали они за одним столом со шкипером Питтом и лейтенантом Волверстоном, которые относились к ним с подчеркнутой вежливостью.

Also there was the fact that Blood, himself, had kept almost studiously from intruding upon them. И вместе с тем было ясно, что сам Блад тщательно уклонялся от встречи с ними.

His lordship's mind went swiftly but carefully down these avenues of thought, observing and connecting. Лорд Джулиан, продолжая свои наблюдения, связывал воедино разрозненные факты, внимательно перебирая в уме все наблюдения, какими он располагал.

Having exhausted them, he decided to seek additional information from Miss Bishop. Не придя к определенному выводу, он решил получить дополнительные сведения у Арабеллы Бишоп за обеденным столом.

For this he must wait until Pitt and Wolverstone should have withdrawn. Для этого нужно было подождать, пока уйдут Питт и Волверстон.

He was hardly made to wait so long, for as Pitt rose from table to follow Wolverstone, who had already departed, Miss Bishop detained him with a question: Уэйду не пришлось долго ждать дополнительных сведений. Едва лишь Питт поднялся из-за стола и направился вслед за ушедшим Волверстоном, как Арабелла Бишоп остановила его вопросом.

"Mr. Pitt," she asked, "were you not one of those who escaped from Barbados with Captain Blood?" - Мистер Питт, - спросила она, - не были ли вы среди тех, кто бежал с Барбадоса вместе с капитаном Бладом?

"I was. - Да, мисс.

I, too, was one of your uncle's slaves." Я тоже был одним из рабов вашего дяди.

"And you have been with Captain Blood ever since?" - А потом вы все время плавали вместе с капитаном Бладом?

"His shipmaster always, ma'am." - Да, мисс, я его бессменный штурман.

She nodded. Арабелла кивнула головой.

She was very calm and self-contained; but his lordship observed that she was unusually pale, though considering what she had that day undergone this afforded no matter for wonder. Она говорила очень сдержанно, но его светлость все же обратил внимание на ее необычную бледность, хотя в этом не было ничего удивительного, если учесть все то, что ей пришлось недавно пережить.

"Did you ever sail with a Frenchman named Cahusac?" - Плавали ли вы когда-либо с французом, по имени Каузак?

"Cahusac?" - Каузак?

Pitt laughed. The name evoked a ridiculous memory. - Питт засмеялся, так как это имя вызвало у него в памяти курьезные воспоминания.

"Aye. He was with us at Maracaibo." - Да, он был с нами в Маракайбо.

"And another Frenchman named Levasseur?" His lordship marvelled at her memory of these names. - А другой француз, по имени Левасер? -допытывалась она, и лорд Джулиан удивился, как она могла запомнить все эти имена.

"Aye. Cahusac was Levasseur's lieutenant, until he died." - Да, Каузак был лейтенантом на корабле Левасера, пока он не умер.

"Until who died?" - Пока кто не умер?

"Levasseur. - Да этот Левасер.

He was killed on one of the Virgin Islands two years ago." Он был убит года два назад на одном из Виргинских островов.

There was a pause. Then, in an even quieter voice than before, Miss Bishop asked: Наступило короткое молчание, а затем Арабелла Бишоп еще более спокойным голосом спросила:

"Who killed him?" - А кто его убил?

Pitt answered readily. There was no reason why he should not, though he began to find the catechism intriguing. Питт охотно, поскольку не видел необходимости скрывать правду, продолжал отвечать, заинтригованный таким градом вопросов:

"Captain Blood killed him." - Его убил капитан Блад.

"Why?" - За что?

Pitt hesitated. It was not a tale for a maid's ears. Питт замялся, полагая, что история о гнусностях Левасера не для девичьих ушей.

"They quarrelled," he said shortly. - Они поссорились, - коротко ответил он.

"Was it about a... a lady?" Miss Bishop relentlessly pursued him. - Эта ссора произошла... из-за женщины? - неумолимо продолжала Арабелла.

"You might put it that way." - Можно сказать, что так...

"What was the lady's name?" - А как звали эту женщину?

Pitt's eyebrows went up; still he answered. Питт удивленно поднял брови, но все же ответил:

"Miss d'Ogeron. She was the daughter of the Governor of Tortuga. - Мисс д'Ожерон, дочь губернатора Тортуги.

She had gone off with this fellow Levasseur, and... and Peter delivered her out of his dirty clutches. Она бежала с этим Левасером... и... Блад вырвал ее из его грязных лап.

He was a black-hearted scoundrel, and deserved what Peter gave him." Левасер был очень скверный человек, мисс, и, поверьте мне, он получил от Питера Блада по заслугам.

"I see. - Понимаю.

And... and yet Captain Blood has not married her?" И... все же капитан Блад не женился на ней.

"Not yet," laughed Pitt, who knew the utter groundlessness of the common gossip in Tortuga which pronounced Mdlle. d'Ogeron the Captain's future wife. - Пока нет, - засмеялся Питт, зная полную беспочвенность тортугских сплетен, в которых мадемуазель д'Ожерон называлась будущей женой его капитана.

Miss Bishop nodded in silence, and Jeremy Pitt turned to depart, relieved that the catechism was ended. He paused in the doorway to impart a piece of information. Арабелла Бишоп молча кивнула головой, и Джереми Питт, обрадованный, что допрос наконец кончился, повернулся и хотел было уйти. Но, не желая так заканчивать этот странный разговор, скорее похожий на допрос, он остановился в дверях и поделился с гостями новостью:

"Maybe it'll comfort you to know that the Captain has altered our course for your benefit. - Может быть, вам будет приятно узнать, что капитан изменил для вас курс корабля.

It's his intention to put you both ashore on the coast of Jamaica, as near Port Royal as we dare venture. Он намерен высадить вас на Ямайке, как можно ближе к ПортРойялу.

We've gone about, and if this wind holds ye'll soon be home again, mistress." Мы уже сделали поворот, и, если ветер удержится, вы скоро будете дома.

"Vastly obliging of him," drawled his lordship, seeing that Miss Bishop made no shift to answer. - Мы очень признательны капитану... - протянул его светлость, заметив, что Арабелла не намеревается отвечать.

Sombre-eyed she sat, staring into vacancy. Она сидела нахмурившись, печально глядя перед собой.

"Indeed, ye may say so," Pitt agreed. - Да... вы можете быть ему признательны, - кивнул Питт.

"He's taking risks that few would take in his place. - Капитан очень рискует. Вряд ли кто согласился бы так рисковать на его месте.

But that's always been his way." Но он уж всегда такой...

He went out, leaving his lordship pensive, those dreamy blue eyes of his intently studying Miss Bishop's face for all their dreaminess; his mind increasingly uneasy. Питт вышел, оставив лорда Джулиана в задумчивости. Его светлость с возрастающим беспокойством продолжал тщательно изучать лицо Арабеллы, хотя бесцветные глаза его сохраняли все то же сонливое выражение.

At length Miss Bishop looked at him, and spoke. Наконец Арабелла перевела на него взгляд и сказала:

"Your Cahusac told you no more than the truth, it seems." - Ваш Каузак, по-видимому, говорил правду.

"I perceived that you were testing it," said his lordship. "I am wondering precisely why." - Я заметил, что вы это проверяли, - сказал лорд Джулиан, - и ломаю себе голову, к чему вам это знать.

Receiving no answer, he continued to observe her silently, his long, tapering fingers toying with a ringlet of the golden periwig in which his long face was set. Не получив ответа, он стал молча наблюдать за ней, перебирая пальцами локоны золотистого парика, обрамлявшие его длинное лицо.

Miss Bishop sat bemused, her brows knit, her brooding glance seeming to study the fine Spanish point that edged the tablecloth. Арабелла в задумчивости сидела у стола и, казалось, очень внимательно рассматривала чудесные испанские кружева, которыми была обшита скатерть.

At last his lordship broke the silence. Лорд Джулиан прервал молчание.

"He amazes me, this man," said he, in his slow, languid voice that never seemed to change its level. - Этот человек поражает меня, - медленно произнес он вялым голосом.

"That he should alter his course for us is in itself matter for wonder; but that he should take a risk on our behalf - that he should venture into Jamaica waters... It amazes me, as I have said." - Изменить свой курс для нас?.. Удивительно! Но еще удивительней то, что изза нас он подвергается большой опасности, решаясь войти в воды, омывающие Ямайку... Нет, этот человек просто поражает меня!

Miss Bishop raised her eyes, and looked at him. She appeared to be very thoughtful. Арабелла Бишоп рассеянно взглянула на него.

Then her lip flickered curiously, almost scornfully, it seemed to him. Затем ее губы как-то странно, почти с презрением, вздрогнули.

Her slender fingers drummed the table. Своими пальчиками она начала что-то выстукивать по столу.

"What is still more amazing is that he does not hold us to ransom," said she at last. - Меня гораздо больше поражает иное, - сказала она. - То, что он не считает нас людьми, за которых можно взять хороший выкуп.

"It's what you deserve." - Хотя это то, чего вы заслуживаете.

"Oh, and why, if you please?" - Да? А почему?

"For speaking to him as you did." - Потому что вы оскорбили его.

"I usually call things by their names." - Я привыкла называть вещи их собственными именами.

"Do you? Stab me! Тут лорд Джулиан взорвался: - Вы привыкли?

I shouldn't boast of it. Но я, чтоб мне лопнуть, не хвастался бы этим!

It argues either extreme youth or extreme foolishness." His lordship, you see, belonged to my Lord Sunderland's school of philosophy. Это свидетельствует либо о крайней молодости, либо о крайней глупости.

He added after a moment: "So does the display of ingratitude." - Он помолчал секунду, чтобы вернуть себе обычное хладнокровие, и добавил: - Это также и проявление неблагодарности. Неблагодарность, конечно, человеческое свойство, но проявлять ее... ребячество.

A faint colour stirred in her cheeks. "Your lordship is evidently aggrieved with me. I am disconsolate. I hope your lordship's grievance is sounder than your views of life. It is news to me that ingratitude is a fault only to be found in the young and the foolish." "I didn't say so, ma'am." There was a tartness in his tone evoked by the tartness she had used. "If you would do me the honour to listen, you would not misapprehend me. For if unlike you I do not always say precisely what I think, at least I say precisely what I wish to convey. To be ungrateful may be human; but to display it is childish." На щеках Арабеллы выступил слабый румянец.

"I... I don't think I understand." Her brows were knit. - Ваша светлость, вы огорчены моим поведением... Но я... я не понимаю вас.

"How have I been ungrateful and to whom?" К кому я проявила неблагодарность? И в чем, когда?

"To whom? To Captain Blood. - К капитану Бладу.

Didn't he come to our rescue?" Разве он не пришел и не спас нас?

"Did he?" Her manner was frigid. - Пришел? - холодно переспросила Арабелла.

"I wasn't aware that he knew of our presence aboard the Milagrosa." - Я не имела понятия о том, что он знал о нашем пребывании на "Милагросе".

His lordship permitted himself the slightest gesture of impatience. Его светлость позволил себе проявить чуть заметную нетерпеливость.

"You are probably aware that he delivered us," said he. - Как бы то ни было, а именно он освободил нас от этого испанского мерзавца, - сказал лорд Джулиан.

"And living as you have done in these savage places of the world, you can hardly fail to be aware of what is known even in England: that this fellow Blood strictly confines himself to making war upon the Spaniards. - Неужели в этой варварской части света до сих пор не заметили того, что хорошо известно даже в Англии? Ведь капитан Блад, по существу, воюет только против испанцев.

So that to call him thief and pirate as you did was to overstate the case against him at a time when it would have been more prudent to have understated it." И назвать его вором и пиратом, как это сделали вы, по меньшей мере неблагоприятно и

неосторожно.

"Prudence?" Her voice was scornful. - Неосторожно? - презрительно переспросила она.

"What have I to do with prudence?" - А какое мне дело до осторожности?

"Nothing - as I perceive. - Вижу, что никакого.

But, at least, study generosity. Но подумайте тогда хотя бы об элементарном чувстве признательности.

I tell you frankly, ma'am, that in Blood's place I should never have been so nice. Должен честно сказать вам, мисс Бишоп, что на месте Блада я не мог бы так вести себя.

Sink me! Чтоб мне утонуть!

When you consider what he has suffered at the hands of his fellow-countrymen, you may marvel with me that he should trouble to discriminate between Spanish and English. Поразмыслите, сколько мучений он претерпел от своих соотечественников, и вы, так же как и я, удивитесь, что он еще способен отличать англичан от испанцев.

To be sold into slavery! Быть проданным в рабство!

Ugh!" Бр-р-р!

His lordship shuddered. - И его светлость содрогнулся.

"And to a damned colonial planter!" He checked abruptly. - И кому? Проклятому колониальному плантатору... - Он запнулся.

"I beg your pardon, Miss Bishop. For the moment..." - Извините меня, мисс...

"You were carried away by your heat in defence of this... sea-robber." - Вы, кажется, слишком увлеклись, защищая этого... морского разбойника!

Miss Bishop's scorn was almost fierce. - Презрение Арабеллы перешло почти в озлобление.

His lordship stared at her again. Then he half-closed his large, pale eyes, and tilted his head a little. Лорд Джулиан пристально посмотрел на нее, а затем, полузакрыв свои большие бесцветные глаза и слегка наклонив голову, мягко заметил:

"I wonder why you hate him so," he said softly. - Меня интересует, за что вы его так ненавидите?

He saw the sudden scarlet flame upon her cheeks, the heavy frown that descended upon her brow. He had made her very angry, he judged. Он решил, что рассердил Арабеллу, потому что щеки ее вспыхнули, а в глазах загорелся гнев.

But there was no explosion. She recovered. Но взрыва не последовало: она тут же взяла себя в руки.

"Hate him? - Ненавижу его?

Lord! О мой бог!

What a thought! Как это могло прийти вам в голову!

I don't regard the fellow at all." Я его просто не замечаю.

"Then ye should, ma'am." - А напрасно! Вам следовало бы его заметить, мисс Бишоп!

His lordship spoke his thought frankly. - Его светлость говорил откровенно, именно то, что думал.

"He's worth regarding. - Он стоит этого.

He'd be an acquisition to the King's navy - a man that can do the things he did this morning. Человек, который может действовать так, как он действовал против этого адмирала, был бы драгоценным приобретением для нашего флота.

His service under de Ruyter wasn't wasted on him. Он не напрасно служил под командованием де Ритера.

That was a great seaman, and - blister me! - the pupil's worthy the master if I am a judge of anything. Ритер был гениальным флотоводцем, и, будь я проклят, ученик достоин своего учителя, если я вообще в чем-либо разбираюсь!

I doubt if the Royal Navy can show his equal. Сомневаюсь, чтобы в военно-морском флоте Англии кто-либо мог с ним сравниться.

To thrust himself deliberately between those two, at point-blank range, and so turn the tables on them! Подумать только! Умышленно втиснуться между двумя испанскими кораблями на расстояние прямого выстрела и таким образом заставить их поменяться ролями!

It asks courage, resource, and invention. Для этого нужны смелость, находчивость, изобретательность!

And we land-lubbers were not the only ones he tricked by his manoeuvre. Он обманул своим маневром не только меня, плохого моряка.

That Spanish Admiral never guessed the intent until it was too late and Blood held him in check. Испанский адмирал разгадал его намерения слишком поздно, когда Блад стал уже хозяином положения.

A great man, Miss Bishop. Это великий человек, мисс Бишоп!

A man worth regarding." Человек, которого стоит заметить!

Miss Bishop was moved to sarcasm. Арабелла уже не могла удержаться от сарказма:

"You should use your influence with my Lord Sunderland to have the King offer him a commission." - Тогда используйте свое влияние на лорда Сэндерленда. Пусть он посоветует королю предложить Бладу офицерское звание.

His lordship laughed softly. Лорд Джулиан с удовольствием рассмеялся:

"Faith, it's done already. - О, это уже сделано!

I have his commission in my pocket." Его офицерский патент лежит у меня в кармане.

And he increased her amazement by a brief exposition of the circumstances. - И он коротко рассказал ей о цели своей поездки сюда.

In that amazement he left her, and went in quest of Blood. Оставив ее в изумлении, лорд Уэйд отправился на поиски капитана, так и не выяснив отношения Арабеллы к

Бладу.

But he was still intrigued. If she were a little less uncompromising in her attitude towards Blood, his lordship would have been happier. Будь она к нему немножко снисходительней, его светлость чувствовал бы себя счастливее.

He found the Captain pacing the quarter-deck, a man mentally exhausted from wrestling with the Devil, although of this particular occupation his lordship could have no possible suspicion. Он нашел капитана Блада расхаживающим по квартердеку [66]. Капитан был совершенно измучен своей борьбой с дьяволом, хотя его светлость даже и не подозревал о таком занятии Блада.

With the amiable familiarity he used, Lord Julian slipped an arm through one of the Captain's, and fell into step beside him. С обычной для него фамильярностью лорд Джулиан, взяв капитана под руку, пошел рядом с ним.

"What's this?" snapped Blood, whose mood was fierce and raw. - Что вам надо? Это еще что такое? - сердито спросил Блад, у которого было отвратительное настроение.

His lordship was not disturbed. Его светлость не смутили эти слова.

"I desire, sir, that we be friends," said he suavely. - Я хотел бы, сэр, чтобы мы стали - друзьями, - вкрадчиво сказал он.

"That's mighty condescending of you!" - Весьма польщен! - отрывисто бросил Блад. - Очень снисходительно с вашей стороны.

Lord Julian ignored the obvious sarcasm. Лорд Джулиан не обратил внимания на явную иронию.

"It's an odd coincidence that we should have been brought together in this fashion, considering that I came out to the Indies especially to seek you." - Удивительно, что судьба столкнула нас. Ведь я приехал в Вест-Индию специально для того, чтобы вас увидеть.

"Ye're not by any means the first to do that," the other scoffed. - Вы не первый, кому это удастся, - насмешливо ответил Блад.

"But they've mainly been Spaniards, and they hadn't your luck." - Однако другие в основном были испанцами, и им не так везло, как вам.

"You misapprehend me completely," said Lord Julian. And on that he proceeded to explain himself and his mission. - Вы не поняли меня, - сказал лорд Джулиан, серьезно приступая к изложению цели своей миссии.

When he had done, Captain Blood, who until that moment had stood still under the spell of his astonishment, disengaged his arm from his lordship's, and stood squarely before him. Когда он закончил, капитан Блад, удивленно слушавший его, сказал:

"Ye're my guest aboard this ship," said he, "and I still have some notion of decent behaviour left me from other days, thief and pirate though I may be. - На этом корабле вы мой гость, а от прежних дней я еще сохранил какое-то представление о порядочном обращении с гостями, хотя и могу считаться сейчас вором и пиратом.

So I'll not be telling you what I think of you for daring to bring me this offer, or of my Lord Sunderland - since he's your kinsman for having the impudence to send it. Потому не скажу, что думаю о вас. Умолчу и о том, что я думаю о лорде Сэндерленде, поскольку он ваш родственник, а также и о наглom предложении, которое

вы мне сделали.

But it does not surprise me at all that one who is a minister of James Stuart's should conceive that every man is to be seduced by bribes into betraying those who trust him." Но для меня, конечно, не новость, что один из министров Якова Стюарта считает возможным соблазнить любого человека взятками и этим заставить его пойти на предательство тех, кто ему доверился.

He flung out an arm in the direction of the waist, whence came the half-melancholy chant of the lounging buccaneers. - И он махнул рукой по направлению к шкафуту, откуда доносилась грустная песня корсаров.

"Again you misapprehend me," cried Lord Julian, between concern and indignation. "That is not intended. - Вы опять меня не понимаете! - воскликнул лорд Джулиан, подавляя свое возмущение.

Your followers will be included in your commission." - Ваши люди также будут взяты на королевскую службу.

"And d' ye think they'll go with me to hunt their brethren - the Brethren of the Coast? - И вы полагаете, что они будут охотиться вместе со мной за своими товарищами из "берегового братства"?

On my soul, Lord Julian, it is yourself does the misapprehending. Клянусь, лорд Джулиан, это вы ничего не понимаете!

Are there not even notions of honour left in England? Неужто в Англии не осталось даже и тени чести?

Oh, and there's more to it than that, even. Но не будем об этом говорить. Поговорим о другом.

D'ye think I could take a commission of King James's? Как вы могли думать, что я приму от короля Якова офицерское звание?

I tell you I wouldn't be soiling my hands with it - thief and pirate's hands though they be. Мне не хочется даже пачкать вашим патентом свои руки, хотя это руки вора и пирата.

Thief and pirate is what you heard Miss Bishop call me to-day - a thing of scorn, an outcast. Вы слышали, как мисс Бишоп назвала меня сегодня вором и пиратом, то есть презренным человеком, отщепенцем.

And who made me that? А кто меня сделал таким человеком?

Who made me thief and pirate?" Кто сделал меня вором и пиратом?

"If you were a rebel...?" his lordship was beginning. - Если вы были бунтовщиком... - начал лорд Джулиан.

"Ye must know that I was no such thing - no rebel at all. Но его перебил капитан Блад: - Вы-то должны знать, что я не был бунтовщиком и вообще не участвовал в восстании.

It wasn't even pretended. If it were, I could forgive them. But not even that cloak could they cast upon their foulness. Oh, no; there was no mistake. Если бы это было так или если бы судьи просто ошиблись, то их несправедливость по отношению ко мне я мог бы еще простить, но никакой ошибки не было.

I was convicted for what I did, neither more nor less. Меня осудили именно за то, что я сделал, не больше и, не меньше.

That bloody vampire Jeffreys - bad cess to him! - sentenced me to death, and his worthy master James Stuart afterwards sent me into slavery, because I had performed an act of mercy; because compassionately and without thought for creed or politics I had sought to relieve the sufferings of a fellow-creature; because I had dressed the wounds of a man who was convicted of treason. Этот кровавый вампир Джефрейс, будь он проклят, приговорил меня к смерти, а достойный его хозяин Яков Стюарт превратил меня в раба. А за что? За то, что я, выполняя свой профессиональный долг, из сострадания, не думая об убеждениях или политике, пытался облегчить муки другого человека, позднее осужденного за измену.

That was all my offence. Вот все мое преступление.

You'll find it in the records. Это легко проверить по документам.

And for that I was sold into slavery: because by the law of England, as administered by James Stuart in violation of the laws of God, who harbours or comforts a rebel is himself adjudged guilty of rebellion. И за это я был продан в рабство!

D'ye dream man, what it is to be a slave?" He checked suddenly at the very height of his passion. A moment he paused, then cast it from him as if it had been a cloak. His voice sank again. He uttered a little laugh of weariness and contempt. Видели ли вы хотя бы во сне, что значит быть рабом?.. Блад внезапно умолк, и было заметно, как он боролся с собой, а затем устало засмеялся. От этого смеха легкий холодок пробежал по спине лорда Джулиана.

"But there! I grow hot for nothing at all. - Ну, хватит, - сказал капитан Блад.

I explain myself, I think, and God knows, it is not my custom. - Похоже на то, что я пытаюсь защищать себя, а всем известно, что это не входит в мои привычки.

I am grateful to you, Lord Julian, for your kindly intentions. Признателен вам, лорд Джулиан, за ваши добрые намерения.

I am so. Да, да!

But ye'll understand, perhaps. Возможно, вы поймете меня.

Ye look as if ye might." Вы кажетесь мне человеком, способным меня понять.

Lord Julian stood still. Лорд Джулиан стоял не двигаясь.

He was deeply stricken by the other's words, the passionate, eloquent outburst that in a few sharp, clear-cut strokes had so convincingly presented the man's bitter case against humanity, his complete apologia and justification for all that could be laid to his charge. Он был глубоко взволнован словами Блада и страстным взрывом его негодования. В нескольких коротких и ясных выражениях Блад убедительно изложил причины своего озлобления и своей ненависти, так же как и доводы в свою защиту и оправдание.

His lordship looked at that keen, intrepid face gleaming lividly in the light of the great poop lantern, and his own eyes were troubled. He was abashed. He fetched a heavy sigh. Уйд посмотрел на энергичное, смелое лицо капитана, освещенное огромным кормовым фонарем, тяжело вздохнул и медленно произнес:

"A pity," he said slowly. "Oh, blister me - a cursed pity!" - Жаль, чертовски жаль!

He held out his hand, moved to it on a sudden generous impulse. - И, движимый внезапным хорошим чувством, протянул Бладу руку.

"But no offence between us, Captain Blood!" - Надеюсь, вы все же не будете обижаться на меня, капитан Блад?

"Oh, no offence. - Нет, милорд.

But... I'm a thief and a pirate." Ведь я... вор и пират.

He laughed without mirth, and, disregarding the proffered hand, swung on his heel. - Он невесело засмеялся и, не обратив внимания на протянутую руку, ушел.

Lord Julian stood a moment, watching the tall figure as it moved away towards the taffrail. Лорд Джулиан постоял на месте, наблюдая за высокой фигурой, медленно удалявшейся вдоль гакаборта.

Then letting his arms fall helplessly to his sides in dejection, he departed. Затем, уныло покачав головой, он направился в каюту.

Just within the doorway of the alley leading to the cabin, he ran into Miss Bishop. Yet she had not been coming out, for her back was towards him, and she was moving in the same direction. В дверях коридора его светлость чуть не наткнулся на Арабеллу Бишоп, идущую туда же, куда шел и он.

He followed her, his mind too full of Captain Blood to be concerned just then with her movements. Уэйд следовал за нею, слишком занятый мыслями о капитане Бладе, чтобы поинтересоваться, куда она могла ходить.

In the cabin he flung into a chair, and exploded, with a violence altogether foreign to his nature. В каюте он бросился в кресло и вспылил с необычайной для него силой:

"Damme if ever I met a man I liked better, or even a man I liked as well. - Будь я проклят, если когда-либо встречал человека, который мне так нравился бы!

Yet there's nothing to be done with him." И тем не менее с ним ничего нельзя сделать.

"So I heard," she admitted in a small voice. She was very white, and she kept her eyes upon her folded hands. - Да, я слышала все, - призналась Арабелла слабым голосом, склонив голову и не отрывая глаз от сложенных на коленях рук.

He looked up in surprise, and then sat conning her with brooding glance. Он удивленно взглянул на нее и, помолчав немного, сказал задумчиво:

"I wonder, now," he said presently, "if the mischief is of your working. - Я вот о чем думаю... Не вы ли виновны в том, что произошло с капитаном?

Your words have rankled with him. He threw them at me again and again. Ваши слова гнетут его, он не может забыть их.

He wouldn't take the King's commission; he wouldn't take my hand even. Он отказался пойти на королевскую службу и даже не захотел пожать мне руку.

What's to be done with a fellow like that? Ну что можно сделать с таким человеком?

He'll end on a yardarm for all his luck. Да, ему сопутствуют счастье, успех, удачи,

а жизнь он кончит на нок-рее.

And the quixotic fool is running into danger at the present moment on our behalf." Сейчас же этот донкихотствующий болван из-за нас подвергает себя смертельной опасности!

"How?" she asked him with a sudden startled interest. - Как? Почему? - взволнованно вскрикнула она.

"How? - Как?

Have you forgotten that he's sailing to Jamaica, and that Jamaica is the headquarters of the English fleet? Да разве вы забыли, что мы идем к Ямайке, где находится штаб английского флота?

True, your uncle commands it..." Правда, этим флотом командует ваш дядя...

She leaned across the table to interrupt him, and he observed that her breathing had grown labored, that her eyes were dilating in alarm. Арабелла, подняв голову, прервала его, и он заметил, что дыхание ее участилось, а широко раскрытые глаза тревожно взглянули на лорда Джулиана.

"But there is no hope for him in that!" she cried. - Боже мой! - воскликнула она. - Это не поможет ему.

"Oh, don't imagine it! Даже и не думайте об этом.

He has no bitterer enemy in the world! В мире у него нет злейшего врага, чем мой дядя.

My uncle is a hard, unforgiving man. Он ничего не прощает.

I believe that it was nothing but the hope of taking and hanging Captain Blood that made my uncle leave his Barbados plantations to accept the deputy-governorship of Jamaica. Я уверена, что только надежда схватить и повесить капитана Блада заставила его оставить свои плантации на Барбадосе и принять пост губернатора Ямайки.

Captain Blood doesn't know that, of course..." She paused with a little gesture of helplessness. Капитан Блад этого, конечно, не знает... - Она умолкла и беспомощно развела руками.

"I can't think that it would make the least difference if he did," said his lordship gravely. - Не думаю, чтобы Блад изменил свое решение, если бы даже узнал об этом, - печально заметил лорд Джулиан.

"A man who can forgive such an enemy as Don Miguel and take up this uncompromising attitude with me isn't to be judged by ordinary rules. - Человека, который мог простить такого врага, как дон Мигель, и так решительно отвергнуть мое предложение, по обычным правилам судить нельзя.

He's chivalrous to the point of idiocy." Он рыцарь до идиотизма.

"And yet he has been what he has been and done what he has done in these last three years," said she, but she said it sorrowfully now, without any of her earlier scorn. - И все же на протяжении этих трех лет он был тем, кем был, и сделал то, что сделал, - грустно сказала Арабелла без всякого намека на презрение.

Lord Julian was sententious, as I gather that he often was. Лорд Джулиан, как я полагаю, любил читать нравоучения и был склонен к афоризмам.

"Life can be infernally complex," he sighed. - Жизнь чертовски сложная штука, - заключил он со вздохом.

Chapter XXI Глава XXI

THE SERVICE OF KING JAMES НА СЛУЖБЕ У КОРОЛЯ ЯКОВА

Miss Arabella Bishop was aroused very early on the following morning by the brazen voice of a bugle and the insistent clanging of a bell in the ship's belfry. На следующий день рано утром Арабеллу Бишоп разбудили пронзительные звуки горна и настойчивый звон судового колокола.

As she lay awake, idly watching the rippled green water that appeared to be streaming past the heavily glazed porthole, she became gradually aware of the sounds of swift, laboured bustle - the clatter of many feet, the shouts of hoarse voices, and the persistent trundlings of heavy bodies in the ward-room immediately below the deck of the cabin. Она лежала с открытыми глазами, лениво посматривая на покрытую зыбью зеленую воду, бежавшую мимо позолоченного иллюминатора. Постепенно до нее начал доходить шум, похожий на суматоху: из кают-компания доносился топот ног, хриплые крики и оживленная возня.

Conceiving these sounds to portend a more than normal activity, she sat up, pervaded by a vague alarm, and roused her still slumbering woman. Нестройный шум означал нечто иное, нежели обычную судовую работу. Охваченная смутной тревогой, Арабелла поднялась с постели и разбудила служанку.

In his cabin on the starboard side Lord Julian, disturbed by the same sounds, was already astir and hurriedly dressing. Лорд Джулиан, разбуженный этим шумом, уже встал, торопливо оделся и вышел из своей каюты.

When presently he emerged under the break of the poop, he found himself staring up into a mountain of canvas. Он с удивлением увидел возвышающуюся над его головой гору парусов.

Every foot of sail that she could carry had been crowded to the Arabella's yards, to catch the morning breeze. Они были подняты для того, чтобы поймать утренний бриз.

Ahead and on either side stretched the limitless expanse of ocean, sparkling golden in the sun, as yet no more than a half-disc of flame upon the horizon straight ahead. Впереди, справа и слева от "Арабеллы" простиралась безбрежная гладь океана, сверкавшая золотом под лучами солнца, пламенеющий диск которого еще только наполовину вышел изза горизонта.

About him in the waist, where all last night had been so peaceful, there was a frenziedly active bustle of some threescore men. На шкафуте, где еще прошлой ночью все было так мирно, лихорадочно работали человек шестьдесят.

By the rail, immediately above and behind Lord Julian, stood Captain Blood in altercation with a one-eyed giant, whose head was swathed in a red cotton kerchief, whose blue shirt hung open at the waist. У перил полуюта капитан Блад ожесточенно спорил с одноглазым верзилой Волверстоном. Голова лейтенанта была повязана красным бумажным платком, а расстегнутая синяя рубаха открывала дочерна загорелую грудь.

As his lordship, moving forward, revealed himself, their voices ceased, and Blood turned to greet him. Едва лишь показался лорд Джулиан, как они тут же умолкли.

"Good-morning to you," he said, and added Капитан Блад повернулся и поздоровался с

НИМ.

"I've blundered badly, so I have. - Я допустил очень большую ошибку, сэр, - сказал Блад, обменявшись приветствиями.

I should have known better than to come so close to Jamaica by night. - Мне не следовало бы так близко подходить к Ямайке ночью.

But I was in haste to land you. Но я очень торопился высадить вас.

Come up here. I have something to show you." Поднимитесь-ка сюда, сэр.

Wondering, Lord Julian mounted the companion as he was bidden. Удивленный лорд Джулиан поднялся по трапу.

Standing beside Captain Blood, he looked astern, following the indication of the Captain's hand, and cried out in his amazement. Взглянув в ту сторону горизонта, куда ему указывал капитан, он ахнул от изумления.

There, not more than three miles away, was land - an uneven wall of vivid green that filled the western horizon. Не более чем в трех милях к западу от них лежала земля, тянувшаяся ярко-зеленой полосой.

And a couple of miles this side of it, bearing after them, came speeding three great white ships. А милях в двух со стороны открытого океана шли три огромных белых корабля.

"They fly no colours, but they're part of the Jamaica fleet." Blood spoke without excitement, almost with a certain listlessness. - На них нет флагов, но это, конечно, часть ямайской эскадры, - спокойно сказал Блад.

"When dawn broke we found ourselves running to meet them. We went about, and it's been a race ever since. - Мы встретились с ними на рассвете, повернули, и с этого времени они начали погоню.

But the Arabella 's been at sea these four months, and her bottom's too foul for the speed we're needing." Но так как "Арабелла" четыре месяца была в плавании, то у нее слишком обросло дно и она не может развить нужную нам скорость.

Wolverstone hooked his thumbs into his broad leather belt, and from his great height looked down sardonically upon Lord Julian, tall man though his lordship was. Волверстон, засунув огромные руки за широкий кожаный пояс, с высоты своего роста насмешливо взглянул на лорда Джулиана.

"So that you're like to be in yet another sea-fight afore ye've done wi' ships, my lord." - Похоже, что вам, ваша светлость, придется еще раз побывать в морском бою до того, как мы разделаемся с этими кораблями, - сказал гигант.

"That's a point we were just arguing," said Blood. - Об этом как раз мы сейчас и беседовали, - пояснил капитан Блад.

"For I hold that we're in no case to fight against such odds." - Я считаю, что мы не можем драться в таких неблагоприятных условиях.

"The odds be damned!" Wolverstone thrust out his heavy jowl. - К черту неблагоприятные условия! - вскричал Волверстон, упрямо выставив свою массивную челюсть.

"We're used to odds. - Для нас такие условия не новость.

The odds was heavier at Maracaybo; yet we won out, and took three ships. В Маракайбо они были еще хуже, но мы все же победили и захватили три корабля.

They was heavier yesterday when we engaged Don Miguel." Вчера, когда мы вступили в бой с доном Мигелем, преимущество тоже было не на нашей стороне.

"Aye - but those were Spaniards." - Да, но то были испанцы.

"And what better are these? - А эти лучше?

- Are ye afeard of a lubberly Barbados planter? Неужели ты боишься этого неуклюжего барбадосского плантатора?

Whatever ails you, Peter? Что тебя беспокоит, Питер?

I've never known ye scared afore." Ты еще ни разу не вел себя так, как сегодня.

A gun boomed out behind them. Позади них грохнул пушечный выстрел.

"That'll be the signal to lie to," said Blood, in the same listless voice; and he fetched a sigh. - Это сигнал лечь в дрейф, - тем же равнодушным голосом заметил Блад и тяжело вздохнул.

Wolverstone squared himself defiantly before his captain И тут Волверстон вскипел.

"I'll see Colonel Bishop in hell or ever I lies to for him." And he spat, presumably for purposes of emphasis. - Да я скорее соглашусь встретиться с Бишопом в аду, чем лягу в дрейф по его приказу! - вскричал он и в сердцах плюнул на палубу.

His lordship intervened. Его светлость вмешался в разговор:

"Oh, but - by your leave - surely there is nothing to be apprehended from Colonel Bishop. - О, вам нечего опасаться полковника Бишопа.

Considering the service you have rendered to his niece and to me..." Учитывая то, что вы сделали для его племянницы и для меня...

Wolverstone's horse-laugh interrupted him. "Hark to the gentleman!" he mocked. Волверстон хриплым смехом прервал лорда Джулиана.

"Ye don't know Colonel Bishop, that's clear. - Вы не знаете полковника, - сказал он.

Not for his niece, not for his daughter, not for his own mother, would he forgo the blood what he thinks due to him. - Ни ради племянницы, ни ради дочери и ни ради даже собственной матери он не откажется от крови, если только сможет ее пролить.

A drinker of blood, he is. A nasty beast. Он - кровопийца и гнусная тварь!

We knows, the Cap'n and me. Нам с капитаном это известно.

We been his slaves." Мы были его рабами.

"But there is myself," said Lord Julian, with great dignity. - Но ведь здесь же я! - с величайшим достоинством сказал его светлость.

Wolverstone laughed again, whereat his lordship flushed. He was moved to raise his voice above its usual languid level. Волверстон рассмеялся еще пуще, отчего его

светлость слегка покраснел и вынужден был повысвить свой голос.

"I assure you that my word counts for something in England." - Уверю вас, мое слово кое-что значит в Англии! - горделиво сказал он.

"Oh, aye - in England. - Так то в Англии!

But this ain't England, damme." Но здесь, черт побери, не Англия!

Came the roar of a second gun, and a round shot splashed the water less than half a cable's-length astern. Тут грохот второго выстрела заглушил его слова. Ядро шлепнулось в воду неподалеку от кормы.

Blood leaned over the rail to speak to the fair young man immediately below him by the helmsman at the whipstaff. Блад перегнулся через перила к белокурому молодому человеку, стоявшему под ним у штурвала, и сказал спокойно:

"Bid them take in sail, Jeremy," he said quietly. - Прикажи убрать паруса, Джереми.

"We lie to." Мы ложимся в дрейф.

But Wolverstone interposed again. Но Волверстон, быстро нагнувшись над перилами, проревел:

"Hold there a moment, Jeremy!" he roared. - Стой, Джереми!

"Wait!" Не смей! Подожди!

He swung back to face the Captain, who had placed a hand on his shoulder and was smiling, a trifle wistfully. - Он резко повернулся к капитану. Блад с грустной улыбкой положил ему на плечо руку.

"Steady, Old Wolf! - Спокойно, старый волк!

Steady!" Captain Blood admonished him. Спокойно! - твердо, но дружески сказал он.

"Steady, yourself, Peter. - Успокаивай не меня, а себя, Питер!

Ye've gone mad! Ты сумасшедший!

Will ye doom us all to hell out of tenderness for that cold slip of a girl?" Уж не хочешь ли ты отправить нас в ад из-за твоей привязанности к этой холодной, щупленькой девчонке?

"Stop!" cried Blood in sudden fury. - Молчать! - закричал Блад, внезапно рассвирепев.

But Wolverstone would not stop. Однако Волверстон продолжал неистовствовать:

"It's the truth, you fool. - Я не стану молчать!

It's that cursed petticoat's making a coward of you. Из-за этой проклятой юбки ты стал трусом!

It's for her that ye're afeard - and she, Colonel Bishop's niece! Ты трясешься за нее, а ведь она племянница проклятого Бишоп!

My God, man, ye'll have a mutiny aboard, and I'll lead it myself sooner than surrender to be hanged in Port Royal." Клянусь богом, я взбунтую команду, я подниму

мятеж! Это все же лучше, чем сдаться и быть повешенным в ПортРойяле!

Their glances met, sullen defiance braving dull anger, surprise, and pain. Их взгляды встретились. В одном был мрачный вызов, в другом - притупившийся гнев, удивление и боль.

"There is no question," said Blood, "of surrender for any man aboard save only myself. - К черту говорить о чьей-либо сдаче. Речь идет обо мне, - сказал Блад.

If Bishop can report to England that I am taken and hanged, he will magnify himself and at the same time gratify his personal rancour against me. - Если Бишоп сообщит в Англию, что я схвачен и повешен, он заработает славу и в то же время утолит свою личную ненависть ко мне.

That should satisfy him. Моя смерть удовлетворит его.

I'll send him a message offering to surrender aboard his ship, taking Miss Bishop and Lord Julian with me, but only on condition that the Arabella is allowed to proceed unharmed. Я направлю ему письмо и сообщу, что готов явиться на борт его корабля вместе с мисс Бишоп и лордом Джулианом и сдаться, но только при условии, что "Арабелла" будет беспрепятственно продолжать свой путь.

It's a bargain that he'll accept, if I know him at all." Насколько я его знаю, он согласится на такую сделку.

"It's a bargain he'll never be offered," retorted Wolverstone, and his earlier vehemence was as nothing to his vehemence now. - Эта сделка никогда не будет предложена! - зарычал Волверстон.

"Ye're surely daft even to think of it, Peter!" - Ты окончательно спятил, Питер, если можешь даже думать об этом!

"Not so daft as you when you talk of fighting that." - Я все-таки не такой сумасшедший, как ты.

He flung out an arm as he spoke to indicate the pursuing ships, which were slowly but surely creeping nearer. Погляди на эти корабли. - И он указал на преследовавшие их суда, которые приближались медленно, но неумолимо.

"Before we've run another half-mile we shall be within range." - О каком сопротивлении можешь ты говорить? Мы не пройдем и полумили, как окажемся под их огнем.

Wolverstone swore elaborately, then suddenly checked. Out of the tail of his single eye he had espied a trim figure in grey silk that was ascending the companion. Волверстон замысловато выругался и вдруг внезапно смолк, заметив уголком своего единственного глаза нарядную фигурку в сером шелковом платье.

So engrossed had they been that they had not seen Miss Bishop come from the door of the passage leading to the cabin. And there was something else that those three men on the poop, and Pitt immediately below them, had failed to observe. Some moments ago Ogle, followed by the main body of his gun-deck crew, had emerged from the booby hatch, to fall into muttered, angrily vehement talk with those who, abandoning the gun-tackles upon which they were labouring, had come to crowd about him. Они были так поглощены своим спором, что не видели спешившей к ним Арабеллы Бишоп, а также Огла, который стоял несколько поодаль в окружении двух десятков пиратов-канониров.

Even now Blood had no eyes for that. He turned to look at Miss Bishop, marvelling a

little, after the manner in which yesterday she had avoided him, that she should now venture upon the quarter-deck. Но Блад, не обращая на них внимания, повернулся, чтобы взглянуть на мисс Бишоп. Он удивился тому, что она рискнула сейчас прийти на квартердек, хотя еще вчера избегала встречи с ним.

Her presence at this moment, and considering the nature of his altercation with Wolverstone, was embarrassing. Ее присутствие здесь, учитывая характер его спора с Волверстоном, было по меньшей мере стеснительным.

Very sweet and dainty she stood before him in her gown of shimmering grey, a faint excitement tinting her fair cheeks and sparkling in her clear, hazel eyes, that looked so frank and honest. Милая и изящная, она стояла перед ним в скромном платье из блестящего серого шелка. Ее щеки покрывал легкий румянец, а в ясных карих глазах светилось возбуждение.

She wore no hat, and the ringlets of her gold-brown hair fluttered distractingly in the morning breeze. Она была без шляпы, и утренний бриз ласково шевелил ее золотисто-каштановые волосы.

Captain Blood bared his head and bowed silently in a greeting which she returned composedly and formally. Капитан Блад, обнажив голову, молча приветствовал ее поклоном. Сдержанно и церемонно ответила она на его приветствие.

"What is happening, Lord Julian?" she enquired. - Что здесь происходит, лорд Джулиан? -спросила она.

As if to answer her a third gun spoke from the ships towards which she was looking intent and wonderingly. Как бы в ответ на ее вопрос послышался третий пушечный выстрел с кораблей, которые она удивленно рассматривала.

A frown rumped her brow. She looked from one to the other of the men who stood there so glum and obviously ill at ease. Нахмутив брови, Арабелла Бишоп оглядела каждого из присутствующих мужчин. Они угрюмо молчали и чувствовали себя неловко.

"They are ships of the Jamaica fleet," his lordship answered her. - Это корабли ямайской эскадры, - ответил ей лорд Джулиан.

It should in any case have been a sufficient explanation. Но Арабелле не удалось больше задать ни одного вопроса.

But before more could be added, their attention was drawn at last to Ogle, who came bounding up the broad ladder, and to the men lounging aft in his wake, in all of which, instinctively, they apprehended a vague menace. По широкому трапу бежал Огл, а за ним спешили его канониры. Это мрачное шествие наполнило сердце Арабеллы смутной тревогой.

At the head of the companion, Ogle found his progress barred by Blood, who confronted him, a sudden sternness in his face and in every line of him. На верху трапа Оглу преградил путь Блад. Его лицо и вся фигура выражали непреклонность и строгость.

"What's this?" the Captain demanded sharply. - Что это такое? - резко спросил капитан.

"Your station is on the gun-deck. - Твое место на пушечной палубе.

Why have you left it?" Почему ты ушел оттуда? Резкий окрик сразу же остановил Огла.

Thus challenged, the obvious truculence faded out of Ogle's bearing, quenched by

the old habit of obedience and the natural dominance that was the secret of the Captain's rule over his wild followers. Тут сказались прочно укоренившаяся привычка к повиновению и огромный авторитет капитана Блада среди своих людей, что, собственно, и составляло секрет его власти над ними.

But it gave no pause to the gunner's intention. If anything it increased his excitement. Но канонир усилием воли преодолел смущение и осмелился возразить Бладу.

"Captain," he said, and as he spoke he pointed to the pursuing ships, "Colonel Bishop holds us. We're in no case either to run or fight." - Капитан, - сказал он, указывая на преследующие их корабли, - нас догоняет полковник Бишоп, а мы не можем уйти и не в состоянии драться.

Blood's height seemed to increase, as did his sternness. Выражение лица Блада стало еще более суровым. Присутствующим показалось даже, что он стал както выше ростом.

"Ogle," said he, in a voice cold and sharp as steel, "your station is on the gun-deck. - Огл, - сказал он холодным и режущим, как стальной клинок, голосом, - твое место на пушечной палубе.

You'll return to it at once, and take your crew with you, or else..." Ты немедленно вернешься туда со своими людьми, или я...

But Ogle, violent of mien and gesture, interrupted him. Но Огл прервал его:

"Threats will not serve, Captain." - Дело идет о нашей жизни, капитан. Угрозы бесполезны.

"Will they not?" - Ты так полагаешь?

It was the first time in his buccaneering career that an order of his had been disregarded, or that a man had failed in the obedience to which he pledged all those who joined him. Впервые за всю пиратскую деятельность Блада человек отказывался выполнять его приказ.

That this insubordination should proceed from one of those whom he most trusted, one of his old Barbados associates, was in itself a bitterness, and made him reluctant to that which instinct told him must be done. То, что послушником был один из его друзей по Барбадосу, старый дружище Огл, заставило Блада поколебаться, прежде чем прибегнуть к тому, что он считал неизбежным.

His hand closed over the butt of one of the pistols slung before him. И рука его задержалась на рукоятке пистолета, засунутого за пояс.

"Nor will that serve you," Ogle warned him, still more fiercely. - Это не поможет тебе, - предупредил его Огл.

"The men are of my thinking, and they'll have their way." - Люди согласны со мной и настоят на своем!

"And what way may that be?" - А на чем именно?

"The way to make us safe. - На том, что нас спасет.

We'll neither sink nor hang whiles we can help it." И пока эта возможность в наших руках, мы не будем потоплены или повешены.

From the three or four score men massed below in the waist came a rumble of approval. Толпа пиратов, стоявшая за спиной Огла, шумно одобрила его слова.

Captain Blood's glance raked the ranks of those resolute, fierce-eyed fellows, then it came to rest again on Ogle. Капитан мельком взглянул на этих решительно настроенных людей, а затем перевел свой взгляд на Огла.

There was here quite plainly a vague threat, a mutinous spirit he could not understand. Во всем этом чувствовался какой-то необычный мятежный дух, которого Блад еще не мог понять.

"You come to give advice, then, do you?" quoth he, relenting nothing of his sternness. - Значит, ты пришел дать мне совет, не так ли? -спросил он с прежней суровостью.

"That's it, Captain; advice. - Да, капитан, совет.

That girl, there." He flung out a bare arm to point to her. "Bishop's girl; the Governor of Jamaica's niece... We want her as a hostage for our safety." Вот она... - и он указал на Арабеллу, - вот эта девушка, племянница губернатора Ямайки... Мы требуем, чтобы она стала заложницей нашей безопасности.

"Aye!" roared in chorus the buccaneers below, and one or two of them elaborated that affirmation. - Правильно! - заревели внизу корсары, а затем послышалось несколько выкриков, подтверждающих это одобрение.

In a flash Captain Blood saw what was in their minds. And for all that he lost nothing of his outward stern composure, fear invaded his heart. Капитан Блад внешне никак не изменился, но в сердце его закрался страх.

"And how," he asked, "do you imagine that Miss Bishop will prove such a hostage?" - И вы представляете себе, - спросил он, - что мисс Бишоп станет такой заложницей?

"It's a providence having her aboard; a providence. - Конечно, капитан, и очень хорошо, что она оказалась у нас на корабле.

Heave to, Captain, and signal them to send a boat, and assure themselves that Miss is here. Прикажи лечь в дрейф и просигнальте им - пусть они пошлют шлюпку и удостоверятся, что мисс здесь.

Then let them know that if they attempt to hinder our sailing hence, we'll hang the doxy first and fight for it after. Потом скажи им, что если они попытаются нас задержать, то мы сперва повесим ее, а потом будем драться.

That'll cool Colonel Bishop's heat, maybe." Может быть, это охладит пыл полковника Бишоп.

"And maybe it won't." Slow and mocking came Wolverstone's voice to answer the other's confident excitement, and as he spoke he advanced to Blood's side, an unexpected ally. - А может быть, и нет, - послышался медлительный и насмешливый голос Волверстона. И неожиданный союзник, подойдя к Бладу, стал рядом с ним.

"Some o' them dawcocks may believe that tale." He jerked a contemptuous thumb towards the men in the waist, whose ranks were steadily being increased by the advent of others from the forecandle. "Although even some o' they should know better, for there's still a few was on Barbados with us, and are acquainted like me and you with Colonel Bishop. If ye're counting on pulling Bishop's heartstrings, ye're a bigger fool, Ogle, than I've always thought you was with anything but guns. There's no heaving to for such a matter as that unless you wants to make quite sure of our being sunk. Though we had a cargo of Bishop's nieces it wouldn't make him hold his hand. - Кое-кто из этих желторотых ворон может поверить таким басням, - и

он презрительно ткнул большим пальцем в толпу пиратов, которая стала сейчас гораздо многочисленней, - но тот, кто мучился на плантациях Бишопа, не может. Если тебе, Огл, вздумалось сыграть на чувствах этого мерзавцаплантатора, то ты еще больший дурак во всем, кроме пушек, чем я мог подумать. Ведь ты-то знаешь Бишопа! Нет, мы не ляжем в дрейф, чтобы нас потопили наверняка. Если бы наш корабль был нагружен только племянницами Бишопа, то и это никак не подействовало бы на него. Неужели ты забыл этого подлеца? Этот грязный рабовладелец ради родной матери не откажется от мести.

Why, as I was just telling his lordship here, who thought like you that having Miss Bishop aboard would make us safe, not for his mother would that filthy slaver forgo what's due to him. Я только что говорил об этом лорду Уэйду. Он тоже вроде тебя считал, что мы в безопасности, поскольку у нас на корабле мисс Бишоп.

And if ye' weren't a fool, Ogle, you wouldn't need me to tell you this. И если бы ты не был болваном, Огл, мне не нужно было бы объяснять тебе это.

We've got to fight, my lads..." Мы будем драться, друзья...

"How can we fight, man?" Ogle stormed at him, furiously battling the conviction which Wolverstone's argument was imposing upon his listeners. - Как мы можем драться? - гневно заорал Огл, пытаясь рассеять впечатление, произведенное на пиратов убедительной речью Волверстона.

"You may be right, and you may be wrong. - Может быть, ты прав, а может быть, и нет.

We've got to chance it. Мы должны попытаться.

It's our only chance..." Это наш единственный козырь...

The rest of his words were drowned in the shouts of the hands insisting that the girl be given up to be held as a hostage. Его слова были заглушены одобрительными криками пиратов. Они требовали выдать им девушку.

And then louder than before roared a gun away to leeward, and away on their starboard beam they saw the spray flung up by the shot, which had gone wide. Но в это мгновение еще громче, чем раньше, раздался пушечный выстрел с подветренной стороны, и далеко за правым бортом "Арабеллы" взметнулся высокий фонтан от падения ядра в воду.

"They are within range," cried Ogle. And leaning from the rail, "Put down the helm," he commanded. - Они уже в пределах досягаемости наших пушек! - воскликнул Огл и, наклонившись над поручнями, скомандовал: - Положить руля к ветру!

Pitt, at his post beside the helmsman, turned intrepidly to face the excited gunner. Питт, стоявший рядом с рулевым, повернулся к возбужденному канониру:

"Since when have you commanded on the main deck, Ogle? - С каких это пор ты стал командовать, Огл?

I take my orders from the Captain." Я получаю приказы только от капитана!

"You'll take this order from me, or, by God, you'll..." - На этот раз ты выполнишь мой приказ, или же клянусь богом, что ты...

"Wait!" Blood bade him, interrupting, and he set a restraining hand upon the gunner's arm. - Стой! - крикнул Блад, схватив руку канонира.

"There is, I think, a better way." - У нас есть лучший выход.

He looked over his shoulder, aft, at the advancing ships, the foremost of which was now a bare quarter of a mile away. His glance swept in passing over Miss Bishop and Lord Julian standing side by side some paces behind him. Он искоса взглянул на приближающиеся корабли и скользнул взглядом по мисс Бишоп и лорду Джулиану, которые стояли вместе в нескольких шагах от него.

He observed her pale and tense, with parted lips and startled eyes that were fixed upon him, an anxious witness of this deciding of her fate. Арабелла, волнуясь за свою судьбу, была бледна и, полуоткрыв рот, не спускала взора с капитана Блада.

He was thinking swiftly, reckoning the chances if by pistolling Ogle he were to provoke a mutiny. Блад лихорадочно размышлял, пытаясь представить себе, что случится, если он убьет Огла и вызовет этим бунт.

That some of the men would rally to him, he was sure. Кое-кто, несомненно, станет на сторону капитана.

But he was no less sure that the main body would oppose him, and prevail in spite of all that he could do, taking the chance that holding Miss Bishop to ransom seemed to afford them. Но так же несомненно, что большинство пиратов пойдут против него.

And if they did that, one way or the other, Miss Bishop would be lost. Тогда они добьются своего, и при любом исходе событий Арабелла погибнет.

For even if Bishop yielded to their demand, they would retain her as a hostage. Даже если полковник Бишоп согласится с требованиями пиратов, ее все равно будут держать как заложницу и в конце концов расправятся с нею.

Meanwhile Ogle was growing impatient. His arm still gripped by Blood, he thrust his face into the Captain's. Между тем Огл, поглядывая на английские корабли и теряя терпение, потребовал от капитана немедленного ответа:

"What better way?" he demanded. - Какой это лучший выход?

"There is none better. I'll not be bubbled by what Wolverstone has said. He may be right, and he may be wrong. We'll test it. It's our only chance, I've said, and we must take it." У нас нет иного выхода, кроме предложенного мной. Мы испытаем наш единственный козырь. Капитан Блад не слушал Огла, а взвешивал все "за" и "против".

The better way that was in Captain Blood's mind was the way that already he had proposed to Wolverstone. Его лучший выход был тот, о котором он уже говорил Волверстону.

Whether the men in the panic Ogle had aroused among them would take a different view from Wolverstone's he did not know. Но был ли смысл говорить о нем сейчас, когда люди, настроенные Оглом, вряд ли могли что-либо соображать!

But he saw quite clearly now that if they consented, they would not on that account depart from their intention in the matter of Miss Bishop; they would make of Blood's own surrender merely an additional card in this game against the Governor of Jamaica. Он отчетливо понимал одно: если они и согласятся на его сдачу, то от своего намерения сделать Арабеллу заложницей все равно не откажутся. А добровольную сдачу самого Блада они просто используют как дополнительный козырь в игре против губернатора Ямайки.

"It's through her that we're in this trap," Ogle stormed on. - Из-за нее мы попали

в эту западню! - продолжал бушевать Огл.

"Through her and through you. - Из-за нее и из-за тебя!

It was to bring her to Jamaica that you risked all our lives, and we're not going to lose our lives as long as there's a chance to make ourselves safe through her." He was turning again to the helmsman below, when Blood's grip tightened on his arm. Ogle wrenched it free, with an oath. Ты рисковал нашими жизнями, чтобы доставить ее на Ямайку. Но мы не собираемся расставаться с жизнью...

But Blood's mind was now made up. И тут Блад принял решение.

He had found the only way, and repellent though it might be to him, he must take it. Медлить было невысказано! Люди уже отказывались ему повиноваться. Вот-вот они стащат девушку в трюм... Решение, принятое им, мало его устраивало, более того - оно было очень неприятным для него выходом, но он все же не мог не использовать его.

"That is a desperate chance," he cried. "Mine is the safe and easy way. Wait!" - Стойте! - закричал снова он. - У меня есть иной выход.

He leaned over the rail. "Put the helm down," he bade Pitt. - Он перегнулся через поручни и приказал Питту:- Положить руля к ветру!

"Heave her to, and signal to them to send a boat." Лечь в дрейф и просигналить, чтобы выслали шлюпку.

A silence of astonishment fell upon the ship - of astonishment and suspicion at this sudden yielding. На корабле мгновенно воцарилось молчание, таившее в себе изумление и подозрение: никто не мог понять причину такой внезапной уступчивости капитана.

But Pitt, although he shared it, was prompt to obey. Но Питт, хотя и разделявший чувства большинства, повиновался.

His voice rang out, giving the necessary orders, and after an instant's pause, a score of hands sprang to execute them. Came the creak of blocks and the rattle of slatting sails as they swung aweather, and Captain Blood turned and beckoned Lord Julian forward. Прозвучала поданная им команда, и после короткой паузы человек двадцать пиратов бросились выполнять приказ: заскрипели блоки, захлопали, поворачиваясь против ветра, паруса. Капитан Блад взглянул на лорда Джулиана и кивком головы подозвал его к себе.

His lordship, after a moment's hesitation, advanced in surprise and mistrust - a mistrust shared by Miss Bishop, who, like his lordship and all else aboard, though in a different way, had been taken aback by Blood's sudden submission to the demand to lie to. Его светлость подошел, удивленный и недоверчивый. Недоверие его разделяла и мисс Бишоп, которая, так же как и Уэйд и все остальные на корабле (хотя совсем по другим причинам), была ошеломлена внезапной уступкой Блада.

Standing now at the rail, with Lord Julian beside him, Captain Blood explained himself. Briefly and clearly he announced to all the object of Lord Julian's voyage to the Caribbean, and he informed them of the offer which yesterday Lord Julian had made to him. Подойдя к поручням вместе с лордом Джулианом, капитан Блад кратко и отчетливо сообщил команде о цели приезда лорда Джулиана в Карибское море и рассказал о предложении, которое ему вчера сделал Уэйд.

"That offer I rejected, as his lordship will tell you, deeming myself affronted by it. - Я отверг это предложение, как его светлость может вам подтвердить, считая его

оскорбительным для себя.

Those of you who have suffered under the rule of King James will understand me. Те из вас, кто пострадал по милости короля Якова, поймут меня.

But now in the desperate case in which we find ourselves - outsailed, and likely to be outfought, as Ogle has said - I am ready to take the way of Morgan: to accept the King's commission and shelter us all behind it." Но сейчас, в нашем отчаянном положении... - он бросил взгляд на корабли, почти уже догнавшие "Арабеллу", и к ним же обратились взоры всех пиратов, - я готов следовать путем Моргана - пойти на королевскую службу и этим прикрыть вас всех.

It was a thunderbolt that for a moment left them all dazed. Then Babel was reenacted. На мгновение все оцепенели, как от удара грома, а затем поднялось настоящее столпотворение - крики радости, вопли отчаяния, смех, угрозы смешались в единый нестройный шум.

The main body of them welcomed the announcement as only men who have been preparing to die can welcome a new lease of life. Большая часть пиратов все же обрадовалась такому выходу, и радость эта была понятна: люди, которые готовились умирать, внезапно получили возможность остаться в живых.

But many could not resolve one way or the other until they were satisfied upon several questions, and chiefly upon one which was voiced by Ogle. Но многие из них колебались принять окончательное решение, пока капитан Блад не даст удовлетворительных ответов на несколько вопросов, главный из которых был задан Оглом:

"Will Bishop respect the commission when you hold it?" - Посчитается ли Бишоп с королевским патентом, когда ты его получишь?

It was Lord Julian who answered: На это ответил лорд Джулиан:

"It will go very hard with him if he attempts to flout the King's authority. - Бишопу не поздоровится, если он попытается пренебречь властью короля.

And though he should dare attempt it, be sure that his own officers will not dare to do other than oppose him." Даже если он посмеет сделать такую попытку, офицеры эскадры никогда его не поддержат.

"Aye," said Ogle, "that is true." - Да, - сказал Огл, - это правда.

But there were some who were still in open and frank revolt against the course. Однако несколько корсаров категорически возражали против такого выхода.

Of these was Wolverstone, who at once proclaimed his hostility. Одним из них был старый волк Волверстон.

"I'll rot in hell or ever I serves the King," he bawled in a great rage. - Я скорее соглашусь сгореть в аду, чем пойду на службу к королю! - в бешенстве заорал он.

But Blood quieted him and those who thought as he did. Но Блад успокоил и его и тех, кто думал так же, как и он:

"No man need follow me into the King's service who is reluctant. - Кто из вас не желает идти на королевскую службу, вовсе не обязан следовать за мной.

That is not in the bargain. Я иду только с теми, кто этого хочет.

What is in the bargain is that I accept this service with such of you as may choose to follow me. Don't think I accept it willingly. For myself, I am entirely of Wolverstone's opinion. I accept it as the only way to save us all from the certain destruction into which my own act may have brought us. Не думайте, что я охотно на это соглашаюсь, но у нас нет иной возможности спастись от гибели.

And even those of you who do not choose to follow me shall share the immunity of all, and shall afterwards be free to depart. Никто не тронет тех, кто не пожелает идти за мной, и они останутся на свободе.

Those are the terms upon which I sell myself to the King. Таковы условия, на которых я продаю себя королю.

Let Lord Julian, the representative of the Secretary of State, say whether he agrees to them." Пусть лорд Джулиан, представитель министра иностранных дел, скажет, согласен ли он с этими условиями.

Prompt, eager, and clear came his lordship's agreement. And that was practically the end of the matter. Уэйд согласился немедленно, и дело на этом, собственно, закончилось.

Lord Julian, the butt now of good-humouredly ribald jests and half-derisive acclamations, plunged away to his cabin for the commission, secretly rejoicing at a turn of events which enabled him so creditably to discharge the business on which he had been sent. Лорд Джулиан поспешно бросился в свою каюту за патентом, весьма обрадованный таким поворотом событий, давшим ему возможность так хорошо выполнить поручение своего правительства.

Meanwhile the bo'sun signalled to the Jamaica ships to send a boat, and the men in the waist broke their ranks and went noisily flocking to line the bulwarks and view the great stately vessels that were racing down towards them. Тем временем боцман просигналил на ямайские корабли, вызывая лодку. Пираты на шкафуте столпились вдоль бортов, с чувством недоверия и страха разглядывая огромные, величественные галионы, подходившие к "Арабелле".

As Ogle left the quarter-deck, Blood turned, and came face to face with Miss Bishop. Как только Огл покинул квартердек, Блад повернулся к Арабелле Бишоп.

She had been observing him with shining eyes, but at sight of his dejected countenance, and the deep frown that scarred his brow, her own expression changed. Она все время следила за ним сияющими глазами, но сейчас выражение ее лица изменилось, потому что капитан был мрачен, как туча.

She approached him with a hesitation entirely unusual to her. She set a hand lightly upon his arm. Арабелла поняла, что его, несомненно, гнетет принятое им решение, и с замешательством, совершенно необычным для нее, легко прикоснулась к руке Блада.

"You have chosen wisely, sir," she commended him, "however much against your inclinations." - Вы поступили мудро, сэра, - похвалила она его, - даже если это идет вразрез с вашими желаниями.

He looked with gloomy eyes upon her for whom he had made this sacrifice. Он хмуро взглянул на Арабеллу, из-за которой пошел на эту жертву.

"I owed it to you - or thought I did," he said. - Я обязан этим вам, или думаю, что обязан, - тихо ответил Блад.

She did not understand. Арабелла не поняла его.

"Your resolve delivered me from a horrible danger," she admitted. And she shivered at the memory of it. - Ваше решение избавило меня от кошмарной опасности, - призналась она и содрогнулась при одном лишь воспоминании.

"But I do not understand why you should have hesitated when first it was proposed to you. - Но я не понимаю, почему вы вначале отклонили предложение лорда Уэйда.

It is an honourable service." Ведь это почетная служба.

"King James's?" he sneered. - Служба королю Якову? - насмешливо спросил он.

"England's," she corrected him in reproof. - Англии, - укоризненно поправила она его.

"The country is all, sir; the sovereign naught. - Страна - это все, сэр, а суверен[67] - ничто.

King James will pass; others will come and pass; England remains, to be honourably served by her sons, whatever rancour they may hold against the man who rules her in their time." Король Яков уйдет, придут и уйдут другие, но Англия останется, чтобы ей честно служили ее сыны, не считаясь со своим озлоблением против людей, временно стоявших у власти.

He showed some surprise. Then he smiled a little. Он несколько удивился, а затем чуть улыбнулся.

"Shrewd advocacy," he approved it. - Умная защита, - одобрил он.

"You should have spoken to the crew." - Вы должны были бы сказать это команде.

And then, the note of irony deepening in his voice: "Do you suppose now that this honourable service might redeem one who was a pirate and a thief?" - А затем, с добродушной насмешкой в голосе, заметил: - Не кажется ли вам сейчас, что такая почетная служба могла бы восстановить любое имя человека, который был вором и пиратом?

Her glance fell away. Her voice faltered a little in replying. Арабелла быстро опустила глаза, и голос ее слегка дрожал, когда она ответила:

"If he... needs redeeming. Perhaps... perhaps he has been judged too harshly." - Если он... хочет знать, то, может быть... нет, даже наверно... о нем было вынесено слишком суровое суждение...

The blue eyes flashed, and the firm lips relaxed their grim set. Синие глаза Блада сверкнули, а твердо стиснутые губы смягчились.

"Why... if ye think that," he said, considering her, an odd hunger in his glance, "life might have its uses, after all, and even the service of King James might become tolerable." - Ну... если вы думаете так, - сказал он, вглядываясь в нее с какой-то странной жадой во взоре, - то в конце концов даже служба королю Якову может показаться терпимой.

Looking beyond her, across the water, he observed a boat putting off from one of the great ships, which, hove to now, were rocking gently some three hundred yards away. Взглянув на море, Блад заметил шлюпку, отвалившую от одного из больших кораблей, которые, мягко покачиваясь на волнах, лежали в дрейфе не более чем в трехстах ярдах от них.

Abruptly his manner changed. He was like one recovering, taking himself in hand again. Он тут же взял себя в руки, чувствуя новые силы и бодрость, как бывает у выздоравливающего после длительной и тяжелой болезни.

"If you will go below, and get your gear and your woman, you shall presently be sent aboard one of the ships of the fleet." He pointed to the boat as he spoke. - Если вы спуститесь вниз, возьмете служанку и свои вещи, то мы сразу же отправим вас на один из кораблей эскадры, - сказал он, указывая на шлюпку.

She left him, and thereafter with Wolverstone, leaning upon the rail, he watched the approach of that boat, manned by a dozen sailors, and commanded by a scarlet figure seated stiffly in the stern sheets. Когда Арабелла ушла, Блад, подозревая Волверстона и опершись на борт, стал вместе с ним наблюдать за приближением шлюпки, в которой сидели двенадцать гребцов под командованием человека в красном.

He levelled his telescope upon that figure. Капитан навел подзорную трубу на эту фигуру.

"It'll not be Bishop himself," said Wolverstone, between question and assertion. - Это не Бишоп, - полувопросительно, полуютвердительно заметил Волверстон.

"No." Blood closed his telescope. - Нет, - ответил Блад, складывая подзорную трубу.

"I don't know who it is." - Не знаю, кто это может быть.

"Ha!" Wolverstone vented an ejaculation of sneering mirth. - Ага! - с иронической злостью воскликнул Волверстон.

"For all his eagerness, Bishop'd be none so willing to come, hissself. - Полковник, видать, совсем не жаждет появиться здесь самолично.

He's been aboard this hulk afore, and we made him swim for it that time. Он уже побывал раньше на этой посудине, и мы тогда заставили его поплавать.

He'll have his memories. So he sends a deputy." Помня об этом, он посылает своего заместителя.

This deputy proved to be an officer named Calverley, a vigorous, self-sufficient fellow, comparatively fresh from England, whose manner made it clear that he came fully instructed by Colonel Bishop upon the matter of how to handle the pirates. Этим заместителем оказался Кэлверлей - энергичный, самонадеянный офицер, не очень давно прибывший из Англии. Было совершенно очевидно, что полковник Бишоп тщательно проинструктировал его, как следует обращаться с пиратами.

His air, as he stepped into the waist of the Arabella, was haughty, truculent, and disdainful. Выражение лица Кэлверлея, когда он ступил на шкяфут "Арабеллы", было надменным, суровым и презрительным.

Blood, the King's commission now in his pocket, and Lord Julian standing beside him, waited to receive him, and Captain Calverley was a little taken aback at finding himself confronted by two men so very different outwardly from anything that he had expected. Блад с королевским патентом в кармане стоял рядом с лордом Джулианом. Капитан Кэлверлей был слегка удивлен, увидев перед собой двух людей, так резко отличавшихся от того, что он ожидал встретить.

But he lost none of his haughty poise, and scarcely deigned a glance at the swarm of fierce, half-naked fellows lounging in a semicircle to form a background. Однако его надменность от этого не уменьшилась, и он удостоил лишь мимолетным взглядом свирепую орду полуобнаженных людей, стоявших полукругом за Бладом и Уэйдом.

"Good-day to you, sir," Blood hailed him pleasantly. - Добрый день, сэра, - любезно поздоровался с ним Блад.

"I have the honour to give you welcome aboard the Arabella. - Имею честь приветствовать вас на борту "Арабеллы".

My name is Blood - Captain Blood, at your service. Мое имя Блад, капитан Блад.

You may have heard of me." Возможно, вы слышали обо мне.

Captain Calverley stared hard. Капитан Кэлверлей угрюмо взглянул на Блада.

The airy manner of this redoubtable buccaneer was hardly what he had looked for in a desperate fellow, compelled to ignominious surrender. Знаменитый корсар своей внешностью отнюдь не походил на отчаявшегося человека, вынужденного к позорной капитуляции.

A thin, sour smile broke on the officer's haughty lips. Неприятная, кислая улыбка скривила надменно сжатые губы офицера.

"You'll ruffle it to the gallows, no doubt," he said contemptuously. - У тебя будет возможность поважничать на виселице! - презрительно буркнул он.

"I suppose that is after the fashion of your kind. Meanwhile it's your surrender I require, my man, not your impudence." - А сейчас мне нужна твоя капитуляция, но не твоя наглость.

Captain Blood appeared surprised, pained. He turned in appeal to Lord Julian. Капитан Блад, делая вид, что он очень удивлен и огорчен, обратился к лорду Джулиану:

"D'ye hear that now? - Вы слышите?

And did ye ever hear the like? Вы когда-либо слышали что-либо подобное?

But what did I tell ye? Ye see, the young gentleman's under a misapprehension entirely. Вы понимаете, милорд, как заблуждается этот молодой человек.

Perhaps it'll save broken bones if your lordship explains just who and what I am." Может быть, мы предотвратим опасность поломки костей кое-кому, если ваша светлость объяснит, кто я такой и каково мое положение?

Lord Julian advanced a step and bowed perfunctorily and rather disdainfully to that very disdainful but now dumbfounded officer. Лорд Джулиан, выступив вперед, небрежно и даже презрительно кивнул этому еще совсем недавно надменному, а сейчас ошарашенному офицеру.

Pitt, who watched the scene from the quarter-deck rail, tells us that his lordship was as grave as a parson at a hanging. Питт, который с четвердека наблюдал за этой сценой, рассказывает в своих записках, что его светлость был мрачен, как поп при свершении казни через повешение.

But I suspect this gravity for a mask under which Lord Julian was secretly amused. Однако я склонен подозревать, что эта мрачность была лишь маской, которой забавлялся лорд Джулиан.

"I have the honour to inform you, sir," he said stiffly, "that Captain Blood holds a commission in the King's service under the seal of my Lord Sunderland, His

Majesty's Secretary of State." - Имею честь сообщить вам, сэр, - надменно заявил он, - что капитан Блад является офицером королевского флота, о чем свидетельствует патент с печатью лорда Сэндерленда, министра иностранных дел его величества короля Англии.

Captain Calverley's face empurpled; his eyes bulged. Капитан Кэлверлей выпучил глаза. Лицо его побагровело.

The buccaneers in the background chuckled and crowed and swore among themselves in their relish of this comedy. В толпе корсаров послышались хохот, заковыристая брань и радостные восклицания, которыми они выражали свое удовольствие от этой комедии.

For a long moment Calverley stared in silence at his lordship, observing the costly elegance of his dress, his air of calm assurance, and his cold, fastidious speech, all of which savoured distinctly of the great world to which he belonged. Кэлверлей молча глядел на Уэйда, пытаясь понять, откуда у этого проходимца такой дорогой, элегантный костюм, такой спокойный, уверенный вид и столь холодная, чеканная речь. Должно быть, этот прохвост некогда вращался в изысканном обществе?

"And who the devil may you be?" he exploded at last. - Кто ты такой, черт тебя побери? - вспыхнул наконец Кэлверлей.

Colder still and more distant than ever grew his lordship's voice. Голос его светлости стал более холодным и отчужденным:

"You're not very civil, sir, as I have already noticed. - Вы дурно воспитаны, сэр, как я замечаю.

My name is Wade - Lord Julian Wade. Моя фамилия Уэйд, лорд Джулиан Уэйд.

I am His Majesty's envoy to these barbarous parts, and my Lord Sunderland's near kinsman. Я - посол его величества в этих варварских краях и близкий родственник лорда Сэндерленда.

Colonel Bishop has been notified of my coming." Полковник Бишоп должен был знать о моем прибытии.

The sudden change in Calverley's manner at Lord Julian's mention of his name showed that the notification had been received, and that he had knowledge of it. Внезапная перемена в манерах Кэлверлея при имени лорда Джулиана показала, что сообщение о нем уже дошло до Ямайки и Бишопу было об этом известно.

"I... I believe that he has," said Calverley, between doubt and suspicion. - Я... полагаю... полковник был уведомлен, - ответил Кэлверлей, колеблясь между сомнением и подозрением.

"That is: that he has been notified of the coming of Lord Julian Wade. - То есть ему было сообщено о приезде лорда Джулиана Уэйда.

But... but... aboard this ship...?" Но... но... на этом корабле?..

The officer made a gesture of helplessness, and, surrendering to his bewilderment, fell abruptly silent. - Он виновато развел руками и, окончательно смешавшись, умолк.

"I was coming out on the Royal Mary..." - Я плыл на "Ройял Мэри"...

"That is what we were advised." - Нам так и было сообщено.

"But the Royal Mary fell a victim to a Spanish privateer, and I might never have arrived at all but for the gallantry of Captain Blood, who rescued me." - Но "Ройял Мэри" была потоплена испанским капером, и я никогда не добрался бы сюда, если бы не храбрость капитана Блада, который меня спас.

Light broke upon the darkness of Calverley's mind. В хаос, царивший в мозгу Кэлверлея, проник луч света.

"I see. I understand." - Я вижу, я понимаю...

"I will take leave to doubt it." - Весьма сомневаюсь в этом.

His lordship's tone abated nothing of its asperity. - Его светлость продолжал оставаться таким же суровым.

"But that can wait. If Captain Blood will show you his commission, perhaps that will set all doubts at rest, and we may proceed. - Но это придет со временем... Капитан Блад, предъявите ему ваш патент. Это, вероятно, рассеет все его сомнения, и мы сможем следовать дальше.

I shall be glad to reach Port Royal." Я был бы рад поскорее добраться до Порт-Ройяла.

Captain Blood thrust a parchment under Calverley's bulging eyes. Капитан Блад сунул пергамент прямо в вытаращенные глаза Кэлверлея.

The officer scanned it, particularly the seals and signature. He stepped back, a baffled, impotent man. He bowed helplessly. Офицер внимательно ознакомился с документом, особенно присматриваясь к печатям и подписям, а затем, обескураженный, отошел и растерянно поклонился.

"I must return to Colonel Bishop for my orders," he informed them. - Я должен вернуться к полковнику Бишопу за распоряжениями, - смущенно пробормотал он.

At that moment a lane was opened in the ranks of the men, and through this came Miss Bishop followed by her octoroon woman. В эту минуту толпа пиратов расступилась, и в образовавшемся проходе показалась мисс Бишоп в сопровождении своей служанки-мулатки.

Over his shoulder Captain Blood observed her approach. Искося поглядев через плечо, капитан Блад заметил ее приближение.

"Perhaps, since Colonel Bishop is with you, you will convey his niece to him. - Быть может, вы проводите к полковнику его племянницу? - сказал Блад Кэлверлею.

Miss Bishop was aboard the Royal Mary also, and I rescued her together with his lordship. - Мисс Бишоп также была вместе с его светлостью на "Роял Мэри".

She will be able to acquaint her uncle with the details of that and of the present state of affairs." Она сможет ознакомить дядю со всеми деталями гибели этого корабля и с настоящим положением дел.

Swept thus from surprise to surprise, Captain Calverley could do no more than bow again. Не успев прийти в себя от изумления, капитан Кэлверлей мог ответить на этот новый сюрприз только поклоном.

"As for me," said Lord Julian, with intent to make Miss Bishop's departure free from all interference on the part of the buccaneers, "I shall remain aboard the Arabella until we reach Port Royal. - Что же касается меня, - растягивая слова,

сказал лорд Джулиан, - то я останусь на борту "Арабеллы" до прибытия в Порт-Ройял.

My compliments to Colonel Bishop. Say that I look forward to making his acquaintance there." Передайте полковнику Бишопу привет и скажите ему, что в ближайшем будущем я надеюсь с ним познакомиться.

Chapter XXII Глава XXII

HOSTILITIES ССОРА

In the great harbour of Port Royal, spacious enough to have given moorings to all the ships of all the navies of the world, the Arabella rode at anchor. "Арабелла" стояла в огромной гавани Порт-Ройяла, достаточно вместительной, чтобы дать пристанище кораблям всех военных флотов мира.

Almost she had the air of a prisoner, for a quarter of a mile ahead, to starboard, rose the lofty, massive single round tower of the fort, whilst a couple of cables'-length astern, and to larboard, rode the six men-of-war that composed the Jamaica squadron. По существу, корабль был в плену, так как примерно в четверти мили от правого борта вздымалась тяжелая громада круглой башни форта, а не более чем в двух кабельтовых за кормой и с левого борта "Арабеллу" стерегли шесть военных судов ямайской эскадры, стоявших на якоре.

Abeam with the Arabella, across the harbour, were the flat-fronted white buildings of that imposing city that came down to the very water's edge. Прямо перед "Арабеллой", на противоположном берегу гавани, белели плоские фасады зданий довольно большого города, спускавшегося почти к самой воде.

Behind these the red roofs rose like terraces, marking the gentle slope upon which the city was built, dominated here by a turret, there by a spire, and behind these again a range of green hills with for ultimate background a sky that was like a dome of polished steel. За этими зданиями подобно террасам поднимались красные крыши, обозначая отлогий склон берега, на котором был расположен город. На фоне далеких зеленых холмов, под небом, напоминавшим купол из полированной стали, местами возвышались среди крыш остроконечные башенки и шпили.

On a cane day-bed that had been set for him on the quarter-deck, sheltered from the dazzling, blistering sunshine by an improvised awning of brown sailcloth, lounged Peter Blood, a calf-bound, well-thumbed copy of Horace's Odes neglected in his hands. Лежа на плетеной кушетке, прикрытой для защиты от жгучего солнца самодельным тентом из бурой парусины, на четвердеке скучал Питер Блад. В руках его была истрепанная книга - "Оды" Горация в переплете из телячьей кожи.

From immediately below him came the swish of mops and the gurgle of water in the scuppers, for it was still early morning, and under the directions of Hayton, the bo'sun, the swabbers were at work in the waist and forecastle. С нижней палубы доносилось шарканье швабр и журчание воды в шпигатах[68].

Despite the heat and the stagnant air, one of the toilers found breath to croak a ribald buccaneering ditty: "For we laid her board and board, And we put her to the sword, And we sank her in the deep blue sea. Было еще очень рано, и моряки под командой боцмана Хэйтона работали на шкафуте и баке, а один из моряков хриплым голосом напевал корсарскую песенку: В борт ударились бортом, Перебили всех потом, И отправили притом на дно морское!

So It's heigh-ho, and heave-a-ho! Дружнее, хо! Смелей, йо-хо!

Who'll sail for the Main with me?" Кто теперь на чертов Мэйн пойдет со мною?

Blood fetched a sigh, and the ghost of a smile played over his lean, sun-tanned face. Then the black brows came together above the vivid blue eyes, and thought swiftly closed the door upon his immediate surroundings. Блад вздохнул, и по его энергичному загорелому лицу пробежало что-то вроде улыбки, а затем, забыв обо всем окружающем, он погрузился в размышления.

Things had not sped at all well with him in the past fortnight since his acceptance of the King's commission. Последние две недели со дня получения им офицерского патента дела его шли отвратительно.

There had been trouble with Bishop from the moment of landing. Сразу же после прибытия на Ямайку начались неприятности с Бишопом.

As Blood and Lord Julian had stepped ashore together, they had been met by a man who took no pains to dissemble his chagrin at the turn of events and his determination to change it. Едва лишь Блад и лорд Джулиан сошли на берег, как их встретил человек, даже не пытавшийся скрыть величайшей своей досады по поводу такого нежданного поворота событий и своей решимости изменить положение.

He awaited them on the mole, supported by a group of officers. Вместе с группой офицеров Бишоп ждал их на молу.

"You are Lord Julian Wade, I understand," was his truculent greeting. For Blood at the moment he had nothing beyond a malignant glance. - Насколько я догадываюсь, вы лорд Джулиан Уэйд? - грубо спросил он, бросив злобный взгляд на капитана Блада.

Lord Julian bowed. Лорд Джулиан поклонился.

"I take it I have the honour to address Colonel Bishop, Deputy-Governor of Jamaica." It was almost as if his lordship were giving the Colonel a lesson in deportment. - Как мне кажется, я имею честь разговаривать с губернатором Ямайки полковником Бишопом? -спросил лорд с изысканной вежливостью, и его слова прозвучали так, как если бы его светлость давал полковнику Бишопу урок хорошего тона.

The Colonel accepted it, and belatedly bowed, removing his broad hat. Then he plunged on. Сообразив это, полковник, хотя и с опозданием, сняв свою широкополую шляпу, отвесил церемонный поклон, а затем сразу же приступил к делу:

"You have granted, I am told, the King's commission to this man." - Мне сказали, что вы выдали этому человеку королевский офицерский патент.

His very tone betrayed the bitterness of his rancour. - В его голосе чувствовалось раздраженное ожесточение.

"Your motives were no doubt worthy... your gratitude to him for delivering you from the Spaniards. - Ваши мотивы были, несомненно, благородны... вы были признательны за освобождение из рук испанцев.

But the thing itself is unthinkable, my lord. Но патент должен быть немедленно аннулирован.

The commission must be cancelled." Это недопустимая оплошность, милорд.

"I don't think I understand," said Lord Julian distantly. - Я вас не понимаю, - холодно заметил лорд Джулиан.

"To be sure you don't, or you'd never ha' done it. - Конечно, не понимаете, иначе вы никогда бы так не поступили.

The fellow's bubbled you. Этот человек обманул вас.

Why, he's first a rebel, then an escaped slave, and lastly a bloody pirate. Вначале он был бунтовщиком, потом стал беглым рабом, а сейчас это кровожадный пират.

I've been hunting him this year past." Весь прошлый год я за ним охотился.

"I assure you, sir, that I was fully informed of all. - Мне все это хорошо известно, сэр.

I do not grant the King's commission lightly." Я не так легко раздаю королевские патенты.

"Don't you, by God! - Да?

And what else do you call this? А как же тогда назвать то, что вы сделали?

But as His Majesty's Deputy-Governor of Jamaica, I'll take leave to correct your mistake in my own way." Но ничего, я как губернатор Ямайки, назначенный его величеством королем Англии, исправлю вашу ошибку по-своему.

"Ah! And what way may that be?" - Каким же образом?

"There's a gallows waiting for this rascal in Port Royal." - Этого мерзавца ждет виселица в Порт-Ройяле.

Blood would have intervened at that, but Lord Julian forestalled him. Блад хотел вмешаться, но лорд Джулиан предупредил его:

"I see, sir, that you do not yet quite apprehend the circumstances. - Я вижу, сударь, что вы не можете понять сути дела.

If it is a mistake to grant Captain Blood a commission, the mistake is not mine. Если патент выдан по ошибке, то эта ошибка не моя.

I am acting upon the instructions of my Lord Sunderland; and with a full knowledge of all the facts, his lordship expressly designated Captain Blood for this commission if Captain Blood could be persuaded to accept it." Я действую в соответствии с инструкциями лорда Сэндерленда. Его светлость, хорошо зная обо всех этих фактах, поручил мне передать патент капитану Бладу, если капитан Блад согласится его принять.

Colonel Bishop's mouth fell open in surprise and dismay. От испуга полковник Бишоп разинул рот:

"Lord Sunderland designated him?" he asked, amazed. - Лорд Сэндерленд дал такое указание?

"Expressly." - Да

His lordship waited a moment for a reply. None coming from the speechless Deputy-Governor, he asked a question: Не дождавшись ответа губернатора, который окончательно потерял дар речи, лорд Джулиан спросил:

"Would you still venture to describe the matter as a mistake, sir? - Осмелитесь ли вы сейчас настаивать на том, что я ошибся?

And dare you take the risk of correcting it?" Берете ли вы на себя ответственность исправить мою ошибку?

"I... I had not dreamed..." - Я... я... не думал...

"I understand, sir. - Это я понимаю, сэр.

Let me present Captain Blood." Разрешите представить вам капитана Блада.

Perforce Bishop must put on the best face he could command. Волей-неволей полковник Бишоп вынужден был сделать самое любезное выражение лица, на какое только был способен.

But that it was no more than a mask for his fury and his venom was plain to all. Однако все понимали, что под этой маской он скрывал лютую ярость.

From that unpromising beginning matters had not improved; rather had they grown worse. А вслед за таким сомнительным началом положение дел не только не улучшилось, но, пожалуй, ухудшилось.

Blood's thoughts were upon this and other things as he lounged there on the day-bed. Лежа на кушетке, Блад думал еще и о другом.

He had been a fortnight in Port Royal, his ship virtually a unit now in the Jamaica Squadron. Он уже две недели находился в Порт-Ройяле, так как его корабль фактически вошел в состав ямайской эскадры.

And when the news of it reached Tortuga and the buccaneers who awaited his return, the name of Captain Blood, which had stood so high among the Brethren of the Coast, would become a byword, a thing of execration, and before all was done his life might pay forfeit for what would be accounted a treacherous defection. Когда весть об этом дойдет до острова Тортуга и корсаров, ожидающих его возвращения, имя капитана Блада, до сих пор пользовавшееся таким уважением "берегового братства", теперь будет упоминаться с омерзением. Недавние друзья будут рассматривать его поступок как предательство, как переход на сторону врага. Пройдет еще немного времени, и может случиться, что он поплатится за это своей жизнью.

And for what had he placed himself in this position? Ради чего ему нужно было ставить себя в такое положение?

For the sake of a girl who avoided him so persistently and intentionally that he must assume that she still regarded him with aversion. Ради девушки, которая все время упорно не замечает его? Он считал, что Арабелла по-прежнему питает к нему отвращение.

He had scarcely been vouchsafed a glimpse of her in all this fortnight, although with that in view for his main object he had daily haunted her uncle's residence, and daily braved the unmasked hostility and baffled rancour in which Colonel Bishop held him. За эти две недели она едва удостоивала его взглядом. А ведь именно для этого он ежедневно торчал в резиденции ее дяди, не обращая внимания на нескрываемую враждебность полковника.

Nor was that the worst of it. Но и это еще было не самое худшее.

He was allowed plainly to perceive that it was the graceful, elegant young trifler from St. James's, Lord Julian Wade, to whom her every moment was devoted. Он видел, что все свое время и внимание Арабелла уделяет только лорду Джулиану - молодому и элегантному вельможе из числа бездельников Сент-Джеймского двора.

And what chance had he, a desperate adventurer with a record of outlawry, against such a rival as that, a man of parts, moreover, as he was bound to admit? Какие же

надежды имелись у него, отъявленного авантюриста, изгнанного из общества, против такого соперника, который вдобавок ко всему был еще и несомненно способным человеком?

You conceive the bitterness of his soul. Нетрудно вообразить себе, какой горечью наполнилась его душа.

He beheld himself to be as the dog in the fable that had dropped the substance to snatch at a delusive shadow. Капитан Блад сравнивал себя с той собакой из басни, что выпустила из пасти кость, погнавшись за ее отражением.

He sought comfort in a line on the open page before him: "levius fit patientia quicquid corrigere est nefas." Он попытался найти утешение в двух строках на странице открытой им книги: Люби не то, что хочется любить, А то, что можешь, то, чем обладаешь...

Sought it, but hardly found it. Но и любимый Г ораций не мог утешить капитана Блада.

A boat that had approached unnoticed from the shore came scraping and bumping against the great red hull of the Arabella, and a raucous voice sent up a hailing shout. From the ship's belfry two silvery notes rang clear and sharp, and a moment or two later the bo'sun's whistle shrilled a long wail. Его мрачные раздумья прервал приход шлюпки, которая, незаметно подойдя с берега, ударилась о высокий красный корпус "Арабеллы"; потом послышался чей-то хриплый голос, судовой колокол отчетливо и резко пробил две склянки, и вслед за ними раздался длинный, пронзительный свисток боцмана.

The sounds disturbed Captain Blood from his disgruntled musings. Эти звуки окончательно привели в себя капитана Блада, и он поднялся с кушетки.

He rose, tall, active, and arrestingly elegant in a scarlet, gold-laced coat that advertised his new position, and slipping the slender volume into his pocket, advanced to the carved rail of the quarter-deck, just as Jeremy Pitt was setting foot upon the companion. Его красивый красный мундир, расшитый золотом, свидетельствовал о новом звании капитана. Сунув в карман книгу, он подошел к резным перилам квартердека и увидел Питта, поднимавшегося по трапу.

"A note for you from the Deputy-Governor," said the master shortly, as he proffered a folded sheet. - Записка от губернатора, - сказал шкипер, протягивая ему сложенный лист бумаги.

Blood broke the seal, and read. Капитан сломал печать и пробежал глазами записку.

Pitt, loosely clad in shirt and breeches, leaned against the rail the while and watched him, unmistakable concern imprinted on his fair, frank countenance. Питт, в просторной рубахе и бриджах, облокотясь на перила, наблюдал за ним, и его честное, открытое лицо выражало явную озабоченность и тревогу.

Blood uttered a short laugh, and curled his lip. Блад, взглянув на Питта, засмеялся, но сразу же умолк, скривив губы.

"It is a very peremptory summons," he said, and passed the note to his friend. - Весьма повелительный вызов, - сказал он, передавая своему другу записку.

The young master's grey eyes skimmed it. Thoughtfully he stroked his golden beard. Молодой шкипер прочел ее, а затем задумчиво погладил свою золотистую бородку.

"You'll not go?" he said, between question and assertion. - Ты, конечно, не

поедешь?! - сказал он полувопросительно, полуутвердительно.

"Why not? - А почему бы и нет?

Haven't I been a daily visitor at the fort...?" Разве я не бываю ежедневно в форту?..

"But it'll be about the Old Wolf that he wants to see you. - Но он хочет вести разговор о нашем старом волке.

It gives him a grievance at last. Эта история дает ему повод для недовольства.

You know, Peter, that it is Lord Julian alone has stood between Bishop and his hate of you. Ты ведь знаешь, Питер, что только лорд Джулиан мешает Бишопу расправиться с тобой.

If now he can show that..." Если сейчас он сможет доказать, что...

"What if he can?" Blood interrupted carelessly. - Ну, а если даже он сможет? - беззаботно прервал его Блад.

"Shall I be in greater danger ashore than aboard, now that we've but fifty men left, and they lukewarm rogues who would as soon serve the King as me? - Разве на берегу я буду в большей опасности, чем здесь, когда у нас осталось не более пятидесяти равнодушных мерзавцев, которые так же будут служить королю, как и мне?

Jeremy, dear lad, the Arabella's a prisoner here, bedad, 'twixt the fort there and the fleet yonder. Клянусь богом, дорогой Джереми, "Арабелла" здесь в плену, под охраной форта и вот этой эскадры.

Don't be forgetting that." Не забывай этого.

Jeremy clenched his hands. Питт сжал кулаки и, не скрывая недовольства, спросил:

"Why did ye let Wolverstone and the others go?" he cried, with a touch of bitterness. - Но почему же в таком случае ты разрешил уйти Волверстону и другим?

"You should have seen the danger." Ведь можно же было предвидеть...

"How could I in honesty have detained them? - Перестань, Джереми! - перебил его Блад. - Ну, скажи по совести, как я мог удержать их?

It was in the bargain. Ведь мы так договорились.

Besides, how could their staying have helped me?" Да и чем они помогли бы мне, если бы даже остались с нами?

And as Pitt did not answer him: "Ye see?" he said, and shrugged. Питт ничего не ответил, и капитан Блад, опустив руку на плечо друга, сказал: - Вижу, что сам понимаешь.

"I'll be getting my hat and cane and sword, and go ashore in the cock-boat. Я возьму шляпу, трость и шпагу и отправлюсь на берег.

See it manned for me." Прикажи готовить шлюпку.

"Ye're going to deliver yourself into Bishop's hands," Pitt warned him. - Ты отдаешь себя в лапы Бишопу! - предупредил его Питт.

"Well, well, maybe he'll not find me quite so easy to grasp as he imagines. - Ну, это мы еще посмотрим. Может быть, меня не так-то легко взять, как ему кажется.

There's a thorn or two left on me." Я еще могу кусаться!

And with a laugh Blood departed to his cabin. - И, засмеявшись, Блад ушел в свою каюту.

Jeremy Pitt answered the laugh with an oath. На этот смех Джереми Питт ответил ругательством.

A moment he stood irresolute where Blood had left him. Then slowly, reluctance dragging at his feet, he went down the companion to give the order for the cock-boat. Несколько минут он стоял в нерешительности, а затем нехотя спустился по трапу, чтобы отдать распоряжение гребцам.

"If anything should happen to you, Peter," he said, as Blood was going over the side, "Colonel Bishop had better look to himself. - Если с тобой что-нибудь случится, Питер, - сказал он, когда Блад спускался с борта корабля, - то пусть Бишоп пеняет на себя.

These fifty lads may be lukewarm at present, as you say, but - sink me! - they'll be anything but lukewarm if there's a breach of faith." Эти пятьдесят парней сейчас, может быть, и равнодушны, но если нас обманут, то от их равнодушия и следа не останется.

"And what should be happening to me, Jeremy? - Ну что со мной может случиться, Джереми?

Sure, now, I'll be back for dinner, so I will." Не волнуйся! Обещаю тебе, что буду обратно к обеду.

Blood climbed down into the waiting boat. But laugh though he might, he knew as well as Pitt that in going ashore that morning he carried his life in his hands. Блад спустился в ожидавшую его шлюпку, хорошо понимая, что, отправляясь сегодня на берег, подвергает себя очень большому риску.

Because of this, it may have been that when he stepped on to the narrow mole, in the shadow of the shallow outer wall of the fort through whose crenels were thrust the black noses of its heavy guns, he gave order that the boat should stay for him at that spot. Может быть, поэтому, ступив на узкий мол у невысокой стены форта, из амбразур которого торчали черные жерла пушек, он приказал гребцам ждать его здесь.

He realized that he might have to retreat in a hurry. Ведь могло случиться, что ему придется немедленно возвращаться на корабль.

Walking leisurely, he skirted the embattled wall, and passed through the great gates into the courtyard. Он не спеша обогнул зубчатую стену и через большие ворота вошел во внутренний двор.

Half-a-dozen soldiers lounged there, and in the shadow cast by the wall, Major Mallard, the Commandant, was slowly pacing. Здесь бездельничало с полдюжины солдат, а в тени стены медленно прогуливался комендант форта майор Мэллэрд.

He stopped short at sight of Captain Blood, and saluted him, as was his due, but the smile that lifted the officer's stiff mustachios was grimly sardonic. Заметив капитана Блада, он остановился и отдал ему честь, как полагалось по уставу, но улыбка, ощетинившая его жесткие усы, была мрачнонасмешливой.

Peter Blood's attention, however, was elsewhere. Однако внимание Питера Блада было поглощено совсем другим.

On his right stretched a spacious garden, beyond which rose the white house that was the residence of the Deputy-Governor. Справа от него простирался большой сад, в глубине которого находился белый дом губернатора.

In that garden's main avenue, that was fringed with palm and sandalwood, he had caught sight of Miss Bishop alone. На главной аллее сада, обрамленной пальмами и сандаловыми деревьями, он увидел Арабеллу Бишоп.

He crossed the courtyard with suddenly lengthened stride. Быстрыми шагами Блад пересек внутренний двор и догнал ее.

"Good-morning to ye, ma'am," was his greeting as he overtook her; and hat in hand now, he added on a note of protest: "Sure, it's nothing less than uncharitable to make me run in this heat." - Доброе утро, сударыня! - поздоровался он, снимая шляпу, и тут же протестующе добавил: - Честное слово, безжалостно заставляя меня гнаться за вами в такую жару!

"Why do you run, then?" she asked him coolly, standing slim and straight before him, all in white and very maidenly save in her unnatural composure. "I am pressed," she informed him. "So you will forgive me if I do not stay." - Зачем же вы тогда гнались? - холодно спросила она и торопливо добавила: - Я спешу, и, надеюсь, вы извините меня, что я не могу задержаться.

"You were none so pressed until I came," he protested, and if his thin lips smiled, his blue eyes were oddly hard. - Вы совсем не спешили до моего появления, - шутиливо запротестовал он, и, хотя его губы улыбались, в глазах его появилось какое-то странное, жесткое выражение.

"Since you perceive it, sir, I wonder that you trouble to be so insistent." - Но если вы заметили это, сэр, то меня удивляет ваша настойчивость.

That crossed the swords between them, and it was against Blood's instincts to avoid an engagement. Их шпаги скрестились. И не в привычках Блада было уклоняться от схватки.

"Faith, you explain yourself after a fashion," said he. - Честное слово, вы могли бы как-то объясниться, - заметил он.

"But since it was more or less in your service that I donned the King's coat, you should suffer it to cover the thief and pirate." - Ведь только ради вас я нацепил этот королевский мундир, и вам должно быть неприятно, что его носит вор и пират.

She shrugged and turned aside, in some resentment and some regret. Она пожала плечами и отвернулась, чувствуя одновременно и обиду и раскаяние.

Fearing to betray the latter, she took refuge in the former. Однако, опасаясь выдать свое раскаяние, она решила прикрыться обидой и заметила:

"I do my best," said she. - Я делаю все от меня зависящее.

"So that ye can be charitable in some ways!" - Чтобы время от времени заниматься благотворительностью.

He laughed softly. - И он попытался улыбнуться.

"Glory be, now, I should be thankful for so much. - Слава богу, признателен вам и

за это.

Maybe I'm presumptuous. But I can't forget that when I was no better than a slave in your uncle's household in Barbados, ye used me with a certain kindness." Я, может быть, беру на себя слишком много, но не могу забыть, что, когда я был только рабом на плантациях вашего дяди, вы относились ко мне с большей добротой.

"Why not? In those days you had some claim upon my kindness. - Тогда вы имели основание на нее рассчитывать.

You were just an unfortunate gentleman then." В то время вы были просто несчастным человеком.

"And what else would you be calling me now?" - Ну, а кем же вы можете назвать меня сейчас?

"Hardly unfortunate. - Едва ли несчастным.

We have heard of your good fortune on the seas -how your luck has passed into a byword. Ваше счастье на морях стало пословицей.

And we have heard other things: of your good fortune in other directions." Были слухи и еще кое о чем: о вашем счастье и ваших успехах в других делах.

She spoke hastily, the thought of Mademoiselle d'Ogeron in her mind. And instantly would have recalled the words had she been able. Она сказала это, вспомнив о мадемуазель д'Ожерон, и, если бы могла, тут же взяла бы свои слова обратно.

But Peter Blood swept them lightly aside, reading into them none of her meaning, as she feared he would. Но Питер Блад и не придавал им значения, совсем не поняв ее намека.

"Aye - a deal of lies, devil a doubt, as I could prove to you." - Да? Все это ложь, черт побери, и я могу это доказать вам.

"I cannot think why you should trouble to put yourself on your defence," she discouraged him. - Я даже не понимаю, к чему вам утруждать себя доказательствами, - заметила она, чтобы выбить оружие у него из рук.

"So that ye may think less badly of me than you do." - Для того, чтобы вы думали обо мне лучше.

"What I think of you can be a very little matter to you, sir." - То, что я думаю, сэр, должно очень мало вас трогать.

This was a disarming stroke. He abandoned combat for expostulation. Это был обезоруживающий удар, и он, отказавшись от боя, принялся ее уговаривать:

"Can ye say that now? Can ye say that, beholding me in this livery of a service I despise? - Как вы можете говорить так, видя на мне мундир королевской службы, которую я ненавижу?

Didn't ye tell me that I might redeem the past? Разве не вы сказали мне, что я могу искупить свою вину?

It's little enough I am concerned to redeem the past save only in your eyes. Мне хочется только восстановить свое доброе имя в ваших глазах.

In my own I've done nothing at all that I am ashamed of, considering the

provocation I received." Ведь в прошлом я не сделал ничего такого, чего мне следовало бы стыдиться.

Her glance faltered, and fell away before his own that was so intent. Она не выдержала его пристального взгляда и опустила глаза.

"I... I can't think why you should speak to me like this," she said, with less than her earlier assurance. - Я... я не понимаю, почему вы так говорите со мной, - сказала она уже не с той уверенностью, как раньше.

"Ah, now, can't ye, indeed?" he cried. - Ах так! Теперь вы не понимаете! - воскликнул он.

"Sure, then, I'll be telling ye." - Тогда я скажу вам.

"Oh, please." - О нет, не нужно!

There was real alarm in her voice. - В ее голосе прозвучала подлинная тревога.

"I realize fully what you did, and I realize that partly, at least, you may have been urged by consideration for myself. - Я сознаю все, что вы сделали, и понимаю, что вы хоть немного, но беспокоились за меня.

Believe me, I am very grateful. Верьте мне, я очень признательна.

I shall always be grateful." Я всегда буду признательна вам...

"But if it's also your intention always to think of me as a thief and a pirate, faith, ye may keep your gratitude for all the good it's like to do me." - Но если вы будете всегда думать обо мне, как о воре и пирате, то, честное слово, оставьте вашу признательность при себе. Мне она ни к чему.

A livelier colour crept into her cheeks. There was a perceptible heave of the slight breast that faintly swelled the flimsy bodice of white silk. На щеках Арабеллы вспыхнул яркий румянец, и Блад заметил, как ее грудь под белым шелком стала чаще вздыматься.

But if she resented his tone and his words, she stifled her resentment. She realized that perhaps she had, herself, provoked his anger. Если даже ее и возмутили слова Блада и тон, каким они были произнесены, она все же подавила в себе возмущение, поняв, что сама была причиной его гнева.

She honestly desired to make amends. Арабелла честно попыталась исправить свою оплошность.

"You are mistaken," she began. - Вы ошибаетесь, - начала она.

"It isn't that." - Это не так.

But they were fated to misunderstand each other. Но им не суждено было понять друг друга.

Jealousy, that troubler of reason, had been over-busy with his wits as it had with hers. Ревность - дурной спутник благоразумия, а она шла рядом с каждым из них.

"What is it, then?" quoth he, and added the question: "Lord Julian?" - Но в таком случае что же так... или, вернее, кто?- спросил он и тут же добавил: - Лорд Джулиан?

She started, and stared at him blankly indignant now. Она взглянула на него с возмущением.

"Och, be frank with me," he urged her, unpardonably. "'Twill be a kindness, so it will." - О, будьте откровенны со мной! - безжалостно настаивал он. - Сделайте мне милость, скажите прямо.

For a moment she stood before him with quickened breathing, the colour ebbing and flowing in her cheeks. Then she looked past him, and tilted her chin forward. Несколько минут Арабелла стояла молча. Она прерывисто дышала, и румянец на ее щеках то появлялся, то исчезал.

"You... you are quite insufferable," she said. - Вы... вы совершенно невыносимы, - сказала она, отводя глаза.

"I beg that you will let me pass." - Разрешите мне пройти.

He stepped aside, and with the broad feathered hat which he still held in his hand, he waved her on towards the house. Он отступил и своей широкополой шляпой, которую все еще держал в руке, сделал жест в сторону дома.

"I'll not be detaining you any longer, ma'am. - Я больше не задерживаю вас, сударыня.

After all, the cursed thing I did for nothing can be undone. В конце концов, я могу еще исправить свой отвратительный поступок.

Ye'll remember afterwards that it was your hardness drove me." Потом вы припомните, что меня вынудила это сделать ваша жестокость.

She moved to depart, then checked, and faced him again. Она тут же остановилась и взглянула ему прямо в лицо.

It was she now who was on her defence, her voice quivering with indignation. Теперь она уже защищалась, и голос ее дрожал от негодования.

"You take that tone! - Вы говорите со мной таким тоном!

You dare to take that tone!" she cried, astounding him by her sudden vehemence. Вы осмеливаетесь разговаривать со мной подобным образом! - воскликнула она, поражая его своей страстностью.

"You have the effrontery to upbraid me because I will not take your hands when I know how they are stained; when I know you for a murderer and worse?" - Вы имеете дерзость укорять меня за то, что я не хочу касаться ваших рук, когда мне известно, что они обгажены кровью, когда я знаю вас не только как убийцу...

He stared at her open-mouthed. Он глядел на нее, приоткрыв рот от удивления.

"A murderer- I?" he said at last. - Убийца? Я? - выговорил он наконец.

"Must I name your victims? - Назвать вам ваши жертвы? Да?

Did you not murder Levasseur?" Разве не вы убили Левасера?

"Levasseur?" - Левасер?

He smiled a little. - Он даже чуть-чуть улыбнулся.

"So they've told you about that!" - Значит, вам и это сказали?!

"Do you deny it?" - А вы отрицаете это?

"I killed him, it is true. - К чему? Вы правы - я убил его.

I can remember killing another man in circumstances that were very similar. Но я могу припомнить еще одно убийство другого человека при аналогичных обстоятельствах.

That was in Bridgetown on the night of the Spanish raid. Это произошло в Бриджтауне в ночь, когда на город напали испанцы.

Mary Traill would tell you of it. Мэри Трэйл может рассказать вам все подробности.

She was present." Она была при этом.

He clapped his hat on his head with a certain abrupt fierceness, and strode angrily away, before she could answer or even grasp the full significance of what he had said. Он яростно нахлобучил шляпу и сердито ушел, до того как она успела что-либо ответить ему или хотя бы уразуметь смысл всего, что он ей сказал.

Chapter XXIII HOSTAGES Peter Blood stood in the pillared portico of Government House, and with unseeing eyes that were laden with pain and anger, stared out across the great harbour of Port Royal to the green hills rising from the farther shore and the ridge of the Blue Mountains beyond, showing hazily through the quivering heat. Глава XXIII. ЗАЛОЖНИКИ Стоя у колонны портика губернаторского дома, Питер Блад с болью и гневом в душе смотрел на огромный рейд Порт-Ройяла, на зеленые холмы и цепь Голубых гор, смутно видимые в дымке струившегося от зноя воздуха.

He was aroused by the return of the negro who had gone to announce him, and following now this slave, he made his way through the house to the wide piazza behind it, in whose shade Colonel Bishop and my Lord Julian Wade took what little air there was. Раздумье Блада было прервано возвращением негра, который ходил доложить губернатору о приходе капитана. Следуя за слугой, он прошел на широкую веранду, в тени которой полковник Бишоп с лордом Джулианом Уэйдом спасались от удушливой жары.

"So ye've come," the Deputy-Governor hailed him, and followed the greeting by a series of grunts of vague but apparently ill-humoured import. - А, пришли! - приветствовал его губернатор, сопровождая свое приветствие мычанием, не предвещавшим ничего доброго.

He did not trouble to rise, not even when Lord Julian, obeying the instincts of finer breeding, set him the example. Бишоп не потрудился подняться с места даже после того, как это сделал более воспитанный лорд Джулиан.

From under scowling brows the wealthy Barbados planter considered his sometime slave, who, hat in hand, leaning lightly upon his long beribboned cane, revealed nothing in his countenance of the anger which was being steadily nourished by this cavalier reception. Нахмутив брови, бывший барбадосский плантатор рассматривал своего бывшего раба. Блад стоял, держа в руке шляпу и слегка опираясь на длинную, украшенную лентами трость. Внешне он был спокоен, и ничто не выдавало его гнева, вызванного таким высокомерным приемом.

At last, with scowling brow and in self-sufficient tones, Colonel Bishop delivered himself. Помолчав немного, полковник сурово и вместе с тем самодовольно заявил:

"I have sent for you, Captain Blood, because of certain news that has just reached me. I am informed that yesterday evening a frigate left the harbour having on board

your associate Wolverstone and a hundred men of the hundred and fifty that were serving under you. - Я послал за вами, капитан Блад, потому что мне сообщили, что вчера с рейда ушел фрегат с вашим сообщником Волверстоном и сотней пиратов из полутораста человек, находившихся до этого под вашим командованием.

His lordship and I shall be glad to have your explanation of how you came to permit that departure." Мы с его светлостью хотели знать, на каком основании вы разрешили им уйти.

"Permit?" quoth Blood. - Разрешил? - переспросил Блад.

"I ordered it." - Я просто приказал им уйти.

The answer left Bishop speechless for a moment. Полковник на мгновение остолбенел от такого ответа.

Then: "You ordered it?" he said in accents of unbelief, whilst Lord Julian raised his eyebrows. "'Swounds! - Приказали? - наконец сказал он с изумлением, в то время как лорд Джулиан недоумевающе поднял брови. - Черт побери!

Perhaps you'll explain yourself? Может быть, вы объяснитесь точнее?

Whither has Wolverstone gone?" Куда вы послали Волверстона?

"To Tortuga. - На Тортугу.

He's gone with a message to the officers commanding the other four ships of the fleet that is awaiting me there, telling them what's happened and why they are no longer to expect me." Я поручил ему сообщить от моего имени командирам четырех других кораблей моей эскадры то, что здесь произошло и почему им не следует больше меня ждать.

Bishop's great face seemed to swell and its high colour to deepen. Блад заметил, как полковник от бешенства побагровел. Глаза его налились кровью, и казалось, что от гнева он готов лопнуть.

He swung to Lord Julian. Плантатор резко повернулся к лорду Джулиану:

"You hear that, my lord? - Вы слышали, милорд?

Deliberately he has let Wolverstone loose upon the seas again - Wolverstone, the worst of all that gang of pirates after himself. Он отпустил Волверстона, самого опасного после него человека из этой пиратской шайки.

I hope your lordship begins at last to perceive the folly of granting the King's commission to such a man as this against all my counsels. Я надеюсь, что ваша светлость теперь понимает, как безрассудно было выдать королевский офицерский патент такому человеку.

Why, this thing is... it's just mutiny... treason! Ведь это же... бунт... измена!

By God! It's matter for a court-martial." Клянусь богом, этим делом должен заняться военно-полевой суд!

"Will you cease your blather of mutiny and treason and courts-martial?" - Может быть, вы прекратите вздорную болтовню о бунте, измене и военно-полевым суде?

Blood put on his hat, and sat down unbidden. - Блад надел шляпу и, не ожидая приглашения, сел.

"I have sent Wolverstone to inform Hagthorpe and Christian and Yberville and the rest of my lads that they've one clear month in which to follow my example, quit piracy, and get back to their boucans or their logwood, or else sail out of the Caribbean Sea. - Я послал Волверстона сообщить Хагторпу, Кристиану, Ибервилю и другим моим людям, что у них есть месяц на размышление, в течение которого они должны последовать моему примеру, прекратить пиратство и вернуться к мирным занятиям - охоте или заготовке леса, или же убраться из Карибского моря.

That's what I've done." Вот какое я дал поручение!

"But the men?" his lordship interposed in his level, cultured voice. - Ну, а люди? - задал вопрос его светлость своим ровным голосом, не повышая тона.

"This hundred men that Wolverstone has taken with him?" - Ведь Волверстон захватил с собой еще сто человек.

"They are those of my crew who have no taste for King James's service, and have preferred to seek work of other kinds. - Это те люди из моей команды, которым не по душе служба у короля Якова.

It was in our compact, my lord, that there should be no constraining of my men." Нашим соглашением, милорд, предусматривалось, что никто из них не будет подвергаться какому-либо принуждению.

"I don't remember it," said his lordship, with sincerity. - Я не помню этого, - с искренним убеждением сказал Уэйд.

Blood looked at him in surprise. Then he shrugged. Блад удивленно посмотрел на него и пожал плечами:

"Faith, I'm not to blame for your lordship's poor memory. I say that it was so; and I don't lie. - Не хочу обвинять вас в забывчивости, милорд: так именно было, и я не лгу.

I've never found it necessary. In any case ye couldn't have supposed that I should consent to anything different." Во всяком случае, нельзя даже и предполагать, чтобы я согласился на что-либо другое.

And then the Deputy-Governor exploded. Губернатор уже не мог больше одерживаться:

"You have given those damned rascals in Tortuga this warning so that they may escape! - Значит, вы предупреждаете этих проклятых мерзавцев на Тортуге, чтобы они имели возможность спастись!

That is what you have done. Вот что вы сделали!

That is how you abuse the commission that has saved your own neck!" Вот как вы используете офицерский патент, благодаря которому сами спаслись от виселицы!

Peter Blood considered him steadily, his face impassive. Питер Блад невозмутимо взглянул на него.

"I will remind you," he said at last, very quietly, "that the object in view was - leaving out of account your own appetites which, as every one knows, are just those of a hangman - to rid the Caribbean of buccaneers. - Хочу напомнить вам, - тихо сказал он, - что целью миссии лорда Уэйда, не принимая во внимание ваши собственные аппетиты, которые, как всем известно, являются аппетитами палача, -это освобождение Карибского моря от корсаров.

Now, I've taken the most effective way of accomplishing that object. Я принял сейчас самые эффективные меры для выполнения этой задачи.

The knowledge that I've entered the King's service should in itself go far towards disbanding the fleet of which I was until lately the admiral." Известие о моем переходе на королевскую службу само по себе будет способствовать роспуску эскадры, которой я командовал до недавнего времени.

"I see!" sneered the Deputy-Governor malevolently. - Понимаю! - насмешливо проговорил губернатор.

"And if it does not?" - Ну, а если этого не будет?

"It will be time enough then to consider what else is to be done." - У нас есть время обдумать, какие шаги можно будет предпринять.

Lord Julian forestalled a fresh outburst on the part of Bishop. Лорд Джулиан предупредил новую вспышку гнева полковника Бишопа.

"It is possible," he said, "that my Lord Sunderland will be satisfied, provided that the solution is such as you promise." - Возможно, - сказал он, - что лорд Сэндерленд будет доволен, если исход дела окажется таким, как вы обещаете.

It was a courteous, conciliatory speech. Это были примирительные слова.

Urged by friendliness towards Blood and understanding of the difficult position in which the buccaneer found himself, his lordship was disposed to take his stand upon the letter of his instructions. Лорд Джулиан стремился не отступать от своих инструкций из расположения к Бладу.

Therefore he now held out a friendly hand to help him over the latest and most difficult obstacle which Blood himself had enabled Bishop to place in the way of his redemption. Поэтому сейчас он дружески протягивал ему руку, чтобы помочь преодолеть новое, весьма серьезное затруднение, которое создал сам капитан, дав в руки Бишопу оружие против себя.

Unfortunately the last person from whom Peter Blood desired assistance at that moment was this young nobleman, whom he regarded with the jaundiced eyes of jealousy. К сожалению, молодой вельможа был тем самым человеком, от которого Блад не хотел никакой помощи, потому что смотрел на него глазами, ослепленными ревностью.

"Anyway," he answered, with a suggestion of defiance and more than a suggestion of a sneer, "it's the most ye should expect from me, and certainly it's the most ye'll get." - Во всяком случае, - ответил Блад не только вызывающе, но и с насмешкой, - это максимум того, на что вы можете рассчитывать и что лорд Сэндерленд может от меня получить.

His lordship frowned, and dabbed his lips with a handkerchief. Лорд Джулиан нахмурился и несколько раз приложил к губам носовой платок.

"I don't think that I quite like the way you put it. - Мне все это как-то не нравится, - сказал он уныло.

Indeed, upon reflection, Captain Blood, I am sure that I do not." - Более того, поразмыслив, я могу сказать, что мне это совсем не нравится.

"I am sorry for that, so I am," said Blood impudently. "But there it is. I'm not on

that account concerned to modify it." - Сожалею, что это так, - дерзко улыбнулся Блад, -но я вовсе не намерен смягчать свои слова.

His lordship's pale eyes opened a little wider. Languidly he raised his eyebrows. Его светлость слегка приподнял брови над чуть расширившимися бесцветными глазами.

"Ah!" he said. - О! - покачал он головой.

"You're a prodigiously uncivil fellow. - Вы удивительно невежливы.

You disappoint me, sir. Я разочаровался в вас, сэр.

I had formed the notion that you might be a gentleman." Мне казалось, что вы могли бы еще стать джентльменом.

"And that's not your lordship's only mistake," Bishop cut in. - И это не единственная ошибка вашей светлости, - вмешался Бишоп.

"You made a worse when you gave him the King's commission, and so sheltered the rascal from the gallows I had prepared for him in Port Royal." - Вы сделали еще более грубую ошибку, выдав ему офицерский патент и буквально сняв его с виселицы, которую я приготовил для него в Порт-Ройяле.

"Aye - but the worst mistake of all in this matter of commissions," said Blood to his lordship, "was the one that trade this greasy slaver Deputy-Governor of Jamaica instead of its hangman, which is the office for which he's by nature fitted." - Да, но самая грубая ошибка во всей этой истории с патентом, - сказал Блад, обращаясь к лорду Джулиану, - была допущена при назначении этого разжиревшего рабовладельца на пост губернатора Ямайки, в то время как его следовало бы назначить ее палачом. Эта должность ему больше подошла бы.

"Captain Blood!" said his lordship sharply in reproof. - Капитан Блад! - с упреком воскликнул лорд Джулиан.

"Upon my soul and honour, sir, you go much too far. - Клянусь честью, вы заходите слишком далеко.

You are..." Вы...

But here Bishop interrupted him. Но тут Бишоп прервал его.

He had heaved himself to his feet, at last, and was venting his fury in unprintable abuse. С трудом поднявшись и дав волю своей ярости, он разразился потоком непристойных ругательств.

Captain Blood, who had also risen, stood apparently impassive, for the storm to spend itself. Капитан Блад, также встав с места, спокойно наблюдал за полковником.

When at last this happened, he addressed himself quietly to Lord Julian, as if Colonel Bishop had not spoken. Когда Бишоп наконец умолк, Блад невозмутимо обратился к лорду Джулиану, будто ничего не произошло.

"Your lordship was about to say?" he asked, with challenging smoothness. - Ваша светлость, вы, кажется, хотели что-то сказать? - спросил он с вызывающей вкрадчивостью.

But his lordship had by now recovered his habitual composure, and was again disposed to be conciliatory. Но к лорду Уэйду уже возвратилась его обычная выдержка и прежняя склонность занимать примирительную позицию.

He laughed and shrugged. Он засмеялся и пожал плечами.

"Faith! here's a deal of unnecessary heat," said he. - Честное слово, мы слишком горячимся, - сказал он.

"And God knows this plaguey climate provides enough of that. - Одному богу известно, как этому способствует ваш проклятый климат.

Perhaps, Colonel Bishop, you are a little uncompromising; and you, sir, are certainly a deal too peppery. Возможно, что вы, полковник Бишоп, слишком непреклонны, а вы, сэра, слишком вспыльчивы.

I have said, speaking on behalf of my Lord Sunderland, that I am content to await the result of your experiment." Я уже заявил от имени лорда Сэндерленда, что намерен ждать результатов вашего эксперимента.

But Bishop's fury had by now reached a stage in which it was not to be restrained. Но Бишоп, рассвирепев, дошел уже до такого состояния, что удержать его было невозможно.

"Are you, indeed?" he roared. - Ах так! - проревел он.

"Well, then, I am not. - Ну, а я не согласен.

This is a matter in which your lordship must allow me to be the better judge. Это вопрос, в котором, с вашего позволения, я могу разобраться лучше вас.

And, anyhow, I'll take the risk of acting on my own responsibility." В любом случае я беру на себя смелость действовать на свою собственную ответственность.

Lord Julian abandoned the struggle. He smiled wearily, shrugged, and waved a hand in implied resignation. Лорд Джулиан устало улыбнулся, пожал плечами и беспомощно махнул рукой.

The Deputy-Governor stormed on. Губернатор продолжал бушевать:

"Since my lord here has given you a commission, I can't regularly deal with you out of hand for piracy as you deserve. - Поскольку лорд Джулиан выдал вам патент, то я не имею права разделиться с вами так, как вы этого заслуживаете.

But you shall answer before a court-martial for your action in the matter of Wolverstone, and take the consequences." Но вы предстанете перед военнополевым судом за ваши действия в отношении Волверстона и будете нести ответственность за последствия.

"I see," said Blood. - Все ясно, - сказал Блад.

"Now we come to it. - Теперь мы добрались до сути дела.

And it's yourself as Deputy-Governor will preside over that same court-martial. Вы как губернатор будете председательствовать на этом суде.

So that ye can wipe off old scores by hanging me, it's little ye care how ye do it!" Вас, должно быть, очень радует возможность повесить меня и свести старые счёты.

He laughed, and added: "Praemonitus, praemunitus." - Он засмеялся и добавил: - Praemonitus praemunitus.

"What shall that mean?" quoth Lord Julian sharply. - Что это значит? - резко спросил лорд Джулиан.

"I had imagined that your lordship would have had some education." - Я полагал, что ваша светлость человек образованный, а вы даже по-латыни не знаете.

He was at pains, you see, to be provocative. Как видите, он усиленно старался вести себя вызывающе.

"It's not the literal meaning I am asking, sir," said Lord Julian, with frosty dignity. - Я не спрашиваю у вас, сэр, точного значения этих слов, - с ледяным достоинством произнес лорд Джулиан.

"I want to know what you desire me to understand?" - Я хочу знать, что вы желаете этим сказать.

"I'll leave your lordship guessing," said Blood. - Можете сами догадаться, - сказал Блад.

"And I'll be wishing ye both a very good day." - Желаю вам всего доброго!

He swept off his feathered hat, and made them a leg very elegantly. - Он сделал широкий жест своей шляпой с перьями и галантно раскланялся.

"Before you go," said Bishop, "and to save you from any idle rashness, I'll tell you that the Harbour-Master and the Commandant have their orders. - Прежде чем вы уйдете, - сказал Бишоп, - хочу добавить, что капитан порта и комендант форта получили все необходимые распоряжения.

You don't leave Port Royal, my fine gallows bird. Вы не уйдете из порта, висельник!

Damme, I mean to provide you with permanent moorings here, in Execution Dock." Будь я проклят, если я не обеспечу вам вечную стоянку здесь, на пирсе для казней!

Peter Blood stiffened, and his vivid blue eyes stabbed the bloated face of his enemy. Питер Блад насторожился и взглянул на обрюзгшее лицо своего врага.

He passed his long cane into his left hand, and with his right thrust negligently into the breast of his doublet, he swung to Lord Julian, who was thoughtfully frowning. Переложив длинную трость в левую руку, он небрежно засунул правую руку за отворот своего камзола и быстро повернулся к нахмурившемуся лорду Джулиану:

"Your lordship, I think, promised me immunity from this." - Если мне не изменяет память, ваша светлость обещали мне неприкосновенность.

"What I may have promised," said his lordship, "your own conduct makes it difficult to perform." - Да, я обещал, - сказал лорд Джулиан, - но вы своим поведением затрудняете выполнение этого обещания.

He rose. - Он поднялся.

"You did me a service, Captain Blood, and I had hoped that we might be friends. - Вы оказали мне услугу, капитан Блад, и я надеялся, что мы сможем быть друзьями.

But since you prefer to have it otherwise..." He shrugged, and waved a hand towards the Deputy-Governor. Но поскольку вы предпочитаете другое... - Он пожал плечами и, взмахнув рукой, указал на губернатора.

Blood completed the sentence in his own way: Блад закончил фразу за него:

"Ye mean that ye haven't the strength of character to resist the urgings of a bully." - Вы хотите сказать, что у вас не хватает твердости, чтобы противостоять требованиям этого хвастуна.

He was apparently at his ease, and actually smiling. - Внешне он был спокоен и даже улыбался.

"Well, well - as I said before - praemonitus, praemunitus. - Хорошо, praemonitus praemunitus.

I'm afraid that ye're no scholar, Bishop, or ye'd know that I means forewarned, forearmed." В латыни вы, действительно, не очень сильны, а то могли бы знать, что эти слова означают: кто предупрежден, тот вооружен.

"Forewarned? - Предупрежден?

Ha!" Bishop almost snarled. Ого! - зарычал Бишоп.

"The warning comes a little late. - Но предупреждение немножко запоздало.

You do not leave this house." Вы не уйдете из этого дома!

He took a step in the direction of the doorway, and raised his voice. - Он сделал шаг по направлению к двери.

"No there..." he was beginning to call. - Эй, кто там!.. - раздался его зычный голос.

Then with a sudden audible catch in his breath, he stopped short. И тут же, издав горлом какой-то неопределенный звук, он застыл на месте.

Captain Blood's right hand had reemerged from the breast of his doublet, bringing with it a long pistol with silver mountings richly chased, which he levelled within a foot of the Deputy-Governor's head. Капитан Блад, вытащив изза отворота камзола правую руку, держал в ней пистолет, богато украшенный золотом и серебром. Черное дуло пистолета глядело прямо в лоб губернатору.

"And forearmed," said he. - И вооружен, - сказал Блад.

"Don't stir from where you are, my lord, or there may be an accident." And my lord, who had been moving to Bishop's assistance, stood instantly arrested. - Ни с места, милорд, а то может произойти несчастный случай, - предупредил он лорда Джулиана, который бросился было Бишопу на помощь.

Chap-fallen, with much of his high colour suddenly departed, the Deputy-Governor was swaying on unsteady legs. Лорд застыл на месте. Губернатор с внезапно побледневшим лицом и отвисшей нижней губой закачался.

Peter Blood considered him with a grimness that increased his panic. Питер Блад мрачно смотрел на него, вызывая этим еще больший страх у полковника.

"I marvel that I don't pistol you without more ado, ye fat blackguard. - Сам удивляюсь, почему бы мне не прикончить вас на месте без дальнейших разговоров, - сказал он спокойно.

If I don't, it's for the same reason that once before I gave ye your life when it was forfeit. - И если я этого не делаю, то по той же причине, по которой однажды

уже подарил вам жизнь, хотя и тогда вы не имели на нее права.

Ye're not aware of the reason, to be sure; but it may comfort ye to know that it exists. Убеден, что вы не знаете этой причины, но пусть вас утешает то, что она существует.

At the same time I'll warn ye not to put too heavy a strain on my generosity, which resides at the moment in my trigger-finger. И я советую вам не злоупотреблять моим терпением. Сейчас оно переселилось в мой указательный палец, лежащий на собачке пистолета.

Ye mean to hang me, and since that's the worst that can happen to me anyway, you'll realize that I'll not boggle at increasing the account by spilling your nasty blood." Вы хотите меня повесить... Это самое худшее, что может ожидать меня, но до этого, как вы понимаете, я не поколеблюсь выбить из вашей головы мозги.

He cast his cane from him, thus disengaging his left hand. - Он отбросил трость, освободив левую руку.

"Be good enough to give me your arm, Colonel Bishop. - Будьте добры, полковник Бишоп, дайте мне вашу руку.

Come, come, man, your arm." Живо, живо, вашу руку!

Under the compulsion of that sharp tone, those resolute eyes, and that gleaming pistol, Bishop obeyed without demur. Побуждаемый повелительным тоном, взглядом решительных синих глаз и блеском пистолета, Бишоп повиновался без возражений.

His recent foul volubility was stemmed. He could not trust himself to speak. Его отвратительное многословие иссякло, и он не мог заставить себя произнести хотя бы одно слово.

Captain Blood tucked his left arm through the Deputy-Governor's proffered right. Капитан Блад продел свою левую руку сквозь согнутую руку губернатора, потом засунул свою правую руку с оружием за отворот камзола.

Then he thrust his own right hand with its pistol back into the breast of his doublet. - Хотя пистолета и не видно, но тем не менее он направлен в ваше жирное брюхо.

"Though invisible, it's aiming at ye none the less, and I give you my word of honour that I'll shoot ye dead upon the very least provocation, whether that provocation is yours or another's. Ye'll bear that in mind, Lord Julian. And now, ye greasy hangman, step out as brisk and lively as ye can, and behave as naturally as ye may, or it's the black stream of Cocytus ye'll be contemplating." Даю честное слово, что при малейшей провокации, безразлично, от кого она будет исходить - от вас или от кого-либо другого, - я уложу вас на месте... Имейте это в виду, лорд Джулиан... Ну, а сейчас, гнусная рожа, шагай живо, деловито, улыбайся любезно, насколько это тебе удастся, и веди себя как следует, не то тебе придется подумать о черных водах Коцита[69].

Arm in arm they passed through the house, and down the garden, where Arabella lingered, awaiting Peter Blood's return. Рука об руку они прошли через дом и спустились в сад, где взволнованная Арабелла ожидала возвращения Блада.

Consideration of his parting words had brought her first turmoil of mind, then a clear perception of what might be indeed the truth of the death of Levasseur. Размышление над последними словами капитана сначала внесло в ее душу смятение, но затем она ясно представила себе то, что могло быть причиной смерти Левасера.

She perceived that the particular inference drawn from it might similarly have been drawn from Blood's deliverance of Mary Traill. Она сообразила, что сделанный ею вывод мог быть с таким же успехом применен и к истории спасения Бладом Мэри Трэйл.

When a man so risks his life for a woman, the rest is easily assumed. For the men who will take such risks without hope of personal gain are few. Когда мужчина ради женщины рискует своей жизнью, то легко, конечно, предположить, что он лично заинтересован в этом, так как на свете найдется очень немного мужчин, которые рисковали бы, не надеясь получить что-либо взамен.

Blood was of those few, as he had proved in the case of Mary Traill. Но Блад был одним из этих немногих.

It needed no further assurances of his to convince her that she had done him a monstrous injustice. Теперь ему не пришлось бы долго убеждать Арабеллу в той чудовищной несправедливости, с какой она к нему относилась.

She remembered words he had used - words overheard aboard his ship (which he had named the Arabella) on the night of her deliverance from the Spanish admiral; words he had uttered when she had approved his acceptance of the King's commission; the words he had spoken to her that very morning, which had but served to move her indignation. Ей вспомнились все слова, случайно подслушанные на борту корабля, названного ее именем, и то, что он сказал, когда она одобрила его решение принять королевский патент, и, наконец, все сказанное им в это утро и вызвавшее лишь ее негодование.

All these assumed a fresh meaning in her mind, delivered now from its unwarranted preconceptions. Все это приобрело новое значение в ее сознании, освободившемся от необоснованных подозрений.

Therefore she lingered there in the garden, awaiting his return that she might make amends; that she might set a term to all misunderstanding. Вот почему она и решила задержаться в саду до его возвращения, извиниться и положить конец всем недоразумениям между ними.

In impatience she awaited him. Yet her patience, it seemed, was to be tested further. Она ждала его, но оказалось, что ее терпение должно было подвергнуться новому испытанию.

For when at last he came, it was in company -unusually close and intimate company - with her uncle. Когда Блад наконец появился, он был не один, а с дядей, причем они шли, к ее удивлению, дружески беседуя.

In vexation she realized that explanations must be postponed. С досадой она поняла, что объяснение откладывается.

Could she have guessed the extent of that postponement, vexation would have been changed into despair. Но если бы только она могла догадаться, на какое длительное время это объяснение откладывается, ее досада перешла бы в отчаяние.

He passed, with his companion, from that fragrant garden into the courtyard of the fort. Вместе со своим спутником Блад вышел из благоухающего сада и прошел во внутренний дворик форта.

Here the Commandant, who had been instructed to hold himself in readiness with the necessary men against the need to effect the arrest of Captain Blood, was amazed by the curious spectacle of the Deputy-Governor of Jamaica strolling forth arm in arm and apparently on the friendliest terms with the intended prisoner. Комендант,

получивший строгий приказ быть в готовности и иметь при себе некоторое количество солдат на случай ареста Блада, был крайне удивлен, увидев губернатора под руку с человеком, которого предполагалось арестовать.

For as they went, Blood was chatting and laughing briskly. Его поразило их поведение, так как Блад оживленно болтал и непринужденно смеялся.

They passed out of the gates unchallenged, and so came to the mole where the cock-boat from the Arabella was waiting. Никем не задержанные, они вышли из ворот и дошли до мола, где их ждала шлюпка с "Арабеллы".

They took their places side by side in the stern sheets, and were pulled away together, always very close and friendly, to the great red ship where Jeremy Pitt so anxiously awaited news. Не прерывая дружеской беседы, они уселись рядом на корме и отплыли к большому красному кораблю, где Джереми Питт с беспокойством ожидал новостей.

You conceive the master's amazement to see the Deputy-Governor come toiling up the entrance ladder, with Blood following very close behind him. Вам нетрудно представить себе изумление шкипера, когда он увидел губернатора, который в сопровождении Блада, пытаясь карабкаться по веревочной лестнице.

"Sure, I walked into a trap, as ye feared, Jeremy," Blood hailed him. - Конечно, ты был прав, Джереми: я попал в западню! - приветствовал его капитан Блад.

"But I walked out again, and fetched the trapper with me. - Но, как видишь, я выбрался оттуда, захватив с собой мерзавца, заманившего меня в ловушку.

He loves his life, does this fat rascal." Эта скотина, как тебе известно, любит жизнь.

Colonel Bishop stood in the waist, his great face blanched to the colour of clay, his mouth loose, almost afraid to look at the sturdy ruffians who lounged about the shot-rack on the main hatch. Полковник Бишоп, с лицом землистого цвета и отвислой губой, стоял на шкафуте. Он боялся даже взглянуть на коренастых головорезов, столпившихся на грот-люке около ящика с ядрами.

Blood shouted an order to the bo'sun, who was leaning against the forecastle bulkhead. Обратившись к боцману, который стоял тут же, опираясь на переборку бака, Блад громко распорядился:

"Throw me a rope with a running noose over the yardarm there, against the need of it. - Перекинь веревку с петлей через нок-рею!..

Now, don't be alarming yourself, Colonel, darling. Не пугайтесь, дорогой полковник.

It's no more than a provision against your being unreasonable, which I am sure ye'll not be. Это только мера предосторожности на случай, если вы будете несговорчивым, хотя я уверен, что этого не случится.

We'll talk the matter over whiles we are dining, for I trust ye'll not refuse to honour my table by your company." Мы обсудим вопрос за обедом. Надеюсь, вы окажете мне честь пообедать со мной.

He led away the will-less, cowed bully to the great cabin. Он отвел в свою большую каюту безвольного, усмирленного хвастуна.

Benjamin, the negro steward, in white drawers and cotton shirt, made haste by his command to serve dinner. Слуга Питера Блада негр Бенджамэн, в белых штанах и

полотняной рубахе, бросился выполнять распоряжения капитана об обеде.

Colonel Bishop collapsed on the locker under the stern ports, and spoke now for the first time. Полковник Бишоп, свалившись на сундук, стоявший под выходящими на корму иллюминаторами, пробормотал, заикаясь:

"May I ask wha... what are your intentions?" he quavered. - М-м-могу я с-спросить, ка... каковы ваши н-намерения?

"Why, nothing sinister, Colonel. - Конечно, конечно. В них нет ничего страшного, полковник.

Although ye deserve nothing less than that same rope and yardarm, I assure you that it's to be employed only as a last resource. Хотя вы вполне заслужили веревки на нок-рее, но уверяю вас, что к этому мы прибегнем лишь в крайнем случае.

Ye've said his lordship made a mistake when he handed me the commission which the Secretary of State did me the honour to design for me. Вы сказали, что лорд Джулиан сделал ошибку, вручив мне патент, выданный министром иностранных дел.

I'm disposed to agree with you; so I'll take to the sea again. Пожалуй, вы правы. Я снова ухожу в море.

Cras ingens iterabimus aequor. Cras ingens iterabimus aequor[70].

It's the fine Latin scholar ye'll be when I've done withye. Вы хорошо будете знать латынь к тому времени, когда я с вами покончу.

I'll be getting back to Tortuga and my buccaneers, who at least are honest, decent fellows. Я возвращаюсь на Тортугу, к своим корсарам, честным и славным ребятам.

So I've fetched ye aboard as a hostage." Вас же я захватил с собой в качестве заложника.

"My God!" groaned the Deputy-Governor. - Боже мой! - простонал губернатор.

"Ye... ye never mean that ye'll carry me to Tortuga!" - Вы... вы хотите взять меня на Тортугу?

Blood laughed outright. - О нет! - рассмеялся Блад.

"Oh, I'd never serve ye such a bad turn as that. - Я не окажу вам такой дурной услуги.

No, no. Нет, нет!

All I want is that ye ensure my safe departure from Port Royal. Я хочу только, чтобы мне был обеспечен свободный выход из Порт-Ройяла.

And, if ye're reasonable, I'll not even trouble you to swim for it this time. Если вы окажетесь сговорчивым, то я на этот раз даже не заставлю вас плавать.

Ye've given certain orders to your Harbour-Master, and others to the Commandant of your plaguey fort. Вы сообщили мне о том, что дали кое-какие распоряжения капитану порта и коменданту этого проклятого форта.

Ye'll be so good as to send for them both aboard here, and inform them in my presence that the Arabella is leaving this afternoon on the King's service and is to pass out unmolested. А сейчас вам придется вызвать их на корабль и в моем

присутствии сказать им, что сегодня, во второй половине дня, "Арабелла" уйдет в море по служебной надобности и никто не должен препятствовать ее отправлению.

And so as to make quite sure of their obedience, they shall go a little voyage with us, themselves. Ваши офицеры совершат маленькую поездку с нами, чтобы я был уверен в их повиновении.

Here's what you require. Вот все, что мне от вас нужно.

Now write - unless you prefer the yardarm." А сейчас садитесь к столу и пишите, если вы, конечно, не предпочитаете нок-рею.

Colonel Bishop heaved himself up in a pet. Полковник Бишоп попытался протестовать.

"You constrain me with violence..." he was beginning. - Вы принуждаете меня силой... - начал было он.

Blood smoothly interrupted him. Капитан Блад любезно прервал его:

"Sure, now, I am not constraining you at all. - Позвольте, я ни к чему не хочу вас принуждать.

I'm giving you a perfectly free choice between the pen and the rope. К чему насилие? Вам предоставляется совершенно свободный выбор между пером и веревкой.

It's a matter for yourself entirely." Этот вопрос можете решить только вы сами.

Bishop glared at him; then shrugging heavily, he took up the pen and sat down at the table. Бишоп гневно взглянул на него, а затем взял перо и присел к столу.

In an unsteady hand he wrote that summons to his officers. Дрожащей рукой он написал офицерам письмо.

Blood despatched it ashore; and then bade his unwilling guest to table. Блад отправил его на берег, а затем пригласил своего невольного гостя к столу:

"I trust, Colonel, your appetite is as stout as usual." - Надеюсь, полковник, вы не потеряли своего хорошего аппетита.

The wretched Bishop took the seat to which he was commanded. As for eating, however, that was not easy to a man in his position; nor did Blood press him. Жалкий Бишоп сел на указанный ему стул, но от страха не мог даже думать о еде, и Блад не настаивал.

The Captain, himself, fell to with a good appetite. Сам же он с аппетитом приступил к обеду.

But before he was midway through the meal came Hayton to inform him that Lord Julian Wade had just come aboard, and was asking to see him instantly. Не успел он разделаться с ним и наполовину, как пришел Хэйтон с докладом о прибытии на корабль лорда Джулиана Уэйда. Блад просил немедленно принять его.

"I was expecting him," said Blood. - Я этого ждал, - сказал он.

"Fetch him in." - Приведи его сюда.

Lord Julian came. He was very stem and dignified. His eyes took in the situation at a glance, as Captain Blood rose to greet him. С суровым и надменным видом в каюту вошел лорд Джулиан и с первого взгляда понял обстановку. Капитан Блад поднялся с

места со словами приветствия:

"It's mighty friendly of you to have joined us, my lord." - Это очень дружеский жест, милорд, что вы решили к нам присоединиться.

"Captain Blood," said his lordship with asperity, "I find your humour a little forced. - Капитан Блад, - резко сказал Уэйд, - ваш юмор несколько неуместен!

I don't know what may be your intentions; but I wonder do you realize the risks you are running." Я не знаю ваших намерений, но меня интересует, отдаете ли вы себе отчет в том риске, на какой вы идете.

"And I wonder does your lordship realize the risk to yourself in following us aboard as I had counted that you would." - А меня интересует, милорд, отдаете ли вы себе отчет в том риске, на какой пошли вы, явившись ко мне на корабль?

"What shall that mean, sir?" - Что это значит, сэр?

Blood signalled to Benjamin, who was standing behind Bishop. Блад подал знак Бенджамэну, стоявшему позади Бишопа:

"Set a chair for his lordship. Hayton, send his lordship's boat ashore. - Стул для его светлости... Хэйтон, отправь шлюпку его светлости на берег.

Tell them he'll not be returning yet awhile." Передай, что он здесь задержится.

"What's that?" cried his lordship. - Что такое? - воскликнул лорд Джулиан.

"Blister me! - Черт побери!

D'ye mean to detain me? Вы хотите задержать меня?

Are ye mad?" Вы сошли с ума!

"Better wait, Hayton, in case his lordship should turn violent," said Blood. "You, Benjamin, you heard the message. - Лучше подожди, Хэйтон, на случай, если его светлость вздумает буйствовать... Бенджамэн, ты слышал распоряжение?

Deliver it." Иди и передай его.

"Will you tell me what you intend, sir?" demanded his lordship, quivering with anger. - Скажете ли вы, что вы намерены делать, сэр? -потребовал его светлость, дрожа от гнева.

"Just to make myself and my lads here safe from Colonel Bishop's gallows. - Просто хочу обезопасить себя и своих ребят от виселицы полковника Бишопа.

I've said that I trusted to your gallantry not to leave him in the lurch, but to follow him hither, and there's a note from his hand gone ashore to summon the Harbour-Master and the Commandant of the fort. Я правильно рассчитал, что ваше воспитание не позволит вам покинуть его в беде и вы последуете за ним сюда. Я отправил на берег письменное распоряжение полковника капитану порта и коменданту форта немедленно явиться на корабль.

Once they are aboard, I shall have all the hostages I need for our safety." Как только они поднимутся на борт "Арабеллы", у меня будут все заложники, которые обеспечат нам полную безопасность.

"You scoundrel!" said his lordship through his teeth. - Это подлость! - процедил

сквозь зубы лорд Джулиан.

"Sure, now, that's entirely a matter of the point of view," said Blood. - О, это зависит от того, как смотреть на вещи, - спокойно сказал Блад.

"Ordinarily it isn't the kind of name I could suffer any man to apply to me. - Обычно я никому не позволяю безнаказанно оскорблять меня.

Still, considering that ye willingly did me a service once, and that ye're likely unwillingly to do me another now, I'll overlook your discourtesy, so I will." Но, учитывая, что в свое время вы по доброй воле оказали мне одну услугу, а сейчас поневоле оказываете другую, я не буду обращать внимания на вашу грубость.

His lordship laughed. Его светлость засмеялся.

"You fool," he said. - Вы идиот! - сказал он.

"Do you dream that I came aboard your pirate ship without taking my measures? - Неужели вы думаете, что я прибыл сюда, не приняв нужных предосторожностей?

I informed the Commandant of exactly how you had compelled Colonel Bishop to accompany you. Коменданту уже известно, как вы заставили полковника Бишоп вас сопровождать.

Judge now whether he or the Harbour-Master will obey the summons, or whether you will be allowed to depart as you imagine." И об этом знает также капитан порта. Судите сами, явятся ли они сюда и позволят ли уйти вашему кораблю.

Blood's face became grave. "I'm sorry for that," said he. - Весьма сожалею об этом, милорд, - сказал Блад.

I thought you would be, answered his lordship. - Я знал, что вы будете сожалеть, сэр, - ответил лорд Джулиан.

"Oh, but not on my own account. - Да, но я сожалею совсем не о себе.

It's the Deputy-Governor there I'm sorry for. Мне жаль губернатора.

D'ye know what Ye've done? Знаете, что вы наделали?

Sure, now, ye've very likely hanged him." Вы уже почти повесили его.

"My God!" cried Bishop in a sudden increase of panic. - Боже мой! - воскликнул Бишоп, задрожав от страха.

"If they so much as put a shot across my bows, up goes their Deputy-Governor to the yardarm. - Если по моему кораблю будет сделан хотя бы один выстрел, мы тут же вздернем губернатора на нок-рею.

Your only hope, Colonel, lies in the fact that I shall send them word of that intention. And so that you may mend as far as you can the harm you have done, it's yourself shall bear them the message, my lord." Ваша единственная надежда, полковник, заключается в том, что я пошлю им словечко о моем намерении... И для того, чтобы вы, милорд, могли как можно лучше исправить нанесенный вами вред, вы сами отправитесь с этим посланием.

"I'll see you damned before I do," fumed his lordship. - Да я скорее отправлюсь в ад, чем поеду на берег! - продолжал бушевать Уэйд.

"Why, that's unreasonable and unreasoning. - Крайне неблагоприятный поступок, милорд, - сказал Блад.

But if ye insist, why, another messenger will do as well, and another hostage aboard - as I had originally intended - will make my hand the stronger." - Но, если вы так настроены... не буду вас уговаривать. Придется послать кого-нибудь другого. А вы останетесь на корабле. Ну что ж, еще один заложник! Это только усиливает мою позицию.

Lord Julian stared at him, realizing exactly what he had refused. Лорд Джулиан уставился на него, сообразив, от чего он отказался.

"You'll think better of it now that ye understand?" quoth Blood. - Может быть, вы перерешите, после того как я вам все разъяснил? - спросил Блад.

"Aye, in God's name, go, my lord," spluttered Bishop, "and make yourself obeyed. - Послушайтесь его, поезжайте, ради бога, милорд! - брызжа слюной, простонал Бишоп. - Пусть немедленно выполнят его приказание.

This damned pirate has me by the throat." Этот проклятый пират схватил меня за горло...

His lordship surveyed him with an eye that was not by any means admiring. Его светлость бросил на Бишопа взгляд, весьма далекий от восхищения.

"Why, if that is your wish..." he began. Then he shrugged, and turned again to Blood. "I suppose I can trust you that no harm will come to Colonel Bishop if you are allowed to sail?" - Конечно, если вы на этом настаиваете... - начал было он, но затем, пожав плечами, снова повернулся к Бладу: - Я могу положиться на вас, что полковнику Бишопу не будет причинено никакого вреда, если вам позволят отплыть?

"You have my word for it," said Blood. "And also that I shall put him safely ashore again without delay." - Даю вам слово, - сказал Блад, - так же как обещаю, что полковник Бишоп без задержки будет высажен на берег.

Lord Julian bowed stiffly to the cowering Deputy-Governor. Лорд Джулиан надменно поклонился притихшему губернатору.

"You understand, sir, that I do as you desire," he said coldly. - Вы понимаете, сэр, что я поступаю так по вашему желанию, - холодно заметил он.

"Aye, man, aye!" Bishop assented hastily. - Да... конечно, да! - поспешно согласился Бишоп.

"Very well." - Хорошо!

Lord Julian bowed again and took his departure. - Лорд Джулиан снова поклонился и пошел к борту.

Blood escorted him to the entrance ladder at the foot of which still swung the Arabella's own cock-boat. Блад проводил его до веревочного трапа, внизу которого все еще покачивалась шлюпка "Арабеллы".

"It's good-bye, my lord," said Blood. - До свидания, милорд, - сказал Блад.

"And there's another thing." - Да, чуть было не забыл!

He proffered a parchment that he had drawn from his pocket. "It's the commission. - Он вынул из кармана пергамент и протянул его Уэйду: - Вот ваш патент.

Bishop was right when he said it was a mistake." Бишоп был прав, говоря, что он был выдан мне по ошибке.

Lord Julian considered him, and considering him his expression softened. Лорд Джулиан внимательно посмотрел на Блада, и выражение его лица смягчилось.

"I am sorry," he said sincerely. - Мне очень жаль, - искренне проговорил он.

"In other circumstances..." began Blood. - При иных обстоятельствах, милорд... - начал было Блад.

"Oh, but there! - Э, да что там!

Ye'll understand. The boat's waiting." Вы понимаете... Шлюпка вас ждет.

Yet with his foot on the first rung of the ladder, Lord Julian hesitated. Уже поставив ногу на первую ступеньку лестницы, лорд Джулиан заколебался:

"I still do not perceive - blister me if I do! - why you should not have found some one else to carry your message to the Commandant, and kept me aboard as an added hostage for his obedience to your wishes." - Будь я проклят, но я ничего не могу понять! Почему вы не можете послать на берег кого-нибудь другого и не оставляете на корабле меня, как еще одного заложника?

Blood's vivid eyes looked into the other's that were clear and honest, and he smiled, a little wistfully. Своими ясными синими глазами Блад посмотрел прямо в честные и чистые глаза Уэйда и грустно улыбнулся.

A moment he seemed to hesitate. Then he explained himself quite fully. Казалось, Блад колеблется, но затем он решительно и откровенно сказал, что думал:

"Why shouldn't I tell you? - Да почему бы мне и не сказать вам напоследок?

It's the same reason that's been urging me to pick a quarrel with you so that I might have the satisfaction of slipping a couple of feet of steel into your vitals. Причина все та же, милорд. Она толкала меня и на ссору с вами, чтобы иметь удовольствие проткнуть вас шпагой.

When I accepted your commission, I was moved to think it might redeem me in the eyes of Miss Bishop -for whose sake, as you may have guessed, I took it. Принимая ваш патент, я надеялся, что он поможет мне искупить свою, вину за прошлое в глазах мисс Бишоп, ради которой, как вы, вероятно, догадались, я и взял его.

But I have discovered that such a thing is beyond accomplishment. Но теперь я понял, что все это напрасно.

I should have known it for a sick man's dream. Мои надежды - это горячечный бред больного.

I have discovered also that if she's choosing you, as I believe she is, she's choosing wisely between us, and that's why I'll not have your life risked by keeping you aboard whilst the message goes by another who might bungle it. Я понял также, что если Арабелла Бишоп, как мне кажется, из нас двоих предпочла вас, то думаю, что она поступила правильно. Вот почему я не хочу оставлять вас на корабле и подвергать опасности - а такая опасность существует: нас могут обстрелять, мы будем защищаться.

And now perhaps ye'll understand." Слепой случай может вас погубить...

Lord Julian stared at him bewildered. Пораженный лорд Джулиан уставился на Блада.

His long, aristocratic face was very pale. Его длинное холеное лицо было очень бледно.

"My God!" he said. - Боже мой! - прошептал он.

"And you tell me this?" - И вы... вы говорите это мне!

"I tell you because... Oh, plague on it! - so that ye may tell her; so that she may be made to realize that there's something of the unfortunate gentleman left under the thief and pirate she accounts me, and that her own good is my supreme desire. - Я говорю вам это потому, что... Ах, черт возьми, ну, чтобы заставить ее понять, что вор и пират, которым она меня считает, все еще сохранил кое-что от тех времен, когда он был джентльменом. Ее счастье для меня драгоценней всего на свете.

Knowing that, she may... faith, she may remember me more kindly - if It's only in her prayers. Зная об этом, она сможет... с большей теплотой вспоминать меня иногда, хотя бы только в своих молитвах.

That's all, my lord." Это все, милорд!

Lord Julian continued to look at the buccaneer in silence. Лорд Джулиан долго смотрел на корсара, а потом молча протянул ему руку.

In silence, at last, he held out his hand; and in silence Blood took it. Блад также молча пожал ее.

"I wonder whether you are right," said his lordship, "and whether you are not the better man." - Я не уверен, что вы правы, - сказал лорд Джулиан. - Возможно, что из нас двоих вы являетесь для нее лучшим.

"Where she is concerned see that you make sure that I am right. - Это только ваше мнение, милорд, а что касается Арабеллы, сделайте так, чтобы я оказался прав.

Good-bye to you." Прощайте!

Lord Julian wrung his hand in silence, went down the ladder, and was pulled ashore. Лорд Джулиан крепко пожал ему руку. Затем он спустился в лодку и направился к берегу.

From the distance he waved to Blood, who stood leaning on the bulwarks watching the receding cock-boat. Отплыв на некоторое расстояние, он помахал рукой Бладу, который, облокотившись на фальшборт, - наблюдал за удаляющейся шлюпкой.

The Arabella sailed within the hour, moving lazily before a sluggish breeze. Часом позже, пользуясь легким бризом, "Арабелла" вышла из порта.

The fort remained silent and there was no movement from the fleet to hinder her departure. Форт молчал. Ни один из кораблей ямайской эскадры не сделал и движения, чтобы помешать ее уходу.

Lord Julian had carried the message effectively, and had added to it his own personal commands. Лорд Джулиан хорошо выполнил поручение, и было ясно, что он подкрепил его своими личными распоряжениями.

Chapter XXIV Глава XXIV

WAR ВОЙНА

Five miles out at sea from Port Royal, whence the details of the coast of Jamaica were losing their sharpness, the Arabella hove to, and the sloop she had been towing was warped alongside. Милях в пяти от Порт-Ройяла в открытом море, когда очертания побережья Ямайки стали затягиваться дымкой, "Арабелла" легла в дрейф, и к ее борту был подтянут шлюп, который она тащила за кормой.

Captain Blood escorted his compulsory guest to the head of the ladder. Капитан Блад проводил своего невольного гостя к веревочному трапу.

Colonel Bishop, who for two hours and more had been in a state of mortal anxiety, breathed freely at last; and as the tide of his fears receded, so that of his deep-rooted hate of this audacious buccaneer resumed its normal flow. Полковник Бишоп, пребывавший в течение нескольких часов в состоянии смертельной тревоги, наконец вздохнул свободно. И по мере того как рассеивался его страх, к нему возвращалась его ненависть к дерзкому корсару.

But he practised circumspection. Но держался он осторожно.

If in his heart he vowed that once back in Port Royal there was no effort he would spare, no nerve he would not strain, to bring Peter Blood to final moorings in Execution Dock, at least he kept that vow strictly to himself. Если мысленно Бишоп и клялся не щадить по возвращении в Порт-Ройял ни усилий, ни нервов, чтобы захватить Питера Блада и доставить его к месту вечной стоянки на пирсе казней, то внешне он этого не показывал и старательно прятал свои чувства.

Peter Blood had no illusions. He was not, and never would be, the complete pirate. Питер Блад не питал никаких иллюзий в отношении Бишоп, но вел себя с ним так только потому, что настоящим пиратом он не был и никогда не хотел быть.

There was not another buccaneer in all the Caribbean who would have denied himself the pleasure of stringing Colonel Bishop from the yardarm, and by thus finally stifling the vindictive planter's hatred have increased his own security. В Карибском море вряд ли нашелся бы такой корсар, который отказал бы себе в удовольствии вздернуть мстительного и жестокого губернатора на нок-рее.

But Blood was not of these. Moreover, in the case of Colonel Bishop there was a particular reason for restraint. Because he was Arabella Bishop's uncle, his life must remain sacred to Captain Blood. Однако Питер Блад, во-первых, не принадлежал к корсарам такого типа, а во-вторых, он не мог забыть, что Бишоп был дядей Арабеллы.

And so the Captain smiled into the sallow, bloated face and the little eyes that fixed him with a malevolence not to be dissembled. Поэтому-то капитан и улыбнулся, глядя на пожелтевшее, одутловатое лицо Бишоп с маленькими глазками, уставившимися на него с нескрываемой враждебностью.

"A safe voyage home to you, Colonel, darling," said he in valediction, and from his easy, smiling manner you would never have dreamt of the pain he carried in his breast. - Желаю вам счастливого пути, дорогой полковник! - любезно сказал он на прощание, и, судя по его спокойному виду, никто не догадался бы о сомнениях, раздиравших его сердце.

"It's the second time ye've served me for a hostage. - Вы второй раз оказываете мне услугу в качестве заложника.

Ye'll be well advised to avoid a third. Советую вам не делать этого в третий раз.

I'm not lucky to you, Colonel, as you should be perceiving." Пора уж понять, что я

приношу вам несчастье, полковник!

Jeremy Pitt, the master, lounging at Blood's elbow, looked darkly upon the departure of the Deputy-Governor. Шкипер Джереми Питт, стоя рядом с Бладом, мрачно наблюдал за отъездом губернатора.

Behind them a little mob of grim, stalwart, sun-tanned buccaneers were restrained from cracking Bishop like a flea only by their submission to the dominant will of their leader. Позади них с суровыми и загорелыми лицами толпились дюжие пираты, и только железная воля их капитана мешала им раздавить Бишопа, как мерзкого клопа.

They had learnt from Pitt while yet in Port Royal of their Captain's danger, and whilst as ready as he to throw over the King's service which had been thrust upon them, yet they resented the manner in which this had been rendered necessary, and they marvelled now at Blood's restraint where Bishop was concerned. Еще в Порт-Ройяле узнали они об опасности, грозившей Питеру Бладу, и хотя корсары, так же как и он, были рады развязаться с королевской службой, их все же глубоко возмутили обстоятельства, сделавшие эту развязку неизбежной. Они поражались сдержанности своего капитана в отношении этого мерзавца Бишопа.

The Deputy-Governor looked round and met the lowering hostile glances of those fierce eyes. Instinct warned him that his life at that moment was held precariously, that an injudicious word might precipitate an explosion of hatred from which no human power could save him. Губернатора со всех сторон встречали яростные взгляды пиратов, и чувство самосохранения подсказывало ему, что любое необдуманное слово, вырвавшееся у него, могло вызвать такой взрыв ненависти, от которой его не спасла бы уже никакая сила.

Therefore he said nothing. He inclined his head in silence to the Captain, and went blundering and stumbling in his haste down that ladder to the sloop and its waiting negro crew. They pushed off the craft from the red hull of the Arabella, bent to their sweeps, then, hoisting sail, headed back for Port Royal, intent upon reaching it before darkness should come down upon them. Поэтому, оставляя корабль, он, не говоря ни слова, поспешно кивнул головой капитану и неуклюже спустился в шлюп. Негры-гребцы, оттолкнувшись от красного корпуса "Арабеллы", согнулись над длинными веслами и, подняв паруса, направились в Порт-Ройял, рассчитывая добраться туда до наступления темноты.

And Bishop, the great bulk of him huddled in the stem sheets, sat silent, his black brows knitted, his coarse lips pursed, malevolence and vindictiveness so whelming now his recent panic that he forgot his near escape of the yardarm and the running poose. Грузный Бишоп, поджав толстые губы и скорчившись, как вареный краб, понуро сидел на корме. Злоба и жажда мщения овладели им сейчас с такой силой, что он забыл обо всем: и о своем страхе и о том, что он чудом спасся от петли.

On the mole at Port Royal, under the low, embattled wall of the fort, Major Mallard and Lord Julian waited to receive him, and it was with infinite relief that they assisted him from the sloop. На молу в Порт-Ройяле, около низкой зубчатой стены, его ожидали майор Мэллэрд и лорд Джулиан. С чувством огромного облегчения они помогли ему выбраться из шлюпа.

Major Mallard was disposed to be apologetic. Майор Мэллэрд сразу же начал с извинений.

"Glad to see you safe, sir," said he. - Рад вас видеть в добром здравии, сэр! - сказал он.

"I'd have sunk Blood's ship in spite of your excellency's being aboard but for your own orders by Lord Julian, and his lordship's assurance that he had Blood's word

for it that no harm should come to you so that no harm came to him. - Я должен бы потопить корабль Блада, но этому помешал ваш собственный приказ, переданный мне лордом Джулианом. Его светлость заверила меня, что Блад дал слово не причинять вам никакого вреда, если ему будет разрешено беспрепятственно уйти.

I'll confess I thought it rash of his lordship to accept the word of a damned pirate..." Признаюсь, я свитал, что его светлость поступил опрометчиво, полагаясь на слово презренного пирата...

"I have found it as good as another's," said his lordship, cropping the Major's too eager eloquence. - Он держит слово не хуже, чем другие, - прервал красноречие майора его светлость.

He spoke with an unusual degree of that frosty dignity he could assume upon occasion. Он произнес эти слова с ледяным достоинством, которое весьма умело напускал на себя.

The fact is that his lordship was in an exceedingly bad humour. Having written jubilantly home to the Secretary of State that his mission had succeeded, he was now faced with the necessity of writing again to confess that this success had been ephemeral. У его светлости к тому же было омерзительное настроение. сообщив министру иностранных дел о блестящем успехе своей миссии, он был поставлен сейчас перед необходимостью послать дополнительное сообщение с признанием, что успех этот оказался эфемерным.

And because Major Mallard's crisp mustachios were lifted by a sneer at the notion of a buccaneer's word being acceptable, he added still more sharply: И так как губы майора Мэллэрда кривились насмешкой над таким доверием к слову пирата, его светлость еще более резко добавил:

"My justification is here in the person of Colonel Bishop safely returned. - Мои действия оправданы благополучным возвращением полковника Бишоп.

As against that, sir, your opinion does not weigh for very much. По сравнению с этим, сэръ, ваше мнение не стоит и фартинга[71].

You should realize it." Вы должны отдавать себе отчет в этом!

"Oh, as your lordship says." Major Mallard's manner was tinged with irony. - О, как вам угодно, ваша светлость! - с иронией процедил майор Мэллэрд.

"To be sure, here is the Colonel safe and sound. And out yonder is Captain Blood, also safe and sound, to begin his piratical ravages all over again." - Конечно, полковник вернулся живым и невредимым, но вот там в море такой же живой и невредимый капитан Блад снова начнет свои пиратские разбои.

"I do not propose to discuss the reasons with you, Major Mallard." - Сейчас я не намерен обсуждать этот вопрос, майор Мэллэрд.

"And, anyway, it's not for long," growled the Colonel, finding speech at last. "No, by..." He emphasized the assurance by an unprintable oath. - Ничего! Это долго не протянется! - зарычал полковник, к которому наконец вернулся дар речи.

"If I spend the last shilling of my fortune and the last ship of the Jamaica fleet, I'll have that rascal in a hempen necktie before I rest. And I'll not be long about it." - Я истрочу все свое состояние до последнего шиллинга, я не пожалю всех кораблей ямайской эскадры, но не успокоюсь до тех пор, пока не поймаю этого мерзавца и не повешу ему на шею пеньковый галстук!

He had empurpled in his angry vehemence, and the veins of his forehead stood out like whipcord. - От бешеной злобы он побагровел так, что у него на лбу вздулись вены.

Then he checked. "You did well to follow Lord Julian's instructions," he commended the Major. Слегка отдышавшись, он обратился к майору: -Вы хорошо сделали, выполнив указания лорда Джулиана!

With that he turned from him, and took his lordship by the arm. "Come, my lord. - И, похвалив Мэллэрда, он взял Уэйда за руку: -Пойдемте, милорд.

We must take order about this, you and I." Нам нужно все это обсудить.

They went off together, skirting the redoubt, and so through courtyard and garden to the house where Arabella waited anxiously. Они направились к дому, где с большим беспокойством их ждала Арабелла.

The sight of her uncle brought her infinite relief, not only on his own account, but on account also of Captain Blood. Увидев дядю, она почувствовала огромное облегчение не только за него, но также и за капитана Блада.

"You took a great risk, sir," she gravely told Lord Julian after the ordinary greetings had been exchanged. - Вы очень рисковали, сэр, - серьезно сказала она лорду Джулиану, после того как они обменялись обычными приветствиями.

But Lord Julian answered her as he had answered Major Mallard. "There was no risk, ma'am." Но лорд Джулиан ответил ей так же, как и майору Мэллэрду, что никакого риска в этом не было.

She looked at him in some astonishment. Она взглянула на него с некоторым удивлением.

His long, aristocratic face wore a more melancholy, pensive air than usual. He answered the enquiry in her glance: Его длинное аристократическое лицо было более задумчивым, чем обычно, и, чувствуя в ее взгляде вопрос, он ответил:

"So that Blood's ship were allowed to pass the fort, no harm could come to Colonel Bishop. - Мы разрешили Бладу беспрепятственно пройти мимо форта при условии, что полковнику Бишопу не будет причинено вреда.

Blood pledged me his word for that." Блад дал мне в этом слово.

A faint smile broke the set of her lips, which hitherto had been wistful, and a little colour tinged her cheeks. По ее печальному лицу скользнула мимолетная улыбка, а на щеках выступил слабый румянец.

She would have pursued the subject, but the Deputy-Governor's mood did not permit it. Она продолжила бы разговор на эту тему, но у губернатора было совсем другое настроение.

He sneered and snorted at the notion of Blood's word being good for anything, forgetting that he owed to it his own preservation at that moment. Он пыхтел и негодовал при одном лишь упоминании о том, что вообще можно верить слову Блада, забыв, что Блад сдержал свое слово и что только благодаря этому сам он остался жив.

At supper, and for long thereafter he talked of nothing but Blood - of how he would lay him by the heels, and what hideous things he would perform upon his body. За ужином и еще долго после ужина Бишоп говорил только о своих планах захвата капитана Блада и о том, каким ужасным пыткам он его подвергнет.

And as he drank heavily the while, his speech became increasingly gross and his threats increasingly horrible; until in the end Arabella withdrew, white-faced and almost on the verge of tears. Полковник пил вино без удержу, и речь его становилась все грубее и грубее, а угрозы все ужаснее и ужаснее. В конце концов Арабелла не выдержала и поспешно вышла из-за стола, стараясь лишь не разрыдаться.

It was not often that Bishop revealed himself to his niece. Oddly enough, this coarse, overbearing planter went in a certain awe of that slim girl. It was as if she had inherited from her father the respect in which he had always been held by his brother. Бишоп не так уж часто открывал перед своей племянницей истинную свою сущность, но в этот вечер излишне выпитое вино развязало язык жестокому плантатору.

Lord Julian, who began to find Bishop disgusting beyond endurance, excused himself soon after, and went in quest of the lady. Лорд Джулиан с трудом выносил омерзительное поведение Бишопа. Извинившись, он ушел вслед за Арабеллой.

He had yet to deliver the message from Captain Blood, and this, he thought, would be his opportunity. Он искал ее, чтобы передать просьбу капитана Блада, и, как ему казалось, нынешний вечер представлял для этого благоприятную возможность.

But Miss Bishop had retired for the night, and Lord Julian must curb his impatience - it amounted by now to nothing less - until the morrow. Но Арабелла уже ушла к себе на покой, и лорд Джулиан вынужден был, несмотря на свое нетерпение, отложить объяснение до утра.

Very early next morning, before the heat of the day came to render the open intolerable to his lordship, he espied her from his window moving amid the azaleas in the garden. На следующий день, еще до того как жара стала невыносимой, он из своего окна заметил Арабеллу в саду, среди цветущих азалий.

It was a fitting setting for one who was still as much a delightful novelty to him in womanhood as was the azalea among flowers. Они служили прекрасным обрамлением для той, которая своей прелестью выделялась среди всех женщин, так же как азалия среди цветов.

He hurried forth to join her, and when, aroused from her pensiveness, she had given him a good-morrow, smiling and frank, he explained himself by the announcement that he bore her a message from Captain Blood. Уэйд поспешил присоединиться к ней, и, когда, пробудившись от своей задумчивости, Арабелла с улыбкой пожелала ему доброго утра, он заявил, что у него есть к ней поручение от капитана Блада.

He observed her little start and the slight quiver of her lips, and observed thereafter not only her pallor and the shadowy rings about her eyes, but also that unusually wistful air which last night had escaped his notice. Уэйд заметил, как она встrepенулась, насторожилась и как слегка вздрогнули ее губы. Он обратил внимание и на ее бледность, и на темные круги под глазами, на необычно печальное выражение ее глаз, не замеченное им вчера вечером.

They moved out of the open to one of the terraces, where a pergola of orange-trees provided a shaded sauntering space that was at once cool and fragrant. Они перешли с открытой территории сада в тенистую аллею, обсаженную благоухающими апельсиновыми деревьями.

As they went, he considered her admiringly, and marvelled at himself that it should have taken him so long fully to realize her slim, unusual grace, and to find her, as he now did, so entirely desirable, a woman whose charm must irradiate all the life of a man, and touch its commonplaces into magic. Лорд Джулиан, восхищенно любясь ею, удивлялся, почему ему понадобилось так много времени, чтобы заметить ее

тонкую своеобразную грацию и то, что для него она была именно той милой и желанной женщиной, которая могла озарить его банальную жизнь и превратить ее в сказку.

He noted the sheen of her red-brown hair, and how gracefully one of its heavy ringlets coiled upon her slender, milk-white neck. Он заметил и нежный блеск ее мягких каштановых волос и как изящно лежали на ее молочно-белой шее длинные шелковистые локоны.

She wore a gown of shimmering grey silk, and a scarlet rose, fresh-gathered, was pinned at her breast like a splash of blood. На ней было платье из тонкой блестящей ткани, а на груди, как кровь, пламенела только что сорванная пунцовая роза.

Always thereafter when he thought of her it was as he saw her at that moment, as never, I think, until that moment had he seen her. И много позже, вспоминая об Арабелле, он представлял себе ее именно такой, какой она была в это удивительное утро и какой он раньше ее никогда не видел.

In silence they paced on a little way into the green shade. Then she paused and faced him. Так, молча, они углубились в тень зеленой аллеи.

"You said something of a message, sir," she reminded him, thus betraying some of her impatience. - Вы сказали что-то о вашем поручении, сэра, -напомнила она, выдавая свое нетерпение.

He fingered the ringlets of his periwig, a little embarrassed how to deliver himself, considering how he should begin. Он в замешательстве перебирал кудри своего парика, несколько смущаясь предстоящим объяснением и обдумывая, с чего бы ему начать.

"He desired me," he said at last, "to give you a message that should prove to you that there is still something left in him of the unfortunate gentleman that... that., for which once you knew him." - Он просил меня, - сказал он наконец, - передать вам, что в нем все же сохранилось еще кое-что от того джентльмена... которого вы когда-то знали.

"That is not now necessary," said she very gravely. - Сейчас в этом уже нет необходимости, - печально сказала она.

He misunderstood her, of course, knowing nothing of the enlightenment that yesterday had come to her. Он не понял ее, так как не знал, что еще вчера ей все казалось в другом свете.

"I think..., nay, I know that you do him an injustice," said he. - Я думаю... нет, я знаю, что вы были несправедливы к нему.

Her hazel eyes continued to regard him. Арабелла не спускала с лорда Джулиана своих карих глаз.

"If you will deliver the message, it may enable me to judge." - Если вы передадите мне то, о чем он вас просил, может быть, я сумею лучше разобраться...

To him, this was confusing. Лорд Джулиан смешался.

He did not immediately answer. He found that he had not sufficiently considered the terms he should employ, and the matter, after all, was of an exceeding delicacy, demanding delicate handling. It was not so much that he was concerned to deliver a message as to render it a vehicle by which to plead his own cause. Дело было весьма деликатным и требовало очень осторожного подхода; впрочем, его не столько заботило то, как выполнить поручение капитана Блада, сколько то, как использовать его в

своих собственных интересах.

Lord Julian, well versed in the lore of womankind and usually at his ease with ladies of the beau-monde, found himself oddly constrained before this frank and unsophisticated niece of a colonial planter. Его светлость, весьма опытный в искусстве обращения с женским полом и всегда чувствовавший себя непринужденно в обществе светских дам, испытывал сейчас странную неловкость перед этой прямой и бесхитростной девушкой - племянницей колониального плантатора.

They moved on in silence and as if by common consent towards the brilliant sunshine where the pergola was intersected by the avenue leading upwards to the house. Они шли молча к освещенному ярким солнцем перекрестку, где аллею пересекала дорожка, ведущая по направлению к дому.

Across this patch of light fluttered a gorgeous butterfly, that was like black and scarlet velvet and large as a man's hand. Здесь в солнечных лучах порхала красивая, величиной с ладонь бабочка, шелковистые крылышки которой отливали пурпурными тонами.

His lordship's brooding eyes followed it out of sight before he answered. Блуждающий взгляд его светлости следил за бабочкой до тех пор, пока она не скрылась из виду, и только после этого он ответил:

"It is not easy. Stab me, it is not. - Мне нелегко говорить, разрази меня гром!

He was a man who deserved well. Этот человек заслуживает лучшего к себе отношения.

And amongst us we have marred his chances: your uncle, because he could not forget his rancour; you, because... because having told him that in the King's service he would find his redemption of what was past, you would not afterwards admit to him that he was so redeemed. И говоря между нами, мы все мешали ему стать иным: ваш дядя - тем, что не мог расстаться со своим озлоблением, а вы... вы, сказав ему, что королевской службой он искупит свое прошлое, не захотели признать за ним этого искупления, когда он перешел на службу королю.

And this, although concern to rescue you was the chief motive of his embracing that same service." И вы так поступили, несмотря на то что только забота о вашем спасении была единственной причиной, заставившей его принять такое решение.

She had turned her shoulder to him so that he should not see her face. Она отвернулась от него, чтобы лорд Уэйд не увидел ее лица.

"I know. I know now," she said softly. Then after a pause she added the question: "And you? - Я знаю, теперь я знаю! - мягко сказала она и после небольшой паузы задала вопрос: - А вы?

What part has your lordship had in this - that you should incriminate yourself with us?" Какую роль сыграли в этом вы? Почему вам нужно было вместе с нами портить ему жизнь?

"My part?" - Моя роль?

Again he hesitated, then plunged recklessly on, as men do when determined to perform a thing they fear. - Он снова заколебался, а затем отчаянно ринулся вперед, как обычно поступают люди, решившись поскорей сделать то, чего они боятся.

"If I understood him aright, if he understood aright, himself, my part, though entirely passive, was none the less effective. I implore you to observe that I but report his own words. - Если я понял его правильно, то мое, хотя и пассивное,

участие тем не менее было очень активным... Умоляю вас не забывать, мисс Арабелла, что я только передаю его собственные слова.

I say nothing for myself." His lordship's unusual nervousness was steadily increasing. "He thought, then - so he told me - that my presence here had contributed to his inability to redeem himself in your sight; and unless he were so redeemed, then was redemption nothing." От себя я ничего не добавляю... Он сказал, что мое присутствие затруднило ему восстановить свое доброе имя в ваших глазах. А без этого ни о каком искуплении для него не могло быть и речи.

She faced him fully, a frown of perplexity bringing her brows together above her troubled eyes. Она тревожно посмотрела ему прямо в глаза и в недоумении нахмурилась.

"He thought that you had contributed?" she echoed. - Он считал, что ваше присутствие помешало ему восстановить свое доброе имя?.. - повторила она.

It was clear she asked for enlightenment. Было ясно, что она просит разъяснить значение этих слов.

He plunged on to afford it her, his glance a little scared, his cheeks flushing. И он, краснея и волнуясь, стал путанно и сбивчиво объяснять ей:

"Aye, and he said so in terms which told me something that I hope above all things, and yet dare not believe, for, God knows, I am no soxcomb, Arabella. - Да, он сообщил мне это в таких выражениях... я понял из них то, на что хочу очень надеяться... но не осмеливаюсь верить... богу известно, что я не фат, Арабелла.

He said... but first let me tell you how I was placed. Он сказал... Прежде всего позвольте мне рассказать вам с самого начала - вы поймете мое положение.

I had gone aboard his ship to demand the instant surrender of your uncle whom he held captive. Я явился к нему на корабль, чтобы потребовать немедленной выдачи вашего дяди.

He laughed at me. Блад рассмеялся мне в лицо.

Colonel Bishop should be a hostage for his safety. Ведь полковник Бишоп был заложником его безопасности.

By rashly venturing aboard his ship, I afforded him in my own person yet another hostage as valuable at least as Colonel Bishop. Приехав на корабль, я сам, в своем лице, дал ему еще одного заложника, по меньшей мере столь же ценного, как и полковник Бишоп.

Yet he bade me depart; not from the fear of consequences, for he is above fear, nor from any personal esteem for me whom he confessed that he had come to find detestable; and this for the very reason that made him concerned for my safety." И все же капитан попросил меня уехать. Он сделал это совсем не из страха перед последствиями - нет, он вообще ничего не боится. Он поступил так и не из какого-то личного уважения ко мне. Напротив, он признался, что ненавидит меня по той же причине, которая вынуждает его беспокоиться о моей безопасности...

"I do not understand," she said, as he paused. - Я не понимаю, - сказала она, когда лорд Джулиан запнулся на мгновение.

"Is not that a contradiction in itself?" - Все это как-то противоречиво...

"It seems so only. The fact is, Arabella, this unfortunate man has the... the

temerity to love you." - Это так только кажется... а дело в том, Арабелла, что этот несчастный осмелился... полюбить вас.

She cried out at that, and clutched her breast whose calm was suddenly disturbed. Она вскрикнула и схватилась рукой за грудь. Сердце у нее учащенно забилося.

Her eyes dilated as she stared at him. В изумлении она смотрела на лорда Джулиана.

"I... I've startled you," said he, with concern. - Я... я напугал вас? - озабоченно спросил он.

"I feared I should. But it was necessary so that you may understand." - Я опасался этого, но все же должен был вам рассказать, чтобы вы наконец знали все.

"Go on," she bade him. - Продолжайте, - попросила она.

"Well, then: he saw in me one who made it impossible that he should win you - so he said. - Хорошо. Он видел во мне человека, мешавшего ему, как он сказал, добиться вашей взаимности.

Therefore he could with satisfaction have killed me. Он с удовольствием расправился бы со мной, убив меня на дуэли.

But because my death might cause you pain, because your happiness was the thing that above all things he desired, he surrendered that part of his guarantee of safety which my person afforded him. Но, поскольку моя смерть могла бы причинить вам боль и поскольку ваше счастье для него драгоценнее всего на свете, он добровольно отказался задержать меня как заложника.

If his departure should be hindered, and I should lose my life in what might follow, there was the risk that... that you might mourn me. Если бы ему помешали отплыть и я мог бы погибнуть во время боя, то возможно, что... вы стали бы оплакивать меня.

That risk he would not take. На это он также не соглашался.

Him you deemed a thief and a pirate, he said, and added that - I am giving you his own words always -if in choosing between us two, your choice, as he believed, would fall on me, then were you in his opinion choosing wisely. Он сказал - я точно передаю его слова, - что вы назвали его вором и пиратом и если из нас двоих вы предпочли меня, то ваш выбор, по его мнению, был сделан правильно.

Because of that he bade me leave his ship, and had me put ashore." Поэтому он предложил мне покинуть корабль и приказал своим людям доставить меня на берег.

She looked at him with eyes that were aswim with tears. Глазами, полными слез, она взглянула на него.

He took a step towards her, a catch in his breath, his hand held out. Затаив дыхание, он сделал шаг по направлению к ней и протянул ей руку:

"Was he right, Arabella? - Был ли он прав, Арабелла?

My life's happiness hangs upon your answer." Мое счастье зависит от вашего ответа.

But she continued silently to regard him with those tear-laden eyes, without speaking, and until she spoke he dared not advance farther. Но она молча продолжала смотреть на него. В глазах ее стояли слезы. Пока она молчала, он не решался подойти к ней ближе.

A doubt, a tormenting doubt beset him. Сомнения, мучительные сомнения овладели им.

When presently she spoke, he saw how true had been the instinct of which that doubt was born, for her words revealed the fact that of all that he had said the only thing that had touched her consciousness and absorbed it from all other considerations was Blood's conduct as it regarded herself. А когда она заговорила, он сразу же почувствовал, насколько верными были эти сомнения. Своим ответом Арабелла сразу дала понять ему, что из всего сказанного им до ее сознания дошла и осталась в нем только та часть его сообщения, которая касалась чувств Блада к ней.

"He said that!" she cried. - Он так сказал?! - воскликнула она.

"He did that! Oh!" - О боже мой!

She turned away, and through the slender, clustering trunks of the bordering orange-trees she looked out across the glittering waters of the great harbour to the distant hills. Она отвернулась от него и сквозь листву апельсиновых деревьев, окаймлявших аллею, стала смотреть на блестящую гладь огромной бухты и холмы, видневшиеся вдали.

Thus for a little while, my lord standing stiffly, fearfully, waiting for fuller revelation of her mind. Прошло несколько минут. Уэйд стоял, со страхом ожидая, что она скажет дальше.

At last it came, slowly, deliberately, in a voice that at moments was half suffocated. И вот Арабелла наконец заговорила снова -медленно, словно размышляла вслух:

"Last night when my uncle displayed his rancour and his evil rage, it began to be borne in upon me that such vindictiveness can belong only to those who have wronged. - Вчера вечером, когда мой дядя полыхал таким бешенством и такой злобой, я начала понимать, что безумная мстительность - это свойство тех людей, которые поступают дурно и неправильно.

It is the frenzy into which men whip themselves to justify an evil passion. Они доводят себя до безумия, чтобы оправдать любые свои поступки.

I must have known then, if I had not already learnt it, that I had been too credulous of all the unspeakable things attributed to Peter Blood. Я слишком легко верила всем ужасам, которые приписывали Питеру Бладу.

Yesterday I had his own explanation of that tale of Levasseur that you heard in St. Nicholas. Вчера он сам объяснил мне эту историю с Левасером, которую вы слышали в Сен-Никола.

And now this... this but gives me confirmation of his truth and worth. To a scoundrel such as I was too readily brought to believe him, the act of which you have just told me would have been impossible." А сейчас вы... вы сами подтверждаете его правдивость и порядочность... Только очень хороший человек мог поступить так благородно...

"That is my own opinion," said his lordship gently. - Я такого же мнения, - мягко сказал лорд Джулиан.

"It must be. Арабелла тяжело вздохнула.

But even if it were not, that would now weigh for nothing. - А что сегодня стоит ваше или мое мнение? -сказала она, вздохнув еще раз.

What weighs - oh, so heavily and bitterly - is the thought that but for the words in which yesterday I repelled him, he might have been saved. - Как тяжело и горько думать о том, что, если бы я не оттолкнула его вчера своими словами, он мог бы быть спасен!

If only I could have spoken to him again before he went! Если бы мне удалось переговорить с ним до его ухода!

I waited for him; but my uncle was with him, and I had no suspicion that he was going away again. Я ждала, но он возвратился не один, с ним был мой дядя, и я даже не подозревала, что не увижу его больше.

And now he is lost - back at his outlawry and piracy, in which ultimately he will be taken and destroyed. А сейчас он снова изгнанник, снова пират... Ведь когда-нибудь его все равно поймают и повесят.

And the fault is mine - mine!" И виновата в этом я, одна я!

"What are you saying? - Ну что вы говорите!

The only agents were your uncle's hostility and his own obstinacy which would not study compromise. Единственный виновник - это ваш дядя с его дикой злобой и упрямством.

You must not blame yourself for anything." Не обвиняйте себя ни в чем.

She swung to him with some impatience, her eyes aswim in tears. Арабелла нетерпеливо обернулась к нему, и глаза ее по-прежнему были полны слез.

"You can say that, and in spite of his message, which in itself tells how much I was to blame! - Как вы можете так говорить? - воскликнула она.- Он же сам рассказал вам, что виновата именно я.

It was my treatment of him, the epithets I cast at him that drove him. So much he has told you. I know it to be true." Он же сам говорил вам о том, как я оскорбляла его, как была к нему несправедлива, и я знаю теперь, как это верно.

"You have no cause for shame," said he. - Не огорчайтесь, Арабелла, - успокаивал ее лорд Джулиан.

"As for your sorrow - why, if it will afford you solace - you may still count on me to do what man can to rescue him from this position." - Поверьте мне, я сделаю все возможное, чтобы спасти его.

She caught her breath. От волнения у нее перехватило дыхание.

"You will do that!" she cried with sudden eager hopefulness. - Правда? - воскликнула она со страстной надеждой.

"You promise?" - Вы обещаете?

She held out her hand to him impulsively. He took it in both his own. - Она порывисто протянула ему руку, и он сжал ее в своих руках.

"I promise," he answered her. - Клянусь вам!

And then, retaining still the hand she had surrendered to him - "Arabella," he said very gently, "there is still this other matter upon which you have not answered

me." Все, что от меня будет зависеть, - ответил он и, не выпуская ее руки, тихо сказал: - Но вы не ответили на мой вопрос, Арабелла...

"This other matter?" - Какой вопрос?

Was he mad, she wondered. - Она изумленно взглянула на него, как на сумасшедшего.

Could any other matter signify in such a moment. Что могли значить сейчас какие-то вопросы, когда речь шла о судьбе Питера?

"This matter that concerns myself; and all my future, oh, so very closely. - Вопрос, касающийся лично меня, "всего моего будущего, - сказал лорд Джулиан.

This thing that Blood believed, that prompted him..., that ... that you are not indifferent to me." - Я хочу знать... То, чему верил Блад, что заставило его... правда ли... что я вам не безразличен?

He saw the fair face change colour and grow troubled once more. Он заметил, как мгновенно изменилось выражение ее лица.

"Indifferent to you?" said she. - Не безразличны? - переспросила она его.

"Why, no. - Ну конечно, нет.

We have been good friends; we shall continue so, I hope, my lord." Мы - добрые друзья, и я надеюсь, лорд Джулиан, что мы останемся добрыми друзьями.

"Friends! -Друзья!

Good friends?" He was between dismay and bitterness. Добрые друзья? - произнес он не то с отчаянием, не то с горечью.

"It is not your friendship only that I ask, Arabella. You heard what I said, what I reported. - Я прошу не только вашей дружбы, Арабелла!

You will not say that Peter Blood was wrong?" Неужели вы скажете мне, что Питер Блад ошибся?

Gently she sought to disengage her hand, the trouble in her face increasing. Выражение ее лица стало тревожным. Она мягко попыталась высвободить свою руку.

A moment he resisted; then, realizing what he did, he set her free. Вначале он хотел удержать ее, но, сообразив, что этим совершает насилие, выпустил из своих пальцев.

"Arabella!" he cried on a note of sudden pain. - Арабелла! - воскликнул он с болью в голосе.

"I have friendship for you, my lord. - Я останусь вашим другом, лорд Джулиан.

But only friendship." Только другом.

His castle of hopes came clattering down about him, leaving him a little stunned. Воздушный замок рухнул, и его светлость почувствовал, будто на него неожиданно свалилось несчастье.

As he had said, he was no coxcomb. Он не был самонадеянным человеком, в чем и сам признавался себе.

Yet there was something that he did not understand. И все же чего-то он не мог понять.

She confessed to friendship, and it was in his power to offer her a great position, one to which she, a colonial planter's niece, however wealthy, could never have aspired even in her dreams. Она обещала ему дружбу, а ведь он мог бы обеспечить ей такое положение, которое племяннице колониального плантатора даже и во сне не могло привидеться.

This she rejected, yet spoke of friendship. Она отказывается и вместо этого говорит о дружбе.

Peter Blood had been mistaken, then. Значит, Питер Блад ошибся.

How far had he been mistaken? Had he been as mistaken in her feelings towards himself as he obviously was in her feelings towards his lordship? In that case ... His reflections broke short. To speculate was to wound himself in vain. Но тогда... тогда выходит, что Арабелла... его размышления оборвались. К чему гадать дальше? Зачем беречь свою рану? Нет!

He must know. Ему нужен точный ответ.

Therefore he asked her with grim frankness: И он с суровой прямоотой спросил ее:

"Is it Peter Blood?" - Это Питер Блад?

"Peter Blood?" she echoed. - Питер Блад? - повторила она, не поняв смысла его вопроса.

At first she did not understand the purport of his question. When understanding came, a flush suffused her face. А когда поняла, то ее лицо покрылось густым румянцем.

"I do not know," she said, faltering a little. - Н-не знаю, - запинаясь, сказала она.

This was hardly a truthful answer. Вряд ли этот ответ был правдивым.

For, as if an obscuring veil had suddenly been rent that morning, she was permitted at last to see Peter Blood in his true relations to other men, and that sight, vouchsafed her twenty-four hours too late, filled her with pity and regret and yearning. Произошло так, словно сегодня утром с ее глаз спала пелена и наконец она увидела, как Питер Блад относился к людям. И это ощущение, запоздавшее на целые сутки, наполнило ее жалостью и тоской.

Lord Julian knew enough of women to be left in no further doubt. Лорд Джулиан достаточно хорошо знал женщин, чтобы продолжать сомневаться.

He bowed his head so that she might not see the anger in his eyes, for as a man of honour he took shame in that anger which as a human being he could not repress. Он склонил голову, чтобы скрыть гнев, сверкнувший в его глазах, ибо, будучи порядочным человеком, стыдился его и вместе с тем не мог его все же подавить.

And because Nature in him was stronger - as it is in most of us - than training, Lord Julian from that moment began, almost in spite of himself, to practise something that was akin to villainy. И поскольку природа в нем была сильнее воспитания - впрочем, как и у большинства из нас, - лорд Джулиан с этого времени, почти вопреки своему желанию, начал заниматься тем, что весьма походило на подлость.

I regret to chronicle it of one for whom - if I have done him any sort of justice - you should have been conceiving some esteem. Мне неприятно отмечать это в человеке, к которому вы, по-видимому, уже начали относиться с некоторым уважением.

But the truth is that the lingering remains of the regard in which he had held Peter Blood were choked by the desire to supplant and destroy a rival. Однако истина заключалась в том, что желание уничтожить своего соперника и занять его место вытеснило в нем остаток расположения к Питеру Бладу.

He had passed his word to Arabella that he would use his powerful influence on Blood's behalf. Он пообещал Арабелле использовать все свое влияние в защиту Блада.

I deplore to set it down that not only did he forget his pledge, but secretly set himself to aid and abet Arabella's uncle in the plans he laid for the trapping and undoing of the buccaneer. К сожалению, мне приходится сообщить, что он не только забыл о своем обещании, но втайне от Арабеллы стал подстрекать ее дядю и содействовать ему в составлении планов поимки и казни корсара.

He might reasonably have urged - had he been taxed with it - that he conducted himself precisely as his duty demanded. But to that he might have been answered that duty with him was but the slave of jealousy in this. Если бы лорда Уйэда обвинили в этом, то, вполне возможно, он принял бы доказывать, что он только выполняет свой долг, на что вполне резонно можно было бы ответить, что в этом деле его долг находится в плену у ревности.

When the Jamaica fleet put to sea some few days later, Lord Julian sailed with Colonel Bishop in Vice-Admiral Craufurd's flagship. Несколько дней спустя, когда ямайская эскадра вышла в море, в каюте флагманского корабля вицеадмирала Крофорда вместе с полковником Бишопом отплыл и лорд Джулиан Уэйд.

Not only was there no need for either of them to go, but the Deputy-Governor's duties actually demanded that he should remain ashore, whilst Lord Julian, as we know, was a useless man aboard a ship. В их поездке не было никакой необходимости. Более того, обязанности губернатора требовали, чтобы Бишоп оставался на берегу, а лорд Джулиан, как мы знаем, вообще не мог принести пользы на корабле.

Yet both set out to hunt Captain Blood, each making of his duty a pretext for the satisfaction of personal aims; and that common purpose became a link between them, binding them in a sort of friendship that must otherwise have been impossible between men so dissimilar in breeding and in aspirations. И все же они оба отправились на охоту за капитаном Бладом, причем каждый из них использовал свое положение в качестве предлога для удовлетворения личных целей. Эта общая задача как-то связала их между собой и создала какое-то подобие дружбы, которая при других обстоятельствах была бы невозможной между людьми, столь отличавшимися друг от друга по своему воспитанию и по своим стремлениям.

The hunt was up. И вот охота началась.

They cruised awhile off Hispaniola, watching the Windward Passage, and suffering the discomforts of the rainy season which had now set in. Они крейсировали у берегов острова Гаити, ведя наблюдение за Наветренным проливом и страдая от лишений, связанных с наступлением дождливого сезона.

But they cruised in vain, and after a month of it, returned empty-handed to Port Royal, there to find awaiting them the most disquieting news from the Old World. Но охота была безрезультатной, и месяц спустя они вернулись с пустыми руками в Порт-Ройял, где их ожидали крайне неприятные известия из Старого Света.

The megalomania of Louis XIV had set Europe in a blaze of war. Мания величия Людовика XIV зажгла в Европе пожар войны.

The French legionaries were ravaging the Rhine provinces, and Spain had joined the nations leagued to defend themselves from the wild ambitions of the King of France. Французские легионеры опустошили рейнские провинции, а Испания присоединилась к государствам, объединившимся для своей защиты от неистовых притязаний короля Франции.

And there was worse than this: there were rumours of civil war in England, where the people had grown weary of the bigoted tyranny of King James. И это еще было не самое худшее: из Англии, где народ изнемогал от изуверской тирании короля Якова, ползли слухи о гражданской войне.

It was reported that William of Orange had been invited to come over. Сообщалось, что Вильгельм Оранский получил приглашение прибыть в Англию.

Weeks passed, and every ship from home brought additional news. Шли недели, и каждый прибывающий из Англии корабль доставлял в Порт-Ройял новые известия.

William had crossed to England, and in March of that year 1689 they learnt in Jamaica that he had accepted the crown and that James had thrown himself into the arms of France for rehabilitation. Вильгельм прибыл в Англию, и в марте 1689 года на Ямайке узнали, что он вступил на английский престол и что Яков бежал во Францию, пообещавшую оказать ему помощь в борьбе с новым королем.

To a kinsman of Sunderland's this was disquieting news, indeed. Родственников Сэндерленда не могли радовать такие известия.

It was followed by letters from King William's Secretary of State informing Colonel Bishop that there was war with France, and that in view of its effect upon the Colonies a Governor-General was coming out to the West Indies in the person of Lord Willoughby, and that with him came a squadron under the command of Admiral van der Kuylen to reenforce the Jamaica fleet against eventualities. А вскоре было получено письмо от министра иностранных дел короля Вильгельма. Министр сообщал полковнику Бишопу о начале войны с Францией, что должно было отразиться и на колониях. В связи с этим в Вест-Индию направлялся генерал-губернатор лорд Уиллогби, и с ним для усиления ямайской эскадры, на всякий случай, следовала эскадра под командованием адмирала ван дер Кэйлена.

Bishop realized that this must mean the end of his supreme authority, even though he should continue in Port Royal as Deputy-Governor. Полковник Бишоп понял, что его безраздельной власти в Порт-Ройяле пришел конец, даже если бы он и остался губернатором.

Lord Julian, in the lack of direct news to himself, did not know what it might mean to him. Лорд Джулиан не получал никаких известий лично для себя и не имел понятия, что ему следует делать.

But he had been very close and confidential with Colonel Bishop regarding his hopes of Arabella, and Colonel Bishop more than ever, now that political events put him in danger of being retired, was anxious to enjoy the advantages of having a man of Lord Julian's eminence for his relative. Поэтому он устанавливал с полковником Бишопом более близкие и дружественные отношения, связанные с надеждами получить Арабеллу. Полковник же, опасаясь, что политические события вынудят его уйти в отставку, еще сильнее, чем прежде, мечтал породниться с лордом Джулианом, так как отдавал себе ясный отчет, что такой аристократ, как Уэйд, всегда будет занимать высокое положение.

They came to a complete understanding in the matter, and Lord Julian disclosed all that he knew. Короче говоря, между ними установилось полное взаимопонимание, и лорд Джулиан сообщил полковнику все, что он знал о Бладе и Арабелле.

"There is one obstacle in our path," said he. "Captain Blood. - Единственное наше препятствие - капитан Блад,- сказал он.

The girl is in love with him." - Девушка любит его.

"Ye're surely mad!" cried Bishop, when he had recovered speech. - Вы сошли с ума! - воскликнул Бишоп.

"You are justified of the assumption," said his lordship dolefully. "But I happen to be sane, and to speak with knowledge." - У вас, конечно, есть все основания прийти к такому выводу, - меланхолически заметил его светлость, - но я в здравом уме и говорю так потому, что знаю об этом.

"With knowledge?" - Знаете?

"Arabella herself has confessed it to me." - Совершенно точно. Арабелла сама мне в этом призналась.

"The brazen baggage! - Какое бесстыдство!

By God, I'll bring her to her senses. It was the slave-driver speaking, the man who governed with a whip." Клянусь богом, я с ней разделаюсь по-своему!

"Don't be a fool, Bishop." - Не будьте идиотом, Бишоп!

His lordship's contempt did more than any argument to calm the Colonel. - Презрение, с каким лорд Джулиан произнес эти слова, охладило пыл работорговца гораздо скорее, чем любые доводы.

"That's not the way with a girl of Arabella's spirit. - Девушку с таким характером нельзя убедить угрозами. Она ничего не боится.

Unless you want to wreck my chances for all time, you'll hold your tongue, and not interfere at all." Вы должны сдерживать свой язык и не вмешиваться в это дело, если не хотите навсегда погубить мои планы.

"Not interfere? - Не вмешиваться?

My God, what, then?" Боже мой, но что же делать?

"Listen, man. - Послушайте!

She has a constant mind. У Арабеллы твердый характер.

I don't think you know your niece. Я полагаю, что вы еще не знаете своей племянницы.

As long as Blood lives, she will wait for him." До тех пор, пока Питер Блад жив, она будет ждать его.

"Then with Blood dead, perhaps she will come to her silly senses." - А если Блад исчезнет, то она образумится?

"Now you begin to show intelligence," Lord Julian commended him. - Ну, вот теперь вы, кажется, начинаете рассуждать здраво! - похвалил его Джулиан.

"That is the first essential step." - Это первый важный шаг на пути к нашей цели.

"And here is our chance to take it." Bishop warmed to a sort of enthusiasm. - И у нас есть возможность сделать его! - воскликнул Бишоп с энтузиазмом.

"This war with France removes all restrictions in the matter of Tortuga. - Война с Францией аннулирует все запреты по отношению к Тортуге.

We are free to invest it in the service of the Crown. Исходя из государственных интересов, нам следует напасть на Тортугу.

A victory there and we establish ourselves in the favour of this new government." А одержав победу, мы не плохо зарекомендуем себя перед новым правительством.

"Ah!" said Lord Julian, and he pulled thoughtfully at his lip. - Гм! - пробурчал его светлость и, задумавшись, потянул себя за губу.

"I see that you understand," Bishop laughed coarsely. - Я вижу, вам все ясно! - грубо захохотал Бишоп.

"Two birds with one stone, eh? - Нечего тут долго и думать: мы сразу убьем двух зайцев, а?

We'll hunt this rascal in his lair, right under the beard of the King of France, and we'll take him this time, if we reduce Tortuga to a heap of ashes." Отправимся к этому мерзавцу прямо в его берлогу, превратим Тортугу в груды развалин и захватим проклятого пирата.

On that expedition they sailed two days later - which would be some three months after Blood's departure - taking every ship of the fleet, and several lesser vessels as auxiliaries. Два дня спустя, то есть примерно через три месяца после ухода Блада из Порт-Ройяля, они снова отправились охотиться за неуловимым корсаром, взяв с собой всю эскадру и несколько вспомогательных кораблей.

To Arabella and the world in general it was given out that they were going to raid French Hispaniola, which was really the only expedition that could have afforded Colonel Bishop any sort of justification for leaving Jamaica at all at such a time. Арабелле и другим дано было понять, что они намерены совершить налет на французскую часть острова Гаити, поскольку только такая экспедиция могла послужить удобным предлогом для отъезда Бишоп с Ямайки.

His sense of duty, indeed, should have kept him fast in Port Royal; but his sense of duty was smothered in hatred - that most fruitless and corruptive of all the emotions. Чувство долга, особенно ответственное в такое время, должно было бы прочно удерживать полковника в Порт-Ройяле. Но чувство это потонуло в ненависти - наиболее бесполезном и разлагающем чувстве из всех человеческих эмоций.

In the great cabin of Vice-Admiral Craufurd's flagship, the Emperor, the Deputy-Governor got drunk that night to celebrate his conviction that the sands of Captain Blood's career were running out. В первую же ночь огромная каюта "Императора", флагманского корабля эскадры вице-адмирала Крофорда, превратилась в кабак. Бишоп был мертвецки пьян и в своих подогретых винными парами мечтах предвкушал скорый конец карьеры капитана Блада.

Chapter XXV Глава XXV

THE SERVICE OF KING LOUIS НА СЛУЖБЕ У КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА

Meanwhile, some three months before Colonel Bishop set out to reduce Tortuga, Captain Blood, bearing hell in his soul, had blown into its rockbound harbour ahead of the winter gales, and two days ahead of the frigate in which Wolverstone had sailed from Port Royal a day before him. А примерно за три месяца до этих событий корабль капитана Блада, гонимый сильными ветрами, достиг Кайонской гавани и бросил здесь якорь. Блад успел прибыть в Тортугу несколько раньше фрегата, который накануне вышел из Порт-Ройяла под командой старого волка Волверстона. В душе капитана Блада царил ад.

In that snug anchorage he found his fleet awaiting him - the four ships which had been separated in that gale off the Lesser Antilles, and some seven hundred men composing their crews. Четыре корабля его эскадры с командой в семьсот человек ожидали своего капитана в гавани, окруженной высокими скалами. Он расстался с ними, как я уже сообщал, во время шторма у Малых Антильских островов, и с тех пор пираты не видели своего вожака.

Because they had been beginning to grow anxious on his behalf, they gave him the greater welcome. Они радостно приветствовали "Арабеллу", и радость эта была искренней - ведь многие всерьез начали беспокоиться о судьбе Блада.

Guns were fired in his honour and the ships made themselves gay with bunting. В его честь прогремел салют, и суда разукрасились флагами.

The town, aroused by all this noise in the harbour, emptied itself upon the jetty, and a vast crowd of men and women of all creeds and nationalities collected there to be present at the coming ashore of the great buccaneer. Все население города, взбудораженное шумом, высыпало на мол. Пестрая толпа мужчин и женщин различных национальностей приветствовала знаменитого корсара.

Ashore he went, probably for no other reason than to obey the general expectation. Блад сошел на берег, вероятно, только для того, чтобы не обмануть всеобщего ожидания.

His mood was taciturn; his face grim and sneering. На лице его застыла мрачная улыбка, он решил молчать, потому что ничего приятного сказать не мог.

Let Wolverstone arrive, as presently he would, and all this hero-worship would turn to execration. Пусть только прибудет Волверстон, и все эти восторги по поводу его возвращения превратятся в проклятия.

His captains, Hagthorpe, Christian, and Yberville, were on the jetty to receive him, and with them were some hundreds of his buccaneers. На молу его встретили капитаны Хагторп, Кристиан, Ибервиль и несколько сот корсаров.

He cut short their greetings, and when they plagued him with questions of where he had tarried, he bade them await the coming of Wolverstone, who would satisfy their curiosity to a surfeit. Он оборвал их приветствия, а когда они начали приставать к нему с расспросами, предложил им дожидаться Волверстона, который полностью сможет удовлетворить их любопытство.

On that he shook them off, and shouldered his way through that heterogeneous throng that was composed of bustling traders of several nations - English, French, and Dutch - of planters and of seamen of various degrees, of buccaneers who were fruit-selling half-castes, negro slaves, some doll-tearsheets and dunghill-queans from the Old World, and all the other types of the human family that converted the quays of Cayona into a disreputable image of Babel. Отделавшись от них, он протолкался сквозь пеструю толпу, состоявшую из моряков, плантаторов и торговцев - англичан, французов и голландцев, из подлинных охотников с острова Гаити и охотников, ставших пиратами, из лесорубов и индейцев, из мулатов - торговцев фруктами и

негров-рабов, из женщин легкого поведения и прочих представителей человеческого рода, превращавших Кайонскую гавань в подобие Вавилона.

Winning clear at last, and after difficulties, Captain Blood took his way alone to the fine house of M. d'Ogeron, there to pay his respects to his friends, the Governor and the Governor's family. С трудом выбравшись из этой разношерстной толпы, капитан Блад направился с визитом к д'Ожерону, чтобы засвидетельствовать свое почтение губернатору и его семье.

At first the buccaneers jumped to the conclusion that Wolverstone was following with some rare prize of war, but gradually from the reduced crew of the Arabella a very different tale leaked out to stem their satisfaction and convert it into perplexity. Расходясь после встречи Блада, корсары поспешно сделали вывод, что Волверстон должен прибыть с каким-то редким военным трофеем. Но мало-помалу с борта "Арабеллы" начали доходить иные слухи, и радость корсаров перешла в недоумение.

Partly out of loyalty to their captain, partly because they perceived that if he was guilty of defection they were guilty with him, and partly because being simple, sturdy men of their hands, they were themselves in the main a little confused as to what really had happened, the crew of the Arabella practised reticence with their brethren in Tortuga during those two days before Wolverstone's arrival. Однако простые моряки из небольшого экипажа "Арабеллы" в течение двух дней до возвращения Волверстона в разговорах со своими тортугскими друзьями были все же сдержанны во всем, что касалось истинного положения вещей. Объяснялось это не только их преданностью своему капитану, но также и тем, что если Блад был повинен в ренегатстве, то в такой же степени были виноваты и они.

But they were not reticent enough to prevent the circulation of certain uneasy rumours and extravagant stories of discreditable adventures - discreditable, that is, from the buccaneering point of view - of which Captain Blood had been guilty. Их недомолвки и умолчания, однако, не помешали возникновению самых тревожных и фантастических историй о компрометирующих (с точки зрения корсаров) поступках капитана Блада.

But that Wolverstone came when he did, it is possible that there would have been an explosion. Обстановка накалилась так сильно, что, если бы в это время не вернулся Волверстон, возможно, произошел бы взрыв.

When, however, the Old Wolf cast anchor in the bay two days later, it was to him all turned for the explanation they were about to demand of Blood. Едва лишь корабль старого волка встал на якорь, как все бросилось за объяснениями, которые уже намечались требовать от Блада.

Now Wolverstone had only one eye; but he saw a deal more with that one eye than do most men with two; and despite his grizzled head - so picturesquely swathed in a green and scarlet turban - he had the sound heart of a boy, and in that heart much love for Peter Blood. У Волверстона был только один глаз, но видел он им гораздо лучше, чем многие видят двумя. И хотя голова Волверстона, живописно обвязанная пестрым тюрбаном, серебрилась сединой, сердце его было юным, и большое место занимала в нем любовь к Питеру Бладу.

The sight of the Arabella at anchor in the bay had at first amazed him as he sailed round the rocky headland that bore the fort. Когда корабль Волверстона обходил форт, высившийся на скалистом мысе, старый волк увидел "Арабеллу", которая стояла в бухте на якорю. Эта неожиданная картина поразила его.

He rubbed his single eye clear of any deceiving film and looked again. Still he could not believe what it saw. Он протер свой единственный глаз, выпучил его снова и все же не мог поверить тому, что видел.

And then a voice at his elbow - the voice of Dyke, who had elected to sail with him - assured him that he was not singular in his bewilderment. Но Дайк, ушедший вместе с ним из Порт-Ройяла и сейчас стоявший рядом с Волверстоном, своим восклицанием подтвердил, что он был не одинок в своем замешательстве.

"In the name of Heaven, is that the Arabella or is it the ghost of her?" - Клянусь небом, это "Арабелла" или ее призрак!

The Old Wolf rolled his single eye over Dyke, and opened his mouth to speak. Then he closed it again without having spoken; closed it tightly. Волверстон уже открыл было рот, но тут же захлопнул его и сжал губы.

He had a great gift of caution, especially in matters that he did not understand. Старый волк всегда проявлял большую осторожность, особенно в непонятных для него делах.

That this was the Arabella he could no longer doubt. В том, что это была "Арабелла", уже не оставалось никаких сомнений.

That being so, he must think before he spoke. Ну, а если это было так, то ему, прежде чем что-то сказать, следовало хорошенько подумать.

What the devil should the Arabella be doing here, when he had left her in Jamaica? Какого черта торчит здесь "Арабелла", когда ему известно, что она осталась в Порт-Ройяле?

And was Captain Blood aboard and in command, or had the remainder of her hands made off with her, leaving the Captain in Port Royal? Продолжал ли Блад командовать "Арабеллой" или же остатки команды ушли на ней, бросив своего капитана?

Dyke repeated his question. This time Wolverstone answered him. Дайк повторил вопрос, и на этот раз Волверстон ответил ему укоризненно:

"Ye've two eyes to see with, and ye ask me, who's only got one, what it is ye see!" - У тебя же два глаза, Дайк, а у меня только один.

"But I see the Arabella." - Но я вижу "Арабеллу".

"Of course, since there she rides. - Конечно.

What else was you expecting?" А ты чего ожидал?

"Expecting?" - Ожидал?

Dyke stared at him, open-mouthed. - Разинув рот, Дайк уставился на него.

"Was you expecting to find the Arabella here?" - А разве ты сам ожидал, что увидишь тут "Арабеллу"?

Wolverstone looked him over in contempt, then laughed and spoke loud enough to be heard by all around him. Взглянув на него с презрением, Волверстон засмеялся, а затем громко, чтобы слышали все окружающие, сказал:

"Of course. - Конечно!

What else?" А что же еще?

And he laughed again, a laugh that seemed to Dyke to be calling him a fool. On that

Wolverstone turned to give his attention to the operation of anchoring. - Он снова засмеялся - как показалось Дайку, издевательски - и отвернулся от него, занявшись швартовкой корабля.

Anon when ashore he was beset by questioning buccaneers, it was from their very questions that he gathered exactly how matters stood, and perceived that either from lack of courage or other motive Blood, himself, had refused to render any account of his doings since the Arabella had separated from her sister ships. Когда Волверстон сошел на берег, его окружили недоумевающие пираты. Их вопросы помогли ему выяснить положение дел. Он понял, что либо из-за недостатка мужества, либо по каким-то другим мотивам Блад не рассказал корсарам о том, что произошло после того, как шторм оторвал "Арабеллу" от других кораблей эскадры.

Wolverstone congratulated himself upon the discretion he had used with Dyke. Волверстон искренне поздравил себя с той выдержкой, какую он проявил в разговоре с Дайком.

"The Captain was ever a modest man," he explained to Hagthorpe and those others who came crowding round him. - Уж очень наш капитан скромничает, - глубокомысленно заявил он Хагторпу и другим, столпившимся вокруг него пиратам.

"It's not his way to be sounding his own praises. - Он, как вы знаете, никогда не любил хвастаться.

Why, it was like this. We fell in with old Don Miguel, and when we'd scuttled him we took aboard a London pimp sent out by the Secretary of State to offer the Captain the King's commission if so be him'd quit piracy and be o' good behaviour. А дело было так: встретились мы с нашим старым знакомым доном Мигелем и, после того как потопили его, взяли на борт одного лондонского хлыща, который не по своей воле оказался на испанском корабле. Здесь же выяснилось, что этого придворного шаркуна послал к нам министр иностранных дел. Он предлагал капитану принять офицерский патент, бросить пиратство и вообще вести себя паинькой.

The Captain damned his soul to hell for answer. Капитан послал его, конечно, ко всем чертям.

And then we fell in wi' the Jamaica fleet and that grey old devil Bishop in command, and there was a sure end to Captain Blood and to every mother's son of us all. Но вскоре мы встретились с ямайской эскадрой, которой командовал этот жирный дьявол Бишоп. Капитану Бладу и каждому из нас угрожала веревка.

So I goes to him, and 'accept this poxy commission,' says I; 'turn King's man and save your neck and ours.' Ну, я пошел к Бладу и сказал ему: "Да возьми ты этот паршивый королевский патент, и ты спасешь от виселицы и свою шею и наши".

He took me at my word, and the London pimp gave him the King's commission on the spot, and Bishop all but choked hisself with rage when he was told of it. Он, конечно, ни в какую. Но я уломал его, и он меня послушался. Лондонский хлыщ сразу же выдал ему патент, и Бишоп чуть не лопнул от злобы, узнав о таком сюрпризе.

But happened it had, and he was forced to swallow it. Но сделать с капитаном он уже ничего не мог. Ему пришлось примириться.

We were King's men all, and so into Port Royal we sailed along o' Bishop. Ну, мы уже как люди короля прибыли вместе с Бишопом в Порт-Ройял.

But Bishop didn't trust us. He knew too much. Однако этот чертов полковник не очень нам доверял, так как слишком хорошо знал нас.

But for his lordship, the fellow from London, he'd ha' hanged the Captain, King's commission and all. Не будь там этого франта из Лондона, Бишоп наплевал бы на королевский патент и повесил бы капитана.

Blood would ha' slipped out o' Port Royal again that same night. But that hound Bishop had passed the word, and the fort kept a sharp lookout. Блад хотел скрыться из Порт-Ройяла в ту же ночь, но эта собака Бишоп предупредил форт, чтобы за нами хорошенько следили.

In the end, though it took a fortnight, Blood bubbled him. В конце концов Блад все же перехитрил Бишопа, хотя на это и потребовалось две недели.

He sent me and most o' the men off in a frigate that I bought for the voyage. За это время я успел купить фрегат, перевел на него две трети наших людей, и ночью мы бежали из ПортРойяла, а утром капитан Блад на "Арабелле" бросился за мной в погоню, чтобы поймать меня... понимаете!

His game - as he'd secretly told me - was to follow and give chase. Вот в этом и заключался хитроумный план Питера.

Whether that's the game he played or not I can't tell ye; but here he is afore me as I'd expected he would be." Как ему удалось вырваться из порта, я точно не знаю, так как он прибыл сюда раньше меня, но я и полагал, что Бладу удастся его предприятие.

There was a great historian lost in Wolverstone. В лице Волверстона человечество, несомненно, потеряло великого историка.

He had the right imagination that knows just how far it is safe to stray from the truth and just how far to colour it so as to change its shape for his own purposes. Он обладал таким богатым воображением, что точно знал, насколько можно отклониться от истины и как ее приукрасить, чтобы правда приняла форму, которая соответствовала бы его целям.

Having delivered himself of his decoction of fact and falsehood, and thereby added one more to the exploits of Peter Blood, he enquired where the Captain might be found. Состряпав вполне удобоваримое блюдо из правды и выдумки и добавив еще один подвиг к приключениям Питера Блада, Волверстон поинтересовался, что сейчас делает капитан.

Being informed that he kept his ship, Wolverstone stepped into a boat and went aboard, to report himself, as he put it. Ему ответили, что он сидит на своем корабле, и Волверстон отправился туда, чтобы, по его выражению, отрапортовать о своем благополучном прибытии.

In the great cabin of the Arabella he found Peter Blood alone and very far gone in drink - a condition in which no man ever before remembered to have seen him. Он нашел Питера Блада одного, мертвецки пьяного, в большой каюте "Арабеллы". В таком состоянии никто и никогда еще не видел Блада.

As Wolverstone came in, the Captain raised bloodshot eyes to consider him. A moment they sharpened in their gaze as he brought his visitor into focus. Then he laughed, a loose, idiot laugh, that yet somehow was half a sneer. Узнав Волверстона, он рассмеялся, и хотя этот смех был идиотским, в нем звучала ирония.

"Ah! The Old Wolf!" said he. - А, старый волк! - сказал он, пытаясь подняться.

"Got here at last, eh? - Наконец-то ты сюда добрался!

And whatcher gonnerdo wi' me, eh?" Ну, что ты собираешься делать со своим капитаном, а?

He hiccoughed resoundingly, and sagged back loosely in his chair. - И он мешком опустился в кресло.

Old Wolverstone stared at him in sombre silence. Волверстон мрачно взглянул на него.

He had looked with untroubled eye upon many a hell of devilment in his time, but the sight of Captain Blood in this condition filled him with sudden grief. Многое пришлось повидать ему на своем веку, и вряд ли что-либо могло уже тронуть сердце старого волка, но вид пьяного капитана Блада сильно потряс его.

To express it he loosed an oath. It was his only expression for emotion of all kinds. Then he rolled forward, and dropped into a chair at the table, facing the Captain. Чтобы выразить свое горе, Волверстон длинно и сочно выругался, так как иначе никогда и не выражал своих чувств, а потом подошел к столу и уселся в кресло против капитана:

"My God, Peter, what's this?" - Черт тебя подери, Питер, может быть, ты объяснишь мне, что это такое?

"Rum," said Peter. "Rum, from Jamaica." - Ром, - ответил капитан Блад, - ямайский ром.

He pushed bottle and glass towards Wolverstone. Wolverstone disregarded them. - Он подвинул бутылку и стакан к Волверстону, но тот даже не взглянул на них.

"I'm asking you what ails you?" he bawled. - Я спрашиваю, что с тобой? Что тебя мучает? -спросил он.

"Rum," said Captain Blood again, and smiled. - Ром, - снова ответил капитан, криво улыбаясь.

"Jus' rum. - Ну, просто ром.

I answer all your qeshons. Вот видишь, я отвечаю на все... твои... вопросы.

Why donjerr answer mine? А почему ты не... отвечаешь на мои?

Whatcher gonerdo wi' me?" Что... ты... думаешь делать со мной? А?

"I've done it," said Wolverstone. - Я уже все сделал, - ответил Волверстон.

"Thank God, ye had the sense to hold your tongue till I came. - Слава богу, что у тебя хватило ума держать язык за зубами.

Are ye sober enough to understand me?" Достаточно ли ты еще трезв, чтобы понимать меня?

"Drunk or sober, allus 'derstand you." - И пьяный... и трезвый... я всегда тебя понимаю.

"Then listen." - Тогда слушай.

And out came the tale that Wolverstone had told. - И Волверстон передал ему придуманную им басню об обстоятельствах, связанных с пребыванием Питера Блада в Порт-Ройяле.

The Captain steadied himself to grasp it. Капитан с трудом заставил себя слушать его историю.

"It'll do as well asertruth," said he when Wolverstone had finished. - А мне все равно, что ты выдумал, - сказал он Волверстону, когда тот закончил.

"And... oh, no marrer! Much obliged to ye, Old Wolf - faithful Old Wolf! - Спасибо тебе, старый волк... спасибо, старина... Все это... неважно.

But was it worthertrouble? Чего ты беспокоишься?

I'm norrre pirate now; never a pirate again. Я уже не пират и никогда им не буду!

'S finished'" He banged the table, his eyes suddenly fierce. Конечно! - Он ударил кулаком по столу, а глаза его яростно блеснули.

"I'll come and talk to you again when there's less rum in your wits," said Wolverstone, rising. - Я приду к тебе опять, и мы с тобой потолкуем, когда у тебя в башке останется поменьше рома, -поднимаясь, сказал Волверстон.

"Meanwhile ye'll please to remember the tale I've told, and say nothing that'll make me out a liar. - Пока же запомни твердо мой рассказ о тебе и не вздумай опровергать мои слова. Не хватало еще, чтобы меня обозвали брехуном!

They all believes me, even the men as sailed wi' me from Port Royal. Все они, и даже те, кто отплыл со мной из Порт-Ройяла, верят мне, понимаешь?

I've made 'em. Я заставил их поверить.

If they thought as how you'd taken the King's commission in earnest, and for the purpose o' doing as Morgan did, ye guess what would follow." А если они узнают, что ты действительно согласился принять королевский патент и решил пойти по пути Моргана, то...

"Hell would follow," said the Captain. "An' tha's all I'm fit for." - Они устроят мне преисподнюю, - сказал капитан, - и это как раз то, чего я стою!

"Ye're maudlin," Wolverstone growled. - Ну, я вижу, ты совсем раскис, - проворчал Волверстон.

"We'll talk again to-morrow." - Завтра мы поговорим опять.

They did; but to little purpose, either that day or on any day thereafter while the rains - which set in that night - endured. Этот разговор состоялся, но толку из него почти не вышло. С таким же результатом они разговаривали несколько раз в течение всего периода дождей, начавшихся в ночь после возвращения Волверстона.

Soon the shrewd Wolverstone discovered that rum was not what ailed Blood. Старый волк сообразил, что капитан болеет вовсе не от рома.

Rum was in itself an effect, and not by any means the cause of the Captain's listless apathy. Ром был только следствием, но не причиной.

There was a canker eating at his heart, and the Old Wolf knew enough to make a shrewd guess of its nature. Сердце Блада разъедала язва, и Волверстон хорошо знал природу этой язвы.

He cursed all things that daggled petticoats, and, knowing his world, waited for

the sickness to pass. Он проклинал все юбки на свете и ждал, чтобы болезнь прошла, как проходит все в нашем мире.

But it did not pass. Но болезнь оказалась затяжной.

When Blood was not dicing or drinking in the taverns of Tortuga, keeping company that in his saner days he had loathed, he was shut up in his cabin aboard the *Arabella*, alone and uncommunicative. Если Блад не играл в кости или не пьянствовал в тавернах Тортуги в такой компании, которой еще недавно избегал, как чумы, то сидел в одиночестве у себя в каюте на "Арабелле".

His friends at Government House, bewildered at this change in him, sought to reclaim him. Его друзья из губернаторского дома всячески пытались развлечь его.

Mademoiselle d'Ogeron, particularly distressed, sent him almost daily invitations, to few of which he responded. Особенно огорчена была мадемуазель д'Ожерон. Она почти ежедневно Приглашала его к ним в дом, но Блад очень редко принимал ее приглашение.

Later, as the rainy season approached its end, he was sought by his captains with proposals of remunerative raids on Spanish settlements. Позднее, по мере приближения конца дождливого сезона, к нему стали обращаться его капитаны с проектами различных выгодных набегов на испанские поселения.

But to all he manifested an indifference which, as the weeks passed and the weather became settled, begot first impatience and then exasperation. Но ко всем предложениям он относился равнодушно. Вначале это вызывало недоумение, а когда установилась хорошая погода, недоумение перешло в раздражение.

Christian, who commanded the *Clotho*, came storming to him one day, upbraiding him for his inaction, and demanding that he should take order about what was to do. В один из солнечных дней в каюту Блада вломился Кристиан - командир "Клото" - и с бранью потребовал, чтобы ему сказали, что он должен делать.

"Go to the devil!" Blood said, when he had heard him out. - Знаешь что, пошел ты к черту, - равнодушно ответил Блад, даже не выслушав его.

Christian departed fuming, and on the morrow the *Clotho* weighed anchor and sailed away, setting an example of desertion from which the loyalty of Blood's other captains would soon be unable to restrain their men. Взбешенный Кристиан ушел. А утром следующего дня его корабль снялся с якоря и ушел. Так был показан пример дезертирства, и вскоре от повторения этого примера не могли удержать своих корсаров даже преданные Бладу капитаны других кораблей. Но они не осмеливались пускаться в крупные операции, ограничиваясь мелкими налетами на одиночные суда.

Sometimes Blood asked himself why had he come back to Tortuga at all. Иногда Блад задавал себе вопрос, зачем он вернулся на остров Тортуга.

Held fast in bondage by the thought of *Arabella* and her scorn of him for a thief and a pirate, he had sworn that he had done with buccaneering. Непрестанно думая об Арабелле, назвавшей его вором и пиратом, он поклялся себе, что корсарством заниматься больше не будет.

Why, then, was he here? Зачем же тогда он торчит здесь?

That question he would answer with another: Where else was he to go? Neither backward nor forward could he move, it seemed. И на этот вопрос он отвечал себе другим вопросом: ну, а куда же он может уехать?

He was degenerating visibly, under the eyes of all. У всех на глазах Блад терял интерес и вкус к жизни.

He had entirely lost the almost foppish concern for his appearance, and was grown careless and slovenly in his dress. He allowed a black beard to grow on cheeks that had ever been so carefully shaven; and the long, thick black hair, once so sedulously curled, hung now in a lank, untidy mane about a face that was changing from its vigorous swarthy to an unhealthy sallow, whilst the blue eyes, that had been so vivid and compelling, were now dull and lacklustre. Раньше он одевался почти щегольски и очень заботился о своей внешности, а сейчас на его щеках и подбородке, прежде всегда чисто выбритых, торчала черная щетина. Энергичное и загорелое лицо приняло нездоровый, желтоватый оттенок, а недавно еще живые синие глаза потускнели и стали безжизненными.

Wolverstone, the only one who held the clue to this degeneration, ventured once - and once only - to beard him frankly about it. Только Волверстон, который знал о подлинных причинах этого печального перерождения Блада, рискнул однажды - и только однажды - поговорить с Бладом откровенно.

"Lord, Peter! Is there never to be no end to this?" the giant had growled. - Будет ли когда-нибудь этому конец, Питер? - проворчал старый верзила.

"Will you spend your days moping and swilling 'cause a white-faced ninny in Port Royal'll have none o' ye? - Долго ли ты еще будешь пьянствовать из-за этой хорошенькой дуры из Порт-Ройяла? Ведь она же не обращает на тебя никакого внимания!

' Sblood and 'ounds! Гром и молния!

If ye wants the wench, why the plague doesn't ye go and fetch her?" Да если тебе нужна эта девчонка, так почему ты, чума тебя задави, не отправишься туда и не возьмешь ее?

The blue eyes glared at him from under the jet-black eyebrows, and something of their old fire began to kindle in them. But Wolverstone went on heedlessly. Блад исподлобья взглянул на Волверстона, и в тускло-синих глазах его блеснул огонек... Но Волверстон, не обращая на это внимания, продолжал:

"I'll be nice wi' a wench as long as niceness be the key to her favour. - Ей-богу, можно волочиться за девушкой, если из этого выйдет какой-то толк.

But sink me now if I'd rot myself in rum on account of anything that wears a petticoat. Но я лучше сдохну, чем стану отравлять себя ромом из-за какой-то юбки.

That's not the Old Wolf's way. Это не в моем духе.

If there's no other expedition'll tempt you, why not Port Royal? Почему тебе не напасть на ПортРойял, если другие дела тебя не интересуют?

What a plague do it matter if it is an English settlement? Ты, конечно, можешь сказать, что это английский город и тому подобное.

It's commanded by Colonel Bishop, and there's no lack of rascals in your company'd follow you to hell if it meant getting Colonel Bishop by the throat. Но в этом городе распоряжается Бишоп, и среди наших ребят найдется немало головорезов, которые согласятся пойти с тобой хоть в ад, лишь бы схватить этого мерзавца за глотку.

It could be done, I tell you. Я уверен в успехе этого предприятия.

We've but to spy the chance when the Jamaica fleet is away. Нам нужно только дождаться дня, когда из Порт-Ройяла уйдет ямайская эскадра.

There's enough plunder in the town to tempt the lads, and there's the wench for you. В городе найдется немало добра, чтобы вознаградить наших молодцов, а ты получишь свою девчонку.

Shall I sound them on 't?" Хочешь, я выясню настроение, поговорю с нашими людьми...

Blood was on his feet, his eyes blazing, his livid face distorted. Блад подскочил, глаза его сверкнули" а побелевшее лицо исказила судорога:

"Ye'll leave my cabin this minute, so ye will, or, by Heaven, it's your corpse'll be carried out of it. - Если ты сейчас же не уберешься вон, то, клянусь небом, отсюда унесут твои кости!

Ye mangy hound, d'ye dare come to me with such proposals?" Как ты смеешь, паршивый пес, являться ко мне с такими предложениями?

He fell to cursing his faithful officer with a virulence the like of which he had never yet been known to use. - И, разразившись ужаснейшими проклятиями, он вскочил на ноги, потрясая кулаками.

And Wolverstone, in terror before that fury, went out without another word. Волверстон, придя в ужас от этой ярости, не успел больше сказать ни слова и выбежал из каюты.

The subject was not raised again, and Captain Blood was left to his idle abstraction. А капитан Блад остался наедине с самим собой и со своими мыслями.

But at last, as his buccaneers were growing desperate, something happened, brought about by the Captain's friend M. d'Ogeron. Но однажды в ясное солнечное утро на "Арабеллу" явился давний друг капитана-губернатор Тортуги.

One sunny morning the Governor of Tortuga came aboard the Arabella, accompanied by a chubby little gentleman, amiable of countenance, amiable and self-sufficient of manner. Его сопровождал маленький, пухленький человечек с добродушным выражением на любезной и несколько самоуверенной физиономии.

"My Captain," M. d'Ogeron delivered himself, "I bring you M. de Cussy, the Governor of French Hispaniola, who desires a word with you." - Дорогой капитан, - заявил д'Ожерон, - я прибыл к вам с господином де Кюсси, губернатором французской части острова Гаити. Он желал бы переговорить с вами.

Out of consideration for his friend, Captain Blood pulled the pipe from his mouth, shook some of the rum out of his wits, and rose and made a leg to M. de Cussy. Из уважения к своему другу Блад вынул трубку изо рта и попытался протрезветь хотя бы немного. Потом он встал и поклонился де Кюсси.

"Serviteur!" said he. - Прошу вас, - сказал он тоном любезного хозяина.

M. de Cussy returned the bow and accepted a seat on the locker under the stem windows. Де Кюсси ответил на поклон и принял приглашение сесть на сундук около окна, выходящего на корму.

"You have a good force here under your command, my Captain," said he. - Вы командуете сейчас крупными силами, дорогой капитан, - заметил он.

"Some eight hundred men." - Да, у меня около восьмисот человек, - небрежно ответил

Блад.

"And I understand they grow restive in idleness." - Насколько мне известно, они уже немножко волнуются от безделья.

"They may go to the devil when they please." - Они могут убираться к дьяволу, если это им угодно.

M. de Cussy took snuff delicately. Де Кюсси деликатно отправил в нос понюшку табаку.

"I have something better than that to propose," said he. - Я хочу вам предложить интересное дело, - сказал он.

"Propose it, then," said Blood, without interest. - Ну что ж, предлагайте, - равнодушно ответил Блад.

M. de Cussy looked at M. d'Ogeron, and raised his eyebrows a little. Де Кюсси, чуть приподняв брови, скосил глаза на д'Ожерона.

He did not find Captain Blood encouraging. Поведение капитана Блада было отнюдь не обнадеживающим.

But M. d'Ogeron nodded vigorously with pursed lips, and the Governor of Hispaniola propounded his business. Но д'Ожерон, сжав губы, энергично кивнул головой, и губернатор Г айти приступил к изложению своего предложения:

"News has reached us from France that there is war with Spain." - Мы получили сообщение, что между Францией и Испанией объявлена война.

"That is news, is it?" growled Blood. - Это не новость, - буркнул Блад.

"I am speaking officially, my Captain. - Я говорю официально, дорогой капитан.

I am not alluding to unofficial skirmishes, and unofficial predatory measures which we have condoned out here. Я имею в виду не те неофициальные стычки и неофициальные грабительские действия, на которые мы здесь закрываем глаза.

There is war - formally war - between France and Spain in Europe. В Европе между Францией и Испанией идет война, настоящая война.

It is the intention of France that this war shall be carried into the New World. Франция намерена перенести военные действия в Новый Свет.

A fleet is coming out from Brest under the command of M. le Baron de Rivarol for that purpose. Для этой цели сюда идет из Бреста эскадра под командованием барона де Ривароля.

I have letters from him desiring me to equip a supplementary squadron and raise a body of not less than a thousand men to reenforce him on his arrival. У меня есть письмо от него, в котором он поручает оснастить вспомогательную эскадру и выставить отряд, не меньше чем в тысячу человек, для усиления его эскадры.

What I have come to propose to you, my Captain, at the suggestion of our good friend M. d'Ogeron, is, in brief, that you enroll your ships and your force under M. de Rivarol's flag." Мое предложение, с которым я прибыл к вам по рекомендации нашего доброго друга д'Ожерона, сводится к тому, что вы, вместе с вашими людьми и кораблями, поступите к нам на французскую службу под командованием барона де Ривароля.

Blood looked at him with a faint kindling of interest. Блад взглянул на него уже с некоторым интересом - правда, еще очень слабым.

"You are offering to take us into the French service?" he asked. - Вы предлагаете нам пойти на французскую службу? - спросил он.

"On what terms, monsieur?" - На каких условиях?

"With the rank of Capitaine de Vaisseau for yourself, and suitable ranks for the officers serving under you. - В качестве капитана первого ранга для вас и с соответствующими рангами для ваших офицеров.

You will enjoy the pay of that rank, and you will be entitled, together with your men, to one-tenth share in all prizes taken." Вы будете получать жалованье, положенное этому рангу, и будете иметь право, вместе с вашими людьми, на одну десятую долю всех захваченных трофеев.

"My men will hardly account it generous. - Мои люди вряд ли сочтут ваше предложение заманчивым.

They will tell you that they can sail out of here to-morrow, disembowel a Spanish settlement, and keep the whole of the plunder." Они скажут, что могут сами отплыть отсюда завтра или послезавтра, разгромить какой-нибудь испанский город и оставить себе всю добычу.

"Ah, yes, but with the risks attaching to acts of piracy. - Да, но не забудьте о риске, связанном с такими пиратскими действиями.

With us your position will be regular and official, and considering the powerful fleet by which M. de Rivarol is backed, the enterprises to be undertaken will be on a much vaster scale than anything you could attempt on your own account. С нами же ваше положение будет вполне законным. У барона де Ривароля сильная эскадра, и вместе с ним вы сможете предпринимать операции в значительно более широком масштабе, чем те, какие осуществите сами.

So that the one tenth in this case may be equal to more than the whole in the other." При совместных действиях одна десятая часть трофеев, пожалуй, будет побольше, чем вся стоимость трофеев, которые вы захватите одни.

Captain Blood considered. Капитан Блад задумался.

This, after all, was not piracy that was being proposed. То, что ему предлагали, уже не было пиратством.

It was honourable employment in the service of the King of France. Речь шла о законной службе под знаменем короля Франции.

"I will consult my officers," he said; and he sent for them. - Я посоветуюсь со своими офицерами, - сказал он и послал за ними.

They came and the matter was laid before them by M. de Cussy himself. Они явились немедленно, и де Кюсси изложил им свое предложение.

Hagthorpe announced at once that the proposal was opportune. Хагторп заявил сразу же, что предложение приемлемо.

The men were grumbling at their protracted inaction, and would no doubt be ready to accept the service which M. de Cussy offered on behalf of France. Люди изнывают от

затянувшегося безделья и, несомненно, согласятся пойти на службу, предлагаемую де Кюсси от имени короля Франции.

Hagthorpe looked at Blood as he spoke. Blood nodded gloomy agreement. Говоря это, Хагторп взглянул на мрачного Блада, который в знак согласия кивнул головой.

Emboldened by this, they went on to discuss the terms. Ободренные этим, они приступили к обсуждению условий.

Yberville, the young French filibuster, had the honour to point out to M. de Cussy that the share offered was too small. Ибервиль, молодой французский корсар, указал де Кюсси, что доля трофеев, предложенная им, слишком мала.

For one fifth of the prizes, the officers would answer for their men; not for less. Только за одну пятую долю трофеев, и не меньше, офицеры могли бы дать согласие от имени своих людей.

M. de Cussy was distressed. Де Кюсси расстроился.

He had his instructions. It was taking a deal upon himself to exceed them. У него были точные инструкции, и превысить их он не имел права или же должен был взять на себя очень большую ответственность.

The buccaneers were firm. Но корсары не уступали.

Unless M. de Cussy could make it one fifth there was no more to be said. M. de Cussy finally consenting to exceed his instructions, the articles were drawn up and signed that very day. Торг между ними и де Кюсси тянулся более часа, но после того, как он все же решился превысить свои полномочия, соглашение было составлено и подписано тут же.

The buccaneers were to be at Petit Goave by the end of January, when M. de Rivarol had announced that he might be expected. Корсары обязались к концу января быть в Пти Гоав, где к тому же времени ожидали прибытия эскадры де Ривароля.

After that followed days of activity in Tortuga, refitting the ships, boucanning meat, laying in stores. А вслед за этим на Тортуге наступили дни кипучей деятельности: суда оснащались в дальний поход, заготавливалось мясо и другие продукты, грузились различные запасы, необходимые для военных действий.

In these matters which once would have engaged all Captain Blood's attention, he now took no part. Во всей этой суматохе капитан Блад не принимал никакого участия, хотя прежде посвящал такой подготовке все свое время.

He continued listless and aloof. If he had given his consent to the undertaking, or, rather, allowed himself to be swept into it by the wishes of his officers - it was only because the service offered was of a regular and honourable kind, nowise connected with piracy, with which he swore in his heart that he had done for ever. Сейчас же он держался в стороне равнодушно и безучастно, согласившись участвовать в операциях под французским флагом, или, говоря точнее, уступив желанию своих офицеров только потому, что новое дело было обычной военноморской службой, непосредственно не связанной с пиратством.

But his consent remained passive. The service entered awoke no zeal in him. Но служба, на которую он поступил, не вызвала у него никакого энтузиазма.

He was perfectly indifferent - as he told Hagthorpe, who ventured once to offer a remonstrance - whether they went to Petit Goave or to Hades, and whether they entered the service of Louis XIV or of Satan. Хагторп пытался протестовать против

подобного отношения к делу. Но Блад ответил, что ему совершенно безразлично, отправятся ли они в Пти Гоав или в преисподнюю, поступят ли на службу к королю Людовику XIV или к самому сатане.

Chapter XXVI Глава XXVI

M. de RIVAROL ДЕ РИВАРОЛЬ

Captain Blood was still in that disgruntled mood when he sailed from Tortuga, and still in that mood when he came to his moorings in the bay of Petit Goave. В этом же отвратительном состоянии духа капитан Блад отплыл с острова Тортуга и прибыл, как было условлено, в бухту Пти Гоав.

In that same mood he greeted M. le Baron de Rivarol when this nobleman with his fleet of five men-of-war at last dropped anchor alongside the buccaneer ships, in the middle of February. В таком же настроении он приветствовал барона де Ривароля, прибывшего наконец в середине февраля с эскадрой из пяти военных кораблей.

The Frenchman had been six weeks on the voyage, he announced, delayed by unfavourable weather. Французы добирались сюда полтора месяца, так как их задержала неблагоприятная погода.

Summoned to wait on him, Captain Blood repaired to the Castle of Petit Goave, where the interview was to take place. Де Ривароль вызвал Блада к себе, и капитан явился в замок Пти Гоав, где должна была состояться встреча.

The Baron, a tall, hawk-faced man of forty, very cold and distant of manner, measured Captain Blood with an eye of obvious disapproval. Барон, высокий горбоносый человек лет сорока, державшийся холодно и сухо, взглянул на Блада с явным неодобрением.

Of Hagthorpe, Yberville, and Wolverstone who stood ranged behind their captain, he took no heed whatever. Вместе с капитаном пришли Хагторп, Ибервиль и Волверстон, но Ривароль не удостоил их даже взглядом.

M. de Cussy offered Captain Blood a chair. Де Кюсси предложил Бладу стул.

"A moment, M. de Cussy. - Одну минуточку, господин де Кюсси.

I do not think M. le Baron has observed that I am not alone. Мне кажется, что барон не заметил, что я здесь не один.

Let me present to you, sir, my companions: Captain Hagthorpe of the Elizabeth, Captain Wolverstone of the Atropos, and Captain Yberville of the Lachesis." Разрешите мне, сэр, представить вам моих спутников: капитан Хагторп с "Элизабет", капитан Волверстон с "Атропос", капитан Ибервиль с "Лакезис".

The Baron stared hard and haughtily at Captain Blood, then very distantly and barely perceptibly inclined his head to each of the other three. Барон надменно взглянул на капитана Блада, а потом высокомерно и чуть заметно кивнул головой каждому из представленных ему корсаров.

His manner implied plainly that he despised them and that he desired them at once to understand it. Всем своим поведением он давал понять, что презирает их всех, и хотел, чтобы они это почувствовали.

It had a curious effect upon Captain Blood. It awoke the devil in him, and it awoke at the same time his self-respect which of late had been slumbering. Поведение барона произвело на капитана Блада своеобразное действие - он был оскорблен таким

приемом, и в нем заговорило чувство собственного достоинства, дремавшее в течение всего последнего времени.

A sudden shame of his disordered, ill-kempt appearance made him perhaps the more defiant. Ему стало стыдно за свой неряшливый вид, и это, вероятно, заставило его держаться еще более вызывающе.

There was almost a significance in the way he hitched his sword-belt round, so that the wrought hilt of his very serviceable rapier was brought into fuller view. Жест, которым он поправил портупею, так, чтобы эфес его длинной шпаги оказался на виду у Ривароля, был почти намеком.

He waved his captains to the chairs that stood about. Обращаясь к своим офицерам, Блад, указав рукой на стулья, стоявшие вдоль стены, сказал:

"Draw up to the table, lads. - Придвигайтесь ближе к столу, ребята.

We are keeping the Baron waiting." Вы заставляете барона ждать.

They obeyed him, Wolverstone with a grin that was full of understanding. Корсары повиновались, а Волверстон при этом многозначительно ухмыльнулся.

Naughtier grew the stare of M. de Rivarol. Выражение лица де Ривароля стало еще более надменным.

To sit at table with these bandits placed him upon what he accounted a dishonouring equality. It had been his notion that - with the possible exception of Captain Blood - they should take his instructions standing, as became men of their quality in the presence of a man of his. He did the only thing remaining to mark a distinction between himself and them. He put on his hat. Он считал для себя бесчестьем сидеть за одним столом с этими разбойниками, полагая, что корсары должны были выслушать его стоя, за исключением, возможно, только одного Блада. И чтобы подчеркнуть разницу между собой и корсарами, он сделал единственное, что ему еще оставалось, - надел шляпу.

"Ye're very wise now," said Blood amiably. - Вот это совершенно правильно, - дружески заметил Блад.

"I feel the draught myself." - Я и не заметил, что здесь сквозит.

And he covered himself with his plumed castor. - И он надел свою широкополую шляпу с плюмажем.

M. de Rivarol changed colour. He quivered visibly with anger, and was a moment controlling himself before venturing to speak. Де Ривароль от гнева заметно вздрогнул и какое-то мгновение, прежде чем открыть рот, сдерживал себя, чтобы не вспылить.

M. de Cussy was obviously very ill at ease. Де Кюсси было явно не по себе.

"Sir," said the Baron frostily, "you compel me to remind you that the rank you hold is that of Capitaine de Vaisseau, and that you are in the presence of the General of the Armies of France by Sea and Land in America. - Сэр, - ледяным тоном заявил барон, - вы вынуждаете меня напомнить вам, что имеете звание капитана первого ранга и находитесь в присутствии генерала, командующего сухопутными и военно-морскими силами Франции в Америке.

You compel me to remind you further that there is a deference due from your rank to mine." Я вынужден также напомнить вам, что вы обязаны с почтением относиться к

человеку моего ранга.

"I am happy to assure you," said Captain Blood, "that the reminder is unnecessary. - Счастлив заверить вас, - ответил Блад, - что это напоминание излишне.

I am by way of accounting myself a gentleman, little though I may look like one at present; and I should not account myself that were I capable of anything but deference to those whom nature or fortune may have placed above me, or to those who being placed beneath me in rank may labour under a disability to resent my lack of it." Я считаю себя джентльменом, хотя сейчас и не очень на него похожу, и как джентльмен всегда с уважением относился к тем, кого природа или фортуна поставила надо мной. Но вместе с этим, по моему мнению, надо уважать и тех, кто не имеет возможности возмутиться, если к ним проявляют неуважение.

It was a neatly intangible rebuke. - Это был упрек, умело облеченный в такую форму, что к нему нельзя было придаться.

M. de Rivarol bit his lip. Captain Blood swept on without giving him time to reply: "Thus much being clear, shall we come to business?" Де Ривароль прикусил губу, а Блад, не давая ему возможности ответить, продолжал: - А если этот вопрос выяснен, то мы, может быть, перейдем к делу?

M. de Rivarol's hard eyes considered him a moment. Де Ривароль угрюмо посмотрел на него.

"Perhaps it will be best," said he. He took up a paper. - Да, пожалуй, это будет лучше, - сказал он и взял лист бумаги.

"I have here a copy of the articles into which you entered with M. de Cussy. - Эта копия соглашения, которое вы подписали вместе с господином де Кюсси.

Before going further, I have to observe that M. de Cussy has exceeded his instructions in admitting you to one fifth of the prizes taken. Я должен отметить, что, предоставив вам право на одну пятую часть захваченных трофеев, господин де Кюсси превысил свои полномочия.

His authority did not warrant his going beyond one tenth." Он мог согласиться выделить вам не более, чем одну десятую долю.

"That is a matter between yourself and M. de Cussy, my General." - Этот вопрос касается только вас и де Кюсси.

"Oh, no. - О нет!

It is a matter between myself and you." В этом заинтересованы и вы.

"Your pardon, my General. - Извините, генерал.

The articles are signed. So far as we are concerned, the matter is closed. Соглашение подписано, и для нас вопрос исчерпан.

Also out of regard for M. de Cussy, we should not desire to be witnesses of the rebukes you may consider that he deserves." Из уважения к господину де Кюсси нам не хотелось бы выслушивать ваши упреки по его адресу.

"What I may have to say to M. de Cussy is no concern of yours." - Не ваше дело, что я найду нужным ему сказать.

"That is what I am telling you, my General." - Это то же самое, что говорю и я,

генерал.

"But - nom de Dieu! - it is your concern, I suppose, that we cannot award you more than one tenth share." - Но, мой бог, мне кажется, вас должно интересовать, что мы не можем дать вам больше, чем одну десятую часть добычи!

M. de Rivarol smote the table in exasperation. This pirate was too infernally skillful a fencer. - Де Ривароль раздраженно ударил кулаком по столу: этот пират был дьявольски ловок в споре.

"You are quite certain of that, M. le Baron - that you cannot?" - А вы уверены, господин барон, что не можете дать?

"I am quite certain that I will not." - Уверен, что не дам!

Captain Blood shrugged, and looked down his nose. Капитан Блад с презрением пожал плечами.

"In that case," said he, "it but remains for me to present my little account for our disbursement, and to fix the sum at which we should be compensated for our loss of time and derangement in coming hither. - В таком случае, - сказал он, - мне придется установить сумму, которая компенсирует нам потерю времени и нарушение наших планов в результате прибытия в Пти Гоав.

That settled, we can part friends, M. le Baron. Как только этот вопрос будет урегулирован, мы расстанемся друзьями, господин барон.

No harm has been done." Пока никто никакого вреда никому не причинил, как я полагаю.

"What the devil do you mean?" - Черт вас возьми, что вы имеете в виду?

The Baron was on his feet, leaning forward across the table. - Барон встал из-за стола.

"Is it possible that I am obscure? - Разве я неясно выразился? - удивленно спросил Блад.

My French, perhaps, is not of the purest, but..." - Возможно, что я не очень бегло говорю по-французски, но...

"Oh, your French is fluent enough; too fluent at moments, if I may permit myself the observation. - О, вы говорите по-французски достаточно бегло, господин пират!

Now, look you here, M. le filibustier, I am not a man with whom it is safe to play the fool, as you may very soon discover. Но я не позволю вам валять дурака.

You have accepted service of the King of France -you and your men; you hold the rank and draw the pay of a Capitaine de Vaisseau, and these your officers hold the rank of lieutenants. Вы с вашими людьми поступили на службу к королю Франции. Вы имеете звание капитана первого ранга и, согласно этому званию, получаете жалованье, а ваши офицеры имеют звание лейтенантов.

These ranks carry obligations which you would do well to study, and penalties for failing to discharge them which you might study at the same time. С этими рангами связаны не только обязанности, которые вам следует хорошенько изучить, но и наказания за невыполнение этих обязанностей, что вам также не мешает знать.

They are something severe. Наказания эти иногда довольно суровы.

The first obligation of an officer is obedience. Первейшая обязанность офицера - повиновение.

I commend it to your attention. Обращаю на это ваше внимание.

You are not to conceive yourselves, as you appear to be doing, my allies in the enterprises I have in view, but my subordinates. Не воображайте себя моим союзником в намечаемых мною операциях.

In me you behold a commander to lead you, not a companion or an equal. Вы только мои подчиненные.

You understand me, I hope." Надеюсь, вы поняли меня?

"Oh, be sure that I understand," Captain Blood laughed. - О, конечно! - засмеялся капитан Блад.

He was recovering his normal self amazingly under the inspiring stimulus of conflict. The only thing that marred his enjoyment was the reflection that he had not shaved. Этот конфликт, эта борьба с заносчивым генералом помогла Бладу быстро стать самим собой, и только одна мысль портила ему настроение - мысль о том, что он был небрит.

"I forget nothing, I assure you, my General. - Уверю вас, генерал, я ничего не забываю.

I do not forget, for instance, as you appear to be doing, that the articles we signed are the condition of our service; and the articles provide that we receive one-fifth share. Я, например, отлично помню - чего нельзя сказать о вас, - что условия нашей службы определялись подписанным нами соглашением. По этому соглашению мы должны были получить пятую долю трофеев.

Refuse us that, and you cancel the articles; cancel the articles, and you cancel our services with them. Отказываясь от этого обязательства, вы аннулируете соглашение и, следовательно, отказываетесь использовать наши силы и опыт.

From that moment we cease to have the honour to hold rank in the navies of the King of France." А мы, разумеется, лишаемся чести служить под вашим командованием.

There was more than a murmur of approval from his three captains. Три офицера Блада громко выразили свое одобрение.

Rivarol glared at them, checkmated. Прижатый к стене, де Ривароль гневно посмотрел на них.

"In effect..." M. de Cussy was beginning timidly. - Практически... - робко начал де Кюсси.

"In effect, monsieur, this is your doing," the Baron flashed on him, glad to have some one upon whom he could fasten the sharp fangs of his irritation. - Практически все это ваша работа! - набросился на него барон, обрадовавшись, что нашелся наконец человек, на котором он мог выместить свое раздражение.

"You should be broke for it. - Вас следует наказать за это.

You bring the King's service into disrepute; you force me, His Majesty's representative, into an impossible position." Вы ставите меня в дурацкое положение.

"Is it impossible to award us the one-fifth share?" quoth Captain Blood silkily. - Итак, вы не можете выделить нам драгоценную часть трофеев, - заключил Блад спокойно.

"In that case, there is no need for beat or for injuries to M. de Cussy. - В таком случае, нет никакой необходимости кричать на господина де Кюсси или наказывать его.

M. de Cussy knows that we would not have come for less. Он не виноват в том, что на меньшую долю трофеев мы не соглашались.

We depart again upon your assurance that you cannot award us more. Так как вы заявили, что не можете пойти на предоставление нам большей доли, то мы удаляемся.

And things are as they would have been if M. de Cussy had adhered rigidly to his instructions. Положение остается таким же, каким оно было бы, если бы господин де Кюсси точно придерживался ваших инструкций.

I have proved, I hope, to your satisfaction, M. le Baron, that if you repudiate the articles you can neither claim our services nor hinder our departure -not in honour." Говоря по чести, вы аннулировали соглашение и потому не можете претендовать на наши услуги или задерживать наше отплытие.

"Not in honour, sir? - Говоря по чести?

To the devil with your insolence! Что это значит?

Do you imply that any course that were not in honour would be possible to me?" Вы намекаете на то, что я могу поступить бесчестно?

"I do not imply it, because it would not be possible," said Captain Blood. - Я ни на что не намекаю и не намерен больше спорить попусту, - ответил Блад.

"We should see to that. It is, my General, for you to say whether the articles are repudiated." - Слово за вами, генерал: аннулируете вы соглашение или нет?

The Baron sat down. Командующий королевскими сухопутными и морскими силами Франции в Америке побагровел и, чтобы успокоиться, снова сел за стол.

"I will consider the matter," he said sullenly. "You shall be advised of my resolve." - Я обдумываю этот вопрос, - сердито сказал он, - и уведомя о своем решении.

Captain Blood rose, his officers rose with him. Капитан Блад встал. Его офицеры последовали за ним.

Captain Blood bowed. "M. le Baron!" said he. Then he and his buccaneers removed themselves from the August and irate presence of the General of the King's Armies by Land and Sea in America. - Честь имею откланяться, господин барон! -сказал Блад и удалился вместе со своими корсарами.

You conceive that there followed for M. de Cussy an extremely bad quarter of an hour. M. de Cussy, in fact, deserves your sympathy. Вы понимаете, конечно, что за этим наступило несколько весьма неприятных минут для господина де Кюсси.

His self-sufficiency was blown from him by the haughty M. de Rivarol, as down from a thistle by the winds of autumn. От брани надменного де Ривароля вся самоуверенность слетела с него, как осенью слетают пушинки с одуванчика.

The General of the King's Armies abused him - this man who was Governor of

Hispaniola - as if he were a lackey. Командующий королевскими армиями кричал на губернатора Гаити, как на мальчишку.

M. de Cussy defended himself by urging the thing that Captain Blood had so admirably urged already on his behalf - that if the terms he had made with the buccaneers were not confirmed there was no harm done. Де Кюсси, защищаясь, приводил ту самую точку зрения, которую капитан Блад так замечательно уже изложил от его имени.

M. de Rivarol bullied and browbeat him into silence. Однако де Ривароль угрозами и бранью заставил его замолчать.

Having exhausted abuse, the Baron proceeded to indignities. Исчерпав арсенал ругательств, он перешел к оскорблениям.

Since he accounted that M. de Cussy had proved himself unworthy of the post he held, M. de Rivarol took over the responsibilities of that post for as long as he might remain in Hispaniola, and to give effect to this he began by bringing soldiers from his ships, and setting his own guard in M. de Cussy's castle. По его мнению, де Кюсси не мог оставаться губернатором Гаити, и поэтому он сам решил исполнять губернаторские обязанности до времени своего отъезда во Францию. Исполнение обязанностей он начал с приказа выставить усиленную охрану вокруг замка де Кюсси.

Out of this, trouble followed quickly. Однако его непродуманные действия сразу же вызвали неприятности.

Wolverstone coming ashore next morning in the picturesque garb that he affected, his head swathed in a coloured handkerchief, was jeered at by an officer of the newly landed French troops. Когда утром следующего дня на берег сошел Волверстон, одетый очень живописно, с цветным платком на голове, то какой-то офицер из состава только что высадившихся французских войск начал потешаться над старым волком.

Not accustomed to derision, Wolverstone replied in kind and with interest. Волверстон высмеял офицера, пообещав надрать ему уши.

The officer passed to insult, and Wolverstone struck him a blow that felled him, and left him only the half of his poor senses. Офицер вскипел и перешел к оскорблениям. В ответ на оскорбления Волверстон нанес обидчику такой удар, что француз свалился без памяти.

Within the hour the matter was reported to M. de Rivarol, and before noon, by M. de Rivarol's orders, Wolverstone was under arrest in the castle. Через час об этом уже было доложено де Риваролу, и барон тут же приказал арестовать Волверстона и поместить под стражу в замок.

The Baron had just sat down to dinner with M. de Cussy when the negro who waited on them announced Captain Blood. А еще через час, когда барон и де Кюсси сели обедать, негр-лакей доложил им о приходе капитана Блада.

Peevishly M. de Rivarol bade him be admitted, and there entered now into his presence a spruce and modish gentleman, dressed with care and sombre richness in black and silver, his swarthy, clear-cut face scrupulously shaven, his long black hair in ringlets that fell to a collar of fine point. После того как де Ривароль раздраженно согласился его принять, в комнату вошел элегантно одетый джентльмен. На нем был дорогой черный камзол, отделанный серебром. Его смуглое, с правильными чертами лицо было тщательно выбрито. На воротник из тонких кружев падали длинные локоны парика.

In his right hand the gentleman carried a broad black hat with a scarlet ostrich-plume, in his left hand an ebony cane. В правой руке джентльмен держал широкополую черную шляпу с плюмажем из красных страусовых перьев, а в левой - трость из черного дерева.

His stockings were of silk, a bunch of ribbons masked his garters, and the black rosettes on his shoes were finely edged with gold. Подвязки с пышными бантами из лент поддерживали его шелковые чулки. Черные розетки на башмаках были искусно отделаны золотом.

For a moment M. de Rivarol did not recognize him. Де Ривароль и де Кюсси не сразу узнали Блада.

For Blood looked younger by ten years than yesterday. Он выглядел сейчас на десять лет моложе.

But the vivid blue eyes under their level black brows were not to be forgotten, and they proclaimed him for the man announced even before he had spoken. His resurrected pride had demanded that he should put himself on an equality with the baron and advertise that equality by his exterior. К нему полностью вернулось чувство прежнего достоинства, и даже внешностью он хотел подчеркнуть свое равенство с бароном.

"I come inopportunately," he courteously excused himself. - Я пришел не вовремя, - вежливо извинился он.

"My apologies. My business could not wait. - Сожалею об этом, но мое дело не терпит отлагательств.

It concerns, M. de Cussy, Captain Wolverstone of the Lachesis, whom you have placed under arrest." Речь идет, господин де Кюсси, о капитане Волверстоне, которого вы арестовали.

"It was I who placed him under arrest," said M. de Rivarol. - Арестовать Волверстона приказал я, - заявил де Ривароль.

"Indeed! - Да?

But I thought that M. de Cussy was Governor of Hispaniola." А я полагал, что губернатором острова Гаити является господин де Кюсси.

"Whilst I am here, monsieur, I am the supreme authority. It is as well that you should understand it." - Пока я здесь, высшая власть принадлежит мне, -самодовольно заявил барон.

"Perfectly. - Приму к сведению.

But it is not possible that you are aware of the mistake that has been made." Но вы, вероятно, не знаете, что здесь произошла ошибка.

"Mistake, do you say?" - Ошибка?

"I say mistake. - Да, ошибка.

On the whole, it is polite of me to use that word. Also it is expedient. It will save discussions. Это подходящее слово, так как оно избавляет нас от лишних споров, но вообще-то оно слишком мягко.

Your people have arrested the wrong man, M. de Rivarol. Ваши люди, господин де

Ривароль, арестовали невинного.

Instead of the French officer, who used the grossest provocation, they have arrested Captain Wolverstone. Виноват французский офицер, который вел себя вызывающе и нагло, а задержанным оказался капитан Волверстон.

It is a matter which I beg you to reverse without delay." Прошу немедленно отменить ваше распоряжение.

M. de Rivarol's hawk-face flamed scarlet. His dark eyes bulged. Де Ривароль в гневе выпучил на него свои черные глаза, а его ястребиное лицо покрылось багровым румянцем.

"Sir, you... you are insolent! But of an insolence that is intolerable!" - Это... н-нагло, это... н-недопустимо!

Normally a man of the utmost self-possession he was so rudely shaken now that he actually stammered. - На этот раз генерал так рассвирепел, что начал даже заикаться.

"M. le Baron, you waste words. - Вы напрасно тратите слова, господин барон.

This is the New World. Мы с вами в Новом Свете.

It is not merely new; it is novel to one reared amid the superstitions of the Old. Это не пустое название. Здесь все ново для человека, выросшего среди предрассудков Старого Света.

That novelty you have not yet had time, perhaps, to realize; therefore I overlook the offensive epithet you have used. У вас, разумеется, еще не было времени понять всю его новизну, поэтому я не обращаю внимания на ваши оскорбительные выражения.

But justice is justice in the New World as in the Old, and injustice as intolerable here as there. Но справедливость и в Новом Свете и в Старом остается одним и тем же понятием.

Now justice demands the enlargement of my officer and the arrest and punishment of yours. Несправедливость так же нетерпима здесь, как и там. Сейчас справедливость требует освобождения моего офицера и наказания вашего.

That justice I invite you, with submission, to administer." Вот эту справедливость я покорно прошу вас осуществить.

"With submission?" snorted the Baron in furious scorn. - Покорно? - едва сдерживая себя от гнева, медленно произнес де Ривароль. - Покорно?

"With the utmost submission, monsieur. - Именно так, барон.

But at the same time I will remind M. le Baron that my buccaneers number eight hundred; your troops five hundred; and M. de Cussy will inform you of the interesting fact that any one buccaneer is equal in action to at least three soldiers of the line. Но в то же время хочу напомнить вам, генерал, что в моем распоряжении восемьсот корсаров, а у вас только пятьсот солдат. Господин де Кюсси легко подтвердит, что один корсар в бою стоит по меньшей мере трех солдат.

I am perfectly frank with you, monsieur, to save time and hard words. Я совершенно откровенен с вами, барон.

Either Captain Wolverstone is instantly set at liberty, or we must take measures to

set him at liberty ourselves. Либо вы немедленно освобождаете капитана Волверстона, либо я сам приму меры для его освобождения.

The consequences may be appalling. But it is as you please, M. le Baron. Последствия будут, конечно, ужасными, но вы можете их предупредить одним словом.

You are the supreme authority. It is for you to say." Вы, господин барон, представляете здесь высшую власть, и от вас зависит, какой выбор сделать.

M. de Rivarol was white to the lips. Де Ривароль побледнел как полотно.

In all his life he had never been so bearded and defied. За всю его жизнь никто так дерзко не разговаривал с ним и не проявлял такого неуважения.

But he controlled himself. Но барон счел за лучшее сдержаться:

"You will do me the favour to wait in the ante-room, M. le Capitaine. - Буду признателен, если вы подождете в приемной, господин капитан.

I desire a word with M. de Cussy. You shall presently be informed of my decision." Я переговорю с господином де Кюсси.

When the door had closed, the baron loosed his fury upon the head of M. de Cussy. Как только за капитаном закрылась дверь, вся ярость барона снова обрушилась на голову де Кюсси:

"So, these are the men you have enlisted in the King's service, the men who are to serve under me - men who do not serve, but dictate, and this before the enterprise that has brought me from France is even under way! - Так вот каковы люди, взятые вами на королевскую службу! И этот Блад! Капитан первого ранга! Позор! Он не только не желает повиноваться, но еще и диктует!

What explanations do you offer me, M. de Cussy? Какое объяснение вы можете мне дать?

I warn you that I am not pleased with you. Предупреждаю, что я очень недоволен вами.

I am, in fact, as you may perceive, exceedingly angry." Более того, я просто взбешен!

The Governor seemed to shed his chubbiness. He drew himself stiffly erect. Хотя вся самоуверенность де Кюсси давно уже исчезла, но он вытянулся и надменно произнес:

"Your rank, monsieur, does not give you the right to rebuke me; nor do the facts. - Ни ваш ранг, господин генерал, ни факты не дают вам права упрекать меня.

I have enlisted for you the men that you desired me to enlist. Я привлек вам на службу именно тех людей, которых вы хотели привлечь.

It is not my fault if you do not know how to handle them better. Не моя вина, что вы не умеете обращаться с ними.

As Captain Blood has told you, this is the New World." Капитан Блад вам ясно сказал, что мы находимся в Новом Свете.

"So, so!" M. de Rivarol smiled malignantly. - Так, так! - злобно ухмыльнулся де Ривароль.

"Not only do you offer no explanation, but you venture to put me in the wrong. Almost I admire your temerity. But there!" he waved the matter aside. He was supremely sardonic. - Вы еще осмеливаетесь утверждать, что я виноват! Мне это начинает нравиться.

"It is, you tell me, the New World, and - new worlds, new manners, I suppose. In time I may conform my ideas to this new world, or I may conform this new world to my ideas." He was menacing on that. По-вашему, здесь Новый Свет и, надо полагать, новые понятия и новые порядки. Но так не будет! Я заставлю ваш Новый Свет приспособиться ко мне! - начал угрожать барон и тут же прервал угрозы, вспомнив о капитане Бладе.

"For the moment I must accept what I find. - Сегодня я еще соглашусь с вами, де Кюсси. Но не завтра!

It remains for you, monsieur, who have experience of these savage by-ways, to advise me out of that experience how to act." А сейчас вы, знаток варварских порядков Нового Света, скажите, что нам делать?

"M. le Baron, it was a folly to have arrested the buccaneer captain. - Господин барон! Арест корсарского капитана был глупостью.

It would be madness to persist. Держать его под арестом будет безумием.

We have not the forces to meet force." Мы не можем силой отвечать на силу, потому что мы слабее.

"In that case, monsieur, perhaps you will tell me what we are to do with regard to the future. - Замечательно! Тогда соблаговолите мне ответить, что же мы будем делать в дальнейшем?

Am I to submit at every turn to the dictates of this man Blood? Значит, я буду обязан подчиняться этому капитану Бладу?

Is the enterprise upon which we are embarked to be conducted as he decrees? Значит, операция, которую мы предпринимаем, будет проводиться, как он этого пожелает?

Am I, in short, the King's representative in America, to be at the mercy of these rascals?" Короче, должен ли я, представитель короля Франции в Америке, быть в зависимости у этих мерзавцев?

"Oh, by no means. - О, совсем нет.

I am enrolling volunteers here in Hispaniola, and I am raising a corps of negroes. Я рекрутирую добровольцев на острове Гаити и набираю отряд негров.

I compute that when this is done we shall have a force of a thousand men, the buccaneers apart." Когда я это сделаю, наши силы возрастут до тысячи человек.

"But in that case why not dispense with them?" - Так почему же, в таком случае, нам не отказаться сейчас же от услуг пиратов?

"Because they will always remain the sharp edge of any weapon that we forge. - Потому что они явятся острием любого оружия, которое мы выкуем.

In the class of warfare that lies before us they are so skilled that what Captain Blood has just said is not an overstatement. В военных действиях того типа, что нам предстоит вести, они очень искусны, и заявление капитана Блада, которое вы слышали, - не пустая похвальба.

A buccaneer is equal to three soldiers of the line. Один корсар на самом деле стоит трех солдат, а может быть, и четырех.

At the same time we shall have a sufficient force to keep them in control. А тогда у нас будет достаточно своих людей, чтобы держать корсаров в руках.

For the rest, monsieur, they have certain notions of honour. Должен добавить, что у них есть твердое понятие о чести.

They will stand by their articles, and so that we deal justly with them, they will deal justly with us, and give no trouble. Если мы выполним свои обязательства, корсары не причинят нам никаких неприятностей.

I have experience of them, and I pledge you my word for that." M. de Rivarol condescended to be mollified. Я даю вам в этом свое слово, так как знаю их не первый год.

It was necessary that he should save his face, and in a degree the Governor afforded him the means to do so, as well as a certain guarantee for the future in the further force he was raising. "Very well," he said. - Хорошо, я вам верю, - сказал барон, спасая свой престиж.

"Be so good as to recall this Captain Blood." - Будьте добры пригласить сюда этого капитана.

The Captain came in, assured and very dignified. Блад с достоинством вошел в комнату.

M. de Rivarol found him detestable; but dissembled it. Его уверенный вид раздражал де Ривароля, но он скрыл свое раздражение под маской суровой любезности.

"M. le Capitaine, I have taken counsel with M. le Gouverneur. From what he tells me, it is possible that a mistake has been committed. Justice, you may be sure, shall be done. - Вот что, капитан: я посоветовался с губернатором и допускаю возможность ошибки, но, будьте уверены, справедливость восторжествует.

To ensure it, I shall myself preside over a council to be composed of two of my senior officers, yourself and an officer of yours. Я сам буду председательствовать на совете, в который войдут два моих старших офицера, вы и один из ваших офицеров.

This council shall hold at once an impartial investigation into the affair, and the offender, the man guilty of having given provocation, shall be punished." Мы сразу же проведем беспристрастное расследование, и виновный, то есть тот, кто затеял ссору, будет наказан.

Captain Blood bowed. Капитан Блад поклонился.

It was not his wish to be extreme. Без острой необходимости ему вовсе не хотелось прибегать к крайним мерам.

"Perfectly, M. le Baron. - Превосходно, господин барон.

And now, sir, you have had the night for reflection in this matter of the articles. Разрешим тогда еще один вопрос.

Am I to understand that you confirm or that you repudiate them?" Я хотел бы знать: подтверждаете ли вы наше соглашение или аннулируете его?

M. de Rivarol's eyes narrowed. Глаза де Ривароля сузились.

His mind was full of what M. de Cussy had said - that these buccaneers must prove the sharp edge of any weapon he might forge. Он целиком был поглощен мыслью о том, что сказал ему де Кюсси: корсары должны стать острием любого оружия, которое он выкует.

He could not dispense with them. Отказаться от них было невыносимо.

He perceived that he had blundered tactically in attempting to reduce the agreed share. Несомненно, он допустил тактическую ошибку, торгуясь с Бладом.

Withdrawal from a position of that kind is ever fraught with loss of dignity. Отказ от соглашения всегда связан с потерей престижа.

But there were those volunteers that M. de Cussy was enrolling to strengthen the hand of the King's General. Торговаться с корсарами явно не следовало. Ведь де Кюсси набирал сейчас добровольцев, укрепляя французский отряд.

Their presence might admit anon of the reopening of this question. Когда эти волонтеры станут реальной силой, то вопрос о распределении трофеев можно будет пересмотреть.

Meanwhile he must retire in the best order possible. А пока необходимо отступить как можно приличнее.

"I have considered that, too," he announced. - Я думал также и об этом, - сказал он.

"And whilst my opinion remains unaltered, I must confess that since M. de Cussy has pledged us, it is for us to fulfil the pledges. - Мое мнение, разумеется, остается прежним. Но мы обязаны выполнять обязательства, данные де Кюсси от нашего имени.

The articles are confirmed, sir." Поэтому я подтверждаю соглашение, сэръ.

Captain Blood bowed again. Капитан Блад снова поклонился.

In vain M. de Rivarol looked searchingly for the least trace of a smile of triumph on those firm lips. The buccaneer's face remained of the utmost gravity. Де Ривароль тщетно искал на его твердо сжатых губах хотя бы какое-то подобие торжествующей улыбки, однако лицо корсара по-прежнему оставалось бесстрастным.

Wolverstone was set at liberty that afternoon, and his assailant sentenced to two months' detention. В тот же день Волверстон был освобожден, а его обидчик приговорен к двум месяцам ареста.

Thus harmony was restored. Справедливость была восстановлена.

But it had been an unpromising beginning, and there was more to follow shortly of a similar discordant kind. Но такое начало не предвещало ничего хорошего, и дурное продолжение не замедлило последовать.

Blood and his officers were summoned a week later to a council which sat to determine their operations against Spain. Спустя неделю Блад вместе со своими офицерами был вызван на совет, собравшийся для обсуждения плана операций против Испании.

M. de Rivarol laid before them a project for a raid upon the wealthy Spanish town of Cartagena. Де Ривароль изложил свой проект нападения на богатый испанский город

Картахену.

Captain Blood professed astonishment. Капитан Блад не мог скрыть своего изумления.

Sourly invited by M. de Rivarol to state his grounds for it, he did so with the utmost frankness. Когда барон раздраженно спросил, что его так удивляет, Блад высказался совершенно откровенно:

"Were I General of the King's Armies in America," said he, "I should have no doubt or hesitation as to the best way in which to serve my Royal master and the French nation. - Если бы я командовал французскими вооруженными силами в Америке, у меня не было бы никаких сомнений или колебаний, как лучше принести пользу моему королю и французскому народу.

That which I think will be obvious to M. de Cussy, as it is to me, is that we should at once invade Spanish Hispaniola and reduce the whole of this fruitful and splendid island into the possession of the King of France." Для господина де Кюсси и для меня совершенно ясно, что сейчас нужно немедленно захватить испанскую часть острова Гаити и сделать весь этот плодородный и чудесный остров собственностью Франции.

"That may follow," said M. de Rivarol. - Это можно сделать потом, - ответил де Ривароль.

"It is my wish that we begin with Cartagena." - А я хочу начать с Картахены.

"You mean, sir, that we are to sail across the Caribbean on an adventurous expedition, neglecting that which lies here at our very door. - Вы хотите сказать, сэр, что, отправляясь в эту авантюрную экспедицию через все Карибское море, мы должны пренебречь тем, что лежит здесь, у самых наших дверей.

In our absence, a Spanish invasion of French Hispaniola is possible. В наше отсутствие испанцы могут вторгнуться во французскую часть острова Гаити.

If we begin by reducing the Spaniards here, that possibility will be removed. Если же мы разгромим испанцев здесь, на месте, то эта опасность исчезнет.

We shall have added to the Crown of France the most coveted possession in the West Indies. Франция получила бы вдобавок к своим владениям в Вест-Индии такую колонию, на которую зарятся многие страны.

The enterprise offers no particular difficulty; it may be speedily accomplished, and once accomplished, it would be time to look farther afield. Эта операция не представляет больших трудностей, и ее можно провести очень быстро. А после этого у нас будет достаточно времени, чтобы решить, чем заняться дальше.

That would seem the logical order in which this campaign should proceed." Мне кажется, что надо начинать именно с такой операции.

He ceased, and there was silence. Он умолк. Воцарилось молчание.

M. de Rivarol sat back in his chair, the feathered end of a quill between his teeth. Де Ривароль сидел в кресле, покусывая кончик гусиного пера.

Presently he cleared his throat and asked a question. Наконец он откашлялся, чтобы прочистить горло, и спросил:

"Is there anybody else who shares Captain Blood's opinion?" - Кто еще придерживается мнения капитана Блада?

None answered him. Никто ему не ответил.

His own officers were overawed by him; Blood's followers naturally preferred Cartagena, because offering the greater chance of loot. Loyalty to their leader kept them silent. Офицеры де Ривароля, запуганные бароном, молчали. Сторонники Блада, со своей пиратской точки зрения, естественно, одобряли выбор Картахены, так как там было значительно больше добычи, но из уважения к своему вожаку также помалкивали.

"You seem to be alone in your opinion," said the Baron with his vinegary smile. - Вы, кажется, одиноки в своем мнении, - с кислой улыбкой заметил барон.

Captain Blood laughed outright. He had suddenly read the Baron's mind. His airs and graces and haughtiness had so imposed upon Blood that it was only now that at last he saw through them, into the fellow's peddling spirit. Therefore he laughed; there was really nothing else to do. Капитан Блад внезапно рассмеялся.

But his laughter was charged with more anger even than contempt. Но в его смехе было больше гнева, чем презрения.

He had been deluding himself that he had done with piracy. Его расчеты покончить с пиратством не оправдались. Выходило так, что он обманывал себя.

The conviction that this French service was free of any taint of that was the only consideration that had induced him to accept it. Только уверенность, что на французской службе его не заставят делать что-либо позорное, вынудила его согласиться пойти под знамена Франции.

Yet here was this haughty, supercilious gentleman, who dubbed himself General of the Armies of France, proposing a plundering, thieving raid which, when stripped of its mean, transparent mask of legitimate warfare, was revealed as piracy of the most flagrant. И вот теперь этот напыщенный, гордый, заносчивый генерал французской армии предлагает самый настоящий грабительский рейд. Под предлогом законных военных действий генерал хотел совершить обыкновенный пиратский налет.

M. de Rivarol, intrigued by his mirth, scowled upon him disapprovingly. Де Ривароль, заинтригованный этим взрывом веселья, сердито нахмурился:

"Why do you laugh, monsieur?" - Почему вы смеетесь, черт возьми!

"Because I discover here an irony that is supremely droll. - Да потому, что все это чертовски смешно, господин барон.

You, M. le Baron, General of the King's Armies by Land and Sea in America, propose an enterprise of a purely buccaneering character; whilst I, the buccaneer, am urging one that is more concerned with upholding the honour of France. Вы, командующий королевскими сухопутными и морскими силами Франции в Америке, предлагаете мне пиратский рейд, а я, пират, отстаиваю необходимость операции, которая сделала бы честь Франции.

You perceive how droll it is." Не находите ли вы, что это очень смешно?

M. de Rivarol perceived nothing of the kind. M. de Rivarol in fact was extremely angry. Де Ривароль побагровел от гнева.

He bounded to his feet, and every man in the room rose with him - save only M. de Cussy, who sat on with a grim smile on his lips. Он вскочил как ошпаренный, и все, кто был вместе с ним в комнате, поднялись со своих мест. Только де Кюсси продолжал

сидеть, и на его лице блуждала мрачная улыбка.

He, too, now read the Baron like an open book, and reading him despised him. Он так же, как и Блад, читал мысли барона, словно в открытой книге, и так же, как Блад, презирал алчного генерала.

"M. le filibustier," cried Rivarol in a thick voice, "it seems that I must again remind you that I am your superior officer." - Г осподин пират, - хрипло произнес де Ривароль, - неужели мне надо напоминать, что я ваш начальник?

"My superior officer! - Мой начальник?

You! Вы?

Lord of the World! Силы небесные!

Why, you are just a common pirate! Да вы самый настоящий пират!

But you shall hear the truth for once, and that before all these gentlemen who have the honour to serve the King of France. И на сей раз, перед всеми этими джентльменами, которые имеют честь служить королю Франции, вы услышите всю правду о себе.

It is for me, a buccaneer, a sea-robber, to stand here and tell you what is in the interest of French honour and the French Crown. Мне, "пирату и морскому разбойнику", приходится доказывать вам здесь, в чем состоят интересы и честь Франции.

Whilst you, the French King's appointed General, neglecting this, are for spending the King's resources against an outlying settlement of no account, shedding French blood in seizing a place that cannot be held, only because it has been reported to you that there is much gold in Cartagena, and that the plunder of it will enrich you. Вы же, французский генерал, - пренебрегая всем этим, намереваетесь тратить предоставленные в ваше распоряжение средства на авантюру, не имеющую никакого значения для Франции. Вы хотите пролить кровь французов и захватить город, который нельзя удержать. Вы идете на это с целью личного обогащения, зная, что в Картахене много золота.

It is worthy of the huckster who sought to haggle with us about our share, and to beat us down after the articles pledging you were already signed. Такое поведение вполне достойно торгаша, который пытается урвать хоть кусочек из нашей доли добычи и выторговывает уступки уже после подписания договора.

If I am wrong - let M. de Cussy say so. Если я не прав, пусть господин де Кюсси скажет об этом.

If I am wrong, let me be proven wrong, and I will beg your pardon. Если я ошибаюсь, докажите мне это, и я извинюсь перед вами.

Meanwhile, monsieur, I withdraw from this council. I will have no further part in your deliberations. А сейчас я уйду, не желая принимать участия в таком совете.

I accepted the service of the King of France with intent to honour that service. Я пошел на службу к королю Франции, намереваясь честно выполнять свои обязательства.

I cannot honour that service by lending countenance to a waste of life and resources in raids upon unimportant settlements, with plunder for their only object. Честная служба, по-моему, несовместима с налетами и грабежами, и я не могу согласиться с напрасными потерями человеческих жизней и средств.

The responsibility for such decisions must rest with you, and with you alone. Ответственность целиком ляжет на вас, генерал, и только на вас.

I desire M. de Cussy to report me to the Ministers of France. Я хочу, чтобы господин де Кюсси передал мое мнение французскому правительству.

For the rest, monsieur, it merely remains for you to give me your orders. I await them aboard my ship -and anything else, of a personal nature, that you may feel I have provoked by the terms I have felt compelled to use in this council. Я буду, разумеется, выполнять ваши приказы, поскольку наше соглашение действует, а если вам кажется, что вы оскорблены моими словами, то я всегда к вашим услугам.

M. le Baron, I have the honour to wish you good-day." Имею честь откланяться, господин барон!

He stalked out, and his three captains - although they thought him mad - rolled after him in loyal silence. Он ушел, и вместе с ним ушли все три преданных ему офицера, хотя они считали, что Блад сошел с ума.

M. de Rivarol was gasping like a landed fish. Де Ривароль был похож на рыбу, вытащенную из воды.

The stark truth had robbed him of speech. От неприкрашенной правды, которую его заставили выслушать, он задышался и не мог говорить.

When he recovered, it was to thank Heaven vigorously that the council was relieved by Captain Blood's own act of that gentleman's further participation in its deliberations. Придя в себя, он бурно поблагодарил небо, что капитан Блад избавил совет от своего дальнейшего присутствия.

Inwardly M. de Rivarol burned with shame and rage. Внутренне же де Ривароль сгорал от стыда и ярости.

The mask had been plucked from him, and he had been held up to scorn - he, the General of the King's Armies by Sea and Land in America. С него сорвали маску, и его, командующего королевскими морскими и сухопутными силами Франции в Америке, сделали посмешищем...

Nevertheless, it was to Cartagena that they sailed in the middle of March. Тем не менее в середине марта они все же отплыли в Картахену.

Volunteers and negroes had brought up the forces directly under M. de Rivarol to twelve hundred men. Отряд под личным командованием де Ривароля, усиленный добровольцами и неграми, насчитывал около тысячи двухсот человек.

With these he thought he could keep the buccaneer contingent in order and submissive. Де Ривароль полагал, что, располагая такими силами, он в случае необходимости сумеет заставить корсаров повиноваться.

They made up an imposing fleet, led by M. de Rivarol's flagship, the Victorieuse, a mighty vessel of eighty guns. Внушительную эскадру де Ривароля возглавлял мощный восьмидесятипушечный флагманский корабль "Викторьез".

Each of the four other French ships was at least as powerful as Blood's Arabella, which was of forty guns. Каждый из четырех других французских кораблей не уступал по своим боевым качествам "Арабелле" Блада с ее сорока пушками.

Followed the lesser buccaneer vessels, the Elizabeth, Lachesis, and Atropos, and a

dozen frigates laden with stores, besides canoes and small craft in tow. За эскадрой шли корсарские корабли - "Элизабет", "Лакезис" и "Атропос", а также двенадцать фрегатов, груженных запасами, не считая лодок, которые тянулись на буксире.

Narrowly they missed the Jamaica fleet with Colonel Bishop, which sailed north for Tortuga two days after the Baron de Rivarol's southward passage. По пути они чуть не столкнулись с ямайской эскадрой полковника Бишоп, которая вышла к острову Тортуга через два дня после того, как корабли де Ривароля проследовали в южном направлении.

Chapter XXVII Глава XXVII

CARTAGENA КАРТАХЕНА

Having crossed the Caribbean in the teeth of contrary winds, it was not until the early days of April that the French fleet hove in sight of Cartagena, and M. de Rivarol summoned a council aboard his flagship to determine the method of assault. Французская эскадра, сдерживаемая сильными встречными ветрами, пересекла Карибское море и только в начале апреля смогла лечь в дрейф в виду Картахены. Для обсуждения плана штурма де Ривароль созвал на борту своего флагманского судна капитанов всех кораблей.

"It is of importance, messieurs," he told them, "that we take the city by surprise, not only before it can put itself into a state of defence; but before it can remove its treasures inland. - Внезапность - первое дело, господа, - заявил он собравшимся. - Мы захватим город до того, как он сможет приготовиться к обороне, и таким образом не дадим испанцам возможности увезти в глубь страны находящиеся там ценности.

I propose to land a force sufficient to achieve this to the north of the city to-night after dark." Я предполагаю сегодня с наступлением темноты высадить к северу от города отряд, который сможет выполнить это задание.

And he explained in detail the scheme upon which his wits had laboured. - И он подробно изложил детали разработанного им плана.

He was heard respectfully and approvingly by his officers, scornfully by Captain Blood, and indifferently by the other buccaneer captains present. Офицеры де Ривароля выслушали его почтительно и с одобрением.

For it must be understood that Blood's refusal to attend councils had related only to those concerned with determining the nature of the enterprise to be undertaken. Captain Blood was the only one amongst them who knew exactly what lay ahead. Блад не скрывал своего презрения к этому плану, потому что был единственным человеком среди присутствующих, который точно знал, что надо делать.

Two years ago he had himself considered a raid upon the place, and he had actually made a survey of it in circumstances which he was presently to disclose. Два года назад он сам намечал налет на Картахену и произвел обстоятельную рекогносцировку.

The Baron's proposal was one to be expected from a commander whose knowledge of Cartagena was only such as might be derived from maps. А предложения барона основывались только на знакомстве с картами.

Geographically and strategically considered, it is a curious place. В географическом и стратегическом отношении город Картахена расположен очень своеобразно.

It stands almost four-square, screened east and north by hills, and it may be said to face south upon the inner of two harbours by which it is normally approached. Он представляет собой четырехугольник, выходящий своей южной стороной к внутреннему рейду, являющемуся одним из двух морских подступов к городу. С востока и севера город прикрыт холмами.

The entrance to the outer harbour, which is in reality a lagoon some three miles across, lies through a neck known as the Boca Chica - or Little Mouth - and defended by a fort. Доступ на внешний рейд проходит через защищенный фортом узкий пролив, известный под названием Бока Чика, или Маленькая Горловина.

A long strip of densely wooded land to westward acts here as a natural breakwater, and as the inner harbour is approached, another strip of land thrusts across at right angles from the first, towards the mainland on the east. Длинная, узкая коса, покрытая густым лесом, выдается на запад и служит естественным молом Картахены. А ближе к внутреннему рейду лежит еще одна полоска земли, расположенная под прямым углом к естественному молу, и тянется на восток по направлению к материку.

Just short of this it ceases, leaving a deep but very narrow channel, a veritable gateway, into the secure and sheltered inner harbour. Неподалеку от материка эта полоска обрывается, образуя очень узкий, но глубокий канал, который служит своеобразными воротами в безопасный внутренний рейд.

Another fort defends this second passage. Проход защищен сильным фортом.

East and north of Cartagena lies the mainland, which may be left out of account. К востоку и северу от Картахены лежит материк, не представляющий для нас никакого интереса.

But to the west and northwest this city, so well guarded on every other side, lies directly open to the sea. It stands back beyond a half-mile of beach, and besides this and the stout walls which fortify it, would appear to have no other defences. Но на западе и северо-западе город, так хорошо охраняемый с других сторон, непосредственно выходит к морю и, помимо невысоких каменных стен, не имеет других видимых укреплений.

But those appearances are deceptive, and they had utterly deceived M. de Rivarol, when he devised his plan. Однако эта видимость была обманчивой, и де Ривароль, составляя свой план, был полностью введен в заблуждение этой видимостью легкого захвата города с ничем не защищенной стороны.

It remained for Captain Blood to explain the difficulties when M. de Rivarol informed him that the honour of opening the assault in the manner which he prescribed was to be accorded to the buccaneers. Когда барон сообщил, что корсарам предоставляется честь быть первым отрядом, штурмующим город по разработанному им плану, Блад вынужден был объяснить ему, с какими трудностями им придется встретиться.

Captain Blood smiled sardonic appreciation of the honour reserved for his men. Капитан саркастически улыбался, слушая сообщение де Ривароля об оказании такой чести корсарам.

It was precisely what he would have expected. Это было именно то, чего он и ожидал.

For the buccaneers the dangers; for M. de Rivarol the honour, glory and profit of the enterprise. Корсарам доставался весь риск, а Риваролю - весь почет, слава и вся добыча.

"It is an honour which I must decline," said he quite coldly. - Честь, которую вы

так любезно нам оказываете, я должен отклонить, - холодно заметил капитан.

Wolverstone grunted approval and Hagthorpe nodded. Волверстон что-то буркнул в знак одобрения, а Хагторп кивнул головой.

Yberville, who as much as any of them resented the superciliousness of his noble compatriot, never wavered in loyalty to Captain Blood. Ибервиль, так же как и все, возмущался высокомерием своего соотечественника, никогда не ставя под сомнение правоту своего капитана.

The French officers - there were six of them present - stared their haughty surprise at the buccaneer leader, whilst the Baron challengingly fired a question at him. Присутствующие французские офицеры с высокомерным удивлением уставились на вожака корсаров, а де Ривароль спросил вызывающе:

"How? - Что?

You decline it, 'sir? Вы отклоняете?

You decline to obey orders, do you say?" Вы говорите, что отказываетесь выполнить мой приказ?

"I understood, M. le Baron, that you summoned us to deliberate upon the means to be adopted." - Как я понимаю, господин барон, вы созвали нас обсудить план штурма.

"Then you understood amiss, M. le Capitaine. - О нет, господин капитан.

You are here to receive my commands. Я вызвал вас для получения моего приказа.

I have already deliberated, and I have decided. Мной все уже продумано и решено.

I hope you understand." Надеюсь, что теперь вы понимаете?

"Oh, I understand," laughed Blood. - Да, я-то понимаю! - засмеялся Блад.

"But, I ask myself, do you?" - А вот понимаете ли вы?

And without giving the Baron time to set the angry question that was bubbling to his lips, he swept on: "You have deliberated, you say, and you have decided. - И, не давая барону возможности задать вопрос, Блад продолжал: - Вы все уже продумали и все решили?

But unless your decision rests upon a wish to destroy my buccaneers, you will alter it when I tell you something of which I have knowledge. Но, если ваше решение не основано на желании погубить большую часть моих людей, вы сейчас же измените его, как только узнаете то, что известно мне.

This city of Cartagena looks very vulnerable on the northern side, all open to the sea as it apparently stands. Картагена кажется вам очень уязвимой с северной стороны, где она выходит к морю.

Ask yourself, M. le Baron, how came the Spaniards who built it where it is to have been at such trouble to fortify it to the south, if from the north it is so easily assailable." А не возникал ли у вас, господин барон, законный вопрос: почему испанцы, строившие этот город, постарались так укрепить его с юга и оставили его таким незащищенным с севера?

That gave M. de Rivarol pause. Де Ривароль ничего не ответил, потому что в самом деле вынужден был задуматься.

"The Spaniards," Blood pursued, "are not quite the fools you are supposing them. - Испанцы совсем не такие уж болваны, какими вы их себе представляете, - продолжал Блад.

Let me tell you, messieurs, that two years ago I made a survey of Cartagena as a preliminary to raiding it. - Два года назад, готовясь к рейду на Картахену, я провел рекогносцировку города.

I came hither with some friendly trading Indians, myself disguised as an Indian, and in that guise I spent a week in the city and studied carefully all its approaches. Вместе с несколькими дружественными индейцами-торговцами, переодевшись индейцем, я явился туда и провел в городе целую неделю, досконально изучая все подходы к нему.

On the side of the sea where it looks so temptingly open to assault, there is shoal water for over half a mile out - far enough out, I assure you, to ensure that no ship shall come within bombarding range of it. С той стороны, где город кажется таким соблазнительно доступным для штурма, испанцы защищены мелководьем.

It is not safe to venture nearer land than three quarters of a mile." Оно простирается более чем на полмили от берега и не дает возможности кораблям приблизиться настолько, чтобы огонь их пушек мог нанести ущерб городу.

"But our landing will be effected in canoes and piraguas and open boats," cried an officer impatiently. - Но мы высадим десант на каноэ, пирогах и плоскодонных лодках! - нетерпеливо воскликнул один из офицеров.

"In the calmest season of the year, the surf will hinder any such operation. - Даже в самую спокойную погоду прибой помешает осуществить вам такую операцию, -возразил ему Блад.

And you will also bear in mind that if landing were possible as you are suggesting, that landing could not be covered by the ships' guns. - И следует также иметь в виду, что мы не сможем прикрывать наш десант огнем корабельных пушек.

In fact, it is the landing parties would be in danger from their own artillery." Людям будет угрожать опасность от своей же собственной артиллерии.

"If the attack is made by night, as I propose, covering will be unnecessary. - Если мы проведем атаку ночью, ее не придется прикрывать огнем пушек, - сказал де Ривароль.

You should be ashore in force before the Spaniards are aware of the intent." - Ваш отряд будет на берегу еще до того, как испанцы успеют опомниться.

"You are assuming that Cartagena is a city of the blind, that at this very moment they are not conning our sails and asking themselves who we are and what we intend." - Вы исходите из того, что в Картахене живут только ослы и слепые. Неужели вы полагаете, что они уже не сосчитали наши паруса и не задали себе законного вопроса: кто мы такие и зачем сюда пожаловали?

"But if they feel themselves secure from the north, as you suggest," cried the Baron impatiently, "that very security will lull them." - Но если они считают себя в безопасности с севера, как вы утверждаете, - нетерпеливо воскликнул барон, - то это чувство безопасности и усыпляет их!

"Perhaps. But, then, they are secure. - Оно не усыпляет их, барон, а напротив - не обманывает.

Any attempt to land on this side is doomed to failure at the hands of Nature." Всякая попытка высадиться с этой стороны моря обречена на неудачу самой природой.

"Nevertheless, we make the attempt," said the obstinate Baron, whose haughtiness would not allow him to yield before his officers. - И все же мы сделаем такую попытку! - упрямо настаивал барон, так как его высокомерие не позволяло ему уступить в чем-либо в присутствии своих подчиненных.

"If you still choose to do so after what I have said, you are, of course, the person to decide. - Ну что ж, - сказал капитан Блад, - если вас не убеждают мои слова, действуйте. Это, конечно, ваше право.

But I do not lead my men into fruitless danger." Но я не поведу своих людей на верную смерть.

"If I command you..." the Baron was beginning. - А если я прикажу вам... - начал было барон.

But Blood unceremoniously interrupted him. "M. le Baron, when M. de Cussy engaged us on your behalf, it was as much on account of our knowledge and experience of this class of warfare as on account of our strength. - Послушайте, барон! - бесцеремонно прервал его Блад. - Нас привлекли на службу не только из-за тех сил, которыми мы располагаем, но и учитывая наши знания и опыт в военных действиях такого характера.

I have placed my own knowledge and experience in this particular matter at your disposal. I will add that I abandoned my own project of raiding Cartagena, not being in sufficient strength at the time to force the entrance of the harbour, which is the only way into the city. Я предоставляю в ваше распоряжение мой личный опыт и знания и добавлю еще, что в свое время я отказался от намеченного мною нападения на Картахену, так как не располагал достаточными силами, чтобы захватить гавань -единственные ворота города.

The strength which you now command is ample for that purpose." Теперь же наши силы делают выполнение такой задачи возможным.

"But whilst we are doing that, the Spaniards will have time to remove great part of the wealth this city holds. - Да, но пока мы будем заняты этой военной операцией, испанцы вывезут из города большую часть богатств.

We must take them by surprise." Мы должны напасть на них внезапно.

Captain Blood shrugged. Капитан Блад пожал плечами:

"If this is a mere pirating raid, that, of course, is a prime consideration. - С точки зрения пирата, ваши соображения, конечно, очень убедительны.

It was with me. Так в свое время думал и я.

But if you are concerned to abate the pride of Spain and plant the Lilies of France on the forts of this settlement, the loss of some treasure should not really weigh for much." Но если вы заинтересованы в том, чтобы сбить спесь с испанцев и водрузить флаг Франции на фортах этого города, то потеря части богатств не должна серьезно вас беспокоить.

M. de Rivarol bit his lip in chagrin. Де Ривароль прикусил губу.

His gloomy eye smouldered as it considered the self-contained buccaneer. Мрачно и с

ненавистью он посмотрел на корсара, который так независимо держал себя.

"But if I command you to go - to make the attempt?" he asked. - А если я прикажу действовать вам? - спросил он.

"Answer me, monsieur, let us know once for all where we stand, and who commands this expedition." - Отвечайте мне на этот вопрос! Кто, в конце концов, командует этой экспедицией - вы или я?

"Positively, I find you tiresome," said Captain Blood, and he swung to M. de Cussy, who sat there gnawing his lip, intensely uncomfortable. - Ну, знаете, вы мне просто надоели, - сказал капитан Блад и быстро повернулся к де Кюсси, который чувствовал себя очень неловко и сидел как на иголках.

"I appeal to you, monsieur, to justify me to the General." - Господин губернатор, подтвердите наконец генералу, что я прав!

M. de Cussy started out of his gloomy abstraction. Де Кюсси очнулся от своего унылого раздумья:

He cleared his throat. He was extremely nervous. "In view of what Captain Blood has submitted..." - В связи с тем, что капитан Блад представил...

"Oh, to the devil with that!" snapped Rivarol. - К черту! - заревел де Ривароль.

"It seems that I am followed by poltroons. - Выходит так, что вокруг меня одни только трусы.

Look you, M. le Capitaine, since you are afraid to undertake this thing, I will myself undertake it. Послушайте, вы, господин капитан! Вы боитесь вести эту операцию, и поэтому командовать ею буду я.

The weather is calm, and I count upon making good my landing. Погода стоит хорошая, и мы успешно высадимся на берег.

If I do so, I shall have proved you wrong, and I shall have a word to say to you to-morrow which you may not like. Если это будет так - а это так и будет, - то завтра вам придется выслушать кое-что малоприятное.

I am being very generous with you, sir." Я слишком великодушен, сэръ!

He waved his hand regally. - Он сделал величественный жест рукой.

"You have leave to go." - Разрешаю вам удалиться.

It was sheer obstinacy and empty pride that drove him, and he received the lesson he deserved. Де Риваролем руководили глупое упрямство и тщеславие, и он, конечно, получил вполне заслуженный урок.

The fleet stood in during the afternoon to within a mile of the coast, and under cover of darkness three hundred men, of whom two hundred were negroes - the whole of the negro contingent having been pressed into the undertaking - were pulled away for the shore in the canoes, piraguas, and ships' boats. Во второй половине дня эскадра подошла поближе к берегу. Под покровом темноты триста человек, из которых двести были неграми (то есть все негры, участвовавшие в экспедиции), отправились на берег в каноэ, пирогах и лодках.

Rivarol's pride compelled him, however much he may have disliked the venture, to lead them in person. Де Ривароль вынужден был взять на себя личное командование

десантным отрядом, хотя это совсем не прельщало его.

The first six boats were caught in the surf, and pounded into fragments before their occupants could extricate themselves. Первые шесть лодок, подхваченные прибоем и брошенные на скалы, превратились в щепки еще до того, как находившиеся в них люди смогли броситься в воду.

The thunder of the breakers and the cries of the shipwrecked warned those who followed, and thereby saved them from sharing the same fate. Грохот волн, разбивающихся о камни, и крики утопающих послужили убедительным сигналом для экипажей других лодок.

By the Baron's urgent orders they pulled away again out of danger, and stood about to pick up such survivors as contrived to battle towards them. Командующий десантом барон сразу же отдал приказ уходить из опасной зоны и заняться спасением утопающих.

Close upon fifty lives were lost in the adventure, together with half-a-dozen boats stored with ammunition and light guns. Эта авантюра обошлась недешево: погибло около пятидесяти человек и было потеряно шесть лодок с боеприпасами.

The Baron went back to his flagship an infuriated, but by no means a wiser man. Де Ривароль вернулся на свой корабль взбешенным, но отнюдь не поумневшим.

Wisdom - not even the pungent wisdom experience thrusts upon us - is not for such as M. de Rivarol. Он не принадлежал к числу тех людей, которые становятся мудрее в результате жизненного опыта.

His anger embraced all things, but focussed chiefly upon Captain Blood. In some warped process of reasoning he held the buccaneer chiefly responsible for this misadventure. He went to bed considering furiously what he should say to Captain Blood upon the morrow. Он гневался на все и на всех и от огорчения тут же завалился спать.

He was awakened at dawn by the rolling thunder of guns. На рассвете его разбудили раскаты пушечных залпов.

Emerging upon the poop in nightcap and slippers, he beheld a sight that increased his unreasonable and unreasoning fury. Выбежав на корму в ночном колпаке и в ночных туфлях, барон увидел странную картину, от которой его ярость удвоилась.

The four buccaneer ships under canvas were going through extraordinary manoeuvre half a mile off the Boca Chica and little more than half a mile away from the remainder of the fleet, and from their flanks flame and smoke were belching each time they swung broadside to the great round fort that guarded that narrow entrance. Четыре корсарских корабля, подняв все паруса, совершали непонятные маневры, находясь приблизительно в полумиле от Бока Чика и почти на таком же расстоянии от французской эскадры. Временами, окутываясь клубами порохового дыма, они обстреливали залпами большой круглый форт, защищавший узкий канал - вход на рейд.

The fort was returning the fire vigorously and viciously. But the buccaneers timed their broadsides with extraordinary judgment to catch the defending ordnance reloading; then as they drew the Spaniards' fire, they swung away again not only taking care to be ever moving targets, but, further, to present no more than bow or stern to the fort, their masts in line, when the heaviest cannonades were to be expected. Пушки форта отвечали энергично, однако корсары маневрировали парусами и стреляли с такой исключительной точностью, что их огонь накрывал защитников форта в тот самый момент, когда они перезаряжали пушки. Произведя залп, корсарские корабли круто поворачивались, так, что канониры форта видели перед собой движущуюся мишень

в виде кормы или носа кораблей противника. Маневрирование это производилось настолько искусно, что за одну-две секунды перед самым залпом испанцев пиратские корабли выстраивались только в перпендикулярной позиции к форту, так, что мачты кораблей сливались в одну линию.

Gibbering and cursing, M. de Rivarol stood there and watched this action, so presumptuously undertaken by Blood on his own responsibility. Бормоча под нос проклятия, де Ривароль наблюдал за боем, по собственной инициативе начатым Бладом.

The officers of the Victorieuse crowded round him, but it was not until M. de Cussy came to join the group that he opened the sluices of his rage. Офицеры "Викторьез" столпились здесь же, на корме, и, когда наконец к ним присоединился де Кюсси, барон уже не мог больше сдерживать душившее его негодование.

And M. de Cussy himself invited the deluge that now caught him. Собственно говоря, де Кюсси сам навлек на себя эту бурю.

He had come up rubbing his hands and taking a proper satisfaction in the energy of the men whom he had enlisted. Он подошел к барону, потирая руки и всем своим видом выражая удовлетворение энергичными действиями тех, кого он привлек на службу.

"Aha, M. de Rivarol!" he laughed. "He understands his business, eh, this Captain Blood. - Ну как, господин де Ривароль, - засмеялся он, - не находите ли вы, что этот Блад блестяще знает дело, а?

He'll plant the Lilies of France on that fort before breakfast." Он водрузит знамя Франции на этом форту еще до завтрака.

The Baron swung upon him snarling. Барон с рычанием резко повернулся к нему:

"He understands his business, eh? - Вы говорите, что он знает свое дело, да?

His business, let me tell you, M. de Cussy, is to obey my orders, and I have not ordered this. Par la Mordieu! У вас не хватает ума понять, что его дело -выполнять мои приказы! Разве я отдавал такой приказ, черт возьми?

When this is over I'll deal with him for his damned insubordination." Когда все это кончится, я разделаюсь с ним за его самочинство.

"Surely, M. le Baron, he will have justified it if he succeeds." - Позвольте, господин барон, но его действия будут полностью оправданы, если принесут удачу.

"Justified it! - Оправданы?

Ah, parbleu! О дьявольщина!

Can a soldier ever justify acting without orders?" He raved on furiously, his officers supporting him out of their detestation of Captain Blood. Да разве можно оправдать самовольные поступки солдата?! - вспыхнул барон, взглянув на своих офицеров, также ненавидевших Блада.

Meanwhile the fight went merrily on. А сражение корсаров с испанцами продолжалось.

The fort was suffering badly. Форт получил серьезные повреждения.

Yet for all their manoeuvring the buccaneers were not escaping punishment. Однако и корабли Блада, несмотря на свои искусные маневры, сильно пострадали от огня форта.

The starboard gunwale of the Atropos had been hammered into splinters, and a shot

had caught her astern in the coach. Планшир правого борта "Атропос" был превращен в щепки, и одно из крупных ядер разорвалось в кормовой каюте корабля.

The Elizabeth was badly battered about the forecastle, and the Arabella's maintop had been shot away, whilst towards the end of that engagement the Lachesis came reeling out of the fight with a shattered rudder, steering herself by sweeps. На "Элизабет" была серьезно повреждена носовая часть, а на "Арабелле" сбита грот-мачта. К концу боя и "Лахезис" вышла из строя.

The absurd Baron's fierce eyes positively gleamed with satisfaction. Барон явно наслаждался этим зрелищем.

"I pray Heaven they may sink all his infernal ships!" he cried in his frenzy. - Молю небо, чтобы испанцы потопили все эти мерзкие корабли!

But Heaven didn't hear him. Но небо не слышало его молитв.

Scarcely had he spoken than there was a terrific explosion, and half the fort went up in fragments. Едва он произнес эти слова, как раздался ужасный взрыв, и половина форта взлетела на воздух.

A lucky shot from the buccaneers had found the powder magazine. Одно из корсарских ядер попало в пороховой погреб.

It may have been a couple of hours later, when Captain Blood, as spruce and cool as if he had just come from a levee, stepped upon the quarter-deck of the Victoriense, to confront M. de Rivarol, still in bedgown and nightcap. Часа через два после боя капитан Блад, спокойный и нарядный, будто он только что вернулся с бала, ступил на квартердек "Викторьез". Его встретил де Ривароль, все еще в халате и в ночном колпаке.

"I have to report, M. le Baron, that we are in possession of the fort on Boca Chica. - Разрешите доложить, господин барон, что мы овладели фортом на Бока Чика.

The standard of France is flying from what remains of its tower, and the way into the outer harbour is open to your fleet." На развалинах башни развевается знамя Франции, а эскадре открыт доступ в гавань.

M. de Rivarol was compelled to swallow his fury, though it choked him. Де Ривароль вынужден был сдержать свой гнев, хотя он почти задыхался от него.

The jubilation among his officers had been such that he could not continue as he had begun. Его офицеры так бурно выражали свой восторг, что разносить Блада ему было просто неудобно.

Yet his eyes were malevolent, his face pale with anger. Но глаза его по-прежнему сохраняли злобное выражение, а лицо было бледным от ярости.

"You are fortunate, M. Blood, that you succeeded," he said. - Вам повезло, господин Блад, - сказал он, - что бой выигран.

"It would have gone very ill with you had you failed. В случае неудачи вам пришлось бы жестоко поплатиться.

Another time be so good as to await my orders, lest you should afterwards lack the justification which your good fortune has procured you this morning." В другой раз извольте ждать моих приказов, так как может случиться, что у вас не будет таких хороших оправданий, как сегодня.

Blood smiled with a flash of white teeth, and bowed. Блад улыбнулся, сверкнув белыми зубами, и поклонился:

"I shall be glad of your orders now, General, for pursuing our advantage. - Сейчас я был бы рад получить ваш приказ, генерал, чтобы развить наше преимущество.

You realize that speed in striking is the first essential." Надеюсь, вы понимаете, насколько важна в данный момент быстрота действий.

Rivarol was left gaping a moment. Absorbed in his ridiculous anger, he had considered nothing. But he made a quick recovery. Ривароль растерянно взглянул на него: в своем гневе барон совершенно забыл о том, что необходимо руководить развертывающимися операциями.

"To my cabin, if you please," he commanded peremptorily, and was turning to lead the way, when Blood arrested him. - Зайдите ко мне в каюту! - властно приказал он Бладу, но тот остановил его.

"With submission, my General, we shall be better here. You behold there the scene of our coming action. It is spread before you like a map." - Я полагаю, генерал, что нам лучше переговорить здесь, когда перед вами, как на карте, открыта вся сцена наших предстоящих действий.

He waved his hand towards the lagoon, the country flanking it and the considerable city standing back from the beach. - Он указал рукой на лагуну, на окружающую ее местность и на большой город, расположенный в некотором отдалении от берега.

"If it is not a presumption in me to offer a suggestion..." He paused. - Если это не будет расценено, как моя самонадеянность, я хотел бы сделать предложение... - Он умолк.

M. de Rivarol looked at him sharply, suspecting irony. But the swarthy face was bland, the keen eyes steady. Де Ривароль пристально посмотрел на него, подозревая насмешку, но смуглое лицо корсара было невозмутимым, а его пронизательные глаза - спокойными.

"Let us hear your suggestion," he consented. - Ну ладно, послушаем, - милостиво согласился барон.

Blood pointed out the fort at the mouth of the inner harbour, which was just barely visible above the waving palms on the intervening tongue of land. Блад указал на форт при входе на внутренний рейд, башни которого скрывались за пальмами, качавшимися на узкой полосе земли.

He announced that its armament was less formidable than that of the outer fort, which they had reduced; but on the other hand, the passage was very much narrower than the Boca Chica, and before they could attempt to make it in any case, they must dispose of those defences. Он заявил, что этот форт вооружен значительно слабее, чем внешний форт, который они уже захватили. Но вместе с тем и канал здесь сужается, и чтобы пройти по каналу, необходимо захватить это укрепление.

He proposed that the French ships should enter the outer harbour, and proceed at once to bombardment. Meanwhile, he would land three hundred buccaneers and some artillery on the eastern side of the lagoon, beyond the fragrant garden islands dense with richly bearing fruit-trees, and proceed simultaneously to storm the fort in the rear. Он предложил, чтобы французские корабли, войдя на внешний рейд, начали оттуда бомбардировку форта, а тем временем триста корсаров с пушками высадутся на восточном берегу лагуны позади острова, густо заросшего душистыми деревьями. Как только начнется бомбардировка с моря, пираты бросятся на штурм форта с тыла.

Thus beset on both sides at once, and demoralized by the fate of the much stronger outer fort, he did not think the Spaniards would offer a very long resistance. Блад полагал, что испанцы не смогут долго сопротивляться.

Then it would be for M. de Rivarol to garrison the fort, whilst Captain Blood would sweep on with his men, and seize the Church of Nuestra Senora de la Poupa, plainly visible on its hill immediately eastward of the town. После этого отряд де Ривароля останется в форту, а Блад со своими людьми продолжит наступление и захватит церковь Нуэстра Сеньора де ля Попа, стоящую на высоком холме к востоку от города.

Not only did that eminence afford them a valuable and obvious strategic advantage, but it commanded the only road that led from Cartagena to the interior, and once it were held there would be no further question of the Spaniards attempting to remove the wealth of the city. Захватив эту возвышенность, они будут контролировать единственную дорогу из Картахены в глубь страны и отрежут путь испанцам, которые не смогут вывезти из города ценности.

That to M. de Rivarol was - as Captain Blood had judged that it would be - the crowning argument. Как Блад рассчитывал, так и произошло: последний аргумент оказался для Ривароля самым убедительным.

Supercilious until that moment, and disposed for his own pride's sake to treat the buccaneer's suggestions with cavalier criticism, M. de Rivarol's manner suddenly changed. He became alert and brisk, went so far as tolerantly to commend Captain Blood's plan, and issued orders that action might be taken upon it at once. До этого барон надменно слушал корсара, намереваясь раскритиковать его предложение, но здесь он, приняв озабоченный вид, снизошел до того, что похвалил план Блада и приказал немедленно начать бомбардировку форта.

It is not necessary to follow that action step by step. Нам нет нужды описывать здесь все подробности этой операции.

Blunders on the part of the French marred its smooth execution, and the indifferent handling of their ships led to the sinking of two of them in the course of the afternoon by the fort's gunfire. Из-за ошибок французских командиров она прошла не совсем гладко, и пушечным огнем форта были потоплены два французских корабля.

But by evening, owing largely to the irresistible fury with which the buccaneers stormed the place from the landward side, the fort had surrendered, and before dusk Blood and his men with some ordnance hauled thither by mules dominated the city from the heights of Nuestra Senora de la Poupa. Но к вечеру, благодаря неукротимой ярости пиратов при штурме с тыла, форт сдался. Еще до наступления ночи Блад вместе со своими людьми захватил господствующую над городом высоту Нуэстра Сеньора де ля Попа и поставил там несколько пушек.

At noon on the morrow, shorn of defences and threatened with bombardment, Cartagena sent offers of surrender to M. de Rivarol. К середине следующего дня Картахена послала де Риваролю предложение о капитуляции.

Swollen with pride by a victory for which he took the entire credit to himself, the Baron dictated his terms. Надувшись от гордости за победу, которую он целиком приписывал себе, барон продиктовал условия капитуляции.

He demanded that all public effects and office accounts be delivered up; that the merchants surrender all moneys and goods held by them for their correspondents; the inhabitants could choose whether they would remain in the city or depart; but those who went must first deliver up all their property, and those who elected to remain must surrender half, and become the subjects of France; religious houses and

churches should be spared, but they must render accounts of all moneys and valuables in their possession. Он потребовал сдать все деньги, товары и все общественные ценности. Жителям была предоставлена возможность либо остаться в городе, либо уходить, но те, кто хотел уйти, обязаны были полностью сдать все свое имущество, а оставшиеся сдавали только половину и становились подданными короля Франции. Де Ривароль обещал пощадить молитвенные дома и церкви, но потребовал, чтобы они представили ему отчеты о всех имеющихся у них суммах и ценностях.

Cartagena agreed, having no choice in the matter, and on the next day, which was the 5th of April, M. de Rivarol entered the city and proclaimed it now a French colony, appointing M. de Cussy its Governor. Картагена приняла эти условия, так как другого выхода у нее не было. На следующий день, 5 апреля, де Ривароль вошел в город, объявив его французской колонией и назначив ее губернатором де Кюсси.

Thereafter he proceeded to the Cathedral, where very properly a Te Deum was sung in honour of the conquest. После этого он проследовал в кафедральный собор, где в честь победы была отслужена благодарственная обедня.

This by way of grace, whereafter M. de Rivarol proceeded to devour the city. Все это было только передышкой, так как после этих церемоний де Ривароль приступил к грабежу.

The only detail in which the French conquest of Cartagena differed from an ordinary buccaneering raid was that under the severest penalties no soldier was to enter the house of any inhabitant. Захват Картагены французами отличался от обычного пиратского налета только тем, что солдатам под страхом строжайших наказаний было категорически запрещено заходить в дома горожан.

But this apparent respect for the persons and property of the conquered was based in reality upon M. de Rivarol's anxiety lest a doubloon should be abstracted from all the wealth that was pouring into the treasury opened by the Baron in the name of the King of France. Однако в действительности этот гуманный приказ был издан не для защиты личности и имущества побежденных. Де Ривароль беспокоился о том, чтобы какой-либо дублон из огромного потока богатств не уплыл в карман солдат.

Once the golden stream had ceased, he removed all restrictions and left the city in prey to his men, who proceeded further to pillage it of that part of their property which the inhabitants who became French subjects had been assured should remain inviolate. Но едва лишь этот поток золота прекратился, как барон снял все ограничения и отдал город на разграбление своим солдатам. Они растащили имущество и той части горожан, которые стали французскими подданными, хотя де Ривароль обещал им неприкосновенность и защиту.

The plunder was enormous. Добыча была колоссальной.

In the course of four days over a hundred mules laden with gold went out of the city and down to the boats waiting at the beach to convey the treasure aboard the ships. На протяжении четырех дней более ста мулов перевозили награбленное золото из города в порт, и оттуда оно переправлялось на корабли.

Chapter XXVIII Глава XXVIII

THE HONOUR OF M. DE RIVAROL "ЧЕСТНОСТЬ" ГОСПОДИНА ДЕ РИВАРОЛЯ

During the capitulation and for some time after, Captain Blood and the greater portion of his buccaneers had been at their post on the heights of Nuestra Senora de la Poupa, utterly in ignorance of what was taking place. Капитан Блад во время капитуляции и после нее занимал возвышенность Нуэстра Сеньора де ля Попа, ничего не зная о том, что происходило в Картагене.

Blood, although the man chiefly, if not solely, responsible for the swift reduction of the city, which was proving a veritable treasure-house, was not even shown the consideration of being called to the council of officers which with M. de Rivarol determined the terms of the capitulation. Пираты отлично понимали свою роль во взятии города, в котором оказалось так много богатств. И тем не менее капитана даже не пригласили на военный совет, где барон де Ривароль определял условия капитуляции.

This was a slight that at another time Captain Blood would not have borne for a moment. В другое время Блад не стерпел бы такого пренебрежения.

But at present, in his odd frame of mind, and its divorcement from piracy, he was content to smile his utter contempt of the French General. Но сейчас, порвав с пиратством, он довольствовался тем, что свое презрение выражал насмешливой улыбкой.

Not so, however, his captains, and still less his men. Resentment smouldered amongst them for a while, to flame out violently at the end of that week in Cartagena. Однако его офицеры, а тем более матросы, продолжавшие оставаться пиратами, были настроены совершенно иначе.

It was only by undertaking to voice their grievance to the Baron that their captain was able for the moment to pacify them. Блад смог успокоить корсаров лишь обещанием немедленно переговорить с бароном де Риваролем.

That done, he went at once in quest of M. de Rivarol. Он нашел генерала в одном из больших домов города, гудевшем, как пчелиный улей.

He found him in the offices which the Baron had set up in the town, with a staff of clerks to register the treasure brought in and to cast up the surrendered account-books, with a view to ascertaining precisely what were the sums yet to be delivered up. Это была созданная бароном канцелярия, регистрировавшая доставленные сюда ценности и проверявшая кассовые книги торговых фирм для точного определения сумм, подлежащих сдаче.

The Baron sat there scrutinizing ledgers, like a city merchant, and checking figures to make sure that all was correct to the last peso. Окруженный клерками, де Ривароль, рассевшись, как купец, проверял grossбухи и подсчитывал цифры, чтобы убедиться, не утаили ли побежденные хотя бы одно песо.

A choice occupation this for the General of the King's Armies by Sea and Land. Это занятие, откровенно говоря, мало подходило для командующего королевскими сухопутными и морскими силами Франции в Америке, но де Ривароля эти торгашеские операции увлекали гораздо больше, нежели военные.

He looked up irritated by the interruption which Captain Blood's advent occasioned. С нескрываемым раздражением он вынужден был прервать их, когда в канцелярии появился капитан Блад.

"M. le Baron," the latter greeted him. - Здравствуйтесь, господин барон! - приветствовал его Блад.

"I must speak frankly; and you must suffer it. My men are on the point of mutiny." - Мне нужно откровенно поговорить с вами, как бы это ни было вам неприятно, мои люди на грани бунта!

M. de Rivarol considered him with a faint lift of the eyebrows. Де Ривароль высокомерно приподнял брови:

"Captain Blood, I, too, will speak frankly; and you, too, must suffer it. - Капитан Блад, я также должен откровенно поговорить с вами, как бы это ни было неприятно вам.

If there is a mutiny, you and your captains shall be held personally responsible. За бунт будете отвечать лично вы и ваши офицеры.

The mistake you make is in assuming with me the tone of an ally, whereas I have given you clearly to understand from the first that you are simply in the position of having accepted service under me. Кроме того, вы ошибаетесь, разговаривая со мной тоном союзника. С самого начала я дал вам ясно понять, что вы только мой подчиненный.

Your proper apprehension of that fact will save the waste of a deal of words." И пустых разговоров, как вы знаете, я не терплю.

Blood contained himself with difficulty. Капитан Блад с трудом сдержал себя.

One of these fine days, he felt, that for the sake of humanity he must slit the comb of this supercilious, arrogant cockerel. Но он отлично понимал, что рано или поздно ему придется сбить спесь с этого высокомерного петуха.

"You may define our positions as you please," said he. - Вы можете определять мое положение, как вам заблагорассудится, генерал, - сказал он.

"But I'll remind you that the nature of a thing is not changed by the name you give it. - Пустые разговоры меня тоже не интересуют.

I am concerned with facts; chiefly with the fact that we entered into definite articles with you. Those articles provide for a certain distribution of the spoil. Речь идет о соглашении, подписанном двумя сторонами.

My men demand it. They are not satisfied." Мои люди не удовлетворены.

"Of what are they not satisfied?" demanded the Baron. - Чем они не удовлетворены? - спросил барон с презрением.

"Of your honesty, M. de Rivarol." - Вашей честностью, барон де Ривароль.

A blow in the face could scarcely have taken the Frenchman more aback. Пощечина вряд ли оказала бы более сильное действие на барона.

He stiffened, and drew himself up, his eyes blazing, his face of a deathly pallor. Он вскочил из-за стола, глаза его засверкали, лицо побледнело.

The clerks at the tables laid down their pens, and awaited the explosion in a sort of terror. Клерки за столом с ужасом ожидали взрыва.

For a long moment there was silence. Молчание продолжалось несколько минут.

Then the great gentleman delivered himself in a voice of concentrated anger. Наконец де Ривароль, едва сдерживаясь, воскликнул:

"Do you really dare so much, you and the dirty thieves that follow you? God's Blood! You shall answer to me for that word, though it entail a yet worse dishonour to meet you. Faugh!" - Вы сомневаетесь в моей честности? Вы и грязные воры, которые окружают вас!

"I will remind you," said Blood, "that I am speaking not for myself, but for my

men. Вы ответите мне за это оскорбление, хотя дуэль с вами была бы для меня просто бесчестьем!

It is they who are not satisfied, they who threaten that unless satisfaction is afforded them, and promptly, they will take it." - Напоминаю вам, - спокойно сказал Блад, - что я говорю не о себе лично, а от имени своих людей. Мои люди недовольны.

"Take it?" said Rivarol, trembling in his rage. Они угрожают, что если их требования не будут удовлетворены добровольно, то они удовлетворят их силой.

"Let them attempt it, and..." - Силой? - воскликнул де Ривароль, содрогаясь от бешенства.

"Now don't be rash. - Пусть попытаются и...

My men are within their rights, as you are aware. - Не будьте опрометчивы, барон.

They demand to know when this sharing of the spoil is to take place, and when they are to receive the fifth for which their articles provide." Мои люди правы, и вам это известно.

"God give me patience! Они требуют, чтобы вы ответили им, когда будет произведен раздел добычи и когда они получают свою пятую часть в соответствии с соглашением.

How can we share the spoil before it has been completely gathered?" - Боже, дай мне терпение!

"My men have reason to believe that it is gathered; and, anyway, they view with mistrust that it should all be housed aboard your ships, and remain in your possession. Как мы можем делить добычу, если она еще не собрана полностью?

They say that hereafter there will be no ascertaining what the spoil really amounts to." - Мои люди не без основания считают, что вся добыча уже собрана. Кроме того, они с законным недоверием относятся к тому, что она целиком находится на ваших кораблях и в полном вашем распоряжении.

"But - name of Heaven! Они утверждают, что не в состоянии определить из-за этого объем добычи.

- I have kept books. They are there for all to see." - О силы небесные!

"They do not wish to see account-books. Few of them can read. They want to view the treasure itself. Но ведь все записано в книгах, и любой может их видеть.

They know - you compel me to be blunt - that the accounts have been falsified. - Они не будут проверять ваши книги, тем более что мало кто из моих людей вообще умеет читать.

Your books show the spoil of Cartagena to amount to some ten million livres. Но им хорошо известно - вы заставляете меня быть резким, - что ваши подсчеты фальшивые.

The men know - and they are very skilled in these computations - that it exceeds the enormous total of forty millions. По вашим книгам стоимость добычи в Картахене составляет около десяти миллионов ливров[72].

They insist that the treasure itself be produced and weighed in their presence, as is the custom among the Brethren of the Coast." В действительности же стоимость добычи превышает сорок миллионов ливров. Вот почему мои люди требуют, чтобы ценности были предъявлены и взвешены в их присутствии, как это принято среди

"берегового братства".

"I know nothing of filibuster customs." The gentleman was disdainful. - Я ничего не знаю о пиратских обычаях! - презрительно сказал де Ривароль.

"But you are learning quickly." - Но вы быстро их освоили, барон.

"What do you mean, you rogue? - Что вы имеете в виду, черт побери?

I am a leader of armies, not of plundering thieves." Я - командующий армией солдат, а не грабителей!

"Oh, but of course!" - Да?

Blood's irony laughed in his eyes. - Блад не мог скрыть иронии.

"Yet, whatever you may be, I warn you that unless you yield to a demand that I consider just and therefore uphold, you may look for trouble, and it would not surprise me if you never leave Cartagena at all, nor convey a single gold piece home to France." - Но кем бы вы ни были, предупреждаю, что если вы не удовлетворите наших требований, у вас будут неприятности. Меня не удивит, что вы вообще застрянете в Картахене и не сможете отправить во Францию хотя бы одно песо.

"Ah, pardieu! - А-а!

Am I to understand that you are threatening me?" Вы еще и угрожаете мне?

"Come, come, M. le Baron! - Ну что вы, барон!

I warn you of the trouble that a little prudence may avert. Я просто предупреждаю о неприятностях, которых при желании можно легко избежать.

You do not know on what a volcano you are sitting. Вы не подозреваете, что сидите на вулкане.

You do not know the ways of buccaneers. Вы еще не знаете всех корсарских обычаев.

If you persist, Cartagena will be drenched in blood, and whatever the outcome the King of France will not have been well served." Картахена захлебнется в крови, и король Франции вряд ли получит от этого пользу.

That shifted the basis of the argument to less hostile ground. Де Ривароль сообразил, что дело зашло слишком далеко, и постарался перевести спор на менее враждебную почву.

Awhile yet it continued, to be concluded at last by an ungracious undertaking from M. de Rivarol to submit to the demands of the buccaneers. Он продолжался недолго и наконец закончился вынужденным согласием барона удовлетворить требования корсаров.

He gave it with an extreme ill-grace, and only because Blood made him realize at last that to withhold it longer would be dangerous. Было очевидно, что генерал пошел на это только после того, как Блад доказал ему опасность дальнейшей оттяжки дележа добычи.

In an engagement, he might conceivably defeat Blood's followers. But conceivably he might not. Вооруженное столкновение, возможно, могло бы кончиться поражением пиратов, а возможно, и нет.

And even if he succeeded, the effort would be so costly to him in men that he might

not thereafter find himself in sufficient strength to maintain his hold of what he had seized. Но если бы даже де Риваролю удалось справиться с пиратами, то эта победа обошлась бы ему очень дорого - у него не осталось бы достаточно людей, чтобы удержать захваченную добычу.

The end of it all was that he gave a promise at once to make the necessary preparations, and if Captain Blood and his officers would wait upon him on board the Victorieuse to-morrow morning, the treasure should be produced, weighed in their presence, and their fifth share surrendered there and then into their own keeping. В конце концов де Ривароль обещал немедленно уладить недоразумение. Он дал слово честно рассчитаться. Если капитан Блад со своими офицерами завтра утром явятся на "Викторез", им предъявят и взвесят в их присутствии все золото, все ценности, а затем они смогут доставить на свои корабли причитающуюся им одну пятую долю добычи.

Among the buccaneers that night there was hilarity over the sudden abatement of M. de Rivarol's monstrous pride. В этот вечер корсары веселились в ожидании завтрашнего богатого дележа и ядовито посмеивались над неожиданной уступчивостью де Ривароля.

But when the next dawn broke over Cartagena, they had the explanation of it. Но едва лишь рассвет забрезжил над Картахеной, причины этой уступчивости стали понятны.

The only ships to be seen in the harbour were the Arabella and the Elizabeth riding at anchor, and the Atropos and the Lachesis careened on the beach for repair of the damage sustained in the bombardment. В гавани на якорю стояли только "Арабелла" и "Элизабет", а "Лакхезис" и "Атропос" сошли на берегу, вытасканные туда для заделки повреждений, полученных в бою.

The French ships were gone. Ни одного французского корабля на рейде не было.

They had been quietly and secretly warped out of the harbour under cover of night, and three sails, faint and small, on the horizon to westward was all that remained to be seen of them. The absconding M. de Rivarol had gone off with the treasure, taking with him the troops and mariners he had brought from France. Поздней ночью они бесшумно ушли из гавани. Только три маленьких, чуть заметных паруса в западной части горизонта напоминали о французах и де Ривароле.

He had left behind him at Cartagena not only the empty-handed buccaneers, whom he had swindled, but also M. de Cussy and the volunteers and negroes from Hispaniola, whom he had swindled no less. The two parties were fused into one by their common fury, and before the exhibition of it the inhabitants of that ill-fated town were stricken with deeper terror than they had yet known since the coming of this expedition. В Картахене остались с пустыми руками не только обманутые им корсары, но и де Кюсси вместе с добровольцами и неграми с острова Гаити.

Captain Blood alone kept his head, setting a curb upon his deep chagrin. Дикая ярость объединила пиратов с людьми де Кюсси.

He had promised himself that before parting from M. de Rivarol he would present a reckoning for all the petty affronts and insults to which that unspeakable fellow - now proved a scoundrel - had subjected him. Предчувствуя новые грабежи, жители Картахены испытывали еще больший страх по сравнению с тем, что им пришлось перенести со дня появления эскадры де Ривароля. Только капитан Блад внешне оставался спокойным, но это нелегко ему давалось, он с трудом сдерживал кипевшее в нем негодование. Ему хотелось в минуту расставания с подлым де Риваролем полностью рассчитаться за все обиды и оскорбления. Однако это свидание не состоялось.

"We must follow," he declared. "Follow and punish." - Мы должны догнать его! - сгоряча объявил он.

At first that was the general cry. Then came the consideration that only two of the buccaneer ships were seaworthy - and these could not accommodate the whole force, particularly being at the moment indifferently victualled for a long voyage.

Вначале все подхватили его призыв, но тут же вспомнили, что в море могут выйти только два корабля, да и на тех не было достаточных продовольственных запасов для дальнего похода.

The crews of the Lachesis and Atropos and with them their captains, Wolverstone and Yberville, renounced the intention. Капитаны "Лакезис" и "Атропос" вместе со своими командами отказались принять участие в погоне за де Риваролем.

After all, there would be a deal of treasure still hidden in Cartagena. Успех этой погони был гадательным, а в Картахене еще оставалась возможность собрать немало ценностей.

They would remain behind to extort it whilst fitting their ships for sea. Поэтому они решили чинить свои корабли и одновременно заняться грабежом.

Let Blood and Hagthorpe and those who sailed with them do as they pleased. А Блад, Хагторп и те, кто пойдет вместе с ними, могут поступать как им угодно.

Then only did Blood realize the rashness of his proposal, and in attempting to draw back he almost precipitated a battle between the two parties into which that same proposal had now divided the buccaneers. Только сейчас Блад сообразил, как опрометчиво было предлагать погоню за французской эскадрой. Он едва не вызвал схватки между двумя группами, на которые разделились корсары, обсуждая его предложение.

And meanwhile those French sails on the horizon were growing less and less. А паруса французских кораблей становились все меньше и меньше.

Blood was reduced to despair. Блад был в отчаянии.

If he went off now, Heaven knew what would happen to the town, the temper of those whom he was leaving being what it was. Если он уйдет в море и оставит здесь пиратов, то только небу известно, что будет с городом.

Yet if he remained, it would simply mean that his own and Hagthorpe's crews would join in the saturnalia and increase the hideousness of events now inevitable. Если же он останется, то люди его и Хагторпа начнут дикий грабеж вместе с командами других пиратских кораблей.

Unable to reach a decision, his own men and Hagthorpe's took the matter off his hands, eager to give chase to Rivarol. Not only was a dastardly cheat to be punished but an enormous treasure to be won by treating as an enemy this French commander who, himself, had so villainously broken the alliance. Но пока Блад размышлял, его люди вместе с людьми Хагторпа, озлобленные против де Ривароля, решили этот вопрос за своих капитанов: де Ривароль вел себя как подлец и мошенник, а потому он заслужил наказания; значит, у этого французского генерала, нагло нарушившего соглашение, можно было взять не только одну пятую захваченных ценностей, но всю добычу целиком.

When Blood, torn as he was between conflicting considerations, still hesitated, they bore him almost by main force aboard the Arabella. Разрываемый противоречивыми соображениями, Блад колебался, и пираты почти силой доставили его на корабль.

Within an hour, the water-casks at least replenished and stowed aboard, the Arabella and the Elizabeth put to sea upon that angry chase. Через час, когда на корабль доставили бочки с водой, "Арабелла" и "Элизабет" бросились в погоню.

"When we were well at sea, and the Arabella's course was laid," writes Pitt, in his log, "I went to seek the Captain, knowing him to be in great trouble of mind over these events. "Когда мы вышли в открытое море, - пишет Питт в своем журнале, - и курс "Арабеллы" был уже проложен, я спустился к капитану, зная, как болезненно переживает он эти события.

I found him sitting alone in his cabin, his head in his hands, torment in the eyes that stared straight before him, seeing nothing." Блад сидел один у себя в каюте, обхватив голову руками, и взгляд его выражал страдание.

"What now, Peter?" cried the young Somerset mariner. - Ну, что с тобой, Питер? - спросил я.

"Lord, man, what is there here to fret you? - Что тебя мучает?

Surely 't isn't the thought of Rivarol!" Не мысли же о де Ривароле!

"No," said Blood thickly. And for once he was communicative. It may well be that he must vent the thing that oppressed him or be driven mad by it. And Pitt, after all, was his friend and loved him, and, so, a proper man for confidences. - Нет, - хрипло ответил Блад и с откровенностью высказал мне все, чем он терзался: я был его верным другом и, несомненно, заслуживал его доверия.

"But if she knew! - Если бы она знала!

If she knew! Если б она только знала!

O God! Боже мой!

I had thought to have done with piracy; thought to have done with it for ever. А я-то думал, что покончил с пиратством навсегда!

Yet here have I been committed by this scoundrel to the worst piracy that ever I was guilty of. И этот мерзавец втянул меня в разбой, грабеж, насилия, убийства!

Think of Cartagena! Подумай о Картахене!

Think of the hell those devils will be making of it now! Что творят там сейчас наши дьяволы!

And I must have that on my soul!" И ответственность за все это падает на меня!

"Nay, Peter- 't isn't on your soul; but on Rivarol's. - Нет, нет, Питер! - успокаивал я его. - За это отвечаешь не ты, а де Ривароль.

It is that dirty thief who has brought all this about. Этот подлый вор - виновник всего, что произошло.

What could you have done to prevent it?" Ну, что ты мог сделать, чтобы предотвратить события?

"I would have stayed if it could have availed." - Я мог бы остаться в Картахене.

"It could not, and you know it. - Ты сам знаешь, что это было бы бесполезно.

So why repine?" Зачем же тебе мучиться?

"There is more than that to it," groaned Blood. - Да ведь дело не только в этом, - со стоном сказал Блад.

"What now? - А что же дальше?

What remains? Что делать дальше?

Loyal service with the English was made impossible for me. Служба у англичан для меня невозможна.

Loyal service with France has led to this; and that is equally impossible hereafter. Служба у французов привела к тому, что ты видишь. Какой же выход? Продолжать пиратствовать? Но с этим я покончил. Навсегда!

What to live clean, I believe the only thing is to go and offer my sword to the King of Spain." Клянусь богом, мне кажется, остается единственная возможность - предложить свою шпагу королю Испании!

But something remained - the last thing that he could have expected - something towards which they were rapidly sailing over the tropical, sunlit sea. All this against which he now inveighed so bitterly was but a necessary stage in the shaping of his odd destiny. Но оставался еще один выход, которого он ждал меньше всего. И к этому выходу мы приближались сейчас на своих кораблях, бежавших по морю, блиставшему в ослепительных лучах тропического солнца".

Setting a course for Hispaniola, since they judged that thither must Rivarol go to refit before attempting to cross to France, the Arabella and the Elizabeth ploughed briskly northward with a moderately favourable wind for two days and nights without ever catching a glimpse of their quarry. Корсары шли на север, к острову Гаити, рассчитывая, что де Ривароль до отправления во Францию должен будет отремонтировать там свои корабли. Подгоняемые умеренно благоприятным ветром, "Арабелла" и "Элизабет" в течение двух дней бороздили море, и за все это время дозорные не видели своего противника хотя бы издали.

The third dawn brought with it a haze which circumscribed their range of vision to something between two and three miles, and deepened their growing vexation and their apprehension that M. de Rivarol might escape them altogether. На рассвете третьего дня корабли попали в полосу легкого тумана, который ограничивал видимость двумя-тремя милями, и корсары были озабочены и раздосадованы, что де Ривароль может вообще от них скрыться.

Their position then - according to Pitt's log - was approximately 75 deg. 30' W. Long. by 17 deg. 45' N. По записям Питта в судовом журнале, корабли в это время находились на 75° 30' западной долготы и 17° 45' северной широты.

Lat., so that they had Jamaica on their larboard beam some thirty miles to westward, and, indeed, away to the northwest, faintly visible as a bank of clouds, appeared the great ridge of the Blue Mountains whose peaks were thrust into the clear upper air above the low-lying haze. Ямайка лежала примерно в тридцати милях к западу от них по левому борту. Вскоре на северо-западе показался мощный хребет Голубых гор, похожий на едва заметную гряду облаков. Голубовато-сиреневые вершины как бы висели в прозрачном воздухе над низко лежащими грядами тумана.

The wind, to which they were sailing very close, was westerly, and it bore to their ears a booming sound which in less experienced ears might have passed for the breaking of surf upon a lee shore. Корабли шли в бейдевинде при западном ветре, и до корсаров доносился какой-то далекий гул, который для новичков в военно-морских

делах мог бы показаться отдаленным шумом прибора.

"Guns!" said Pitt, who stood with Blood upon the quarter-deck. - Пушки! - воскликнул Питт, который стоял рядом с Бладом на квартердеке.

Blood nodded, listening. Блад, внимательно прислушиваясь, кивнул головой.

"Ten miles away, perhaps fifteen - somewhere off Port Royal, I should judge," Pitt added. Then he looked at his captain. - По-моему, это милях в десяти - пятнадцати отсюда, где-то около Порт-Ройяла, - добавил Питт, взглянув на своего капитана.

"Does it concern us?" he asked. "Guns off Port Royal... that should argue Colonel Bishop at work. - Пушечная стрельба неподалеку от Порт-Ройяла... - задумчиво сказал Блад. - Должно быть, полковник Бишоп с кем-то сражается.

And against whom should he be in action but against friends of ours I think it may concern us. Против кого же он может действовать, если не против наших друзей?

Anyway, we'll stand in to investigate. При всех обстоятельствах нам нужно подойти поближе.

Bid them put the helm over." Дай распоряжение рулевым.

Close-hauled they tacked aweather, guided by the sound of combat, which grew in volume and definition as they approached it. Они продолжали идти тем же курсом, руководствуясь гулом канонады, усиливавшимся по мере их приближения к месту сражения.

Thus for an hour, perhaps. Так продолжалось, наверно, около часа.

Then, as, telescope to his eye, Blood raked the haze, expecting at any moment to behold the battling ships, the guns abruptly ceased. Блад в подзорную трубу внимательно всматривался во мглу, вот-вот ожидая увидеть корабли, ведущие бой. Внезапно грохот пушек умолк.

They held to their course, nevertheless, with all hands on deck, eagerly, anxiously scanning the sea ahead. Корсары продолжали идти тем же курсом. Все, кто был свободен от вахты, высыпали на палубу и озабоченно всматривались вдаль.

And presently an object loomed into view, which soon defined itself for a great ship on fire. Вскоре они увидели большой корабль, объятый пламенем.

As the Arabella with the Elizabeth following closely raced nearer on their north-westerly tack, the outlines of the blazing vessel grew clearer. Presently her masts stood out sharp and black above the smoke and flames, and through his telescope Blood made out plainly the pennon of St. George fluttering from her maintop. По мере их приближения очертания пылающего корабля вырисовывались отчетливее, потом на фоне дыма и пламени показались черные мачты, и капитан Блад ясно разглядел в подзорную трубу трепетавший на грот-мачте вымпел с крестом святого Георга.

"An English ship!" he cried. He scanned the seas for the conqueror in the battle of which this grim evidence was added to that of the sounds they had heard, and when at last, as they drew closer to the doomed vessel, they made out the shadowy outlines of three tall ships, some three or four miles away, standing in toward Port Royal, the first and natural assumption was that these ships must belong to the Jamaica fleet, and that the burning vessel was a defeated buccaneer, and because of this they sped on to pick up the three boats that were standing away from the blazing hulk. - Английский корабль! - воскликнул он, продолжая осматривать море и желая увидеть наконец победителя, жертва которого находилась перед ними. И

только подходя ближе к тонущему кораблю, пираты смогли различить смутные очертания трех высоких судов, удалявшихся по направлению к Порт-Ройялу. Они сразу же сделали вывод, что три уходящих корабля принадлежат ямайской эскадре, а потерпевшее поражение судно было, несомненно, пиратским. Они поспешили подойти к нему поближе, чтобы подобрать моряков, сидевших в трех до отказа перегруженных шлюпках, качавшихся на волнах.

But Pitt, who through the telescope was examining the receding squadron, observed things apparent only to the eye of the trained mariner, and made the incredible announcement that the largest of these three vessels was Rivarol's Victorieuse. А Питт неотступно продолжал следить в подзорную трубу за удаляющимися кораблями: от его опытного глаза не укрылись некоторые их особенности, и еще через несколько минут он громко объявил о своем совершенно невероятном открытии. Самым большим из трех кораблей оказался флагманский корабль де Ривароля - "Викторьез".

They took in sail and hove to as they came up with the drifting boats, laden to capacity with survivors. And there were others adrift on some of the spars and wreckage with which the sea was strewn, who must be rescued. Корсарские корабли подошли к шлюпкам и обломкам, за которые цеплялись моряки с тонущего корабля. Чтобы подобрать всех спасшихся и утопающих, "Арабелла" и "Элизабет" убрали паруса и легли в дрейф.

CHARTER XXIX Глава XXIX

THE SERVICE OF KING WILLIAM НА СЛУЖБЕ У КОРОЛЯ ВИЛЬГЕЛЬМА

One of the boats bumped alongside the Arabella, and up the entrance ladder came first a slight, spruce little gentleman in a coat of mulberry satin laced with gold, whose wizened, yellow, rather peevish face was framed in a heavy black periwig. Одна из шлюпок пристала к борту "Арабеллы", и на палубу поднялся сухопарый, небольшого роста человек, щегольски одетый в темно-красный атласный, шитый золотом камзол.

His modish and costly apparel had nowise suffered by the adventure through which he had passed, and he carried himself with the easy assurance of a man of rank. Пышный, черный парик обрамлял желтое, сморщенное лицо, выражавшее крайнее раздражение, и такое же раздражение светилось в маленьких острых глазах. Дорогой и модный костюм совершенно не пострадал от пережитого несчастья, и владелец этого костюма держался с непринужденной уверенностью настоящего вельможи.

Here, quite clearly, was no buccaneer. По всему было ясно, что это не пират.

He was closely followed by one who in every particular, save that of age, was his physical opposite, corpulent in a brawny, vigorous way, with a full, round, weather-beaten face whose mouth was humourous and whose eyes were blue and twinkling. Вслед за ним на палубе показался второй человек, дородный мужчина с загорелым, обветренным лицом и добродушной складкой губ. Лицо его было кругло, как луна, а в голубых глазах мерцал незатухающий веселый огонек.

He was well dressed without fripperies, and bore with him an air of vigorous authority. На нем был хороший камзол без всяких украшений, но при взгляде на эту дородную фигуру и военную выправку сразу чувствовалось, что этот человек привык командовать.

As the little man stepped from the ladder into the waist, whither Captain Blood had gone to receive him, his sharp, ferrety dark eyes swept the uncouth ranks of the assembled crew of the Arabella. Как только сухопарый джентльмен ступил с трапа на шканцы, его острые, как у хорька, глаза быстро пробежали по пестрой толпе собравшейся команды "Арабеллы" и с удивлением остановились на капитане Бладе.

"And where the devil may I be now?" he demanded irritably. - Что за дьявольщина? Куда я попал? - резко спросил он.

"Are you English, or what the devil are you?" - Вы англичанин или еще кто, черт бы вас побрал?

"Myself, I have the honour to be Irish, sir. - Я лично имею честь быть ирландцем, сэр.

My name is Blood - Captain Peter Blood, and this is my ship the Arabella, all very much at your service. Моя фамилия Блад, капитан Питер Блад, а это мой корабль "Арабелла". К вашим услугам, сэр.

"Blood!" shrieked the little man. - Блад?! - пронзительно воскликнул сухопарый человек.

"O 'Sblood! - Проклятие!

A pirate!" Пират!

He swung to the Colossus who followed him - "A damned pirate, van der Kuylen. - Он быстро обернулся к своему огромному спутнику: - Ван дер Кэйлен, вы слышите: пират!

Rend my vitals, but we're come from Scylla to Charybdis." Будь я проклят, мы попали из огня да в полымя!

"So?" said the other gutturally, and again, - Да? - гортанным голосом спросил его спутник.

"So?" - Это очень интересный приключений!

Then the humour of it took him, and he yielded to it. - И он рассмеялся.

"Damme! What's to laugh at, you porpoise?" spluttered mulberry-coat. - Чего вы хохочете, дельфин? - брызжа слюной, заорал человек в темно-красном камзоле.

"A fine tale this'll make at home! - Нечего сказать, посмеются же над нами в Англии!

Admiral van der Kuylen first loses his fleet in the night, then has his flagship fired under him by a French squadron, and ends all by being captured by a pirate. Сначала адмирал ван дер Кэйлен ночью теряет весь свой флот, потом французская эскадра топит его флагманский корабль, а кончается это тем, что его самого захватывают пираты.

I'm glad you find it matter for laughter. Весьма рад, что вы можете смеяться.

Since for my sins I happen to be with you, I'm damned if I do." Должно быть, судьба в наказание за мои грехи связала меня с вами, но будь я проклят, если мне смешно!

"There's a misapprehension, if I may make so bold as to point it out," put in Blood quietly. - Позволю себе сделать замечание, что здесь происходит явное недоразумение, - спокойно произнес Блад.

"You are not captured, gentlemen; you are rescued. - Вы, сэр, вовсе не захвачены, а просто спасены.

When you realize it, perhaps it will occur to you to acknowledge the hospitality I

am offering you. Когда вы это поймете, то, возможно, найдете нужным поблагодарить меня за гостеприимство.

It may be poor, but it is the best at my disposal." Правда, очень скромное гостеприимство, но, во всяком случае, вы будете иметь здесь все лучшее, чем я только располагаю.

The fierce little gentleman stared at him. Неистовый маленький человечек уставился на него своими острыми глазками.

"Damme! - Черт побери!

Do you permit yourself to be ironical?" he disapproved him, and possibly with a view to correcting any such tendency, proceeded to introduce himself. "I am Lord Willoughby, King William's Governor-General of the West Indies, and this is Admiral van der Kuylen, commander of His Majesty's West Indian fleet, at present mislaid somewhere in this damned Caribbean Sea." Вы позволяете себе еще иронизировать? - сердито сказал он и, очевидно, пытаясь прекратить дальнейшие насмешки, представился: - Я - лорд Уиллогби, назначенный королем Вильгельмом на пост генерал-губернатора Вест-Индии. А это - адмирал ван дер Кэйлен, командующий вест-индской эскадрой его величества короля Вильгельма, которую он потерял где-то тут, в этом проклятом Карибском море.

"King William?" quoth Blood, and he was conscious that Pitt and Dyke, who were behind him, now came edging nearer, sharing his own wonder. - Короля Вильгельма? - удивленно переспросил Блад, заметив, что и Питт, и Дайк, и стоявшие позади него пираты стали подходить ближе, охваченные тем же удивлением, что и он.

"And who may be King William, and of what may he be King?" - А кто такой король Вильгельм, ваша светлость? Король какой страны?

"What's that?" - Что, что такое?

In a wonder greater than his own, Lord Willoughby stared back at him. At last: "I am alluding to His Majesty King William III - William of Orange - who, with Queen Mary, has been ruling England for two months and more." - Лорд Уиллогби, изумленный этим вопросом, посмотрел на Блада и, помолчав некоторое время, сказал: - Я говорю о его величестве короле Вильгельме Третьем - Вильгельме Оранском, который вместе с королевой Марией уже свыше двух месяцев правит Англией.

There was a moment's silence, until Blood realized what he was being told. Воцарилось молчание. Блад не сразу осознал эту довольно ясную информацию.

"D'ye mean, sir, that they've roused themselves at home, and kicked out that scoundrel James and his gang of ruffians?" - Вы хотите сказать, ваша светлость, что английский народ восстал и вышвырнул этого мерзавца Якова вместе с его бандой головорезов?

Admiral van der Kuylen nudged his lordship, a humourous twinkle in his blue eyes. Добродушно улыбаясь, ван дер Кэйлен толкнул лорда Уиллогби локтем в бок и заметил:

"His bolitics are fery sound, I dink," he growled. - У него ошень правильный политический всклад, а?

His lordship's smile brought lines like gashes into his leathery cheeks. "'Slife! hadn't you heard? Его светлость также улыбнулся, отчего на его высушенном лице образовались глубокие морщины.

Where the devil have you been at all?" - Боже милосердный! Да вы ничего не

знаете!.. Где вас носил черт все это время?

"Out of touch with the world for the last three months," said Blood. - Последние три месяца мы были оторваны от всего мира, сэра, - ответил Блад.

"Stab me! You must have been. - Оно и видно!

And in that three months the world has undergone some changes." А за эти три месяца в мире произошли кое-какие перемены...

Briefly he added an account of them. King James was fled to France, and living under the protection of King Louis, wherefore, and for other reasons, England had joined the league against her, and was now at war with France. That was how it happened that the Dutch Admiral's flagship had been attacked by M. de Rivarol's fleet that morning, from which it clearly followed that in his voyage from Cartagena, the Frenchman must have spoken some ship that gave him the news. И Уиллогби коротко рассказал о них: король Яков бежал во Францию под защиту короля Людовика; по этой причине и по многим другим Англия присоединилась к антифранцузскому союзу и сейчас воюет с Францией; поэтому сегодня утром флагманский корабль голландского адмирала был атакован эскадрой де Ривароля. Очевидно, по пути из Картахены француз встретил какой-то корабль и от него узнал о начавшейся войне.

After that, with renewed assurances that aboard his ship they should be honourably entreated, Captain Blood led the Governor-General and the Admiral to his cabin, what time the work of rescue went on. Капитан Блад еще раз заверил генерал-губернатора и адмирала, что на "Арабелле" к ним будут относиться с подобающим уважением, и провел их к себе в каюту. Между тем работа по спасению утопающих продолжалась.

The news he had received had set Blood's mind in a turmoil. Капитана взволновали полученные известия.

If King James was dethroned and banished, there was an end to his own outlawry for his alleged share in an earlier attempt to drive out that tyrant. It became possible for him to return home and take up his life again at the point where it was so unfortunately interrupted four years ago. Если король Яков свергнут с престола и бежал во Францию, значит, наступил конец ссылке Блада и он мог вернуться в Англию к мирной жизни, столь трагически нарушенной четыре года назад.

He was dazzled by the prospect so abruptly opened out to him. Внезапно открывшиеся перед ним возможности буквально ошеломили его.

The thing so filled his mind, moved him so deeply, that he must afford it expression. Он был так глубоко взволнован и растроган, что не мог молчать.

In doing so, he revealed of himself more than he knew or intended to the astute little gentleman who watched him so keenly the while. Беседа с умным и проницательным Уиллогби, все время пристально наблюдавшим за ним, Блад рассказал ему даже больше, чем намеревался рассказать.

"Go home, if you will," said his lordship, when Blood paused. - Что ж! Если хотите, отправляйтесь домой, - сказал Уиллогби, когда Блад умолк.

"You may be sure that none will harass you on the score of your piracy, considering what it was that drove you to it. - Можете быть уверены, за пиратство вас никто не будет преследовать, особенно учитывая то обстоятельство, которое вас вынудило им заняться.

But why be in haste? Но к чему такая спешка?

We have heard of you, to be sure, and we know of what you are capable upon the seas. Мы, конечно, слышали о вас и знаем, что вы можете делать на море.

Here is a great chance for you, since you declare yourself sick of piracy. Именно здесь вы можете прекрасно проявить себя, если вам надоело пиратство.

Should you choose to serve King William out here during this war, your knowledge of the West Indies should render you a very valuable servant to His Majesty's Government, which you would not find ungrateful. Если вы поступите на службу к королю Вильгельму на время войны, то своими знаниями вы можете быть очень полезны английскому правительству, а оно не останется в долгу.

You should consider it. Подумайте об этом.

Damme, sir, I repeat: it is a great chance you are given. Будь я проклят, сэръ, но я повторяю: вам предоставляется прекрасная возможность проявить себя.

"That your lordship gives me," Blood amended, - Эту возможность предоставляете мне вы, ваша светлость, - поправил его Блад.

"I am very grateful. But at the moment, I confess, I can consider nothing but this great news. - Я очень благодарен, но должен признаться, что сейчас способен думать только о тех важных событиях, которые меняют лицо мира.

It alters the shape of the world. I must accustom myself to view it as it now is, before I can determine my own place in it." Прежде чем определить свое место в этом изменившемся мире, я должен приучить себя рассматривать его в новом виде.

Pitt came in to report that the work of rescue was at an end, and the men picked up - some forty-five in all - safe aboard the two buccaneer ships. В каюту вошел Питт и доложил, что спасенные сорок пять человек размещены на двух корсарских кораблях.

He asked for orders. Он попросил дальнейших распоряжений.

Blood rose. Блад встал.

"I am negligent of your lordship's concerns in my consideration of my own. - Я беспокою вас своими делами и забываю о ваших.

You'll be wishing me to land you at Port Royal." Вы хотите, чтобы я вас высадил в Порт-Ройяле?

"At Port Royal?" - В Порт-Ройяле?

The little man squirmed wrathfully on his seat. Wrathfully and at length he informed Blood that they had put into Port Royal last evening to find its Deputy-Governor absent. - Маленький человечек гневно заерзал в кресле, а затем раздраженно сообщил Бладу, что вчера вечером они уже заходили в Порт-Ройял, но губернатора там не застали.

"He had gone on some wild-goose chase to Tortuga after buccaneers, taking the whole of the fleet with him." Забрав всю эскадру, он отправился на остров Тортуга в поисках каких-то корсаров.

Blood stared in surprise a moment; then yielded to laughter. Блад удивленно посмотрел на него, а потом рассмеялся:

"He went, I suppose, before news reached him of the change of government at home,

and the war with France?" - Он отправился, вероятно, еще до того, как узнал о смене правительства в Англии и о войне с Францией.

"He did not," snapped Willoughby. - Вовсе нет! - огрызнулся Уиллогби.

"He was informed of both, and also of my coming before he set out." - Губернатору было известно и о том и о другом, так же как и о моем прибытии, еще до того, как он отправился в поход.

"Oh, impossible!" - О, это невозможно!

"So I should have thought. - Я тоже так думал.

But I have the information from a Major Mallard whom I found in Port Royal, apparently governing in this fool's absence." Но эта информация получена мной от майора Мэллэрда, который, видимо, управляет Ямайкой в отсутствие этого болвана.

"But is he mad, to leave his post at such a time?" Blood was amazed. - Но нужно быть сумасшедшим, чтобы бросить свой пост в такое время! - изумленно произнес Блад.

"Taking the whole fleet with him, pray remember, and leaving the place open to French attack. - И это еще не все! - раздраженно добавил лорд. - Этот идиот взял с собой всю эскадру, так что в случае нападения французов город остается без защиты.

That is the sort of Deputy-Governor that the late Government thought fit to appoint: an epitome of its misrule, damn! Вот каков губернатор, которого свергнутое правительство нашло возможным сюда назначить! Это неплохо характеризует всю их деятельность.

He leaves Port Royal unguarded save by a ramshackle fort that can be reduced to rubble in an hour. Он оставляет Порт-Ройял на произвол судьбы, а его ветхий форт может быть превращен в развалины в течение какого-нибудь часа.

Stab me! It's unbelievable!" Поведение Бишопа преступно!

The lingering smile faded from Blood's face. Улыбка с лица Блада мгновенно исчезла.

"Is Rivarol aware of this?" he cried sharply. - Известно ли об этом де Риваролю? - резко спросил он.

It was the Dutch Admiral who answered him. На этот вопрос ответил голландский адмирал:

"Would he go dere if he were not? - Разве Ривароль пошел бы туда, если бы не знал этого?

M. de Rivarol he take some of our men prisoners. Berhabs dey dell him. Berhabs he make dem tell. Он закатил в плен кое-кого из наших людей и, наверно, расвязал им язык.

Id is a great obbordunidy." Такой короший возможность он не пропускаль.

His lordship snarled like a mountain-cat. "That rascal Bishop shall answer for it with his head if there's any mischief done through this desertion of his post. - Этот мерзавец Бишоп ответит головой, если здесь произойдет что-нибудь неприятное! - зарычал Уиллогби.

What if it were deliberate, eh? - А может быть, он сделал это умышленно, а?

What if he is more knave than fool? Может быть, он не дурак, а изменник?

What if this is his way of serving King James, from whom he held his office?" Может быть, он так служит королю Якову, который его сюда назначил, а?

Captain Blood was generous. Капитан Блад не согласился с этим.

"Hardly so much. - Вряд ли это так, - сказал он.

It was just vindictiveness that urged him. - Им руководила лишь жажда мести.

It's myself he's hunting at Tortuga, my lord. Он хотел захватить на Тортуге меня.

But, I'm thinking that while he's about it, I'd best be looking after Jamaica for King William." Но я полагаю, что, пока он меня ищет, мне следует за него побеспокоиться о сохранении Ямайки для короля Вильгельма.

He laughed, with more mirth than he had used in the last two months. - Он засмеялся, и в смехе этом было больше веселья, чем за все последние месяцы.

"Set a course for Port Royal, Jeremy, and make all speed. - Возьми курс на Порт-Ройял, Джереми, - приказал он Питту. - Нам надо попасть туда как можно скорее.

We'll be level yet with M. de Rivarol, and wipe off some other scores at the same time." Мы еще успеем расквитаться с де Риваролем.

Both Lord Willoughby and the Admiral were on their feet. Лорд Уиллогби и адмирал ван дер Кэйлен вскочили.

"But you are not equal to it, damme!" cried his lordship. - Будь я проклят, но у вас же нет для этого достаточно сил! - воскликнул его светлость.

"Any one of the Frenchman's three ships is a match for both yours, my man." - Каждый из кораблей французской эскадры по мощности не уступает "Арабелле" и "Элизабет", вместе взятым.

"In guns - aye," said Blood, and he smiled. - По количеству пушек - да, - улыбаясь, сказал Блад.

"But there's more than guns that matter in these affairs. - Но в таких делах пушки не самое главное.

If your lordship would like to see an action fought at sea as an action should be fought, this is your opportunity." Если ваша светлость желает видеть сражение по всем правилам военно-морского искусства, я вам предоставлю такую возможность.

Both stared at him. Они оба посмотрели на Блада.

"But the odds!" his lordship insisted. - Но условия неблагоприятны для вас, - продолжал настаивать его светлость.

"It is impossible," said van der Kuylen, shaking his great head. - Это невозможно, - сказал ван дер Кэйлен, качая своей круглой головой.

"Seamanship is imbardand. Bud guns is guns." - Конечно, кораблевождение - очень важное дело, но пушки остаются пушки.

"If I can't defeat him, I can sink my own ships in the channel, and block him in until Bishop gets back from his wild-geese chase with his squadron, or until your

own fleet turns up." - Если мы не сможем победить де Ривароля, то я потоплю свои корабли в канале и не дам ему возможности уйти из Порт-Ройяла. А тем временем вернется Бишоп со своей нелепой охоты или же появится ваша эскадра.

"And what good will that be, pray?" demanded Willoughby. - Ну, а что это нам даст? - спросил Уиллогби.

"I'll be after telling you. - Вот это как раз я и хотел вам сказать.

Rivarol is a fool to take this chance, considering what he's got aboard. He carried in his hold the treasure plundered from Cartagena, amounting to forty million livres." They jumped at the mention of that colossal sum. "He has gone into Port Royal with it. Де Ривароль просто идиот, что пошел на Порт-Ройял, так как у него на кораблях награбленные им в Картахене ценности, стоимостью около сорока миллионов ливров. (Оба его слушателя подскочили при упоминании об этой колоссальной сумме.) Он отправился в ПортРойял с этими ценностями.

Whether he defeats me or not, he doesn't come out of Port Royal with it again, and sooner or later that treasure shall find its way into King William's coffers, after, say, one fifth share shall have been paid to my buccaneers. Безразлично, победит он меня или я его, этих ценностей из Порт-Ройяла ему не увезти. Рано или поздно они попадут в казну короля Вильгельма, после того как одна пятая часть их будет выплачена моим корсарам.

Is that agreed, Lord Willoughby?" Согласны, лорд Уиллогби?

His lordship stood up, and shaking back the cloud of lace from his wrist, held out a delicate white hand. Его светлость встал и протянул ему свою холенуюруку.

"Captain Blood, I discover greatness in you," said he. - Капитан Блад, мне кажется, вы - великий человек! - сказал он.

"Sure it's your lordship has the fine sight to perceive it," laughed the Captain. - Позвольте, ваша светлость! У вас очень хорошее зрение, если вам удалось это увидеть, -засмеялся капитан.

"Yes, yes! - Да, да!

Bud how vill you do id?" growled van der Kuylen. Но как он это сделать? - проворчал ван дер Кэйлен.

"Come on deck, and it's a demonstration I'll be giving you before the day's much older." И капитан Блад, смеясь, ответил: - Поднимайтесь на палубу, и не успеет еще зайти солнце, как я вам это продемонстрирую.

Chapter XXX Глава XXX

THE LAST FIGHT OF THE ARABELLA ПОСЛЕДНИЙ БОИ "АРАБЕЛЛЫ"

"VNY do you vait, my friend?" growled van der Kuylen. - Шево ни шдете, мой друк? - ворчал ван дер Кэйлен.

"Aye - in God's name!" snapped Willoughby. - Да, да, ради бога, чего вы ожидаете? - раздраженно повторил вслед за ним Уиллогби.

It was the afternoon of that same day, and the two buccaneer ships rocked gently with idly flapping sails under the lee of the long spit of land forming the great natural harbour of Port Royal, and less than a mile from the straits leading into it, which the fort commanded. Был полдень того же самого дня. Оба корсарских

корабля плавно покачивались на волнах, и ветер, дующий со стороны рейда Порт-Ройял, лениво хлопал парусами. Корабли находились менее чем в миле от защищенного фортом входа в пролив, ведущий на этот рейд.

It was two hours and more since they had brought up thereabouts, having crept thither unobserved by the city and by M. de Rivarol's ships, and all the time the air had been aquiver with the roar of guns from sea and land, announcing that battle was joined between the French and the defenders of Port Royal. Прошло уже больше двух часов, как они подошли сюда, никем не замеченные ни из форта, ни с кораблей де Ривароля, так как между французами и защитниками порта шел бой и воздух все время сотрясался от грохота пушек, стрелявших и с суши и с моря.

That long, inactive waiting was straining the nerves of both Lord Willoughby and van der Kuulen. Длительное пассивное ожидание уже начало отражаться на нервах лорда Уиллогби и адмирала ван дер Кэйлена.

"You said you would show us some vine dings. - В и обещал показать нам кое-какой короший веши.

Where are dese vine dings?" Кте эти ваш короший веши? - спросил адмирал.

Blood faced them, smiling confidently. He was arrayed for battle, in back-and-breast of black steel. Уверенно улыбаясь, Блад стоял перед адмиралом в своей кирасе из вороненой стали.

"I'll not be trying your patience much longer. - Я не намерен злоупотреблять вашим терпением, - сказал он.

Indeed, I notice already a slackening in the fire. - Огонь начал уже стихать.

But it's this way, now: there's nothing at all to be gained by precipitancy, and a deal to be gained by delaying, as I shall show you, I hope." Дело в том, что спешкой мы ничего не выиграем, а ударив в должный момент, мы добьемся очень многого, и я вам сейчас это докажу.

Lord Willoughby eyed him suspiciously. Лорд Уиллогби с подозрением посмотрел на него:

"Ye think that in the meantime Bishop may come back or Admiral van der Kuulen's fleet appear?" - Вы надеетесь, что тем временем может вернуться Бишоп или подойти эскадра ван дер Кэйлена?

"Sure, now, I'm thinking nothing of the kind. - О нет, ваша светлость, этих мыслей у меня нет и в помине.

What I'm thinking is that in this engagement with the fort M. de Rivarol, who's a lubberly fellow, as I've reason to know, will be taking some damage that may make the odds a trifle more even. Я думаю вот о чем: де Ривароль, как мне известно, плохой командир, и его эскадра в бою с фортом неизбежно получит какие-то повреждения, что хотя бы немного уменьшит его превосходство над нами.

Sure, it'll be time enough to go forward when the fort has shot its bolt." А мы вступим в бой, когда форт расстреляет все свои ядра.

"Aye, aye!" The sharp approval came like a cough from the little Governor-General. - Правильно! - резко одобрил сухопарый генерал-губернатор Вест-Индии.

"I perceive your object, and I believe ye're entirely right. - Я одобряю ваши намерения.

Ye have the qualities of a great commander, Captain Blood. Вы обладаете качествами талантливого флотоводца, и я прошу извинить меня, что не понял вас раньше.

I beg your pardon for having misunderstood you." - О, это очень любезно с вашей стороны, милорд!

"And that's very handsome of your lordship. Вы понимаете, у меня есть некоторый опыт ведения таких боев.

Ye see, I have some experience of this kind of action, and whilst I'll take any risk that I must, I'll take none that I needn't. But..." He broke off to listen. Я пойду на любой неизбежный риск, но не буду рисковать в тех случаях, когда в этом нет необходимости... - Он умолк и прислушался.

"Aye, I was right. - Да, я был прав.

The fire's slackening. Канонада стихает.

It'll mean the end of Mallard's resistance in the fort. Значит, сопротивление Мэллэрда подходит к концу.

No there, Jeremy!" Эй, Джереми!

He leaned on the carved rail and issued orders crisply. Он перегнулся через резные перила и отдал четкое приказание.

The bo'sun's pipe shrilled out, and in a moment the ship that had seemed to slumber there, awoke to life. Боцман пронзительно засвистел, и, казалось, сонный корабль мгновенно пробудился.

Came the padding of feet along the decks, the creaking of blocks and the hoisting of sail. Послышались топание ног на палубе, скрип блоков и хлопание поднимаемых парусов.

The helm was put over hard, and in a moment they were moving, the Elizabeth following, ever in obedience to the signals from the Arabella, whilst Ogle the gunner, whom he had summoned, was receiving Blood's final instructions before plunging down to his station on the main deck. "Арабелла" двинулась вперед. За "Арабеллой" пошла "Элизабет". Блад вызвал к себе канонира Огла, и минуту спустя Огл помчался на свое место на пушечной палубе.

Within a quarter of an hour they had rounded the head, and stood in to the harbour mouth, within saker shot of Rivarol's three ships, to which they now abruptly disclosed themselves. Через четверть часа они подошли к входу на рейд и внезапно на расстоянии выстрела мелкокалиберной пушки появились перед тремя кораблями де Ривароля.

Where the fort had stood they now beheld a smoking rubbish heap, and the victorious Frenchman with the lily standard trailing from his mastheads was sweeping forward to snatch the rich prize whose defences he had shattered. На месте форта дымились груды развалин. Победители с вымпелами Франции, реющими на гротмачтах, быстро направлялись на шлюпках к берегу, чтобы овладеть богатым городом, укрепления которого они только что разгромили.

Blood scanned the French ships, and chuckled. Блад внимательно осмотрел французские корабли и тихо рассмеялся.

The Victorieuse and the Medusa appeared to have taken no more than a few scars; but

the third ship, the Baleine, listing heavily to larboard so as to keep the great gash in her starboard well above water, was out of account. "Викторьез" и "Медуза", видимо, были лишь слегка поцарапаны. А третий корабль - "Балейн" - полностью вышел из строя. Огромная пробоина зияла в его правом борту, и капитан, спасая судно от гибели, положил его в дрейф на левый борт, чтобы в пробоину не хлынула вода.

"You see!" he cried to van der Kuylen, and without waiting for the Dutchman's approving grunt, he shouted an order: "Helm, hard-a-port!" - Вы видите! - закричал Блад ван дер Кэйлену и, не ожидая одобрительного ворчания голландца, отдал приказ: - Лево руля!

The sight of that great red ship with her gilt beak-head and open ports swinging broadside on must have given check to Rivarol's soaring exultation. Вид поворачивающегося бортом к французам огромного красного корабля с позолоченной скульптурой на носу и открытыми портами ошеломляюще подействовал на де Ривароля, только что ликовавшего по случаю победы.

Yet before he could move to give an order, before he could well resolve what order to give, a volcano of fire and metal burst upon him from the buccaneers, and his decks were swept by the murderous scythe of the broadside. Но еще до того, как он мог сдвинуться с места, чтобы отдать приказ и сообразить вообще, какой приказ отдать, смертоносный шквал огня и металла бортового залпа корсаров смел все с палубы "Викторьез".

The Arabella held to her course, giving place to the Elizabeth, which, following closely, executed the same manoeuvre. Продолжая идти своим курсом, "Арабелла" уступила место "Элизабет", которая совершила такой же маневр.

And then whilst still the Frenchmen were confused, panic-stricken by an attack that took them so utterly by surprise, the Arabella had gone about, and was returning in her tracks, presenting now her larboard guns, and loosing her second broadside in the wake of the first. Застигнутые врасплох, французы растерялись, их охватила паника. Между тем "Арабелла", сделав поворот оверштаг, вернулась на свой прежний курс, но в обратном направлении, и ударила из всех орудий левого борта.

Came yet another broadside from the Elizabeth and then the Arabella's trumpeter sent a call across the water, which Hagthorpe perfectly understood. Еще один бортовой залп прогремел с "Элизабет", после чего трубач "Арабеллы" проиграл какой-то сигнал, прекрасно понятый Хагторпом.

"On, now, Jeremy!" cried Blood. - Вперед, Джереми! - закричал Блад.

"Straight into them before they recover their wits. - Прямо на них, пока они не успели опомниться!

Stand by, there! Внимание!

Prepare to board! Приготовиться к абордажу!

Hayton ... the grapnels! And pass the word to the gunner in the prow to fire as fast as he can load." Хэйтон... крюки!

He discarded his feathered hat, and covered himself with a steel head-piece, which a negro lad brought him. Он сбросил свою шляпу с перьями и надел стальной шлем, принесенный ему подростком-негром.

He meant to lead this boarding-party in person. Briskly he explained himself to his two guests. Блад хотел лично руководить абордажем и коротко объяснил своим гостям:

"Boarding is our only chance here. - Абордаж - для нас единственный шанс на победу. We are too heavily outgunned." У противника слишком много пушек.

Of this the fullest demonstration followed quickly. И как бы в доказательство его слов последовал немедленный ответ французов.

The Frenchmen having recovered their wits at last, both ships swung broadside on, and concentrating upon the Arabella as the nearer and heavier and therefore more immediately dangerous of their two opponents, volleyed upon her jointly at almost the same moment. Оправившись от паники, они открыли огонь по "Арабелле", которая из двух противников была наиболее опасным.

Unlike the buccaneers, who had fired high to cripple their enemies above decks, the French fired low to smash the hull of their assailant. В отличие от корсаров, стрелявших из своих пушек по палубам, французы стремились повредить корпус "Арабеллы".

The Arabella rocked and staggered under that terrific hammering, although Pitt kept her headed towards the French so that she should offer the narrowest target. Под ударами ужасающей силы корабль Блада вздрогнул и замедлил движение, хотя Питт старался вести его таким курсом, чтобы "Арабелла" представляла наименьшую мишень для противника.

For a moment she seemed to hesitate, then she plunged forward again, her beak-head in splinters, her fore-castle smashed, and a gaping hole forward, that was only just above the water-line. Корабль продолжал двигаться, однако носовая часть его была изуродована, а чуть повыше ватерлинии чернела огромная пробоина.

Indeed, to make her safe from bilging, Blood ordered a prompt jettisoning of the forward guns, anchors, and water-casks and whatever else was moveable. Чтобы вода не проникла в трюм, Блад приказал сбросить за борт носовые пушки, якоря и все, что было под руками.

Meanwhile, the Frenchmen going about, gave the like reception to the Elizabeth. Французы, сделав поворот оверштаг, обстреляли также и "Элизабет".

The Arabella, indifferently served by the wind, pressed forward to come to grips. "Арабелла" при слабом попутном ветре пыталась подойти к своему противнику вплотную.

But before she could accomplish her object, the Victorieuse had loaded her starboard guns again, and pounded her advancing enemy with a second broadside at close quarters. Но, прежде чем корсарам удалось это сделать, "Викторьез" снова в упор произвел по "Арабелле" залп из пушек правого борта.

Amid the thunder of cannon, the rending of timbers, and the screams of maimed men, the half-necked Arabella plunged and reeled into the cloud of smoke that concealed her prey, and then from Hayton went up the cry that she was going down by the head. В грохоте канонады, среди треска ломающихся снастей и стонов раненых "Арабелла" еще раз рванулась вперед, закачалась и окуталась облаком дыма, который скрыл ее от глаз французов. Прошло еще несколько мгновений, и Хэйтон закричал, что "Арабелла" уходит носом под воду.

Blood's heart stood still. Сердце Блада в отчаянии замерло.

And then in that very moment of his despair, the blue and gold flank of the Victorieuse loomed through the smoke. Но тут же сквозь густой и едкий дым он увидел голубой с позолотой борт "Викторьез".

But even as he caught that enheartening glimpse he perceived, too, how sluggish now was their advance, and how with every second it grew more sluggish. They must sink before they reached her. Однако искалеченная "Арабелла" двигалась очень медленно, и ему стало ясно, что она затонет раньше, чем дойдет до "Викторьез".

Thus, with an oath, opined the Dutch Admiral, and from Lord Willoughby there was a word of blame for Blood's seamanship in having risked all upon this gambler's throw of boarding. Точно такого же мнения был и голландский адмирал, изрыгавший ругательства и проклятия. Лорд Уиллогби также проклинал Блада за то, что он, идя на abordaj, азартно поставил все на карту.

"There was no other chance!" cried Blood, in broken-hearted frenzy. - У нас не было иного выхода! - дрожа как в лихорадке, воскликнул Блад.

"If ye say it was desperate and foolhardy, why, so it was; but the occasion and the means demanded nothing less. - Вы правы, что это отчаянный шаг. Но мои действия диктовались обстановкой и недостатком сил.

I fail within an ace of victory." Я терплю поражение накануне победы.

But they had not yet completely failed. Однако корсары еще не помышляли о сдаче.

Hayton himself, and a score of sturdy rogues whom his whistle had summoned, were crouching for shelter amid the wreckage of the forecastle with grapnels ready. Хэйтон с двумя десятками коренастых головорезов, державших в руках abordажные крюки, скорчившись, притаились среди обломков на носу корабля.

Within seven or eight yards of the Victorieuse, when their way seemed spent, and their forward deck already awash under the eyes of the jeering, cheering Frenchmen, those men leapt up and forward, and hurled their grapnels across the chasm. Ярдах в семи-восьми от "Викторьез" "Арабелла" остановилась, и, когда на глазах у ликующих французов ее носовая палуба уже начала покрываться водой, корсары Хэйтона вскочили и с дикими воплями забросили abordажные крюки.

Of the four they flung, two reached the Frenchman's decks, and fastened there. Два из них впились в деревянные части французского корабля.

Swift as thought itself, was then the action of those sturdy, experienced buccaneers. Опытные пираты действовали с молниеносной быстротой.

Unhesitatingly all threw themselves upon the chain of one of those grapnels, neglecting the other, and heaved upon it with all their might to warp the ships together. Ухватившись за цепь одного из этих крюков, они начали тянуть ее изо всех сил к себе, чтобы сблизить корабли.

Blood, watching from his own quarter-deck, sent out his voice in a clarion call: Блад, наблюдавший с квартердека за этой смелой операцией, закричал громовым голосом:

"Musketeers to the prow!" - Мушкетеры - на нос!

The musketeers, at their station at the waist, obeyed him with the speed of men who know that in obedience is the only hope of life. Мушкетеры, стоявшие в готовности на шкафуте, повиновались команде с потрясающей быстротой, в которой заключалась их единственная надежда на спасение от смерти.

Fifty of them dashed forward instantly, and from the ruins of the forecastle they blazed over the heads of Hayton's men, mowing down the French soldiers who, unable to dislodge the irons, firmly held where they had deeply bitten into the timbers of

the Victorieuse, were themselves preparing to fire upon the grapnel crew. Пятьдесят мушкетеров бросились вперед, и над головами людей Хэйтона, из-за обломков носовой части, засвистели пули. Это было как раз вовремя, потому что французские солдаты, убедившись в невозможности освободиться от крюков, глубоко впившихся в борта и палубу "Викторьез", готовились открыть огонь сами.

Starboard to starboard the two ships swung against each other with a jarring thud. Корабли с резким стуком ударились, друг о друга правыми бортами.

By then Blood was down in the waist, judging and acting with the hurricane speed the occasion demanded. Sail had been lowered by slashing away the ropes that held the yards. Спустившись с четвердека на шкафут, Блад отдавал приказания, и они выполнялись с поразительной скоростью: мгновенно были спущены паруса, обрублены веревки, поддерживавшие реи, выстроен на корме авангард абордажного отряда.

The advance guard of boarders, a hundred strong, was ordered to the poop, and his grapnel-men were posted, and prompt to obey his command at the very moment of impact. As a result, the foundering Arabella was literally kept afloat by the half-dozen grapnels that in an instant moored her firmly to the Victorieuse. В ту секунду, когда корабли столкнулись друг с другом, пираты по команде Блада взмахнули абордажными крючьями: тонущая "Арабелла" была накрепко пришвартована к "Викторьез".

Willoughby and van der Kuylen on the poop had watched in breathless amazement the speed and precision with which Blood and his desperate crew had gone to work. Уиллогби и ван дер Кэйлен, затаив дыхание, стояли на юте и широко открытыми глазами наблюдали за изумительной быстротой и точностью, с которыми действовали капитан Блад и его отчаянная команда.

And now he came racing up, his bugler sounding the charge, the main host of the buccaneers following him, whilst the vanguard, led by the gunner Ogle, who had been driven from his guns by water in the gun-deck, leapt shouting to the prow of the Victorieuse, to whose level the high poop of the water-logged Arabella had sunk. Но вот трубач проиграл атаку, и Блад, увлекая своих людей, стремительно ринулся на палубу французского корабля. Корсары из арьергардной группы абордажников, руководимые Оглом, с криком перескакивали на носовую часть "Викторьез", до уровня которой уже опустилась высокая корма "Арабеллы".

Led now by Blood himself, they launched themselves upon the French like hounds upon the stag they have brought to bay. Следуя примеру своего вожака, они накинулись на французов, как гончие собаки на загнанного оленя.

After them went others, until all had gone, and none but Willoughby and the Dutchman were left to watch the fight from the quarter-deck of the abandoned Arabella. А вслед за смельчаками "Арабеллы" на борт "Викторьез" бросились все остальные пираты. На палубе тонущего корабля остались только лорд Уиллогби и голландец, продолжавшие наблюдать за боем с четвердека.

For fully half-an-hour that battle raged aboard the Frenchman. Бой длился не более получаса.

Beginning in the prow, it surged through the forecastle to the waist, where it reached a climax of fury. Начавшись в носовой части корабля, он быстро перекинулся на шкафут.

The French resisted stubbornly, and they had the advantage of numbers to encourage them. Французы упорно сопротивлялись, ободряя себя тем, что они численно превосходят противника, и ожесточая свои сердца сознанием, что противник их не помилует.

But for all their stubborn valour, they ended by being pressed back and back across the decks that were dangerously canted to starboard by the pull of the water-logged Arabella. Но, несмотря на отчаянную доблесть французов, пираты постепенно оттесняли их к одной стороне палубы, и "Викторьез" под тяжестью пришвартованной "Арабеллы" опасно кренился на правый борт.

The buccaneers fought with the desperate fury of men who know that retreat is impossible, for there was no ship to which they could retreat, and here they must prevail and make the Victorieuse their own, or perish. And their own they made her in the end, and at a cost of nearly half their numbers. Корсары дрались с безумной храбростью людей, знающих, что им некуда отступать и что они должны либо победить, либо погибнуть. И в конце концов им удалось овладеть "Викторьез", хотя эта победа стоила жизни половине экипажа.

Driven to the quarter-deck, the surviving defenders, urged on by the infuriated Rivarol, maintained awhile their desperate resistance. Уцелевшие защитники "Викторьез", загнанные на квартердек и подгоняемые разъяренным де Риваролем, еще пытались кое-как сопротивляться.

But in the end, Rivarol went down with a bullet in his head, and the French remnant, numbering scarcely a score of whole men, called for quarter. А когда де Ривароль упал с простреленной головой, его соотечественники, оставшиеся в живых, бросили оружие и взмолились о пощаде.

Even then the labours of Blood's men were not at an end. Но и после этого люди Блада не могли еще отдохнуть.

The Elizabeth and the Medusa were tight-locked, and Hagthorpe's followers were being driven back aboard their own ship for the second time. "Элизабет" и "Медуза", сцепленные абордажными крючьями, представляли собой единое поле боя, и французы уже дважды отбрасывали людей Хагторпа со своего корабля.

Prompt measures were demanded. Хагторпу требовалась срочная помощь.

Whilst Pitt and his seamen bore their part with the sails, and Ogle went below with a gun-crew, Blood ordered the grapnels to be loosed at once. Пока Питт с матросами занимался парусами, а Огл наводил порядок на нижней пушечной палубе, Блад приказал вытащить крюки, чтобы освободить захваченный корабль от тяжелого груза.

Lord Willoughby and the Admiral were already aboard the Victorieuse. As they swung off to the rescue of Hagthorpe, Blood, from the quarter-deck of the conquered vessel, looked his last upon the ship that had served him so well, the ship that had become to him almost as a part of himself. Лорд Уиллогби и адмирал ван дер Кэйлен уже перешли на "Викторьез", и, когда он делал поворот, спеша на помощь Хагторпу, Блад, стоя на квартердеке, бросил последний взгляд на "Арабеллу", которая так долго служила ему и стала почти частью его самого.

A moment she rocked after her release, then slowly and gradually settled down, the water gurgling and eddying about her topmasts, all that remained visible to mark the spot where she had met her death. После того как отцепили крюки, "Арабелла" несколько минут покачивалась на волнах, а затем начала медленно погружаться, и вскоре там, где она затонула, остались только маленькие булькающие водовороты над верхушками ее мачт. Блад молча стоял среди трупов и обломков, не сводя глаз с места исчезновения "Арабеллы".

As he stood there, above the ghastly shambles in the waist of the Victorieuse, some one spoke behind him. Он не слышал, как кто-то подошел к нему, и опомнился только тогда, когда позади него раздался голос:

"I think, Captain Blood, that it is necessary I should beg your pardon for the second time. - Вот уже второй раз за нынешний день я должен извиняться перед вами, капитан Блад.

Never before have I seen the impossible made possible by resource and valour, or victory so gallantly snatched from defeat," Никогда еще мне не приходилось видеть, как доблесть делает невозможное возможным и поражение превращает в победу!

He turned, and presented to Lord Willoughby a formidable front. Блад резко повернулся, и лорд Уиллогби только сейчас увидел страшный облик капитана.

His head-piece was gone, his breastplate dented, his right sleeve a rag hanging from his shoulder about a naked arm. He was splashed from head to foot with blood, and there was blood from a scalp-wound that he had taken matting his hair and mixing with the grime of powder on his face to render him unrecognizable. Шлем его был сбит на сторону, передняя часть кирасы прогнута, жалкие обрывки рукава прикрывали обнаженную правую руку, забрызганную кровью. Из-под всклокоченных волос его струился алый ручеек - кровь из раны превращала его черное, измученное лицо в какую-то ужасную маску.

But from that horrible mask two vivid eyes looked out preternaturally bright, and from those eyes two tears had ploughed each a furrow through the filth of his cheeks. Но сквозь эту страшную маску неестественно ярко блестели синие глаза, и, смывая кровь, грязь и пороховую копоть, катились по щекам слезы.

Chapter XXXI Глава XXXI.

HIS EXCELLENCY THE GOVERNOR ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ГУБЕРНАТОР

When the cost of that victory came to be counted, it was found that of three hundred and twenty buccaneers who had left Cartagena with Captain Blood, a bare hundred remained sound and whole. Дорого обошлась корсарам эта победа. Из трехсот пиратов, вышедших с Бладом из Картахены, осталось в живых не более ста человек.

The Elizabeth had suffered so seriously that it was doubtful if she could ever again be rendered seaworthy, and Hagthorpe, who had so gallantly commanded her in that last action, was dead. "Элизабет" получила настолько серьезные повреждения, что едва ли можно было ее отремонтировать. Хагторп, так доблестно сражавшийся в последнем бою, был убит.

Against this, on the other side of the account, stood the facts that, with a far inferior force and by sheer skill and desperate valour, Blood's buccaneers had saved Jamaica from bombardment and pillage, and they had captured the fleet of M. de Rivarol, and seized for the benefit of King William the splendid treasure which she carried. Но ценой этих потерь корсары, значительно уступавшие французам в численности, своим умением драться и отчаянной храбростью спасли Ямайку от бомбардировки и разграбления, захватив при этом для короля Вильгельма эскадру де Ривароля и огромные ценности.

It was not until the evening of the following day that van der Kuylen's truant fleet of nine ships came to anchor in the harbour of Port Royal, and its officers, Dutch and English, were made acquainted with their Admiral's true opinion of their worth. Вечером следующего дня запоздавшая эскадра ван дер Кэйлена, в составе девяти кораблей, бросила якорь на рейде Порт-Ройяла, и адмирал не замедлил тут же и в соответствующих выражениях сообщить своим голландским и английским офицерам, что он действительно о них думает.

Six ships of that fleet were instantly refitted for sea. Шесть кораблей эскадры немедленно же стали готовиться к новому выходу в море.

There were other West Indian settlements demanding the visit of inspection of the new Governor-General, and Lord Willoughby was in haste to sail for the Antilles. Новый генерал-губернатор лорд Уиллогби хотел поскорее побывать в нескольких вест-индских колониях, чтобы посмотреть, как они управляются.

"And meanwhile," he complained to his Admiral, "I am detained here by the absence of this fool of a Deputy-Governor." - А между тем, - жаловался он адмиралу, - я должен задерживаться здесь из-за этого болвана губернатора!

"So?" said van der Kuulen. - Да? - сказал ван дер Кэйлен.

"But why should dad dedam you?" - Но почему этот болван должен вас задерживать?

"That I may break the dog as he deserves, and appoint his successor in some man gifted with a sense of where his duty lies, and with the ability to perform it." - Потому что я хочу наказать эту собаку и назначить на его место человека, не только понимающего свои обязанности, но и способного их выполнять.

"Aha! - Ага!

But id is not necessary you remain for dat. Но зачем вам себя задерживать, когда француз мошет нападать на плохо захишонньш Барбадос? Ви имейт такой шеловек.

And he vill require no insdrucshons, dis one. Для этоко шеловека не надо особой инструкций.

He vill know how to make Port Royal safe, bedder nor you or me." Лутше, шем мы с вами, он знайт, как защищать Порт-Ройял.

"You mean Blood?" - Вы имеете в виду Блада?

"Of gourse. - Ну да.

Could any man be bedder? Кто ше мошет лутше еко подкодить для эта долшность?

You haf seen vhad he can do." Ви ше видели, што он за шеловек.

"You think so, too, eh? - Вы тоже так думаете, а?

Egad! Черт побери!

I had thought of it; and, rip me, why not? В самом деле, почему нет?

He's a better man than Morgan, and Morgan was made Governor." Он, дьявол меня разрази, лучше Моргана, а ведь Морган в свое время был назначен губернатором.

Blood was sent for. Послали за Бладом.

He came, spruce and debonair once more, having exploited the resources of Port Royal so to render himself. Он явился, нарядный и жизнерадостный, так как воспользовался пребыванием в Порт-Ройяле, чтобы привести себя в порядок.

He was a trifle dazzled by the honour proposed to him, when Lord Willoughby made it known. Когда лорд Уиллогби сообщил ему о своем предложении, Блад был ошеломлен.

It was so far beyond anything that he had dreamed, and he was assailed by doubts of his capacity to undertake so onerous a charge. Ни о чем подобном он никогда даже и не мечтал, и его сразу же начали обуревать сомнения в своей способности справиться

с таким ответственным постом.

"Damme!" snapped Willoughby, - Что это еще за новости? - вспыхнул Уиллогби.

"Should I offer it unless I were satisfied of your capacity? - Разве я мог бы предложить вам этот пост, если бы сомневался, что вы справитесь с ним?

If that's your only objection..." Если это ваше единственное возражение...

"It is not, my lord. - Нет, милорд, есть и другие причины.

I had counted upon going home, so I had. Я мечтал поехать домой.

I am hungry for the green lanes of England." He sighed. "There will be apple-blossoms in the orchards of Somerset." Я соскучился по зеленым улочкам Англии... - он вздохнул, - и по яблоням в цвету в садах Сомерсета.

"Apple-blossoms!" - "Яблони в цвету"!

His lordship's voice shot up like a rocket, and cracked on the word. - Его светлость повысил голос, с явной насмешкой повторяя эти слова.

"What the devil...? - Что за дьявольщина...

Apple-blossoms!" "Яблони в цвету"!

He looked at van der Kuylen. - Он взглянул на ван дер Кэйлена.

The Admiral raised his brows and pursed his heavy lips. Адмирал приподнял брови и провел языком по толстым губам.

His eyes twinkled humourously in his great face. По его лицу промелькнула добродушная усмешка.

"So!" he said. "Fery boedical!" - Да, - сказал он, - это ошень поэтишно!

My lord wheeled fiercely upon Captain Blood. Милорд повернулся к капитану Бладу.

"You've a past score to wipe out, my man!" he admonished him. - Вам еще надо искупить прошлое пиратство, мой друг, - с улыбкой заметил он.

"You've done something towards it, I confess; and you've shown your quality in doing it. - Кое-что в этом направлении вы уже сделали, проявив немалые свои способности.

That's why I offer you the governorship of Jamaica in His Majesty's name - because I account you the fittest man for the office that I have seen." Вот поэтому-то от имени его величества короля Англии я и предлагаю вам пост губернатора Ямайки. Из всех людей, какие мне известны, я считаю вас наиболее подходящим человеком.

Blood bowed low. Блад низко поклонился:

"Your lordship is very good. - Ваша светлость очень добры.

But..." Но...

"Tchah! There's no 'but' to it. - Никаких "но"!

If you want your past forgotten, and your future assured, this is your chance.

Хотите, чтобы ваше прошлое было забыто, а будущее обеспечено?

And you are not to treat it lightly on account of apple-blossoms or any other damned sentimental nonsense. Вам представляется для этого блестящая возможность. И не относитесь к моему предложению легкомысленно из-за каких-то яблонь в цвету и прочей сентиментальной дребедени.

Your duty lies here, at least for as long as the war lasts. Ваш долг - остаться здесь хотя бы до окончания войны.

When the war's over, you may get back to Somerset and cider or your native Ireland and its potheen; but until then you'll make the best of Jamaica and rum." А потом вы сможете вернуться в Сомерсет к сидру или в родную вам Ирландию к потину[73]. Пока же примиритесь на Ямайке с ее ромом.

Van der Kuylen exploded into laughter. Ван дер Кэйлен громко рассмеялся.

But from Blood the pleasantry elicited no smile. Но Блад даже не улыбнулся.

He remained solemn to the point of glumness. His thoughts were on Miss Bishop, who was somewhere here in this very house in which they stood, but whom he had not seen since his arrival. Его лицо было спокойно и почти мрачно, потому что он думал сейчас об Арабелле Бишоп. Она была где-то здесь, в этом самом доме, но после его прибытия в Порт-Ройял они еще не виделись.

Had she but shown him some compassion... Если бы только она проявила к нему хоть немного сострадания...

And then the rasping voice of Willoughby cut in again, upbraiding him for his hesitation, pointing out to him his incredible stupidity in trifling with such a golden opportunity as this. Его думы были прерваны лордом Уиллогби, который высоким, пронзительным голосом продолжал бранить его за колебания и несерьезное отношение к открывшейся перед ним замечательной перспективе.

He stiffened and bowed. Блад, опомнившись, поклонился лорду Уиллогби:

"My lord, you are in the right. - Вы правы, милорд.

I am a fool. But don't be accounting me an ingrate as well. Пожалуйста, не считайте меня неблагодарным.

If I have hesitated, it is because there are considerations with which I will not trouble your lordship." Если я и колебался, то только потому, что у меня были другие соображения, которыми я не хочу беспокоить вашу светлость.

"Apple-blossoms, I suppose?" sniffed his lordship. - Наверно, опять что-нибудь вроде яблонь в цвету? - презрительно фыркнул его светлость.

This time Blood laughed, but there was still a lingering wistfulness in his eyes. На этот раз Блад засмеялся, но в его глазах все еще таилась грусть.

"It shall be as you wish - and very gratefully, let me assure your lordship. - Я с благодарностью принимаю ваше предложение, милорд, - сказал Блад.

I shall know how to earn His Majesty's approbation. - Я постараюсь оправдать ваше доверие и заслужить благодарность его величества.

You may depend upon my loyal service. Можете положиться на меня - я буду служить честно.

"If I didn't, I shouldn't offer you this governorship." - О, господи, да если бы у меня не было в этом уверенности, разве я предложил бы вам пост губернатора!

Thus it was settled. Так был разрешен этот вопрос.

Blood's commission was made out and sealed in the presence of Mallard, the Commandant, and the other officers of the garrison, who looked on in round-eyed astonishment, but kept their thoughts to themselves. В присутствии коменданта форта Мэллэрда и других офицеров гарнизона лорд Уиллогби выписал Бладу документ о назначении его на пост губернатора и приложил к нему свою печать. Мэллэрд и его офицеры наблюдали за всей этой операцией, выпучив от изумления глаза, но свои мысли держали при себе.

"Now we can about our business go," said van der Kuulen. - Ну, теперь мы можем заняться нашим делом, - сказал ван дер Кэйлен.

"We sail to-morrow morning," his lordship announced. - Мы отплываем завтра, - объявил его светлость.

Blood was startled. Блад очень удивился.

"And Colonel Bishop?" he asked. - А полковник Бишоп? - спросил он.

"He becomes your affair. You are now the Governor. - Теперь вы - губернатор, и это уже дело ваше.

You will deal with him as you think proper on his return. Когда он вернется, вы можете поступить с ним по своему усмотрению.

Hang him from his own yardarm. Можете вздернуть этого болвана на рее его собственного корабля.

He deserves it." Он вполне заслуживает этого.

"Isn't the task a trifle invidious?" wondered Blood. - Задача не очень приятная, милорд, - заметил Блад.

"Very well. - Конечно.

I'll leave a letter for him. И вдобавок я оставляю еще для него письмо.

I hope he'll like it." Надеюсь, оно ему понравится!

Captain Blood took up his duties at once. Капитан Блад немедленно приступил к исполнению своих новых обязанностей.

There was much to be done to place Port Royal in a proper state of defence, after what had happened there. He made an inspection of the ruined fort, and issued instructions for the work upon it, which was to be started immediately. Next he ordered the careening of the three French vessels that they might be rendered seaworthy once more. Прежде всего следовало привести Порт-Ройял в состояние обороноспособности: восстановить разрушенный форт, отремонтировать трофейные французские корабли, которые уже были вытасканы на берег.

Finally, with the sanction of Lord Willoughby, he marshalled his buccaneers and surrendered to them one fifth of the captured treasure, leaving it to their choice thereafter either to depart or to enrol themselves in the service of King William, Сделав эти распоряжения, Блад собрал своих корсаров и с разрешения лорда Уиллогби

передал им одну пятую часть захваченных ценностей. Он предложил недавним своим соратникам выбор: либо уехать с Ямайки, либо поступить на службу к королю Вильгельму.

A score of them elected to remain, and amongst these were Jeremy Pitt, Ogle, and Dyke, whose outlawry, like Blood's, had come to an end with the downfall of King James. Человек двадцать из них решили последовать его примеру. Среди них были Джереми Питт, Огл и Дайк, для которых, так же как и для Блада, ссылка окончилась после свержения с престола короля Якова.

They were - saving old Wolverstone, who had been left behind at Cartagena - the only survivors of that band of rebels-convict who had left Barbados over three years ago in the Cinco Llagas. Только они да еще старый Волверстон, оставшийся в Картахене, и уцелели из той группы осужденных повстанцев, что бежали с Барбадоса на "Синко Льягас".

On the following morning, whilst van der Kuylen's fleet was making finally ready for sea, Blood sat in the spacious whitewashed room that was the Governor's office, when Major Mallard brought him word that Bishop's homing squadron was in sight. На следующий день утром, когда эскадра ван дер Кэйлена заканчивала последние приготовления к выходу в море, в просторный кабинет губернатора, где сидел Блад, явился майор Мэллэрд с докладом о том, что на горизонте показалась эскадра полковника Бишоп.

"That is very well," said Blood. - Очень хорошо, - сказал Блад.

"I am glad he comes before Lord Willoughby's departure. - Я рад, что Бишоп возвращается еще до отъезда лорда Уиллогби.

The orders, Major, are that you place him under arrest the moment he steps ashore. Then bring him here to me. A moment." He wrote a hurried note. Майор Мэллэрд, как только полковник спустится на берег, арестуйте его и доставьте ко мне сюда... Подождите, - сказал он майору и поспешно написал записку.

"That to Lord Willoughby aboard Admiral van der Kuylen's flagship." - Немедленно передайте это лорду Уиллогби.

Major Mallard saluted and departed. Майор Мэллэрд отдал честь и ушел.

Peter Blood sat back in his chair and stared at the ceiling, frowning. Питер Блад, нахмурившись, глядел в потолок, размышляя о странных превратностях судьбы.

Time moved on. Came a tap at the door, and an elderly negro slave presented himself. Would his excellency receive Miss Bishop? Его размышления прервал осторожный стук в дверь, и в кабинет вошел пожилой слуга-негр с покорнейшей просьбой к его высокопревосходительству принять мисс Бишоп.

His excellency changed colour. Его высокопревосходительство изменился в лице.

He sat quite still, staring at the negro a moment, conscious that his pulses were drumming in a manner wholly unusual to them. Then quietly he assented. Сердце его тревожно забило и замерло. Он сидел неподвижно, уставившись на негра и чувствуя, что голос у него отнялся, что он не может произнести ни слова, и ему пришлось ограничиться кивком головы в знак согласия принять посетительницу.

He rose when she entered, and if he was not as pale as she was, it was because his tan dissembled it. Когда Арабелла Бишоп вошла, Блад встал, и если он не был бледен так же, как она, то потому только, что эту бледность скрывал загар.

For a moment there was silence between them, as they stood looking each at the other. Какое-то мгновение они молча смотрели друг на друга.

Then she moved forward, and began at last to speak, haltingly, in an unsteady voice, amazing in one usually so calm and deliberate. Затем она пошла ему навстречу и, запинаясь, что было удивительно для такой сдержанной девушки, сказала срывающимся голосом:

"I... I... Major Mallard has just told me..." - Я... я... майор Мэллэрд сообщил мне...

"Major Mallard exceeded his duty," said Blood, and because of the effort he made to steady his voice it sounded harsh and unduly loud. - Майор Мэллэрд превысил свои обязанности, - прервал ее Блад. Он хотел сказать это спокойно, но именно поэтому его голос прозвучал хрипло и неестественно громко.

He saw her start, and stop, and instantly made amends. "You alarm yourself without reason, Miss Bishop. Заметив, как она вздрогнула, он сразу же решил успокоить ее: - Вы напрасно тревожитесь, мисс Бишоп.

Whatever may lie between me and your uncle, you may be sure that I shall not follow the example he has set me. Каковы бы ни были мои отношения с вашим дядей, я не последую его примеру.

I shall not abuse my position to prosecute a private vengeance. Я не стану пользоваться своей властью и сводить с ним личные счета.

On the contrary, I shall abuse it to protect him. Наоборот, мне придется злоупотребить своей властью, чтобы защитить его.

Lord Willoughby's recommendation to me is that I shall treat him without mercy. Лорд Уиллогби требовал отнестись к вашему дяде без всякого снисхождения.

My own intention is to send him back to his plantation in Barbados." Я же собираюсь отослать его обратно на его плантации в Барбадос.

She came slowly forward now. Арабелла прижала руки к груди.

"I... I am glad that you will do that. - Я... я... рада, что вы так поступите.

Glad, above all, for your own sake." Рада прежде всего за вас... -

She held out her hand to him. И, сделав к нему шаг, она протянула ему руку.

He considered it critically. Он недоверчиво взглянул на нее.

Then he bowed over it. "I'll not presume to take it in the hand of a thief and a pirate," said he bitterly. - Мне, вору и пирату, не полагается касаться вашей руки, - сказал он с горечью.

"You are no longer that," she said, and strove to smile. - Но вы уже ни тот и ни другой, - ответила Арабелла, пытаюсь улыбнуться.

"Yet I owe no thanks to you that I am not," he answered. - Да, но, к сожалению, не вас я должен за это благодарить.

"I think there's no more to be said, unless it be to add the assurance that Lord Julian Wade has also nothing to apprehend from me. И на эту тему нам, пожалуй, больше говорить не стоит. Могу еще заверить вас, что лорду Джулиану Уэйду меня

бояться нечего.

That, no doubt, will be the assurance that your peace of mind requires?" Такая гарантия, полагаю, нужна для вашего спокойствия.

"For your own sake - yes. - Ради вас - да.

But for your own sake only. Но только ради вас самого.

I would not have you do anything mean or dishonouring." Я не хочу, чтобы вы поступали низко или бесчестно.

"Thief and pirate though I be?" - Хотя я - вор и пират? - вырвалось у него.

She clenched her hand, and made a little gesture of despair and impatience. В отчаянии она всплеснула руками:

"Will you never forgive me those words?" - Неужели вы никогда не простите мне этого?

"I'm finding it a trifle hard, I confess. - Должен признаться, мне нелегко это сделать.

But what does it matter, when all is said?" Но после всего сказанного какое это имеет значение?

Her clear hazel eyes considered him a moment wistfully. Then she put out her hand again. На мгновение задумавшись, она посмотрела на него своими чистыми карими глазами, а затем снова протянула ему руку:

"I am going, Captain Blood. - Я уезжаю, капитан Блад.

Since you are so generous to my uncle, I shall be returning to Barbados with him. Поскольку вы так добры к моему дяде, я возвращаюсь вместе с ним на Барбадос.

We are not like to meet again - ever. Вряд ли мы с вами когда-нибудь встретимся.

Is it impossible that we should part friends? Может быть, мы расстанемся добрыми друзьями?

Once I wronged you, I know. And I have said that I am sorry. Я еще раз прошу извинить меня.

Won't you... won't you say 'good-bye'?" Может быть... может быть, вы попрощаетесь со мной?

He seemed to rouse himself, to shake off a mantle of deliberate harshness. He took the hand she proffered. Retaining it, he spoke, his eyes sombrely, wistfully considering her. Он заставил себя говорить мягче, взял протянутую Арабеллой руку и, удерживая ее в своей руке, заговорил, угрюмо, с тоской глядя на Арабеллу.

"You are returning to Barbados?" he said slowly. "Will Lord Julian be going with you?" - Вы возвращаетесь на Барбадос, и лорд Джулиан едет с вами? - медленно спросил он.

"Why do you ask me that?" she confronted him quite fearlessly. - Почему вы спрашиваете меня об этом? - И она бесстрашно подняла на него глаза.

"Sure, now, didn't he give you my message, or did he bungle it?" - Позвольте, разве

он не выполнил моего поручения? Или он что-нибудь напутал?

"No. He didn't bungle it. He gave it me in your own words. - Нет, он ничего не напутал и передал мне все, как вы сказали.

It touched me very deeply. Меня очень тронули ваши слова.

It made me see clearly my error and my injustice. I owe it to you that I should say this by way of amend. Они заставили меня понять и мою ошибку и мою несправедливость к вам.

I judged too harshly where it was a presumption to judge at all." Я судила вас слишком строго, хотя вообще-то и судить было не за что.

He was still holding her hand. "And Lord Julian, then?" he asked, his eyes watching her, bright as sapphires in that copper-coloured face. - А как же тогда лорд Джулиан? - спросил он, продолжая удерживать ее руку в своей и глядя на Арабеллу глазами, горевшими, как сапфиры, на его лице цвета меди.

"Lord Julian will no doubt be going home to England. - Вероятно, лорд Джулиан вернется в Англию.

There is nothing more for him to do out here." Здесь ему делать нечего.

"But didn't he ask you to go with him?" - Разве он не просил вас поехать с ним?

"He did. I forgive you the impertinence." - Да, просил, и я прощаю вам такой неуместный вопрос.

A wild hope leapt to life within him. В нем внезапно пробудилась безумная надежда:

"And you? - А вы?

Glory be, ye'll not be telling me ye refused to become my lady, when..." О, благодарение небу! Вы хотите сказать... вы отказались... Да? Отказались, чтобы... стать моей женой, когда...

"Oh! - О!

You are insufferable!" Вы невыносимы!

She tore her hand free and backed away from him. - Она вырвала руку и отпрянула от него.

"I should not have come. Good-bye!" - Мне не следовало приходить... Прощайте!

She was speeding to the door. He sprang after her, and caught her. Арабелла быстро пошла к двери, но Блад догнал ее и схватил за руку.

Her face flamed, and her eyes stabbed him like daggers. Лицо девушки залилось румянцем, и она горестно посмотрела на него:

"These are pirate's ways, I think! - Вы ведете себя по-пиратски.

Release me!" Отпустите меня!

"Arabella!" he cried on a note of pleading. - Арабелла! - умоляюще воскликнул он.

"Are ye meaning it? - Что вы говорите?

Must I release ye? Разве я могу отпустить вас?

Must I let ye go and never set eyes on ye again? Разве я могу позволить вам уехать и никогда больше не видеть вас?

Or will ye stay and make this exile endurable until we can go home together? Может быть, вы останетесь и поможете мне перенести эту недолгую ссылку, а потом мы уедем вместе?..

Och, ye're crying now! O, вы плачете? Почему?

What have I said to make ye cry, my dear?" Что же я сказал такое, чтобы заставить тебя расплакаться, родная?

"I... I thought you'd never say it," she mocked him through her tears. - Я думала, что ты мне никогда этого не скажешь,- произнесла Арабелла, улыбаясь сквозь слезы.

"Well, now, ye see there was Lord Julian, a fine figure of a..." - Да, но ведь здесь был лорд Джулиан, красивый, знатный...

"There was never, never anybody but you, Peter." - Для меня всегда был только ты один, Питер...

They had, of course, a deal to say thereafter, so much, indeed, that they sat down to say it, whilst time sped on, and Governor Blood forgot the duties of his office. Им многое нужно было сказать друг другу. Так много, что губернатор Блад позабыл о всех своих обязанностях.

He had reached home at last. Наконец он добрался до конца своего пути.

His odyssey was ended. Его одиссея кончилась.

And meanwhile Colonel Bishop's fleet had come to anchor, and the Colonel had landed on the mole, a disgruntled man to be disgruntled further yet. А тем временем эскадра полковника Бишопа бросила якорь на рейде. Расстроенный полковник Бишоп сошел на мол, где ему предстояло расстроиться еще больше.

He was accompanied ashore by Lord Julian Wade. Его сопровождал лорд Джулиан Уэйд.

A corporal's guard was drawn up to receive him, and in advance of this stood Major Mallard and two others who were unknown to the Deputy-Governor: one slight and elegant, the other big and brawny. Для встречи Бишопа был выстроен отряд морской полиции. Перед отрядом стояли майор Мэллэрд и еще два человека, незнакомых губернатору: один - маленький, пожилой, в темно-красном атласном камзоле, а другой - большой, дородный, в камзоле военно-морского покроя.

Major Mallard advanced. Майор Мэллэрд подошел к Бишопу.

"Colonel Bishop, I have orders to arrest you. - Полковник Бишоп! - сказал он. - Я имею приказ о вашем аресте.

Your sword, sir!" Вашу шпагу, сэр! Бишоп побагровел и уставился на него: - Что за дьявольщина... Вы говорите -арестовать... Арестовать меня?

"By order of the Governor of Jamaica," said the elegant little man behind Major Mallard. - По приказу губернатора Ямайки, - сказал элегантно одетый маленький человечек, стоявший позади Мэллэрда.

Bishop swung to him. Бишоп быстро повернулся к нему:

"The Governor? - Губернатора?"

Ye're mad!" Вы с ума сошли!

He looked from one to the other. - Он взглянул сначала на одного незнакомца, а затем на другого.

"I am the Governor." - Но губернатор-то - я!

"You were," said the little man dryly. "But we've changed that in your absence. - Вы были им, - сухо сказал маленький человечек, - но в ваше отсутствие многое изменилось.

You're broke for abandoning your post without due cause, and thereby imperiling the settlement over which you had charge. Вы сняты за то, что покинули свой пост без уважительной причины и тем подвергли опасности колонию, за которую несли ответственность.

It's a serious matter, Colonel Bishop, as you may find. Это серьезная провинность, полковник Бишоп, как вам придется убедиться.

Considering that you held your office from the Government of King James, it is even possible that a charge of treason might lie against you. Учитывая, что на этот пост вы были назначены правительством короля Якова, возможно, вам будет предъявлено обвинение в измене.

It rests with your successor entirely whether ye're hanged or not." Ваш преемник сам решит вопрос - повесить вас или нет.

Bishop rapped out an oath, and then, shaken by a sudden fear: Бишоп, у которого почти замерло дыхание, выругался, а затем, дрожа от страха, спросил:

"Who the devil may you be?" he asked. - А кто вы такие, черт побери?

"I am Lord Willoughby, Governor General of His Majesty's colonies in the West Indies. - Я - лорд Уиллогби, генерал-губернатор колоний его величества короля Англии в Вест-Индии.

You were informed, I think, of my coming." Мне кажется, вы должны были получить уведомление о моем прибытии.

The remains of Bishop's anger fell from him like a cloak. He broke into a sweat of fear. У Бишопа мгновенно испарились последние остатки его гнева.

Behind him Lord Julian looked on, his handsome face suddenly white and drawn. Холеное лицо стоявшего позади него лорда Джулиана побелело и вытянулось.

"But, my lord..." began the Colonel. - Но, милорд... - начал было полковник.

"Sir, I am not concerned to hear your reasons," his lordship interrupted him harshly. - Меня не интересуют ваши объяснения, сэ! - резко прервал его Уиллогби.

"I am on the point of sailing and I have not the time. - Я отплываю, и у меня нет времени вами заниматься.

The Governor will hear you, and no doubt deal justly by you." Губернатор выслушает вас и, несомненно, воздаст вам по справедливости.

He waved to Major Mallard, and Bishop, a crumpled, broken man, allowed himself to be led away. - Он махнул рукой майору Мэллэрду, и охрана повела съездившегося, совершенно разбитого полковника Бишопа.

To Lord Julian, who went with him, since none deterred him, Bishop expressed himself when presently he had sufficiently recovered. Вместе с ним пошел лорд Джулиан, которого никто не задерживал. Несколько придя в себя, Бишоп обрел наконец способность говорить.

"This is one more item to the account of that scoundrel Blood," he said, through his teeth. - Это еще одно добавление к моему счету с этим мерзавцем Бладом! - процедил он сквозь зубы.

"My God, what a reckoning there will be when we meet!" - Ох, как я разделяюсь с ним, когда мы встретимся!

Major Mallard turned away his face that he might conceal his smile, and without further words led him a prisoner to the Governor's house, the house that so long had been Colonel Bishop's own residence. Майор Мэллэрд отвернулся в сторону, чтобы скрыть улыбку. Молча он отвел арестованного в губернаторский дом, который так долго был резиденцией полковника Бишопа.

He was left to wait under guard in the hall, whilst Major Mallard went ahead to announce him. Оставив полковника под охраной в вестибюле, майор доложил губернатору, что арестованный доставлен.

Miss Bishop was still with Peter Blood when Major Mallard entered. Мисс Бишоп все еще была у Питера Блада, когда вошел Мэллэрд.

His announcement startled them back to realities. Его сообщение вернуло их к действительности.

"You will be merciful with him. - Ты пощадишь его, Питер?

You will spare him all you can for my sake, Peter," she pleaded. Ради меня! - умоляюще сказала она и вспыхнула, увидев выпученные от удивления глаза майора Мэллэрда.

"To be sure I will," said Blood. "But I'm afraid the circumstances won't." - Постараюсь, моя дорогая, - ответил Блад, весело взглянув на обалдевшего майора, - но боюсь, что обстоятельства не позволят мне этого.

She effaced herself, escaping into the garden, and Major Mallard fetched the Colonel. Смущенная Арабелла, сообразив, что при майоре иного ответа она и не могла услышать, убежала в сад, а майор Мэллэрд отправился за полковником.

"His excellency the Governor will see you now," said he, and threw wide the door. - Его высокопревосходительство губернатор сейчас примет вас, - объявил он и широко распахнул дверь.

Colonel Bishop staggered in, and stood waiting. Полковник Бишоп, шатаясь, вошел в кабинет и остановился в ожидании.

At the table sat a man of whom nothing was visible but the top of a carefully curled black head. За столом сидел незнакомый ему человек. Видна была только макушка тщательно завитого парика.

Then this head was raised, and a pair of blue eyes solemnly regarded the prisoner.

Потом губернатор Ямайки поднял голову, и его синие глаза сурово взглянули на арестованного.

Colonel Bishop made a noise in his throat, and, paralyzed by amazement, stared into the face of his excellency the Deputy-Governor of Jamaica, which was the face of the man he had been hunting in Tortuga to his present undoing. Полковник Бишоп издал горлом нечленораздельный звук и, остолбенев от изумления, уставился на его высокопревосходительство губернатора Ямайки, узнав в нем человека, за которым он так долго и безуспешно охотился.

The situation was best expressed to Lord Willoughby by van der Kuylen as the pair stepped aboard the Admiral's flagship. Эту сцену лучше всего охарактеризовал ван дер Кэйлен в разговоре с лордом Уиллогби, когда они ступили на палубу флагманского корабля адмирала.

"Id is fery boedigal!" he said, his blue eyes twinkling. - Это ошень поэтишно, - сказал он, и в его голубых глазах промелькнул веселый огонек.

"Cabdain Blood is fond of boedry - you remember de abble-blossoms. - Капитан Б лад любит поэзию. В и помниль яблoк в цвету?"

So? Да?

Ha, ha!" Ха-ха!